

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

*Дом  
князя Гагарина*

*Сборник научных статей и публикаций*

*Выпуск 8*

Одесса • 2017

ББК 83.3(4Ук-4Оде-2Оде)Л6

Д 66

УДК 069.02:82(477.74-21)

Д 66 **Дім князя Гагаріна:** Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. — Вип. 8. — Одеса, 2017. — 480 с.: ілюстр.

ISBN

Українською та російською мовами

У збірнику представлені роботи з історії літературного життя Одеси: перші публікації рукописів українських та російських письменників XIX–XX ст., матеріали до біографій діячів культури, опис раритетних експонатів з фондів Одеського літературного музею.

Сборник содержит работы по истории литературной жизни Одессы: первые публикации рукописей украинских и русских писателей XIX–XX вв., материалы к биографиям деятелей культуры, описание раритетных экспонатов из фондов Одесского литературного музея.

*Книга издана при содействии  
Почетного гражданина Одессы и Одесской области  
С. Р. Гриневецкого*

Редакционная коллегия:

*Липтуга Татьяна Ивановна, директор ОЛМ*

*Семькина Галина Георгиевна, заведующая отделом  
научно-исследовательской и экспозиционной работы ОЛМ*

*Яворская Алена Леонидовна, заместитель директора ОЛМ  
по научной работе*

*Закинная Галина Владимировна, ведущий специалист ОЛМ*

Иллюстрации, кроме особо оговоренных, из фондов ОЛМ

ISBN

© Одеський літературний музей, 2017

*40-летию создания  
Одесского литературного музея*





*А дом князя Гагарина!  
Тот дом, в котором открыл  
свою деятельность одесский  
Литературно-художественный  
клуб!*

*А. М. Дерибас*





## Содержание

Т.И. Липтуга. Предисловие.....	8
<b>Статьи</b>	
О.М. Козаченко. Перші одеські видання про Тараса Шевченка.....	15
Н.Н. Рымарь. Юзеф Крашевский в Одессе и об Одессе.....	30
М.А. Кислова. Юбилейный выпуск газеты «Одесские новости».....	44
Г.В. Закинна. Професор та його Гретхен. <i>Сторінки з родинного життя професора М.Д. Сидоренка</i> .....	83
О.Л. Яворська. «Життя мені подарувало географічну точку...» <i>Дитячі роки Михайла Жука</i> .....	93
Е.М. Голубовский. Рыцарь зауми.....	106
К.С. Хоменко. Повернений із забуття. <i>Одеські сторінки біографії І. Маловічка</i> .....	122
М.П. Одесский. От «Великого комбинатора» к «Золотому теленку».....	142
В.В. Левченко, Г.С. Левченко, М.И. Пиль. Рецепции литературной репутации Сергея Есенина на страницах периодических изданий Одессы в 1920-х – первой половине 1940-х годов.....	161
О.К. Куценко. Страницы истории Одесской Пушкинской научной комиссии. <i>По материалам архива З.А. Бориневич-Бабайцевой</i> .....	180
А.И. Ильф . Евгений Петров. Письма. 1911-1942.....	198
А.Л. Яворская. Письма Евгения Петрова в фондах ОЛМ.....	282
Софи Бинеш. Бабель во Франции и на французском языке.....	303
Е.И. Ергеева. «Напрасно стать земной хотела, – Мне надо подвиг свой нести». <i>Мать Мария в воспоминаниях К.В. Мочульского</i> .....	312
Т.Г. Рыбникова. Письма с фронта. <i>По материалам выставки «Письма с фронта»</i> .....	330
Л. Мельниченко. «Дневники Екатерины Гажий».....	342
Т.Г. Заярна. «Найбільша мужність – терпіння...» <i>Щоденники Б.А. Нечерди 1988-1989 рр.</i> .....	435
В.В. Водяная. Первая прогулка по музею. <i>Опыт общения с дошкольными группами в пространстве музея</i> .....	451
<b>Публикации</b>	
Страницы юбилейного выпуска газеты «Одесские новости», 1909 г. ....	54
Богдан Комаров. Спогади.....	86
Михайло Жук. Спогади.....	99
Турнир поетов.....	108
Іван Маловічко. Вірші.....	135
Евгений Петров. Письма. 1911-1942.....	200
Константин Мочульский. Мать Мария Скобцова. <i>Воспоминания Константина Мочульского</i> ... ..	314
Израиль Перлов. Письма Суламифи Вулия.....	336
Екатерина Гажий. «Жизнь в плену». <i>Дневники 1941-1944 гг.</i> .....	346
Борис Нечерда. Щоденник. 1988-89 (фрагменти).....	437
Коротко об авторах.....	456
Издания Одесского литературного музея и при участии музея.....	458
Именной указатель.....	464



*В* 1977-м году на карте нашего города появилась новая достопримечательность – Одесский литературный музей.

Расположившись в старинном особняке князя Гагарина, современный музей быстро завоевал популярность как у одесситов, так и у всех, кто хоть раз побывал в нашем городе. Сегодня это один из крупнейших литературных музеев мира, любимое место одесситов, неформальный культурный центр, своеобразный одесский Гайд-парк.

И вот в 2017 году музей отмечает своё сорокалетие. Безусловно эта дата будет отмечена различными подарками от друзей и единомышленников.

Хочу, чтобы одним из таких подарков стал увидевший свет при моей поддержке новый, восьмой выпуск научного сборника «Дом князя Гагарина», как всегда объединивший в себе интереснейшие новые исследования, статьи, впервые опубликованные документы и архивные материалы.

Сергей Гриневецкий

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Новый восьмой выпуск научного сборника «Дом князя Гагарина» хотя и не юбилейный, но посвящен круглой дате. 15 июля 2017 г. исполняется сорок лет со дня выхода правительственного постановления о создании в Одессе Литературного музея.

Своим появлением музей обязан многим людям. Писатели, ученые, журналисты, деятели культуры, книголюбы, экскурсоводы и краеведы несколько десятилетий добивались того, чтобы литературная слава Одессы материализовалась в музейной экспозиции.

С момента выхода постановления до окончательного открытия музея для посетителей прошло семь лет напряженного, интенсивного, невероятно творческого и даже страстного труда строителей, научных сотрудников, художников, чиновников разных уровней.

Все они были объединены общей не просто целью, а Мечтой – создать в Одессе неповторимый, единственный в своем роде музей, такой же, как и город, которому он посвящен.

Основатель музея и его первый директор Никита Алексеевич Брыгин при поддержке руководителей области изначально взял высокую планку: под музей было выделено одно из красивейших дворцовых зданий Одессы в самом ее сердце – рядом с Приморским бульваром, был сразу утвержден самый большой среди одесских музеев штат, на создание Одесского литературного музея был выделен один миллион рублей.

Эстафету через два года приняла Мария Савельевна Давыдова, заместитель директора по научной работе, которая в течение четырех лет фактически руководила музеем в отсутствие директора. Опытный музейщик, она учила молодой научный коллектив азам музейного дела, направляя в нужное русло стремительные инициативы талантливых и подчас дерзких сотрудников.

Подвергаясь идеологическому давлению партийных органов, она мудро обходила острые углы, не давая выхолостить принципиально важные экспозиционные темы, находя баланс между требованиями идеологов-начальников, цензурой и максимализмом музейной молодежи.

М. Давыдова нашла лучшего в Украине музейного дизайнера Анатолия Гайдамаку для создания художественного проекта основной экспозиции. Став Главным художником проекта музея вместе со своими соавторами Дмитрием Вербкиным, Анатолием Хивренко, Аркадием Бориным и Александром Лейкиным, Гайдамака создал уникальную экспозицию, которая и по сей день не оставляет никого равнодушным.

Открылся Одесский литературный музей 15 июля 1984 г. уже с новым директором – писателем Аркадием Алексеевичем Гольшевым. Этому предшествовал труднейший год монтажа экспозиции в двадцати четырех залах, когда сто





художников-оформителей и весь научный коллектив в прямом смысле слова круглосуточно (посменно) творили, создавая музейное пространство.

Новый музей вызвал бурю эмоций: от восторженных до крайне негативных. Отрицательных было немного, исходили они в основном от музейщиков-консерваторов. А экспозиция музея и по сей день вызывает искренний интерес и восхищенные отзывы у самых разных категорий посетителей. Одесский литературный музей стал и продолжает оставаться одним из крупнейших литературных музеев мира.

За сорок лет деятельности Одесского литературного музея его коллекция, начавшаяся буквально с нуля, составила более восьмидесяти тысяч экспонатов. Музей прирос четырьмя филиалами в городе и области: мемориальными музеями А.С. Пушкина, К.Г. Паустовского, С.И. Олейника и Х. Ботева. Расширились экспозиционные площади основного музея: появилась уникальная экспозиция под открытым небом «Сад скульптур».

Все направления работы ОЛМ на протяжении четырех десятилетий имели под собой серьезную научную основу.

Это относится и к издательской деятельности, которую музей активно ведет с начала 1990-х годов. Накопив значительный научный багаж, музей стал публиковать ранее не издававшиеся материалы из своих фондов с научными комментариями и сопровождающими статьями, переиздавать уникальные малотиражные произведения начала XX века, выпавшие из поля зрения исследователей, давая им вторую жизнь и возвращая их читателю. Среди изданий, подготовленных музеем – отдельные книги, сборники, каталоги, календари. Сегодня насчитывается восемьдесят шесть изданий разного рода, вызывающих значительный интерес как у исследователей разных стран, интересующихся феноменом литературной Одессы, так и у широкого читателя.

В 1997 г. к двадцатилетию ОЛМ начался новый проект – периодическое издание сборника научных статей и публикаций «Дом князя Гагарина».

За двадцать лет вышло восемь выпусков сборника, два из которых – двухтомники. Отдельные публикации в сборниках стали подлинными открытиями в истории литературы.

Эклектика тематическая и стилевая присуща сборнику так же, как и экспозиции ОЛМ, и интерьерам здания, в котором музей расположен, и самой Одессе. Вместе с тем все это многообразие органично переплетается и создает единую картину культурной и литературной истории города.

Представляем на суд читателя восьмой выпуск «Дома князя Гагарина».

Открывает сборник статья молодого сотрудника музея Оксаны Козаченко «Перші одеські видання про Тараса Шевченка». Тема «Тарас Шевченко и Одесса» много лет разрабатывается музеем, собрана большая коллекция «Кобзарей», начиная с прижизненных, ежегодно устраиваются выставки музейной Шевченкианы. В своей статье автор продолжает исследование темы «Роль Одессы



в изучении творческого наследия Шевченко и его популяризации» на примере жизни и творчества известного украинского поэта, историка, педагога, общественного деятеля А.А. Андриевского и по материалам его книг из фондов ОЛМ. В статье рассматривается изучение творчества Шевченко в зарубежной научной литературе и переводы произведений украинского классика на иностранные языки в конце XIX в.

25-летнему юбилею знаменитой газеты «Одесские новости» (1909) посвящена публикация Марии Кисловой. В «Одесских новостях» начинали творческий путь многие одесские литераторы, среди которых были К. Чуковский и В. Жаботинский. В материалах юбилейного номера – воспоминания журналиста Н. Ашешова о встречах с А. Рубинштейном, И. Айвазовским, П. Чайковским, стихи постоянных сотрудников газеты И. Бунина, А. Биска, Л. Гроссмана, А. Федорова.

Значительный интерес вызывает статья ведущего научного сотрудника музея Галины Закипной «Професор та його Гретхен». Многие годы Г. Закипная посвятила изучению одесской украинистики, во многом благодаря ей музей владеет серьезной книжной коллекцией «Шевченкианы», глубоко разработана и представлена в экспозиции и фондах музея тема, посвященная деятельности украинского культурного и литературного гнезда Одессы – дома Комаровых.

Статья и публикация рассказывают о крупном украинском культурном деятеле эпохи Михаиле Федоровиче Комарове, его дочери Маргарите, которую великая поэтесса Леся Украинка, сравнивая с героиней трагедии Гёте, называла Гретхен. Из публикуемых воспоминаний сына М. Комарова, также известного общественного и культурного деятеля Богдана Комарова, мы узнаем о дружбе этих двух необыкновенных женщин, о деятельности в Одессе кружка украинской молодежи «Молода громада». Приводятся интересные материалы из семейного архива Комаровых, воспоминания о муже «Гретхен» профессоре Новороссийского университета Михаиле Дмитриевиче Сидоренко.

Линию украинистики продолжает статья Алены Яворской, заместителя директора по научной работе, «Життя мені подарувало географічну точку» – о детских годах художника и писателя Михаила Жука.

Литературный архив М. Жука был собран и сохранен известным одесским краеведом и коллекционером С.З. Луциком, а в фонды музея попал благодаря меценатской поддержке С.Р. Гриневецкого. Одной из важных задач на протяжении уже многих лет А. Яворская считает введение литературных текстов Жука, известного нам больше как художника эпохи модерна, в научный оборот. Проза и мемуары М. Жука были опубликованы в первом, втором, шестом и седьмом выпусках «Дома князя Гагарина».

В данной публикации сравниваются два текста: воспоминания самого М. Жука и очерки его биографов. Тексты сопровождаются графическими работами художника, в том числе из фондов ОЛМ. Дается также подробное описание самой рукописи как экспоната, что на наш взгляд ценно для исследователей.



Большой интерес представляет статья известного одесского журналиста и культурного деятеля Евгения Голубовского «Рыцарь зауми», посвященная 130-летию юбилею поэта, художника, организатора футуристического движения начала XX века Алексея Крученых.

Е.М. Голубовский продолжает традицию репринтного воспроизведения в нашем сборнике малотиражных изданий публикацией уникального рукописного издания «Турнир поэтов второй. На правах рукописи. 1932 г. Тираж 100 экз.». Ни одной книги в Одессе не сохранилось, поэтому можно смело сказать, что публикация дала ей второе рождение.

Давний друг музея, стоявший у истоков его создания, Евгений Михайлович не впервые возвращает забытые имена, произведения, книги в современную культурную среду, помогая тем самым сохранять все богатство литературной истории Одессы для будущих поколений.

Той же задаче посвящены публикация и статья молодого сотрудника музея Екатерины Хоменко «Повернений із забуття». Имя украинского писателя Ивана Маловичко вводится в культурный оборот в результате изучения документов, воспоминаний родных, семейных архивов. Интересно то, что часть материалов из своего семейного архива для публикации предоставил сотрудник ОЛМ, отдавший музею долгие годы, известный фотохудожник Георгий Исаев. Хочется отметить, что Е. Хоменко, как современный исследователь, ссылается также на интернет ресурсы, статьи в соцсетях о Маловичко. Текст статьи динамичен, эмоционален и представляет интерес для широкого читателя.

Среди материалов сборника в каждом выпуске читатель может встретить не только статьи сотрудников Одесского литературного музея, но и работы ученых и исследователей из разных городов и стран, которые поддерживают творческие связи с музеем. В восьмом выпуске сборника ряд таких статей.

Одна из них посвящена истории написания романа И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок» в контексте эпохи. Автор статьи М.П.Одесский (Трир, Германия) сравнивает две редакции первой части романа, которые писались и переписывались в разные годы, проводит анализ романа, отмечая зависимость текста от политической борьбы того времени и эзопов язык авторов, писавших веселые сатирические произведения в страшную эпоху сталинизма.

Тому же периоду в истории литературы посвящена статья трех авторов «Рецепция литературной репутации Сергея Есенина». Валерий Левченко, Галина Левченко и Майя Пиль изучают одесскую периодику 1920-х – первой половины 1940-х годов как основной канал популяризации поэтического творчества Сергея Есенина.

Имя С. Есенина впервые возникает в сборнике «Дом князя Гагарина». Тем более интересен сделанный авторами статьи анализ одесской прессы, показывающий эволюцию репутации поэта в зависимости от исторической, политической, культурной, идеологической и социальной ситуации в обществе, от общего интеллектуального уровня масс, их отношения к литературе вообще.



Статья сотрудника мемориального музея А.С.Пушкина (филиала ОЛМ) Ольги Куценко «Страницы истории Одесской Пушкинской научной комиссии» основывается на изучении архива З.А. Бориневич-Бабайцевой, возглавлявшей Пушкинскую комиссию в 1950-1972 гг.

Активными участниками комиссии были академик М. Алексеев, ученые Н. Лернер, Ю. Оксман, Г. Сербский, С. Боровой, А. Недзведский. Среди достижений Пушкинской комиссии – создание музея А.С. Пушкина в Одессе, изучение неизвестных ранее автографов А.С. Пушкина в фондах Государственного архива Одесской области, организация Пушкинских научных конференций.

Особое место в сборнике занимает посмертная публикация материалов дочери И.Ильфа, большого друга музея, Александры Ильиничны Ильф. Черновой вариант своей статьи «Евгений Петров. Письма. 1911-1942» Александра Ильинична прислала незадолго до смерти. К публикации в сборнике ее подготовила Алена Яворская. Дополняет публикацию А.И. Ильф статья А. Яворской, включающая письма из фондов ОЛМ, не вошедшие в статью А. И. Ильф и перечень писем Е.Петрова в фондах музея. Более 20 лет А.Яворская изучает и публикует материалы из архива Е. Петрова, переданные музеем внуком писателя в 1991 г.

Надо отметить, что в этих двух статьях восьмого выпуска сборника публикуется полный свод известных на сегодня писем Е.Петрова.

Живой интерес читателя вызовет статья французской переводчицы и издателя Софи Бинеш «Бабель во Франции и на французском языке». «Бабель впитал стиль и дух произведений Мопассана», – пишет автор, отмечая влияние Франции на творчество писателя. Как отмечает С. Бинеш, во Франции Бабеля сразу заметили, признали в нем великого писателя. Для Запада он был советским писателем, который писал свободным языком. Автор приводит список переводов книг Бабеля на французский.

И вновь Франция, с которой были связаны судьбы многих известных одесситов. Статья Екатерины Ергеевой – свидетельство преемственности научно-исследовательской деятельности сотрудников музея: от старшего поколения к младшему. Е. Ергеева продолжила работу одного из ведущих сотрудников, Анны Николаевны Полторацкой (1951-2013 гг.). Одна из создателей музея, стоявшая у его истоков, первая заведующая отделом зарубежной литературы, выходец из старой одесской семьи, А. Полторацкая много лет занималась изучением и публикацией архива отца. Н.А.Полторацкий значительную часть жизни провел во Франции, был связан дружескими и творческими отношениями с И.А. Буниным, Н.А. Бердяевым и другими известными представителями русской общины. Незадолго до своего безвременного ухода, Анна Николаевна начала работу над переводом воспоминаний Константина Мочульского, также одессита, эмигрировавшего в 1920 г. Духовная жизнь эмиграции, людей, потерявших Родину, но не человеческое достоинство – вот главная тема этих воспоминаний. Одним из главных героев является мать Мария (Е. Кузьмина-Караваява) –



апологет свободной православной церкви, основатель пансионата, где в годы фашистской оккупации Франции нашли прибежище не только православные, но и евреи. Воспоминания К. В. Мочульского были опубликованы во Франции в 1947 г. На русском же языке они публикуются впервые в нашем сборнике, спустя 70 лет. Литературный перевод с французского сделан Е. Ергеевой.

Тему борьбы с фашизмом, страданий и простых человеческих чувств во время Второй мировой войны поднимает Татьяна Рыбникова в своей статье «Письма с фронта» (по материалам выставки к 70-летию освобождения Одессы от фашистских захватчиков). Предмет изучения – письма Израила Перлова, адресованные с фронта жене Суламифи и дочери Лерочке в Ташкент. Именно благодаря Валерии Перловой пятьдесят пять писем ее отца попали в музей.

Анализируя тексты писем, Т. Рыбникова отмечает характерные для них канцеляриты, газетные штампы, то, что письма писались с учетом военной цензуры. Статью сопровождает публикация отдельных писем И. Перлова. «... вместе с тобой горжусь, что «Мы из Одессы» – такими словами из письма завершается статья.

Тему войны продолжает публикация Лилии Мельниченко, которая в очередной раз обращается к военным дневникам одесситов. В предыдущих выпусках сборника Л. Мельниченко опубликовала «Дневник Адриана Оржиховского» и «Дневник Дарьи Васильевны Мартыновой». Это дневники рядовых людей, по-разному относящимся к событиям, которые им было суждено пережить. Тем интереснее и важнее впечатления, мысли, выводы авторов дневников о войне, о годах оккупации Одессы, о ее освобождении. Для нас сегодня это бесценные свидетельства нашей истории во всех ее мельчайших подробностях.

Л. Мельниченко подготовила публикацию дневников Екатерины Гажий (1942-1944 гг.), учительницы, одесситки, пережившей оккупацию. Дневники в музей передал давний друг музея, краевед, коллекционер А. Дроздовский.

Дневники довольно объемные. Здесь все: события тех лет, стихи, тексты писем от родных, статьи из газет, размышления о войне.

Со страниц дневника перед нами встает картина ужаса, который испытали одесситы во время оккупации города. «В церквях моления, службы, в театре спектакли, а кругом ужас, голод, кошмар...». Автор дневников не только описывает события, но и анализирует психологию людей, попавших в экстремальную ситуацию, людей, испытывающих горе, страдания, унижения.

Дневник совершенно лишен какой-либо идеологичности. Все события, которые довелось пережить автору, рассматриваются с точки зрения рядового человека, на которого свалились тяжкие испытания: отсутствие вестей от ушедшего на фронт сына, бомбежки и обстрелы, голод, преследования евреев и их гибель, каждодневный страх. И все же автора дневника волнует не только собственная судьба: «Больно за родину, больно за родной город».

И еще один дневник в нашем сборнике. «Найбільша мужність – терпіння. Щоденники Б.А.Нечерди. 1988-1989» – этот материал подготовлен к публикации



Татьяной Заярной, одним из первых сотрудников музея, участвовавших в его создании. Т. Заярная уже много лет изучает творчество и биографию Бориса Нечерды, одного из ведущих украинских поэтов конца XX века, материалы архива Б. Нечерды были опубликованы в четвертом и пятом выпусках сборника.

Дневники Б. Нечерды после его смерти были сохранены сестрой поэта и дополнили фонды музея благодаря помощи одного из меценатов и друзей ОЛМ Героя Украины Владимира Станиславовича Филипчука.

Судьба поэта была трудна, в чем-то трагична. Непонимание философской сложности его стихов, предвзятость цензоров и писательского «начальства», нелады в семье. Именно в дневниках видна та боль души, которую испытывал поэт, особенно в последние годы жизни. «Де ж вихід, Господи?... Убити талант можна не лише тюрмою, кулею, а й приниженням, штучними нестатками, голодом і ... розпадом сім'ї».

Б. Нечерду волновала судьба современной украинской литературы. Он с болью пишет о ситуации в современной литературе, делами которой управляют «літературні генерали». Замечательны его слова о языке: «... відкриваю і дивуюся з багатства і всеможності рідної мови. Ой, не рабська вона, не солодке лише лемдяло, а інструмент загрозливий і добросердий».

Б. Нечерда во многом опередил свое время. Его творчество самобытное и национальное по духу одновременно было европейским по мировоззрению.

Завершает восьмой выпуск сборника статья молодого сотрудника Виктории Водяной «Первая прогулка по музею. Опыт общения с дошкольными группами в пространстве музея».

Одесский литературный музей много лет занимается музейной педагогикой. Это и создание «Зала сказки» для первого знакомства маленьких посетителей с музеем, народной и литературной сказкой; это и многолетняя деятельность литературно-художественной школы «Пушкинский музейон»; это создание экспозиции «Классная комната», где проходят интерактивные занятия для детей; это создание детской экскурсии-квеста «Литературно-исторический вояж» и т.д.

В. Водяная, основываясь на опыте работы с детьми, в своей статье изложила методические наработки и свои личные и научного коллектива в целом. Нам представляется, что эти заметки молодого сотрудника музея достаточно интересны и полезны.

Составители восьмого выпуска сборника «Дом князя Гагарина» проделали большую работу, стремясь к разнообразию тем публикаций и статей, к наибольшей точности и документальности материалов. Впервые сборник сопровождается именным указателем.

Жизнь Одесского литературного музея продолжается. Она как всегда активна, наполнена творчеством, открытиями и созидательным трудом его коллектива.

*Татьяна Липтуга,  
директор Одесского литературного музея*

## **ПЕРШІ ОДЕСЬКІ ВИДАННЯ ПРО ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

**М**ворча спадщина Тараса Григоровича Шевченка почала засвоюватися його сучасниками – вченими та літературознавцями – ще за життя великого поета. Одесі належить помітна роль у пропаганді спадщини великого українського поета, її вивченні та початку бібліографування. Перші книжки про Т.Г. Шевченка, що започаткували одеську Шевченкіану, уклав і видав під криптонімом «А. Т-ый» український історик, літератор і педагог Олексій Олександрович Андрієвський (1845-1902), ініціатор створення фонду для упорядкування могили поета і заснування школи його імені в Каневі.

Ім'я Олексія Андрієвського і в наш час привертає увагу дослідників, що зумовлено наявністю у його спадщині фундаментальних науково-історичних та історико-літературних праць, публіцистичних виступів. Наукова історична спадщина О. Андрієвського нараховує приблизно 50 публікацій. Всі його праці з'явилися внаслідок ретельного опрацювання великого комплексу раніше невідомих архівних джерел. На початку своєї творчої діяльності О. Андрієвський публікував документи хаотично. Однак з часом у нього з'явилися елементи групування, деякі публікації він друкував зі збереженням всіх властивостей оригіналу, інші зі скороченням окремих слів<sup>1</sup>. За тематикою ці публікації дуже різноманітні.

Сучасні археографи І. Бутич та В. Хмарський зазначають, що публікаціями О. Андрієвського слід користуватися обережно, оскільки вони потребують додаткового вивчення та систематизації<sup>2</sup>. На думку видатного історика М. Грушевського, «живий публіцист та громадський діяч О. Андрієвський презентує той же документальний напрям, як і О. Лазаревський, і тільки у виборі тем та в загальному становищі автора можна бачити певний відгомін різних суспільних і національних справ»<sup>3</sup>.

Досить логічно та змістовно висвітлює біографічні відомості про О. Андрієвського історик Олексій Ясь<sup>4</sup>. Над встановленням і описом біографічних даних О. Андрієвського працювала його родичка В. Андрієвська. Вона підкреслювала незвичайний талантист О. Андрієвського, його людяність, інтелігентність, народність, безмежну закоханість у



О. О. Андрієвський.  
Кінець XIX ст.

свій рідний край<sup>5</sup>. Життя та діяльність О. Андрієвського в Одесі яскраво описані в споминах С. Єгунової-Щербини<sup>6</sup>. Постать О. Андрієвського також досліджували О. Болдирева, І. Броверман, Д. Дорошенко, І. Каманін, О. Музичко та інші.

Олексій Андрієвський (псевдоніми – Андибер, Каневський А., Канівець Ол., А., А. Т-ый) народився 29 березня 1845 року у Каневі, в сім'ї священника. Навчався в 2-й Київській гімназії, потім – на історико-філологічному факультеті Київського університету. Там він зближився з М. Драгомановим, який тоді очолював студентську молодь. Це товаришування, а також демократичні та патріотичні настрої, які панували тоді в університеті, глибоко вплинули на формування його світогляду і все подальше життя.

Після закінчення університету (1865) О. Андрієвський розпочав педагогічну діяльність – викладав російську мову та літературу в Катеринославі та Одесі. У 1877 році його перевели до Архангельська, а після його клопотань – до Тули, де він працював учителем реального училища. Клімат останніх двох міст був несприятливим для його здоров'я, він серйозно захворів і мусив піти у відставку. У 1879 році О. Андрієвський повернувся до Одеси. Цього ж року, за антиурядову діяльність, був висланий до міста В'ятки, де працював у В'ятському статистичному комітеті.

Після повернення на Україну був редактором неофіційної частини «Киевских губернских ведомостей» (1881–1885). Опрацьовуючи історичні архіви за 1882–1886 роки, він опублікував «Исторические материалы из Архива Киевского Губернского Правления». Ці публікації гаряче обговорювались в місцевих газетах «Киевлянин», «Заря», «Труд».

Водночас він працював у Київській комісії народних читань, організував видання популярних брошур з різних галузей знань для народного читання, був ініціатором заснування «Київського товариства сприяння початковій освіті», «Товариства піклування про жіночу освіту» в Катеринославі, фонду для упорядкування могили Тараса Шевченка; заснував також школу ім. Т.Г. Шевченка в м. Каневі.

На протязі п'яти років (1885–1890) О. Андрієвський працював інспектором гімназії в місті Златопіль, залишивши по собі добру пам'ять. Він підготував і видрукував «Історичну записку про Златопільську гімназію,





організував шкільну бібліотеку, оркестр, заклав з учнями сад на пустирі, щосуботи влаштовував літературно-музичні вечори. Він сам складав програми цих вечорів та особисто керував хором. На вечори сходилася уся златопільська інтелігенція. Лише за рік роботи в гімназії О. Андрієвський створив нове обличчя навчального закладу, справив позитивний вплив на громадське життя міста.

У 1890 році О. Андрієвський повернувся до Києва на посаду вчителя словесності 1-ї гімназії, зайнявся громадською діяльністю. 1896 року О. Андрієвського було призначено інспектором народних училищ Катеринославської губернії: під його опікою опинилися народні сільські і міські училища. Того ж року він переїхав до Одеси на посаду директора міського Сирітського Будинку, який перебував у занедбаному стані. Істотно змінити ситуацію новий директор не міг. Він підготував доповідь з пропозиціями реформування закладу, а сам почав пошуки роботи, яка б давала йому вільний час для наукової та громадської діяльності. Незважаючи на свою постійну зайнятість, Олексій Олександрович брав активну участь в одеських народних просвітницьких заходах. На одну з його лекцій зібралось до тисячі слухачів. Він був членом Історичного товариства Нестора-літописця, Одеського товариства історії та старожитностей, був членом Одеської української громади.

9 липня 1902 року О. Андрієвський помер. На його смерть відгукнулись некрологами майже всі київські та одеські газети. Над могилою на Байковому цвинтарі височить скромна чотиригранна колона з білого мармуру, увінчана невеликим хрестом. На гранях колони вигравірувано слова Тараса Шевченка:

«... І оживу.  
І душу вольную на волю  
Із домовини воззову.  
Борітеся – поборете».

Головною справою свого життя О. Андрієвський вважав розвиток української культури, освіти, просвітництва. Олексій Андрієвський – автор багатьох праць, присвячених українській та російській літературі, зокрема про Г.Ф. Квітку та Т.Г. Шевченка, історії взаємовідносин українських земель з Росією та Польщею, Туреччиною та Кримським ханством, переселенню сербів, болгар, чорногорців та ін. Він опублікував ряд документів з історії Гетьманщини, Малоросійської колегії, Київського магістрату та губернської канцелярії, намісництва.



Провідною темою досліджень О. Андріївського була творча спадщина Т. Шевченка. Він написав багато статей про життя і творчість Т. Шевченка, що були вміщені у періодичних виданнях. Серед них: «Т.Г. Шевченко – друг сім'ї» (1883), «Море в поезії Т.Г. Шевченка» (1895), «Про відношення Т.Г. Шевченка до життя» (1899), «Кобзар» Т.Г. Шевченка» (1901), «Степ і море в поезії Т.Г. Шевченка» (1903), «Поминки Тараса Григорьевича Шевченко 25-го февраля 1882 года в Екатеринограде» (1882) тощо.

Олексій Андрієвський запропонував створити фонд для преміювання кращих досліджень поезії Т. Шевченка, але це не було здійснено. В 1870-80-х роках він порушив питання про громадські пожертви на впорядкування могили Тараса Шевченка та заснування в Каневі школи імені поета. З цією метою О. Андрієвський зібрав і видав збірки матеріалів «Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати», «Поминки Тараса Григорьевича Шевченко 25-го февраля 1879 года в Одессе», які вийшли в Одесі 1879 року.

Книги О. Андрієвського «Поминки Тараса Григорьевича Шевченко 25-го февраля 1879 года в Одессе» та «Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати» зберігаються в фондах Одеського літературного музею. Вони були подаровані в 2007 році митрополитом Володимиром (Сабодана) з його колекції «Шевченкіани». На титульній сторінці книги «Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати» відбиток екслібрису з бібліотеки Сабодана.

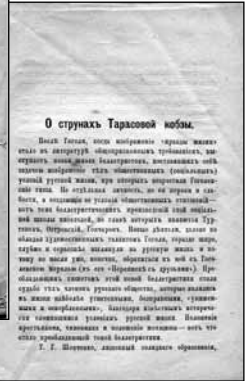
В експозиції Одеського літературного музею представлена ще одна книга О. Андрієвського «Поминки Т.Г. Шевченка в сороковую годовщину смерти поэта 26 февраля 1901 г.». Ця книга продовжує шевченкознавчі видання Олексія Андрієвського в Одесі.

Книга О. Андрієвського «Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати» являє собою детальний переказ з коментарем статей іноземних авторів про творчість Шевченка: галичанина В. Барвінського, чеха V. Dunder'a, француза E. Duranda, німця Frantzosa. Ці статті були опубліковані в закордонних періодичних виданнях. Це є ще одним свідченням того, що творчість Тараса Шевченка була вже відома на той час в європейських країнах. Книга вийшла під одним із псевдонімів О. Андрієвського «А. Т-ый».

В наш час віднайти інформацію про цих авторів можливо, але не просто: джерел обмаль. Однак виявлені свідчення про те, що над вивченням цього видання працюють інші науковці, є обнадійливими і дають певну перспективу розвитку даної теми.



- Книга О. Андрієвського «Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати» побудована таким чином:
1. Предисловие.
  2. Галичанин В. Барвинский о Шевченке.
  3. «Тарас Шевченко», статья чеха Vas. Dunder'a в чешском журнале «Osveta» 1872.
  4. Француз Emile Durand о Т.Г. Шевченко, («Revue des deux Mondes» 1876 г.).
  5. Немец Frantzov о Т.Г. Шевченко, («Vom Don zur Donau». Cultur-Bilder aus Halb-Asien. 1878 г.)».



У вступі до своєї книги О. Андрієвський подає детальний перелік здійснених на той час перекладів творів Т. Шевченка та аналізує їх, але найбільшу увагу автор приділяє огляду рецензій на творчість письменника в іноземній літературі. «За последние годы, с произведениями Шевченка ознакомились не только все славянские, но и другие европейские народы: в иностранной литературе существуют и переводы Шевченка, и статьи о нем. Я думаю, что для русского общества представляют известный интерес отзывы иностранной печати о нашем народном поэте, – вот почему я решаюсь издать предлагаемые здесь четыре статьи, из которых две написаны славянами и две – французом и немцем»<sup>7</sup>. <...>

«В последние годы с Шевченком стала знакомиться и западно-европейская публика. Так, в 1870 г. вышла в Черновцах, в Буковине, книжка г. Обриста «T.G. Schewzenko, ein kleinrussischer Dichter», в которой кроме биографии находим и перевод нескольких пьес Шевченка на немецкий язык; удачнее других переведено «Ой чего ти почорніло, зеленее поле?». Книжка эта служила основанием для сочувственного отзыва об украинском поэте в новейшем (1872 г.) издании «Истории всеобщей литературы» Шерра. В 1872 г. короткая характеристика Шевченка была помещена в итальянской брошюре «Il movimento litterario ruteno in Russia e Gallizia», разбирая которую французский журнал «Revue critique» выразил мысль, что Шевченко заслуживал бы целого тома для европейской публики. <...>

Но, само разумеется, больше всего успело познакомиться с Шевченком славянство. Здесь на первом плане надо поставить характеристику



Шевченка в «Истории славянских литератур» А. Пыпина, единственной книги в своем роде. На сербский язык несколько пьес Шевченко было переведено Джорджиевичем и другими, напечатано отдельно и в журнале Стояна Новаковича «Вила». На болгарский язык переведено несколько пьес, если не ошибаемся, «Наймичка» и «Гамалия». На чешском языке напечатана в 9 и 10 №№ ежемесячного журнала «Osveta» 1874 г. очень обстоятельная статья Taras Sevcenko, с отрывками в подлиннике, с объяснениями непонятных слов внизу, – т.е. так, как Костомаров советовал, вместо перевода, издать Шевченка для великоруссов. <...>

Больше всего из западных славян естественно должны были ознакомиться с Шевченком поляки. Еще в 1861 г. Леонард Совинский издал в Вильно этюд «Taras Szewczenko» с переводом «Гайдамак» и с резкой критикой «негуманности» украинского поэта. Резкой враждебностью к Шевченку отличается и статья в Biblioteka Warszawska 1862, № 2. В 1862 же году вышел в Вильне перевод «Кобзаря», сделанный Сырокомлей, но без «Гайдамаков» и «Тарасовой ночи». Без «Гайдамаков» же, хотя и с полемикой против г. Савинского, выдал свой перевод и г. Горжалчинский в Киеве (1862 г.). <...> ... заслуживает особенного внимания брошюра барона Гвидо Баталья «Taras Szewczenko zycie i pisma jego» (Lvov 1865). Это довольно обстоятельный обзор жизни и сочинений украинского поэта и кроме того честная<sup>8</sup>.

У першому розділі своєї книги О. Андрієвський аналізує реферат В.Барвінського, який був прочитаний на XVII роковинах вшанування пам'яті Т. Шевченка. Володимир Барвінський – найбільш відомий з авторів, представлених у книзі Андрієвського, стаття про нього наявна в Українській літературній та Шевченківській енциклопедіях<sup>9</sup>.

Володимир Григорович Барвінський (25 лютого 1850 – 3 лютого 1883) увійшов в історію як український громадський діяч, видавець, історик, соціолог, журналіст, письменник (літературні псевдоніми Василь

Барвінок, Ришмидинов та ін.), літературний критик і публіцист, перекладач. Вже з шкільних літ В. Барвінський виявив великі здібності до літератури, історії та іноземних мов. Самотужки читав багатьох зарубіжних письменників, соціологів, філософів. Та справжню духовну опору він знайшов у геніальній особистості Т.Г. Шевченка, поезії якого істотним чином вплинули на світогляд і вибір ним життєвої позиції, стиль, логіку мислення, світобачення. Свідченням цього є такий факт: щорічно, починаючи з 1875 року і до кінця свого життя,



В. Г. Барвінський.  
1870-ті рр.



В. Барвінський постійно виступав у містах Західної України з рефератами, науковими доповідями, у яких головним чином акцентував увагу «на общественном значении поэзии Шевченка, на его роли пробудителя народного самосознания в украинском обществе»<sup>10</sup>.

Володимир Барвінський у своїй доповіді говорить про те, що «Тарас Шевченко – это кровный сын Руси-Украины». <...> «... прислушайтесь внимательнее к песням-думам нашего Кобзаря, присмотритесь ближе к тем образам, которые выводит он перед миром, и вы увидите, что это не плоды лишь живой и буйной фантазии, не абстрактные идеалы, установленные в украинские шаты, а это выступает перед вами целиком живая и мертвая Русь-Украина Шевченковского времени <...> Русь закрепошенная, обедневшая, в сельских невольничьих хатах, забытая обществом и закрытая от цивилизованного мира»<sup>11</sup>.

Аналізуючи твори Т. Шевченка, В. Барвінський робить висновок: «...прислушавшись к песням Кобзаря, слыша его правдивое слово, вы болеете сердцем, в ваших глазах являются слезы искренней скорби, душа ваша возмущается обидою тех обманутых, осмеянных людей, и вы преклоняетесь перед этими образами и вместе с Тарасом скажете: «ні, се не мара, – се люде, се наші сестри і брати, се наш народ; неволею й недолею прибитий»<sup>12</sup>.

«Шевченко своим правдивым словом восстановил ту историю, которая записана в памяти народа, хранится в его песнях. Прислушайтесь к этим песням-думам <...> и в них вы услышите тысячелетнюю историческую жизнь народную...<sup>13</sup> <...> Вот что выражает Шевченко в своих исторических пьесах: ту идею общечеловечности, которая сохранилась в народе и под простою сермягою, в народе, униженном неволею, крепостным правом, – и историческую жизнь украинского народа, его вековую борьбу за свободу, равноправность и достоинство всех людей, целого народа. И дайте только развиваться на свободе этому народу согласно с его природным идеалом, и вы не будете видеть на Украине тех Катерин, Наймичек, той недоли людской, что вместе с крепостным правом выросла на высоких разрытых могилах»<sup>14</sup>.

В другому розділі О. Андрієвський знайомить читачів зі статтю чеського літератора і публіциста Václava Dunder'a «Тарас Шевченко», яка була опублікована в чеському журналі «Osvěta» 1872 року. Інформація про чеського дослідника творчості Шевченка також присутня в Українській літературній<sup>15</sup> та в Шевченківській<sup>16</sup> енциклопедіях. Вацлав Дундер (11 серпня 1817–1879) у 50-х рр. XIX століття жив у Галичині, ви-



вчав український фольклор. Йому належать перші переклади українських казок чеською мовою та українських народних пісень. Він започаткував чеську Шевченкіану, ставши автором першої статті чеською мовою, в якій згадувалося про Шевченка. Під назвою «Русинська література» її було опубліковано в газеті «Празька газета» в 1860 році. Автор цікавився передусім виданням «Кобзаря» Т.Шевченка 1860 року, але згадував і твори інших українських письменників. Для своєї статті В. Дундер використав рецензію М. Добролюбова в журналі «Современник» (1860, № 3).

У 1872 році в чеському журналі «Osvěta» («Освіта», № 9, 11) В. Дундер вмістив велику статтю «Тарас Шевченко», в якій набагато ширше подав біографію поета, історію написання окремих його творів, докладно переказав їх зміст: «Катерина», «Наймичка», «Гайдамаки», «Перебендя», «Тополя», «Утоплена», «Іван Підкова», «Гамалія», «Іван Гусь», «Причинна» та інших. Виявив обізнаність з такими революційними поемами, як «Сон» і «Кавказ», посланням «І мертвим, і живим...». Для написання цієї роботи В. Дундер користувався працею Г. Батальї «Тарас Шевченко» (1865), статтями й рецензіями М. Добролюбова, Л. Совінського та інших дослідників.

Найбільше уваги В. Дундер приділяє поемі «Катерина». «В этой поэме Шевченко коснулся одной из печальнейших сторон крестьянской жизни, и каждое слово его проникнуто беззаветной любовью к народу».<sup>17</sup> «Эту простую повесть о судьбе несчастной Катерины Шевченко сделал одним из прекраснейших произведений, исполненных высокого лиризма, внес в него глубокие размышления, как плод наблюдений над миром и людьми. При этом он не отступил от простоты чисто народного повествования. Поэт, так сказать, схватил одну слезу из человеческой жизни и силою своей любви дивно нам осветил ее. <...> В «Катерине» Шевченко выступает, как защитник божьей справедливости»<sup>18</sup>.

Повість «Наймичка» В. Дундер називає «рідною сестрою «Катерини»<sup>19</sup>. «Весь этот рассказ проникнут, так сказать, библейскою простотою и трогательностью, а что касается до чистоты мысли христианской – превосходит все другие произведения Шевченка. Дух кобзаря отвернулся здесь на время от неприятных впечатлений общественных и, освободившись от злобы и отчаяния, вознесся к образу тихого самопожертвования, искупающего страдания»<sup>20</sup>.

Третя наукова розвідка О. Андрієвського присвячена французькому автору Émile Durand'a. На початку 1870-х років у Франції прокидається інтерес до історії, етнографії та словесності Малоросії. Майже у всіх французьких виданнях можна було знайти статтю за цією тематикою.



Інформацію про французького дослідника творчості Шевченка також знаходимо в енциклопедичних довідниках<sup>21</sup>.

В 1876 році в літературному часописі «Revue des deux mondes» була опублікована стаття французького Еміля Дюрана «Le poete national de la Petite Russie Chevtchenko» («Національний поет Малоросії Шевченко»). Це було одне з перших глибоких досліджень творчості Т.Г. Шевченка у Європі.



Е. Дюран.  
1880-ті рр.

Еміль Дюран (1838–1903) – французький історик та літературний критик. Доля закинула мешканця південно-французького міста Монпельє у далеку Росію, де він викладав французьку мову у навчальних закладах Петербурга. Опанувавши російську, читав твори відомих російських письменників, а окремі з них перекладав. Французького читача ознайомив, зокрема, з творами І. Тургенєва. Саме Тургенєв порадив Е. Дюрану прочитати Шевченків «Кобзар». Матеріали для статті про Т. Шевченка Е. Дюрану дала С.Ф. Русова. Празьке видання «Кобзаря» 1876 року послужило для Е. Дюрана джерелом його наукової розвідки. Нарис з'явився у літературному часописі «Revue des Deux Mondes», зорієнтованому на французьку інтелектуальну еліту. Стаття відіграла велику роль у справі популяризації у Франції творчого доробку Шевченка. Вона стала базою шевченкознавчих досліджень в усій Європі<sup>22</sup>.

В передмові до своєї статті Еміль Дюран пише: «...определяет настоящее положение Малороссии и ее языка в государстве, причем делает такое заключение, что Малороссия, с точки зрения языка и словесности, относительно Великороссии есть то же, что Прованс по отношению к Франции».<sup>23</sup> В першій главі Е.Дюран дає «общий взгляд на прошлое Украины, послужившее содержанием богатого эпоса. <...> Затем автор дает беглый очерк истории Украины, в общем вполне верный, причем в конце его указывает на то просветительское влияние юга на север, которое стало обнаруживаться со времени присоединения Малороссии к Москве. <...> Известное число писателей воздали честь языку своей родной страны. Среди них Шевченко блистает в первом ряду, как по своему гению, так и по своей большой популярности, а также, к несчастью, и по тем испытаниям, которые сделали из жизни его печальный, грустный роман»<sup>24</sup>. Далі автор подає біографію Т.Шевченка.

У третій главі Е. Дюран головну увагу приділяє творчості поета. Цю частину праці французького дослідника О. Андрієвський наводить майже повністю. Е. Дюран акцентує увагу на поемах «Гамалія», «Гайдамаки»,



«Катерина», «Наймичка». «В своих произведениях поэт довольно часто обращается к судьбе молодых крестьянок, соблазненных людьми другого, чуждого им класса. В этом случае однообразие темы выкупается неисчерпаемым богатством фантазии. <...> Кроме небольших поэм, Шевченко написал массу мелких стихотворений, которые проходят, так сказать, всю гамму чувств, волнующих крестьян, а потому легко запоминаются и переходят в народ»<sup>25</sup>.

Свою статью Е. Дюран завершуе такими рядками: «Этим закончим мы этюд свой и ряд выписок, которых вполне достаточно, чтобы доказать, что Тарас Шевченко, если и не имеет того значения, какое ему приписывают некоторые из его почитателей-земляков, тем не менее достаточно великий поэт для того, чтобы слава его перешла границы его родины и распространилась по Европе»<sup>26</sup>.

Останній розділ книги «Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати» присвячений праці німця Karla-Emila Frantzosa. Відомості про К.-Е. Францоza також знаходимо в Шевченківській енциклопедії<sup>27</sup>.

Карл-Еміль Францоз (25 жовтня 1848 – 28 січня 1904) – австрійський письменник, літературознавець і перекладач. К.-Е. Францоз першим розпочав всебічне вивчення творчості Т. Шевченка. Він добре знав мову, літературу, культуру українського народу. Його ґрунтовні розвідки довгий час були джерелом, з якого черпали багато зарубіжних дослідників.

К.-Е. Францоzu належить значна роль у популяризації творів Тараса Шевченка в німецькомовних країнах в 1870-80-х роках. Він розглядав творчість українського поета у зв'язку з розвитком української літератури; ставив Шевченка в один ряд з А. Міцкевичем, І. Тургенєвим і Л. Толстим, підкреслював його значення для світової літератури. З-під його пера виходять ґрунтовні напрацювання «Kleinrussen und ihr Sanger» («Українці та їх співець»), «Taras Schewtschenko» («Тарас Шевченко»), «Kleinrussische Poeten» («Українські поети»), згодом вміщені у книзі «Vom Don zur Donau» («Від Дону до Дунаю») (Лейпціг, 1878).



К.-Е. Францоз.  
1895 р.

В своєму дослідженні О. Андрієвський зупиняється на одному з розділів книги «Від Дону до Дунаю» – «Kleinrussen und ihre Dichter», в якому К.-Е. Францоз дав високу оцінку поезії Шевченка, вперше висловив думку про універсальність його таланту, який з великою силою виявився в ліричних та епічних творах поета<sup>28</sup>.

К.-Е. Францоз класифікує поетичний доробок Т. Шевченка на основі двотомного видання «Кобзаря» 1866 року





у Львові. Літературознавець намагається згрупувати твори Кобзаря в чотири тематичні групи: лірика тенденційна (політична); лірика ідилічна (опис природи, любовні пісні); картини соціального народного побуту та історичний епос. «Уже это одно указывает на разносторонность таланта. Взвешивая только поэтическое достоинство этих групп, приходишь к результату, весьма редкому вообще в литературе: все 4 группы произведений Шевченка – равного достоинства, и ни одну из них нельзя поставить выше другой»<sup>29</sup>.

«Шевченко – истинный лирик, но, читая его «Гайдамаки», вы находите произведение, полное жизни и движения, полное пластических образов, спокойное и величественное, без всякого субъективного чувства, непрерываемое никакими лирическими отступлениями. И как легко соединяет он эти противоположные качества!»<sup>30</sup>. «Шевченко творил из народа и для народа; отсюда сходство его песен с народными»<sup>31</sup>.

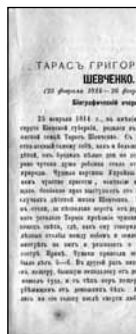
К.-Е. Француз підкреслював, що Т. Шевченко – не тільки геній сам по собі, в ньому втілений поетичний геній українців; його муза об'єднує всі характерні риси української літератури. Він вважав Шевченка не тільки найбільшим співцем свого народу, але поетом світового значення, і те, що створене поетом, забезпечило йому безсмертність. Талановитість Тараса Шевченка – безмірно глибока і багата.

Книга О. Андрієвського «Поминки Тараса Григор'євича Шевченка 25-го февраля 1879 года в Одессе» побудована таким чином:

1. Биографический очерк С. Е. (Правда №43)
2. Поминки Т.Г. Шевченка («Одес. Вест.» №43)
3. Т.Г. Шевченко («Новорос. Тел.» № 1194)
4. О струнах Тарасовой кобзы. А. Т.»

Книга вийшла під іншим псевдонімом О. Андрієвського «А.Т.».

В цій книжечці подані відгуки одеських періодичних видань про Тараса Шевченка, невеличкий нарис деяких сторін біографії та аналіз поезії поета, складений О. Андрієвським. В передмові автор пише про мету цього видання – сприяти більшому поширенню відомостей про Т. Шевченка, а також збирання коштів на встанов-





лення пам'ятника великому Кобзарю та заснування народної школи його імені. «Если предлагаемое издание возбудит в лицах, не знакомых с произведениями Шевченка, желание узнать их, а затем и почтить память поэта посильным пожертвованием на основание достойного памятника – цель моя будетъ достигнута»<sup>32</sup>.

Перші три глави книги О. Андрієвського – це статті, які були надруковані в одеських газетах «Одесский Вестник», «Новороссийский Телеграф», «Правда» до вісімнадцятої річниці смерті поета, з коментарем укладача.

В газеті «Правда» було опубліковано біографічні відомості про життя Т.Шевченка. Саме ця стаття є першою главою книги: «Тарас Григорьевич Шевченко (25 февраля 1814 – 26 февраля 1861 г.) Биографический очерк».

Друга глава «Поминки Тараса Григорьевича Шевченка» – стаття, що була надрукована в газеті «Одесский Вестник» в № 43 1879 році «Одесский Вестник» у 1878 році відкрив підписку на будівництво пам'ятника Т.Шевченкові.

«Мысль о памятнике на могиле Шевченка и затем вообще об увековечении памяти поэта достойными его жизни и его поэзии делами явилась тотчас по его смерти, но до сих пор не приведена в исполнение. Напоминания о необходимости этого увековечения не раз появлялись в русской печати, и нет сомнения, что придет время, когда имя Шевченка дождетя должного чествования, когда желанія, высказанные русским обществом под живым впечатлением смерти поэта, исполнятся»<sup>33</sup>. «Одесский вестник» в прошлом году и с своей стороны выразил готовность содействовать осуществлению этих желаний, поместивши в № 57-м «Напоминание о Т.Г. Шевченке», письмо в редакцию А.Т. (О. Андрієвський – О. К.), которое и вызвало довольно много сочувственных откликов, печатавшихся своевременно при отчетах о пожертвованиях (см. №№ 72, 97, 99, 108, 114, 119, 139, 145, 153, 173, 205, 257, 261, 286 и за настоящий год №№ 30, 37)»<sup>34</sup>.

«Почти изо всех городов южно-русских явились заявления о желании общества увековечить память Шевченка, предложения о подписках, концертах, спектаклях и публичных чтениях; а черноморцы из Екатеринодара, выражая искреннее желание осуществить мысль, общую всем, раньше всех прислали в редакцию «Основы» 200 руб., собранных со спектакля. Вот что читаем в «Основе» за июнь 1861 г.: «в самый день смерти Т.Г. все бывшие на панахиде собрались к другу его, М.М. Л-му, где тотчас же было приступлено к подписке на увековечение памяти Шевченки и положено: 1) перевезти тело его на Украину; 2) поставить ему памятник; 3) основать народную школу под именем Тарасовой или Шевченковой; 4) содержать



одного или нескольких стипендиатов в университетах киевском и харьковском, одесском лицее и академии художеств; 5) издать наилучшим образом его сочинения; 6) назначить премии за лучшее жизнеописание поэта и за лучший критический разбор его сочинений; 7) издавать народные руководства по разным предметам; 8) помогать его родным, и 9) кому либо из ближайших друзей его – ежегодно посещать его могилу на Украине».<sup>35</sup>

В статті описано, як збиралися кошти: «Всего со дня открытия подписки по настоящий день поступило к нам в капитал на основание в память Т.Г. Шевченка народной школы его имени – одна тысяча триста шестьдесят девять рублей девяносто копеек, не считая процентов, по текущему счету, на капитал»<sup>36</sup>.

В газеті «Новороссийский Телеграф» в № 1189 було опубліковано статтю «Напоминания о Т.Г. Шевченко». В цій статті були поміщені відгуки про Т. Шевченка відомих науковців О. Пипіна і М. Костомарова.

Саме цій статті О. Андрієвський присвятив третій розділ своєї книги. Укладач аналізує книгу О. Пипіна «История славянских литератур» та цитує наступні рядки про Т. Шевченка: «Тарас Григорьевич Шевченко есть замечательнейшая поэтическая сила всей южно-русской литературы. Принадлежа началом своей деятельности концу прежнего периода, Шевченко стал талантливейшим поэтическим представителем новых стремлений южно-русской литературы. Перенесенные страдания не заглушили в нем поэтической силы, не затемнили и не ослабили ее светлых и гуманных воззрений. Человек народа по самому происхождению, он естественно привязан был к делу народа, чувствовал и высказывал истину его положения без помощи и без прикрас искусственной сентиментальности»<sup>37</sup>.

М. Костомаров писав: «Поэзия Шевченка, <...> поэзия целого народа. <...> Такой поэт, как Шевченко, есть не только живописец народного быта, не только воспеватель народного чувства, народных деяний, – он народный вождь, возбудитель к новой жизни, пророк. <...> «Шевченко в своих поэтических произведениях выводит на свет то, что лежало на дне души у народа. <...> Шевченко не только малорусский простонародный поэт, но вообще поэт простого народа, людской громады»<sup>38</sup>.

В четвертій главі «О струнах Тарасовой кобзы» О. Андрієвський приділяє увагу місцю Т.Шевченка в історії загальноросійської літератури: «... мы должны отметить в произведениях его прежде всего одну очень важную черту, а именно – верность основным мотивам, начиная с первых произведений и оканчивая предсмертными. Эта черта, зависевшая главным образом от личного характера поэта. <...> Способность жертвовать собой



во имя какой-либо общей, великой идеи, способность всю жизнь упорно исповедовать заветное убеждение и переносить из-за этого невзгоды житейские – это всегда останется для людей самую возвышенную чертой человеческого характера. Этой-то чертой отличена личность Шевченка и она же отразилась в его поэзии»<sup>39</sup>.

«Шевченко верил в силу слова и никогда не злоупотребил им. Никогда не увлекался он красотой формы, которая в его время еще высоко ценилась в литературе; его муза, всегда серьезная и скорбная, никогда не спускалась до того легкомысленного отношения к слову... <...> Он понимал, что «не по мертвых Господь послал голосить, а живых на дело жизни воздвигать...»<sup>40</sup>.

Шевченківська тема в Одесі була згодом підхоплена в науковій діяльності Михайла Федоровича Комарова (1844-1913), відомого українського бібліографа, етнографа і фольклориста. М. Комаров з 1887 року до останніх днів жив в Одесі, цей період – найбільш плідний в його творчості. Найголовнішою темою своєї наукової діяльності М. Комаров вважав шевченкознавство: він вивчав життєвий шлях поета і бібліографував літературу про нього, зібрав унікальну колекцію віршів, присвячених Т.Г. Шевченко.

В фондах музею зберігаються дві найголовніші книги Михайла Федоровича Комарова: «Т.Г. Шевченко в литературе и искусстве. Библиографический указатель материалов для изучения жизни и произведений Т. Шевченко»<sup>41</sup>, «Вінок Т. Шевченкові із віршів українських, галицьких, російських, білоруських і польських поетів»<sup>42</sup>.

Саме ці видання О. Андріївського та М. Комарова, присвячені Т.Г. Шевченкові, являють собою найбільш цінний набуток «Шевченкіани» у фондах Одеського літературного музею.

### Примітки

<sup>1</sup> Одеські історики: Енциклопедичне видання. Том I (початок XIX – середина XX ст.). – Одеса, 2009. – С. 27.

<sup>2</sup> Там само.

<sup>3</sup> Там само.

<sup>4</sup> Ясь О. Андріївський О. О. // Українські історики XX століття: Бібліографічний довідник. Серія «Українські історики». – К.; Л., 2004. – Вип. 2, Ч. 2. – С. 7–9.

<sup>5</sup> Андріївська В. Про невтомного «Перебендю». До 100-річчя відходу О.О. Андріївського // Наша Віра. – 2002. – № 8–9.

<sup>6</sup> Єгунова-Щербина С. Одеська громада кінця 1870-х років (Спомини) // За сто літ. – 1925. – № 2. – С. 190.

<sup>7</sup> Андриевский А. Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати. – Одесса: Тип. «Новорос. телеграфа», 1879. – С. 3–4.



- <sup>8</sup> Там само. – С. 4–5.
- <sup>9</sup> Українська літературна енциклопедія. – К., 1988. – Т. I. – С. 130; Шевченківська енциклопедія в 6-ти томах. – К., 2012. – Т. I. – С. 332.
- <sup>10</sup> Андриевский А. Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати. – Одесса: Тип. «Новорос. телеграфа», 1879. – С. 9.
- <sup>11</sup> Там само. – С. 12.
- <sup>12</sup> Там само. – С. 13.
- <sup>13</sup> Там само. – С. 15.
- <sup>14</sup> Там само. – С. 17.
- <sup>15</sup> Українська літературна енциклопедія. – К., 1988. – Т. II. – С. 126–127.
- <sup>16</sup> Шевченківська енциклопедія в 6-ти томах. – К., 2012. – Т. II. – С. 450.
- <sup>17</sup> Андриевский А. Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати. – Одесса: Тип. «Новорос. телеграфа», 1879. – С. 23.
- <sup>18</sup> Там само. – С. 27.
- <sup>19</sup> Там само. – С. 27.
- <sup>20</sup> Там само. – С. 30.
- <sup>21</sup> Шевченківська енциклопедія в 6-ти томах. – К., 2012. – Т. II. – С. 457–458; Українська літературна енциклопедія. – К., 1988. – Т. II. – С. 131.
- <sup>22</sup> Мотрук В., Кустяев Є. Еміль Дюран – автор першого фундаментального дослідження про Тараса Шевченка у Франції // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 1 (31). – 2014. – С. 163–168.
- <sup>23</sup> Андриевский А. Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати. – Одесса: Тип. «Новорос. телеграфа», 1879. – С. 41.
- <sup>24</sup> Там само. – С. 41–42.
- <sup>25</sup> Там само. – С. 45–46.
- <sup>26</sup> Там само. – С. 47.
- <sup>27</sup> Шевченківська енциклопедія в 6-ти томах. – К., 2015. – Т. VI. – С. 562–563.
- <sup>28</sup> Там само.
- <sup>29</sup> Андриевский А. Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати. – Одесса: Тип. «Новорос. телеграфа», 1879. – С. 49.
- <sup>30</sup> Там само. – С. 50.
- <sup>31</sup> Там само. – С. 51.
- <sup>32</sup> Поминки Тараса Григорьевича Шевченко 25-го февраля 1879 года в Одессе. – Одесса: Тип. «Новорос. телеграфа», 1879. – С. 4.
- <sup>33</sup> Там само. – С. 22–23.
- <sup>34</sup> Там само. – С. 23.
- <sup>35</sup> Там само. – С. 26–27.
- <sup>36</sup> Там само. – С. 38.
- <sup>37</sup> Там само. – С. 40–41.
- <sup>38</sup> Там само. – С. 43.
- <sup>39</sup> Там само. – С. 48–49.
- <sup>40</sup> Там само. – С. 52–53.
- <sup>41</sup> Т.Г. Шевченко в литературе и искусстве: Библиографический указатель материалов для изучения жизни и произведений Т. Шевченко / Сост. М. Комаров. – Одесса: Тип. Е.И. Фесенко. – 1903. – 144 с.
- <sup>42</sup> «Вінок Т. Шевченкові із віршів українських, галицьких, російських, білоруських і польських поетів». – Одеса: Друкарня „Акц. Южно-Русского О-ва Печатного Дела. – 1912.

**Н.Н. Рымарь**

## **ЮЗЕФ КРАШЕВСКИЙ В ОДЕССЕ И ОБ ОДЕССЕ**

*Фрагменты из книги «Wspomnienia Odessy, Jedisanu i Budżaku. Dziennik przejażdżki w roku 1843 od 23 czerwca do 11 września J.I. Kraszewskiego. – Wilno, 1845»*

**К**нязь Иван Михайлович Долгорукий, известный русский поэт-сентименталист, посетил наш город в 1810 г. и написал, что в Одессу можно ехать только из самых меркантильных соображений<sup>1</sup>. Но к середине XIX века Одесса превращается в город европейского типа, слава о ней шагнула далеко за пределы России. Городской театр, Одесский музей древностей, Публичная библиотека, газеты, образованная публика – словом, здесь было все, что может удовлетворить запросы культурного и образованного путешественника. Летом 1843 г. Юзеф Игнаци Крашевский (1812-1887), польский писатель, журналист и просто любознательный человек, отправляется в Одессу, потому что хочет сам увидеть и подробно описать этот необыкновенный город.

Крашевский не просто скучающий путешественник. Он долго готовился к этой поездке, предварительно изучил всю имеющуюся в его распоряжении литературу по истории Новороссии и Одессы.

Результат поездки – двухтомный труд «Описание Одессы, Эдиссана и Буджака», изданный в Вильно в 1845 году с дружеским посвящением графу Александру Пшездецкому<sup>2</sup>. Для книги характерна живая, эмоциональная манера изложения, читается она легко и свободно.

В мемуарной литературе, посвященной Одессе, вряд ли можно найти сочинение, равное книге Крашевского по широте и глубине представленной информации. Основные линии повествования, многообразие затронутых тем и сюжетов, рассказы о конкретных, реальных жителях города – все сливается в одну пеструю мозаичную картину, показывая жизнь Одессы во всем ее блеске и полноте. Искренняя восторженность, яркая поэтичность описаний соединяются с точным изложением фактов, а глубокие, обстоятельные экскурсы в прошлое края сочетаются с подробными исследованиями в сфере ремесел и торговли, градостроительства и культуры. Особое очарование книге Крашевского придают



жанровые зарисовки и бытовые сценки; подробно и с удовольствием пишет Крашевский о том, что пренебрежительно называют «серые будни» и что в то же время и есть жизнь.

Полностью книга Крашевского на русский язык не переводилась, в статьях цитировались отдельные фрагменты. Ниже предлагаем несколько интересных фрагментов, ранее не переводившихся.

Крашевский выезжает из Вильно 22 июня 1843 г. и приезжает в Одессу 7 июля. Проезжая по бескрайним новороссийским степям, Крашевский подробно описывает особенности жизни и быта поселенцев.

«Чувствуется, что этот край только-только заселяется и здешние жители еще не испорчены пороками цивилизации, корысть, зависть, жестокость еще не коснулись их сердец. ... Местные жители – это хаотическое скопление колонистов, бежавших сюда из разных концов мира. Они не имеют ярко выраженных признаков своей национальности. Край этот особенный, в нем нет хозяина, каждый – гость, и сколько народностей, столько обычаев, нарядов и языков»<sup>3</sup>.

Крашевский отмечает, что земледелию здешние жители предпочитают животноводство, поскольку плодородные почвы дают отличный корм, а зимы в этом краю достаточно мягкие и непродолжительные, потому животные безболезненно проводят холодное время года под открытым небом. Растительность негустая, многочисленные тополя, различных сортов вербы и белые акации, кое-где встречаются тамариски. Крашевский уверен в том, что этот плодородный край со временем будет изобилен, богат и станет крупнейшим торговым центром Новороссии<sup>4</sup>.

Из доодесских впечатлений наиболее интересно описание небольшого городка под Одессой – Севериновки.

Основатель Севериновки – брат польского писателя и просветителя Яна Потоцкого (автор романа «Рукопись, найденная в Сарагосе») граф Северин Потоцкий (1762–1829). После третьего раздела Польши он переходит на сторону России, становится членом Государственного Совета, с 1801 г. – сенатором и попечителем Харьковского учебного округа.

Потоцкий имел собственность в Одессе, был знаком с Пушкиным. В начале XX века Северин купил под Одессой 24 тыс. десятин земли, основал «город» и 20 лет жизни и мыслей потратил на то, чтобы сделать этот город многолюдным, счастливым и процветающим»<sup>5</sup>. Постепенно небольшое село из нескольких хат, благодаря терпению и усилиям хозяина, превратилось сначала в поселение, а потом в небольшой, но красивый благоустроенный город. В его планировке чувствуется про-



думанность и тонкий вкус, знакомство хозяина с основами градостроительного искусства. Среди густой зелени белеют дома горожан, издалека хорошо просматривается небольшой дворец с башней, окруженный стеной с прочными воротами. На столбах ворот лежат или два льва или два сфинкса (*Крашевский не понял, что за звери – Н.Р.*). Вокруг растут тамариски и акации. В центре рынка – церковь и ратуша, построенная в готическом стиле. Отдельно построены православная церковь для молдаван и русских и синагога. Население городка – преимущественно поляки, молдаване, русские и евреи. Небольшие площади украшают фонтаны, а это означает, что решена проблема с водой. Граф Потопцкий основал в Севериновке банк, в котором все желающие, независимо от вероисповедания и социального статуса, могли получить кредит под невысокий процент.

Но – все течет, все изменяется, и не всегда к лучшему. К концу XIX века Севериновка превратилась в пыльный, захолустный поселок, а круг интересов жителей ограничивался исключительно самогонованием и конокрадством, с чем боролся Володя Патрикеев, герой повести А.В. Козачинского «Зеленый фургон».

«За Севериновкой – снова пустынные степи, слобод не видно, всюду белеют скелеты павших лошадей и волов»<sup>6</sup>.

«Судя по некоторым признакам, мы подъезжаем к большому городу, <...> чаще встречаем купцов, одна за другой двигаются еврейские повозки, нагруженные нехитрым скарбом бедняка, длинной лентой тянутся чумацкие валки, которые везли с Крыма соль, а сюда шли с пшеницей. Не удалось мне посмотреть здешние слободы, от Ананьева видели жителей только издалека. Очень много евреев, их встречаешь на каждом шагу, их терпеливость позволяет зарабатывать на кусок хлеба. Несчастный народ! Но даже для него появилась надежда на прогресс, который так очевиден в этом краю»<sup>7</sup>. Подъезжая к городу, Крашевский чувствует, как медленно, но все сильнее и сильнее его охватывает волнение.

«Глаза, рот, грудь – все покрыто пылью, но напряженно всматриваюсь в даль, пытаюсь рассмотреть неясные очертания, издали в дымке напоминающие башни, крест, крыши домов. И, наконец – так, это она, Одесса!»<sup>8</sup>.

В его воображении мелькали образы греков, римлян, скифов, сарматов, отважных купцов Венеции и Генуи, он явственно слышал скрип татарских повозок и возгласы муэдзинов «Алла!». Совершенно отчет-





ливо Крашевский представил, как где-то здесь, в этих степях, спасаясь от преследования русской армии, сделали привал Карл XII и Мазепа.

Волнение превращается в бурный восторг и радость:

«Приветствую вас, берега, колонизованные некогда греками, знакомые предприимчивым жителям Генуи и Венеции, завоеванные Ольгердом и Витольдом и так бездарно потерянные их наследниками. Долгие годы на твоих степях только паслись табуны татарских овец и верблюдов. Приветствую тебя, старинное поместье Язловецких, земля, принадлежавшая всем и никому, а теперь дающая жизнь, движение и деньги. Приветствую тебя, земля, по которой прошли скифы, сарматы, геты, даки, греки, поляки, турки, шведы, русские и немцы. Приветствую вас, город и порт, возникшие на пустом месте из ничего 50 лет назад, теперь вы наполняете жизнью огромный Край. Начнем же знакомство с этим удивительным городом, будем смотреть ему в глаза, вспомним его историю»<sup>9</sup>, – таково начало вдохновенного монолога, с которым обратился Крашевский к Одессе.

Он вспоминает «прекрасные и выразительные» слова А.С. Стурдзы об Одессе:

«На крутых берегах Черного моря, в глубине живописного закрытого залива возносится молодой город, здания которого не помнят прошлого века. Основанная на фундаменте из красных скал, которые составляют как бы кусок огромных оплывших слоев, заполненных раковинами и обломками, Одесса являет собой образец молодого, нового мира, рождающегося на развалинах давно погибшего мира, и растет быстро, соединяя в себе черты полуварварские и полуклассические. Одесса лежит между погребенными руинами греческих колоний и захоронениями предводителей кочующих орд, которые в пустынной степи оставили после себя только могилы и полуистертые следы своих скакунов и многочисленных стад. Наблюдая в первый раз этот город, так равнодушный к прошлому, такой живой сейчас, такой богатый в будущем, можно сказать, что это маяк между двумя пустынями – морем и степью»<sup>10</sup>.

Крашевский хорошо знаком с трудами античных историков, писавших об этих землях. Геродот, Демосфен, Дион Хризостом, Страбон, Арриан, Помпоний Мела, Птолемей, Аммиан Марцеллин – это самый краткий список античных авторов, которые были добросовестно проштудированы Крашевским. Сюда же необходимо добавить и всю доступную ему средневековую литературу об этом крае, и современную литературу об Одессе и Новороссии.



Далее Крашевский цитирует наиболее интересные с его точки зрения фрагменты.

«В древности одесский порт назывался в соответствии с периплом Арриана Гавань Истриан. Птолемей и Страбон помещают тут греческую колонию, называвшуюся Фиска. Т.о., название “Одесса” было дано этому городу поспешно, следовало назвать его Фиска. Выкопанные здесь монеты и различные памятники древности подтверждают существование этого поселения. Позже, значительно позже, этот берег Черного моря, у польских писателей называемый очаковской степью, принадлежал частью Литве, частью Польше, а сама местность, где сейчас находится Одесса, называлась татарами Хаджибей, а наши писатели переделали это название в Качибей или Качубей»<sup>11</sup>.

Пропустим подробнейшее изложение автором истории Одессы и штурм крепости Хаджибей. Крашевский пишет, что после взятия крепости «в Хаджибее русские нашли несколько хижин и 5 или 6 домов, а также небольшое здание, называемое Дворцом Паши. Вокруг крепости не было рва, ее обороняла высокая зубчатая стена. Вокруг простиралась дикая пустыня, над самым берегом насажено немного деревьев, несколько землянок в долине, где сейчас прекрасные хутора. Адмирал де Рибас предполагал строительство порта торгового, а в случае необходимости и военного. Было истрачено несколько миллионов рублей на ничего не значащую крепость и несколько общественных зданий. Все это строилось очень быстро и небрежно и скоро разрушилось. Такой была Одесса в самом начале своего существования. А теперь обратимся к описаниям путешественников, которые в разные времена здесь побывали, чтобы нашему воображению представились скорость и гигантский размах строительства города»<sup>12</sup>.

В 1803 г. в Одессе побывал француз Релли. Крашевский цитирует интересный отрывок из его книги:

«Одессу окружают пустынные, безводные степи. Воды в городе мало, а та, что есть, очень низкого качества. Чумаки, приходящие в Одессу, теряют много волов из-за недостатка воды. А бывало так, что они приводили в Одессу караваны из 3 тысяч возов. Уже построено 800 домов, улицы широкие, но или пыльные, или грязные. Население составляет от 4 до 5 тыс. человек, преимущественно итальянцы, греки и евреи. В Одессе уже есть 5 торговых домов – французский, итальянский, английский и два немецких. В 1804 г. население Одессы увеличилось до 8-9 тыс. человек. Участки земли раздают бесплатно всем желающим, но с условием



застроить их в течение двух лет. Жители имеют право отправлять суда с товаром за границу, но под русским флагом. Доход города в 1804 г. составлял 70 000 тыс. руб. Крепость на берегу моря в форме правильного пятиугольника стараниями герцога де Ришелье превращена в карантин. Подол и Украина доставляли в Одессу зерна на полтора миллиона рублей. Если в 1802 году в одесский порт пришло 300 судов, то в 1803 году, когда Релли покидал Одессу, в порту стояло уже 400 судов»<sup>13</sup>. «Еще один путешественник [имя не указано – Н.Р.], посетивший Одессу в 1805 г., пишет: Порт, а скорее одесская пристань, находится в заливе. На высоком берегу строится город, по форме напоминающий амфитеатр. Улицы в городе широкие, длинные и красивые, хорошо спроектированные, но не замощенные, утрамбованные множеством возов. От того пыль и грязь докучают постоянно. В порту для охраны зимующих судов построены дамбы. Дома построены из камня, но для изготовления раствора используется морская вода, поэтому жить в них не здорово»<sup>14</sup>.

Этот же автор вспоминает о бирже, о коммерческом суде и госпитале, отмечает, что одесский карантин похож на марсельский, что письма из Одессы в Марсель идут 30 дней, а население составляет около 10 000 тысяч человек. Знаком Крашевский и с книгой Шарля Сикара «Письма об Одессе», написанной в 1812 г. «Сикар пишет, что Одесса получила свое название в 1796 г., в 1803 г. начинается блестящая деятельность герцога Ришелье. До его приезда в одесском порту была только одна жалкая запруда, ни одного магазина, плохой карантин, пустынные окраины, очень мало зелени и воды. Сикар вспоминал, как создавались колонии болгар, венгров, словаков, немцев. Переселенцам были предоставлены сельскохозяйственные орудия и тягловый скот, при условии возвращения стоимости всего полученного позднее. Сикар писал о стремительном расширении города, об увеличении количества окрестных деревень и о непрерывном улучшении жизни и быта их обитателей. Сикар говорил о чистом воздухе, о широких улицах, о двухэтажных каменных домах, магазинах на 300 000 четвертей зерна. Население города к 1812 г. достигает 24-25 тысяч человек, в окрестностях города в радиусе до 20 миль уже 25 тысяч оседлых поселенцев. Окрестности снабжают горожан всеми необходимыми продуктами, оттуда поступает около 10 000 четвертей зерна, привозят пшеницу-арнаутку, горох, фасоль, картофель»<sup>15</sup>. Далее Крашевский цитирует текст шеваляе Гамба, который проездом останавливался в Одессе 11 лет спустя: «Гамба пишет об Одессе как о городе большом, красивом и благоустроенном, широкие шоссированные улицы



которого и обширные площади, окруженные рядами тополей, восхищают приезжих. Гамба хвалит плодородную почву, здоровый воздух, удобное расположение города на холме в форме амфитеатра, говорит о хорошо построенном и безопасном порте, о недостатке растительности и воды. В 1823 г. население города исчислялось в 40 000 человек.

Коль, немецкий путешественник, побывал в Одессе в 1841 г. Он пишет об Одессе как о городе, процветающем под мудрым управлением графа Воронцова»<sup>16</sup>.

Но настоящим творцом, создателем, строителем и устройтелем Одессы Крашевский называет герцога де Ришелье.

Первый день в Одессе для Крашевского оказался трудным. Он остановился в частном доме, что-то перехватил в отеле «Парижский» и побегал (именно побегал, а не пошел!) на бульвар, который он уже видел мельком, проезжая, а главное – «...восхищаться, дивиться морю, приветствовать море <...> Уверен, что рассудительным людям моя детская любознательность и юношеская торопливость покажутся смешными, но я не в состоянии эти чувства скрывать и не считаю нужным их стыдиться»<sup>17</sup>, – признается он. «Кто-то другой, возможно, остался бы равнодушен ко всему этому и просто безучастно кивал бы головой и все. Скажу откровенно, как билось мое сердце – и пусть это смешно, но я хочу, чтобы оно билось беспрестанно, непрерывно, при виде этого чудеснейшего из всех образцов творения, нежели безразлично сидело в груди»<sup>18</sup>.

«Бульвар – это длинная линия домов, протянувшаяся по высокому берегу вдоль моря. Перед ней в два ряда или больше посажены акации и тамариски, а между ними – территория для гуляющих одесситов. С одной стороны бульвар замыкает биржа, прекрасное здание, построенное в греческом стиле, а с другой стороны – дворец графа Воронцова. Здания, протянувшиеся от биржи до особняка Воронцова, в стилевом отношении несколько однообразны, но великолепны, окна обращены к морю. Бульвар построен на берегу высокого обрыва, который представляет собой единственный спуск к морю со стороны степи. Над этим обрывом и строится город. Центр этой великолепной линии домов – улица, которая начинается двумя зданиями с закругленными фасадами. Перед ними в центре площади высится черная бронзовая статуя герцога де Ришелье, истинного творца Одессы. Но статуя совершенно невыразительна, одной рукой герцог указывает на море, а другой – на город, будто хочет сказать: «И эту торговлю, и эти стены создал я». А вот у ног Дюка – прекраснейший из всех памятников, которые имеет Одесса – лестница, ведущая



прямо к морю... Строительство этого сооружения обошлось городу в 800 000 рублей. И даже если лестница существует только для украшения города, не принося никакой практической пользы, – она достойна восхищения, она величественна и великолепна»<sup>19</sup>.

Крашевский был убежденным противником утилитарного отношения к искусству. Глядя на эти «бесполезные, как говорили некоторые, ступени», Крашевский напишет: «Не стоит рассматривать произведения искусства только с точки зрения приносимой ими практической пользы, красота – вот единственная цель и польза искусства. Огромная каменная лестница, состоящая из 200 ступеней, разделенных на десять пролетов, достойна моря, к которому она торжественно подводит. Люди, спущие по ней, похожи на крошечных муравьев. Лестница прекрасно дополняет торжественный облик бульвара. Два раза я сбегал по тем 200 ступеням к морю, стоял над ним, смотрел, потом направился в город – в Пале-Рояль, к Театру, в магазины»<sup>20</sup>.

Общее напряжение, острота впечатлений, усталость, жара, «беготня» – все вместе взятое вызвало такую головную боль, что Крашевский вынужден был вернуться домой. Так закончился первый день его пребывания в Одессе.

Интересен рассказ Крашевского об одесских купальнях. В Одессе он встретился со своими земляками – доктором Качковским<sup>21</sup> и доктором Сизиневским, они и порекомендовали ему для оздоровления организма и укрепления нервной системы купания в Черном море.

Прежде чем описать свои впечатления и чувства, Крашевский дает небольшую историческую справку: «Ежегодно с 1 мая по 1 ноября в Одессу съезжались представители русской и польской знати. Их влекло сюда море и развлечения. Благодаря здешнему теплему климату, купание в Черном море гораздо приятнее и полезнее, чем в Балтийском. Морские купания предписывались врачами, предполагалось, что эти приятные процедуры излечивают от множества болезней. Купания никогда не начинались ранее 1 мая и заканчивались в конце августа, так как потом воздух становится прохладным, вода менее наэлектризованной. У людей, непривычных к холодной воде, купание может вызвать лихорадку. Наиболее увлекательно купание в бурном море»<sup>22</sup>. По всему берегу были рассыпаны знаменитые одесские купальни. Они отличались уровнем комфорта и, следовательно, ценой. «Купальни есть в Практической гавани, на хуторах, по побережью, на Пересыпи. На первом месте по благоустроенности стоят платные купальни Грека (*его имя Крашевско-*



му неизвестно – Н.Р.). Они находятся недалеко от рогатки, ведущей к Практическому молу, налево от гигантской лестницы, и довольно благоустроены. Бедняки за неимением денег оставляют одежду прямо на берегу, не обременяя себя поисками купален, но, выйдя из воды, часто остаются без одежды. Есть купальни на Ланжероне, за Карантином, у Рено на Малом Фонтане. Купальни на хуторах имеют одно неудобство – каменистое дно, зато вода бьется о берег высокими волнами. В купальне Грека в порту – свои недостатки. В благоприятные дни там такая теснота и давка разного рода высокопоставленных особ, растрепанной молодежи, стариков без стыда, такое смешение нашего высокомерия и других различных настроений, что купаться в такой толпе в небольшой по площади купальне противно и неудобно. По этой причине я предпочел бы скалы у Ланжерона, нежели скопище глупцов, которых можно найти у Грека»<sup>23</sup>.

Крашевский подробно описывает устройство купальни:

«Над берегом моря стоит деревянный павильон. Он делится на две половины полотняной завесой – левая часть для женщин, правая – для мужчин. Только эта завеса, неглубоко опускаясь в море, отделяет очаровательных купальщиц от представителей сильной половины человечества. Но вовсе не надо быть искусным пловцом, чтобы эту преграду легко преодолеть, с правой половины проникнуть на левую и иметь счастье увидеть прекрасные или безобразные очи какой-нибудь рахитичной Геро. Увидев такого дерзкого смельчака, Грек, словно ошпаренный, выбегает из своего дома, машет руками, морщит свои и без того всегда наморщенные брови и громко кричит: «Господин! Господин! Нельзя, нельзя, вправо, вправо!» В ответ неудачливый пловец смеется и неохотно, но все-таки покидает запретную территорию, плохо скрывая испорченное настроение и раздражение»<sup>24</sup>. Публика в купальнях собирается самая пестрая, разные лица, национальности и языки. Слышится речь польская, русская, немецкая, французская, турецкая, армянская, татарская. «Смешавшись в толпу – горбатые, кривые, покрытые сыпью или краснотой, оставшейся от застарелых ран, лысые, на костылях – все они по скользким ступеням спускаются вниз к морю. Один купается в чепчике, другой с пузырьком на голове, тот похваляется без всякой причины умением плавать, другой трусит и, придерживаясь за перила, возвращается к берегу. Молодежь шумно и радостно обливается водой, брызги летят во все стороны, попадая на посторонних, которые не особенно рады этой забаве. Вопли, крик, бессмысленная суета и невыносимое



беспокойство, – выскакиваешь из этой толпы, как из кипятка, с одной стороны случайно наталкиваешься на еврея, на теле которого замечаешь болячку, свойственную этому народу, а с другой стороны – на покрытого красными пятнами степенного господина, который, с наслаждением фыркая, изволил поплавать. Брезгливость охватывает при мысли о том, что будешь болтаться в этом узком корытце, куда ежедневно стекает много грязи. И довершают образ купальни весьма непристойные шутки, которые отпускают мужчины в адрес купающихся рядом женщин»<sup>25</sup>. Не имея возможности отмежеваться от шутников, Крашевский, истинный шляхтич, искренне страдает при мысли о том, что лишен возможности показать свою непричастность к этим скабрёзностям. «Выражение лица хозяина купальни неприветливо, ни на одном из общепринятых языков вежливо говорить с ним невозможно. Он курит наргиле и попивает в буфете чай, и с мрачным лицом и нахмуренными бровями непрестанно ругается на все стороны»<sup>26</sup>. Его жена руководит женской половиной купальни. Наблюдая тяжелый, сварливый характер Грека, Крашевский уверен, что жена его очень страдает от грубости и оскорблений мужа. «В холодные пасмурные дни господин Грек просто невыносим, в такие дни ей, наверно, совсем скверно»<sup>27</sup>. Дешевые купальни построены ниже в порту. Там с очаровательной непринужденностью кони и люди купаются вместе, и туда же стекает весь мусор и всевозможная грязь из города.

Много времени Крашевский проводит на улицах города, охотно смешивается с толпой, прислушивается к разговорам, рассматривает лица, наблюдает манеру поведения и старательно и подробно записывает все, ни одна деталь жизни города и его обитателей не осталась незамеченной и незафиксированной.

«Улицы Одессы раскрывают (если так можно сказать) физиологию этого удивительного города. Здесь можно увидеть представителей самых разных народов, от грязного Турка до Итальянца с длинными черными волосами, до Грека в крымце пунцовой, до Караима, прогуливающегося по улице в своей татарской одежде, и до европейца, которому скроил одежду самый модный портной Одессы»<sup>28</sup>.

Крашевский даже узнал, что такие портные часто злоупотребляли своей высокой профессиональной репутацией и могли полгода шить фрак, «который в момент получения заказчиком был уже очень и очень тесен»<sup>29</sup>.

Еще Крашевский видел «Русина с длинной бородой в допетровском кафтане, Албанца в белой юбочке, гранатовой куртке с откидными ру-



кавами, черных чулках и в башмаках, в пунцовой шапочке с большой синей шелковой кистью, спадающей на плечи, и снова Турка-ротозея в грязном тюрбане, глазеющего на женщин на улицах, встречались Караймки в турецких шароварах, куртках, кушаках и шапочках, и девушки с волосами, сплетенными в мелкие косы, выглядывающими из-под шапочек (а у замужних женщин волосы были прикрыты). А вот снова Евреи и Еврейки в полуевропейской одежде, но в ермолках, а вот Болгарки в черных юбках и гранатовых свитках, Немцы в куртках, башмаках, кепках с фарфоровыми трубками. И все они кричат, ходят, суетятся, ничему и никому не удивляются, принимая друг друга такими, какими их создала природа.

Смешное и трогательное почтение вызывает у них европейская одежда. При малейшей возможности они легко отказываются от своих ярких национальных костюмов и облачаются в европейские фраки, брюки, цилиндры, совершенно не умея носить эту одежду»<sup>30</sup>. Крашевский видел много греков, которые своим красочным национальным костюмам предпочитали поношенные фраки и сюртуки из дешевой ткани, купленные на местной барахолке. Это вызывает у него грусть: «Национальные одежды уходят в прошлое, а вместе с ними и множество национальных обычаев и праздников, связанных с ними невидимыми нитями. То, что идет на смену – однообразно, сухо и убого. Но в Одессе национальные костюмы будут носить еще долго, и этим этот город отличается от остальных городов»<sup>31</sup>.

Крашевский рассказал, как и где одесситы проводят свободное время: «В будние дни деловые люди редко появляются на бульваре. Там играют дети и отдыхают старики, да няньки со своими питомцами на руках смотрят на зеленое море. Два раза в неделю вечером бульвар оживляется, здесь собирается высшая знать и представители деловой элиты города. Но вся эта толпа совершенно равнодушна ко всем пейзажам и красотам, они смотрят не на море, а только друг на друга, беседа идет на разных языках, но при этом все отлично понимают друг друга. Грек прерывает собеседника по-новогречески, Турок – по-турецки, Карайм – по-татарско-ногайски, а Черкес – на одном из диалектов Кавказа»<sup>32</sup>.

На какое-то мгновение Крашевский решил, что очутился у подножия Вавилонской башни: «Три языка в городе считались главными. Язык чиновников и делопроизводства, разумеется, русский. Язык заграничной торговли – итальянский, язык высшего общества – французский, ремесленники говорят преимущественно на немецком языке. Владею-





щий одним из этих языков может свободно общаться со всеми, и все его поймут»<sup>33</sup>.

Крашевский подробно осмотрел и описал дворец графа Воронцова. Но экскурсия была безнадежно испорчена.

Среди экскурсантов оказалась некая дама, «которая была для нас слишком умна, слишком много знала. Сейчас таких дам называют общественницами. Благодаря нескольким путешествиям по Европе, она почувствовала себя окруженной золотым ореолом высшей мудрости, свет которой хотела излить и на нас, недостойных. Она побывала в Париже, в Лондоне, два года сидела во Флоренции и в Венеции и где-то еще. С самоуверенным лицом, исполненным презрения и издевки, холодно смотрела она на нас. С высоты своей мудрости она бросала нам, толпе, объяснения, без которых мы вполне обошлись бы, подавляла замечаниями, приправленными злорадными улыбками. И мы вынуждены были слушать эту даму, которой казалось, что ее эрудиция и известность этого заслуживают. На картине в одном из залов наша ученая пани узнала площадь св. Марка в Венеции и, тыкая пальцем, стала показывать дом, в котором жили славные пьомби»<sup>34</sup>. Крашевский – истинный шляхтич, поэтому, щадя репутацию мудрой чичероне, не называет ее имени, но выход раздражению все-таки дает: «Я бы с удовольствием заплатил, лишь бы избавиться от общества этой слишком мудрой туристки»<sup>35</sup>. Крашевскому довелось видеть лучшие, ценнейшие украшения дворца, но присутствующая рядом «ученая пани» своими бездарными замечаниями в одно мгновение разрушала впечатление.

«Одно из лучших украшений приемного зала дворца – камин из Михайловского замка, – пишет он. – На темном фоне – барельефы с изображением птиц, фруктов и цветов искуснейшей работы». Крашевский пришел в восхищение, но «ученая пани» тут же охладила его восторг: «С пренебрежением она заявила, что этот камин стоит несколько десятков дукатов и не больше». Взбешенный Крашевский на бумаге дает волю своему возмущению: «Избавь, Боже, всех путешественников от женщин, побывавших во Флоренции, Лондоне и Флоренции и несущих бред обо всем, что они видели!»<sup>36</sup>

В Одессе проживало много католиков, сам Крашевский – католик, естественно, он отправился и в костел.

«Внешний вид костела неинтересен, если не сказать отвратителен. Но есть надежда, что стараниями опекунов и меценатов это положение будет исправлено и площадь костела увеличится. Внутри – чистота и



порядок. Два ряда лавок и тесные ряды кресел занимают всю правую часть костела. В дни праздничных и воскресных богослужений – невыносимая теснота, давка и духота. В правой части костела я осмотрел прекрасное бронзовое надгробие графа Ланжерона, неподалеку висит картина итальянца, г. Витале на сюжет снятия с креста. Картина такая ужасная, уродливая, создающая самое низкое представление о таланте автора, а точнее, об отсутствии таланта и знаний <...>. Только отсутствием тонкого развитого художественного вкуса у одесситов можно объяснить появление этого “с-тр-ашидла” в костеле»<sup>37</sup>. Крашевский от всего сердца жалеет здешних «знатоков живописи», если они восхищаются этой картиной. «В общем картины костела невысокого качества. С точки зрения искусства более сносны изделия из бронзы и мрамора. Паркет костела составлен из цветных изразцов, покрытых глазурью»<sup>38</sup>. Крашевский рассказывает о том, что каждый, входящий в костел, задумчиво останавливается перед картиной с изображением святой Филомены. Его пожертвовал в костел неизвестный капитан судна в благодарность за спасение во время шторма.

«Голос напоминал об опасности, и религиозное чувство, сейчас несколько притупившееся, выраженное так искренне и глубоко, произвело на меня глубокое впечатление»<sup>39</sup>. «Так же, как и на улицах Одессы, в костеле та же смесь разных народов, типов лиц и одежд, преимущественно смешение представителей низших классов разных национальностей составляют фон населения. Каждый здесь молится на своем языке, используя свою народную книгу, глубокое религиозное чувство, отказать в котором нельзя, объединяет их всех в один великий народ»<sup>40</sup>.

Упоительное это занятие – переводить книгу Крашевского, интересные его статистические исследования, наблюдения за ходом торговых операций в одесском порту, а знаменитые одесские балы, а одесские красавицы – никакая деталь не ускользает от его восхищенного взора.

Незадолго до отъезда Крашевский вышел прогуляться. Он шел по бульвару, потом свернул по Ланжероновской вниз, прошел мимо строящегося дворца князей Гагариных, вышел к берегу. На море был шторм. Вдыхая терпкий свежий морской воздух, он исступленно шептал: «Я вернусь сюда, я вернусь сюда!».

И вернулся в 1853 году. Город был еще богаче и красивее, остались неизменными только «прекрасное море и отвратительные мостовые».

*Перевод фрагментов из книги Ю. Крашевского сделан автором статьи*



- <sup>1</sup> Долгорукий И. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870.
- <sup>2</sup> Пшездецкий (Пршездецкий) Александр Нарциз (1814-1871) – польский историк, медиевист, издатель.
- <sup>3</sup> Kraszewskij J.I. Wspomnienia Odessy, Jedisanu i Budżaku. Dziennik przejażdżki w roku 1843 od 23 czerwca do 11 września J.I. Kraszewskiego. – Т. 1, 2. – Wilno, 1845. – Т. 1. – С. 148.
- <sup>4</sup> Там же. – Т.1. – С. 148.
- <sup>5</sup> Там же. – С. 66.
- <sup>6</sup> Там же. – С. 167.
- <sup>7</sup> Там же. – С. 148, 150.
- <sup>8</sup> Там же. – С. 150.
- <sup>9</sup> Там же. – С. 151.
- <sup>10</sup> Стурдза Александр Скарлатович (1791-1854) – дипломат, писатель, религиозный философ, меценат, жил в Одессе.
- <sup>11</sup> Kraszewskij J.I. ... Т. 1. – С. 153.
- <sup>12</sup> Там же. – С. 155.
- <sup>13</sup> Там же. – С. 157.
- <sup>14</sup> Там же. – С. 159.
- <sup>15</sup> Там же. – С. 158.
- <sup>16</sup> Там же. – С. 159.
- <sup>17</sup> Там же. – С. 177.
- <sup>18</sup> Там же. – С. 177.
- <sup>19</sup> Там же. – С. 179.
- <sup>20</sup> Там же. – С. 180.
- <sup>21</sup> Качковский Кароль (1797-14 окт. 1867) – одесский врач и журналист, во время Польского восстания 1830-31 генерал и гл. врач польской армии.
- <sup>22</sup> Kraszewskij J.I. ... – С. 207.
- <sup>23</sup> Там же. – С. 214.
- <sup>24</sup> Там же. – С. 212.
- <sup>25</sup> Там же. – С. 213-214.
- <sup>26</sup> Там же. – С. 214.
- <sup>27</sup> Там же. – С. 215.
- <sup>28</sup> Kraszewskij J.I. ... Т. 2. – С. 62.
- <sup>29</sup> Там же. – С. 63.
- <sup>30</sup> Там же. – С. 65.
- <sup>31</sup> Там же. – С. 65.
- <sup>32</sup> Там же. – С. 89.
- <sup>33</sup> Там же. – С. 90.
- <sup>34</sup> Там же. – С. 48.
- <sup>35</sup> Там же. – С. 48.
- <sup>36</sup> Там же. – С. 50.
- <sup>37</sup> Там же. – С. 277.
- <sup>38</sup> Там же. – С. 277.
- <sup>39</sup> Там же. – С. 278.
- <sup>40</sup> Там же. – С. 279.

**М.А. Кислова**

## **ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК ГАЗЕТЫ «ОДЕССКИЕ НОВОСТИ»**

...Если бы я был немного склонен к мистицизму, я увидел бы для себя лично, для всей своей жизни, нечто мистическое в газетном листе.

Газетный лист – это вечный спутник моей жизни. Как это ни странно, но газета сопровождает все первые сознательные воспоминания моего детства, сопровождает все последующие годы формирования и развития моего до вот этих дней, – быть может, пред скорым закатом, – остается главным перлом моей жизни.

И начало этой роли газеты в моей жизни и общественной работе положено одесскою прессою...

*Николай Ашешов*

**В** экспозиции Одесского литературного музея представлено юбилейное приложение к газете «Одесские новости» за 1909 год с автором Корнея Чуковского.

«Одесские новости» – литературная, научная, политическая, общественная, коммерческая и справочная газета, которая выходила в Одессе с 1884 по февраль 1920-го года.

Кратко об издателях газеты. 1885 г. – первый издатель-редактор – бывший стенограф Одесской городской Думы Михаил Григорьевич Тульчинский (? -1904), редактор газет «Посредник», «Известия Одесской городской думы», «Ведомости Одесского городского управления», владелец типо-литографии и словолитни; в 1885 году. – А. Черепенников, бывший гласный городской Думы.

В 1889 году газета перешла к группе местных журналистов во главе с Алексеем Петровичем Старковым. 1889 – литературная, коммерческая и промышленная газета, издатель А.П. Старков, штурман дальнего плавания, содержавший типо-литографию и цинкографию. С №100 – редактор Михаил Львович Маркевич; редактор Е. Попандопуло; с 1892 года – редактор-издатель А. П. Старков.

1896 – газету редактирует группа журналистов с доктором Ароном Зельмановичем Эрмансом, лекарем, владельцем типографии, и Израилем Моисеевичем Хейфецом (1867-?), кандидатом права.



1897 – редактор Евгений Владимирович Васьковский, приват-доцент юридического факультета Новороссийского университета по кафедре гражданского права, магистр, потомственный дворянин.

С 1902-го – за редактора Дмитрий Васильевич Столяров, коллежский ассессор; с № 6873 – Осип Абрамович Инбер, публицист; Яков Семенович (Хаим Соломонович) Балабан, одесский мещанин, лютеранин; с № 7146 – журналист Петр Титович Герцо-Виноградский и А. Балабан; с № 8160 – Э.Л. Соколовский; с №8736 – ответственный по книжному магазину и библиотеке «Одесских новостей» Виктор Петрович Демидов; с №8814 – Николай Васильевич Самокатов, крестьянин Калужской губернии; с № 9342 – Вера Зурабовна Фомина, дворянка; с № 9513 – Яков Петрович Давыдов; с № 9520 – Мария Михайловна Жуковская, потомственная дворянка, с № 9914 – Анфиса Ивановна Злыгостева, иркутская мещанка.

С 1897 года издатели – Я. Натансон, И. Хейфец и Людмила Клементьевна Гольденгорн, вдова врача, еврейка.

1901 – редактор Евгений Владимирович Васьковский.

1905 – редактор Израиль Моисеевич Хейфец (1887-?); редактор-издатель Александр Соломонович (Арон Зельманович) Эрманс.<sup>1</sup>

О редакторе «Одесских новостей» за 1909 год – И. М. Хейфеце замечательно сказал Оршер: «Создатель, вдохновитель и бессменный редактор «Одесских новостей» до последнего их номера»<sup>2</sup>.

По своему направлению «Одесские новости» примыкали к «Русским ведомостям». Наряду с газетами «Киевская мысль», «Южный край» и «Одесский листок», газета «Одесские новости» была одной из крупнейших в России после революции 1905-1906 годов, её тираж достигал 12-40 тысяч экземпляров в день.

В юбилейном приложении газеты («Одесские новости». – 1909 . – № 8001. – 25 декабря, пятница /1910. – 7 января / . – ОЛМ, КП-7103, Г-540) опубликованы фотографии сотрудников «Одесских новостей» (рубрика «Виднейшие сотрудники прежней редакции «Одесских новостей»): С. Т. Герцо-Виноградский, А. И. Черепенников, А.П. Старков, профессор Н.Я. Грот, Як. Гордин, А.Е. Кауфман, профессор А.И. Кирпичников, Л.Н. Куперник, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Л.Е. Оболенский, А.С. Попандупуло, профессор Ф.Н. Успенский, М.Ф. Фрейденберг.

Вторая часть – «Сотрудники «Одесских новостей» нынешней редакции. Администрация»:

А.С. Эрманс, Д.В. Стамеров, П.Т. Герцо-Виноградский, Л.С. Абольник (герцог Лоран), Я.Г. Натансон, С.В. Можаровский, И.М. Хейфец,



А.Т. Аверченко, Д.Я. Айзман, А.В. Амфитеатров, Н.Ашешов, И.О. Абельсон (И. Осипов), А.А. Аренберг, почетный академик И.А. Бунин, Я.С. Балабан, С.С. Бернштейн, И.Р. Бродовский, И.Ф. Василевский (Буква), И.Василевский (Не-Буква), Л.М. Василевский, профессор Е.В. Васковский, П. Витлин, А.С. Вознесенский, Я.Р. Вугман, Н.Л. Геккер, Л.И. Гольдман (Прокуров), Л.Г. Гольдштейн, И.А. Горелик, Л. Гроссман, М.М. Гусак, С.С. Гусев (Слово-Глагол), В.Е. Жаботинский (Altalena), С.С. Зак, П.И. Звездич, О.А. Инбер, Н.О. Инбер, А.И. Куприн, Кармен (Л. Корнман), З.А. Котлерман, М.М. Кринский, Л. Камышников, С.Б. Лазарович (Тон), В.Я. Левентон, М.С. Линский (зав.худ.отд.), И.К. Линцерн, Н.Е. Лоран, А.Г. Мунштейн, П.А. Нилус, Новополин, академик Д.Н. Овсяннико-Куликовский, О.Л. Д`Ор, Л.Островский, М.К. Первухин, П.М. Пильский, И.Н. Потапенко, З.Н. Прив, Я.М. Райкин, Теофраст Ренато, Н.И. Розенштейн, П. Рысс, В.А. Рогачевский, Я.Д. Сидикман, Л.С. Сидикман, Я.Г. Слапак, И.Л. Соколовский (Седой), д-р Л.Соколовский, Е.А. Соловьёв-Андреевич, Я.Г. Соснов, Л.О. Трецек, Б.Д. Флит (Незнакомец), С.Г. Фруг, И.А. Хмельницкий, М.Б. Цвиллинг, В.Н. Цедербаум, А.А. Ценовский (Диссонанс), А.Л. Черкес, К.И. Чуковский, О.Н. Чюмина, И.И. Шиф, А.Г. Шполянский (Ама), С.Ф. Штерн (Федорович), С.Я. Штрайх, Н.Е. Эфрос, А.М. Фёдоров.

Упомянуты и технические работники. «Корректуря «Одесских новостей»: Ф.Б. Бернштейн, О.Г. Гольдендах, Е.И. Коberman, С.М. Цырлин, И.М. Шнейдер.

Итак, 1909 год. Мир стремительно меняется. Уже Сергей Уточкин осуществил полеты на аэроплане и на воздушном шаре, Николай Шустов добился права называть коньяком одесский бренди, а в Бродской синагоге, впервые на территории Российской империи, зазвучал орган...

Самые любопытные занимаются обсуждением происходящего, но самые любознательные стараются быть в центре событий. А кто на рубеже XIX и XX веков в курсе всех событий? Газетчик! Именно газетчики выбирают, у кого взять интервью и о чем таком написать, чтоб все ахнули. И пусть газета «Одесские новости» провинциальна, но это только потому, что традиционно есть столица, а есть «нестолица», провинция. Но в юбилейном номере главный редактор газеты легко сумел доказать, что одесские газетчики знают свое дело ничуть не хуже столичных.

О популярности газеты сами за себя говорят поздравления, опубликованные в юбилейном номере.





«ОДЕССКИЕ НОВОСТИ» № 1801

## Сотрудники «Одесских Новостей» нынешней редакциѣ.

### Администрация газеты.



**А. Л. Заячъ**  
редакторъ, редакторъ «Юридическаго вѣстника»



**А. В. Стоковскій**  
привѣтующий корреспондентъ



**П. Т. Горюновъ**  
редакторъ «Юридическаго вѣстника»



**А. С. Алексѣевъ**  
членъ комитета редактора и издателя «Юридическаго вѣстника»



**С. В. Харинъ**  
членъ редакцѣи и членъ комитета редактора



**В. Г. Литвинъ**  
членъ комитета редактора



**С. В. Виноградовъ**  
членъ комитета редактора



**Г. Т. Арсеновъ**



**А. Н. Алексѣевъ**



**А. Е. Амелитскій**



**Н. Антошевъ**



**М. О. Абрамовъ (И. Сидоровъ)**



**А. А. Абрамовъ (Сидоровъ)**



**Дмитрий М. А. Бруевъ**



**А. С. Бабитскій**



**С. С. Борзовскій**



**Н. П. Болшовскій**



**М. В. Болшовскій (И. Сидоровъ)**



**Н. Болшовскій (И. Сидоровъ)**



**А. Н. Болшовскій**



**Дмитрий I. В. Болшовскій**



**С. Болшовскій (И. Сидоровъ)**



**А. Е. Болшовскій**



**С. П. Бруновъ**



**Н. А. Герасимовъ**



**А. Н. Герасимовъ**



**С. Н. Герасимовъ**



**Н. Н. Герасимовъ**



**М. А. Герасимовъ**



**А. Герасимовъ**



**М. Н. Герасимовъ**

*Число редакцѣи  
въ 1893 году  
въ 1893 году*







«ОДЕССКАЯ НОВОСТЬ»

в. М. Кислова  
17 мая 1908 г.

№ 8001

В. В. Ивановъ, В. Н. Паладьевъ, А. А. Шенковъ (Директоръ), А. А. Черновъ, К. К. Чуповъ, В. В. Чуповъ (1907 г.)

И. К. Шенк., В. П. Шенковъ (1907 г.), Д. Ф. Шенковъ (Директоръ), С. Н. Шенковъ, К. Е. Шенковъ (1907 г.), А. М. Шенковъ

Служба редакция газеты «Одесская Новость».

Служба редакция газеты «Одесская Новость».

Корректур «Одесская Новость»

Редакция «Одесская Новость»

В. В. Воронцова, В. Г. Голубовъ, Е. В. Воронцова, С. К. Воронцова, Е. М. Шенковъ

Служба редакция газеты «Одесская Новость».

Служба редакция газеты «Одесская Новость».

(Учредитель газеты редакция Г. М. Шенковъ)  
Выдана Административной властью 17 мая 1908 г.

9/08



### **«К юбилею «Одесских новостей»**

В течение всего декабря нами получались из разных городов – преимущественно от журналистов, артистов и художников – приветствия по случаю исполнившегося 25-летия нашей газеты. Громадное большинство читателей и даже журналистов узнало о юбилее только из № нашей газеты, вышедшего в день 25-летия, чем и объясняется некоторая запоздалость этих откликов. Еще раз приносим всем свою искреннюю благодарность.

В дополнение к цитировавшимся уже у нас в № от 6 декабря отзывам, приводим позднейшие приветствия других газет.

*«Биржевые Ведомости» пишут:*

«Одна из лучших провинциальных газет «Одесские Новости», руководимая талантливыми журналистами Эрмансом и Хейфецем, празднует 25-летний юбилей своего существования. Посылая искренние благопожелания почтенному собрату, приводим из руководящей статьи юбилейного номера «Одесских Новостей» строки, в которых юбиляры по праву оценивают значение всего ими созданного».

Цитируя затем нашу статью, где, между прочим, говорится: «Поднять провинциальную печать на уровень печати общерусской, эмансипировать ее от домашних дряг и обывательской мелочности, вдохнуть в нее общественно-политическую душу, сделать ее достойным собратом столичной печати, охватить эту колоссальную задачу во всех деталях «Одесским Новостям» удалось только со середины 90-х годов прошлого столетия – «Бирж.Вед.» от себя прибавляют: «И удалось – будем справедливы – прекрасно».

*Петербургское «Обозрение театров»:*

«1 декабря исполнилось 25-летие существования одной из крупнейших и наиболее ярких провинциальных газет – «Одесские новости». Газета эта является не только широко-осведомленным органом юга России, но и рассадником самых передовых общественных и литературных идей среди многочисленного круга читателей в своем обширном районе. Созданная и руководимая А.С. Эрмансом, при сотрудничестве даровитого журналиста (известного в качестве театрального критика под псевдонимом Старый Театрал), газета «Одесские Новости» «выпустила» для читателей немало литературных имен, знакомых уже теперь далеко не в одной Одессе. Из «Одесских Новостей» вышли «в свет», между прочим, критик К. Чуковский, публицист Вл. Жаботинский, беллетрист Кармен, драматург и журналист Ал. Вознесенский, поэт Дм. Цензор и др.»

*«Одесское слово»:*

«Первое декабря было торжественным днем для «Одесских Новостей»: исполнилось 25-летие существования газеты.

Конечно, большой праздник для самой газеты: из бедного, захудалого провинциального листка 25 лет тому назад она в настоящее время превратилась в большую, богато на манер столичных обставленную газету – в одну из первых передовых органов прессы России.

Но еще большее торжество представляет собой юбилей «Новостей» для всей русской прогрессивной печати. Двадцать пять лет стоять на страже идей свободы и демократизма для органа печати, как и для живого общественного деятеля, – «не поле перейти». За последнюю четверть века, когда особенно тяжелы были условия российской общественности, пали в бою многие передовые бесстрашные органы печати. «Новости» же выдержали натиски бурных роковых волн и благополучно несутся вперед. В праздничные торжественные дни забываешь будничные разногласия по вопросам нашей народной жизни, так отличающие «Слово» от «Новостей», и мы шлем юбиляру-товарищу пожелания дальнейшего непрерывного роста и процветания».

*«Черноморское Побережье»:*

«1 декабря «Одесские Новости» скромно отпраздновали свой 25-летний юбилей.

Говорим «скромно» потому, что, как сообщает и сама газета, праздновать было некогда. Газетный работник принадлежит не себе, а читателю и, прежде всего, должен думать не о своих интересах и желаниях, а об удовлетворении требований читателя, который неукоснительно и каждый день хочет знать, что делается на белом свете, и требует сведений телеграфных, почтовых и иных, которые газетный работник обязан добывать, выбирать, сортировать, откидывая пшеницу от плевел, и преподносить ему в готовом, удобопринимаемом виде.

При такой кипучей работе о празднествах, т. е. о внешней их стороне, никто из участников юбилея не думает. Внешняя сторона торжества по неволе откладывается. Но тем ярче выступает наружу торжество духа, чувствуется то внутреннее довольство собой и окружающими, даже благородная гордость от сознания, что вот этот орган человеческой мысли и духа вырос, окреп, заговорил, наконец, так громко, что его слышат в громадной толпе, к нему прислушиваются и считаются даже те, кто метал громы и молнии. И все это создано не всемогущими капиталами, не на-



силием власти, а прекрасной верой в торжество правды, твердой волей и силой благотворной мысли.

Да, это внутреннее торжество стоит неизмеримо выше наружного! И действительно, оно велико!»

*ПРИВЕТ РЕДАКЦИИ «ОДЕССКИХ НОВОСТЕЙ»*

*(Печатается по просьбе автора)*

Старинный сотрудник «Одесских Новостей» шлет сердечный привет из нынешней редакции, которая превратила маленькую газету в большой и влиятельный орган печати, неуклонно проводящий те же идеи, какие одушевляли редакцию и сотрудников в 80-х годах.

Маленькая лодочка стала большим кораблем. Невзгоды, какие она в свое время испытывала, разрослись в большие испытания, неизбежные в большом плавании.

Честь и слава кормчим!

*Д. Овсяннико-Куликовский  
Петербург»*

Благодаря этим отзывам, можно четко проследить динамику развития газеты. И, действительно, юбилейный выпуск интересен нам как источник абсолютно разных по жанру, но одинаково любопытных и актуальных (и тогда, и сейчас) текстов. Как классики дореволюционной литературы, так и забытые, к сожалению, журналисты представляют нашему вниманию жизнь более чем столетней давности. Представляют ярко и остроумно, ведь уже тогда зарождается то время, про которое Тэффи позже скажет: «Жить в анекдоте ведь не весело, скорее трагично». И гораздо лучше, чем биографии и ссылки на другие произведения, эту жизнь помогают прочувствовать газетные тексты.

В юбилейном выпуске «Одесских новостей» были опубликованы воспоминания Николая Ашешова. А его самарский коллега Н. Самойлов оставил нам прекрасный литературный портрет одесского журналиста:

«В моей памяти сохранился этот высокий человек с изломанными бровями под прозрачной синевой очков, насмешливыми губами и бородкой Мефистофеля, «газетчик» до мозга костей... Острый и живой в общении, легко сходившийся с людьми, он прекрасно ладил со своим партнером и был одинаково желанным гостем и в купеческих гостиных, и в салоне либеральных земцев. Газета через него тесно сближалась с жизнью».<sup>3</sup>

**Николай Ашешов****О ГАЗЕТЕ****Воспоминания и мысли**

(К 25-летию юбилею «Одесских новостей»)

Жизнь вложила много веселого юмора в содержание слова «юбилей». Но когда берёшь перо в руки, чтобы писать о газетном юбилее, отлетает всякий юмор, и в веренице воспоминаний и прожитых переживаний, вспыхивающих магнием в памяти, одно чувство доминирует над всеми – чувство жути...

Я совсем не сентиментален, но я не понимаю даже скорбного замечания Глеба Успенского, который на запрос об его юбилее ответил полугрустно, полужутливо, что «юбилей» не нравится ему уже потому, что это слово напоминает ему другое – «мавзолей».

Какой уж тут мавзолей!

Мавзолей – нечто пышное, торжественное, величественно возвышающееся. А когда думаешь о русской периодической печати, – впору видеть пред глазами только одинокую могилу, засыпанную мерзлой землёй, небрежно брошенной рукой пьяного могильщика...

И мало радости, поэтому, приносит мне весть о газетном юбилее. Если и приносит, то не реальную радость, пропитывающую всё существо, подымающую, энервирующую и возбуждающую, – а скорее злорадство на национальную русскую тему: А всё-таки мы выжили, а всё-таки, как-никак, существуем»...

И когда я шлю своим товарищам привет в день, когда они могут гордиться тем, что они «всё-таки выжили», я горжусь с ними не условностью юбилейной даты, а неистребимостью духа русского «газетчика».

Если бы я был немного склонен к мистицизму, я увидел бы для себя лично, для всей своей жизни, нечто мистическое в газетном листе.

Газетный лист – это вечный спутник моей жизни. Как это ни странно, но газета сопровождает все первые сознательные воспоминания моего детства, сопровождает все последующие годы формирования и развития моего до вот этих дней, – быть может, пред скорым закатом, – остается главным перлом моей жизни.

И начало этой роли газеты в моей жизни и общественной работе положено одесскою прессою.

Вот почему юбилей «Одесских новостей», о котором я узнал очень поздно – только сегодня, – взволновал меня до затаённых глубин души, встревожил их, взметнул в них рой воспоминаний, давно забытых, оставшихся где-то под спудом, покрытых давностью жизненной усталости.



И проходят теперь, как в синемаатографе, картины этого прошлого, встает в нарядных красках родной город – Одесса – мчатся роим воспоминания, и вновь переживаешь, – далеко-далеко от вас, в холодной Финляндии, – эту многопеструю, шумную, быстро мчащуюся вперед южную жизнь, во всей красочности ее внешних сторон, по всей нервности ее души.

Я родился в Одессе. И до поступления в университет жил в этом городе, наложившем на меня свою печать и давшем мне первые жизненные устои.

Когда – вот как сейчас – живо и ярко вспоминаю я свой родной город, я чувствую запах акации. Тянутся стройными рядами деревья, осыпанные, как снегом, белыми гроздьями ароматных цветов; чист и прозрачен сочный от весенних лучей солнца воздух; нежно голубое, как глаза возлюбленной, небо сыплет радостные улыбки; сверкает вдали море, и купаются в нем белые паруса...

И над всем – сладкий, густой аромат акации...

Раннее утро. Пятилетний мальчуган, босиком, наскоро облачив свое существо в легкие одежды, состоявшие всего из двух предметов, я лечу... в контору «Одесского вестника».

Это недалеко от дома. Стараюсь сейчас мучительно припомнить, на какой улице эта важная для меня конторка. Кажется, по Греческой или Полицейской, вблизи Ришельевской улицы. Ясно помню двухэтажный дом, грязный, с обвалившеюся штукатуркой. У дома стоит уже людской хвост. Вместе с другими я пришел получить очередной номер «Одесского вестника».

Тогда, если не ошибаюсь, не была развита подписка «с доставкой на дом». Подписывались без доставки, и приходилось ежедневно приходиться за получением газеты.

У меня в руках толстая картонная карта. На ней напечатано тридцать квадратиков с цифройю, начиная от единицы, в каждом. Я протягиваю руку с картоном в окошко, выходящее прямо на улицу. Невидимый для меня человек берет картон. Я слышу, как с треском он пробивает щипцами очередную цифру, и затем я получаю номер газеты вместе с картоном.

Вот мои первые воспоминания детства: я – и газета у меня в руках.

Подпрыгивая и резвясь, бегу я по улице домой. Меня окружают «дети улицы», сверстники и товарищи, между нами завязывается оживленная беседа. Они говорят по-еврейски, я говорю по-русски, но мы отлично понимаем друг друга и продолжаем путь вместе, прыгая по тротуарам, как птички. Удивительные все-таки филологи и лингвисты – дети: понимали отлично друг друга, совершенно не зная языка собеседника...

Я – дома и торжественно вручаю номер газеты отцу.



Отец уже в магазине, стоит за прилавком, как всегда, спокойный, строгий, даже важный. Я знаю, что он, как всегда, усердно молился перед образами, степенно выпил чаю и теперь принялся за свою обычную работу.

Работа – работой, а газета – газетой. И происходило то, что меня всегда удивляло: отец откладывал все свои дела и принимался за чтение свежего листа. Ничто не могло помешать этой привычке. Малограмотный крестьянин Ярославской губернии, приписавшийся затем в Одессе «второй гильдии купцом», он положительно не мог существовать без газеты. И, получив ее из моих рук, он усаживался за конторкой и весь погружался в чтение.

Приходили и уходили покупатели, но отец не обращал на них никакого внимания. Единственный приказчик заменял отца, и его глаза, всегда внимательно и хорошо контролирующие, теперь, как магнитом, привлечены печатными строками, и он читает, читает, читает внимательно и долго.

Читает и кивает головой то направо, то налево. Он переживает прочитанное. То улыбается, то морщит брови, то выражает удивление, и весь уходит в игру лица, им не замечаемую. И неизменно кивает головой то в одну, то в другую сторону.

Я пытливо смотрю на отца. Сiju смиренно и тихо, боюсь заговорить: отец был строг, и верными, хотя и старыми средствами, пресекал всякий беспорядок с моей стороны.

Я смотрю на отца пытливо и проникаю величайшим уважением и к грамоте, и, в особенности, к газете.

Она для меня нечто священное, большое, крупное. Что-то не укладывающееся в рамки обычной повседневности, стоящее выше ее, господствующее над ней. И меня манит к ней, влечет, и, когда отец, закончив чтение, велит мне отнести ее к соседу в магазин (на газету подписывались в складчину), я долго рассматриваю на улице печатный лист и стараюсь вникнуть в смысл черных, непонятных для меня печатных знаков.

И постепенно эти знаки вселяют во мне жажду к грамоте, и я мечтаю, как о сладкой грезе, о том времени, когда и я буду сидеть спокойно у конторки и читать газету, кивая в стороны головою...

И скоро частица мечты претворяется в жизнь. Тайно от отца я прошу приказчика – «дядю Алексея» – научить меня грамоте. Он охотно соглашается. И немудрящий педагог на первом же уроке обучает меня буквам и складам по крупному заголовку «Одесский Вестник».

Это были первые буквы, которые я разгадал в таинственной газете, а цифры нумерации были первыми цифрами, которые я понял из «курса арифметики».

Учение пошло быстро. Я слишком жаждал поскорее проникнуть в тайны газеты и напрягал все силы головы, чтобы овладеть путанными и туманными объяснениями дяди Алексея.





И, наконец, я – читаю. Все буквы раскрыли мне свои тайны, и, водя тонким пальцем по газетному листу, я с наслаждением соединяю буквы в слоги, слоги в слова.

Конечно, не много я понимал из тогдашней газетной мудрости. Но терпеливо читал, читал и кивал из стороны в сторону головой, и старался понимать прочитанное. И верхом моего торжества бывало, когда за обедом я мог поддержать разговор отца, передавшего матери какие-либо интересные городские происшествия... Таким путем родители узнали и про мою тайну – что я обучился грамоте.

С тех пор я стал весьма заядлым газетным читателем. Герцеговинское восстание и турецкая война – это было уже четыре года спустя – окончательно сделали газету моей потребностью. Помню, что всякими правдами и неправдами выпрашивал я дома три копейки, чтобы, идя в прогимназию, зайти в магазин Навроцкого на Преображенской и получить в виде премии к тетрадке бесплатно номер «Листка Объявлений»...

И когда (в первом классе) учитель русского языка предложил нам в качестве классной работы описать нашу жизнь дома, я смело, среди прочего изложения, написал: «И ещё занимаюсь политикой».

А когда преподаватель спросил меня, что же это обозначает «политика эта», – я ответил гордо: «Политика – это война».

Я не был пророком, но, кажется, для нашего, т. е. теперешнего времени, я сделал довольно удачное определение...

С газетой я сжился. Сжился до такой степени, что в 13 лет меня потянуло писать. И однажды я сел писать... роман.

Да, роман.

Случилось это неожиданно, и история моего увлечения идеей романа в первоисточнике своем носит... уголовный характер.

Был у нас в прогимназии (тогда она называлась «Одесской второй») преподаватель русского языка Никифор Александрович Засадкевич. Хорошо удержалась в моей памяти его длинная русая борода, голый череп и хохлацкое произношение, которое причиняло нам, малышам, много бед и служило причиной единиц и двоек. Он диктовал, например:

Сцепотки волосков лиса не позалей,

Остался б фост у ней.

И мы добросовестно писали «сцепотки», «позалей», «фост» и за это строго карались строгим педагогом, не допускавшим у себя дурного произношения и обвинявшим нас в насмешках над ним.

Так вот над этим учителем однажды стряслась беда. Шел он утром по Дерibasовской улице в прогимназию на уроки. Вдруг к нему подбегает



какой-то мужчина и с силою вонзает широкий нож в грудь. Засадкевич падает, его увозят в больницу, незнакомца полиция тут же задерживает, да он и не пытается скрыться.

История эта производит на нас, малышей, потрясающее впечатление. Толкам и разговорам нет конца. Самые фантастические слухи о причинах покушения (учитель оказался только тяжело раненым) реют в школе и вытесняют собою все интересы. Месяцами мы не могли успокоиться после трагедии. А вскоре назначенный суд и прямо выбил нас из колеи.

Конечно, я жадно читал отчёты о судебном разборе дела. В прогимназию я шел уже весь начиненный подробностями судебного разбирательства и живо рассказывал их товарищам. И – помню – здесь вдруг начинала играть моя фантазия, и я без всякого намерения накладывал краски в довольно густом слое, рисовал людей и положения в своем освещении и вообще фантазировал. Я изображал нашего скромного (да простит мне он!) учителя каким-то сверхъестественным злодеем, ограбившим своего брата, бежавшего из Сибири, чтобы отомстить... Месть совершилась, и его оправдают – смело предсказывал я.

Мои фантазии имели некоторое отношение к правде. Покушавшийся на убийство, действительно, был оправдан. Действительно, он бежал из Сибири. И, действительно, причиною покушения были какие-то родственные счеты. Но фантазия моя прыгала без удержу, и я «растекался мыслию по древу» в духе разбойничьих романов, которые я читал тогда с безумным увлечением.

И – повторяю – однажды я серьезно решил засесть за роман. Я решил описать жизнь двух братьев – одного благородного рыцаря, а другого прирожденного злодея. Благородный рыцарь, благодаря интригам злодея, был сослан на каторгу и здесь обдумывает план мести и т. д., и т. д.

Сказано – сделано. Я сажусь писать. Беру перо в руки, и дрожь пронизывает меня. Я волнуюсь, как пред исповедью у священника. Слова не идут на язык. Я нем. Долго я мучусь в муках свободного творчества и, наконец, прохожу первые преграды. Изложение началось.

Под землей в рудниках, прикованный тяжелой цепью в 10 пудов, работает каторжник. Свирепые надзиратели поминутно стегают его плетью за лень. Но он ленив не потому, что ленив, а потому, что все мысли его в России, в Одессе, на Соборной площади, где во второй прогимназии преподает русский язык его брат, несокрушимый злодей, ежедневно ставящий по несколько единиц и ограбивший двух своих матерей – родную и мачеху...

Не помню, много ли и долго ли я писал. Истрачено было бумаги достаточно. И, конечно, свою работу я производил в строгом секрете. Никто не знал моего гордого замысла, никто не проник в тайны моего художественного творчества.



Долго ли, коротко ли писал, но вдруг предстал предо мной простой вопрос:

– Хорошо, напишу, а дальше что?

– Конечно, дальше – надо печатать.

– Как?

Ни на мгновение не приходит мне в голову мысль о том, чтобы снести свое произведение в редакцию газеты. Там – больше, чем храм. Там сидят умные, всезнающие люди, гении, недостижимые для нас, волшебники, со всего мира собирающие вести и знания.

Но что же делать?

Я задумываюсь, и в голове моей вырастает грандиозный план. Я напечатаю роман сам!..

Я никогда не бывал в типографиях, не видел сам работы в них. Но, вероятно, товарищи или взрослые объяснили мне, в чем там секрет. И поэтому я пришел к весьма простому заключению. Я напечатаю свой роман, но не в типографии, а у себя дома. Шрифт? Пустяки. Пустяки. Ежедневно я изрезаю газету на столбцы, столбцы на строчки, строчки на буквы. Одинаковые буквы кладу в один и тот же ящик. А потом, когда наберется много-много букв, я начну наклеивать их на листы бумаги, составляя из них слова уже по рукописи своего романа.

План привел, прежде всего, меня самого в дикий восторг. Я готов был плясать от радости и немедленно же принялся за работу. Изрезал бесконечное количество газет, не щадил даже книг, создавал свою малую тайную типографию...

Нечего говорить, что вся эта затея очень скоро надоела мне. Сизифов труд вырезывания букв, корпенье над столом, наклейка...

А под окном тысячью гортанных звуков кипит молодая жизнь, клик идет по всему двору – зовут меня радости детства...

И предал в один прекрасный весенний вечер я свое вдохновение, бросил под стол и свою типографию, и плоды своего свободного творчества, и побежал во двор, где меня буйно приветствовали, как вернувшегося блудного сына, все мои сотоварищи по двору (это был дом Бирюковой, на Греческой, кажется, улице, густо-густо заселенный положительно тьмою еврейских семейств).

Газета делается моим постоянным спутником. Старшие классы гимназии (третьей) ознаменовываются политическими увлечениями. Работа в кружках, чтение, первое приобщение к нелегальной литературе. Ожесточенная борьба с преподавателями. Мечты об университете и о будущей общественной и политической деятельности.

И рядом с серьезной книгой на столе лежит газета. И не одна, а две: к «Одесскому Листку» присоединяются и «Одесские новости».



Без газеты я уже не могу жить, и не побеседовать с товарищами о новостях дня – для меня уже невозможно...

О газете я тайно мечтаю, но никому не говорю о своих мечтах. Разве возможно радикальному юноше думать о газетной работе, когда так много очередных задач диктует нам родина, когда кровавые...

Но это не мешает мне тайно от товарищей (радикалы разве смели влюбляться?!) влюбиться в одну голубоглазую пепиньерку епархиального училища. И когда я в первый раз остался с ней наедине и, весь стгорая от сладостной истомы и от желания победить ее – гордую, прекрасную, лучшую на всем свете, – победить не только мещанской любовью, но и умом, и развитием. Я не мог в пылу любви придумать ничего лучшего, как процитировать, выдавая за самостоятельные мысли, передовую статью «Одесских Новостей» на тему о странном предпочтении русскими иностранных товаров, особенно предметов моды.

О, как я был жестоко наказан!

Пепиньерка тоже читала газеты и как раз прочла и злополучную передовую статью.

Плагиат мой был немедленно обнаружен, и моя любимая серебряно засмеялась и прозвенела своим очаровательным голосом:

– Все это я читала сегодня в «Одесских новостях»!..

Тысяча дьяволов рвали мне сердце на части. Бешеным водопадом хлынула кровь к лицу и, потеряв способность речи, я стоял пред ней, возлюбленной, как на эшафоте.

Мы были на балконе. Сквозь его решетки протягивались белые ветви акации, и пьяный ее ароматом воздух смеялся, как Мефистофель, над моим разбитым сердцем.

Спасибо тебе, товарищ, автор статьи о пристрастии русских к иностранным товарам!

Спасибо вам, «Одесские Новости»!

Благодаря вам, моя любовь исчезла от стыда...

Вы излечили меня от безнадежной любви, ибо коварная пепиньерка была уже давно – и я, несчастный, этого не знал! – невестой бравого семинариста и вскоре вышла за него замуж...

Ее звали Надеждой...

Милая Надежда, живы ли вы теперь, и мелькает ли хоть иногда в памяти у вас худенький гимназистик, вместо поэтической и нежной декларации чувств, читавший вам наизусть передовую статью «Одесских Новостей»?...

И этим окончилась моя зеленая юность

А дальше начинается уже доподлинная жизнь.



Юные грезы хранятся не долго. Как осенью, их сдувает ветер суровой жизни... А тут подошла распутица восьмидесятых годов, распад и развал всей нашей общественности. Вальпургиева ночь политического отлива.

Началась доподлинная жизнь, и много-много фаз проделала она над бывшим гимназистом, научившимся читать по газете.

И все же, то, что дано было первыми впечатлениями бытия, осталось прочным вкладом, и в любовных тонах грезится мне моя южная жизнь, первые расцветы мечтаний души, светлых порываний к действенной общественной жизни, робкие шаги сознания и бред наяву о счастье жить и работать.

Да будет благословенна южная весна и юность!

Жизнь пошла тяжелыми и трудными путями. Идеи – идеями, а обеды в Ляпинке (в Москве дешевая благотворительная столовая для студентов) плохо уживались с южным воображением и порывами, упрямо сидевшими. И, работая над лекциями и книгами, приходилось думать и о другой работе – для пропитанья

А газета вклинилась уже в существо мое, и мысли мои опять направились к ней – моему спутнику.

Я пробую писать статьи. Но мой ум переполнен юридическим багажом. Я не умею без него подойти к вопросу жизни. Меня влекут вопросы права, но, если я обсуждаю с пером в руках, например, сенсационный процесс и приговор присяжных, я не могу писать об этом просто. Теории мрачат мой ум. Приговор – это явление права, и перо мое разглагольствует о теории права, о приложении к юридическим наукам теории Канта, о понимании догмы права по Муромцеву. И, когда я дохожу до приговора, ради которого взял перо в руки, тетрадка уже кончилась, тысячью строк смотрит на меня все написанное. И я прихожу в отчаяние и безнадежно думаю, что никогда, никогда не в состоянии буду проникнуть в святой храм газеты...

Но она влечет и манит.

И я принялся за переводы.

Это тоже одна из шалостей Амура. Переводить начал потому, что изучил французский язык, которым в гимназии не занимался – с горя, от настоящей уже – безнадежной любви. И переводил Мюссе. И плакал ночами над французским текстом и над своим переводом «Ночей», и, тоскуя влюбленно, упражнялся вдоволь во французском диалекте.

И в результате снес в редакцию одной маленькой газеты перевод какого-то пустячка Катулла Мандеса. Приняли и просили ещё. Я отдался новому порыву.

Говорят, что газета и сцена имеют то общее, что люди, раз приобшившиеся к ним, навсегда отравляются этим своеобразным ядом, навсегда,



до конца дней. И, кажется, это верно. Сладкий яд писательства не менее силен, чем сладкий яд сцены. Писать и видеть написанное в печати – все равно, что играть пред рампой. И там, и тут одинаково сильны искушения. И там, и тут неизбежно влечет. И, втянувшись, хотя в ничтожной дозе, в эту отраву, я пребываю в ней до днесь, бросив ради неё даже начавшуюся отлично адвокатскую карьеру.

И «Одесские Новости» были первой газетой, где я попытался писать «оригинально».

Продолжая читать в Румянцевском музее, хотя и запоздалые, но все же родные одесские газеты, я однажды решился написать «письмо из Москвы». Написал и отправил по почте в «Одесские Новости», с превеликим страхом души и томлением духа. Фельетонисты пишут весело, и я должен писать тоже весело. И писал. Но, помнится, ничего-то у меня не выходило. Но радость моя была безмерной, когда я вдруг получил номер «Одесских Новостей» с напечатанным «письмом из Москвы». В этот день я решил окончательно посвятить себя «служению ордена рыцарей пера»... Выразался я тогда громко, и сердце мое билось трепетом неизъяснимым....

А потом пошла уже настоящая полоса газетной работы.

Скитанье по провинции, возврат в столицу, работа в столичных газетах, потом большая полоса большой журнальной работы, потом вдруг радостные просветы свободной печати. Я – редактор большой газеты в Петербурге. Потом с 1906 года редактор целого ряда московских газет. Их было около двенадцати, одна сменявших другую. И все они были закрыты.

Круговорот свершен, и я снова сотрудничаю в «Одесских Новостях», принявших мое первое письмо.

И идет уже начало третьего десятка работы моего письма.

## VII

– К чему все это? – спросит читатель.

– Кому нужны эти автобиографические излияния? Будь ещё какая-нибудь знаменитость – другое дело...

Узнаю тебя, русский читатель. Даже в наши маленькие именины ты не хочешь покинуть своего гордого одиночества и эгоистической разобщенности от прессы, каждый день дающей тебе пищу....

Вот двадцать пять лет «Одесские Новости» день ото дня служили тебе, а задумался ли ты когда-нибудь над тем, что значит это служенье?

Тяжело, конечно, всем живется на Руси. Но к нашей жизни читателю следовало бы присмотреться, потому что для него и во имя его мы существуем, работаем, живем, вдохновляемся, мы, газетные работники.



А ведь мы – поденки, бабочки, живущие один только день. Написанное сегодня, завтра утром мельком прочитывается и забывается. Наш мозг, лучшие наши соки, все, что дал нам ум, талант, большой или маленький дар, опыт жизни, знания, чуткость, все это мы, поденки, отдаем тебе. Отдаем безвозвратно, потому что газетная работа духовно не питает, она сводится к тому, что мы в ней растрчиваем всю свою наличность, и растрчиваем на что? На то, что, созданное сегодня, завтра погибает.

Из всех отраслей печатного слова наша газетная работа самая тяжелая и самая неблагодарная. Она требует ежедневной напряженности, ежедневной свежести, всегдашней живой восприимчивости и отзывчивости, большого технического искусства, специально приуроченного к легкому типу ежедневного издания.

Если мы имеем радости – влияние на читателей, – то скоропреходящи эти радости, как скоропреходяще влияние сегодня утром уже умершей статьи.

Мы живем большою, сложною, многосторонней жизнью. Но вся наша работа, невидимая, вся наша душевная подоплека, вся наша интимная сторона никогда не остается с нами и не таится в нас. Прямо или косвенно, частицами атомными или большими кусками, мы отдаем все это вам, читатели. И каждая строка созданного вами для вас вчера – сегодня только мертвый обрывок какой-то другой работы, большой и красивой, пленявшей своей огромностью. А мы отдали ее по кусочку вам, читатели, и манившей большой работы никогда не совершим: сделали растрату для вас и ради вас.

Мы не говорим об условиях нашей работы. Они нам известны хорошо. И, помня о них, вспомните и о том, сколько осталось невысказанного! Сколько погрებაется мыслей ярких, сильных, брызжущих и смелых! Сколько начинаний создавала наша фантазия и сколько вдохновения могли бы передать вам мы.

Но – мимо этого... подальше от этого...

И, когда мы просим минуту внимания у вас, чтобы сказать о себе, то это уже не просьба, а требование людей, отдавших вам по частице золотой мозг. Вы помните, конечно, сказку о человеке с золотым мозгом?

...Много ещё можно писать на эту тему. Но пора и кончить.

Кончить выражением единственной веры, нас вдохновляющей.

Верой в вечность и неистребимость человеческой мысли и слова. И позвольте мои простые слова заменить образом.

В средние века это было. Главный город небольшой страны был обложен неприятелем. Теснее и теснее сдвигалось кольцо. Труднее и труднее было осажденным. Но стойко бились они и стойко умирали.

И вдохновляла их на подвиг королева со своими сыновьями.



С безумной отвагой дрались они под знаменами и один за другим падали, сраженные неприятелем.

Двенадцать сыновей было у королевы. И вот когда пал ее предпоследний сын, неприятель присылает к ней послов и советует сдаться со всем возможным почётом.

– У тебя остался из двенадцати только один сын, – увещевали королеву послы, – умрет ведь и последний: сдайся!

Но, прогоняя послов, гордо отвечала королева:

– Убьют всех сыновей? Ничего: нарожу ещё!...

Так всегда отвечала и гордая человеческая мысль...

*Териоки*

*Ник. Ашешов*

*1 декабря*

Небезынтересны и интервью начала XX века. Некто «И Г-к» в этом выпуске представил самые яркие фрагменты своей работы в Одессе и не только.

### **И Г-к**

#### **К 25-летию «Одесских Новостей»**

Читатели, как кажется, думают, что дело «интервью» такое простое, легкое и совсем не сложное: с одной стороны, «знаменитость», «имя», «большой человек», или, как метко определил А.И. Куприн, – какой-нибудь «слон»; с другой – сотрудник газеты. Первый усаживает второго против себя, знаменитость рассказывает, сотрудник внимательно слушает и мотает себе на ус, а потом дословно изображает все выслушанное, заканчивая так: «Беседа на этом окончилась; «мы» откланялись». Точка, инициалы и дело с концом.

Честное слово, господа, это не так просто, как вам кажется. Не так просто и не так легко!

На протяжении 18 лет я занимаюсь этим грешным делом – пишу интервью – в «Одес. Новостях». Перевидел всяких «слонов» на своем веку. Есть о ком и о чем вспомнить.

И всегда я завидовал газетным передовикам, публицистам, «злобистам», а особенно беллетристам. Им что? Разделить Китай! Присоединить Крит! Определить политическую физиономию переживаемого момента, отгадать «конъюнктуру» – это ничего!

А знаменитости, идолы, кумиры – публика вся очень капризная, избалованная. Иногда слушаешь этакого «слона», стараешься запомнить каждое его слово, движение и думаешь:





– Если все это напечатать, – так получится не интервью, а скорее объявление в тексте, да притом бесплатное.

Однажды вышло такое дело: приезжает в Одессу британя знаменитость – актер модный, трагик с именем, еле упростили его приехать в Одессу.

Конечно, интервью.

– Ваши вопросы?..

– Что вы думаете о современном театре; драматургах; ваши любимые пьесы, ваши знакомства, встречи и впечатления?

– С удовольствием, только при одном условии: не упоминать моего имени.

– А как же?

– Ну, примерно так: нам удалось, или нам пришлось, как там хотите, – услышать мнение одного известного актера...

– Простите, но весь интерес беседы, вся прелесть ее пропадет, если не сказать вашего имени.

Напрасно... Знаменитость упирается. Пришлось согласиться на эти условия.

И знаете, чем окончилась наша беседа?

Когда «ваш сотрудник» собрался уже откланяться, знаменитый актер сказал дословно:

– Ну, так и быть: если на кончике пера останется капелька чернил – черкните, – Господь с вами, – с кем вы беседовали.

Еще пример. Прибыл в наш город знаменитый адвокат, теперь еще благополучно здравствующий, но уже поблекший.

– О чем вы хотите меня спрашивать?

Ответил.

– Будьте любезны заглянуть ко мне через час.

Пришел, что называется, в секунду.

– Готово, вот получите. Вам остается только подписать интервью.

Начиналась «наша» беседа так:

«Пользуясь пребыванием в Одессе популярного русского адвоката, мы обратились к нему.... И он любезно поделился с нами своим высоко авторитетным мнением»...

Бывало и похуже; теперь не стыдно вспомнить.

Приехал в Одессу вызванный в Ливадию к Императору Александру III из Москвы знаменитый чудак и не менее знаменитый профессор Захарин. Пропустить такого «слона» – преступление.

«Петербургская» гостиница. Посылаю свою визитную карточку.

– Ну что, можно?

– Молчат и вертят вашу карточку в руках.



Молчание – знак согласия. Вхожу. У стены, в глубоком кресле, положив ногу на ногу, – знаменитый терапевт. Лицо злое. Оглядывает с ног до головы.

– Узнав о вашем приезде, хотел бы для нашей газеты ваше мнение об успехах медицины.

Ни звука в ответ...

Робею, но продолжаю, или повторяю сказанное.

Молчит. Зевнул. Потом потянулся, нажал кнопку звонка. Вошел номерной.

– Скажите этому человеку, – тычет в меня рукой Захарин, – что ему здесь делать нечего...

«Мы» откланялись, но ничего не написали. Это значит, беседа не из удачных. Бывает!

Поговаривали о предстоящей однодневной переписи. Когда, что – еще никто толком не знал. Вдруг приезжает в Одессу самая главная «шишка» статистического департамента, в звании сенатора.

Он с вокзала, я прямо бух к нему в гостиницу. Вид важный, бакенбарды страшные.

– Чем могу служить?

– Да вот по поводу, значит, предстоящей переписи.

– Вы градоначальник?

???

– А! Из газет? Скажите, пожалуйста, какая смелость!.. А!.. вам хочется все знать. Не дурно!.. Что же прикажете: отдохнуть с дороги, ванну принять, или разговаривать с вами?.. Да, садитесь, – крикнул сенатор таким басом, что я мгновенно сел – терпеть не могу разговаривать стоя.

– Виноват, я несколько поспешил... Я позже, когда-нибудь...

– Нет-с, милостивый государь, скажите: имею я право после дороги принять ванну?.. Можно быть журналистом, но позвольте... Должен же я отдохнуть!..

Медленно приподымаюсь, хочу ближе к дверям, уже иду...

– Да садитесь, говорю я вам. – Гром, а не голос. – Не могу говорить, когда стоят... Сел!...

– Да, да будет перепись, будут комитеты, все будет, как следует, но позвольте спросить – могу я после пыльной дороги...

– Виноват. Я помешал, я зайду...

– Садитесь...

Нет, больше не буду садиться. Я ухожу... и ушел!.. Это тоже далеко не успешная беседа...

Бывало еще и так: собеседник ваш разговорчив, откровенничает, все выкладывает, ничего не скрывает. Очень хорошо. Вы написали. Скандал, опровержения, поправки, неприятности.



– Виноват, да вы же мне об этом говорили?

– Да, говорил, но не для печати, а так, для вас, в частном разговоре. Не нужно было об этом печатать.

Разберитесь, что говорят для вас и что для печати! Это, большей частью, случается с теми, над которыми имеется еще высшее начальство.

Полковник Ляхов, принимая Панова и вашего покорного слугу в Тегеране, между прочим, отлил такую пулю во время нашей беседы:

– Нам, т. е. России, положительно безразлично – какой шах будет на престоле; для нас важно, чтобы он был нам предан и слушался нас.

Само собою разумеется, что мы об этом напечатали, даже по телеграфу передали, как и все, что говорил Ляхов. Вышли большие неприятности: иностранные газеты перепечатали; кто-то из «друзей» Ляхова и России познакомил шаха с содержанием нашей беседы. Шах к Ляхову, последний к нам:

– Что вы наделали? Я послал опровержения.

– Но, полковник, мы не сочинили этого разговора.

– Это было не для печати; это мое личное, частное мнение...

По Высочайшему повелению был командирован в Одессу обер-прокурор кас. уголовн. Департамента прав. сената Случевский, на которого была возложена миссия расследовать все обстоятельства сенсационного дела Федора Ковалева, закопавшего живыми свою семью, жену, детей и единомышленников в Терновских плавнях, вблизи Тирасполя. В Одессе дело докладывал бывший тогда старшим председателем судебной палаты, ныне председатель Гос. Совета Акимов, ездивший на место этого ужасного происшествия, взволновавшего всю Россию.

Беседа с обер-прокурором вышла очень занимательной и шла вразрез со взглядами Акимова и местной администрации на дело Ковалева, который был уже предан суду и содержался в Одесской тюрьме.

Тогдашний цензор зарезал мою беседу. Я к цензору.

– Не могу разрешить.

– Почему?

– Обер-прокурор обязан прежде всего сделать доклад, а не разговаривать с сотрудниками. Тем более что существует циркуляр, в силу которого «Чиновникам» возбраняется разглашать поручаемые им расследования.

Через день, два в «Лондонской», куда я пришел к какому-то «слону», меня случайно встречает, узнает и останавливает сенатор Случевский.

– А где же беседа?

Я передал о своем разговоре с цензором.

– Строгий он у вас, – улыбаясь, заметил мой сановный собеседник. – Принесите мне оттиск вашей статьи, я вам разрешу ее.



Обер-прокурор написал на гранках приблизительно следующее: «Обращаю внимание почтенного одесского цензора, что я волен разговаривать с кем и об чем хочу, и что, тоже зная законы, имею законное право печатно излагать свои мысли и свои взгляды. Печатать свою беседу с сотрудником «Од. Нов» разрешаю. Сенатор В. Случевский». Беседа, конечно, появилась на следующий день.

## II

С восхищением и, если хотите, даже с некоторой долей гордости я всегда буду вспоминать о своих знакомствах и беседах с замечательными или интересными в разных смыслах людьми, с которыми мне пришлось встречаться за время своей газетной работы и которых никто никогда больше не увидит и не услышит. Живыми, яркими образами встают в моей памяти: А.Г. Рубинштейн, с его гордым видом, мощной фигурой и львиной гривой седых волос, отливающих серебряным светом; старенький-старенький И.К. Айвазовский; трагически погибший на «Петропавловске» В.В. Верещагин, с Георгиевским крестом, с которым никогда не расставался; благородный, с «чеховским» настроением, всегда задумчивый П.И. Чайковский, остроумный М.И. Драгомиров, красивый и стройный, проницательный старик П.И. Вейнберг, простой, с мещанскими манерами Римский-Корсаков, иерей о. Иоанн Кронштадтский – апостол любви, патриарх Мкртич-Хримиан I; гр. П.А. Шувалов; китайский Бисмарк, премудрый Ли Хун-Чанг, адмирал Г.Н. Чухнин, матрос Матюшенко, поднявший восстание на «Потемкине», которого я видел в Румынии, после его бегства из России. Думы, мысли, мечты, желания, мнения, убеждения этих людей занесены с стенографической и фотографической точностью в мои записные книжки, откуда перенесены иногда полностью, а большей частью далеко не полностью, по «независящим обстоятельствам», на страницы «Одесского Вестника», «Одесских Новостей» и – в последний период «Русского слова».

Из живых – приятно вспомнить о гр. Д.А. Милютине, И.Е. Репине, Генрихе Сенкевиче, проф. Лейдене, Направнике, К. Маковском, А.Г. Достоевской (первое мое интервью), Пастернаке, величайшем в мире подделывателе Рахумовском (моем земляке), Куропаткине, Витте, и просто отметить о своих интервью с пребывающим в Одессе его величеством шахом, которого я видел и которому был представлен в Тегеране в лучшие для бывшего царя-царей времена, с сербским королем Петром, хедивом египетским, «экспроприатором» Боснии и Герцеговины – бароном Эренталем, Стесселем, «генерал-губернаторами», но только с другой стороны – абиссинским – Леонтьевым, персидским Шапшалом; вечными претендентами на потерянные престолы: принцем Хайме-Бурбонским, Луи Наполеоном, адмиралом Рожественским



(на скамье подсудимых) и многими другими, имена и дела которых увековечены на столбцах «Одесских Новостей» и других изданий. Всех не назовешь; многие из тех, которые подвергались интервьюированию, теперь поблекли, потеряли свой интерес, другие забыты, а третьи – они были полезны и интересны моменту, случаю.

Если бы не лень, то я мог бы составить интересную статистическую таблицу о своих интервью. Преппикантные можно было бы выбрать типы из этой пестрой и разнообразной коллекции. Многие могут послужить иллюстрацией для памятных слов князя Урусова (и с ним я также беседовал), сказанных в первой Гос. Думе: «Вахмистры по воспитанию, погромщики по убеждению». Ах, какие попадались вахмистры! Я сейчас вспоминаю одного губернатора-старичка, прибывшего впервые в Одессу для встречи министра земледелия Ермолова. Ел он безумно много, даже обратил на себя своей прожорливостью общее внимание.

На банкете в честь министра сотрудники газет были представлены старичку-губернатору.

– Каких вы газет?

– «Одесских Новостей».

– Я из «Телеграфа», ваше пре-ство...

– Не знаю, не знаю ваших газет (а губернатор-то жил под рукой).

– Иногда почитываю газету, эту..., ну, как ее, эту...

– Вспомнил, вспомнил, «Новое Время» называется!..

А вот и другой тип одного из генерал-губернаторов на Кавказе, который я объехал во время первой армяно-татарской резни.

Когда я вошел в его кабинет, меня ген.-губернатор встретил таким упреком:

– Не доволен я вами, то есть не вами, а теми, которые пишут обо мне неправду в столичных газетах. Они пишут, что мне, во-первых, 75 лет, а во-вторых, что я плохо слышу. Это наглая ложь и инсинуация. Во-первых, мне только 70 лет, а во-вторых, дай Бог вам в мои годы так слышать, как я слышу!..

Еще случился некий администратор, – царство ему небесное, – которого я явился интервьюировать. Он предложил услугу за услугу:

– Я вам буду сообщать все, а вы, в свою очередь, что узнаете нелегального в городе – собрания, союзы, конспиративные квартиры – сообщите мне. Мы за это хорошо вам будем платить!..

«Мы откланялись»...

– Напрасно изволили обидеться; у нас есть уже такие сотрудники, которые хорошо притом пишут в газетах...

А генерал Стессель?



Он и его «герои» прибыли в Феодосию на следующий день после «маленького» провокационного погрома, устроенного в ответ на забастовку на табачных фабриках. И вот этот жестоко битый японцами «герой», перенесший отчаянный погром в Порт-Артуре, с улыбкой и довольным видом, обращается к собравшимся корреспондентам с такими словами:

– А хорошо, что у вас вчера жидов побили?

Разве это не вахмистр по воспитанию, не погромщик по убеждению?

### III

Относительно Антона Григорьевича Рубинштейна меня и моего коллегу предупреждали:

– Он большой олимпиец, страсть как не любит о себе говорить, не переваривает органически бесед и интервьюеров.

Однако, не только ничего «Захаринского» не случилось, но А.Г. очаровал нас своей любезностью, вниманием и разговорчивостью.

Предложил нам свои папиросы, без мундштуков. Я, «невежда», их курил, а мой приятель Бека, – незаметно прятал в жилетный карман, чтобы потом заделать их в золотые рамки.

– Поболтаем, только уговор дороже денег. Ради Создателя, не пишите, что у меня какие-то необыкновенные, нечеловеческие глаза. Кто-то писал о моих глазах, что увидел в них и ночь, и звезды, и поэзию, и всякую чепуху! Посмотрите, чем мои глаза хуже других? Самые обыкновенные, старческие, неинтересные! Напрасно вы будете воспевать также и мои зубы, которых у меня нет. Лучшие зубных дел мастера мира предлагали мне свои услуги, но я отклонил их предложения. Ничего чужого, ничего искусственного не признаю! Еще забота: донимают меня всякие доморощенные знаменитости; нет никакого житья от них. Все просят выслушать, сказать «чистосердечно» свое мнение, научить! Что я им скажу, чему стану учить?

– Стучат! Войдите. Новая знаменитость!

И действительно, на дороге показался и робко вошел студент Г-й, в новеньком мундире, с блестящими пуговицами.

– Великий маэстро!..

– Садитесь и играйте.

Одну секунду слушал Антон Григорьевич игру студента, потом продолжал под звуки рояля беседовать с нами. Экзамен окончен. Студент встал, в глазах: «Я приговор твой жду».

А.Г. быстро произнес:

– Хорошо, хорошо, а как талантливо сшил вам портной мундир. Непременно скажите ему, что он талантлив!



Беседа наша продолжалась долго.

Говорил А.Г. о том, как он писал свои оперы, под каким впечатлением создавал «Демона», как обессмертил мотивы, слышанные в самые юношеские годы среди евреев, от своей матери, от няни.

– Дадите ли концерт в Одессе?

– Нет, что вы? Здесь царство пшеницы, векселей; здесь даже музыку на аршин измеряют; в вашем училище председатель – инженер, секретарь – инженер; все инженеры, а не музыканты. То ли дело Германия! В деревнях, из открытых окон несутся звуки серьезной, здоровой музыки.

Не ладили между собой И.К. Айвазовский и В.В. Верещагин. На мой вопрос знаменитому маринисту относительно картин В.В. Верещагина, он ответил:

– Его туркестанская коллекция еще куда ни шло; но, что касается 12-го года, то это разве картины?

– А что же это?

– Обои... Удивляюсь невежеству публики, чем восторгаются? Обоями. И где он такого Наполеона выискал, в овечьем тулупе. Это Наполеон-то?

И пошел старик обкладывать Василия Васильевича. И рисунка у него нет, и уродливость, и краски отвратительны, и освещение обойное.

Приблизительно такой же отзыв дал Верещагин об Айвазовском.

– Мазун! Не переносу его «морей», особенно последних. Когда-то подавал большие надежды. Теперь не пишет, а разводит краски на полотне. Разве это картины?

Но как Айвазовский, так и Верещагин, просили их «мнений» друг о друге не делать достоянием печати. Это было давно, при жизни. Теперь, да простят мне их милые тени.

Покойный Айвазовский рассказал мне пресмешной эпизод, как приехал к нему в Феодосию осматривать его картинную галерею какой-то английский журналист.

– Поселился он у меня, живет неделю, другую, все ходит, смотрит, меня расспрашивает и все себе, знай, записывает. Уехал, обещал прислать почитать, что обо мне напишет. И что вы думаете он, чертов сын, написал о том, как я начинал свою карьеру?

– Был он, пишет в своем журнале, еще только начинающим и очень бедствовал. Вот, однажды, по его описаниям, иду я в Петербург по Невскому, а Государь Николай I проезжал верхом на коне, с плетью в руках. Государь нечаянно плеть-то свою упустил, а я, врет он дальше, – подбежал, поднял плеть и вручил Государю. Кто ты? – спросил Николай I меня.

– Художник Айвазовский.



С тех пор и началась для меня масленица. Эка, подлец, сочинил! – возмутился Айвазовский.

– А вы помните Императора Николая I?

– Как же. Имел счастье быть знакомым. Однажды Его Величество осчастливил меня своим Высоким посещением. Молод я был; писал девушку прехорошенькую с натуры.

– Что ты с ней делаешь? – спросил Государь.

– Пишу, Ваше Высочество, с нее масляными красками...

– Это хорошо с такой красавицы, да еще масляными красками.

Это действительно было. А англичанин все выдумал...

Верещагин ругал на чем свет стоит иностранных художественных критиков и газеты.

– Взятчики, шарлатаны они. Русская печать самая идеальная на свете. Приезжаю в Париж со своим «12-м годом». Начинаю устраивать выставку. Мои друзья и говорят: если хотите иметь успех – пригласите, да лично попросите заглянуть на выставку знаменитого французского критика. Если он напишет, – публика пойдет, а не будет писать ничего – значит картины дрянь. Послушался – поехал. Познакомился, ласковый такой, а голос пискливый, как у скопца.

– Хорошо, говорит, приеду; много, дескать, слышал о вас.

На другой день приехал, все посмотрел, пришел в восхищенье, даже радуется. Потом берет меня за руку, подводит к лучшей вещи и тихо говорит:

– Вот это полотно мне очень нравится. Чудная вещь!

Я благодарю. Когда уходил с выставки, опять напомнил, что картинка уж больно понравилась. Жду отзыва. Проходит день, второй, третий – ни звука. Удивленный, по совету, опять-таки, своих друзей, иду к нему.

– Да я вам говорил, что такая-то вещь очень мне по вкусу прилась. Вы принесли ее мне.

– Я как бомба вылетел от этого взяточника. Так он ничего обо мне и не написал, а выставка все же имела у парижан большой успех.

– Приехал, – рассказывает дальше Верещагин, – я в Америку. Ко мне явился редактор самой большой газеты.

– По доллару за строчку, пишите статью, о чем хотите.

Я подумал, дело выгодное и лестное. Написал о своих впечатлениях что-то около 250 строк и получил 500 целковых на наши деньги. Удивляюсь щедрости. Знаете, что сделал американский издатель? Он напечатал аршинными буквами анонс, что знаменитый русский художник Верещагин согласился быть п о с т о я н н ы м сотрудником его газеты. Шарлатаны! За 250 долларов купили постоянного сотрудника.





Застенчивый и всегда нервно беспокойный Петр Ильич Чайковский был чрезвычайно смущен и сконфужен тем приемом, который оказали ему в Одессе чиновные поклонники музыки, в лице представителей высшей местной администрации, членов буржуазного английского клуба, очевидно, пожелавших доказать на деле, как они умеют чтить и ценить родные таланты. У гостиницы, в которой поселился творец «Евгения Онегина», градоначальником П.А. Зеленым был поставлен, в честь высокого гостя, городской, которого, однако, Чайковский попросил немедленно убрать, когда увидел, что полицейский отдает аккуратно ему честь, и узнал, для коего сей страж был поставлен. К знаменитому композитору заезжали и оставляли свои карточки такие лица, как полицмейстер, и др... «Сам» П.А. Зеленой считал своим долгом по два раза в день навещать Петра Ильича и вести с ним беседы о музыке и его произведениях. На торжественном обеде в Английском клубе, в честь Чайковского, П.А. Зеленой, после ряда официальных тостов и речей, – вдруг обратился к Петру Ильичу с такой приблизительно речью:

– Дорогой наш Петр Ильич! Что и говорить, музыка – вещь великая, облагораживающая, умиляющая, вызывающая слезы... Все это, конечно, очень хорошо, но ... прежде всего необходим хлеб насущный, а потом уже и музыка! Как градоначальник Одессы, я все же от имени всего населения, прошу вас посещать нас, по крайней мере, по три раза в год. Да здравствует наш дорогой гость...

Этот тост произвел на П.И. тяжелое впечатление.

– Будет достаточно, – скромно заметил Чайковский, – если я буду навещать вас в три года один раз.

Зеленой, находящийся в градусках, вскочил со своего места и запротестовал:

– Меня грешно упрекать в том, что я не люблю музыки... Прочтите «Фрегат Палладу» Гончарова. Там вы узнаете мичмана З., который на берегу Африки пел русские родные песни. Этот мичман – был я!..

На этом инцидент был исчерпан.

Мне Чайковский об этом обеде говорил:

– Кормили меня и поили, как ...ревизора! Кончился этот обед тем, что публика сильно наоралась, говорили глупости и анекдоты... Удивительный город Одесса. Начальство приняло меня за ревизора, а некая одесская дама, с которой меня познакомили в одном доме, спросила меня:

– На чем вы будете играть в театре на симфоническом концерте?

Ну, и публика!..

Я, конечно, далек от мысли повторять теперь содержание своих бесед с замечательными людьми; для этого потребовалось бы слишком много места.



Не все, что я слышал и что знаю и знал – было напечатано. Многого и теперь еще нельзя сказать. Может за это «влететь»! Покойный генерал-адъютант граф П.А. Шувалов, бывший посол в Берлине, в своей интересной беседе, своих воспоминаниях даже о русско-турецкой войне, – наговорил столько нецензурных вещей, которые Бог знает, когда могут сделаться достоянием гласности! Присутствовавший, я помню, при интервью со стариком Шуваловым его сын – тогда одесский градоначальник, слушая «страшные» мысли гр. Павла Андреевича, воскликнул:

– Отец, ты революционируешь сотрудника «Од. Нов.», а эта газета и без того свободномыслящая...

– Утешься, мой милый Павка; во-первых, он не все напишет, что я ему говорю, а во-вторых, – когда ты читаешь газеты, – отрешись на минутку от занимаемой должности. Иная тогда получится картина не с точки зрения администратора. А на слете русских газет? Все они у нас хороши!... Бояться их нечего...

И генерал Драгомиров, у которого я гостил, после его отставки, в Конопте, а до того встретился с ним в Харькове, когда он прощался со своей 14-й дивизией, ухотившей на Дальний Восток, дал мне такого сорта интервью, которое печатать ни под каким видом не было возможности.

– Ваше превосходительство, – взмолился я, – нельзя ли что-нибудь подходящего к цензурным требованиям...

– Легального?... Разве можно говорить легально о нелегальных наших деятелях. Впрочем, напишите мою жалобу на моего доктора – Абрамку, который пичкает меня всякой дрянью, между тем как нам сейчас нужен «арагац» от клопов.

Напишите еще, что вот этот француз – переводчик моих сочинений – не может быть переводчиком, потому, что не умеет как следует ругаться по-русски.

– Генерал, – вмешался француз, – через две недели буду ругаться как ваше превосходительство...

– Хорошо, а скажите мне, *mon cher*, – откуда у человека ноги растут? Все рассмеялись...

– А я скажу, – кстати, здесь нет дам.

И сказал генерал, да как сказал: сочно, с расстановкой...

Так моя беседа с маститым генералом ограничилась только его воспоминаниями.

Не наступило еще время передавать беседы, которые я имел в Симеизе с гр. Д. А. Милютиным и с другими людьми, которых встречал на своем веку. Дожить бы только до того счастливого времени!..



В юбилейном выпуске представлена публикация Софии Витте «Торжество» – прелестный рассказ о любви, ничуть не устаревший. Проходят десятилетия, а мысли и чувства не меняются.

В юбилейном выпуске – рассказ О. Л. Д'Ора «Елка, гусь и чиновник».

Представлен в юбилейном выпуске и Давид Яковлевич Айзман. Критики называли Айзмана «специалистом по еврейскому вопросу» и «еврейским Чеховым». Обычный герой его произведений – ассимилированный еврей-интеллигент. Специфически айзмановским считается характерный образ русского еврея в эмиграции, страдающего от ностальгии и мечтающего о возвращении на родину. Но для «Одесских новостей» Айзман пишет легкую, быть может, и автобиографическую, комедийную историю «Рискованный опыт (Рассказ бывалого человека)».

Свой рассказ «Труха» прислал и Аркадий Аверченко.

Популярный одесский журналист Борис Флит (Незнакомец, Маллори) – впоследствии редактор многочисленных сатирических изданий, самые известные из которых сатирический журнал «Бомба» (1917-1918) и газета «Перо в спину» (1918-1919)

**Незнакомец**

**Мелочи жизни**  
**Меры предосторожности**  
(Шутка)

1

У подъезда главного управления по делам печати уже второй день толпились какие-то крестьяне.

Их гнали со двора к подъезду, от подъезда во двор.

– Скорее бы, милость ваша, допустили, – обращались они к десятиповодовому швейцару. – Празднички подходят и мы без делов время теряем.

Долго швейцар не хотел пускать их. Наконец, когда они собрали по двугривенному и дали ему, он смилостивился.

– Да вы по какому делу, собственно?

Выборный вышел и сказал:

– Мы, барин, как на писателей этих самых жаловаться. Что рассказы рождественские пишут... Моченьки нашей нетути больше...

Швейцар перебил.

– Так вы, значит, жаловаться? Чего же раньше не сказали, дурачье? Я бы вас сейчас и пустил...

В канцелярии крестьяне упали в ноги и взмолились.



– Ваше благородие, господин начальство... Чтобы запрещение им вышло. Каждый год на Рождество, почитай, 3-4 деревни с голоду морят. Нешто это резон?

– Да кто?

– Писатели эти самые, которые рассказы рождественские...

– Так это вы идите в землеустроительную.

– Да куда уж милость ваша прикажет. Только чтобы этого не было. Целые деревни с голоду морят, и как раз под Рождество. Или еще хуже, начнут описывать «Рождество в деревне»... Да нешто он был в деревне? Или еще волкам на съедение отдают. Выберет двух-трех мужичков, да в лес их под Рождество и направит, а там волки, ваше благородие. Спасите, не побрезгуйте нашими подарочками. Каждому жизнь дорога, ваша милость...

– Хорошо, хорошо. Мы их оштрафуем.

– Как уж вам угодно, только, чтобы, значит, не с голодухи-то нас морили для рассказов...

– Хорошо, хорошо, идите. Выведи их, курьер...

2

Главное правление общества покровительства животным спешно рассматривало полученную бумагу.

От имени волков.

Волки писали:

– Мы зываем к человеческой гуманности. Приближается Рождество. Начинается охота на нас со стороны господ беллетристов, авторов рождественских рассказов.

Мы категорически протестуем против той эксплуатации, против той бездны лжи, которая распускается о нас в рождественских рассказах. Мы, волки, выставляем там какими-то зверями. Мы обязательно должны разорвать десятка два добрых поселян, едущих домой к празднику.

Мы осиротили уже до тысячи душ.

Мы, якобы, жестоки, свирепы и едим людей именно в ночь под Рождество.

Не говоря уже о том, что русский крестьянин так плохо питается, что есть его нет никакой возможности, не говоря уже о странной фантазии авторов, заставляющих нас есть проезжих именно под праздник, – мы протестуем еще и потому, что эти небылицы из года в год распускаются известными писателями и выдаются за факт.

Общество покровительства животным, надеемся, не преминет войти с соответствующим ходатайством об ограждении нас от бестактных выходок авторов рождественской стряпни...

Волки



3

Общество попечения о бездомных детях спешно принимало меры против обычного замерзания детей в рождественских рассказах.

Члены общества обещались дежурить всю ночь под Рождество по всем улицам – и подбирать младенцев, которых будут замораживать авторы.

В газетах напечатали:

– Убедительно просят богатых людей закрывать ставни, ибо именно под окнами, глядя на елки, и замерзают младенцы...

Сделав такие приготовления и сообщив полиции:

– Сегодня ночью будет совершено массовое подбрасывание младенцев.

Общество попечения и защиты детей могло быть спокойно.

Но в полночь, когда мороз трещал (в рождественскую ночь должен быть обязательно мороз не менее 25 градусов), полиция все же задержала несколько человек.

Один из них подбрасывал богатому холостяку младенца.

Задержанный назвался известным писателем и объяснил, что холостяк и есть папаша этого младенца.

Другой замораживал младенца и в виду теплой погоды пытался задушить его, но, по счастью, был пойман на месте преступления. Назвался тоже известным писателем и в оправдание свое сказал:

– Я не виноват, что погода испортилась! Тепло, как на Пасху. А мне нужны были крещенские морозы.

Несколько известных авторов пойманы были в лесу, когда они рубили елки.

Они привлечены к ответственности за порубку казенного имущества...

4

И нужно надеяться, что своевременно принятые меры – избавят читателей рождественских номеров от замерзающих младенцев и умирающих с голода именно в Рождественскую ночь целых деревень...



В газете помещены язвительные эпиграммы-«поздравления» политическим деятелям от Жака Онкль и Бориса Флита. Онкль Жак, дядя Яша или Яков Григорьевич Соскин – журналист «Одесских новостей».

Б. Флит поздравляет литераторов:

**Эпиграммы Б. Ф.  
И моя елочка  
Подарочки на елку**

<...>

**С. Юшкевичу.**

Что значит? Елка? Это елка!..  
Подарки? Фэ! Чтоб я так жил.  
«Комедью брака» – втихомолку  
Нам всем Юшкевич подарил.

**П. Пильскому**

Роман, рассказ, поэму иль картину  
Представлю к критике суровой алтарю  
Два-три аванса, рюмку джину  
Для вдохновенья вам дарю!

**В.А. Издебскому**

Сверх-декадентов привезли вы рать  
И к нам новатором явились!  
Позвольте же на праздник пожелать,  
Чтоб их картины вам не снились...

В газете стихи постоянных сотрудников:

**Из цикла «Русь»**

**Закат**

Вдыхая тонкий запах четок,  
Из-за чернеющих решеток  
Глядят монахи на посад,  
На синь лесов и на закат.  
Вся келья в жарком, красном блеске:  
Костром в далеком перелеске  
Гнездо Жар-Птицы занялось  
И в перелеске<sup>6</sup> тонет вкось.  
Оно сгорает, но из дыма  
Встают, слагаются незримо  
Над синим сумраком земли  
Туманно-сизые кремли.

**И. Бунин**

**Без имени**

Курган разрыт. В тяжёлом саркофаге  
Он спит, как страж.  
Железный меч в руке.  
Поют над ним узорной вязью саги,  
Беззвучные, на звучном языке.  
Но лик сокрыт – опущено забрало.  
Но плащ истлел на ржавленной броне.  
Был вождь и князь<sup>7</sup>.  
Но имя Смерть украла  
И унеслась на чёрном скакуне.



## **А. Биск**

### **Из Рильке**

Девушки! Ваш трепет ожидания Внял поэт на струнах серебра, Заучил далекие мечтанья... Так в глубинах звездного мерцанья Созерцают Вечность вечера...	Пусть в саду он бродит одинокий И, как вечных, в сердце вас хранит Над прудом, где шепчутся осоки, Там, где вспыхнут трепетные соки, Там, где лютия в комнате звенит...
Но к поэту груди не склоняйте,- К молодым восторженным устам Если даже ласк он молит сам... Потому что в ночь, не забывайте, Снятся только девушки мечтам.	Сумерки... Задумчивые очи Вас не ждут, тревожных и [текст утрачен] Он шагает в комнатах немых В полусне глубоких средоточий Или там, в аллеях, он затих.

Но ваш голос слышится невольно  
С площадей, где свет дневной угас.  
И его душе так больно, больно,  
Что увидеть каждый может вас.

## **Леонид Гроссман**

### **Воспоминания**

#### *Сонет*

*My soul is dark...  
Byron*

И здесь, в моем дворце, мне нет защиты!  
С глубоко затаенною враждой  
Они прошли безмолвной чередой  
Сквозь тесные ряды придворной свиты.

Они проникли в грот мой, где облиты  
Зеленой влагой, словно под слюдой,  
Над ледяной прозрачною водой  
Зубцами нависают сталактиты...

Они везде, они всегда со мной!  
И расстилась темной пеленой  
В чертогах мимолетных наслаждений,

Они влачат сквозь мрак дворцов и чаш  
Разодранный, тяжелый, черный плащ  
Моих изнемогающих видений...

**А. Федоров****Ребенку**

Как только взрослым станешь ты,  
О детстве вспоминай,  
Когда был нежным, как цветы,  
И радостным, как май.  
Когда весь мир в твои глаза  
Глядел легко, светло,  
И чистых глаз не жгла слеза,  
И не давило зло.

Когда прощалось без конца  
И верилось шутя,  
Когда за пояс мудреца  
Заткнул бы ты, дитя.  
В часы страдания, скорбя,  
Ты вспомни детства дни,  
И, верь мне, взрослого тебя  
Научат жить они.

**Лоло****В купе**

Третьей Думы депутаты:  
Октябристы (соль палаты),  
Член у. п.\* и член к. п.\*\*  
Вкупе ехали в купе.  
Все неслись домой на святки,  
Ах, часы досуга кратки, –  
И, устав от тьмы тирад,  
Был вояжу всякий рад.

– «Мы талантливы, речисты –  
Говорили октябристы –  
Весь народ стоит за нас:  
Глас народа – Божий глас!  
Целомудренны реформы  
Нашей девственной платформы,  
Изучили мы пути,  
Как нам родину спасти!»

Член у. п. промолвил внятно:  
«Слушать вас весьма приятно...  
Почему бы не пойти  
Вам по нашему пути?  
Мы отстаиваем здраво  
Власть, закон, порядок, право  
И... в министры верный путь.  
Мы споемся как-нибудь!»

Но к. п., влеком доносом,  
Обратился к ним с запросом:  
– Вижу, ваш союз готов.  
Ну, а как насчет жидов?  
Кто, по-вашему, хозяин  
Завоеванных окраин?  
Финн? Поляк? Латыш? Иль эст?  
Кто кого в итоге съест?

Октябрист сказал лукаво:  
«Мы их съесть имеем право,  
Но едва ль мы станем впредь  
Есть плохую эту снедь.  
Лишь голодный гложет кости,  
Ну, а мы ведь сыты... Бросьте!  
Если ж будем голодать,  
Можно будет поглотать».

Перешли к другим сюжетам:  
К злым крамольникам-кадетам,  
Октябрист шепнул: «кадет  
Уж давно сошел на нет»,  
Но у. п. сказал: «без шума  
Упразднить должна их Дума»,  
А к. п. кричал: «скорей  
Удавить бы этих змей!»

\* У. п. – умеренный правый

\*\* К. п. – крайний правый





Так вели они беседу,  
Уступал сосед соседу...  
Кто-то вдруг сказал: «портфель», –  
И... пошла туг канитель.  
Спор дошел до крупной брани...  
Все расстались, вздевши длани.  
Каждый взял себе купе  
И лежал на канаве.

Член у. п. бранил цветисто  
И к. п., и октябриста,  
А к. п. об этих двух  
Непечатно «мыслил вслух».  
Октябрист пылал, как порох,  
Изощряясь на партнерах,  
И решил добыть портфель,  
Вызвав правых на дуэль.

Он, блюдя свою карьеру,  
Разъяряясь, кричал: «к барьеру!  
Лишних слов я не люблю,  
Я без промаха палю!».  
Член у. п. шептал: «ужели  
Невозможно без дуэли?».  
А к. п. рычал: «добьем  
Всех соперников дубьем!»

Так, сводя друг с другом счеты,  
Путь свершили «патриоты», –  
И в сияньи наготы  
Выступали их черты.  
Стал портфель для «братьев» костью,  
Исказились лица злостью  
И слились (как прежде, в блок),  
Их плевки – в один плевок!..

Юбилейный выпуск позволил нам оказаться в далеком прошлом – с его заботами и радостями. Многие актуально и сейчас. Возможно, эта мысль мелькнула и у Корнея Чуковского, увидевшего приложение к газете в 1958 году.

Макс Поляновский вспоминал:

«Старое юбилейное приложение <...> как бы невзначай показал Корнею Ивановичу Чуковскому. С интересом, любопытством и волнением вглядывался он в портреты сотрудников, большинство которых знал и, конечно, помнил. «Вот этот, – писатель назвал фамилию бородача на снимке, – дал мне путевку в литературу. Напечатал первую мою статью в «Одесских новостях» ... Корней Иванович поцеловал лицо, изображенное на оттиске [В. Жаботинского – М.К.]».

«А этот был на моей свадьбе!» – воскликнул Чуковский.

По поводу многих, впоследствии ставших широко известными, Чуковский рассказывал такие устные новеллы, что его импровизации позавидовал бы даже мастер этого жанра Иракий Андроников. В это время я сфотографировал Корнея Ивановича со старой газетой в руках.

Но вот на последней странице он увидел самого себя: молодого, черноволосого, темноусого. За минувшие полвека писатель совсем позабыл и о приложении, и о снимке, где он моложе на ... пять десятилетий.



Чуковский попросил дать ему до вечера старую газету.

... Вечером мы застали его на веранде все с той же старой газетой. Корней Иванович выглядел грустным и необычно притихшим.

– Никого из них уже не осталось. Не с кем даже поделиться, – сказал он, протягивая чуть пожелтевшее приложение, где под своей фотографией сделал следующую надпись:

«Да, действительно, милый Поляновский, я был когда-то такой.

*К. Чуковский. 17 августа 1958»<sup>8</sup>.*

### Примечания

- <sup>1</sup> Бельский М.Р. Газеты старой Одессы: Справочник. – Одесса, 2009. – 76 с.
- <sup>2</sup> Оршер О.Л. Литературный путь дореволюционного журналиста. – М.; Л.: Гос. изд. 1930. – 144 с.
- <sup>3</sup> <http://litmuseumsamara.narod.ru/tols.htm> (Самара и А.Н. Толстой. Воспоминания. Упоминается Ник. Ашешов).
- <sup>4</sup> Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Всесоюз. кн. Палата / Подгот. к печати Ю. И. Масанов; ред. Б.П. Козьмин. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956-1960.
- <sup>5</sup> Бельский М.Р. Один из «старых журналистов» // Тиква – Ор Самеах. – 2007. – №564(17). – 25 апреля. – С. 9.
- <sup>6</sup> В дальнейшем вместо «в перелеске» печаталось «за сосною».
- <sup>7</sup> В дальнейшем печаталось «воин, вождь».
- <sup>8</sup> ЧиЖ. Чуковский и Жаботинский: История взаимоотношений в текстах и комментариях / Автор и сост. Евг. Иванова. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. – 2005. – 272 с.

### Библиография

1. Поляновский Макс. «Остановись, мгновение...»: 36 фотонovelл. – М., 1968. – С. 144-147.
2. Сергей Уточкин «Изгой и баловень судьбы»: Сборник / Сост. А. Таубеншлак, Т.В. Щурова. – Одесса: Optimum, 2005. – 220 с.
3. Жаботинский Вл. (Зеев). Повесть моих дней. – [Иерусалим]: Библиотека Алия, 1989. – 292 с.

## **Професор та його Гретхен**

*Сторінки з родинного життя професора М.Д. Сидоренка*

*Н*отаріус міста Одеси Михайло Федорович Комаров (1844-1913) був батьком великої і дружної родини, яка славилася своєю гостинністю, де полюбляли бувати видатні культурні діячі епохи.

Михайлу Федоровичу Комарову і його родині Леся Українка присвятила поетичний цикл «Подорож до моря», який створила після першого перебування в Одесі 1888 року, коли проживала в оселі Комарових на вулиці Поштової, 25.

В 1971 році вийшло друге, доповнене видання книги «Спогади про Лесю Українку». Це видання містило більш широке коло мемуаристів, до нього увійшли спогади Богдана Михайловича Комарова (1882-1975), спомини якого являють собою цінне інформаційне джерело про перебування Лесі Українки в Одесі і про тих людей, що її тут оточували. «На протязі 25 років (1888-1913) наша родина трохи не кожного року, хоч на дуже короткий час, з радістю зустрічала Лесю і приймала в себе як рідну й дорогу людину. Всі члени нашої сім'ї, насамперед батько й мати, дуже любили й шанували Лесю, а за їх прикладом і ми, діти: я і мої чотири сестрички. Цьому сприяла давня дружба моїх батьків з Косачами, а також піетет перед українським письменством, що панував у нашій родині»<sup>1</sup>.

Найбільшу частину спогадів Богдан Комаров присвятив дружнім стосункам Лесі Українки з Маргаритою Михайлівною Комаровою (1870-1929).

«Найтісніші стосунки в Лесі були з моєю найстаршою сестрою Маргаритою. Здружилися вони, як це часто буває в дівчат, з першої зустрічі. Рита була однолітком з Лесею. У Києві скінчила приватну гімназію Довнар-Запольської. Обдарована музичним хистом, вона добре опанувала ще в Києві фортепіано, а в Одесі навчалась у музичній школі. Любов до музики і глибоке розуміння її були од-



*Богдан Комаров. 1900-ті рр.*



*Леся Українка  
і Маргарита Комарова. 1889*

ною з тих важливих ланок щирої дружби, що так яскраво спалахнула. В «Подорожі до моря» про це є такі слова:

Там друга в прихильній дівчині  
знайшла я. І моря красу споглядали  
Не раз ми при тихій годині.

У 1893 році Рита одружилась. Родинні турботи і ряд причин, що перешкодили їй іти шляхом громадського діяча, ослабили дружні зв'язки, але до самої смерті Лесі між ними була любов, немов вони рідні сестри.

В Лесиних екскурсіях по Одесі і її околицях незмінним чічероне була Маргарита, часто приєднувалась Люба. Іноді цю роль брав на себе наш батько»<sup>2</sup>.

«У кінці 80-х років виник в Одесі гурток української молоді – «Молода громада». Маргарита була членом гуртка і його активним

діячем. Це ще більше зміцнило дружбу Лесі до неї. «Марго», «Гретхен» – так Леся називала свою товаришку. А Рита наша справді була схожа з гетевською Гретхен, як її звичайно малювали художники: русява, білорожева, з довгою косою, вродлива, лагідна і привітна. Через свою Гретхен намагалася Леся залучити до видавничо-літературної роботи кращих членів гуртка. (...)

Ще дещо про Лесину товаришку. В липні 1893 року Рита одружилась з Михайлом Сидоренком, асистентом при кафедрі мінералогії, який потім став професором мінералогії в Одеському університеті. За зв'язки з революційними гуртками Сидоренка в студентські роки заслано в Сибір, де він три роки відбував в артілі старателів. Жили Сидоренки на Гулевій вулиці, а потім на Кузнечній. В обох цих помешканнях бувала Леся. В травні 1913 року, коли востаннє Леся була в Одесі, прямуючи в Кутаїсі до чоловіка, зупинилася у Маргарити на Кузнечній. Але вже не мала сили піднятися по сходах на 2-ий поверх. Довелось нести на кріслі.

Двадцять п'ять років Рита листувалася з Лесею. На жаль, і досі невідома доля майже всіх листів поетеси до моєї сестри»<sup>3</sup>.

Білява дівчина приваблювала своїм гарним обличчям, розкішною косою, стрункою поставою. Відомий український поет Микола Вороний,



великий шанувальник жіночих чар, 1894 року подарував красуні Маргариті вірш «Розвага» з посвятою «Присвячується Марусі Комарівні», хоча на час написання вірша Маргарита Комарова з «Марусі Комарівни» вже перетворилася на Маргариту Михайлівну Сидоренко, дружину вченого Новоросійського університету. Проте заміжжя не вплинуло на появу цього вірша, завдяки якому захоплення Миколи Вороного вродою молодої дівчини, збереглося в українській ліриці назавжди.

Коли мимоволі, мов тая гадюка,  
На серденьку туга кубельце зів'є,  
І буде вас гризти нудьга і розпука,  
І горе кайданами душу скує, –  
Тоді, в ту сумну, безпорадну хвилину,  
Щоб серцеві бідному дасть супокій,  
На рідну, кохану свою Україну  
Полиньте на крилах укоханих мрій.  
І роки дитячі в тих мріях постануть,  
Мов марево любе, хороше у сні,  
І з усміхом чистим ласкаво поглянуть,  
Як перше – байдужі, веселі, ясні.  
Згадаються вам вся краса і принада,  
Якою багатий розкішний наш край:  
І в буйному цвіті садок, і левада,  
І батьківська рідна оселя, і гай.  
І Ворскло, й кущі верболозу гнучкого,  
І став, і тополі сріблясті, стрункі,  
І, повні того почуття чарівного,  
Пісні соловейка звабливі, дзвінкі...  
Ті згадки рожеві про давнє, забуде  
Росою цілющою з неба впадуть  
І в серденько, лютим морозом окуте,  
Живущої сили вони увіллють<sup>4</sup>.

Якщо Гретхен-Комаровій присвячували поезії, то про чоловіка її – професора Новоросійського університету Михайла Дмитровича Сидоренка писали прозою в солідних наукових виданнях, про його внесок в науку можна прочитати навіть в найповнішому універсальному енциклопедичному виданні XIX ст. – словнику Брокгауза і Ефрона. Проте найнауковіші з науковців не пропускають можливості розважитись, і попри всі величні лаври полюбляють повеселитися в затишному родинному колі серед друзів і близьких. Про це свідчать спогади



Богдана Михайловича Комарова, в яких серйозні рядки перемежаються веселими згадками про сміх і витівки дружної родини.

Пропонуємо два таких спогади. Ці спогади продовжують публікацію мемуарів Б.М. Комарова, розпочатих у попередньому збірнику наукових статей музею<sup>5</sup>.

Матеріали з сімейного архіву передано в дар Одеському літературному музею Маргаритою Юріївною Волянською-Комаровою.

## Богдан Комаров

### Спогади

БМП [Бібліотека моєї пам'яті], I, 3. Б. Комаров [Б.М.Комаров].

#### Приветствие М.Д. Сидоренко. 1897



Михайло Сидоренко.  
1900 р. Одеса

С праздником, frère, поздравляем мы Вас,  
Счастья, здоровья желаем для Вас!  
Вы проживите сто лет!  
Жизнь Ваша будет, как солнечный свет.  
Да улыбается Вам все в житье!  
Вы утешением будьте в семье!  
Да не лукавит Вас бес!  
Будьте здоровы, как Геркулес.  
Грянем же разом «ура!» мы друженько  
За Михаила за Сидоренко!  
Щелкайте пробки, пенитесь бокалы!  
Frère'у здоровья, и счастья, и славы!

Когда М.Д. Сидоренко был еще женихом Риты, последняя предложила нам, младшим детям, называть его «фрером» («frère» – по франц. «брат»). Так мы и называли его, пока не появились маленькие «сидорчуки». С того времени мы стали звать его «дядя Миша».

Я очень любил фрера. Для меня он был высший авторитет. Я с малых лет любил природу, но фрер впервые открыл предо мною все очарование, всю глубину и сложность природы. В маленьких экскурсиях по воскресным дням в окрестностях Одессы он познакомил меня со множествами интересных животных, растений, горных пород. Он





більш-менш «легковажне» провадження годин свого життя. Чи то йому захтілось поспівати, або вдатись до поетичної чи художньої або музичної творчості, чи просто потанцювати, чи погратись з дітьми, – і таким чином внести радісний по-дитячому струмінь в поважні аспекти своєї роботи.

Отак було і з дядею Мишею.

«Дядя Миша» – це Михайло Дмитрович Сидоренко, дружина моєї найстаршої сестри Маргарити (Рити). Коли в родині Сидоренок з'явилися діти, ми – брати і сестри Ритіні, почали звати Михайла Дмитровича «дядею Мишею».

Дядя Миша був відомий вчений – мінералог, професор університету. Про нього можна прочитати інформацію, уміщену у відомому Енциклопедичному словнику Брокгауза і Ефрона. А мені, тоді учневі гімназії, здавалось найбільш важливим, що дядя Миша знайшов в покладах земної кори два, невідомих до нього, мінерали, яких він вперше описав і яким дав назви, занесені в загальну систему мінералів земної кори. Це «гідротроеліт» – з покладів одеських лиманів і «урагвайт» – з гір далекого Урагвая.



*Михайло Федорович Комаров  
і Любов Болеславівна Комарова.  
1900-ті рр. Одеса*

І ось дядя Миша дуже любив, коли в його господі збирались діти і молодь. Він не одмовлявся від ігор з ними, багато розповідав їм з історії наукових досліджень, а, бувало, і співав пісні. Голос у дяді Миші був «неспівацький» і слух – слабенький, але співав він задушевно, тепло, і ми, «діти», слухали його з увагою і зачували слова його пісень.

З українських пісень дядя Миша співав пісню «про сокола»:

«Дивлюсь я на небо  
І думку гадаю:  
«Чому я не сокіл?  
Чому не літаю?  
Чому мені, Боже,  
Ти крильця не дав?  
Я б землю покинув  
І в небо б злітав...»

Іноді до дядя Миші приходив його рідний брат, «дядя Костя» – залізничник.





Дядя Костя мав сильний голос і, по просьбі брата, теж співав «про сокола». «Громовий» бас дяді Кості лунав по всіх кімнатах Сидоренківської хати.

Слухаючи пісню «про сокола», я постійно думав-гадав: чому це дяді Миші так хочеться «злітати» в небо? Що б він там робив? І мені здавалось, що і там він шукав би якісь «небесні» мінерали. А може хтїв би в'яснити, що за країна те «небо» і що за вчений той «Бог», що мав уміти збудувати «крильця» для льоту в небо?

З революційних пісень Дядя Миша співав переважно «Марсельезу» і то в оригіналі французькою мовою:

«Allons enfants de la Patrie!»

Ми, діти, засвоїли від нього текст цієї пісні французькою мовою. До того часу ми знали слова її лише в українському перекладі одеського громадянина Леоніда Анастасієвича Смоленського\*. Кожного разу, коли громадяне збирались в батьківській хаті, вони під кінець зборів співали під орудою Л.Смоленського цей революційний гімн.

Я знав, що і дядя Миша і Смоленський, як і інші наші громадяне, люди мирні, не войовничі, і трохи дивно було, що закликають вони «до бою», але, з другого боку, можу ручатись, що співали вони «Марсельезу» з усією щирістю і вірою в безсумнівну перемогу «добра» над «лихом» («Старі романтики», як я подумав далеко пізніше, згадуючи ті співи на зборах).

\* \* \*

В молоді свої літа дядя Миша мав зв'язки з революційними гуртками. За це був покараний царським урядом, сидів у в'язниці, а відтак був засланий в Сибір, до узбережжя озера Байкал. Тут він працював деякий час в артілі «старателей». З Сибіру вивіз дядя Миша декілька місцевих сибірських пісень, що їх співали засланці. З тих пісень пам'ятаю лише перший куплет одної:

«Бурное море, священный Байкал,  
Славный корабль, омулевая бочка.  
Эй, баргузин, пошевеливай вал,  
Плыть молодцу недалечко!...»

Дядя Миша поясняв нам, що «омулевая бочка» – це плавуче приміщення для «омулей» – найкращої байкальської риби, а «баргузин» – це назва вітра, сприятливого для рибалок.

\* «Вперед, вперед, сини країни  
Славутній час вже наступив».



\* \* \*

Любив дядя Миша співати й пісню про поховання індійського вождя.  
Я забув прізвище автора цієї пісні, але саму пісню пам'ятаю:

### **Погребение краснокожого**

«Труп над вырытой могилой  
Плачем огласим!  
Все, что другу было мило,  
Мы зароем с ним.  
В головах облитый свежей  
Кровью тамагавк,  
С ним и окорок медвежий –  
Путь его далек.  
С ним и нож –  
Над вражьем трупом  
Он не раз сверкал,  
Когда кожу вместе с чубом  
С головы сдирал.  
Алой краски в руки вложим,  
Чтоб, натершись ей,  
Он явился краснокожим  
И в страну теней».

Мені дуже подобалася ця пісня. Я залюбки в ті часи читав Купера, і північно-американські індієць здавались мені великим народом, і ще зразковим борцем за свою незалежність.

\* \* \*

Дядя Миша співав загальношкільський гімн «Gaudeāmus igitur» на латинській мові і в перекладі на російську мову.

Пісня ця складена, як про це кажуть історики, більше ніж 500 років до нашого часу. «Gaudeāmus» не революційна пісня, але вона приваблювала молодь тим, що співали про життєву силу, про бадьорість і красу юнацтва.

Приваблювало до «Gaudeāmus'a» і інтернаціоналізм цієї пісні, яку співали студенти всіх країн світу, і співали її на протязі декількох сторіччів.

В номері 1-му журналу «Химия и жизнь» за 1968 р. наведені слова цієї пісні латинською мовою і подані ноти до неї. Російський переклад подано лише підрядковий, а про переклад рифмований сказано, що його, на жаль, знайти редакції не вдалось.



Я добре пам'ятаю рифмований переклад зі слов дяді Миші і пізніше від товаришів студентів.

«Gaudeāmus» складається з семи куплетів. Я пам'ятаю російський переклад куплетів 1-го і 8-го. Ось він:

«Веселитесь, коль живет  
В нас младая сила!  
После младости прекрасной  
После старости ненастной  
Нас возьмет могила.

2. Где все те, что прежде нас  
В этом мире жили?

\*\*\*\*\*  
\*\*\*\*\*  
\*\*\*\*\*

Краток жизни нашей путь,  
Мало в ней отрады.  
Смерть придет стремительно,  
Нас возьмет решительно,  
Нет у ней пощады.

4. Академии ура!

Профессорам, доцентам!  
Умным членам всех советов,  
Всем деканам факультетов  
И ура студентам!..

5. И девицам всем ура!

Юным и красивым!  
Женам, долгу чести верным,  
Матерям во всем примерным  
И трудолюбивым!

7. Но долой тоска, печаль,

Грусти нет моментов!  
Вон печали в ад с чертями!  
Не хотим мы знаться с вами!  
Прочь враги студентов!

6-го куплету не дозволялось співати, бо там згадувалась республіка, а бажати її життя в царській Росії вважалось абсолютно недопустимим. [Наведу латинський текст цього куплету по статті в «Химия и жизнь»:



«Vivat et respublica  
Et qui illam regit!  
Vivat nostra civitas,  
Maecenatum caritas,  
Quae nos hic protegit!»]

\* \* \*

Дядя Миша одійшов від нас ранньою весною. Зеленіла трава, і в околицях Одеси розплющила свої пелюстки перша весняна квітонька – брандужна (*colchicum montanum*).

Повітря ще мало нагрілось, і коли ми ховали дядю Мишу, на цвинтарі тягнув холодний вітерець. Ми стояли біля труни, «над виритою могилою» і ледве стримували сльози.

Професор Танфільєв розпочав свою жалібну промову словами зі студентського гімна:

«Vita nostra brevis est,  
Brevi finietur.a...»

Слова, написані 500 літ тому, чітко відзвучали, наче виковані у холодному повітрі.

Промовець розповів про наукові досягнення небіжчика, про його добру душу, про його велике серце і закінчив словами:

«Спасибо тебе, что ты жил среди нас...»

Розіллялись в повітрі сумні мелодії жалібного маршу, і в серці звучало «Спасибі тобі, що був ти людиною якнайбільш достойною цього величного імені!..»

Лбд., 4.XII.90 [Ленинабад 4.XII.90] БК [Богдан Михайлович Комаров]

### Примітки

<sup>1</sup> Комаров Б.М. Одеські зустрічі (Дещо із спогадів про Лесю Українку). – В кн.: Спогади про Лесю Українку. – Вид. 2-е, доп. – Київ, 1971. – С. 138.

<sup>2</sup> Там же. – С. 142.

<sup>3</sup> Там же. – С. 146-147.

<sup>4</sup> Вороний М. Твори. – Київ, 1989. – С. 154.

<sup>5</sup> Волянська М. Б.М. Комаров. Мої університети // Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 6. – Одесса: Сімекс-Принт, 2011. – Ч. 1. – С. 158-191.

## **«ЖИТТЯ МЕНІ ПОДАРУВАЛО ГЕОГРАФІЧНУ ТОЧКУ...»**

### *Дитячі роки Михайла Жука*

**У** 2014 р. минуло п'ятдесят років з дня смерті художника та письменника Михайла Івановича Жука (1883-1964).

З 1925 р. його життя пов'язане з Одесою. Тут він мешкав за двома адресами – на Пролетарському (нині Французькому) бульварі та з 1941 р. на вул. Свердлова (нині Канатній), де встановлено пам'ятну дошку.

Попри всі бурхливі події та життєві негаразди він зберіг як художній, так і літературний доробок. Михайло Жук пережив дві революції, численні зміни влади у Києві та Чернігові 1917-1920 рр., переїзд до Одеси, трус та арешт 1931 р.<sup>1</sup>, зміну квартири у 1941 (коли будинок постраждав під час бомбардування міста) та перебування в окупованій Одесі.

По смерті митця архів було розпорошено. Головним чином він розійшовся по чотирьох приватних збірках Одеси, частина матеріалів надійшла до Чернігівського меморіального музею М.М. Коцюбинського.

Обійдемо долю живопису М. Жука, приділимо увагу суто літературному доробку. З часом саме на його базі були зроблені численні публікації творів письменника одеськими краєзнавцями та науковцями С.З. Луциком, Т.І. Максим'юком, І.І. Козиродом, В. Барладяну-Бирладником (1942-2010), О. Кашубою-Вольвач (Київ) та автором цієї статті у місцевих, київських та закордонних виданнях.

Завдяки допомозі мецената С.Р. Гриневецького значна частка літературного архіву М.І. Жука надійшла до Одеського літературного музею. Вона складається з рукописів та машинописів оповідань, віршів, казок, п'єс, перекладів, спогадів, щоденникових записів.

Після надходження архіву до музею продовжується робота по введенню до наукового обігу літературних текстів Михайла Жука – як тих, що були надруковані у 1910-1920-ті роки, так и тих, що не побачили світу через політичні умови 1920-х рр.

У попередніх випусках нашого наукового збірника вже було опубліковано щоденникові записи<sup>2</sup>, оповідання<sup>3</sup>, казки<sup>4</sup>, спогади про створення Академії мистецтва<sup>5</sup>.

Наразі продовжимо розгляд спогадів.



У архіві митця є два незавершені рукописи, в яких він описує роки дитинства. Обидва вони автором не датовані.

За характером почерку, виглядом паперу (рукописи Жука початку-середини 1920-х рр. написані переважно на довгих вузьких смужках паперу) та особливостями орфографії текст «Михайло Іванович Жук народився 20го вересня, 1893 року в містечці Каховка над Дніпром... » можна віднести до середини 1920-х рр.

Ймовірно, що записи зроблені для Юхима Михайліва, який наприкінці 1920-х рр. працював над книгою про художника. Текст спогадів стилістично наближений до тексту книги, опис подій здебільшого співпадає з цитованими у книзі Михайліва листами М. Жука. На користь цього припущення і те, що розповідь ведеться від третьої особи.

Другий рукопис «Життя мені подарувало географічну точку...» за характером почерку та з огляду на наближену до сучасних правил правопису орфографію орієнтовно датується кінцем 1950-х рр.

До цього часу скупу та однотипну інформацію про дитячі роки та родовід художника можна було дістати лише з журнальних публікацій 1929 р., присвячених 25-річчю художньої діяльності митця, та більш детально – з книги Ю. Михайліва<sup>6</sup>.

Порівняймо тексти про дитинство художника (беручи до уваги те, що сам Жук згадував лише життя в Каховці – до переїзду родини до Києва восени 1896 р.):

«М.І. Жук народився 1883 року на Дніпрі в містечку Кахівці. Батько – робітник-маляр, мати мірниця на панському млині. До 18 р. маленький Жук – на Дніпрі, що знав і волю, і неволю. Це позначиться на всьому подальшому путі художника. Дніпро і степ збуджують у хлопчика любов до природи»<sup>7</sup>.

«Михайло Іванович Жук народився на Таврії в містечку Каховці, 20 вересня 1883 року.

Батько його, робітник-маляр, працював у підрядчика, а мати мірниця на паровому млині панів Панкеєвих.

Ще змалку Жук відчував хист до малярства.

І тому нічого дивного, що хлопець почав малювати по стінах, на всяких дошках козаків та квіти»<sup>8</sup>.

«М.І. Жук народився 20 вересня ст. ст. (3 X) 1883 р. в м. Каховці на Таврії.

Батьки Жука були люди трудові, з міцними “житейськими” традиціями, звичайні, скромні робітники, що думали лише про шматок хліба, аби чесно заробити на нього та уникнути зайвих злиднів.



Батько працював у підрядника Таранова звичайним робітником – малярем, а мати теж допомагала родині тим, що служила на паровому млині панів Панкеевих – мірницею.

І хоч у хатині не було художніх творів та оздоб, що виховували б художній смак, художній хист, а стіни її прикрашали якісь лубочні чи вирізані з журналів картинки, але все ж з М. Жука вийшов добрий художник, чії твори свідчать і про високий художній смак, відчуття краси, лінії і форми.

Талант виростає там, де хоче і – цікаво – часто там, де здається немає ніяких сприятливих умов для цього.

В кожному разі Жук ще з дитячих років виявив хист до мистецтва<sup>9</sup>.

«Михайло Іванович Жук народився в містечку Каховці на Таврії, року 1883, в родині робітника-маляра, що працював у підрядника. Мати служила за мірщицю на паровому млині. Хлопець, звичайно, не міг пройти мимо відер з фарбами, що чарували своїми кольорами, не міг не зацікавитись самим процесом накладання фарб на площину в різних комбінаціях. Нарешті від зацікавлення він переходить до дійсної праці, стаючи батькові за помічника, виконуючи спочатку менш відповідальні, а потім і серйозні завдання. Та хоч як не подобалась хлопцеві батькова професія, але поза нею його тягло до інших обр'їв, до малювання, до творчості. Батько зрозумів це, і сам знайшов йому вчителя. Хлопцеві було дев'ять років, коли почав він набиратися “малярської премудості” від свого вчителя-богомаза Мелехова. Це був клясичний з тих “п'яничок-малярів”, яким чимало майстрів завдячують першими кроками своєї малярської кар'єри. Згадуються перші кроки Шевченка в дяка-маляра, І. Рєпіна та інших»<sup>10</sup>.

Впадає в очі різниця у інтонаціях одеських авторів та близько знайомих з Жуком ще за київських часів М. Бурачека і Ю. Михайліва.

У книзі, що вийде за рік, Ю. Михайлів дасть проникливий, деякою мірою навіть сентиментальний опис дитинства Жука. Наводяться цитати



М. Жук. Фото з журналу «Всесвіт». 1929



з листів художника (подальша доля їх невідома). Власне, сам текст оповіді про дитинство митця є переказом листів (або розповідей) Жука. Загалом перша частина значно відрізняється від подальшого академічного тексту:

«Михайло Жук народився в містечці Каховці на Таврії, року 1883, в бідній родині робітника-маляра, що працював у підрядчика; мати служила за мірницю на паровому млині. Убога хата Жуків стояла на високій кам'яній скелі, над самим Дніпром. З цього ластівчиного гнізда малий Михась спостерігав красу прозоро-блакитних краєвидів старого Славути, вслухався в загадковий шелест шовкових очеретів та в ритмів плюскіт ізмагрових хвиль, що плинули і плинули в якийсь невідомий край.

А пізніше, коли стара хата впала, оселилися Жуки на протилежному березі Каховки, що врізався в лоно безмежного степу, де коливалися жита, пшениці, а по шляхах, що повилися сірими шнурами, кружляли, ніби водограї, піднявши високо свою піщану чуприну, вихори-степняки; а на обрїях, у нестримну спеку, мерехтіли казкові міражі.

Такі перші враження у хлопця од природи.

Але не радісно згадує в своїх листах художник про дитячі роки. Вони отруєні в нього постійним бідунням родини від безробіття. «Життя маляра та ще наймита на сезон дуже тяжке. Взимку злидні зазирають у всі шпари, а за літо на рік не заробиш. Правда, батько ще вивіски ма-

лював, та хіба тих вивісок в Каховці багато треба? Значить, голодували, значить, заборгувались», – пише М.Жук в одному із своїх листів. Поза цими матеріальними незгодами були ще неприємності, що збаламучували і псували не одну веселу хвилину хлопцеві.

Він народився фізично кволий і часто хорував: «напади англійської хвороби» і, особливо, «вічний біль зубів» далися йому ознаки.

Хоробливість та бідацька залежність родини від працедавця-підрядчика спричинились до раннього розумового розвитку хлопця і разом гнітюче вплинули на його психіку.



М. Жук. Портрет батька.  
1900-ті рр.

Одеський художній музей





З природи малий Михась був лагідний і вразливий; любив слухати оповідань свого 115-річного прадіда, що ще носив “заплетеного оселедця, закладаючи його за вухо, мав короткі вуса і чисто виголене підборіддя”. Цей старезний дідуган багато знав цікавого з минулих літ і з дотепом умів розповідати. Чи не від нього ця здібність передалася і нашому художникові, що, як відомо, володіє і словом.

Разюче сильні враження, ліричного порядку, залишилось у хлопця від українських пісень матері. “Їх вона знала силу-силенну” і співала за шитвом зимовими вечорами і “часто плакав” від них майбутній поет і художник. “Особливо пам’ятаю, – згадує він, – коли мама співала про гуси, що налетіли з дикого краю, та про злих людей, що розлучили чоловіка й жінку, то сльози не давали мені передихнути й хотілося мені взяти й умерти і полинати кудись із маминим співом”<sup>11</sup>.

«Рано довелось нашому художникові зазнати “трудових процесів”. З восьми років доводилось “промишляти” на Дніпрі, – заготовляти паливо на зиму, цілими днями «киснути в воді», здираючи кору з колод на плотах. Праця не легка й загрозово-небезпечна. Необережний крок на слизькій колоді, і хлопця глитає Дніпрова глибінь. Тоді “раптом зчиняється дитячий лемент, надбігають дорослі і мертво тишу прорізує розпачливий зойк матері”. І страшно, моторошно ставало хлопцеві в такі хвилини. <...>

Споочинок і розвага випадали більше надвечір. Затишний закуток у високому та густому, як ліс, бур’яні, був місцем створення різних фантастичних вигадок і плянів. Звідси вирушав Михась і з ватагою товаришів-одноліток на “екскурсії” з метою винайти чарівні могили із скарбами, щоб розкопати їх. І заходили молоді мрійники в далекі яри понад Дніпром, що прорізала весняна злива. “Там справді я відчував, – читаємо з листа художника, – що існує таємниця; там природа така велична, що я стаю меншим за комаху; там повітря таке густо-запашне, тепле й спокійне, що здалося, коли б його чимсь помішати, то воно розгойдалося б, як мед у склянці”<sup>12</sup>.

Вже йшла мова про стильове співпадіння рукопису «Михайло Іванович Жук народився...» з текстом Михайліва, але, на відміну від книги, у спогадах Жука є докладний та безжальний опис історії зубожіння родини.



У другому рукописі (принаймні, тій частині його, що знаходиться у музеї) постає мальовнича, виразна картина містечка Каховки, у якому Михайло Іванович народився та провів дитинство.

Спогади Жука доповнюють новими деталями біографію митця, допомагають краще зрозуміти витoki його творчості та притаманний йому (це торкається більшим чином літературного доробку) безрадісний погляд на оточуючий світ.

Рукописи публікуються із збереженням особливостей авторської орфографії та стилістики.

### Примітки

- <sup>1</sup> З листа М. Жука до І. Коцюбинської від 20.10.1955: «...коли мене заарештували в 1931р. то забрали багато книжок з автографами татка, Нечуя-Левицького, Лесі Українки, Лисенка, Лепкого, Франка і багато інших, які я так і не отримав» (повідомлено В. Величком С. З. Лущику).
- <sup>2</sup> Лущик С., Яворська О. Михайло Жук – літератор // Жук М.І. Замітки з блок-ногу. Листки календаря. 1900-1920 // Дом князя Гагарина: збірка статей та публікацій. Одеський державний літературний музей. – Вип. 1.– Одеса, 1997. – С. 83-111.
- <sup>3</sup> Лущик С., Яворська О. Оповідання М. Жука // Жук М. Оповідання // Дом князя Гагарина. – Вип. 2. – 2001. – С. 111-147.
- <sup>4</sup> Яворська О.Л. «Дайте мені можливість працювати...» (Казки Михайла Жука) // Жук М. Казки // Дом князя Гагарина. – Вип. 6. Т. 1. – 2001. – С. 321-423.
- <sup>5</sup> Кашуба-Вольвач О., Яворська О.Л. Українська Академія мистецтва у спогадах Михайла Жука // Жук М. Київ. Академія мистецтва // Дом князя Гагарина. – Вип. 7. – 2015. – С. 89-119.
- <sup>6</sup> Михайлів Ю. Михайло Жук. – Харків. – 1930.– 31 с.
- <sup>7</sup> Комар Г. Михейко Жук //Шквал (Одеса). – 1929. – № 8 – С. 8.
- <sup>8</sup> [Б.п.]. Михайло Іванович Жук: 25 років художньої діяльності // Шквал. – Одеса. – 1929.– № 28. – С. 10.
- <sup>9</sup> Бурачек М. Художник М.І. Жук: 3 нагоди 25-річного ювілею // Всесвіт. – 1929. – № 25. – С. 10.
- <sup>10</sup> Михайлів Ю. Михайло Жук: до ювілею 25 річної мистецької діяльності // Життя й революція. – 1929.– Книжка 5, травень. – С. 120.
- <sup>11</sup> Михайлів Ю. Михайло Жук... – С. 7-8.
- <sup>12</sup> Там же. – С. 9.



**Михайло Жук**

## СПОГАДИ

\*\*\*

Михайло Іванович Жук народився 20го вересня, 1893 року в містечці Каховка над Дніпром<sup>1</sup>.

Батько був красильником і кровельником; мати – прийомщицею пшениці на паровому млині панів Панкеевих. Бідні люде не багато тямлють про своїх попередників-родичів. Баба, дід, ще трохи праїдід, а потому вже все зливається у масу, у народ.

Немає родословних книг, немає гербів, немає істориків.

Навіть гублять свої могили на широких просторах землі і не знайдеш, де, коли і хто похований і навіть не тямлють прїзвищ, бо вони дуже швидко зникають у масі, як порошок серед вихрїстої куряви. Так і тут.

Тьмяною лишилося у хлопця, що він був єдиним сином в родині, згадка про те, що дід – з батькового боку – був моряком, мав невеличкий парусник і їздив по Чорному морю до Туреччини, до Греції, навіть до Італії. Він був одружений вперше зі смирною людиною, але його дружина померла замолоду і полишила одного сина – Василя Жука. Не було на кого кидати хлопця відпливаючи в море, та, крім того, було й майно в Херсоні, що розвалювалося без хазяїського догляду, а тому Григорій Жук – подружився вдруге. Подружжя випало нещасливе, бо друга жінка слабувала на алкоголізм і, породивши одного сина – Івана, – зовсім спилася. Повертаючись з моря до дому – Григорій Жук завше натикався на п'яну дружину, та на безліч приятельок, які розтягали все, що могли, з дому. Починалася звичайна сцена розправи, а тоді й сам Григорій Жук напивався до нестями, поки не вирушував знову до подорожі. Алкоголь став розрадою Григорію, як дома – так і в морі. Скінчилося на тому, що він п'яним потопив парусника на бережних скелях, а у відповідальність за крам, який віз на йому, йому зліщитували<sup>2</sup> все майно, що мав у Херсоні. Останній час життя – сидів під церквою, прохав милостиню і пив. Своє, особливе розуміння не дозволяло йому вступити на службу до своїх же товаришів: бути залежним од хазяїна, бути наймитом, – не укладалося в голові моряка.

Іван, син Григорія по другому подружжю, – навчався у штурманській школі, але по смерті батька, – мусів повернутися до матері (не було чим платити за школу) і з 13ти літ вступив у науку до підрядчика-



М. Жук. Портрет батька. 1903.

З книги Ю. Михайліва «Михайло Жук»

фєрї, звичайно, вирощувалися новї пагони алкоголїкїв, та змучених людей, яким і був Іван Жук, батько Михайла Жука. Єдине і важливе, ще збереглося в душі Івана – це особлива якась чулисть до пригнїчених до всїх тих, що носили тавро невдалих людей.

Прадїд, з боку матерї – козак, запорожець. Помер вже старим, за сто рокїв. З дочкою (бабою посварився за те, що вийшла замїж за крїпака і прийшов миритися вже десь перед смертю. Останнї роки шевцював і пив запоєм. Пропивав все і повертав до хати майже голий. Дїд з боку матерї крїпак – Микита Крюков, за непокрїливу вдачу був вїдданий паном у салдати і прослужив на вїйськовому кораблї 22 роки. Закуштував льнїкїв, та знуцання, аж поки не одпустили на волю. Тут одружився і до смертї вже працював, то тягаючи колоди на лїсному складовї поденно, то їздючи на поденну роботу з рибалками по Днїпру. Баба Марина, сухенька, гарна жїнка, вїчно затуркана дїдом, робила по хазяйству цїлими днями. Тиха, проворна – жила богом та онуком. Нїчого дивного, що люде в бїдї звертались колись до бога. Бог робився у них тим порятунком на всї болї, якї дошкуляли за тяжкого життя. Нїчого дивного, що жїноцтво найбільше зверталось до його, бо воно було в найтяжчому станї: з одного боку загально-економїчні умови, а з другого традиції рабства жїнки перед мущиною.

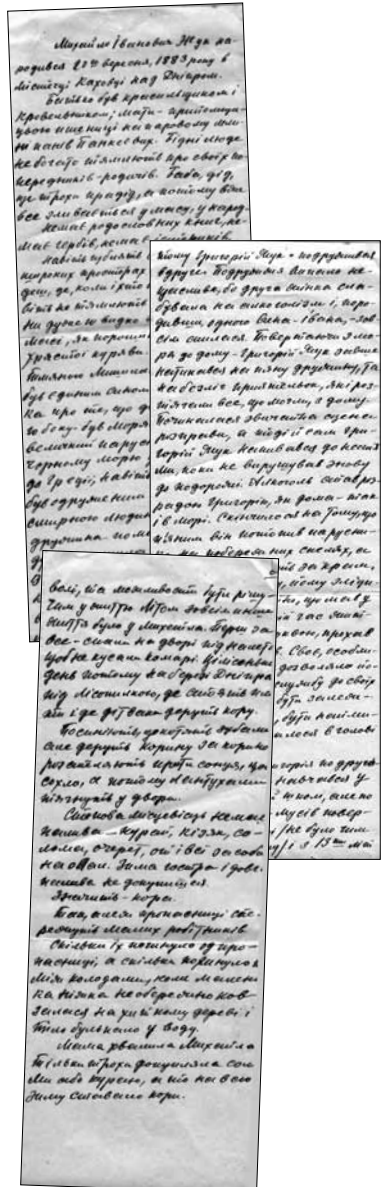
красильщика. Пияцтво, приголошених працюю майстрїв, якї завше були пїдручних хлопцїв, послаючи їх у шинок за горїлкою. Настане свято, то теж не краще. Знову женуть на жебри пїд церкву, щоб потому купити горїлки тим же майстрам. Щоденна тяжка праця у пїдрядчика, де хлопчуки зимою няньчили хазяйську дїтвору, носили помїї, палили грубки та їздили до свїту у плавнї за комишом, що йшов на паливо хазяям. Влїтку теж не легше. Цїлими днями товкти мїданку, на фарбування дахїв, дихаючи отруйним пилом і знищуючи дитячий, кволий органїзм.

Часом тїльки на розвагу п'яна мати і бїльше нїчого. В такїй атмос-



Може найбільший вплив мала на хлопця баба Марина. Примовляла українською мовою, розповідаючи народні перекази та казки, – баба вливала першу любов до краю, до його долі, та до будуччини того краю.

Померла баба Марина, коли хлопцеві було вісім років. Настав важкий період в його життю, бо батько якраз покинув родину і поїхав з полюбовницею до Криму. Мати працювала на млині від шостої до шостої і не мала змоги доглянути хлопця. Наймала у них через сніи кухню Мадам Швермен. Мадам була по роду німкеня, жила з онуком Сергієм і заробляла тим, що навчала дівтуру. Син її, коваль, одружився вдруге. Молода жінка незлюбила хлопця, а тому Сергій і лишився у баби. Надзвичайно добра людина була Мадам Швермен В її хаті завжди був притулок скаліченим птахам та животині. Були безногі гуси, каліки собаки та коти. А також дрібне птаство, що замерзло часто у зимові холоди, – знаходило притулок у Мадам Швермен. Коли входив малий Михайло у хату Мадам, то звідти обдавало тим знайомим духом, який він тямив од ярмаркових звіринців – гострий і прикрий дух аміаку. Михайло і Сергій вчилися також з усіма дівтаками. Головною наукою були мови. Сергій, звичайно, тому що балакав з бабою на німецькій мові – вчив німецьку, а Михайло французьку. Сергій був шибеником, мазунчиком бабусі, а Михайло боязким і нерішучим. Мамі ніколи було мазати Михайла. Йї треба було все робити скоро і рішуче. Тому Михайла жорстоко біла за кожну шкоду. Такий спосіб виховання



М. Жук. Рукопис.  
1920-ті рр.



найбільше відповідав людині, що цілими днями була по-за хатою. Але зробив не виправиму шкоду, позбавивши хлопця волі, та можливості бути рішучим у життю. Літом зовсім інше життя було у Михайла. Перш за все – спали на дворі під наметом, щоб не кусали комарі. Цілісінький день потому на березі Дніпра, під лісопилкою, де стоять плоти і де дітваки деруть кору.

Посиніють, цокотять зубами, але деруть корину за кориною, розстеляють проти сонця, щоб сохло, а потому лантухами тягнуть у двори.

Степова місцевість, немає топлива – курай, кізьяк, солома, очерет, от і всі засоби на опал. Зима гостра і довга, палива не докупишся.

Значить – кора.

Так, але ж пропасниці стережуть малих робітників.

Скільки їх погинуло од пропасниці, а скільки погинуло поміж колодами, коли маленька ніжка необережно ковзалася на хиткому дереві і тіло булькало у воду.

Мама хвалила Михайла. Тільки трохи докупляла соломи або кураю, а то на всю зиму ставало кори.

*[текст не закінчено]*

6 пронумерованих сторінок на вузьких смужках, написаних чорнилом. За виглядом паперу та характером почерку орієнтовно датуються серединою-кінцем 1920-х рр.

\*\*\*

Життя мені подарувало географічну точку. 1883 року 20го вересня старого стилю це було. Містечко Каховка відома своїми великими ярмарками, відома тисячами заробітчан, що плили байдаками<sup>3</sup> по Дніпру і багатьма десятками гинули на порогах, Каховка, що вславилася своєю вовною і золотою пшеницею. Каховка, що мала велетенські баштани в степах, де зростали сояшники, кавуни, дині, огірки, червоні баклажани, гарбузи. Каховка, де на правому березі тяглися величезні плавні з комишами, вербами й міріадами комарів, що несли з собою страхітливі пропасниці, де було багато птаства і так само гадюк, а ще вище впорядковані німецькі колонії, що було видно нам з високого лівого берегу. І широкий, многоводний Дніпро, по якому аж з Чорного моря пливли пароплави, гвинтові баржі, а зверху на весні – тисячі плотів, що розподілялися по тартанах до самого Херсону. Житло наше стояло на ріжку завулків, що один йшов під спендіяровськими сараями з лісо-матеріалами, а другий йшов [нерозб.] до урвища над Дніпром, куди з дворів скидали всяке



...наша шлях...  
 ...Куховань...  
 ...вигляду на...  
 ...на паровому...  
 ...власноручно...  
 ...у двір...  
 ...у садочку...  
 ...булино порослих бур'янів...  
 ...спочивали сви-  
 ...розповідала...  
 ...у панів Панкеєвих...  
 ...великому тартаку...  
 ...паровому млині...  
 ...двоорище...  
 ...двома старими...  
 ...високими акаціями...  
 ...двох боків по...  
 ...садочку...  
 ...ніколи не мав...  
 ...крім буїно порослих бур'янів...  
 ...де тяглися...  
 ...спендіяровські сараї...  
 ...теж бурно росли бур'яни...  
 ...колючки...  
 ...в спеку там...  
 ...спочивали сви-  
 ...навігавшись...  
 ...досхоchu, збиралася там...  
 ...дітвора...  
 ...розповідала...  
 ...куток увесь був...  
 ...заселений рибалками...  
 ...та тими ще, хто...  
 ...працювали у панів...  
 ...Панкеєвих або на...  
 ...великому тартаку...  
 ...або на паровому...  
 ...млині, які містилися...  
 ...в одному величезному...  
 ...дворищі...  
 ...двоорище було...  
 ...обгороджене...  
 ...величезним дерев'яним...  
 ...барканом, що долиною...  
 ...також буїно заріс бур'яном...  
 ...і колючкою...  
 ...Рух на наших...  
 ...завулках кіньми майже...  
 ...зовсім не виявлявся...  
 ...Хіба тільки що...  
 ...водовоз в де-які двори за-

...наша шлях...  
 ...Куховань...  
 ...вигляду на...  
 ...на паровому...  
 ...власноручно...  
 ...у двір...  
 ...у садочку...  
 ...булино порослих бур'янів...  
 ...спочивали сви-  
 ...розповідала...  
 ...у панів Панкеєвих...  
 ...великому тартаку...  
 ...паровому млині...  
 ...двоорище...  
 ...двома старими...  
 ...високими акаціями...  
 ...двох боків по...  
 ...садочку...  
 ...ніколи не мав...  
 ...крім буїно порослих бур'янів...  
 ...де тяглися...  
 ...спендіяровські сараї...  
 ...теж бурно росли бур'яни...  
 ...колючки...  
 ...в спеку там...  
 ...спочивали сви-  
 ...навігавшись...  
 ...досхоchu, збиралася там...  
 ...дітвора...  
 ...розповідала...  
 ...куток увесь був...  
 ...заселений рибалками...  
 ...та тими ще, хто...  
 ...працювали у панів...  
 ...Панкеєвих або на...  
 ...великому тартаку...  
 ...або на паровому...  
 ...млині, які містилися...  
 ...в одному величезному...  
 ...дворищі...  
 ...двоорище було...  
 ...обгороджене...  
 ...величезним дерев'яним...  
 ...барканом, що долиною...  
 ...також буїно заріс бур'яном...  
 ...і колючкою...  
 ...Рух на наших...  
 ...завулках кіньми майже...  
 ...зовсім не виявлявся...  
 ...Хіба тільки що...  
 ...водовоз в де-які двори за-

...наша шлях...  
 ...Куховань...  
 ...вигляду на...  
 ...на паровому...  
 ...власноручно...  
 ...у двір...  
 ...у садочку...  
 ...булино порослих бур'янів...  
 ...спочивали сви-  
 ...розповідала...  
 ...у панів Панкеєвих...  
 ...великому тартаку...  
 ...паровому млині...  
 ...двоорище...  
 ...двома старими...  
 ...високими акаціями...  
 ...двох боків по...  
 ...садочку...  
 ...ніколи не мав...  
 ...крім буїно порослих бур'янів...  
 ...де тяглися...  
 ...спендіяровські сараї...  
 ...теж бурно росли бур'яни...  
 ...колючки...  
 ...в спеку там...  
 ...спочивали сви-  
 ...навігавшись...  
 ...досхоchu, збиралася там...  
 ...дітвора...  
 ...розповідала...  
 ...куток увесь був...  
 ...заселений рибалками...  
 ...та тими ще, хто...  
 ...працювали у панів...  
 ...Панкеєвих або на...  
 ...великому тартаку...  
 ...або на паровому...  
 ...млині, які містилися...  
 ...в одному величезному...  
 ...дворищі...  
 ...двоорище було...  
 ...обгороджене...  
 ...величезним дерев'яним...  
 ...барканом, що долиною...  
 ...також буїно заріс бур'яном...  
 ...і колючкою...  
 ...Рух на наших...  
 ...завулках кіньми майже...  
 ...зовсім не виявлявся...  
 ...Хіба тільки що...  
 ...водовоз в де-які двори за-

сміття, а також ходили до криниці по воду й гаткам до прання білизни. Цим же завулком простували на гору заробітчани буквально сотнями і тут же серед лопухів під барканами оселі спорожнialiся, засмагли і веселі й увесь короткий завулоч насичувався жахливим смородом, як на дворі так і в хаті. Батоги господарів мало допомагали, щоби врятувати жалюгідні становище тих оселі, що виходили на завулоч. Якраз на ріжку цих завулків стояла наша хата з двома старими й високими акаціями. Хата стояла трохи всередині двору так, що з двох боків по вулиці було щось подібне до садочку, але який ніколи не мав ніяких квітів, крім буїно порослих бур'янів. Там же, де тяглися Спендіяровські сараї – теж бурно росли бур'яни і колючки і в спеку там спочивали сви-ні, а ввечері, набігавшись досхоchu, збиралася там дітвора і розповідала різні свої оповідання. Куток увесь був заселений рибалками та тими ще, хто працювали у панів Панкеєвих або на великому тартаку, або на паровому млині, які містилися в одному величезному дворищі. Двоорище було обгороджене величезним дерев'яним барканом, що долиною також буїно заріс бур'яном і колючкою. Рух на наших завулках кіньми майже зовсім не виявлявся. Хіба тільки що водовоз в де-які двори за-



возив зрання воду, а решта дворів самі носили з криниці або з Дніпра. Та хіба в кінці липня або серпня приїздила повна повозка з кавунами та динями, яку господарь пропонував хазяям на купівлю за карбованець і часто вивантажував своє добро за 60 копійок. Паслися тоді й хазяї і худоба, що кому належало за її достоїнством. Зими були люто холодні, а літо нестерпуче палаюче. Весна, як весна. Зі степів [нерозб.] бурхливо шуміли потоки води і вливалися до Дніпра. А Дніпро гнав кригу, заплаву, й цілі господарські споруди у вигляді санів, курників, яток і розбитих човнів. Плавні тоді виявляли себе лише вершинами дерев а решта топилися глибоко у воду. Осінні дощі знову гнали згони ярами до Дніпра, знову з'являлися [нероб.] розбиті човни, хоч плавні вже не топилися глибоко у воду але сивіли, як туман або дим над самою водою. Каховка мала свою аристократичну частину, що звалася «Великою вулицею». Центром цієї вулиці були будинки Фальц-Фейна. Великий, дощатий, цяцькований баркан, а попід барканом лави, лави й лави. В добру погоду у дворі ті лави обсадили люди й лускали насіння, що продавали баби, перекупки. Лускали насіння з ляскотом і з великою майстерністю. Руки тільки вкидали до рота зернята, а вже зуби й губи тай його обробляли, що воно безперерви спадало на подоли спідниць або на землю і земля вкривалась лушпинням так густо, як глищею з ялин або сосни. Людські щелепи переробляли кільки десятків кілограмів тих ласощів за кілька годин прогулянки на «Великій вулиці». Там же на «Великій вулиці» у будинках Фальц-Фейна, у дворі, був і театр, деревляна, велика будова, що містила і партер і ложі й галерею. На вулицю виходили кілька магазинів, де містилися годинникарі та відома на все містечко циркульня. Ліворуч «Велика вулиця» прямувала до «Покровської церкви», повз велике панське дворище Папкова, й зараз за будинками Фальц-Фейна звертала ліворуч одна брукована вулиця, що провадила на пристань «Російського Товариства пароплавства і торгівлі». Праворуч йшла вулиця з крамницями купців Мацнова[?], Зуєва та Сазонова. Дальше вже до степу були дворища того ж Зуєва й Мацнова[?], де малися великі амбри на засипку зерна пшениці. Зуєв також мав парового млина. Одалік од Каховки – були «Терни» – маєток Панкеєва. Це був чудовий оазис серед пекучого степу з кам'яними будинками, та розкішним фруктовим садом і парком. Степові колодязі тут були дорогою спорудою. До води треба було копати 15-20 сажнів, робити підкоп зруба, мати добру торбу з ланцюгами. Правда, вода була прозора, мов кришталь, влітку прохолодна, а взимку,





порівняно з пекучим морозом, тепла й смачна на смак. А навкруги Каховки – далі й далі розкинувся степ з могилами й буйною травою і з духмяним запахом чабрецю, полиню та степових квітів. В широкому просторі неба плавали або лише хмари, або спочивала синя й бездонна баня небесного простору. Тільки цятками кружляли кібці або вірли, постерігаючи поживу. Отари овець зі страшними собаками й епічними чабанами з довгими гирлигами пересовувались серед того безміру. Табуни коней вихором перелітали через густу траву на чолі з жеребцями. Які то були розумні й красиві звіряти і як мало вони були подібні на своїх братів, що тягали драбинчасті вози, або слугували людині на якійсь іншій важкій роботі. Хвилями котився вітер по травах, хвилями ходили тіни од пролітаючих хмар. Або серед цілковитої тиші повітря степом мчить красун-віхор, що зпинався головою в далеку блакить з шапкою на голові. Він посувається граційно й швидко, простує просто до Дніпра й хитає по дорозі все, що йому трапиться – випадкова білизна у дворі, шмат соломи зі стріхи, рогожа з куріня баштанника, курей і маси дрібного пороху, що творить його властива постать. Часом він добігає до Дніпра, а часом, раптом втрачає силу, й раптом падає серед степу. І так буває, що в пекучі дні таких молодців шугають по степу цілі громади, один красчий од іншого, другий прудкіший за першого.

Що може бути величніше за безмежні простори степу? Око й душа сягають так далеко, що аж дух захоплює. Степ вічно живий і мінливий на протязі всієї...

*[текст обірвано, примітка С.З. Лущика – продовження рукопису, стор. 7-12 знаходяться у С. Шевельова (виправлено – у Т. Максим'юка), серед паперів М. Жука]*

6 пронумерованих сторінок у зошиті, написаних чорнилом, останній абзац дописано чорнилом іншого кольору. Над текстом окремі правки олівцем.

<sup>1</sup> Метрическая запись № 203 <...>Покровской церкви местечка Каховки, Таврической Епархии, Днепровского уезда за 1883 год <...> Сентября 20 дня родился, а 21-го того же месяца крещен МИХАИЛ. Родители его: Временноотпущенный унтер офицер Иоанн Григорьев Жук и законная жена его Параскева Никитина; оба православного вероисповедания. – Цит. за: Михайло Жук: Каталог виставки / Одеська державна наукова бібліотека ім. М. Горького, Одеський будинок вчених: Секція книги / упорядники Л.В. Арюпіна, О.М. Барковська, С.З. Лущик. – Одеса, 1998. – С. 37.

<sup>2</sup> Продали на аукціоні.

<sup>3</sup> Річкове вітрильне вантажне судно на Дніпрі.

## **РЫЦАРЬ ЗАУМИ**

Абстрактная живопись давно уже стала классикой искусства. Об этом легко говорить в этом, 2016 году, когда во всем мире отмечается 150-летие Василия Кандинского. Абсурдистская драматургия – от Ионеско до Хармса – прочно вошла театральным репертуар. А вот в литературе «заумный язык» всё еще вызывает настороженность. И это несмотря на то, что торжественно отмечали в 2015 130-летие Велимира Хлебникова, а в этом году – 130 лет со дня рождения Алексея Крученых.

В 1940 году в поэме «Маяковский начинается» Николай Асеев писал:

Теперь  
начать о Крученых главу бы,  
да страшно:  
завоев журнальная знать...  
Глядишь –  
и читатель пойдет на убыль,  
А жаль:  
о Крученых надо бы знать!

Уверен, что об Алексее Елисеевиче Крученых (9 (21) февраля 1886 года, село Олевка Херсонской губернии – 17 июня 1968 года, Москва), поэте, художнике, организаторе футуристического движения, издателе рукотворных книг нужно помнить, изучать его архивы, осмыслить его творчество. Тем более в Одессе, городе, где с 1902 по 1906 год Алексей Крученых занимался в Художественном училище у К.К. Костанди, где получил диплом и профессию художника.

В 1913 году Алексей Крученых организовал издательство «ЕУЫ», в котором начал выпускать литографированные книги. В них каждая линия, каждый рисунок соприкасался со словами, образуя звукоряд. И значение этих книг в истории русского авангарда не меньше, чем воззвания и манифесты.

Литографированные книги А.Е. Крученых издавал до революции. Затем, с введением цензуры, издавать книги стало много труднее. Но Крученых не перестал заниматься «самиздатом». В двадцатые годы – двадцать четыре сборника «Неизданного Хлебникова», где каждая стра-



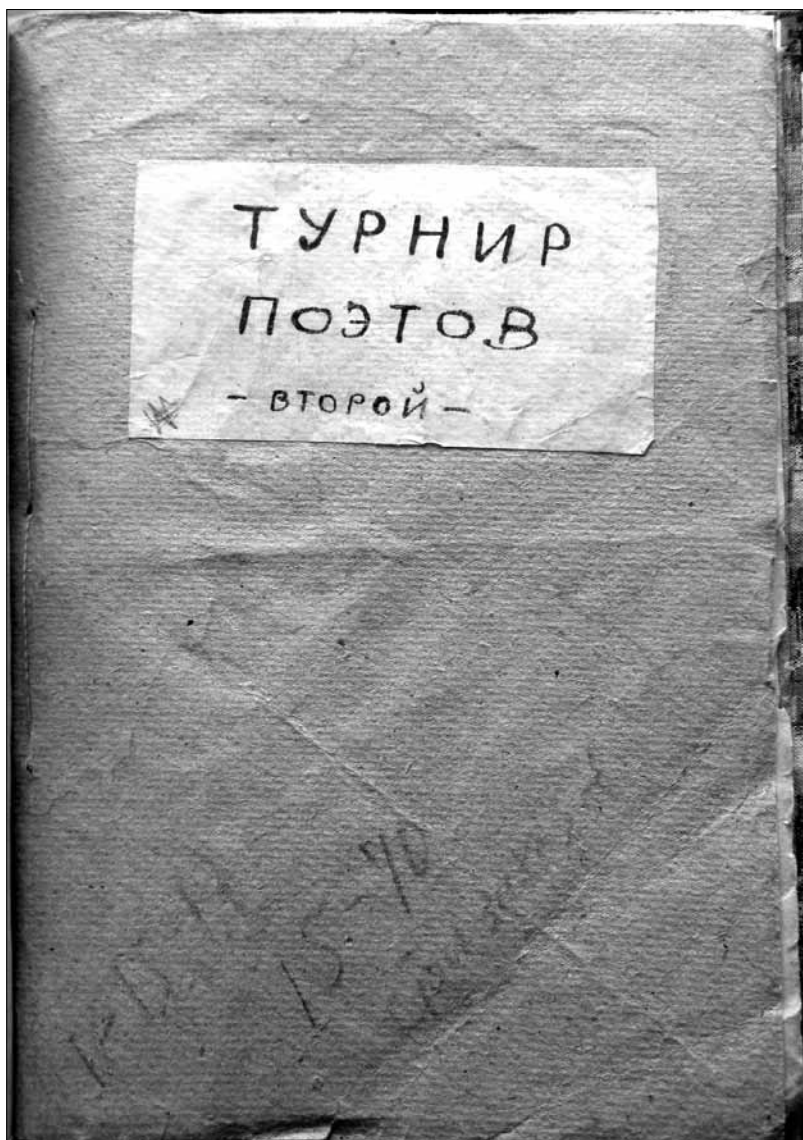
ница, написанная рукой кого-либо из поэтов, входивших в группу друзей Хлебникова, печаталась на стеклографе, а потом переплеталась. Тираж этих книжечек был 100-150 экземпляров.

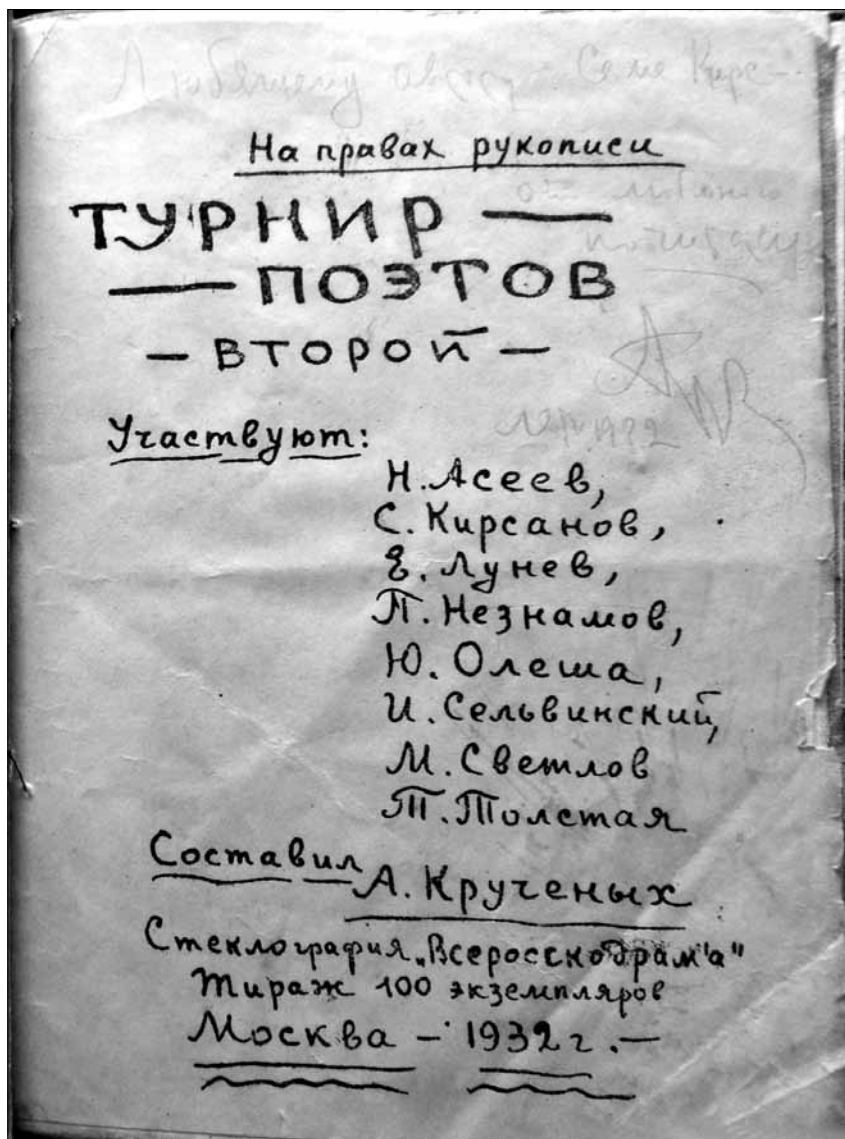
И еще два издательских проекта осуществил Алексей Крученых. В 1930 году, после самоубийства Владимира Маяковского, на основе материалов своей коллекции, он выпустил три стеклографированных сборника «Живой Маяковский» тиражом в 100 экземпляров. И, наконец, в тридцатые годы – три, тоже стеклографированные книжки «Турнир поэтов» (100 экземпляров)

«Турнир поэтов» был задуман как демонстрация возможностей игры слов. В первом сборнике Алексей Елисеевич Крученых предложил участникам пародировать его сочинения, во втором – игру поддержали одесситы Юрий Олеша и Семен Кирсанов, написавшие музыкально-литературные шутки. Так что для Одессы этот томик особенно интересен. Но, увы, ни в одной библиотеке нашего города ни одного выпуска «Турнира поэтов» нет. Поэтому репродуцирую вторую книжку «Турнира поэтов» из своей поэтической коллекции. И тем самым призываю поэтов, литературоведов, читателей, издателей обратиться к творчеству А.Е. Крученых.

Предисловие к сборнику Алексея Крученых «Календарь», вышедшему в 1926 году, написал Борис Пастернак, считавший Алексея Крученых благороднейшим рыцарем зауми: «Ты из нас самый упорный. С тебя брать пример».

Прошло 90 лет, как написал Б. Пастернак эти слова. Пора издавать, изучать, читать Алексея Елисеевича Крученых.





## Приступ музыкальный

Я уже писал и говорил (в предисловии к 1-ому Турниру Поэтов), что самая культурная игра — игра слов — у нас не в ходу и даже в загоне. Жонглирование шарами и тарелками — процветает (улица имени Дурова). Жонглирование словами клеймится, как циркачество, разнузданность, разложение.

Но я, наперекор судьбу, продолжаю собирать словесно-трюковые рекорды и поэтические каламбуры.

Второй Турнир поэтов образовался так: Ю. Олеша в столовой «Дома Герцена» набросал ряд «музыкальных шуток» о композиторах. С. Кирсанов, прочитав их, загорелся стихотворной ревностью и, параллельно со стихиками, дал ряд экспромтов



- 2 -

под грозным заголовком: "Кто  
кого?"

В соревнование вступили и  
другие поэты-звугары.

Ю. Олеша, прочитав экспром-  
ты своего партнера, матерал:  
"В общем, Кирсанов набрал  
больше очков!"

Кто кого - пусть читатель  
судит сам!

Но кто бы ни был побе-  
дителем, - я думаю, что насто-  
ящий "Турнир" дает много по-  
этических "заготовок" и по-  
тому весьма заинтересует  
экспромтистов, эстрадников  
и др. работников "малых форм".

Круженных (А. Круженных)

-3-

Ю. ОЛЕША.

Композитор Шуман  
Производит шум он.

И приходит в шубе

Композитор Шуберт.

Только вдруг как ахнет

Композитор Вагнер.-

Лезет в ноты носом

Композитор Моцарт.

Глубоко "захован" >

Людвиг Ван Бетховен.

- Бойся римского корса  
оков! -

Зарычал Римский-Корсаков.

С нотами подмышкой

Ходит Даргомыжский.

Глинка, не ссорься

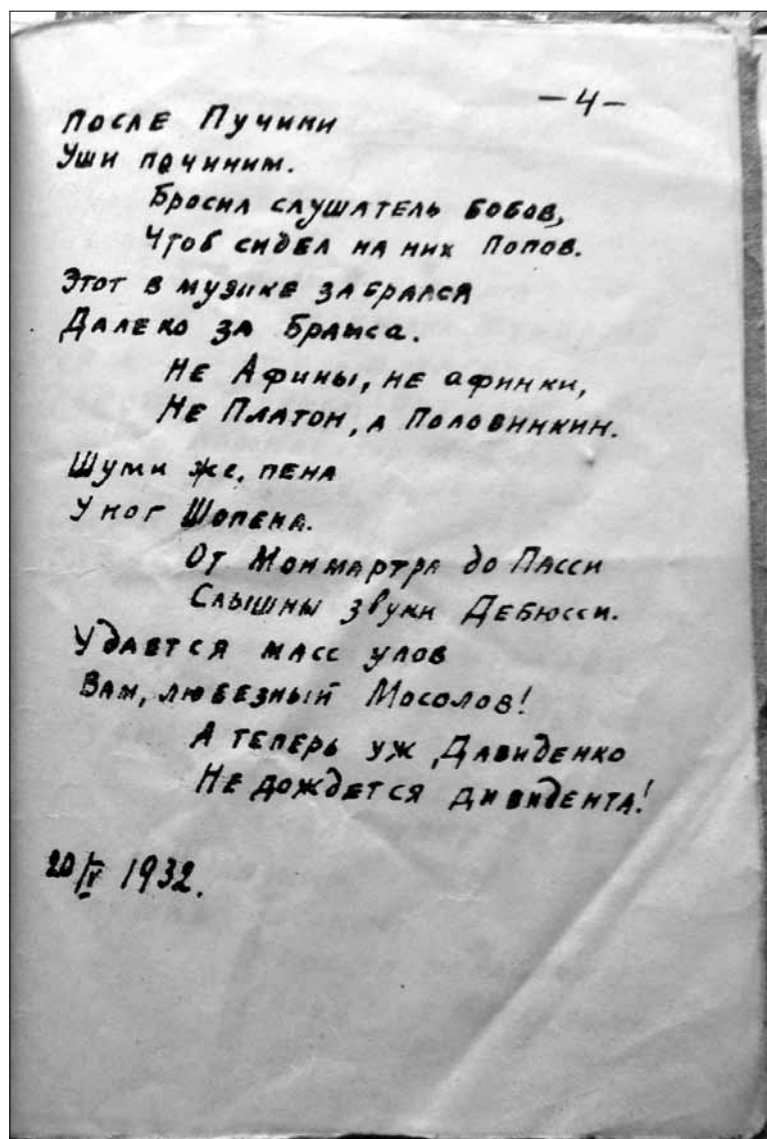
С великим Мусоргским!

Тычет в мусор кий

Композитор Мусоргский.

\* Укр. "спрятан." Ю. О.





С. Кирсанов.

-5-

Юра! Только-ж в Умани  
Говорят о Шумане.

У ОЛЕШИ ЧУБ ДОРТА  
ЛЮБИТ СЛУШАТЬ ШУБЕРТА.

РОЯЛЬ НАРЯЖЕН В МАГИИ  
ГРЕМИТ ПАРАДНЫЙ ВАГНЕР.

КОМПОЗИТОР МОЦАРТ  
НА СЦЕНЕ ЭМОЦИ?

СБОРОМ БИТКОВЫМ  
СЛАВЕН БЕТХОВЕН.

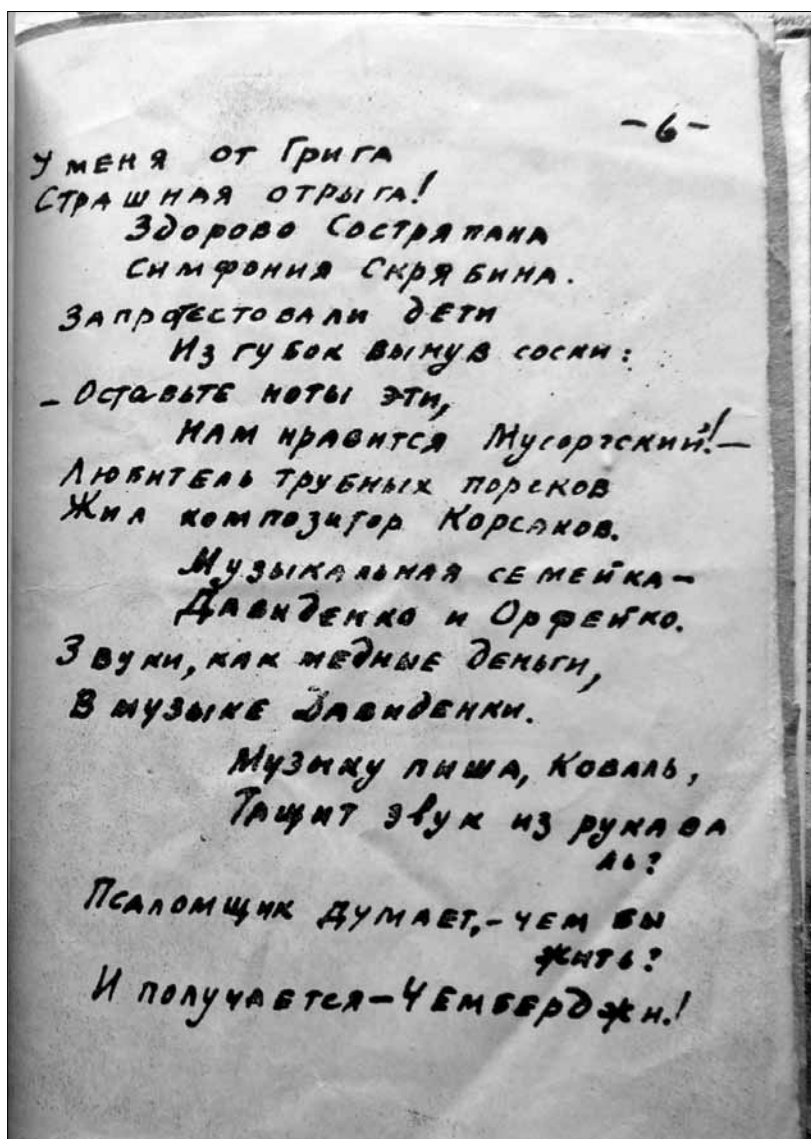
ДАМСКИХ РОЗ ЛОВЕЦ  
КОМПОЗИТОР РОСЛАВЕЦ.

ХОР СИМФОНИЧЕСКИЙ ПУЧЧИНИ  
ГУДИТ У ЖИВОТА В ПУЧИЛЬНЕ.

СЛУШАЯ МЕЙЕРБЕРА,  
КАЧАЛА ВВЕР ВЕРА.

СИДЯТ РАЗНИИ  
СЛУШАЯ РОССИИИ.

ХОРОШО ПОДКОВАНЫ  
ПАЛЦЫ У БЕТЛОВЕНА.



-7-

И. СЕЛЬВИНСКИЙВариации на Блокковскую тему.

Девушка пела Шуберта,  
 Девушка пела Шумана.  
 Затем производит шум она,  
 Когда не раскрыта и в шубе рта?  
 В плиссе" груди и в шу" бедра  
 Брава солистка Шуберта,  
 Когда ж сыграла Шумана,  
 Вскричала все "Sine tocche" она!  
 Цыганы - не холопы мы,  
 Ходим побираемся,  
 Батогами хлопаем,  
 Ногами перелистывая  
 Листа  
 и Брамса.

В заревой трубе - то кован  
 Дунул медных петухов он,  
 И мгновенно быт окован,  
 Как базар разбитых Ковен.  
 Так сражается Бетховен,  
 Вапмовцами атакован



- 8 -

СЕБАСТЯНА ФОН ДЕР БАХА  
АВЕРБАХ ЛУПИЛ.  
(У ПОПА БЫЛА СОБАКА,  
ПОП ЕЕ ЛЮБИЛ...)

||| ||| Е. Лунёв ||| |||

РОМАНСОВИДНЫЙ ГЛИККА  
НА АРФЕ НЕЖНО ДЛИНКАЛ.

||| ||| М. Светлов ||| |||

СЫГРАЕШЬ - БУДЕШЬ БАХОМ,  
СФАЛЬШИВИШЬ - АВЕРБАХОМ!

||| ||| Н. АСЕЕВ ||| |||

НЕ НАЙДЕТ ПЕРО СЛОВЦА  
ДЛЯ НИКОЛАЯ РОСЛАВЦА!

||| ||| Т. Толстая ||| |||

ВДОХНОВЕНЬЕ ЧЕМБЕРАЖИ  
ВРОДЕ ЗАВТРАКА РАДЖИ.

||| ||| Т ||| |||

- 9 -

П. МЕЗНАМОВ.

Много музыки родил  
 Композитор Бородин.  
 Он по нотам проходил  
 Как по каушам крокодила.  
 Если только ты Верди,  
 Я скажу лишь: „НЕ СМЕРДИ!“  
 Если же ты - ВЕРДИ -  
 Хуже всякой смерти! +)

У кого, что болит -  
 Тот тому и ШЕБАМИН.  
 Композитор БЕЛЫЙ  
 Худой, а НЕ ДЕБЕЛЫЙ.

Пощипать мяско с кого -  
 Неужель с МЯСКОВСКОГО?  
 Снять жирок порясу <sup>заго-</sup>  
 Неужель с Оранского?

Отсюда слово „увердюра“  
 Хоть в этом малость разобратся,  
 О чем вас извещаю, Юра,  
 Прося простить за панибратство!

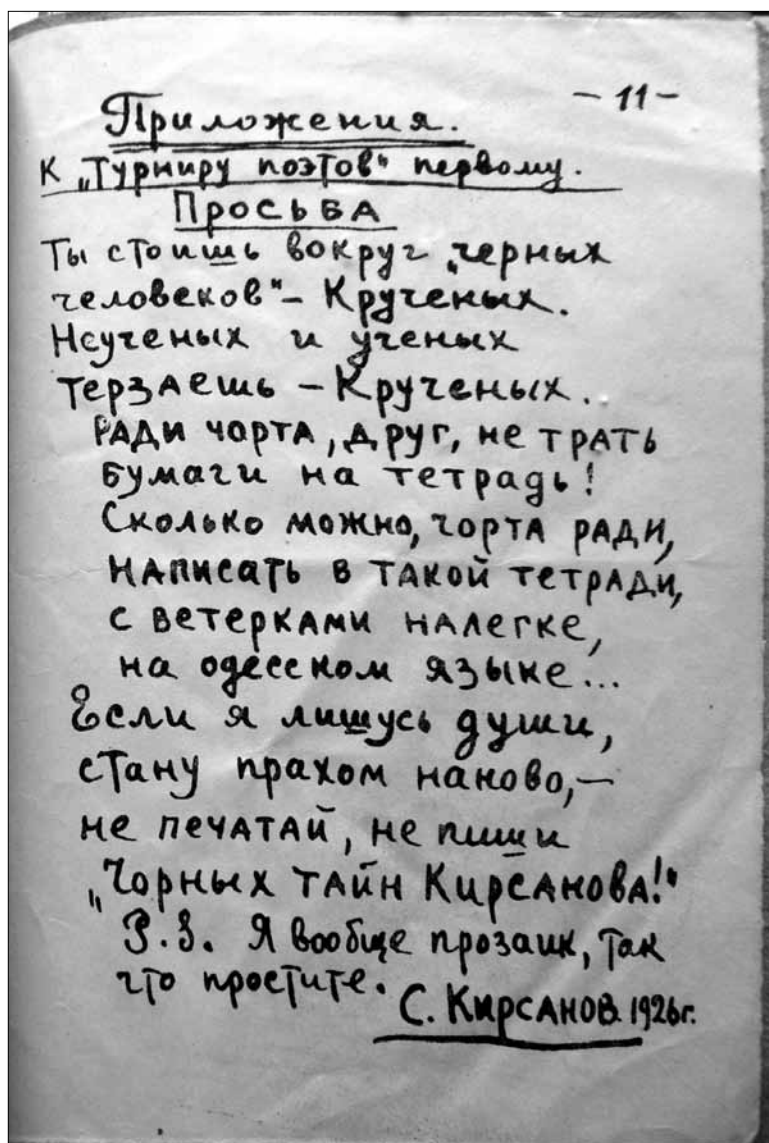


- 10 -

ЧЕМ НЕ КАПИТОК - МОРСКАЯ ПЕНА?  
ЧЕМ НЕ ЛАКОМСТВО - МОРЖИ?  
ЧЕМ БЕРЛИН ХУЖЕ ЧЕМ БЕРЛЕНА  
ЧЕМ ДЬЯЧОК ХУЖЕ ЧЕМ БЕРДЖИ?  
ДОВОЛЬНО БРАТЬ И ПУСТЯКОВИТЬ.  
ИХ ВСЕХ ОБСКАЧЕТ ШОСТАКОВИЧ!

ЕЩЕ О ШОСТАКОВИЧЕ.

- КОМПОЗИТОР - ЧТО ТАКОВ?  
ВЕРХОТУРСКИЙ ВОПРОСНА.  
И ОТВЕТИЛ ШОСТАКОВИЧ:  
- ЭТО Я И ДЕБЮССИ!







- 12 -

С. Кирсанов

С эстрады  
нам читал Кругеных  
под плеск  
восторженных  
ругенюк!

—)///—

Из племени  
неукротенных  
из роду  
несокрушенных  
остался —  
один Кругеных!

————)///———— 1932 г.

Ю. Олеша

К "Ирониаде"

Шел недавно  
кум Ирины,  
слышет голос  
кумаринный:

То идет  
Ирина вся!  
Кум к Ирине РИНУЛСЯ!...

—————  
—————  
—————

**К.С. Хоменко**

## **ПОВЕРНЕНИЙ ІЗ ЗАБУТТЯ**

*Одеські сторінки біографії І. Маловічка*

*Одеський літературний музей являє собою вир подій, зустрічей, збігів обставин, що в дивовижному візерунку поєднують минуле, сучасне і майбутнє.*

*Тридцять років пропрацював у нашому музеї артистичний фотохудожник Георгій Ісаєв. Але він – митець, він не архіваріус, тому не дуже переймався власними родинними архівами. Але якось-таки перейнявся, і з'явився на порозі нашого кабінету з великим фотопортретом вродливого юнака і аркушем пожовклого документу. «Це портрет першого чоловіка моєї мами, – сказав Ісаєв. – Він був відомим поетом, послідовником Михайла Семенка. Одружившись в Одесі, вони з мамою переїхали до Харкова, жили в знаменитому будинку харківських письменників «Слово». Однієї ночі туди приїхали чорні «воронки» і всіх позабирали. Мама цієї ночі залишилась в подружки, вони готувались до іспитів. Коли вона підійшла наступного дня до будинку «Слово», її перестріла двірничиха і розповіла про лихо, що сталося уночі. Мама, в чім була, побігла на вокзал і поїхала до Одеси. Про чоловіка вона дізналася в п'ятдесяти роки, їй сказали, що він помер у таборах 1942 року. Мама домоглася його реабілітації. Ось на цьому листочку всі відомості про нього. Якщо зможеш знайти якусь додаткову інформацію про нього – розкажеш».*

*Інформацію змогла знайти Катерина Хоменко, що невдовзі після відвідин Ісаєва прийшла працювати до музею. І вся інформативна частина цього нарису – її науковий здобуток.*

*Провідний науковий співробітник  
Г.В. Закіпна*



*Портрет І.К. Маловічка.  
Із сімейного архіву Г. Ісаєва*

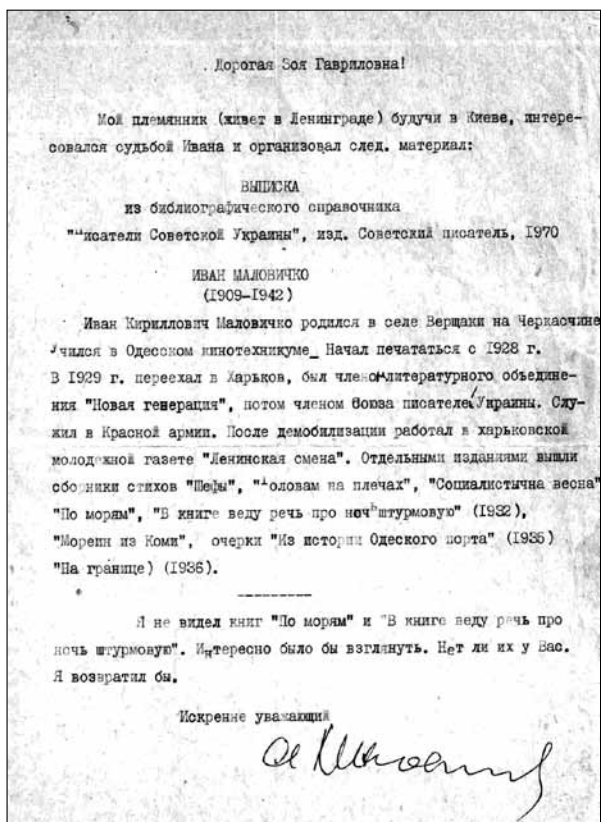
*В 1990-ті роки до читачів почали вертатися письменницькі імена, що були вилучені з літературного ужитку в результаті кривавих репресій 1920-1930-х років. Цей період в українській літературі отримав трагічну назву – Розстріляне Відродження. Зусиллями літературознавців та істориків по крихтам*



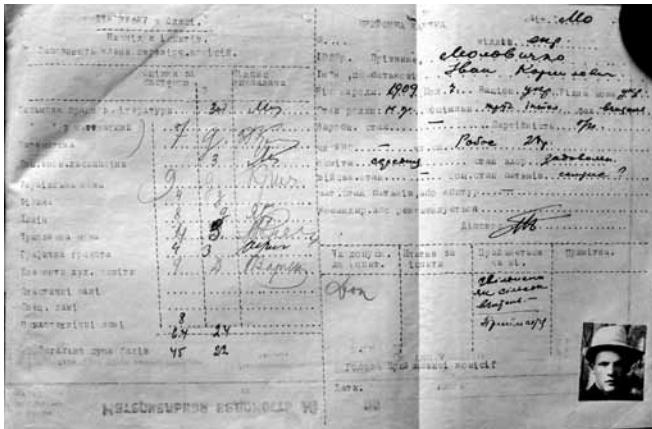
збиралися відомості про знищених тоталітарним режимом митців. Були заповнені величезні прогалини. Літературний процес 1920-х років набув яскравості і довершеності. Однак зусилля наукового пошуку останніх двох десятиліть не змогли засвоїти весь масив речників українського відродження. І на сьогодні лишаються «чорні діри» в літературознавстві 1920-х років, що потребують дослідження, вивчення і популяризації творчого доробку письменників, які були несправедливо покарані і творчість яких була несправедливо забута. До таких імен належить Іван Кирилович Маловічко, відомий в свій час поет футуристичного напрямку, творчість якого була схвально сприйнята навіть Володимиром Маяковським, який був не надто щедрий на компліменти.

Іван Кирилович Маловічко (Маловичко<sup>1</sup>) народився 7 листопада (25 жовтня) 1909 року в селі Верещаки, Лисянського району Черкаської області. Закінчив сільську школу, потім працював вчителем у школі села Радчиха Катерининського повіту на Уманщині<sup>2</sup>.

У серпні 1928 року І.К. Маловічко вступає в Одеський державний технікум кінематографії ВУФ-



Машинопис  
Лист до З.Г. Зубкової.  
Із сімейного архіву  
Г. Ісаєва



Приймочна картка  
І.К. Маловічко  
в Одеський  
державний технікум  
кінематографії  
ВУФКУ.  
1928 р. ДАОО

КУ на екранне відділення<sup>3</sup>. У зв'язку з скороченням екранного відділення, технікум він не закінчив<sup>4</sup>.

З 1928 року І. Маловічко почав друкуватися. У спогадах літературознавця та критика 1920-х років Олексія Полторацького знаходимо: «Іван Маловічко захопив “Нову генерацію” навально – і листовно, й особисто. У № 9 за 1928 рік редакція вмістила традиційні “Відповіді читачам”, серед них і таку: № 50. І. Маловічку. З надісланого матеріалу дещо використаємо. Присилайте ще. Уважніше працюйте над собою, ставте собі суворіші вимоги. У тому самому числі “Нової генерації” (1928, № 9) в серії «Автодор» надруковано вірш Маловічка “Кордильєра”»<sup>5</sup>.

У кінці 1928 року поет переїжджає до Харкова. Олексій Полторацький дає неординарну характеристику молодому підкорювачу поетичних вершин: «До плеяди молодих поетів, які прийшли до “Нової генерації” із села, слід віднести й другого поета, Івана Маловічка. Він почав був свою кар'єру в Одесі, спробувавши там кваліфікуватися на кіно-актора, та з цим у нього щось не вийшло і він надіслав до нас вірша, який називався “Кордильєра”. Що таке ота таємнича “кордильєра”, він напевне не знав, та йому просто сподобалося ефектне слово, а Семенкові, який прочитав його вірша, сподобалося, що воно Маловічкови сподобалося. Отож, Іванові було надіслано листа до Одеси, а через тиждень він об'явився в Харкові – в солон'яному бриликові з малиною стрічкою, з кривою люлькою і в галошах на босі брудні ноги. Брилик – з моїх рук – описав широку траєкторію польоту з вікна редакції тодішнього ілюстрованого «Всесвіта», де



я працював, і повиснув на високому платані над головами відвідувачів сусіднього літнього ресторану, загрожуючи одного дня стати прикрасою на голові якогось піжона; криву люльку викинув сам Маловічко, бо від її паління йому весь час нудило, а замість калоси ми купили йому в складчину жовті гостроносі туфлі, в яких він з незвички кульгав і скаржився, що йому муляє»<sup>6</sup>.

Авангардний поет активно друкувався у журналі М. Семенка «Нова генерація», у журналі В. Блакитного «Всесвіт». На початку 1930 року Маловічко з'являється серед авторів футуристичного «Авангард-альманаху пролетарських митців Нової Генерації», який видавали в Києві за редакторства Гео Шкурупія<sup>7</sup>.

Потім Іван Маловічко служив на фінському кордоні. Після демобілізації працював у Харківській молодіжній газеті «Ленінська зміна». З 1934 року член Спілки письменників України. У 1935 році він повертається в Одесу (за словами Г. Ісаєва, в Одесі Маловічко був у відрядженні)<sup>8</sup>. 11 квітня 1935 року в Одесі Іван Кирилович одружився з сімнадцятирічною студенткою Зоєю Гаврилівною Зубковою. Після одруження родина деякий час мешкала за адресою Стурдзовський зав., 11<sup>9</sup>.



З.Г. Зубкова. Одеса,  
1930-ті рр.



Подружжя Маловічко та Михайль Семенко.  
Харків, 1930-ті рр.

Запис акту про шлюб  
І.К.Маловічка  
та З.Г.Зубкової.  
Одеса, 1935 р. ДАОО



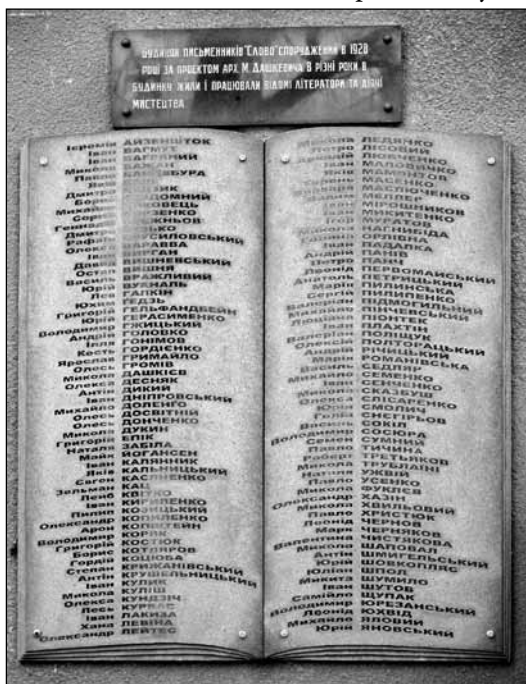


Незабаром подружжя переїздить з Одеси до Харкова. Оселяються вони у Харкові за адресою вул. Червоних письменників, 5, кв. 52 (зараз вул. Культури, 9) у будинку «Слово», побудованому кооперативом літераторів у кінці 1920-х – початку 1930-х рр. Будинок престижний та зручний для проживання, телефонізований, з просторими кімнатами. Пізніше його назвуть «крематорій» та «дом предвирительного заключения»<sup>10</sup>.

Сьогодні на будинку «Слово» висить меморіальна дошка, на якій зазначено більш як 100 імен мешканців будинку – закатованих діячів української культури – серед них і ім'я Івана Кириловича Маловічко.

Івана Маловічко заарештували 21 вересня 1937 року в Харкові. Слідство відбувалося у Києві. Київською трійкою 17 листопада 1937 року він був звинувачений у антирадянській націоналістичній діяльності, зв: 54-8-11<sup>11</sup> (разом з М.Семенком) і засуджений до розстрілу. Вирок було виконано 26 листопада 1937 року<sup>12</sup>.

На клопотання Зої Гаврилівни Зубкової (дружини І. Маловічко)



Меморіальна дошка на будинку «Слово»

у 1957 році справу І.К. Маловічко було переглянуто. Дружині письменника видали довідку, що І. Маловічко помер 26 жовтня 1942 від запалення легенів. Іван Кирилович Маловічко був реабілітований та поновлений у членах Спільноти письменників України посмертно.

В біографіях репресованих письменників за радянських часів дуже часто вказувалися роки смерті – 1941, 1942, 1943. А причиною смерті зазвичай вказувалась хвороба. Як приклад, можна навести біографію перекладача «Інтернаціонала» Миколу Вороного. Він був перекла-



дачем культового твору, влада не могла повністю викреслити його ім'я і стерти життєпис, тож в усіх радянських довідках зазначено, що М. Вороний помер 1940 року у Воронежі. Насправді ж поета було страчено 1938 року на Одещині. Аналогічна історія з Ісааком Бабелем, якого було заарештовано у 1939-му, розстріляно у 1940-му, а в радянських довідниках фігурував рік смерті – 1941. Для чого це робилося, важко сказати. Можливо, страти митців намагалися приписати фашистському режиму. Режим був і справді фашистський, але свого, вітчизняного розливу.

За життя Івана Кириловича вийшли окремими книгами його твори: Шефи. Поема. – Х.: ДВУ, 1930. – 48 с.

Головам на плечах. – Х.: ДВУ, 1930. – 82 с.

Соціалістична весна. Поема. – Х.: ДВУ, 1930. – 122 с.

По морях. – Х.: Молодий більшовик, 1931. – 16 с.

Морейн із Комі. Із записок командира. – Х.: ЛІМ, 1934. – 76 с.

З історії Одеського порту (Уривки). – Х.: Укр. Робітник, 1935. – 16 с.

На кордоні. Оповідання командира-прикордонника. – Харків-Одеса.: Дитвидав, 1936. – 110 с.

Ці збірники видань І. Маловічка вказані у п'ятому томі довідника «Українські письменники. Біо-бібліографічний словник»<sup>13</sup>. Після переліку видань довідник вказує критичну літературу в якій сучасники аналізують його творчий доробок:

Гельфандбейн Г.І. Маловічко. Головам на плечах // Молодняк. – 1930. – № 9. – С. 99–101.

Шеремет М.І. Маловічко. Соціалістична весна. Шефи // Молодняк. – 1930. – № 11. – С. 90–92.

Старинкевич Л.І. Маловічко. Шефи. Соціалістична весна // Гарт. – 1930. – № 12. – С. 168–174.



І. Маловічко. Шефи.  
Художник Д. Шавикін



«Пожовклий машинописний листок» (дарунок Г. Ісаєва музею), то такий, про який згадувалось в передмові, являє собою лист Олександра Маловичка до Зої Зубкової. В цьому листі О. Маловичко послуговується бібліографічним довідником «Письменники радянської України» за 1970 рік.<sup>14</sup> Тому інформація щодо року смерті не відповідає дійсності, адже на той час про репресії офіційні довідники замовчували, до того ж відбувались нові арешти серед української інтелігенції, так у січні 1972 року було заарештовано українського поета Василя Стуса.

Звісно, що це далеко не повний перелік видань письменника та літературознавчих праць про його творчість. Зараз над цим працюють, і з часом ми побачимо більш детальну бібліографічну роботу. В дослідженнях останніх років наводяться десятки публікацій поета в періодиці 1920-1930 років. Аналіз різних джерел вказує на те, що необхідний більш глибокий та комплексний пошук в архівах. Деякі публікації суперечать одна одній.

У відомій антології Ю. Лавріненка «Розстріляне відродження»<sup>15</sup> ім'я Маловічка відсутнє.

Першим дослідником українського футуризму був канадський літературознавець Олег Ільницький. Його дослідження було спершу опубліковано англійською мовою за кордоном і тільки в 2003 році побачило світ видання українською мовою у перекладі Раї Тхорук. У передмові до українського видання О. Ільницький пише: «Поява цієї книжки в Україні особливо радісна подія для мене. Коли я писав цю книжку, спершу як докторську дисертацію (1979-1983), архіви й бібліотеки України були мені, синові «буржуазного націоналіста», недоступні. Навіть між 1989-1991 роками, тоді, коли вже вийшла монографія, було важко собі уявити, що книжка дійде до україномовного читача». У книзі О. Ільницького «Український футуризм 1914-1930» ім'я І.К. Маловічка побіжно згадується сім разів<sup>16</sup>.

З 2003 року літературознавці продовжують накопичувати матеріал. У 2014 році побачила світ антологія «Українська авангардна поезія. Антологія 1910-1930», що містить невеличку біографію, бібліографію та чотири вірші Маловічка<sup>17</sup>. У анотації зазначено: «На даний момент це, вочевидь, найповніше її [української авангардної поезії – К.Х.] зібрання, яке робить доступними сучасному читачеві тексти, не передруковані інколи по кілька десятиліть». З цим твердженням важко не погодитися.





Відділ рукописних фондів та текстології Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка Національної академії наук України наразі працює над підготовкою до друку спогадів Олексія Полторацького, які щедро цитуються в інтернеті.

Треба зазначити, що електронні ресурси дають досить цікаву інформацію щодо Івана Маловічка. У соціальній мережі Facebook є сторінка «100 років українському футуризму / Centennial of Ukrainian Futurism»<sup>18</sup>, яка постійно поповнюється публікаціями про українських письменників тої доби. Поміж інших є дві публікації, присвячені І.К. Маловічко: уривок поеми «Шефи»<sup>19</sup> та фрагменти спогадів О. Полторацького<sup>20</sup>.

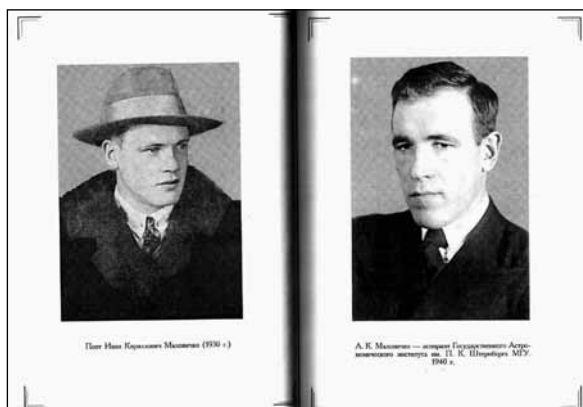
Українська Вікіпедія містить статтю про Івана Маловічко, зазначаючи, що «це незавершена стаття про особу»<sup>21</sup>. За півроку стаття у Вікіпедії поповнилася досить цікавими матеріалами.

На жаль, вся інформація в Інтернеті проходить без посилань на першоджерела.

Через мережу Інтернет вдалося встановити контакт з племінником Івана Кириловича Олексієм Олександровичем Маловичко. В архівних документах було виявлено, що у І. Маловічка на утриманні був брат. У документі було нерозбірливо вказано ім'я, а за згадками Г. Ісаєва, братів у Івана Кириловича було два. Про одного він нічого не знав, а про іншого сказав, що він відомий вчений у Росії.

Дійсно, молодший брат Івана Кириловича Олександр Кирилович Маловичко – вчений геофізик, засновник кафедри геофізики Пермського університету, заслужений діяч науки Російської Федерації.

*І.К. Маловічко  
та О.К. Маловічко.  
З книги «Профессор  
Маловичко А.К.  
и пермская школа  
геофизиков»*





На жаль, він помер у 1996 році. Його син – Олексій Олександрович (також російський вчений, сейсмолог, доктор технічних наук, член-кореспондент РАН, директор Геофізичної служби РАН, заслужений діяч науки РФ) написав у листі:

«Да, действительно, Иван Кириллович Маловичко – мой дядя. В конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века Иван Кириллович оказал решающее влияние на становление и формирование личности моего отца Александра Кирилловича». Свідомством того, що в родині зберігають і шанують пам'ять загиблого поета, є стаття Олександра Олександровича Маловичко «Поэзия в жизни А.К. Маловичко» у науковому збірнику, присвяченому пам'яті науково-педагогічної діяльності його батька – Олександра Кириловича Маловичко<sup>22</sup>.

«Широкая эрудиция, неизменный оптимизм и большое личное обаяние всегда притягивали самых разных людей к Александру Кирилловичу. Одной из любимых тем общения была для него литература и поэзия.

Он хорошо знал и прекрасно разбирался как в современной, так и в дореволюционной поэзии, при этом особый интерес всегда проявлял к украинской поэзии и литературе.

Его отношение к поэзии во многом сформировалось под влиянием среднего брата – Ивана Кирилловича Маловичко (1909 г. рожд.), который в начале 30-х гг. был известным на Украине поэтом. Иван Кириллович прожил недолгую жизнь – всего 33 года. Но прожил ее ярко и достойно. <...>

Политические репрессии 30-х гг. затронули очень многих украинских литераторов. В 1935 г. очередь дошла и до наиболее близких друзей Ивана Кирилловича – известных поэтов М. Семенко и М. Йонгансена. Их объявили «врагами народа». Предчувствовал свой близкий арест и Иван Кириллович, ибо вскоре последовало исключение из партии, потом из Союза писателей. Именно в это время в своих письмах он пишет: «Я человек – выдавший виды, знающий много людей, человек, которому не было времени любить, ибо я больше испытывал ненависть других... Сколько лучших людей предавали меня...» (17 января 1935 г.) <...>

«Мне сегодня как-то особенно захотелось веселой, полноценной жизни... За такую жизнь надо бороться и во что бы то ни стало завоевать ее. Во имя ее я не боюсь трудностей» (10 февраля 1935 г.)<sup>23</sup>.

В результаті роботи над дослідженням обставин життя І.К. Маловичко в Одесі в фондах ДАОО вдалося знайти особову справу Івана Кириловича з Одеського державного технікуму кінематографії<sup>24</sup> та



декілька документів стосовно його особистого життя.

«Одесский государственный техникум кинематографии Всеукраинского фотокиноуправления, г. Одесса»<sup>25</sup>. Цей фонд містить 349 одиниць документів з 1924 по 1930 роки.

Тут зберігається особова справа Івана Кириловича Маловічка<sup>26</sup>. Ця справа містить всього три документи: заяву про вступ, анкету до вступу та документ з оцінками, прийомну картку. В прийомній картці – невеличке фото (38×33), очевидно, вирізане з великої фотографії, заява про вступ до технікуму та анкета, написані І.К. Маловічком.

«До іспитової комісії Одеського кінотехнікума від гр. с. Радчихи Катеринославського р-ну Уманської округи Маловічка Івана Кириловича.

Заява.

Прохаю іспитову комісію допустити мене до іспитів для Вступу у кінотехнікум. Всі данні відомі з документів. Про [нерозб.] наслідки прохаю повідомити в найблищому [так!] часі на адресу: с. Верещаки [нерозб.] району на Уманщині. Платню за іспити не надсилаю [нерозб.] на пільгах що надаються сільським учителям.

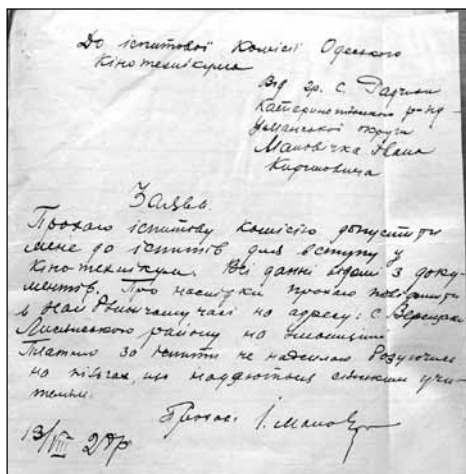
13/VIII 28 р. Прохає: [підпис Маловічко]»

Анкета до вступу повністю написана Іваном Кириловичем від руки чорнилом. На жаль, документи та довідки, про які йдеться мова у кінці рукопису, відсутні у справі.

«Анкета

Для вступу в Кінотехнікум ВУФКУ місто Одеса

- |                                   |                         |
|-----------------------------------|-------------------------|
| 1. На який відділ бажає вступити. | Екранний відділ         |
| 2. Призвіще ім'я та по батькові.  | Маловічко Іван Кирилов. |
| 3. Рік і дата народження.         | 1909 року 25 жовтня     |
| 4. Стать.                         | Чоловіча                |



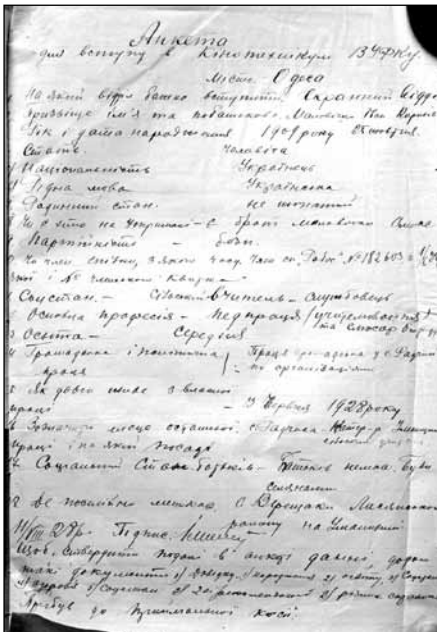
Заява І.К. Маловічка про вступ до кінотехнікуму ВУФКУ. 1928 р. ДАОО



- |   |  |
|---|--|
| 5. Національність.                                    | Українець  |
| 6. Рідна мова.  | Українська   |
| 7. Родинний стан.                                     | Не жонатий   |
| 8. Чи є хто на утриманні.                             | Є брат Маловічко [ім'я незрозуміло]                              |
| 9. Партийність –                                      | безп.  |
| 10. Чи член спілки, з якого часу.                     | Член сп. «Рабос» №182603<br>з 1/І 28р якої і № членського квитка |
| 11. Соцстан.  | Сільський вчитель, службовець                                    |
| 12. Основна професія.                                 | Підпраця(учителювання та слюсар 5го р-ду)                        |
| 13. Освіта.   | Середня  |
| 14. Громадська і політична                            | Праця громадська у с. Радчисі<br>праця. по організаціям          |
| 15. Як довго живе з власної праці.                    | З червня 1928 року   |
| 16. Зазначити місце останньої праці і на якій посаді. | с. Радчиха, Катер-р, Уманщина,<br>сільський учитель              |
| 17. Соціальний стан батьків:                          | Батьків немає. Були селянами                                     |
| 18. Де постійно мешкає.                               | с. Верещаки, Лисянського району<br>на Уманщині.                  |

11/VIII 28 р.

Підпис [підпис Маловічко]



Щоб ствердити подані в анкеті данні, додаю такі документи: 1) Довідку 1) народження 2) освіту 3) соцстан 4) здоров'я; 2) 2ар. Рекомендації 2) різних[ незрозб.]»

Справа «Одеський державний технікум кінематографії. Статистичні звіти, списки студентів и викладачів за 1928, 1929 роки»<sup>27</sup>. Цей документ на 81 аркуші містить велику кількість статистичних даних: за національністю, за партійністю, іменні списки всіх абітурієнтів, кількісні списки персоналу та викладачів.

Анкета І.К. Маловічка. 1928 р. ДАОО



Наприклад, у 1928 році заяви на вступ до технікуму подали 180 чоловік, із них відмовлено 153-ом. У 1928 році до технікуму всього вступили 27 чоловік, 10 – на екранне відділення (у т. ч. І. Маловічко) та 17 – на технічне. З яких українці – 17 (63%), росіяни – 6 (22,2%), євреї – 3 (11,1%), поляки – 1. Чоловіків – 23, жінок – 4.

Всього у технікумі у 1928 році навчалось 108 студентів. І курс – 27, ІІ курс – 42, ІІІ курс – 39. Директором був Олександр Никонорович Денісов. Сам кінотехнікум був розташований на вул. Чичеріна, 3, у Бульварному районі міста Одеси.

«Одеський Державний Технікум Кінематографії. Учбова частина 1928 рік. Справи прийому студентів. Поч. 22 серпня 1928 – зак. 8 вересня 1928 р.»<sup>28</sup>. У цій справі містяться документи, протоколи засідань приймальної комісії, списки абітурієнтів. На сторінці 10 – «Список абітурієнтів, які викликаються до засідання приймальної комісії, що відбудеться в середу 5-го вересня о 11:00 та 17:30». За номером 22 йде І. Маловічко.

У цій же справі є документи, які яскраво характеризують особливості життя та вступу у вузи у кінці 1920 років.

«Копия. Центральной приемной комиссии Наробраза. От жителя гор. Бершади Х.Н. Штейна члена союза «Швейников», комсомольца. Заявление.

Приехал к Вам Гольдберг Исаак Борисович, сын крупного непмана, который занимается у нескольких профессоров и у тех, которые преподают в Медине. В виду того, что директивы Наробраза гласят о пролетаризации ВУЗов и он никогда не работал и не нуждался в работе и теперь достал где-то профсоюзную книжку. Парень сидит в Одессе, гуляет и хвастается, что он поступит скорее рабочего. Он говорит, что рабочий никогда не имел что кушать и не будет иметь, а я буду студентом и тогда не подходи ко мне.

Так что прошу принять во внимание мою просьбу и не только просьбу, а придерживаться указания Центра, прошу к испытаниям его не допустить. Правильность может удостоверить Бершадский Горсовет, Тульчинского Округа.

10.VIII 28.

Проситель Х. Штейн [ підпис ]<sup>29</sup>

«Одеський державний технікум кінематографії. Річний звіт за 1928-29 навчальний рік»<sup>30</sup>: «За постановою колегії НКО (грудень 1928 р.) технікум ліквідував екранний відділ, залишився лише технічний відділ, що має завдання підготовку фахівців в справі кіно-



зйомки, обробки кіно-плівки, фахівців в справі [нерозб.] кіна». Всього з екранного відділення вибуло 46 студентів, у тому числі І.К. Маловічко.

Окреме слово необхідно сказати про безцінний архів ВУФКУ 1920-30-х років.<sup>31</sup> На жаль, більша частина описів втрачена. 23 серпня 1963 року ці описи були передані на підприємство – Одеській кіностудії художніх фільмів.

Одеська кіностудія переживала скрутні часи у 1990-ті роки, пізніше у 2007-му році у приміщенні, де зберігалися архіви, була пожежа. В наші часи кіностудія змінила форму власності. Частково співробітникам ДАОО вдалося зберегти архів кіностудії, проте це документи вже післявоєнних років. Архівні документи Всеукраїнського фотокіноуправління 1920-30-х років потребують більш ретельного пошуку. Можливо, щось збереглось у приватних колекціях або потрапило до інших фондів чи установ.

Також у Одеському обласному архіві зберігається книга реєстрації шлюбів 1935 року з записом про одруження І.К. Маловічка, про яке йшлося вище.

Робота з архівними матеріалами дозволяє більш детально відтворити життєпис та заповнити білі плями у біографії Івана Кириловича Маловічка. Однак і його творчий доробок також потребує пошуку, аналізу та перевидання.

Репресії призводили не тільки до фізичного знищення митців, з бібліотек вилучалися всі друковані твори. Зараз відновити тексти репресованих поетів справа нелегка, але не безнадійна. Подаємо кілька зразків творчості Івана Маловічко. Його твори вражають своєю відвертістю, що за часів репресій була смертельно небезпечною. Але поет вважав за потрібне і необхідне писати правду, не усвідомлюючи, що рядками своїх віршів він складає свій смертний вирок. Сьогоднішній читач може долучитися до творчого доробку повернутого із забуття поета.



## Іван Маловічко

### ШЕФИ<sup>32</sup>

(Уривки)

Зима і літо. В залежності від них змінялися і праця і турботи. Від липневих дощів до січневих відлиг – масткий піт і тяжка робота.	Кожен раз, як на землю впадуть дощі, – радощі усмішки – відкладуть на лицах! Клопіт буденний розбавлений в пісному борщі мінюють на «баламута» і «гриця».
Зима і літо – неписані закони ґрунтовно в життя провели. Зимою і літом коростяві коні й худі круторогі воли.	Засукавши рукава – стрічають жнива. Від раннього ранку до пізнього вечора, – матюками наповнені викидають слова, крізь махоркою губи попечені.
Села в лісах. Куди не кінь – ліси і ліси. Дикі пасовиська. Овець отари. Поглянеш літом: синь і синь! Поглянеш зимою: хмари!	Клепають коси. Уїдливі ляскіт. Бере на плечі. – Вставай! Не лежи там! – Води набери та, мабуть, Параско, підемо до жита!
Пройдеш у поле, – дійсно поле! Підеш до лісу, – ліс таки: Красота, хто розуміє чумацьку «волю» й Руданського «Та гей, бики!»	Нива ж далеко – кілометрів за три. Прийде, приладнається, – вже й півдня. Порожнім колосом ворушать вітри, порожнім колосом вітер ганя.



Прийде осінь:  
що думати?  
що гадати?  
їсти треба!  
– Нема чого їсти в Семена.  
– Повернись, стерво!  
Сволоч гніда ти!  
– Продам за три пуди  
ячменю.

Дітей треба б послати  
до школи.  
(Закон такий вийшов новий).  
Та що робити –  
до зимного миколи  
пасти найняв корови.  
Скоро й миколи.  
Прийде додому –  
ні шапки, ні чобіт.  
Робив у відробіток.  
І пригадає, лежачи на печі  
від втоми:  
«не балувати  
школами діток».

### КОРДИЛЬЄРА<sup>33</sup>

Гомону,  
гомону!  
Чуєш – світ –  
хто мені  
голому  
відповість?  
Доріг незміряних!  
Колес!  
колес!  
Давайте сміливости  
Геркулесової!  
Швидкості  
в рухові!  
Енергії  
в бігові!  
Вкрити степи –  
як мухами  
автомобілями!

Розбиймо  
чумацький скарб –  
хай ураган  
уболівань!  
Вдаримо  
сотнями  
гарб  
Об неба  
чавунну емаль!  
Стрімкий  
розгонистий  
тракт  
З міст уграсує  
до піль  
трак  
тор і  
авто  
мобіль!

1928 р.





## ОДЕСА-ХАРКІВ<sup>34</sup>

Вокзал	Вікно –
і зал –	– вікна –
набиті	– вікну –
переповнені	– вікні –
Ляскотом	– вікном –
цілунків заплаканих	розважаються,
дам.	Випереджаються
Заповнився	наближаються
перон	семафори:
гомоном.	Полотном
....5 хвилин....	переполосане
....чотири....	полотно...
....одна.....	Промовляюча
Невже	лодаря
це	морда.
на смерть?!	Рідка
Хіба	борідка
на віки	їдко –
в Афростралію?!	регоче:
Madame!	От –
Ваш бузимок	анекдот!
коханий	Доктор!
не вмере	От –
і в крокодила	ідіот!
в зубах	Вивернутими
не застрягне!	щелепами
«Одеса –	шалепи квокчуть,
Харків»	пережовують
Рейки....	похабний
.... шпали....	анекдот.
Між будинки	Крізь шкло
дихнуло	степ
димом.	тане.
В середині	Байдужих
між нами	дюжина –
три ринви –	придушених
заспані,	осель.
Наліті литками	Зібрався
голими милої.	гурт.
	Розмова –
	Дніпрельстани



Й будова  
фабрик,  
замість – сел.  
Потім ще трохи.  
Що?  
Де?!  
Дороги  
занесло  
Забігав  
снігом  
сигнальний  
промінь.  
Ідем...  
Розїзд...  
Міст...  
Свисток.  
й степової  
станції  
гомін.  
Дніпро...  
знов міст...  
варта...  
В завтра – будем!  
Берегів  
кучугури.  
Гуркіт.  
Кремінчук.  
– «Кондуктор!  
В Полтаві  
збудете!»  
Хтось  
прокинувся,  
перевернувся  
і заснув.  
П о л т а в а.  
Стали.  
Перестало  
рахувати  
шпали.

О б а б і ч –  
ніч  
По ночі  
«Де речі?»  
Ранок,  
паніка.  
Полустанок.  
– «Спали?»  
– «Ранок  
чи вечір?»  
Паротяг  
під гору –  
хворий.  
Задихавсь  
Швидше –  
не.  
Чи йде?  
Чи став?  
І спокійно  
мрієм : скоро...  
...скоро...  
...скоро!  
Прокладемо  
електричну  
магістраль.  
Гарк!..  
гарк...  
хмара –  
пару...  
Харків!  
З боку –  
луг.  
Рух –  
рук.  
Забива –  
дух.  
Коли вікна  
замкнений  
круг –  
карків:



Димарів  
    зарябів  
        виднокруг.  
Рейки...  
    ... шпали...  
        Вокзалу -  
            зали.  
Сірий сів  
    на брук  
        сніг.  
Авто -  
    перший,  
        десятий -  
            прибіг -  
                став -  
            побіг.

Приїхали.  
    Слухайте:  
        Гомін центру,  
            праці - грюк  
Не смерть,  
    не сльози -  
        індустрія міста.  
Скільки тут  
    робітничих рук -  
Назустріч  
    рукам  
        футуриста!

### НАКАЗ ДЕПУТАТАМ<sup>35</sup>

Стій!  
Тебе до Ради  
Обрали.  
Слухай -  
Наказ депутатам!  
Ми сьогодні  
в цементові  
труби грали,  
колективом надушили  
супостата.  
Депутате!  
Ми - наказуєм.  
Ми тривкі  
і тягучі, як гума,  
несемо  
і скидаєм, що  
разу  
в'їдливий історії  
клунок.  
Депутате!  
Слухай -  
вивертай вуха.  
Ми - наказуєм!  
Підвищити країну

в соціальній якості.  
Он на Заході буржуазія  
брехні розмазує  
й фабрикує смертельні  
пакості.  
Ми протестуєм  
проти серць  
закавулків,  
проти дідами  
вискобзаної землі.  
Кожна пригорщ  
грунту  
життям булька  
і гукає:  
за комуну!  
За хліб!  
Нехай впадуть  
напів розрубані  
за старим  
дикі спомини.  
У димарі заводів  
трубили ми.  
Сиренили в кожний  
фабричний комін.



Знайдіть в собі  
людину ліквідаторів  
ліквідуєте  
неписьменність  
й полотняні штани,  
щоб на Донбасі  
машинобудівельний  
«інкубатор»  
викидав, що мить  
один штатив.  
Так ми обрали  
Ради.  
Установили дротяні  
нерви.  
В першій країні Радянська  
Влада  
у свистки локомотивів  
трубить:  
Вперед йди!  
За кордоном

Конституцію  
Обезхвостили конгресом  
та сволоч  
продукує фальшиві  
червінці.  
Та робітник  
Меридіяни мозолями  
окреслив,  
там злість лється  
через режиму вінця.  
Депутати!  
Вам наказуєм.  
Вам – обіцяємо ми  
також.  
З вами працювати –  
будувати разом.  
Віки хапати  
й кричати:  
Соціалізм  
д-а-й-о-ш!!



Вже коли ця стаття була підготовлена до публікації, Георгій Ісаєв передав до фондів Літературного музею деякі документи та фотографії з сімейного архіву.

*З.Г. Зубкова та Г. Ісаєв.  
Одеса, 1950-ті рр.*



## Примітки

- <sup>1</sup> У документах зустрічається різне написання прізвища. У статті прізвище написано так, як вказував сам І.К.Маловічко в рукописах.
- <sup>2</sup> Державний архів Одеської області (ДАОО). Ф. Р-3870, оп 1, спр. 244, арк. 2.
- <sup>3</sup> ДАОО. Ф. Р-3870, оп 1, спр. 47, арк. 1.
- <sup>4</sup> ДАОО. Ф. Р-3870, оп 1, спр.46, арк. 1.
- <sup>5</sup> Цитується за: «100 років українському футуризму / Centennial of Ukrainian Futurism» <https://www.facebook.com/788154331214621/photos/a.798135210216533.1073741828.788154331214621/1054854821211236/?type=1>
- <sup>6</sup> Див. прим. 5.
- <sup>7</sup> Ільницький О. Український футуризм (1914 – 1930) / Пер. Р. Тхорук. – Львів: Літопис, 2003. – С. 180.
- <sup>8</sup> З розмови з Георгієм Ісаєвим, жовтень 2015 р.
- <sup>9</sup> ДАОО. Ф. Р-8085, оп 1, спр. 1426, арк. 208.
- <sup>10</sup> Дукина Н.М. На добрий спомин. – Х.: Березиль, 2002. – 592 с.
- <sup>11</sup> Жертвы политического террора в СССР <http://lists.memo.ru/d21/f285.htm>
- <sup>12</sup> Українська авангардна поезія (1910 – 1930-ті роки): Антологія / Упор. Коцарев О., Стахівська Ю. – К.: Смолоскипт, 2014. – 816 с.
- <sup>13</sup> Українські письменники: Біо-бібліографічний словник. – К.: Дніпро, 1965. – Т. 5. – С. 88.
- <sup>14</sup> Письменники Радянської України: Біобібліографічний довідник / Упоряд. Олег Клименко, Олександр Петровський. – К. : Радянський письменник, 1970.– 274 с.
- <sup>15</sup> Лавріненко Ю.А. Розстріляне відродження: Антологія 1917 – 1933. – К.: Просвіта, 2001. – 794 с.
- <sup>16</sup> Ільницький О. Вище вказана праця. – С. 436.
- <sup>17</sup> Українська авангардна поезія (1910-1930-ті роки): Антологія. – С. 343.
- <sup>18</sup> «100 років українському футуризму / Centennial of Ukrainian Futurism» <http://bit.ly/1U51uXC>
- <sup>19</sup> «100 років українському футуризму / Centennial of Ukrainian Futurism» [https://www.facebook.com/permalink.php?story\\_fbid=913378408692212&id=788154331214621](https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=913378408692212&id=788154331214621)
- <sup>20</sup> Див. примітку 5.
- <sup>21</sup> [https://uk.wikipedia.org/w/index.php?title=Маловічко\\_Іван\\_Кирилович&oldid=17005576](https://uk.wikipedia.org/w/index.php?title=Маловічко_Іван_Кирилович&oldid=17005576)
- <sup>22</sup> Маловичко А.А. Поезія в житті А.К.Маловичко // Професор Маловичко А.К. и пермская школа геофизиков. – Пермь-Екатеринбург, 1998. – С.73.
- <sup>23</sup> Там само. – С. 74.
- <sup>24</sup> ДАОО. Ф. Р-3870, оп. 1, спр. 244, арк. 1 – 3.
- <sup>25</sup> ДАОО. Ф. Р-3870.
- <sup>26</sup> ДАОО. Ф. Р-3870, оп. 1, спр. 244.
- <sup>27</sup> ДАОО. Ф. Р-3870, оп. 1, спр. 47
- <sup>28</sup> ДАОО. Ф. Р-3870, оп. 1 спр. 40
- <sup>29</sup> ДАОО. Ф. Р-3870, оп 1, спр. 40, арк. 21.
- <sup>30</sup> ДАОО. Ф. Р-3870, оп.1 спр. 46.
- <sup>31</sup> ДАОО. Ф. Р-917
- <sup>32</sup> Див. прим. 18.
- <sup>33</sup> Дивись прим. 5
- <sup>34</sup> Нова генерація. – Х., 1929. – № 4 (квітень). – С. 34.
- <sup>35</sup> Всесвіт. – Х., 1929. – № 11 (17 березня). – С. 13.

**М.П. Одесский**

## **ОТ «ВЕЛИКОГО КОМБИНАТОРА» К «ЗОЛОТОМУ ТЕЛЕНКУ»**

*Творческая история романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова  
в политическом контексте*

Сюжет в обоих романах диалогии построен на странствии плутов. В «Двенадцати стульях» Бендер в сопровождении Воробьянинова, и соперничая с карикатурным антагонистом Востриковым, ищет до-революционное сокровище – клад, спрятанный в гамбсовском стуле; в «Золотом теленке» Бендер в сопровождении Балаганова, Паниковского, Козлевича ищет нэпмановское сокровище: шантажирует подпольного махинатора Корейко и вымогает у него миллион. В «Двенадцати стульях» поэтика пространства определяется перемещением персонажей по траектории: «уездный город N» – Старгород – Москва – странствия – Москва. В «Золотом теленке» сюжет завязывается в провинциальном городе Арбатове, откуда Бендер со свитой на машине добирается в Черноморск (I часть). В «Двенадцати стульях» центральная II часть отведена под столичные приключения, в «Золотом теленке» – под черноморские. Здесь происходит борьба Бендера с достойным антагонистом, которая заканчивается бегством Корейко из Черноморска. В III части Бендер, растеряв спутников, продолжает преследование, настигает противника в Казахстане на эпохальном строительстве новой железной дороги, затем – уже с деньгами – скитается по СССР. Получается траектория: Арбатов – путь в Черноморск – Черноморск – путь в Казахстан – Москва – Черноморск – румынская граница на реке Днестр. Таким образом, в «Золотом теленке» география действия даже более впечатляющая, чем в первом романе, однако построена она по аналогичным правилам.

В «Двенадцати стульях» поэтика времени определяется четким следованием календарю: апрель – октябрь 1927 г.<sup>1</sup> На первый взгляд может показаться, что в «Золотом теленке» календарная схема выдержана столь же четко: поздняя весна/начало лета 1930 г. – начало 1931 г. Однако на самом деле – все сложнее: во втором романе четкость календарной схемы – мнимая, имитирующая поэтику первого романа.



Прежде всего, это относится к I части романа – «Экипаж Антилопы». Согласно сюжетному календарю, действие здесь разворачивается в 1930-м, но ведь I часть «Золотого теленка» – под заглавием «Великий комбинатор» – перебелили еще в августе 1929 г. Судя по рукописи, они 2 августа принялись редактировать и переписывать набело черновики первой части нового романа. Завершили же 23 августа, что вполне реально. Эти даты и поставили на титульном листе. Беловой вариант рукописи был перепечатан, как полагалось для журнала, один из машинописных экземпляров частично сохранился<sup>2</sup>.

Однако 24 августа – на следующий день, после того, как Ильф и Петров закончили редактуру первой части нового романа, – «Правда» напечатала статью «Об ошибках и уклоне тов. Бухарина». Начался очередной – четырехмесячный – этап борьбы И.В. Сталина с Н.И. Бухариным и так называемой «правой оппозицией», «правым уклоном». Разумеется, в развязанной пропагандистской кампании литературу тоже не могли обделить вниманием («дело Пильняка–Замятина» и т.п.). В этой ситуации явно не стоило анонсировать в СССР продолжение «Двенадцати стульев».

Настроение соавторов выразительно передают лаконичные записи Ильфа весной 1930 г. Отмечено: «Поправки и отмежевки»; далее – зачеркнуто «Чистка НКПС. Харьковский процесс»<sup>3</sup>. Ильф как бывший сотрудник «Гудка» продолжал следить за событиями в Наркомате путей сообщения. А на так называемом Харьковском процессе, начавшемся 9 марта 1930 г. в Харьковском оперном театре, рассматривалось дело Союза освобождения Украины («Спілки визволення України (СВУ)») – якобы выявленной сотрудниками НКВД антисоветской националистической организации. 19 апреля 1930 г. Верховный суд УССР за «контрреволюционную деятельность» осудил сорок пять обвиняемых. Лидером «националистов» был объявлен академик С.А. Ефремов. Ячейками СВУ были объявлены Всеукраинская академия наук и Украинская автокефальная православная церковь.

Тем временем – вполне по тогдашним законам политической борьбы – общественная истерия пошла на убыль. 2 марта 1930 г. в «Правде» (и других газетах) была напечатана статья Сталина «Головокружение от успехов», где руководитель привычно осудил «левацкие перегибы» в коллективизации сельского хозяйства в частности и в политике вообще, отрекся от ряда радикальных лозунгов, ранее использованных для шельмования Бухарина, ну и конечно, возложил вину на непосредственных исполнителей.

Для большинства советских граждан столь крутой поворот был неожиданностью. О чем свидетельствует, например, дневниковая запись



М.М. Пришвина: «В деревне сталинская статья “Головокружение”, как бомба взорвалась. Оказалось, что принуждения нет – вот что!»<sup>4</sup> Статья стала эпохой в истории советской культуры. Например, в повести А.П. Платонова «Котлован» (не приводя другие примеры, в том числе – хрестоматийные) неожиданный сюжетный поворот наступает, когда «спустилась свежая директива, подписанная почему-то областью, через обе головы – района и округа, и в лежащей директиве отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщины, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии...»<sup>5</sup>.

Разумеется, «перегибщина, забеговщина, переусердщина» – не просто пресловутый платоновский язык, но доведение до предела тогдашнего официального дискурса. Так что комментаторы закономерно приводят в качестве пояснения практически те же фрагменты сталинской статьи, что и Пришвин<sup>6</sup>.

Ильф, в отличие от Пришвина, дневник не вел, но так же закономерно занес в записную книжку за июнь – июль 1930 г. актуальный идеологически-морфологический ряд: «Смазывание. Скатился. Сползаешь»<sup>7</sup>.

Л.М. Яновская показала, что работа над II частью романа велась в январе–марте 1930 г.<sup>8</sup>, а новое возвращение к роману и завершение рукописи Яновская датировала летом 1930 г. Она соотнесла это с решениями XVI съезда ВКП (б), проходившем в конце июня – начале июля. Аргументировала, согласно требованиям эпохи, искренностью авторов как истинно советских писателей<sup>9</sup>.

В опубликованном «Правдой» 3 июля «Заключительном слове по Политическому отчету» Сталин издевался над лидерами «правых». Однако начинал он примирительно и оптимистически: «Я говорил в своем докладе, что XVI съезд партии является одним из тех немногих съездов в истории нашей партии, на котором нет сколько-нибудь оформленной оппозиции, могущей выставить свою собственную линию и противопоставить ее линии партии. Оно, как видите, так именно и вышло на самом деле. На нашем съезде, на XVI съезде партии, не оказалось не только оформленной оппозиции, но не нашлось даже маленькой группы или даже отдельных товарищей, которые считали бы правомерным выйти здесь на трибуну и заявить о неправильности линии партии»<sup>10</sup>.

По мнению О.В. Хлевнюка, XVI съезд отнюдь не завершил борьбу Сталина с оппонентами и был лишь подготовкой к «окончательному решению проблемы “правых”»<sup>11</sup>. Однако для стороннего наблюдателя, точнее, читателя официальной прессы актуальность борьбы с «правыми»





и «левыми» несколько отошла на второй план. Стране предстояло лишь процветать под руководством монолитной партии, а «бюрократизм» и другие недостатки должны были исчезнуть в результате «чисток», «критики» и «самокритики».

Соответственно, Ильф и Петров могли, наконец, завершить роман. Восемь ранее написанных глав были существенно переработаны, книга получила новое заглавие, появилось совсем другое начало, некоторые эпизоды Ильф и Петров исключили<sup>12</sup>. Журнальная публикация «Золотого теленка» началась в 1931 г. – с январского номера того самого иллюстрированного ежемесячника «30 дней», в котором в 1928 г. печатался первый роман дилогии.

По мнению У.-М. Церер, которая систематизировала наблюдения советских текстологов, целесообразно выделить три редакции романа «Золотой теленок»: редакция «а» (отразилась в «Великом комбинаторе»); редакция «b» (машинопись, предназначенная для журнала); редакция «А» (журнальная)<sup>13</sup>. И если «Великий комбинатор» (редакция «а») создавался «после “Двенадцати стульев”», то «Золотой теленок» – «после “Головокружения от успехов”», потому необходимо разделить – в свете текстологии – два смысловых слоя I части романа. То, что было написано к 1929 г., и то, что было написано к 1931-му.

### *Две редакции I части*

Определяя различия двух редакций, можно сразу констатировать: сюжет I части был готов еще в редакции «Великого комбинатора»<sup>14</sup>.

Исходя из текстологических наблюдений, Л.М. Яновская датировала I часть июнем–июлем 1929 г., что подтверждается также анализом газетного контекста. Действительно, с 26 июня по 2 июля 1929 г. широко проводилась неделя Автодора – общества содействия развития автомобилизма и улучшения дорог в РСФСР. 3 июля краткая «правдинская» заметка «Неделя Автодора» подвела итоги: «Закончился первый агитационный пробег пяти автомобилей и одного мотоцикла по маршруту Москва – Сергиев – Москва, посвященный неделе Автодора. В Сергиевском уезде участниками пробега организовано 8 митингов и 11 бесед, распространено около 2 тыс. экз. автодоровской литературы. Отдельные автомобили выезжали в деревню. Население всюду устраивало самые теплые встречи. На ряде собраний постановлено вступить в Автодор и начать в общественном порядке местные дорожные работы».



Как полагают комментаторы, тогда В.В. Маяковский сочинил «Стих как бы шофера» (опубликован спустя полгода в декабрьском номере журнала «Даешь»): «Граждане, / мне / начинает казаться, // что вы / недостойны / индустриализации. // Граждане дяди, / граждане тети, // Автодора ради – / куда вы прете?! // Стóит / машине / распрозявиться – // уже / с тротуара / спорхнула девица. // У автомобильного / у колесика // остановилась / для пудрения носика. // Объедешь мостовую, // а рядом / на лужище // с «Вечерней Москвою» // встал совторгслужащий. // Брови / поднял, // из ноздри – / волосья. // «Что / сегодня // идет / в “Колоссе”? // Объехали этого, / других догнали. // Идут / какие-то / две каналы. // Трепать / галоши // походкой быстрой ли? // Не обернешь их, // и в ухо / выстрелив. // Спешешь – / не до шуток! – // и с прытью / с блошиною // в людской / в промежуток // вопьешься машиною. // И упрется / радиатор // в покидающих театр. // Вам ехать надо? / Что ж с того! // Прижат / мужчина к даме, // идут / по пузу мостовой // сомкнутыми рядами. // Во что лишь можно // (не язык – / феерия!) // в момент / обложена // вся шоферия. // Шофер / столкновеньям / подвел итог: // “Разинь / гудок ли уймет?! // Разве / тут / поможет гудок?! // Не поможет / и / пулемет?”. // Чтоб в эту / в самую / в индустриализацию // веры / шоферия / не потеряла, // товарищи, / и в быту / необходимо взяться // за перековку / человеческого материала»<sup>15</sup>.

Аналогично, в записной книжке Ильфа за июнь – сентябрь 1929 г.<sup>16</sup>, которая фиксирует решительное продвижение в работе над вторым романом о Бендере, мелькают «пешеходный» мотив («Человечество делится на две части. Одна, меньшая, переходит дорогу при виде трамвая или автомобиля, другая – ждет, чтобы экипажи прошли»), описание автомобиля (будущей «Антилопы-Гну») и шофера – будущего Козлевича.

Таким образом, для «Великого комбинатора», а тем самым для I части «Золотого тельца» газетным фоном приходится считать лето 1929 г., что, по-видимому, определяет и выбор «автомобильной» разновидности странствий. Петров вспоминал: «Когда садились писать, в голове не было сюжета. Его выдумывали медленно и упорно. Идея денег, не имеющих моральной ценности»<sup>17</sup>. Это, вероятно, и значит, что летом 1929 г. – на стадии «Великого комбинатора» – «идея» I части «Золотого тельца» получила наконец и сюжетное оформление, и поглавное распределение. Вместе с тем, различия «Великого комбинатора» и будущего «Золотого тельца» – тоже весьма существенны, но обнаруживаются они при «медленном чтении».

В первой главе – согласно обеим редакциям – Бендер сходит с поезда в городе Арбатове, встречает здесь мелкого мошенника Балаганова и



вскоре (во второй главе) узнает от нового приятеля о существовании подпольного миллионера. Так завязывается сюжет.

Арбатов в обеих редакциях описан одинаково. Маленький русский город, ни на Старгород, ни на «уездный город N» из «Двенадцати стульев» не похож. Арбатов, так сказать, более «древнерусский»: в городе «десятка полтора голубых, розовых и бело-розовых звонниц» и «золото церковных колоколов» (разумеется, «облезлое»), и «белые башенные ворота провинциального кремля», и «церковный подвал», где «хранился картофель». Л.М. Яновская обратила внимание на хронологическую близость написания «Великого комбинатора» с журналистской поездкой Ильфа и Петрова в Ярославль в 1929 г.<sup>18</sup> Если сопрычь наблюдение авторитетного исследователя с тем, что Ярославль – совершенно адекватно – фигурирует как город церквей в записях Ильфа за июнь–сентябрь 1929 г. и в путевом очерке соавторов «Ярославль перед штурмом» («Чудак», 1929 г.), то можно предположить, что прототип Арбатова – не Саратов, как часто полагают (по созвучию топонимов?), а Ярославль. Это, наверное, не так важно для толкования романа, однако релевантно для восстановления его текстологической истории (и, так сказать, наглядного представления Арбатова).

Укорененность описания Арбатова в 1929 г. порождает даже политические неловкости. В «Золотом теленке» местный начальник, робея перед Бендером – «сыном лейтенанта Шмидта», неожиданно начинает хвалиться городом: «Церкви у нас замечательные. Тут уже из Главнауки приезжали, собираются реставрировать». Это логично вытекает из «церковного» образа Арбатова, но настолько нарушает исторический фон первой половины 1930 г. – с его антирелигиозной вакханалией, что выглядит нелепо и выставляет соавторов, мягко говоря, в двусмысленном виде. Конфуз отчасти объясняется тем, что реплика Арбатовского начальника – точное повторение реплики начальника из «Великого комбинатора», написанного «после “Двенадцати стульев”», в «Двенадцати стульях» же присутствовали аналогичные упоминания Главнауки, учреждения, занимавшегося, в частности, восстановлением культурных памятников.

В «Великом комбинаторе» образованные девушки Арбатова сидят на улице с книжками «Ляшко, Бичер-Стоу и Сейфуллиной», а в «Золотом теленке» – «Гладкова, Элизы Ожешко и Сейфуллиной», но это перечисление варьирует идентичный ряд востребованных в СССР авторов по типу «Фома и Ерема»: Ожешко, как и Бичер-Стоу – прогрессивная зарубежная писательница-классик; Ф.В. Гладков, как и Н.Н. Ляшко – представитель современной пролетарской литературы.



Напротив того, приступ к описанию Арбатова в двух редакциях – заметно различается. Первая глава «Великого комбинатора» начиналась с развернутой «лужной» сценки, которая была затем исключена из «Золотого тельенка» (ее набросок имеется в записной книжке Ильфа, июнь – сентябрь 1929 г.). О причинах исключения сцены можно только гадать. По воспоминаниям В.Е. Ардова, Ильф и Петров «сочли банальным писать о луже в провинциальном городишке»<sup>19</sup>. Но это суждение повторяет «эстетизирующие» ходы советской текстологии, а в художественном отношении «лужа» эффектна и вполне годилась для «сильного места» – романного начала. Да и в идеологическом отношении она может, конечно, вызвать сомнения как «русофобская», напоминая изображения городских луж в литературе XIX в. и тем самым намекая на извечную отсталость России, но сохранилось подобных зарисовок в романе «Золотой тельенок» вполне достаточно. К примеру, вот – версия «Великого комбинатора»: «Степные горизонты источали такие бодрые запахи, что будь на месте Остапа какой-нибудь крестьянский писатель-среднячок из группы «Золотое гумно», не удержался бы он – вышел бы он из машины, сел бы в траву и тут же бы на месте начал бы писать на листах походного блокнота новую повесть, начинающуюся словами: «Инда взопрели озимые...»». А вот – «Золотого тельенка»: «Степные горизонты источали такие бодрые запахи, что будь на месте Остапа какой-нибудь крестьянский писатель-среднячок из группы «Стальное вымя», не удержался бы он – вышел бы из машины, сел бы в траву и тут же бы на месте начал бы писать на листах походного блокнота новую повесть, начинающуюся словами: «Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился»». Видно, что в «Золотом тельенке» авторы как вышучивали советский «а ля рус» – так и вышучивают, пожалуй, даже подробнее.

Так что разгадка «лужи», вероятно, – другая. Как известно, в «Золотом тельенке» – на месте «лужи» – помещен новый и тоже законченный фрагмент, открывающийся фразой «Пешеходов надо любить». Мотив же «пешеходов», преследуемых в столице и пока свободно чувствующих себя в провинции, оказывается тематически связан с блуждающим эпиграфом к роману – «Переходя улицу, оглянись по сторонам» – эпиграфом, которого не было в «Великом комбинаторе», которого не было и при первых публикациях «Золотого тельенка», но который изначально присутствовал в тексте «Золотого тельенка», содержа чрезвычайно важное послание соавторов о политическом климате в СССР «после “Головокружения от успехов”»<sup>20</sup>.



В таком случае логика замены «лужи» на «пешеходов» понятна и смыслово нагружена: в новой ситуации «Золотого теленка» Ильфу и Петрову нужен «эзопов» эпитафия из правил уличного движения; эпитафия диктует отступление о пешеходах; «пешеходы» – уже по правилам художественности – замещают «лужу»<sup>21</sup>. Кстати, очерк о пешеходах, пресингуемых машинами, в очередной раз пародирует стихотворение Маяковского, которое написано – до бестактности – с позиций «как бы шофера».

В обеих редакциях Бендер узнает у Балаганова о миллионере в Арбатове и узнает сходным образом, но в «Золотом теленке» герой при этом предлагает аргументированный вариант своей жизненной программы, которого нет в «Великом комбинаторе». Остап, в частности, изрекает: «Это вырезка из Малой советской энциклопедии. Вот что тут написано про Рио-де-Жанейро [...] Я хочу отсюда уехать. У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшей разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Что я каменщик, каменщик в фартуке белом?..»

И утопическое Рио-де-Жанейро, и четкое артикулирование «серьезнейших разногласий» (слово «разногласия» во множественном числе было необычайно популярно в официальном политическом дискурсе<sup>22</sup>) с советской властью – это новое. Я.С. Лурье привлек внимание также к аллюзии на знаменитые строки В.Я. Брюсова: «Каменщик, каменщик в фартуке белом, // Что ты здесь строишь? Кому? // – Эй, не мешай нам. Мы заняты делом, // Строим мы, строим тюрьму...». «Эти слова», – отметил исследователь, – «весьма многозначительны, и недаром во втором издании (1933 г.) и во всех последующих (включая 5-томное Собрание сочинений 1961 г.) последнюю фразу Остапа пришлось снять»<sup>23</sup>. Весь этот комплекс едва ли вызван неожиданным взрывом антисоветских настроений у соавторов, но он определенно связан со свойственным именно «Золотому теленку» пафосом противостояния индивидуалиста и социума.

Важнейшее сюжетное звено – назначение Бендером географической цели (города, где проживает миллионер Корейко) и выбор спутников – выковано уже в «Великом комбинаторе», и в «Золотом теленке» меняются только нюансы: например, город – не Одесса, а ее «псевдоним» Черноморск; имя и отчество Паниковского – не Михаил Моисеевич, а Михаил Самуэлевич, фамилия шофера – не Цесаревич (может, для эпохи «великого перелома» слишком монархический каламбур?), а Козлевич.

Дорога от Арбатова до Одессы/Черноморска и дорожные приключения снова построены в редакции 1929 г., и снова различия носят семантически важный, но с точки зрения сюжета, второстепенный характер.



Так, в главе о продаже американским туристам рецепта самогона – по «Великому комбинатору» – замученным гидом дана одна версия дежурных воспоминаний о Москве: «Потом по программе: Третьяковская галерея, Кремль, Василий Блаженный, немножко строительства, Парк культуры и отдыха, танцы народностей... Все в порядке, честь честью. Им это нравится. Балет, большевики <...>», а по «Золотому теленку», где реплика перепоручена Бендеру – несколько иная: «Что же они здесь делают, на распутье, в диком древнем поле, вдалеке от Москвы, от балета «Красный мак», от антикварных магазинов и знаменитой картины художника Репина «Иван Грозный убивает своего сына-двурушника»?». Теперь говорит не официальное лицо, а Бендер, потому добавлена очередная острота о пресловутом полотне И.Е. Репина (ср. «Иоанн Грозный отмежевывается от своего сына»). А самое интересное: Остап называет «антикварные магазины»; в связи с этим Ю.К. Щеглов вспоминает «Красное дерево» Б.А. Пильняка<sup>24</sup>, но тем самым это ведь – автоцитата, аллюзия на «Двенадцать стульев». В материалах к роману, по указанию Л.М. Яновской, была даже прямая фраза: «Остап рассказывает о 12 стульях»<sup>25</sup>.

В следующей главе провинциальные художники-экспериментаторы равно именуются «Диалектическими станковистами», а изобретательный Феофан (Мухин; в «Великом комбинаторе» – Копытто) творит не красками, но овсом и другими злаками. В «Золотом теленке» в сцену добавлена актуальная реплика Бендера: «Ну как яровой клин? – спросил Остап, просовывая голову сквозь решетку садика. – Посевкампания, я вижу, проходит удачно! На сто процентов?» Хотя трудности с сельским хозяйством вообще показательны для советской власти, в данном случае это более объяснимо последним наступлением Сталина на «кулачество».

Наконец, в обеих редакциях I часть венчается главой, где действие переносится – обгоняя Бендера со свитой – в Одессу/Черноморск, где изображены злоключения старого ребусника Синицкого в «стране большевиков» и где намечена важная сюжетная линия влюбленности Корейко во внучку ребусника Зосю (впоследствии неосторожные признания миллионера девушке позволят Остапу обнаружить его на строительстве Турксиба).

В «Великом комбинаторе» у Корейко есть неудачливый соперник – «Молодой человек, который называл себя Борисом Древляниным, а на самом деле носил скромную греческую фамилию Папа-Модерато». В «Золотом теленке» Ильф и Петров избавились от «молодого человека», убрав и замечательный эпизод о его похождениях в мире кинопроизводства. Эпизод замечателен тем, что это – очередная пародия на левое искус-



ство: «кинорежиссер товарищ Крайних-Взглядов, великий борец за идею кино-факта» – бесспорно режиссер-кинодокументалист Дзига Вертов, который – вместе с ВУФКУ (Всеукраинское фотокиноуправление), где он работал, и киноками (группа кинодокументалистов), которых он возглавлял, – всплывает в записных книжках Ильфа за 1928–1929 гг.<sup>26</sup> Такого рода пародии были созвучны скорее программе «Двенадцати стульев», но эпизод удалили, вероятно, и по поэтологическим причинам. Борис Деревлянин – наряду с наличным Корейко, слабым претендентом на Зося, и грядущим Бендером, сильным претендентом – избыточен. Его удаление было компенсировано – в плане энциклопедического охвата современной жизни – набегам Остапа на черноморских кинематографистов, а в плане сюжета – счастливым победителем Бендера, который явился в финале и которого Зося предпочла командору: это – положительный советский юноша, «секретарь изоколлектива железнодорожных художников», наделенный вместе с тем подозрительными (с точки зрения генетического родства с Папа-Модерато) именем и фамилией – Перикл Фемиди.

Напротив того, в «Золотом теленке» последняя глава I части обогатилась за счет вставки сценки, повествующей о чистках. Вычистили жильца Синицких Побирухина: «Теперь он ходил по городу, останавливал знакомых и произносил одну и ту же полную скрытого сарказма фразу: “Слышали новость? Меня вычистили по второй категории!” И некоторые знакомые сочувственно отвечали: “Вот наделали делов эти бандиты Маркс и Энгельс”. А некоторые ничего не отвечали, косили на Побирухина огненным глазом и пронеслись мимо, труся портфелями».

Л.М. Яновская полагала, что мотив «чисток» попал в роман в январе–марте 1930 г., когда соавторы работали над II частью<sup>27</sup>. В «Великом комбинаторе» идеологема «чистка» никак не задействована, хотя кампания развернулась с июня 1929 г., если не раньше. Сталин на XVI съезде партии вспоминал: «Началось дело с того, что партия развернула широкую самокритику, сосредоточив внимание масс на недостатках нашего строительства, на недостатках наших организаций и учреждений. Еще на XV съезде была провозглашена необходимость усиления самокритики. Шахтинское дело и вредительство в различных отраслях промышленности, вскрывшие отсутствие революционного чутья в отдельных звеньях партии, с одной стороны, борьба с кулачеством и вскрывшиеся недостатки наших деревенских организаций, с другой стороны, дали дальнейший толчок самокритике. В своём обращении 2 июня 1928 года ЦК дал окончательное оформление кампании за самокритику, призвав все силы партии и рабо-



чего класса развернуть самокритику “сверху донизу и снизу доверху”, “не взирая на лица”. Отмежевавшись от троцкистской “критики”, идущей с той стороны баррикады и имеющей своей целью дискредитацию и ослабление Советской власти, партия объявила задачей самокритики беспощадное вскрытие недостатков нашей работы для улучшения нашего строительства, для укрепления Советской власти. Известно, что призыв партии вызвал живейший отклик в массах рабочего класса и крестьянства. Партия организовала, далее, широкую кампанию за борьбу против бюрократизма, дав лозунг проведения чистки партийных, профсоюзных, кооперативных и советских организаций от чуждых и обюрократившихся элементов. Продолжением этой кампании является известное постановление ЦК и ЦКК от 16 марта 1930 года о выдвижении рабочих в госаппарат и массовом рабочем контроле над советским аппаратом (шефство заводов). Известно, что эта кампания вызвала величайший подъём и активность рабочих масс. Результатом этой кампании является громадный подъём авторитета партии среди трудящихся масс, рост доверия к ней со стороны рабочего класса, вступление в партию новых сотен тысяч рабочих, резолюции рабочих о желании вступить в партию целыми цехами и заводами. Наконец, результатом этой кампании является освобождение наших организаций от ряда косных и бюрократических элементов, освобождение ВЦСПС от старого, оппортунистического руководства»<sup>28</sup>.

Маяковский 2 июня 1929 г. в «Рабочей Москве» опубликовал стихотворение «Вонзай самокритику!», приурочив публикацию к годовщине обращения ЦК от 2 июня 1928 г.<sup>29</sup> Поэт постулировал: «Не нам / критиковать крича // для спорта / горластого, // нет, / наша критика – / рычаг // и жизни / и хозяйства. // Страна Советов, / чисть себя – // нутро и тело, // чтоб, чистой / своей / блестя, // республика глядела».

Ильф и Петров, разумеется, видели, какие факторы определили официальный дискурс. Мотив «чистки» стал определяющим в «Золотом теленке», так что явление чистки в последней главе I части – как ранее и речь Остапа о «разногласиях» с советской властью – есть вплетение идеологически актуальной сюжетной линии, которая получит в романе триумфальное развитие.

В обеих редакциях завершается последняя глава изящной виньеткой: Корейко случайно встречает «Антилопу-Гну», где – в сопровождении свиты – восседает его будущий соперник, еще не открывший победоносную кампанию по изъятию миллиона.

«– Привет первому одесситу! – крикнул Остап» («Великий комбинатор»).





«– Привет первому черноморцу! – крикнул Остап» («Золотой теленок»). Согласно обеим редакциям, неважно где – в Одессе или Черноморске, но все готово к борьбе титанов – двух комбинаторов.

### ***Подпольный миллионер-антагонист***

Специфика построения сюжета в «Золотом теленке» заключается в том, что в этом романе – в отличие от «Двенадцати стульев» – Бендер встретил достойного противника. Подпольный миллионер Корейко – не комичный отец Федор: в нем великий комбинатор обрел наконец своего Мориарти. Это – с одной стороны. А с другой, для ситуации 1930–1931 гг. Корейко не столь уж кошмарен. Он – не вредитель. В годы же «великого перелома» – в годы Шахтинского процесса и процесса Промпартии – навязчивый общественный кошмар персонифицировался в фигуре «вредителя», так что «вредитель», по остроумной гипотезе М.Я. Вайскопфа, всплыл даже в сухой и математизированной монографии В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки»<sup>30</sup>.

Подобный выбор антагониста свидетельствует о человеческой порядочности и литературном такте Ильфа и Петрова, но, кроме того, образ Корейко – включая подробности его афер – сложился у Ильфа и Петрова еще на стадии «Великого комбинатора»: «после “Двенадцати стульев”», а не «после “Головокружения от успехов”».

С такой календарной поправкой продуктивно «прочитать» коммерческую карьеру Корейко, сопоставив ее с авторитетным сочинением Ю. Ларина «Частный капитал в СССР» (1927 г.). Юрий Ларин (Михаил Александрович Лурье; отец А.М. Лариной – последней жены Бухарина; экономист, партийный и государственный деятель, близкий к левым) – весьма скептически оценивал нэп. По его мнению, частный капитал в СССР восходит не к дореволюционным накоплениям, а к расхищению государственной собственности (что напоминает позицию критиков капитализма в современной России). Этот капитал – даже не по К. Марксу, а почти по Ж. Прудону – кража: «История буржуазного накопления в СССР в первый его период есть, таким образом, прежде всего история буржуазного воровства в разных видах и формах»<sup>31</sup>.

В «Великом комбинаторе» Ильф и Петров излагают историю Корейко в главе «Подземное царство».

До революции «мещанин Саша Корейко» был обыкновенным мечтательным бездельником, и начало его финансовой карьеры пришлось на взвихренные революционные годы:



«Мир знает о маленьких людях, которые во время революции сделались знаменитыми. Бухгалтер Петлюра неожиданно выскочил в вожди, составлял министерство, вел войны и подписывал договоры тем же росчерком, которым подписывал денежные ордера в царское время. Бесчисленные батюшки и уголовные атаманы влияли на ход истории. А еще совсем недавно они были сельскими писарями, урядниками или приказчиками в имениях средней руки. На исторические пьедесталы их втащили не столько способности, сколько игра обстоятельств. Они играли на своей мрачной славе до тех пор, покуда революция не обрывала им головы.

Но были и другие, нашедшие себя во время революции люди. Они поняли, что слава в такое время не нужна, что она опасна и губительна. Это были невиданные до сих пор финансовые гении. Они работали втихомолку, тщательно заметая следы и скрывая свои операции даже от жен. В страстном желании разбогатеть под грохот событий, которые происходят раз в тысячу лет, они вели жизнь подвижников.

К числу их принадлежал бывший мещанин Саша Корейко».

Однако революционное время не принесло Корейко капитала: прямой захват имущества карался тюрьмой, сбережения исчезали из-за ненадежности денежных знаков, да и сам бизнесмен – пока «глупый» – легко превращался в жертву других мошенников:

«Раздавленный инфляцией Корейко решил покупать валюту, но валюты в обращении не было, если не считать фальшивых американских долларов. Они, правда, стоили дороже, чем настоящие, но только в России, и прибыли это не могло принести никакой. Кто-то надоумил его поместить деньги в картины старых мастеров.

Однажды к нему пришли два художника. Тайно переглядев, ваяясь, они втащили в квартиру Александра Ивановича шесть картин в золотых рамах. Тут, по словам художников, был один Рембрандт, два Репина, один Айвазовский и два маленьких голландца. Маленьких голландцев художники относили к школе Тенирса.

– Впрочем, – заявил один из них, молодой и лысый, – есть все основания предполагать, что это сам Тенирс.

Другой художник, на лице которого залегли такие глубокие и грязные морщины, что, казалось, будто в них живут летучие мыши, глубокомысленно подумал и заметил:

– А мне кажется, что это Питер Ван-дер-Хоох.

– Нет, Бука, – уверенно сказал лысый, – это не Питер Ван-дер-Хоох. Это фактически Тенирс.



О Рембрандте мастера красок не спорили. Картина, изображавшая бургера с красноватым носом перед пивной кружкой, не вызывала у них никаких сомнений.

– Скажите, – спросил Корейко с вождением, – сколько такие картины стоили в мирное время?

– Если на золото, – ответил молодой и лысый, – тысяч семьсот.

– А мне кажется, – заметил морщинистый, – что тысяч семьсот пятьдесят. Если на золото.

– Одним словом, тысяч девятьсот, – сказал лысый, подумав. – Если б не такое время, разве б мы продали! Для художника это фактически кровь из сердца.

Еще и тогда Корейко был глуп. Еще и тогда кипела в нем молодость, доверчивая и наивная. Он купил все: Рембрандта, не вызывавшего сомнений в своей подлинности, обоих Репиных, Айвазовского и маленьких голландцев, не то Терниса, не то Ван-дер-Хооха.

Получив пятьсот миллионов, художники ушли, с грустью переговариваясь о рамах, которым теперь и цены нет.

Рамы, действительно, оказались хорошими. Но картины представляли из себя то, что на юге для краткости называют «локш», а в центральных губерниях – «липа». Есть города, где такие картины носят название «котлета». В общем, это была грубая подделка, и Саша Корейко узнал об этом уже через неделю после покупки.

В «Золотом теленке» соавторы этот эпизод (и соположение Корейко с Петлюрой) убрали, но суть революционных неудач будущего миллионера сохранилась. Ларин видел ситуацию аналогичным образом: «Полностью буржуазный капитал не исчезал и не прекращал своей активности даже в разгар военного коммунизма. Но абсолютная величина средств, находившихся в его распоряжении, была сравнительно невелика <...> История накопления буржуазного капитала в таких размерах, что он получает некоторое, хотя и второстепенное, значение в народном хозяйстве страны, начинается у нас поэтому только с новой экономической политики, с 1921 г.». И в «Великом комбинаторе» Корейко после лет военного коммунизма – по-прежнему без особых средств, но прошел жизненные «университеты» и накопил подходящий опыт: «Из этих (и подобных этим) комбинаций Александр Иванович вышел к началу НЭПа человеком, постигшим все тайны подпольной коммерции. У него появились волчьи ухватки. Он стал скрытен и зол. Он многому научился».



В обеих редакциях первая удачная афера Корейко при новой политике – грандиозное хищение: «В этом периоде одним из наиболее удачных его дел было похищение маршрутного поезда с продовольствием, шедшего на Волгу. Корейко был комендантом поезда. Поезд вышел из Полтавы в Самару, но до Самары не дошел, а в Полтаву не вернулся. Он бесследно исчез по дороге». Л.М. Яновская приводит в качестве возможной параллели сообщения «Гудка» (с конца 1922 г.) о хищениях на Украине железнодорожных грузов – сахара, табака, кожи<sup>32</sup>.

И согласно Ларину, легализация частного капитала в СССР после введения нэпа есть лишь история воровства, а первый период «период 1921–1923 гг.» характеризовался именно откровенной преступностью: «Можно сказать, что та буржуазия, которая действовала в первый период нэпа, вступила в этот нэп почти что с голыми руками, очень мало, часто почти ничего не имея за душой, кроме своей предприимчивости, кроме связей в различных государственных учреждениях, кроме готовности идти на всякое преступление ради обогащения».

В «Золотом теленке» история Корейко разбита на две главы, и эпизод с поездом выразительно венчает первую. Дальнейшие финансовые аферы подпольного миллионера происходят в новых условиях: по Ларину – в условиях второго периода (1924–1926 гг.). «Это время так называемой “нормальной” работы частного капитала». Взятое в кавычки слово «нормальный» передает иронию экономиста-революционера, для которого история второго периода сводится к описанию двенадцати форм современного казнокардства: «1) агенты и соучастники частного капитала в госаппарате, 2) лжегосударственная форма деятельности частного капитала, 3) злостная контрагентура, 4) неликвидные формы, 5) хищническая аренда, 6) нелегальная перекупка, 7) контрабанда, 8) государственный денежный кредит, 9) государственные займы, 10) валютные операции, 11) уклонение от налогов и 12) лжекооперативы».

Предложенная Лариным классификация полностью охватывает деятельность Корейко. В «Великом комбинаторе» Ильф и Петров подробно описали одно его «дело» (которое полностью вошло в «Золотой теленок»).

Как и полагается «ларинскому» частнику, Корейко не желает заниматься частным предпринимательством, а устраивается на службу:

«В 1923 году дальновидный Александр Иванович, подавив в себе желание заняться свободной торговлей, решил увеличить свой небольшой покуда капитал доходами от государственной службы. К тому же он набрел на счастливое место».



Содержание аферы таково. В небольшой союзной республике строят электростанцию, и Корейко предлагает – «чтобы найти нужные для постройки средства» – «организовать при строительстве доходное подсобное предприятие: широкую продажу открыток с фотографическими видами строящейся станции». Заключен договор: по его условиям авантюрист получает «четвертую часть всех прибылей с открыточного предприятия». Этого мало – оборотные средства, необходимые для печатания открыток, берутся «из денег, ассигнованных на постройку станции». Пробная партия отпечатана «в лучшей столичной типографии», затем мошенник убеждает начальство «завести собственную первоклассную типографию», средства для чего снова «взяты, как и в первый раз, из строительных средств». Проект Корейко реализовался: «Доходы притекали со всех сторон. Но Александр Иванович не выпускал их из своих рук. Двадцать пять процентов он брал себе по договору, еще столько же присваивал, ссылаясь на то, что не от всех караванов поступила еще отчетность, а остальные деньги употреблял на расширение открыточного дела». В итоге Корейко бежал с полмиллионом, правительственная комиссия нашла типографию, но «электростанции не было»; «после этого памятного вечера в ущелье, под открытым небом шли показательные процессы», а ловкий предприниматель, оказавшийся в Одессе, читал о них отчеты в газетах.

Это – типичная вторая ларинская форма казнокрадства, «лжегосударственная форма деятельности частного капитала». В «Золотом теленке» даже уточнено: «здоровый частник решил помочь республике». «Под лжегосударственной формой существования частного капитала», – поясняет Ларин, – «я имею в виду то, когда частный предприниматель развивает свою деятельность, выступая формально в качестве государственного служащего, состоя на службе и получая служебные полномочия. Он производит свои действия по видимости как государственный служащий, а на деле осуществляет эти операции как частный предприниматель».

В «Золотом теленке» Ильф и Петров добавили второе дело Корейко – и опять по Ларину. В Москве, на Сретенском бульваре, Корейко открыл «новое заведение под вывеской «Промысловая артель химических продуктов «Реванш»». «В задней комнате находилось производство. Там стояли две дубовые бочки с манометрами и водомерными стеклами, одна на полу, другая на антресолях. Бочки были соединены тонкой клистирной кишкой, по которой, деловито журча, бежала жидкость. Когда вся жидкость переходила из верхнего сосуда в нижний, в производственное помещение являлся мальчик в валенках. Не по-детски вздыхая, мальчик



вычерпывал ведром жидкость из нижней бочки, тащил ее на антресоли и вливал в верхнюю бочку. Закончив этот сложный производственный процесс, мальчик уходил в контору греться, а из клистирной трубки снова несло всхлипыванье, жидкость совершала свой обычный путь – из верхнего резервуара в нижний». Занятия Корейко заключались не в заботах о химическом производстве, а в деловых визитах: «он переезжал из банка в банк, хлопоча о ссудах для расширения производства. В трестах он заключал договоры на поставку химпродуктов и получал сырье по твердой цене. Ссуды он тоже получал». Снова является правительственная комиссия, снова не обнаруживает ни производства, ни Корейко.

Это – восьмая форма, «государственный денежный кредит», т.е. «одностороннее снабжение частного капитала государственным денежным кредитом». Лурье приводит конкретный пример подобной формы казнокрадства, ничем не отличающийся от проекта Корейко: «А другой завод, мыловаренный, работал “бесперерывно”, но, как оказалось потом, всегда варил одну и ту же массу. Когда бы ни пришел агент Госбанка на завод, на заводе всегда имеется запас массы для переварки и дежурный человек, чтобы ее варить. Но вся эта махинация начинается только тогда, когда идет агент Госбанка для осмотра».

Кстати, когда Цесаревич / Козлевич – уголовник и рецидивист! – приобретает славный «Лорен-Дитрих», он также участвует в казнокрадстве. «После двух лет работы в одном из московских гаражей он купил по случаю такой старый автомобиль, что появление его на рынке можно было объяснить только ликвидацией автомобильного музея. Редкий экспонат был продан Козлевичу за сто девяносто рублей. Автомобиль почему-то продавался вместе с искусственной пальмой в зеленой кадке». По логике строгого Ларина, это – «4) неликвидные формы. Автомобильный и водный транспорт», т.е. приобретение «запасов государства» «частным капиталом на льготных условиях, вытекающих уже не из взяток, а из нашего собственного головоутиательства». В частности, экономист гневно обнаруживает, что «приняла заметные размеры продажа автомобилей частным лицам под влиянием режима экономии».

Последнее по времени направление деятельности Корейко – одинаково представленная в обеих редакциях, но более точно охарактеризованная в «Золотом тельце» – «подземная торговля, основанная на строжайшей тайне. Все кризисы, которые трясли молодое хозяйство, шли ему на пользу; все, на чем государство теряло, приносило ему доход. Он прорывался в каждую товарную брешь и уносил оттуда свою сотню



тысяч. Он торговал хлебопродуктами, сукнами, сахаром, текстилем, всем. И он был один, совершенно один со своими миллионами. В разных концах страны на него работали большие и малые пройдохи, но они не знали, на кого работают. Корейко действовал только через подставных лиц. И лишь сам знал длину цепи, по которой шли к нему деньги».

Это, очевидно, шестая форма, «нелегальная перекупка»: «Под перекупками имеется в виду скупка частными торговыми предприятиями изделий государственной промышленности через подставных лиц в розничных государственных и кооперативных магазинах – сверх того, что частным торговцам легально продают оптом сами госорганы. Эта система сейчас процветает». Ларин, как всегда, использует прием наглядной демонстрации: «На днях в “Правде” напечатано, что у одного из советских мануфактурных магазинов в Москве была внезапно окружена и проверена “очередь” в 50 человек. Из них оказались одна действительная покупательница (трамвайная кондукторша) и целых 49 “статистов”, т.е. подставных агентов, нанятых частным капиталом».

Остается добавить, что – по умолчанию – Корейко занимался десятой и одиннадцатой формами: «валютными операциями» и «уклонением от налогов». Как и Бендер – когда ему удалось заполучить свой миллион.

Получается, что с точки зрения нарратологии (по Проппу), Корейко – «вредитель», но с идеологической точки зрения, он – отнюдь не вредитель, а казнокрад. Из ситуации «после “Двенадцати стульев”», а не из 1930 г.

### Примечания

- <sup>1</sup> Одесский М.П., Фельдман Д.М. Легенда о великом комбинаторе: История создания, текстология и поэтика романа «Двенадцать стульев»// Очерки довоенной литературы/ Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 183–197.
- <sup>2</sup> РГАЛИ. Ф.1826. Оп. 1. Ед.хр.37.
- <sup>3</sup> Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание / Сост. А.И. Ильф. М.: Текст, 2000. С. 255.
- <sup>4</sup> Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931. Книга седьмая / Подг. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2006. С. 43, 44–45.
- <sup>5</sup> Платонов А. Котлован: Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. С. 106.
- <sup>6</sup> Там же. С. 161.
- <sup>7</sup> Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание. С. 293.
- <sup>8</sup> Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно?: Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М.: Наука, 1969. 2 изд. С. 78–79.
- <sup>9</sup> Там же. С. 83.



- <sup>10</sup> Сталин И.В. Соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 1.
- <sup>11</sup> Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 31.
- <sup>12</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 36–38.
- <sup>13</sup> Zehrer U.-M. «Dvenadcat' stul'ev» und «Zolotoj telenok» von I. Il'f und E. Petrov: Entstehung, Struktur, Thematik. Giessen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1975. S. 56–64. Церер предполагает наличие и позднейших – «следующих» – редакций, но не характеризует их.
- <sup>14</sup> «Великий комбинатор» и «Золотой теленок» цит. по: Ильф И., Петров Е. Золотой теленок / Подг. текста, вст. статья М.П. Одесского, Д.М. Фельдмана. М.: Вагриус, 2000; см. также: Ильф И., Петров Е. Великий комбинатор / Вст. ст., публикация М.П. Одесского, Д.М. Фельдмана // Литературное обозрение. 1997. № 6. С. 83–108.
- <sup>15</sup> Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Худ. лит., 1955–1961. Т. 10. С. 141–142.
- <sup>16</sup> Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание. С. 225–248.
- <sup>17</sup> Петров Е. Мой друг Ильф / Предисл. и публ. А. Вулиса // Журналист. 1967. № 6. С. 62.
- <sup>18</sup> Яновская Л.М. Указ. соч. С. 74.
- <sup>19</sup> Ардов В. Ильф и Петров: (Воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 120.
- <sup>20</sup> См. подробнее: Одесский М.П., Фельдман Д.М. Похождения эпитафия: По материалам комментария к первому полному изданию романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Золотой теленок» // Солнечное сплетение. Иерусалим; Москва. 2002. № 1/2 (20/21). С. 124–131.
- <sup>21</sup> Ср. также включение актуализирующего упоминания о сое: Щеглов Ю.К. Комментарии к роману «Золотой теленок» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок: Роман. Щеглов Ю.К. Комментарии к роману «Золотой теленок». М.: Панорама, 1995. С. 334.
- <sup>22</sup> Там же. С. 355.
- <sup>23</sup> Лурье Я.С. В краю непуганых идиотов // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая: (Избранное). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 249.
- <sup>24</sup> Щеглов Ю.К. Указ. соч. С. 402–403.
- <sup>25</sup> Яновская Л.М. Указ. соч. С. 76.
- <sup>26</sup> Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание. С. 202–204.
- <sup>27</sup> Яновская Л.М. Указ. соч. С. 78–79.
- <sup>28</sup> Сталин И.В. Соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т.12. С. 312–313.
- <sup>29</sup> Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 51.
- <sup>30</sup> Вайскопф М. Морфология страха // Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 511–519.
- <sup>31</sup> Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Антология экономической мысли / Сост. Н.А. Столяров. М.: Эконом, Ключ, 1993. С. 433–483.
- <sup>32</sup> Яновская Л.М. Указ. соч. С. 77.



**В.В. Левченко, Г.С. Левченко, М.И. Пиль**

## **РЕЦЕПЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА**

*на страницах периодических изданий Одессы  
в 1920-х - первой половине 1940-х годов*

Современному литературоведению характерно усиление внимания к социологии литературного процесса, в частности, к вопросам литературного статуса писателя, его литературной репутации (реноме, имиджа), профессионального окружения, взаимоотношениям с коллегами и т. п. Данное научное направление, рождение которого можно датировать серединой XIX века<sup>1</sup>, на современном этапе активно развивается в теоретико-методологическом плане на междисциплинарном уровне<sup>2</sup>, что ведёт к поступательному накоплению опыта социо-историко-литературных исследований<sup>3</sup>. Деятельность на литературном поприще как осознанная стратегия профессионального поведения, роль социальных, исторических, политических и других факторов в формировании литературной репутации и литературной стратегии автора активно исследуется на современном этапе. Вопрос литературной репутации в научном пространстве востребован и рассматривается в двух плоскостях. С одной стороны, он интересует широкую читательскую аудиторию как потребителя трогательно-завораживающих событий из жизни известных людей, в частности литераторов. С другой – исследуется учёными с целью восприятия результатов творчества художников как их жизненный опыт, осознания их чувственного ориентира в окружающем мире, реконструкции формирования психоэмоционального образа при написании различных произведений и т. п.

Проблема формирования и трансформации литературной репутации, достижения и сохранения определённого уровня профессионального статуса литераторов преимущественно актуализируется в переходные моменты истории, когда происходит процесс изменения общественной формации и соответственно меняется парадигма развития культуры. Одним из периодов изменения данной парадигмы в истории Европы первой



половины XX века стали годы между двумя мировыми войнами. Одним из литераторов, оказавшихся в искусственной ситуации смены векторов литературной репутации в истории советской литературы, вследствие изменения акцентов в идеологической платформе СССР, стал Сергей Александрович Есенин. За почти столетнюю историю его литературная репутация менялась неоднократно и получала разные формулировки: «народный поэт» (вторая половина 1910-х – начало 1920-х годов), «советский поэт» (начало 1920-х – середина 1920-х годов), «скандальный поэт» (середина 1920-х – 1930-е годы), «советский поэт» (1940-е – 1980-е годы), «национальный поэт» (1980-е годы – по настоящее время) и др. Следовательно, за это время была поддержка и поощрение творчества С. Есенина со стороны представителей власти, влиятельными общественными кругами, средствами массовой информации и т. п., равно как и то, что властные структуры запрещали его определённые произведения, другие пропагандировали, или же просто были равнодушными к ним. Также следует отметить, что в советский период на страницах периодической печати, в научных трудах биография и творчество С. Есенина освещались исключительно в контексте общественно-политической ситуации в СССР и рассматривались как её неотъемлемая составная часть.

Эти факторы подтверждают тот факт, что литературная репутация – категория подвижная, зависящая от многих причин: не только от эволюции самого автора, но и от изменений в отношении к литературе в обществе, от эволюции читательских литературных ожиданий, от общего интеллектуального уровня читательских масс и т. п. Подтверждением этого является также то, что Д. Родден в процессе формирования литературной репутации видит движущую роль не только факторов, которые мы перечислили выше, но и условий, в которых происходит такое формирование. Под условиями он понимает историческую, политическую, идеологическую, культурную, социальную ситуацию, в которых происходит оценка того или иного литературного факта. Таким образом, условия и факторы тесно взаимодействуют. Например, сочетание фактора поддержки и поощрения писателей официальной властью, влиятельными общественными кругами и т. п. с демократической идеологией или с тоталитарной дают разный результат<sup>4</sup>. С. Есенину довелось жить в период практик разных политических формаций: от имперской до тоталитарной. К этим критериям следует дополнить реверсивную сторону формирования литературной репутации – самоидентифика-



ция, стратегический пиар автора. Очень часто литератор стремится иметь определенный имидж в глазах публики, и он сам приобщается к конструированию своей литературной репутации, заявляя, на примере С. Есенина: «...я такой же, как ты, хулиган», «Я всего лишь уличный повеса... Я московский озорной гуляка»<sup>5</sup>.

В связи с этим через призму изучения публикаций на страницах периодических изданий Одессы в 1920-х – первой половине 1940-х годов авторы планируют проследить рецепции литературной репутации С. Есенина, со дня рождения которого в 2015 году исполнилось 120 лет. Именно газеты и журналы в то время являлись основным каналом популяризации поэтического творчества воистину народного Поэта среди представителей массовой культуры.

У читателя может возникнуть вопрос: а что нового можно узнать о биографии и творчестве Есенина? Казалось бы, столько о нём писано и переписано, и уже нет ничего неизвестного в его жизни и творчестве. Он является одним из самых любимых лирических поэтов многих народов и стран. Однако и сейчас не утихают страсти по поводу того или иного эпизода либо факта его биографии и творчества. Поэтому научную литературу ежегодно продолжают пополнять новые труды<sup>6</sup>, в которых раскрываются и анализируются разные аспекты жизненного пути поэта и всё, что связано с его именем, в том числе и литературная репутация, которая в разные времена, часто в силу объективных и субъективных факторов была сознательно гипертрофирована ретрансляторами его творчества.

Первая из известных публикаций произведений С. Есенина (стихотворение «Берёза») на страницах периодической печати появилась в январе 1914 года в московском детском журнале «Мирок» под псевдонимом «Аристон». Хотя первые попытки опубликовать свои стихи в московской периодической печати Поэт делал ещё в сентябре-декабре 1913 года<sup>7</sup>. Первые публикации С. Есенина в московских «тонких» журналах появились в 1914 году<sup>8</sup>, а в крупнейших столичных периодических изданиях (в газете «Биржевые ведомости», «Ежемесячном журнале» и др.) – с 1915 года<sup>9</sup>.

В каком провинциальном периодическом издании, какое произведение С. Есенина и когда впервые было опубликовано, на сегодня сказать сложно. Исходя из того, какими темпами развивалось творчество Поэта и ширилась его популярность (что и привело к многочисленным публи-



кациям на страницах разных по видам и типам периодических изданий), позволим предположить, что в провинциальной прессе С. Есенин «засветился» во второй половине 1910-х годов. В этом аспекте и Одесса, где, начиная с середины 1910-х годов, печатались стихотворения молодых поэтов, в том числе представителей так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века, к коим относится и С. Есенин, не стала исключением. Среди тех представителей этого направления, кто печатался на страницах одесской прессы в середине 1910-х годов, был Н. А. Клюев. Например, 27 августа 1917 года в газете «Голос пролетария»<sup>10</sup> был опубликован фрагмент его стихотворения «Красная песня»<sup>11</sup> (датированного в анналах истории российской литературы 1918 годом). С. Есенин считал Н. Клюева своим учителем, их связывали сложные отношения (временами дружеские, временами напряжённые), в 1915–1916 годах они часто вместе выступали со стихами на публике, а в дальнейшем их пути (личные и поэтические) несколько раз сходились и расходились<sup>12</sup>. Следовательно, внимание со стороны редакций периодических изданий, заинтересованных в публикации произведений поэтов нового направления в литературе, и растущая популярность С. Есенина должны были способствовать появлению на страницах периодики Одессы его стихотворений. Подтверждением этого предположения является также то, что, как правило, провинциальные издания увлекались перепечатыванием материалов из центральных печатных органов, в которых, как известно, к концу 1910-х годов произведения С. Есенина публиковались регулярно.

На вопрос: когда же в одесской прессе было опубликовано первое произведение С. Есенина, нам пока ответить сложно. На сегодня из более 140 газет и 50 журналов, издаваемых в Одессе в период с 1914 по 1926 годы (хронологические рамки определены условно – годом появления первой публикации в периодике и посмертным годом для Поэта, вызвавшего активную рефлексию у представителей прессы и общественности) просмотрена приблизительно их четверть. Основным источником исследования среди фронтально просмотренных более четырёх десятков одесских периодических изданий указанного периода стали публикации на страницах газет – «Зритель»<sup>13</sup>, «Вечерний выпуск. Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро»<sup>14</sup>, «Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро»<sup>15</sup> и журнала «Шквал»<sup>16</sup>.



Кроме большого числа периодических изданий, выявленных во время проведения научного исследования, следует отметить трудности, связанные с поиском газетных и журнальных материалов, посвящённых биографии и творчеству С. Есенина периода революций и войн. Ещё одной проблемой выявилась регистрация и сохранность прессы тех лет. В Одессе ни в одной из библиотек<sup>17</sup> нет полных комплектов большинства газет и журналов периода 1914–1920 годов, поэтому авторам приходилось искать отдельные номера газет в других фондохранилищах<sup>18</sup>, что стоило и будет стоить при продолжении исследования больших усилий и затрат времени. Нерешаемой проблемой остаётся то, что отдельные номера некоторых периодических изданий находятся на реставрации или не выдаются из-за их ветхости, а целый ряд номеров периодики в разное время четырёх последних лет 1910-х годов был запрещён к выпуску или изымался представителями многочисленных политических режимов, быстро меняющихся в то время в Одессе<sup>19</sup>. Основной целью каждой новой власти было ведение борьбы с идеологическими противниками, а не сохранение и приумножение культурных традиций.

В целом личность и творчество С. Есенина обрели заметное место на страницах периодических изданий УССР. На сегодня ландшафт есениноведения располагает исследованиями, презентующими публикации о Поэте на страницах украинской периодики в 1920-х годах, издававшихся в Харькове<sup>20</sup> и Киеве<sup>21</sup>. При этом опубликованные материалы относительно жизни и творчества С. Есенина на страницах газет и журналов других научно-образовательных центров культуры Украины остаются вне внимания специалистов-есениноведов по настоящее время. Примером этому служит пресса Одессы 1920-х годов, на страницах которой осуществлялась репрезентация творчества и ознакомление с жизнью Поэта, что способствовало формированию рецепций у населения юга УССР в отношении одного из популярнейших литераторов СССР.

На сегодня, вследствие изучения основных многотиражных печатных изданий Одесщины, авторами выявлено 15 публикаций разных по формату, объёму и содержанию относительно биографии и творчества С. Есенина. Большая часть из них – 13, относится к 1920-м годам, две статьи было опубликовано в 1943 году. Относительно тематики и содержания выявленных публикаций их можно поделить на четыре блока: обзорно-литературный (1 статья), художественный (2), хроникально-документальный (7) и эпистолярный (3).



Обзорно-литературный блок представлен одной статьёй, которая к тому же является и самой ранней из обнаруженных авторами среди публикаций в периодике Одессы 1920-х годов и тех, что посвящены характеристике творчества и личной жизни С. Есенина. Статья называется «Дункан – Есенин», она была напечатана в газете «Зритель» за июль 1922 года<sup>22</sup>, под авторством некоего господина «Н». Как видим из названия статьи, целью автора было вспомнить отнюдь не С. Есенина, а его связь со знаменитой танцовщицей Айседорой Дункан. Называя А. Дункан «жрицей искусства, которая в наиболее трудное для России время приехала в Москву, чтобы у нас черпать вдохновения», автор с полной уверенностью заявляет, что «не гармоничная, не музыкальная в существе своём культура Европы» не может по достоинству оценить талант А. Дункан и свидетельствует об «отсутствии вкуса у правительства Запада». Именно это, как пишет автор, заставило Дункан искать людей с иными вкусами, с иным сознанием, с другими горизонтами. Сложно уловить авторскую мысль об отношении А. Дункан к революции в Российской империи, но то, что ей пришлось «улавливать жуткую ритмику Революции, в её хаосе слышать музыку новой гармонии», свидетельствует об «искренней» любви учительницы «весёлой науки» к России. Через десять месяцев А. Дункан покинула голодную, истерзанную и нищую страну с «ещё большей верой в неё, с надеждой, что в России настало то время, когда творится новая народная душа, созвучная высшим мечтаниям всего мира – им близкая, понятная и нужная...». Вот и вся любовь, которой хватило ненадолго – меньше чем на один год.

Возвеличивая А. Дункан, приписывая ей почти любовь к нищей России, автор вспоминает и С. Есенина. Цитируя есенинское признание в любви к своей Родине («Я люблю Россию...»), заметим, достаточно искреннее, автор сразу же уводит читателя от этой темы. Далее речь идёт о принадлежности С. Есенина к имажинистам, которых, по выражению автора, В. И. Ленин называл «больными эпохой мальчиками», а А. В. Луначарский и вовсе «аморальными типами». Таким образом, автор хотел подчеркнуть негативное отношение к новому веянию в литературе со стороны власти. При этом личное мнение не высказал, переключившись сразу на ещё одну знаковую персону в российской литературе первой трети XX века – В. В. Маяковского. Интересным для автора стало мнение В. Маяковского относительно коллег – он «выступал в качестве прокурора искусства» и инициировал «чистку поэтов» в Москве, таким образом,



наделав, по словам С. Есенина, много шума. Данные В. Маяковским характеристики отдельным поэтам были разнообразны. Так, А. А. Ахматову он назвал «дрянной, мыльной поэтессой», В. Я. Брюсова – «канцеляристом», К. Д. Бальмонта – «чирикало», С. М. Городецкого – «серпом траву косит», А. Б. Мариенгофа – «годным для гужевого транспорта», Андрея Белого – «хорошим прозаиком», и только А. Б. Кусикова – «настоящим поэтом». С. Есенину же В. Маяковский отвёл «первое место в поэзии», при этом называя его «представителем другой стихии». Какой? Чужой, чуждой, враждебной или позитивной, народной, той, к которой сам хотел принадлежать, представителем которой хотел бы быть?

Также неизвестный автор писал о том, что С. Есенин сообщил интересные сведения о судьбе и работах современных художников. Например, он указал, что А. Е. Кручёных – «даст уроки»; В. В. Каменский – пишет «Бульварный роман» в стихах (32 тысячи строк); С. Т. Коненков – закончил несколько гениальных работ: «Стенька Разин», «Пастух», «Три бабы», скульптурные портреты С. Есенина и А. Дункан; В. Г. Шершеневич – написал новую пьесу «Одна сплошная нелепость», которая готовилась к постановке в Сафоновском театре (режиссёр Б. А. Фердинандов); а А. Б. Мариенгоф – закончил трагедию «Заговор дураков» из эпохи императрицы Анны Иоанновны. Финальным аккордом статьи стали строки, в которых автор сообщал о том, что «в Госиздате вышел третьим изданием «Пугачёв» – С. Есенина, выходят его же «Избранные стихи». В целом статья положительно репрезентовала личность и творчество С. Есенина одесским почитателям искусства.

Одним из первых произведений С. Есенина (авторы уверены о выявлении и более ранних публикаций его творений), напечатанных в одесской периодике, стал отрывок из поэмы «Песнь о великом походе» в журнале «Шквал» в 1924 году (перепечатанный из журнала «Звезда») <sup>23</sup>. Ещё одно стихотворение С. Есенина было опубликовано 7 января 1926 года в вечернем выпуске «Известий...». Редакция опубликовала «Неизданное стихотворение» Поэта – «Издатель славный! В этой книге...» <sup>24</sup>. Два этих опубликованных произведения С. Есенина на страницах одесской периодики составили художественный блок статей, посвящённых его персоне.

Из массива выявленных нами публикаций на страницах одесских газет и журналов, посвящённых С. Есенину, семь относятся к хроникально-документальному блоку, связанному с событиями вокруг его смерти. Пе-



риодические издания Одессы в январе 1926 года неоднократно уделяли внимание этому трагическому происшествию. Одной из первых об этом сообщила редакция газеты «Известия... Вечерний выпуск», разместив на страницах своего издания за первый месяц 1926 года шесть публикаций на тему смерти поэта, которые стали своеобразной хроникой отображения происходивших событий вокруг имени С. Есенина в Ленинграде и Москве. Первой была опубликована небольшая статья – «Подробности самоубийства Сергея Есенина», в которой сообщались детали при обнаружении тела поэта в номере гостиницы «Англетер» и о проведении гражданской панихиды представителями ленинградского литературного бомонда<sup>25</sup>. Автор статьи сообщает, что, «по мнению друзей С. Есенина, самоубийство является выполнением давно задуманной мысли». Хотя в самом начале статьи мы узнаём о том, что в Ленинград С. Есенин приезжает «на постоянное жительство и временно до решения квартирного вопроса останавливается в гостинице «Англетер». Видимо, целью автора статьи было сообщить детали при обнаружении тела поэта, а причины смерти поэта ещё не были столь важны. В заключение автор приходит к выводу: в лице С. Есенина народ потерял своего певца, что и стало народной трагедией. В следующей статье редакция описала основные моменты прошедшей 30 декабря 1925 года в Москве траурной процессии и опубликовала последнее стихотворение С. Есенина – «До свиданья, друг мой, до свиданья...»<sup>26</sup>. Общую картину трагических событий в жизни народного лирика, происходивших в последних числах декабря 1925 года, редакция журнала «Шквал» проиллюстрировала фотографией – «Сергей Есенин в гробу»<sup>27</sup>.

Незамедлительной была реакция на смерть С. Есенина и представителей одесского интеллектуального сообщества. Уже 4 января 1926 года в газете «Известия... Вечерний выпуск» была помещена заметка о проведении в помещении театра «Массодрам» вечера памяти Поэта. Сообщалось о выступлении с докладами профессора Б. В. Варнеке<sup>28</sup> и лектора А. О. Богуславского, а также о прочтении одесскими артистами ряда стихотворений поэта («Пугачёв», «Товарищ», «Русь советская», «Исповедь хулигана», «Москва кабацкая», «Персидские мотивы», «Письмо к женщине» и др.), с целью ознакомления широких масс «...с творчеством молодого поэта современности»<sup>29</sup>. Профессор Б. В. Варнеке охарактеризовал творчество С. Есенина как «...большого мастера формы, тонкого лирика, теснейшим образом связанного с современностью», а лектор А. О. Богуславский, разбивший все произведения Поэта на





четыре периода, остановился на анализе его «драмы жизни и причине трагического финала», которые он усматривал в «...расколотости и раздвоенности поэта, который как сын деревни колебался между двумя путями, с другой стороны, тут сказалось вредное влияние на Есенина городской богемы»<sup>30</sup>. При реалистической характеристике личной жизни С. Есенина его творчество было высоко оценено ведущими одесскими филологами-классиками.

В целом практически все материалы, опубликованные на страницах одесских газет «Известия...» и «Вечерний выпуск. Известия...» полны чувств настоящего горя, растерянности, сострадания и человечности в отношении трагической смерти С. Есенина. В номере от 20 января 1926 года редакция газеты «Известия... Вечерний выпуск» сообщила о ходатайстве Всероссийского союза писателей перед СНК СССР об обеспечении детей и родителей Поэта пожизненной пенсией<sup>31</sup>.

Последний – четвёртый блок – составили три статьи, посвящённые памяти С. Есенина, от его друзей, коллег, близких. Эти публикации, исходя из слов В. Маяковского, дополнили таким образом «заупокойный лом» воспоминаний, щедро печатавшихся два-три года после смерти поэта, и не способствовали созданию правдивого жизнеописания одного из лучших лириков XX века<sup>32</sup>. Но уже тогда появлялись первые штрихи и зарисовки общей картины жизни С. Есенина, которые более-менее были близки к правдивым. В последующие же годы попытки моделирования жизни Поэта в большинстве своих вариантов получили гипертрофированный вид, что было скорее связано с преобладанием у авторов эмоций и давления со стороны цензуры, нежели наличием фактологического материала.

Из общего числа публикаций на страницах окружной многотиражки – газете «Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и ОПБ» – особняком выделяется одна статья. Её автор М. О. Ольшевец – критик, журналист, редактор газет «Известия...» и приложения «Вечерний выпуск. Известия...», позднее редактор одесского журнала «Шквал» и газеты «Учительская газета», который, судя по содержанию статьи, был знаком с С. Есениным. Оценка М. Ольшевцом творчества Поэта была обусловлена влиятельными в то время литературно-критическими трудами большевистского руководства и общим идеологическим «возбуждением» вокруг идеи построения первого в мире пролетарского общества: «На изломе эпохи, там, где от деревянной сохи прямо к



электроплугу история поставила новые вехи, мужицкий сын Серёжка годами рвал из сердца старую божницу, обливаясь кровью и заливая себя вином». Но главным вопросом жизни для Поэта оставалась судьба России и российского народа. Именно после очередных тяжких раздумий, которые не приносили Есенину ответов на мучившие его вопросы, он «...становился чужим, <...>, ползал на коленях, рвал на себе волосы и молился: – Россия, Россия!.. – Какая Россия – твоя старая, средневековая или новая союзная, ленинская?». На этот вопрос, вспоминает М. Ольшевец, ответ был один – «...битьё стёкол, разгром мебели и прекрасные пушкинские стихи» (какие стихи А. С. Пушкина читал С. Есенин?). Несмотря на частые одиозные поступки народного поэта, М. Ольшевец пришёл к выводу, что осуждать Есенина некорректно: «не поняв его до конца, осуждать нельзя»<sup>33</sup>.

В своей литературной деятельности С. Есенин оперативно откликнулся на новые задачи, которые ставило перед литераторами партийное руководство. По воспоминаниям Г. Ф. Устинова, близкого друга поэта, С. Есенин подавал заявление о вступлении в партию большевиков, но ему было отказано в рекомендации<sup>34</sup>. В то же время позиция большевиков приносила разочарование поэту в новой культурной ситуации, что привело к взаимному антагонизму, переросшему в процесс зарождения и становления идеологического противостояния С. Есенину со стороны советской власти. Со временем этот антагонизм приобрёл особое значение и дошёл до стадии запрета его творчества.

Таковыми же чувствами были наполнены две публикации в журнале «Шквал», содержание которых сводилось к воспоминаниям друзей о С. Есенине. В одной из статей этого периода автор усматривает литературное рождение Поэта «в грозе и буре патриотизма». При этом сообщает о том, что весь патриотизм «выходит» с началом империалистической войны. Спасаясь от фронта, С. Есенину приходится быть «на иждивении у близкого ко двору пьяницы-полковника». За это он – поэт тонкой душевной лирики – должен был писать стихи по заказу пьяных офицеров. И когда юноша-поэт взбунтовался, ему была указана прямая дорога в дисциплинарный батальон. На наш взгляд, это было началом бунта «против закономерностей», его ранности, ощущения близкой старости:

«Облетает моя голова,  
Куст волос золотистый вянет



.....  
Увиданья золотом охваченный,  
Я не буду больше молодым...»,

смерти, внутренней «мучительной трагедии», которую он выразил в поэме «Русь Советская»:

Моя поэзия здесь больше не нужна,  
Да и, пожалуй, сам я больше здесь не нужен<sup>35</sup>,

что в итоге привело к трагедии в жизни поэта.

За С. Есениным закрепился статус «хулигана», «пропойцы» и «скандалиста» – это не омрачило славу непревзойденного мастера поэтического слова, известного своей целеустремленностью, творческим потенциалом, всемирным признанием, почитанием многими следующими поколениями. Не является исключением и украинский народ, который всегда проявлял и проявляет большой интерес к личности и творчеству С. Есенина как «народного поэта», что также отразилось в значительном количестве публикаций на страницах периодических изданий Одессы в 1920-х годах.

После сообщений о трагической гибели С. Есенина, о признании величия его творчества приходит полное забвение имени Поэта. Вся одесская периодическая печать, равно как и вся республиканская и центральная пресса, начисто забыла о том, о ком недавно скорбели, сожалели и кого признавали великим и восхваляли. Ни одной публикации, которая хоть как-то упоминала имя С. Есенина, мы не встретили на страницах просмотренных периодических изданий Одессы, начиная с 1928 по 1941 годы. Изменилась эпоха – изменилось отношение к Поэту.

После продолжительной паузы о С. Есенине на страницах периодической печати Одессы вспомнили вновь в 1943 году, уже при другой власти – оккупационной. Обнаруженные нами две статьи опровергают высказывание современной киевской исследовательницы О. В. Пашко, что на протяжении 1930–1940 годов, в сталинскую эпоху, вопрос восприятия творчества С. Есенина в Украине был вычеркнут из круга актуальных, поскольку он стал «запретным» писателем, а литературоведы возвращаются к нему лишь в конце 1950-х годов<sup>36</sup>. Выявленные авторами две публикации<sup>37</sup> в «Одесской газете»<sup>38</sup> доводят обратное, что биография и творчество Поэта оставались теми темами, которые были



важно-интересными для любителей поэзии при любой власти, и даже в трагические годы войны. Если откинуть политическую ретушь, которая присуща периодическим изданиям при разных политических режимах (имперских, советских, румынских и др.), то для настоящего любителя и ценителя творчества С. Есенина главным является восхищение его творчеством и память о нём как о личности.

Первая статья<sup>39</sup> этого периода основана на воспоминаниях ведущего актёра труппы К. С. Станиславского, одного из первых артистов СССР – Василия Ивановича Качалова (1875–1948), который, благодаря выдающимся достоинствам голоса и артистизму, оставил заметный след в таком особом роде деятельности, как исполнение произведений поэзии С. Есенина. В свою очередь С. Есенину принадлежит известное стихотворение «Собаке Качалова», начинающееся строками: «Дай, Джим, на счастье лапу мне...». В этих воспоминаниях странным показалось то, что в первую встречу с С. Есениным поэт произвёл на него лишь «впечатление чрезвычайно скромного, даже застенчивого человека». И всё... Хотя В. Качалов пришёл к С. Есенину, чтобы прочитать одно из своих первых стихотворений («Умирающей актрисе»). Кстати, стихотворение С. Есенину понравилось. А насколько была важна оценка популярного лирика для В. Качалова, мы так и не узнаём. Вторая встреча В. Качалова и С. Есенина выпала, когда поэт «гулял на широкую ногу так, как по его мнению должны были гулять широкие русские натуры». Именно в этом «другом человеке», от скромности которого не осталось и следа, В. Качалов усмотрел «большую творческую силу».

Далее В. Качалов вспоминает о Поэте и его отношении к революции. Приняв на первых порах революцию, С. Есенин даже «пытался к ней пристать, но вскоре почувствовал в ней что-то ложное, неестественное и, как истинно талантливый и правдивый человек, он отразил своё настороженное и зачастую враждебное отношение к большевизму» в своих произведениях. Следствием этого стал запрет С. Есенина как поэта. Ведь он в своих стихах прямо заявлял, что если все кричат о культуре и благополучии русского человека в новых условиях, то это лишь одни слова:

А месяц будет плыть да плыть,  
Бросая вёсла по озёрам,  
А Русь всё так же будет жить  
Плясать и плакать под забором.



Насколько С. Есенин был прав – мы можем убедиться и сейчас. Эта есенинская душевная боль за обманутую Россию, а точнее будет сказать – за обманутый народ Российской империи, СССР, Российской Федерации и Украины, передаётся и нам, людям нашего времени. Ничего не изменилось для народа ни тогда, ни сегодня...

Не отличаясь особой религиозностью, С. Есенин как никто другой понимал, что всё, что осталось у народа – это вера в Бога. Сам С. Есенин любил церковь, любил Бога потому, что любили его отцы и деды. И он, С. Есенин, понимал, что отнять религию у народа – это отнять всё. Вот почему, вспоминает В. Качалов, С. Есенин так резко выступил «против похабных стихов» Демьяна Бедного, бесстыдно издевавшегося над всем хорошим и святым, что было у народа, и ничего не дающего ему взамен советской властью. С. Есенин ему писал:

Но ты Христа не оскорбил,  
Ты сгустки крови у креста  
Копнул ноздрей, как толстый боров,  
Ты только хрюкнул на Христа  
Ефим Лакеевич Придворов.

Написанное в 1925 году, это стихотворение, понятно, в печать не попало, но ходило по рукам в литературных кругах Москвы. Все о нём знали. О нём вспоминает и артист В. Качалов. Вот такой разный, порой непонятный, но добрый и милый остался народный поэт Сергей Есенин в памяти народного артиста В. Качалова.

В том же 1943 году в «Одесской газете» появляется ещё одна статья о С. Есенине<sup>40</sup>. Она как бы является логическим продолжением написанной ранее статьи о Поэте. Хотя, заметим, автор статьи не указан. С. Есенин предстаёт перед нами человеком с открытой душой, правдивым, с любящим сердцем; человеком, любящим свою родину «до радости и боли». И те не менее его не издают, запрещают, не любят... патентованные критики и советские стихоплёты. А народ любит произведения С. Есенина и самого автора, который в своём творчестве выражал его настроения, его грусть и радость, его душевные движения. Ведь каждое слово Поэта – правда. В своих произведениях С. Есенин умел понять любовь и боль сердца каждого человека так, как умели трогать человеческие сердца творчество А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. А. Блока.

Неизвестный автор обращает внимание на то, что есенинское «я» в поэзии звучит всегда как «мы». Его сердце полно жалости, милосердия и



любви не только к людям, но и ко всему живому. Достаточно вспомнить его «Песнь о собаке». Любовь к своей родине, своей России, её полям, сёлам и лесам, её просторам и голубым далям, её народу – это искренняя любовь Поэта, такая же, как любовь народа:

О, Русь, малиновое поле,  
О, синь, упавшая в реку,  
Люблю до-радости и боли  
Твою озёрную тоску.

И душа болела у С. Есенина за свою Русь как у истинного патриота:

Как тогда я отважный и гордый,  
Только новью брызжет мой шаг.  
Если раньше мне били морду,  
То теперь вся в крови душа.  
И уже говорю я не маме,  
А в чужой и хохочущий сброд:  
«Ничего, я споткнулся о камень,  
Это к завтрему всё заживёт».

После окончания Второй мировой войны и практически до середины второй половины 1980-х годов во всех изданиях произведений С. Есенина его образ с первых страниц представлялся как «советского поэта». Например, в киевском издании 1959 года отмечалось, что Поэт «всеми устоями на советской платформе» и «...в своих лучших произведениях он сумел раскрыть и помочь читателю почувствовать красоту и силу той народной России, откуда вышел он сам, и для которой социалистическая революция открыла дорогу в светлое будущее»<sup>41</sup>. Московское издание 1977 года литературную репутацию С. Есенина представляет стихотворением «Капитан Земли». В этом издании автор вступительной статьи сообщает, что при написании этого произведения у художника в сердце «...возник образ Ленина – «рулевого и капитана» гигантского космического корабля, имя которому Планета Земля», т. е. он подводит к мысли, что Поэт принимал идеи Ленина, которые будут восприняты всеми странами мира<sup>42</sup>. И лишь начиная с конца 1980-х годов, литературная судьба С. Есенина стала преподноситься читателю не в контексте социалистической идеологии, а в том единственном пространстве, в котором и может восприниматься его литературная репутация, сформулированная С. Городецким: «какая радость пришла в русскую поэзию»<sup>43</sup>.



Таким образом, за последнюю четверть века читателю представлена возможность почувствовать и понять Поэта во всех его связях с действительностью того времени, во всей его психологической сложности и глубине, со всеми его тревогами и болями, сомнениями и ошибками, страданиями и мучениями, услышать биение его сердца, вместе с ним горевать и радоваться, что присуще каждому человеку, только не каждому дано это описать и высказать. Т. е. разными штрихами и оттенками представляемого образа индивидуально составить свою литературную репутацию о Поэте.

С. Есенин редко приезжал в Украину и никогда не посещал Одессу, родом из которой была его первая жена – Зинаида Райх<sup>44</sup>. Известны несколько непродолжительных пребываний Поэта в Харькове<sup>45</sup>. Но, несмотря на его малочисленные путешествия по территории Украины, всё же не только люди, связанные с литературой, но и большинство её населения были знакомы с его произведениями, которые довольно часто появлялись на страницах периодической печати. Первые упоминания о С. Есенине появились в украинской прессе в начале 1920-х годов и с нарастающей популярностью его творчества эти публикации появлялись всё чаще и чаще. Пик количества публикаций на страницах периодических изданий УССР, связанных с его именем, пришёлся на период с конца декабря 1925 по январь 1926 годов, что было связано со смертью поэта. Всего в 1920-е годы в периодической печати УССР были опубликованы десятки его стихотворений и поэм, многочисленные статьи и заметки о его жизни и творчестве. Отдельное место заняли памятные стихи и очерки украинских литераторов, посвящённые С. Есенину<sup>46</sup>.

Для более глубокого и всестороннего изучения биографии и творчества С. Есенина необходимо максимальное приобщение новых исторических источников, коими выступают периодические издания. В течение многих лет, в частности, пресса Одессы выполняла роль популяризатора и распространителя творчества популярнейшего народного лирика XX века. Авторами этих публикаций в подавляющем большинстве были представители местной интеллигенции, среди которых значительное место занимали публицисты. Именно их относительная компетентность в освещении жизненных событий Поэта создавали его репутацию, как в пределах города, так и региона в целом.

Определяющими чертами рецепции личности и творчества С. Есенина в украинском историко-культурном ландшафте оказались такие



ведущие факторы: признание его «одним из наиболее талантливых и ярких поэтов современности», оценка его лирики «...как исключительно искренней и правдивой исповеди поэта», а его художественные поиски и творческие завоевания воспринимались на фоне украинского культурного возрождения 1920-х годов с особым интересом и пониманием: длительными поисками отмечено становление украинской семантической поэтики, ориентированной на язык национальной традиции<sup>47</sup>. В целом все эти позиции характеризуют историю межлитературных связей российского и украинского народов, несмотря на сложный и многообразный характер этого взаимодействия (прямые творческие контакты, влияния, заимствования, типологически родственные процессы, непонимание верхушками политических режимов проблем и потребностей двух народов и т. п.), как развивающихся в едином контексте – представлении о «вечных» сюжетах (вечных человеческих ценностях), с подчеркиванием заключённого в них комплекса общечеловеческих проблем.

### Примечания

- <sup>1</sup> См.: Давыдов Ю. Н. Социология литературы // Краткая литературная энциклопедия. – Т. 7. – 1972.
- <sup>2</sup> Розанов И. Н. Литературные репутации: Работы разных лет. – М.: Сов. писатель, 1990. – 464 с.; Хализев В. Теория литературы: Учебник. – М.: Высшая школа, 1999. – 240 с.; Коханська І. Чинники конструювання літературної репутації // *Studia methodologica*. – Вип. 20. – Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2007. – С. 90–95 и др.
- <sup>3</sup> Шалата О. М. Рецепція творчості Даниїла Дефо і Джонатана Свіфта в Україні: Дис. ... канд. філол. наук. – Дрогобич, 2001. – 190 арк.; Коханська І. Феномен літературної репутації художнього твору (на прикладі роману Е. Хемінгуея «По кому подзвін») // *Слово і Час*. – 2007. – № 7. – С. 23–28; Антипина З. С. Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920–1930-х годов: Автор. дис. ... канд. фил. наук. – Пермь, 2012. – 20 с. и др.
- <sup>4</sup> См.: Аверинцев С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох // *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: Сб. статей*. – М.: Наследие, 1994. – С. 3–38.
- <sup>5</sup> См.: Есенин С. А. Я, Есенин Сергей: Поэзия и проза. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – С. 115, 134.
- <sup>6</sup> См.: Пашко О. В. Рецепція творчості Сергія Есеніна в Україні 1920-х років: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2015. – 20 с. и др.
- <sup>7</sup> Скороходов М. В., Юсов Н. Г., Юшкин Ю. Б. Хронологическая канва жизни и творчества Сергея Александровича Есенина (1895–1925) // Есенин С. А. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 3. Утраченное и





- ненайденное. Неосуществленные замыслы. Есенин в фотографиях. Канва жизни и творчества. Библиография. Указатели. – М.: Наука, 2002. – С. 276–277.
- <sup>8</sup> См.: Есенин С. А. Я, Есенин Сергей: Поэзия и проза. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 576 с.
- <sup>9</sup> Скороходов М. В., Юсов Н. Г., Юшкин Ю. Б. Хронологическая канва жизни и творчества Сергея Александровича Есенина (1895–1925)... – С. 277.
- <sup>10</sup> «Голос пролетария» – газета, издавалась в Одессе в 1917–1918 гг. Начала выходить 6 (19) июля 1917 г. До 30 сентября (13 октября) 1917 г. имела подзаголовок: «Орган объединенных социал-демократов интернационалистов»; с середины октября 1917 г. – орган Одесского комитета РСДРП(б), с 10 (23) декабря – Херсонского губернского и Одесского городского комитетов РСДРП(б). Выходила два раза в неделю, затем ежедневно до марта 1918 г. Всего вышло 118 номеров. Вела борьбу за переход всей власти к Советам. См.: Одеська періодична преса (газети) по фондах Одеської державної наукової бібліотеки імені О. М. Горького. – Одеса, 1957. – С. 3; Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): Справочник / Авт.-сост. М. С. Черепанов, Е. М. Фингерит. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – 351 с.; Гражданская война на Украине. Том первый, книга первая. Освободительная война украинского народа против немецко-австрийских оккупантов, разгром буржуазно-националистической директории / Под редакцией проф. И. К. Рыбалки. – К.: Изд-во «Наукова думка», 1967. – С. 434.
- <sup>11</sup> Клюев Н. Красная песня // Голос пролетария. – 1917. – 27 августа (№ 41).
- <sup>12</sup> См.: Субботин С. И. Есенин и Клюев: К истории творческих взаимоотношений // О, Русь, взмахни крылами: Есенинский сб. Вып. 1. – М.: Наследие, 1994. – С. 104–120.
- <sup>13</sup> «Зритель» – газета, выходила в Одессе в 1922 г. Издатель Одесский губернский комитет политического просвещения. См.: Одеська періодична преса (газети) по фондах Одеської державної наукової бібліотеки імені О. М. Горького. – Одеса, 1957. – С. 4.
- <sup>14</sup> «Вечерний выпуск. Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро» – газета, выходила в Одессе в 1924–1926 гг. См.: Одеська періодична преса (газети) по фондах Одеської державної наукової бібліотеки імені О. М. Горького. – Одеса, 1957. – С. 2.
- <sup>15</sup> «Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро» – газета, выходила в Одессе в 1926–1929 гг. См.: Одеська періодична преса (газети) по фондах Одеської державної наукової бібліотеки імені О. М. Горького. – Одеса, 1957. – С. 4.
- <sup>16</sup> «Шквал» – журнал, приложение к газете «Чорноморська комуна», выходил в 1924–1933 гг. Подробнее о журнале «Шквал» см.: Одеська періодична преса (газети) по фондах Одеської державної наукової бібліотеки імені О. М. Горького. – Одеса, 1957. – С. 18; Левченко В. В. Журнал «Шквал» (1924–1931) як історичне джерело з історії історичної науки на Півдні України // Матеріали Міжнародних наукових читань «Південна Україна: козацька та післякозацька доба (XVI–XX ст.)». – Одеса, 2012. – С. 77–83; Левченко В. В. Журнал «Шквал» (1924–1933) як історичне джерело популяризації життя і творчої спадщини Тараса Шевченка // Київська археографічна комісія в історії українського національного відродження. – К., 2015. – С. 166–178 и др.



- <sup>17</sup> Авторы вели поиск и сбор материалов в двух ведущих библиотеках Одессы – научной библиотеке Одесского национального университета имени И. И. Мечникова и Одесской национальной научной библиотеке им. М. Горького.
- <sup>18</sup> Недостигающие номера некоторых периодических изданий иногда отслеживались авторами в фондах Государственного архива Одесской области и в Одесском историко-краеведческом музее.
- <sup>19</sup> Период 1917–1920 гг. стал своеобразным полигоном экспериментов в Одессе девяти более значимых политических сил (Временное правительство (1917), Центральная Рада УНР (1917–1918), Гетьманат (1918), Советская власть (1918, 1919, 1920), Интервенция (1918, 1919), Директория (1918), диктатура генерала А. Гришина-Алмазова (1918–1919), Вооружённые силы юга России (1919–1920), которые привносили существенные изменения во все сферы жизнедеятельности города. См.: *История Одессы / Голов. ред. В. Н. Станко.* – Одеса, 2002. – С. 275–425; Савченко В. А. *Неофициальная Одесса эпохи нэпа (март 1921 – сентябрь 1929).* – М.: *Российская политическая энциклопедия*, 2012. – С. 10–11 и др.
- <sup>20</sup> Божко В. Сергей Есенин в Харькове. – Харьков, 2008. – 208 с.
- <sup>21</sup> Пашко О. В. Есенин на страницах киевских газет 1922–1923 гг. // *Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте есенинской энциклопедии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 113-летию со дня рождения С. А. Есенина.* – Москва; Константиново; Рязань: Лазурь, 2009. – С. 393–417.
- <sup>22</sup> Н. Дункан – Есенин // *Зритель.* – 1922. – № 2 (июль).
- <sup>23</sup> «Песнь о великом походе» // *Шквал.* – 1924. – № 8. – С. 7.
- <sup>24</sup> Неизданное стихотворение С. Есенина // *Вечерний выпуск. Известия Одесского Округа КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро.* – 1926. – 7 января.
- <sup>25</sup> Подробности самоубийства Сергея Есенина // *Вечерний выпуск. Известия Одесского Округа КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро.* – 1926. – 2 января.
- <sup>26</sup> Похороны Сергея Есенина // *Вечерний выпуск. Известия Одесского Округа КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро.* – 1926. – 4 января.
- <sup>27</sup> Сергей Есенин в гробу (фото) // *Шквал.* – 1926. – № 2. – С. 10.
- <sup>28</sup> Варнеке Борис Васильевич (1874–1944) – филолог-классик, историк театра, единственный в СССР специалист по истории античного театра. Родился в Москве. Окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт. В Одессе жил с 1910 по 1944 гг. Профессор, преподавал во многих вузах Одессы. В период Второй мировой войны остался в оккупированной Одессе. После восстановления в Одессе в 1944 г. советской власти был арестован по обвинению в измене Родине и этапирован в Киев, где умер в больнице при областной Лукьяновской тюрьме. См.: Тункина И. В. *Борис Васильевич Варнеке: страницы биографии // Античный мир: Проблемы истории и культуры: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рож. проф. Э. Д. Фролова / Под ред. И. Я. Фроянова.* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 441–452; Тункина И. В., Избаш-Гоцкан Т. О. *Варнеке Борис Васильевич // Одесські історії. Енциклопедичне видання. Том I (початок XIX – середина XX ст.).* – Одеса: Друкарський дім, 2009. – С. 87–88; Снегина Т. Б. *Историк русского театра Б. В. Варнеке: страницы биографии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* – Казань, 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 27–32.
- <sup>29</sup> Вечер памяти поэта. С. Есенин // *Вечерний выпуск. Известия Одесского Округа КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро.* – 1926. – 4 января.



- <sup>30</sup> Вечер памяти Сергея Есенина // Вечерний выпуск. Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро. – 1926. – 5 января; А-т. Вечер памяти Сергея Есенина // Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро. – 1926. – 6 января.
- <sup>31</sup> После смерти С. Есенина // Вечерний выпуск. Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро. – 1926. – 20 января.
- <sup>32</sup> Белоусов В. Сергей Есенин. – М.: Изд-во «Знание», 1965. – С. 3.
- <sup>33</sup> Ольшевец М. О жизни и смерти Сергея Есенина // Известия Одесского Округкома КП(б)У, Окрисполкома и Окрпрофбюро. – 1926. – 6 января.
- <sup>34</sup> Вспоминания друзей о погибшем поэте // Шквал. – 1926. – № 1. – С. 2.
- <sup>35</sup> Из жизни Сергея Есенина // Шквал. – 1926. – № 4. – С. 5.  
Стихи Есенина (здесь и далее) цитируются по указанным статьям в периодической печати.
- <sup>36</sup> Пашко О. В. Рецепція творчості Сергія Єсеніна в Україні 1920-х років: Дис. ... канд. філол. наук. – К., 2015. – Арк. 12.
- <sup>37</sup> Шихматов. За кулисами советской литературы. 15. Сергей Есенин // Одесская газета. – 1943. – 7 марта; Сергей Есенин // Одесская газета. – 1943. – 31 декабря.
- <sup>38</sup> «Одесская газета» – официальный орган Одесского муниципалитета. Выходила с 26 октября 1941 по 23 марта 1944 гг. Редакция газеты размещалась на ул. Пушкинской, 32. Первоначально газета выходила три раза в неделю, позднее четыре и, наконец, стала ежедневной. Количество страниц колебалось в пределах от 2 до 6, при стандартном объёме в 4 страницы. См.: Кинка С. Оккупационные газеты как источник по истории Одессы периода 1941–1944 гг. // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. – 2010. – № 9. – С. 92–96.
- <sup>39</sup> Шихматов. За кулисами советской литературы. 15. Сергей Есенин // Одесская газета. – 1943. – 7 марта.
- <sup>40</sup> Сергей Есенин // Одесская газета. – 1943. – 31 декабря.
- <sup>41</sup> Сергей Есенин. Сочинения в двух частях. – К.: «Радянський письменник», 1959. – С. 3–4.
- <sup>42</sup> Сергей Есенин. Собрание сочинений в трех томах. Том 1. – М.: Изд-во «Правда», 1977. – С. 3.
- <sup>43</sup> Кошечкин С. Его звали Сергей Есенин // Жизнь Есенина. Рассказывают современники / Сост., вступ. ст. и прим. С. П. Кошечкина. – М.: Правда, 1988. – С. 5, 20.
- <sup>44</sup> См.: Галяс А. Жена двух гениев, актриса... // Дерибасовская-Ришельевская. Одесский альманах. – 2014. – № 59. – С. 268–276 и др.
- <sup>45</sup> Божко В. Сергей Есенин в Харькове. – Харьков, 2008. – 208 с.
- <sup>46</sup> Пашко О. В. Рецепція творчості Сергія Єсеніна в Україні 1920-х років: автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2015. – 20 с.
- <sup>47</sup> Волочай М. Сприйняття творчості Сергія Єсеніна в українській літературі // Філологічні науки. – 2013. – Вип. 13. – С. 44.

**О.К. Куценко**

## **СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОДЕССКОЙ ПУШКИНСКОЙ НАУЧНОЙ КОМИССИИ**

*По материалам архива З.А. Бориневич-Бабайцевой*

**П**ушкинская комиссия Одесского дома ученых – научно-исследовательское объединение. Целью работы комиссии является содействие научным исследованиям, развитию и углублению знаний в области пушкиноведения, популяризация этих знаний, проведение и организация научных конференций, семинаров, укрепление контактов с творческими организациями писателей, журналистов, художников.

В 2011 году фонды Одесского литературного музея пополнились материалами Пушкинской научной комиссии ОДУ из архива Зинаиды Антоновны Бориневич-Бабайцевой (1886–1972) – председателя комиссии в 1950–1972 гг., кандидата филологических наук, доцента Одесского университета.

Ее научно-литературная деятельность началась в 20-е годы XX века. На протяжении многих лет Зинаида Антоновна читала курсы теории литературы, общие курсы по истории русской литературы XIX – нач. XX века, спецкурсы по Пушкину в Одесском университете, участвовала в работе Одесской Пушкинской комиссии при Доме ученых. Материалы архива комиссии можно разделить на 3 части:

- Письма и рукописи.
- Книги и периодика.
- Фотографии, документы, пригласительные билеты.

Среди многочисленных писем можно выделить письма выдающихся ученых-пушкинистов, историков литературы: М. Алексева, Н. Лернера, Д. Благого, Б. Мейлаха, Т. Цявловской, Г. Богача, Н. Измайлова, С. Борового, А. Недзведского, Б. Трубецкого и др. В подборке рукописей много трудов самой З. Бориневич-Бабайцевой. Часть их опубликована, но многие хранятся только в рукописях. Особый интерес вызывают ее записные книжки, конспекты лекций по истории литературы. Книги, периодика 60–70-х годов XX века, фотографии, документы, программы,



протоколы заседаний Пушкинской комиссии, пригласительные билеты воссоздают обстановку, в которой создавалась Пушкинская комиссия, музей А. С. Пушкина в Одессе, проводились Пушкинские дни, организовывались конференции пушкиноведов Юга, велась исследовательская работа о жизни и творчестве А.С. Пушкина.

Пушкинская комиссия была создана в 1923 г. в ознаменование 100-летия со дня приезда Пушкина в Одессу. Главой комиссии был избран историк Одессы А. М. Дерibas (1856–1937). В юбилейные дни 100-летия со дня пребывания Пушкина в Одессе и 125-летия со дня рождения поэта комиссия организовала особое заседание «Памяти Пушкина», была установлена мраморная доска на фасаде дома, где жил Пушкин, проведены Пушкинские дни в культурно-просветительских организациях. В специальном литературно-художественном приложении к газете «Известия» – «Пушкин в Одессе (1823–1923)» – от 15 июля 1923 г. были напечатаны статьи членов комиссии и одесских поэтов: А. Дерibasа «Пушкинская Одесса», Ю. Оксмана «Неизвестная одесская расписка Пушкина», Э. Багрицкого «Пушкин об Одессе» и др.<sup>1</sup>

Основанная весной 1923 г., после окончания ею «юбилейных дней» комиссия практически прекратила своё существование. 7 марта 1925 г. она начала функционировать в новом составе как постоянная «Пушкинская комиссия» при Одесском Доме ученых. Председателем Пушкинской комиссии был избран Б. Варнеке (1874–1944), профессор историко-филологического факультета Новороссийского университета. Помимо популяризации



*Пушкин. Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексева. – Одесса: ОДУ. Пушкинская комиссия. – 1925. – Т. 1. Титульный лист*

**Летопись занятий Пушкинской Комиссии.**

По решению третьего года деятельности Пушкинской Комиссии выразилось в разработке программы и отборе лекций, на которых доклады и обсуждения были следующие доклады:

<b>1923</b>	
16/V	Б. В. Варнеке. Известия Пушкинской комиссии.
16/V	Г. П. Сербский. Выдающиеся Пушкина на юг.
16/X	Б. В. Варнеке. «Отец» Пушкина и «Судный расклад».
16/X	В. А. Мещеряков. О синах Пушкина.
16/XI	А. М. Д. Рибас. По поводу «Судного расклада».
	Э. А. Багряцкий. Одесские альманахи.
29/XI	М. П. Алексева. Неполученные письма Пушкина.
	Б. В. Варнеке. Пушкин и юность.
6/III	Г. П. Сербский. Командировка Пушкина на сафари (по новым данным).
11/XII	Б. В. Варнеке. Тетрадь Пушкина в окрестности Николаева.
26/XII	М. П. Алексева. Пушкин и библиотека Воронцова.
	В. А. Завьялов. Четвертое заветное Пушкино и село Михайловское.
<b>1926</b>	
16/I	В. И. Саянцев. Пушкин и греческие мистификаторы.
16/II	В. И. Саянцев. Пушкин и греческие мистификаторы.
	И. К. Багряцкий. Новые толкования «Евгения Онегина» (по поводу статьи П. Кобяковича).
	М. П. Алексева. Салвадор одесских альманахов Пушкина.
1/III	М. П. Алексева. Салвадор одесских альманахов Пушкина (продолжение).
13/III	Э. А. Багряцкий. Пушкин и одесские альманахи.
17/IV	А. М. Д. Рибас. Пушкин и литературная одесситов.
17/IV	М. П. Алексева. Летопись Пушкина и Воронцова, со вступлением и введением.
6/V	Б. В. Варнеке. «Атлант» – программа Пушкина.
22/V	М. П. Алексева. К «Истории села Горюхи» (Слуцкий и В. Пруцкий).

Председателем «Пушкинской Комиссии» впервые избран Б. В. Варнеке, секретарем (самое крупное заседание в отделе С. П. Шостакевича) – В. И. Мещеряков.

Летопись. Статьи и материалы  
Одесской Дома ученых. Под ред. М. П. Алексева. Вып. II 1927 г.

*Летопись занятий Пушкинской комиссии ОДУ. – В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. – Одесса: ОДУ. Пушкинская комиссия. – 1927 г. – Т. 3*



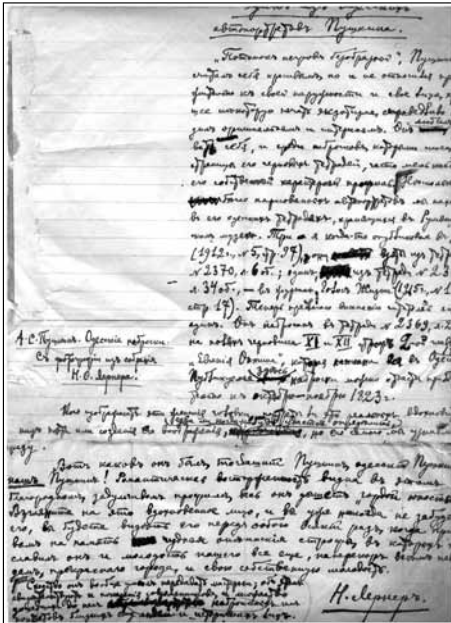
творчества Пушкина, задачей комиссии было «собрание и хранение материалов, относящихся к Пушкину, организованное исследование его трудов и жизни, а также всех вопросов истории литературы и культуры, связанных с Пушкиным»<sup>2</sup>.

Членами комиссии были выдающиеся пушкиноведы, литературоведы, историки Одессы: Б. Варнеке, Г. Сербский, Ю. Оксман, А. Дерibas, З. Бориневич-Бабайцева, С. Шестериков, М. Алексеев и др.

План работы комиссии был одобрен Пушкинским домом при Российской Академии наук. На первом месте стояло издание сборников, статей и материалов о Пушкине. Теперь, опираясь на поддержку Пушкинской комиссии, одесские ученые смогли подготовить три выпуска Пушкинского сборника – «Пушкин. Статьи и материалы» (1925 г., 1926 г., 1927 г.) под ред. М. П. Алексеева (1896–1981), инициатора создания Одесской Пушкинской комиссии, будущего академика, с 1958 г. председателя Пушкинской комиссии ИРЛИ АН СССР. Выдающимся вкладом М. П. Алексеева в историю культурной жизни Одессы был подготовленный по его

инициативе труд: «Материалы для биографического словаря одесских знакомых А. С. Пушкина», напечатанные в третьем выпуске сборника (1927). В словаре представлены 57 биографий друзей и знакомых Пушкина за одесский период его жизни.

Помощь в работе Одесской комиссии оказывали выдающиеся ученые Петербурга и Москвы: Б. Модзалевский (1874–1928), М. Цявловский (1883–1947), Н. Лернер (1877–1934). 17 июля 1924 г. М. Алексеев писал из Одессы в Петербург к Б. Модзалевскому, одному из создателей Пушкинского Дома Академии наук и его директору: «Позвольте прежде всего от лица всех участников сборника сердечно поблаго-



Рукопись Н. Лернера «Один из одесских автопортретов А. С. Пушкина». 1925



дарить Вас за участливое и отзывчивое отношение к нашей провинциальной затее. Осуществление её сопряжено с невероятными трудностями и требует совершенно исключительной энергии и настойчивости, – тем значительней и радостней для нас Ваша поддержка. Мы приложим все усилия к тому, чтобы сделать его возможно более достойным его заглавия – и по внешности, и по содержанию ... он выпускается в свет на средства, полученные от предварительной подписки и двух благотворительных вечеров»<sup>3</sup>.

В архиве комиссии сохранилась рукопись статьи Н. Лернера «Одинъ изъ одесскихъ автопортретовъ Пушкина», которая была напечатана впервые в 1-м выпуске одесского пушкинского сборника «Пушкин. Статьи и материалы» в 1925 г. Статья написана на пожелтевшей от времени бумаге (35/22 см) черными чернилами с многочисленными авторскими правками, пометами красным карандашом. Внизу листа характерная подпись автора – «Н. Лернеръ». Н. Лернер прислал в Одессу для публикации воспроизведение черновой рукописи XI–XII строфы второй главы «Евгения Онегина» (октябрь–ноябрь 1823 г., Одесса) с автопортретом Пушкина, со словами: «Вот каков он был, тогдашний Пушкин, Одесский Пушкин, наш Пушкин! Взгляните на это вдохновенное лицо, и Вы уже никогда не забудете его ...»<sup>4</sup>. Этот прославленный автопортрет Пушкина стал «маркой» Московского музея Пушкина, воспроизводится на первой странице российской «Литературной газеты».

Н. Лернер атрибутировал многие автопортреты Пушкина на рукописях южного периода творчества поэта. Известны его ценные исследования о Пушкине и его эпохе. Научные интересы Н. Лернера сформировались в Одессе, где он закончил Новороссийский университет. За капитальную работу «Труды и дни Пушкина» в 1910 г. получил премию



Рукопись «Евгения Онегина» с автопортретом А.С. Пушкина. II глава, XI–XII строфы. Октябрь – ноябрь 1823 г. Одесса



Лицейского Пушкинского общества. Н. Лернер участвовал в издании «Сочинений» Пушкина под редакцией С. Венгерова (1855–1920); Сочинения Пушкина в 6-ти томах под редакцией С. А. Венгерова были выпущены в серии «Библиотека великих писателей» издательством Брокгауза и Ефрона в Петербурге в 1907–1915 гг. В предисловии говорится, что издание стремится быть собранием сочинений Пушкина и исследованием его жизни и творчества, стремится сделать из будущего издания своего рода Пушкинскую энциклопедию. К решению этой задачи, к написанию многочисленных статей, посвященных отдельным периодам и эпизодам жизни Пушкина, к составлению примечаний к произведениям поэта были привлечены писатели и ученые, среди которых – А. Блок, В. Брюсов, М. Гершензон, Н. Котляревский, Б. Модзалевский, П. Морозов, Н. Лернер и др. Н. Лернеру принадлежат заметки и примечания к отдельным стихотворениям и статья «Пушкин в Одессе» во 2-м томе «Сочинений» (1907).

Активное участие в работе Одесской Пушкинской комиссии принимали пушкинисты Ю. Оксман (1895–1970) и Г. Сербский (1900–1973), они сотрудничали с М. П. Алексеевым в одесском пушкинском сборнике. В работах этих ученых были представлены материалы Одесского областного архива, дела канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора за 1824 год. Ю. Оксман, член Пушкинской комиссии АН СССР, зам. директора Пушкинского Дома, возглавил подготовку Пушкинского юбилея 1937 г. В 1920–1923 гг. он жил в Одессе, был начальником Одесского областного архивного управления, заведовал музейно-архивно-библиотечным отделением Института народного образования. В Новороссийском университете, затем в Институте народного образования, организовал Пушкинский семинар по образцу семинара, созданного его учителем – профессором С. А. Венгеровым при Петербургском университете. Участниками Одесского семинара были Г. Сербский, И. Зильберштейн и др. «Работа в Пушкинском семинаре настолько увлекла меня, что я только жил ею, совершенно перестав посещать лекции других профессоров и преподавателей. Глубоко убежден, что на всех участников семинар произвел неизгладимое впечатление», – писал Г. Сербский Ю. Оксману<sup>5</sup>.

Г. Сербский в 1925 г. закончил в Одессе Институт народного образования, защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Две ссылки Пушкина». В первом выпуске Одесского сборника «Пушкин» (1925 г.) были





опубликованы статья Г. Сербского «Неизданные расписки Пушкина» с публикацией текста и снимка расписки Пушкина о получении 400 руб. прогонных денег для собирания сведений о саранче. Расписка хранится в Областном архиве Одесской области.

В третьем выпуске одесского пушкинского сборника за 1927 г. впервые была опубликована статья З. А. Бориневич-Бабайцевой «Пушкин и одесские альманахи». В статье обрисована культурно-общественная жизнь Одессы пушкинской поры.

Пушкиноведческие работы З. А. Бориневич-Бабайцевой разных лет посвящены изучению одесского периода жизни и творчества Пушкина: «Пушкин в Одессе» (1949 г.), «Одесский период жизни Пушкина» (1949 г.), «Одесские впечатления в творчестве Пушкина после 1824 г.» (1954 г.), «Высылка Пушкина из Одессы» (1958 г.), «Овидиев цикл в творчестве Пушкина» (1958 г.), «Лирика Пушкина южного периода» (1961 г.).

В 30-е годы XX века начался новый этап освоения пушкинского наследия. Он проходил в условиях подготовки к столетию со дня смерти Пушкина.

В период подготовки к Пушкинскому юбилею 1937 года З. А. Бориневич-Бабайцева принимала участие в комиссии по созданию музея в доме, где жил Пушкин (ул. Пушкинская, 13), выступала с докладом «Пушкин в Одессе» в квартирах жильцов дома. По её инициативе на фасаде Пушкинского дома была установлена мемориальная доска к 100-летию со дня смерти Пушкина<sup>6</sup>.

Спустя месяц после начала Великой Отечественной войны, 22 июля 1941 г. дом на Пушкинской улице был разрушен. В одесской газете «Черноморська комуна» в 1941 г. был помещен снимок разрушенного дома поэта. Документы Нюрнбергского процесса в числе фашистских злодеяний зафиксировывают факт разрушения в Одессе дома А. С. Пушкина.

В Одесской Областной плановой комиссии 14 марта 1946 г. состоялось расширенное совещание с участием представителей от Союза писателей (А. Уваров, Ю. Трусов, Е. Бандуренко, В. Бершадский), научно-технического Совета при Облплане, редакторов областных газет (В. Алексеев-Попов, А. Недзведский), архитекторов (М. Земечек, О. Зеллигер), преподавателей вузов (С. Боровой, З. Бориневич-Бабайцева), областных и городских отделов исполнительных комитетов депутатов трудящихся по вопросу о восстановлении дома №13 по улице Пушкинской, в котором проживал поэт А. С. Пушкин в 1823 г.



Программа юбилейной Пушкинской сессии. – ОГУ. 1949 г.

З. А. Бориневич-Бабайцева выступила с предложением «восстановить дом только в том виде, в котором он был тогда, когда в нем жил Пушкин, создать в нём, на основании имеющихся у нас материалов, культурный интересный уголок». <sup>7</sup>

В 1949 г., к 150-летию со дня рождения поэта, приступили к восстановлению дома, где проживал А. С. Пушкин в 1823 г. На фасаде была установлена мемориальная доска с барельефом поэта (скульптор А. Гриншпунг). Знаком одесского творчества Пушкина, З. Бориневич-Бабайцева явилась одним из организаторов музея А. Пушкина.

Особое значение для популяризации «науки о Пушкине» получили Всесоюзные Пушкинские конференции, учреждённые в 1949 г. распоряжением Президиума АН СССР в Ленинграде. Конференции созывались для подведения итогов изучения жизни и творчества поэта, ставили проблемы дальнейших исследований в области пушкиноведения и популяризации творчества Пушкина.

В 1949 г., к 150-летию со дня рождения А. Пушкина, Одесским университетом им. И. И. Мечникова была организована Пушкинская юбилейная научная сессия. С докладами выступали ученые университета П. Збандуто, П. Занчевский, З. Бориневич-Бабайцева, А. Недзведский и др. Сессия приняла решение о необходимости восстановить деятельность Пушкинской научной комиссии, работавшей при Одесском Доме ученых в 20-х годах и выпустившей три Пушкинских сборника. Сессия поручила кафедре русской литературы Одесского университета реализовать это решение в сотрудничестве с литературными кафедрами других вузов и местной организацией Союза писателей Украины.

З. А. Бориневич-Бабайцева возглавила возрожденную по ее инициативе в 1950 г. Одесскую Пушкинскую комиссию. На протяжении четверти века она была бессменным председателем комиссии, объединив исследователей и популяризаторов литературного наследия Пушкина. Пушкинская комиссия стала научным центром пушкиноведения, где читались и обсуждались доклады о Пушкине, разрабатывались планы научных и общественных мероприятий по изучению и пропаганде пушкинского творчества. Из разных городов России, Украины, Молдовы приезжали ученые-пушкинисты в Одессу и Кишинев. На заседаниях комиссии З. А. Бориневич-Бабайцева



выступала с докладами, сообщениями, обзорами литературы о творчестве Пушкина. На страницах новой серии сборника «Временника Пушкинской комиссии» АН СССР, создателем и редактором которого в 1962 г. был М. Алексеев, писала об итогах проведения Объединенных конференций пушкиноведов Юга, организованных Пушкинскими комиссиями Института языка и литературы МФ АН СССР и Одесского дома ученых. Конференции проходили с 1954 г. по очереди в Кишиневе и Одессе. Докладчиками на конференциях были выдающиеся ученые-пушкинисты: М. П. Алексеев, Д. Д. Благой, Л. П. Гроссман, Б. С. Мейлах, Ю. Г. Оксман, Г. Ф. Богач, Б. А. Трубецкой, Г. П. Сербский, Т. Г. Цявловская, А. В. Недзведский, С. Я. Боровой и др. В программах конференций, напечатанных на русском и молдавском языках, указывались темы докладов. Проводились конференции в Одессе в Одесском университете, Доме ученых, Пушкинском отделе ОКМ на ул. Пушкинской, 13.

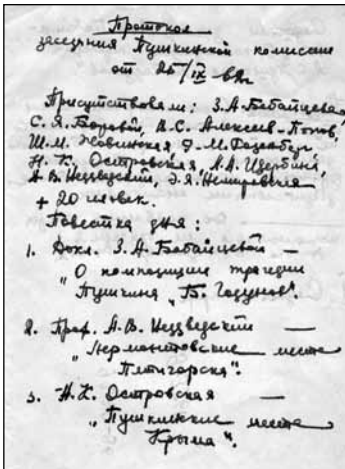
Основные доклады, прочитанные на этих конференциях, были опубликованы в двух томах сборника «Пушкин на Юге», вышедших в 1958 и в 1961 г. Работы пушкиноведов делятся на разделы: «Общие проблемы творчества», «Южный период жизни и творчества», «Пушкин и искусство», «Проблемы изучения пушкинского творчества». В сборники вошло более пятидесяти материалов, отражающих содержание конференций. Эти книги с интересом встретили не только представители творческой интеллигенции, но и все, кому дорого творчество А. С. Пушкина.

На VIII конференции пушкиноведов Одессы и Кишинёва, которая проходила в Одессе 16–18 июня 1961 г., участники конференции были ознакомлены с экспозицией нового Литературного отдела Одесского историко-краеведческого музея («Пушкин в Одессе») на улице Пушкинская, 13., в доме, где жил Пушкин. С сообщением «Принципы экспозиции Пушкинского отдела» выступила зав. отделом Н. К. Островская<sup>8</sup>.

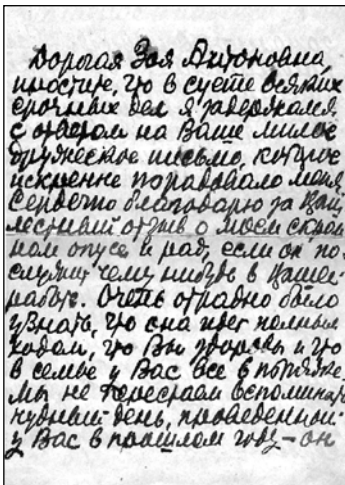
Особый интерес вызывают рукописные протоколы заседаний Пушкинских комиссий. Накануне открытия Пушкинского отдела на заседании Пушкинской комиссии 28 марта 1961 г. велось обсуждение тематико-экспозиционного плана будущего музея. Присутствовали



Программа 8-ой Конференции пушкиноведов Одессы и Кишинёва. – Одесса, 16-18 июня 1961 г.



Протокол заседания  
Пушкинской комиссии.  
Одесса, 25 сентября 1962 г.



Письмо Л. Гроссмана –  
З. А. Бориневич-Бабайцевой.  
24 февраля 1955 г. Москва

З. А. Бориневич-Бабайцева, А. Недзведский, Н. Островская, С. Боровой, В. Алексеев-Попов<sup>9</sup>.

В 1962 г., к 125-летней годовщине со дня гибели А. С. Пушкина, немалую роль сыграла Пушкинская комиссия в организации памятных заседаний в Доме ученых, в Одесском отделении Союза писателей СССР, в Пушкинском отделе ОИКМ. Лекции, доклады, вечера в связи с памятной датой состоялись во дворцах культуры, клубах, учебных заведениях и др. 10 февраля днем были возложены венки и цветы к памятнику А.С. Пушкину на Приморском бульваре. Слова любви к Пушкину прозвучали в речах одесских писателей и литературоведов: И. Дузя, А. Недзведского, Ю. Трусова, И. Рядченко, З. Бабайцевой и др.<sup>10</sup>

Постоянную связь с Одессой поддерживал Л. Гроссман, выпускник Новороссийского университета. В 1936 г. он был избран членом Пушкинской комиссии ИРЛИ АН СССР и принимал деятельное участие в ее работе.

Литературовед Л. Гроссман (1888–1965) всегда уделял особое внимание изучению Пушкина: многочисленны его книги и статьи о жизни и творчестве поэта. Л. Гроссман подошел к творчеству Пушкина и как исследователь, и как поэт и писатель.

В речи «Пушкин в 1823 г.», произнесенной 8 июня 1923 года в Москве на заседании Пушкинской комиссии Общества любителей российской



словесности, Л. Гроссман, анализируя южные поэмы поэта, указывал, что 1823 год в жизни Пушкина – необычный, богатый, переломный, требующий серьезного изучения.

Л. Гроссман писал З. Бориневич-Бабайцевой в 1955 г.: «Ваше приглашение в Одессу на весеннюю «Пушкинскую конференцию» чрезвычайно обрадовало меня. Сделаю все от меня зависящее, чтобы приехать и принять в ней участие»<sup>11</sup>. В 1959 г. на VI конференции пушкиноведов Юга, которая

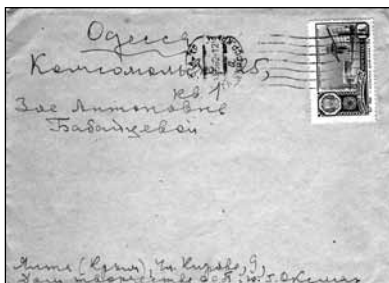
проходила в Одессе, Л. Гроссман выступил впервые с докладом «У истоков «Бахчисарайского фонтана». Это фундаментальное исследование является одной из лучших монографий о поэме; здесь исследователь подробно прослеживает пути возникновения и формирования крымской легенды. Более 50 лет назад Л. Гроссман поставил вопрос о вдохновительнице поэмы Пушкина, отводя главную роль графине Софье Станиславовне Потоцкой (1801–1875), жене П. Д. Киселева, начальника штаба 2-й армии, дочери красавицы-гречанки Софьи Константиновны Клавоне. Исследование до сих пор не утратило своей ценности<sup>12</sup>.



*Телеграмма Л. Гроссмана –  
Н. Островской. Июнь 1963 г.*



*Шестая Объединенная конференция пушкиноведов Юга. 1959 г. Одесский Дом ученых. Слева направо: Г. Богач (Кишинев), М. Зданевич (директор ОДУ), Л. Неизвестных (Кишинев), Т. Цявловская (Москва), Б. Трубецкой (Кишинев)*



Письмо Ю. Оксмана – З. Бабайцевой.  
Ялта, 13 мая 1962 г.

Сохранились пригласительные билеты на заседание Пушкинской комиссии в 1959 г., от 14 сентября, на котором выступал с докладом «Итоги и проблемы изучения повести А.С. Пушкина “Капитанская дочка”» доктор филологических наук Ю. Г. Оксман<sup>13</sup>.

«Дорогая Зоя Антоновна, – пишет Ю. Г. Оксман 13 мая 1962 г. в Одессу. – Благодарю за приглашение на Кишинёвско-Одесскую конференцию.

Если приеду, то сделаю доклад на тему: “Пушкин – литературный критик и теоретик”. Мне хотелось побывать в Одессе не меньше, чем в Бессарабии. Буду рад встретиться с Вами у черноморских берегов...»<sup>14</sup>

В 1963 г. (28 июня – 1 июля) в Одессе проходила 10 Конференция пушкиноведов Юга, посвященная 140-летней годовщине со времени приезда Пушкина в Одессу и начала работы поэта над романом «Евгений Онегин». На конференции были прослушаны доклады членкорреспондента АН Д.Д. Благого (Москва) «Евгений Онегин в кругу



В центре стоят: Д. Благой, З. Бориневич-Бабайцева, М. Алексеев, Л. Гроссман, А. Недзведский. Справа налево сидят: Г. Богач, Н. Островская.



Десятая Объединенная конференция пушкиноведов Юга.  
1963 г., 28 июня-1 июля, г. Одесса.

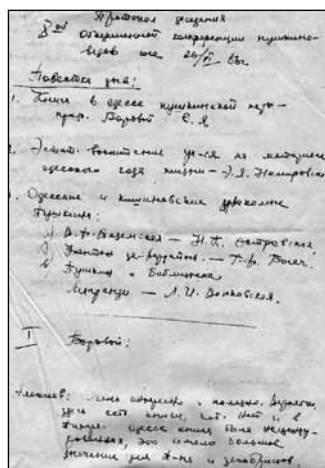
Слева направо: стоят: Г. Островский, В. Алексеев-Попов. Сидят: С. Боровой, О. Ларионова, З. Бориневич-Бабайцева, Л. Гроссман, А. Грин

великих созданий мировой литературы», академика М. П. Алексеева (Ленинград) «О задачах современного пушкиноведения». Л. Гроссман выступил с докладом «Пушкин и Достоевский» (к истолкованию «Цыган» в творчестве Достоевского).

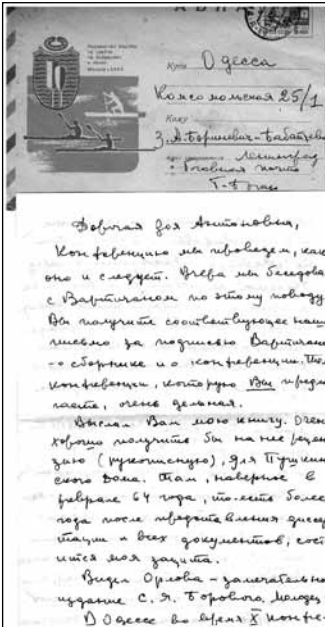
Сохранился протокол заседания от 30 июня, на котором присутствовали выдающиеся пушкинисты М. Алексеев, Л. Гроссман, Г. Богач, З. Бориневич-Бабайцева, С. Боровой<sup>15</sup>.

В это время активно велась переписка с пушкинистами Ю. Богачем, Т. Цявловской, А. Говоровым и др. по поводу атрибуции рисунков Пушкина одесского периода, портретов знакомых Пушкина.

27 ноября 1963 г. на заседании Пушкинской комиссии в Доме ученых с докладом «Пушкин и Каролина Собаньская» выступил А. С. Говоров, одесский литератор, ко-



Протокол заседания X-ой  
Объединенной конференции  
пушкиноведов Юга.  
20 июня 1963 г.



Письмо Г. Богач – З. Бабайцевой.  
Ленинград, 1963 г.



Фото. К. Собанская.  
Рисунок А. Пушкина (внизу), А. Говорова (вверху).  
Лицевая и обратная сторона фотографии. -  
Одесса, 11 августа 1968 г.



Портрет Каролины  
Собанской (1794-1885)  
с негатива

торый собирал материалы о жизни Пушкина на юге. Его интересовал портрет Каролины Собанской, которой Пушкин посвятил шедевры лирики. А. С. Говоров атрибутировал портрет К. Собанской на черновой рукописи Пушкина одесского периода (ноябрь 1823). Атрибуция была поддержана пушкинистами Петербурга, Москвы, что отражено в этикетаже экспозиции ВМП<sup>16</sup>.

Сохранилась копия письма писателя К. Г. Паустовского, адресованного 8 апреля 1968 г. А. С. Говорову из Кремлевской больницы: «Дорогой Александр Сергеевич! Я с радостью узнал, что Вы работаете над некоторыми деталями жизни Пушкина, в частности, его взаимоотношений с Каролиной Собанской, т. к. этот эпизод в жизни Пушкина был забыт.

Вы умело подняли большой исторический материал и воскресили образ не только Каролины и самого поэта, во всем его обаянии и прелести, но воскресили эпоху...»<sup>17</sup>





А. С. Говоров карандашом сделал стилизованный портрет Собаньской с пушкинского рисунка, отослал в Ободовку Винницкой области в краеведческий музей, который находился во дворце польских аристократов Собаньских. В музее нашли негативы семейных портретов. Установили, что на одном негативе – портрет К. Собаньской в пожилом возрасте. Каролина Собаньская умерла в Париже в 1885 г. Определить портрет помог карандашный рисунок А.С. Говорова. В архиве комиссии сохранилось письмо Говорова З. А. Бориневич-Бабайцевой от 6 июля 1967 г.

«Глубокоуважаемая Зоя Антоновна! ... из Ободовки приезжал директор музея Г. Котовского В. Бабенко. Он привозил с собой интересные отпечатки найденных 40 негативов с галереи Собаньских, находившейся в их дворце. Феликс Собаньский (1830–1914), живший в Париже (похоронен в Ободовке), очевидно, и привез замечательный портрет Каролины в красивой оправе, который в 1913 г. был заснят фотографом Собаньских...»<sup>18</sup>

Исследователь творчества А. С. Пушкина Т. Цявловская (1897–1978), изучая рисунки А. Пушкина, узнала «в пушкинских портретах» Н. Н. Раевского, Д. Давыдова, Е. Баратынского, А. Мицкевича, определила портреты П. Пестеля в рисунках Пушкина на рукописи II главы «Евгения Онегина», написанной в Одессе в 1823 г. Об атрибуциях сообщала на Пушкинских конференциях и заседаниях Пушкинской комиссии в Кишиневе и Одессе.

«Сердечно благодарю Вас за приглашение на конференцию и за личное доброе письмо ... Моя главная задача теперь приготовить к печати второй том “Летописи жизни и творчества Пушкина”... Только что закончила статью для “Временника Пушкинской комиссии”... Желаю Вам здоровья, сил и интересной, важной и приятной конференции», – писала Т. Цявловская из Москвы в Одессу 28 мая 1963 года<sup>19</sup> Т. Цявловская продолжила дело мужа, М. Цявловского: завершает ряд его трудов,



Дорогая Зоя Антоновна,  
сердечно благодарю Вас за приглашение на конференцию и за Ваше лично доброе письмо! Я была очень тронута Вашими теплыми отношениями ко мне (не первый раз...!).  
К моему глубокому сожалению, вижу, что из-за отсутствия Вас и других участников и принять участие в конференции Пушкинской Ком. Я думаю, что это будет очень интересно, но сейчас мне придется отказаться от этой возможности из-за отсутствия времени и сил. На этот раз, в особенности из-за отсутствия времени, я воздерживаюсь и желаю, что Вам и Вашей семье будет очень уютно. А потом наступит весна...  
Моя главная задача теперь – приготовить и печатать второй том “Летописи жизни и творчества Пушкина”, для этого я должна хорошо ознакомиться с материалами. А я только что закончила статью для “Временника Пушкинской комиссии”, отослала ее в Ленинград, сейчас – врачи, концерты – и – на дачу.  
Не забудьте, в этом году мне не придется с Вами уезжать. Желаю Вам здоровья, сил и интересной, важной и приятной конференции.  
А я в Ленинград не еду.  
28 мая 1963. С сердечными приветствиями  
Т. Цявловская

Письмо Т. Цявловской –  
З. Бориневич-Бабайцевой.  
Москва. 28 мая 1963 г.



составляет пушкинской том альманаха «Прометей» (1974), подготавливает к печати 2-е, дополненное издание первого тома «Летописи жизни и творчества Пушкина» (1954), выпускает в 1970 г. книгу «Рисунки Пушкина», которая неоднократно переиздавалась.

Г. Богач и Т. Цявловская были крупнейшими текстологами произведений Пушкина, исследователями его графических рисунков.

«Уже к юбилею 1973 г. мы располагали портретом Карла (Шарля) Сикара, хозяина гостиницы «Otel du Nord», где жил А. Пушкин 1823 г. Его передал нам известный пушкиновец, профессор, в те годы ученый секретарь Пушкинской комиссии Молдавской Академии наук – Г. Богач. Два года назад, выступая на заседании Пушкинской научной комиссии ОДУ, рассказал о найденном портрете жены Ш. Сикара – Лауры», – писала Н. Островская, зав. музеем А. Пушкина, о новых экспонатах в статье «Знакомые Пушкина»<sup>20</sup>.

Г. Ф. Богач (1915–1991), профессор, исследователь-пушкинист, писатель Молдовы и России, много лет занимался рукописями поэта, атрибу-



Рукопись А. С. Пушкина.  
1821 г., май-июнь. Кишинев.

Изображены А. Ипсиланти, Г. Кантакузин, его жена Е. Кантакузина, Лувель, Занд, Марат

циями портретов на полях этих рукописей. «У меня собралось столько материалов по окружению Пушкина в Кишиневе и Одессе ... У меня есть репродукции с документальной иконографией Сикаров», – сообщил Г. Богач Н. Островской в письме от 16 февраля 1981 г.<sup>21</sup> Ученый при определении рисунков Пушкина пользовался различными методами. Один из них – сравнение рисунка с сохранившейся документальной иконографией. «У Пушкина есть страницы, которые мы можем назвать тематическими. Так, на одной и той же странице находим и распознаем портреты революционеров и террористов. Это – Марат, Занд (под их профилями есть собственноручная пушкинская запись этих фамилий), Лувель, голова Александра Ипсилан-



ти. А слева, там же два профиля, один мужской, другой женский. До недавнего времени они оставались неопознанными», – рассказывал Г. Богач, определяя профили супругов Кантакузиных, знакомых Пушкина в Кишиневе<sup>22</sup>. Профиль жены, княгини Горчаковой Е. М., сестры А. М. Горчакова, лицейского друга Пушкина, исследователь определил по её портрету маслом, хранящемуся в Эрмитаже. А муж, нарисованный рядом, определяется не только соседством с женой, но и как соратник, как правая рука А. Ипсиланти, кишиневского знакомого Пушкина. Г. Богач атрибутировал многие рисунки Пушкина, портреты кишиневских и одесских знакомых поэта.

Г. Богач вел большую работу в Кишиневе по организации Объединенных конференций пушкиноведов Юга. Сохранилось большое количество писем, адресованных З. А. Бабайцевой и ученому секретарю комиссии Н. Островской.

«Фотограф нужен, чтобы запечатлеть историческую встречу энтузиастов, которые совместными усилиями чуть-чуть продвинули вперед изучение южного периода...», – писал Г. Богач в письме в Одессу накануне очередной Конференции Пушкинской комиссии<sup>23</sup>.

В архиве Пушкинской научной комиссии сохранились уникальные фотографии Объединенных конференций пушкиноведов Юга, участниками которых были выдающиеся исследователи южного периода жизни и творчества А. С. Пушкина.

Исследования ученых-пушкинистов были учтены при создании экспозиции Литературно-мемориального музея А. Пушкина, который с 1987 г. является филиалом Одесского литературного музея. Средствами музейной экспозиции, опираясь на исследования пушкинистов, в музее показан один из значительных периодов биографии поэта: его жизнь и творчество в Одессе. Старейшее научное объединение – Пушкинская научная комиссия Одесского Дома ученых много сделала для изучения и популяризации творческого наследия великого поэта. Созданная по инициативе академика М. Алексеева 90 лет назад, Пушкинская научная комиссия объединила блестящую плеяду ученых-пушкинистов XX века.

## Примечания

<sup>1</sup> Хроника историко-литературной работы в Одессе. – В кн.: Атеней: Историко-литературный временник / Под ред. Б. Модзалевского, Ю. Оксмана. – М.-Л., 1924. – Т. 1. – С. 189–191.

<sup>2</sup> Юбилейные годы в Одессе. – В кн.: Пушкин: Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. – Одесса: ОДУ. Пушкинская комиссия, 1925. – Т.1. – 77 с.,



- <sup>3</sup> Переписка М. П. Алексеева с Б. Л. Модзалевским в 1924 г. – Одесса-Петербург. – В кн: Пушкинский Дом. – Л.: Наука., 1982 г.– 320 с.
- <sup>4</sup> Н. Лернер. Один из автопортретов Пушкина. – В кн.: Пушкин: Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. – Одесса: ОДУ. Пушкинская комиссия, 1925. – Т. 1. – С. 4–5.
- <sup>5</sup> Письма Г. П. Сербского – Ю. Г. Оксману 1950–70 гг. – Сост. М. А. Фролов (Российский государственный архив литературы и искусства. Москва. Фонд – 2567. Описание – 1. Ед. хранения – 854).
- <sup>6</sup> Будинок, де жив великий поет // Чорноморська комуна. – Одеса, 1936. – 9 жовтня.
- <sup>7</sup> Протокол совещания при Облплане по вопросу о восстановлении дома, в котором жил А.С. Пушкин в 1823 г. Одесса, 14 марта 1946 г.– 9 с.
- <sup>8</sup> Программа восьмой объединённой Конференции пушкиноведов Одессы и Кишинева. – Одесса, 16–18 июня 1961 г.– 8 с.
- <sup>9</sup> Протокол заседания Пушкинской комиссии. – Одесса, 28 марта 1961 г.
- <sup>10</sup> Знамя коммунизма. –1962. – 11 февраля.
- <sup>11</sup> Из письма Л. Гроссмана – З. Бориневич-Бабайцевой. – Москва., 24 февраля 1955 г.
- <sup>12</sup> Программа шестой объединённой Конференции пушкиноведов Одессы и Кишинева. – Одесса, 22–24 мая 1959 г.- 8 с.
- <sup>13</sup> Оксман Ю. Итоги и проблемы изучения повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». – Пригласительный билет на заседание Пушкинской комиссии ОДУ, 14 сентября 1959 г.
- <sup>14</sup> Из письма Ю. Оксмана – З. Бориневич-Бабайцевой. Ялта, 15 мая 1962 г.
- <sup>15</sup> Протокол заседания X-й Объединенной конференции пушкиноведов юга. Одесса, 30 июня 1963 г.
- <sup>16</sup> Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуции. – С.-П.: РАК, 1996. – 440с.
- <sup>17</sup> Из письма К. Паустовского – А. Говорову. Москва, апрель 1968 г. (копия)
- <sup>18</sup> Из письма А. Говорова – З. Бориневич-Бабайцевой. Одесса, 6 июля 1967 г.
- <sup>19</sup> Из письма Т. Цявловской – З. Бориневич-Бабайцевой. Москва, 28 мая 1963 г.
- <sup>20</sup> Островская Н. Знакомые Пушкина // Вечерняя Одесса.– 1983. – 2 июля.
- <sup>21</sup> Из письма Г. Богача – Н. Островской. Иркутск, 16 февраля 1981 г.
- <sup>22</sup> Богач Г. Из галереи Пушкина // Советская Молдавия. – 1980. – 15 ноября.
- <sup>13</sup> Из письма Г. Богача – Н. Островской. Москва, 5 августа 1980 г.

### Список использованных источников

- <sup>1</sup> Лернер Н. Пушкин в Одессе. – В кн.: Пушкин. Сочинения / Под ред. С.А. Венгерова. – С-П: изд. Брокгауза-Эфрона, 1907 г. – Т. 2. – С. 263–280.
- <sup>2</sup> Пушкин. Статьи и материалы / под ред. М.П. Алексеева. – Одесса: ОДУ. Пушкинская комиссия. – 1925- 1927. – Т 1–3.
- <sup>3</sup> Гроссман Л. Пушкин в 1823 г. (1923). – В кн. Гроссман Л. Цех пера: Статьи о литературе. – М., 1930. – С. 290–301.
- <sup>4</sup> Сербский Г. «Дело о саранче» (Из разысканий в области одесского периода биографии Пушкина). – В кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: АН СССР, 1936. – Т. 2. – 216 с.
- <sup>5</sup> О.С. Пушкін в Одесі. – 1949. – 208 с.
- <sup>6</sup> Пушкинская юбилейная научная сессия: Тезисы докладов. – Одесса: ОГУ-1949. – 39 с.
- <sup>7</sup> Программа юбилейной Пушкинской сессии, посвященной 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. – ОГУ. – 1949. – 4 с.



- <sup>8</sup> Пушкинская юбилейная научная сессия / Известия Одесского государственного университета им. Мечникова – 1949. – Т.11. – Вып. 2. – С. 27–32.
- <sup>9</sup> Программы ежегодных Объединённых конференций пушкиноведов Одессы и Кишинёва. – Одесса – Кишинёв, 1954–1965, 1968 гг.
- <sup>10</sup> Пушкин на Юге: Труды Пушкинских конференций Одессы и Кишинёва. – Кишинёв, 1958. – Т. 1. – 876 с.
- <sup>11</sup> Пушкин на Юге: Труды Пушкинских конференций Одессы и Кишинёва. – Кишинёв, 1961. – Т. 2. – 770 с.
- <sup>12</sup> Решение Исполкома Одесского городского Совета депутатов трудящихся № 290 от 16 апреля 1959 г. «О создании в Одессе квартиры-музея А. С. Пушкина» (ОБА.. Р – 1234, Опись № 8, Дело № 27).
- <sup>13</sup> Гроссман Л. У истоков «Бахчисарайского фонтана». – В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. – Л.: ИРЛИ АН СССР. – 1960. – Т. 3. – С. 49–100.
- <sup>14</sup> Протоколы заседаний Пушкинской комиссии ОДУ, 1960–1968 гг.
- <sup>15</sup> Пушкинский отдел Одесского государственного историко-краеведческого музея: Путеводитель / Сост. Н. Островская. – Одесса, 1964 г.
- <sup>16</sup> Пушкинский отдел Одесского государственного историко-краеведческого музея: Путеводитель / Сост. Н. Островская. – Одесса, 1971.
- <sup>17</sup> Островская Н. «Я жил тогда в Одессе»: Путеводитель по музею-квартире А.С. Пушкина. . – Одесса, 1987.
- <sup>18</sup> Рекрут Я. «Та ж сама графиня Собаньска» // Україна – 1968. – № 7.
- <sup>19</sup> Бориневич-Бабайцева З. А. X-я Объединенная конференция пушкиноведов юга – Одесса, 28 июня – 1 июля 1963 г. / Временник Пушкинской комиссии. 1963 г. – М-Л: Наука, 1966. – С. 113–115 (отдельный оттиск).
- <sup>20</sup> Говоров А. С. Пушкин и Каролина Сабаньская: Тезисы доклада, прочитанного на заседании Пушкинской комиссии. – Одесса, 27 ноября 1963 г.
- <sup>21</sup> Говоров О.С. Про Ободівську знахідку // Чорноморська коммуна. – 1967. – 17 вересня.
- <sup>22</sup> Зоя Антоновна Бориневич-Бабайцева: [Некролог] // Временник Пушкинской комиссии. 1972 г. – Л.: Наука, 1974. – С. 142–145.
- <sup>23</sup> 25 Пушкинских конференций: 1949–1978 гг. – Л.: Наука, 1980. – 124 с.
- <sup>24</sup> Черкасов С. Знак питання під портретом // Чорноморська коммуна – 1982. – 27 березня.
- <sup>25</sup> Богач Г. Шедевр Пушкинской графики: Портреты Лауры Сикар // Русский язык в молдавской школе. – 1984. – № 3. – С. 45–50.
- <sup>26</sup> Цявловская Т. Рисунок Пушкина. – М.: Искусство, 1987. – 446 с.
- <sup>27</sup> Фризман Л. Семинарии по Пушкину. – Харьков: Энграм, 1995. – 368 с.
- <sup>28</sup> Филолог Сербский. – В кн.: Смирнов В. Реквием XX в. – Одесса, 2001. – Ч. 1. – С. 206–219.
- <sup>29</sup> Малинова Г. Возвращение Юлиана Оксмана. – В кн.: Из-под завесы тайны. – Одесса: Элгон, 2002. – 380 с.
- <sup>30</sup> Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. – Одеса, 2009. – Т. 2. – С. 187–188.
- <sup>31</sup> Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009: Материалы к биографическому словарю. – Саратов: Изд. Саратовского университета, 2010.
- <sup>32</sup> Оксман О. Семейные хроники. – Одесса: Астропринт, 2012. – 188 с.: ил.
- <sup>33</sup> Оксман О. Воспоминания о Георгии Петровиче Сербском. – Одесса: Астропринт, 2012. – 60 с.

## **ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ПИСЬМА. 1911–1942**

Письма Ильи Ильфа и Евгения Петрова печатались не единожды, но, к сожалению, выборочно: подробности личного характера опускались, публикации были полны отточий, обозначавших места сокращений. Таким образом, насильственно обедненные письма превращались в некий «документ для пользования»: в географическую справку, информацию об американском культе, отчет о проделанной работе и прочую фактографию. Однако не следует забывать, что писатели – тоже люди, в особенности, если они пишут любимым женам.

Разумеется, письма близким – дело личное, глубоко интимное, не предназначенное для посторонних глаз. Читать чужие письма считается неприличным. В известном смысле так оно и есть. Но проходят годы, более того – десятки лет, и «чужие письма» становятся историей и литературой, и тогда начинаешь читать их другими глазами.

Сразу же поставим точки над *i*. Ильф и Петров – не «ангелы без крыльев». У них есть родственники. Они женаты и обожают своих жен. Понятно, что, надолго разлучившись со своими «нежными и удивительными», оба не скупятся на слова любви, на трогательные, домашние имена и словечки.<...>

Кому-то подобные выражения могут показаться сентиментальными, но в них нет ни капли пошлости. <...>

Авторы этих густо исписанных страниц предстают перед нами не только тонкими, ироничными литераторами, но совершенно нормальными, в полном смысле этого слова, мужчинами, с их любовью, ревностью, беспокойством и – тоской по дому <...>.

Простим же их за эту искреннюю, рвущуюся из самого сердца любовь.

### **От редакции**

Мы выбрали этот текст Александры Ильиничны Ильф из книги И.Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка. Письма из Америки», 2003, которую она подготовила для издательства «Текст» в 2003 г.



За последние десять лет она подготовила и прокомментировала более двадцати книг отца и его соавтора. Вышли в авторской редакции «12 стульев» и «Золотой теленок», впервые был издан полный текст «Записных книжек» И.Ильфа, «Одноэтажная Америка» с письмами соавторов и фотографиями И.Ильфа, книги фельетонов Ильфа и Петрова, воспоминания о них, «Письма о любви» – переписка Марии Ильф-Тарасенко и Ильи Ильфа, фотоальбомы Ильи Ильфа. И это далеко не полный список.



А.И. Ильф. Одесса, 2000-е.  
Фото Г. Исаева

Статья о письмах Евгения Петрова – одна из последних работ Александры Ильичны, друга Одесского литературного музея, одного из авторов «Дома князя Гагарина». Она прислала черновой вариант статьи, закончить работу не успела.

Письма публикуются в подготовленном А.И. Ильф виде. Составители лишь указали фондовые номера рукописей, хранящихся в Одесском литературном музее, ссылки на первую публикацию – в квадратных скобках, в отдельных случаях оговорены имена.

Письма из фондов ОЛМ, не вошедшие в статью А.И. Ильф, опубликованы ниже.

## ДАТЫ

**Валентина Леонтьевна Грюнзайд-Катаева. 23.05.1910 – 27.05.1991**

**Петя (Петр Евгеньевич Катаев) 21.01.1930 – 15.08.1986**

**Илюша (Илья Евгеньевич Катаев) 02.03.1939 – 20.06.2009**

Корреспонденция, напечатанная обычным шрифтом – опубликована; напечатанная полужирным – НЕ опубликована. Письма Петрова, начинающиеся и кончающиеся отточиями, утрачены; были напечатаны: И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч в 5 т. Т. 4 – М.: ГИХЛ, 1961.



ОТКРЫТКА <1911>

**Одесса**

**Россия**

**Татьяне Ивановне Бачей**

**Отрадная, 10**

Дорогая тетя  
Когда мы были  
в Катании мы  
видели Этну.  
Весь город сделан  
из лавы.  
Старая Мессина  
в развалинах.

**Ж. Катаев**



*В.П. Катаев с сыновьями Валей и Женей  
в Италии. 1911*

*О землетрясении*

28 декабря 1908 г. В южной части Апеннинского полуострова и Калабрии и на острове Сицилия произошло сильнейшее землетрясение. Пострадало 20 городов, и самый большой из них – город Мессина. Под развалинами этого города, совершенно разрушенного, оказались заживо погребенными свыше ста тысяч жителей (А.И.).

---

---

ИЗ ИТАЛИИ. 1928

**Москва**

**Арбат, Троилинский пер., 3, кв. 4**

**Елизавете Ивановне Бачей**

**4-VI-28**

**Риччионе**

Милая тетичка!

Мы все еще в Риччионе.купаемся. На днях едем в Милан, ибо уже нет денег. Кстати, Сережа совсем не пишет. Погоды чудные. Я уже совсем черный.

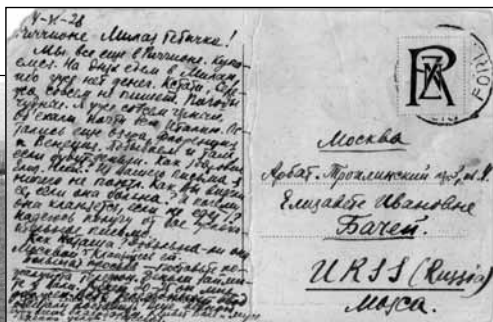
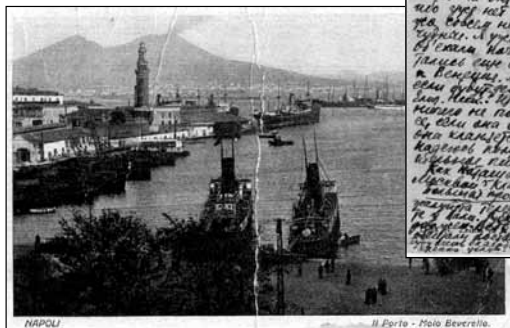
Объехали почти всю Италию. Остались еще озера, Флоренция и Венеция. Побываем и там, если будут деньги. Как здоровье Елиз. Ник.? Из Вашего письма я ничего не понял. Как Вы видели ее, если она больна? И почему она кланяется, если не едет? Я надеюсь получу от Вас успокоительное письмо. Как Наташа? Довольна ли она Москвой? Кланяйтесь ей.





**Большая просьба** – поставьте, пожалуйста, телефон. Деньги возьмите у Вали. Рублей 20-25 он мне должен. Ведь телефонный ввод обещали поставить еще весной. Буду очень благодарен.

Привет Вале и Мусе.  
Крепко целую. **Женя**



Одесский литературный музей (далее – ОЛМ); Р-2973, КП-29672

[Валя – Валентин Катаев, Муса – Анна Коваленко, вторая жена В. Катаева. – А.Я.]

**Москва, Арбат. Троилинский пер. 3,  
кв. 4 (Катаева)  
Елизавете Ивановне Бачей  
URSS (Russia)  
Mosca**

22-VI-28 г.

Комо

Милая тетичка!

Большую часть путешествия уже совершили и возвращаемся в Милан. Сейчас еду по озерам – самое замечательное зрелище. Масса интересного. Объехали все Комо. Подъезжали к самой Швейцарии. Сегодня возвращаемся в Милан и будем ждать у моря погоды. Если море окажется милостивым и погода не подкачает, – поедем во Флоренцию и Венецию. В Венеции проведу последнюю неделю перед отъездом, если будет монета, конечно.



Выехать думаю числа 8 июля из Венеции. О Сереже и Елиз. Ник. не спрашиваю. Надеюсь, что Вы все урегулировали. Как телефон? Был бы очень рад, если бы к моему приезду он бы уже работал.

Привет Вале и Наташе. Довольна ли она Москвой?

Целую, *Женя*.

ОЛМ. Р-2972, КП-29671

---

---

### ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНИЯ СЫНА. [21 ЯНВАРЯ 1930 г.]



*В. Грюнзайд-Катаева.*

*Фото И. Ильфа. Начало 1930-х*

Дорогой Валюнчик!

Сегодня раненько утром я узнал о том, что у нас появился сын и что ты держала себя героически. Ты всегда была у меня молодцом. Вот видишь! Я говорил, что все будет благополучно!

Звонили по телефону в Ленинград. Софья Павловна все лавры приписывает себе. Вообще все друзья и знакомые, которые пророчили появление мальчика, ликуют. Те же, которые предсказывали девочку, смущенно молчат.

Ну, козлянька, завтра я буду у тебя с визитом. А пока спи, корми и чувствуй себя как можно лучше.

Целую и обнимаю тебя 574 раза.

*Всегда твой Женя*

ОЛМ. Р-3007, КП-29706/2

---

---

### ОТКРЫТКА ПЕТРОВА ОТ 21 АПРЕЛЯ 1930 г.

*Поездка на Турксиб*

Дорогой козленочек!

Вот уже почти сутки, как я в дороге. Пока что все идет хорошо. Не скучаем. Почти все пассажиры знакомы между собой и всячески развлекаются. У одного иностранного корреспондента есть даже граммо-



фон (такой, как у нас). Вагон-ресторан очень хороший. Есть все, что угодно, хотя и не дешево.

Подъезжаем к Сызрани.

Как ты живешь? Не скучай, козанышка. Крепко целую тебя и Петю. Кланяйся всем. Буду писать тебе каждый день и изредка посылать телеграммы.

Не забудь выполнить мои поручения. Еще раз целую и обнимаю. *Горячо любящий тебя Женя.*

---

ОЛМ. Р-2974, КП-29673

---

---

ИЗ СОЧИ. 1933

25 июня – 33 г.

Сочи

Дорогая Валинька!

Получил твою телеграмму и, наконец, успокоился. Однако телеграмма – это голодный минимум. Хотелось бы все-таки получить несколько членораздельных фраз о том, как вы живете на Клязьме (о том, что переезд уже состоялся, я понял из штампа на телеграмме. Видишь, какой я умненький!)

Может, ты меня, кисинька, забыла и уже не любишь? Такие факты иногда бывают. Тогда дай телеграмму. Ну, ладно, ладно, не буду. Итак, пиши, кузлик. Стилем не стесняйся. Я исправлю и привезу тебе в Москву, будет вместо диктовки.

Напиши подробно, что делает Петька, как он играет с девочками. Напиши, закончились ли работы в квартире. Вообще прояви деятельность.

Я очень по тебе скучаю, Валинька. Ты у меня любимая жена.

Чувствую себя все бодрей и лучше. Очевидно, в весе немного прибавил (завтра буду взвешиваться). Надеюсь приехать на Клязьму загорелым бодрячком и встретить тебя такой же поправившейся.купаешься ли? Процветает ли волейбол? У нас процветает.

Целую и нежно обнимаю дорогих жен и детей. *Ваш Женя*

---

ОЛМ. Р-2975, КП-29674



## ИЗ ЕВРОПЫ. 1933/34

### *Все письма из Европы – ОЛМ (архив Е.П. Петрова)*

Отмеченные звездочками письма опубликованы Аленой Яворской в сб.  
*Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину*

\*\*\*26 октября 1933

*Афины*

Милая, горячо любимая девочка!

Позавчера послал тебе открытку. Сейчас пишу более основательно о предмете, который живо тебя заинтересует. Дело в том, что в Афинах чрезвычайно дешево товары, – гораздо дешевле, чем в других странах.

Просто беда! Ходишь по магазинам и почти ничего не можешь купить. Беда же заключается в том, что только в Неаполе я узнаю о возможностях получения денег и продолжения путешествия. Покуда же приходится воздерживаться от больших трат. И тем не менее, кое-что я для тебя уже купил. Если хочешь, могу сообщить. Хочешь? Правда?

1. Вязаную синюю кофточку с круглыми, плоскими металлическими пуговицами (модная).
2. Синий же берет-кепку (такие начинают входить в моду. Носится так же, как и берет – набок).
3. Легкий вязаный шарфик и шапочку – синие с белым.
4. 1 пару ажурных шелковых чулок. Хороших.
5. Сумочку, темно-синюю простенькую и очень скромную на вид, но одну из самых дорогих и отличного качества (есть очень много совсем дешевого, крикливого и недоброкачественного барахла, которое меня не соблазнило).

Ну вот. Есть еще перчатки, вернее, одна перчатка. Вчера я купил тебе коричневые филдеперсовы перчатки (о синих я помню, но здесь их не нашел и куплю впоследствии), но вечером, когда пришел на корабль, обнаружил, что завернули мне одну перчатку. Сегодня пойду в магазин, попрошу вторую. Может быть, найдут и отдадут. А может быть, и не найдут, и не отдадут. Будешь тогда, котенок, всю жизнь ходить в одной перчатке.

Имей в виду, киса, вполне вероятно, что денег мы не получим, и больше ничего я не смогу купить. Покуда же я сделал максимум того, что мог (это почти всё из того, что ты просила).

Целую тебя нежно, нежно, хочу видеть моих дорогих и любимых, мою семью (смотри, учи английский. Кстати, до сих пор не могу использовать английского. На нем нигде не говорят. Говорят только по-французски и по-русски).

Всегда, всегда только твой Женя.



Стоят Е. Петров, «сын лейтенанта Шмидта», К. Ротов. Сидят Б. Ефимов, И. Ильф. Афины, 1933

*Приписки на полях:*  
Да! Забыл! Есть еще комнатные дамские туфельки на каблуках. Не обижайся. Купил для смеху за 60 коп.

Посылаю фото. Мы снимались в афинском Акрополе. Стоим в Парфеноне (храм Афины) на фоне храма с кариатидами. Справа, внизу, город.



Е. Петров, Б. Ефимов, И. Ильф.  
Афины, 1933

---

[Впервые опубликовано: Е.Яворская. «Дорогая, нежно любимая...» // Муза. – Одесса, 1992. – 31 января. – С. 4. Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С. 110-114., с факсимильным воспроизведением – А.Я.]

---

\*\*\*30 октября 1933

Неаполь

Дорогая, бесконечно любимая деточка! Сегодня пришли в Неаполь и долго салютовали посреди залива пушечными выстрелами. Наделали шуму, дыму и блеску. Только к концу дня смог выбраться в город и сейчас





Имей в виду, котенок, все это тебе привезут примерно 10-11 ноября. Таким образом будем решена самая важная проблема перевозки дамских вещей.

Ну, козочка, целую тебя крепко и нежно многое множество раз. Люблю тебя, как пять лет назад, как в первый день, когда ты в красном платьице явилась в мою комнату в Троилинском переулке – бледенькая и взволнованная.

Ну, козленчик, возьми Петьку, расцелуй его, расскажи ему, что папа «в заграницах» и постоянно его вспоминает.

Еще раз нежно и страстно обнимаю. *Всегда твой Женя*

Относительно Зоценко. Разумеется, я очень рад, и сам об этом его пролил и, помнишь, говорил тебе!

ОЛМ. Р-2977, КП-29676

[Впервые частично опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С. 115-117. Начало письма воспроизведено факсимильно. – А.Я.]

Открытка:

31 октября 933 г.

**Дорогая козочка!**

Пишу тебе с вершины Везувия. Не успел закончить, потому что уходил наш фюникюлер. Кончаю открытку уже на почте, в Неаполе. Завтра посылаю тебе с одним милейшим командиром письмо и небольшую посылочку (сам я, вероятно, не смогу ничего привезти).

Обнимаю тебя и целую множество раз. Нежно поцелуй Петьку. *Всегда, всегда твой Женя.*

Привет всем знакомым.

ОЛМ. Р-2979, КП-29678





\*\*\*13 ноября 1933 г.

Вена

Моя обожаемая Валинька!

Что с тобой? Почему от тебя ничего нет? Я думал найти по приезде в Вену по крайней мере два-три письма, а не нашел буквально ни строки. Нехорошо, кошечка. Прямо скажу – свинство.

Я серьезно волнуюсь. Не случилось ли с вами чего.

Живем мы в Вене тихо и спокойно. Осматриваем город. Сидим в кафе. Ходим в кино. В промежутках между этими приятными занятиями выколачиваем у издателя деньги. Пока получили только половину из того, что нам следует. Завтра обещают дать остальное. Если дадут (положение здесь такое, что могут не дать), – тогда в Париж. Денег хватит, чтобы прожить в Париже дней двадцать по самой голодной норме. Пока что ничего себе не купил. Свое грязное белье передал из Неаполя с Ротовым. Получила ли ты его? Получила ли мою посылку с твоими вещами? Мне это очень хочется знать.

Купил для тебя в Венеции на память стеклянную пудреницу и очень красивое ожерелье из мелких кораллов (из таких мелких, что ожерелье кажется пушистым). Половина его белая, а половина синяя [рисунок и подпись: «Толстое и большое ожерелье» – А.Я.]. Если не заберут, будешь носить. Себе покуда ничего не купил. А надо будет. Все зависит от дальнейших денег из Варшавы (надежд на них очень мало). Ну, бесконечно любимая козанька, скучаю по тебе ужасно. Ты и Петька постоянно мне снится. Люблю я вас черт знает как сильно. Телеграфирую, свинья, немедленно Paris, Poste restante. Eugene Petrov о здоровии. И пиши тоже в Париж. Целую без конца. *Твой Женя.*

Здесь на первой странице, наверху изображен отель, где мы живем.

---

[Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С.118-121, с факсимильным воспроизведением. – А.Я.]

---

19/XI 1933

Париж

Дорогая, горячо любимая козочка!

Вот я и в Париже – первом городе мира. Надо тебе сказать, что, сидя в этом действительно замечательном городе, я думаю только об одном – о том, что от тебя до сих пор нет писем. Не могу понять, что произошло. Иля все время получает письма и телеграммы от Маруси, а я хоть бы хны! Ведь я просил тебя, коза, послать телеграмму. Сам я не посылаю телеграмм





по вполне понятной причине – дорого (Илья – другое дело. Он чуть ли не втрое богаче меня). Если и сегодня ничего от тебя не получу (сейчас я иду в постпредство), тогда просто не буду знать, что и делать, – наверное, выеду в Москву. Впрочем, так или иначе, а к 1-му декабря, по всей вероятности, отправлюсь домой. Положение может измениться только в том случае, если мы получим деньги (на это надежд очень мало). Тогда на неделю поедем в Лондон. Попрактикуюсь в английском языке. Сейчас я его почти позабыл. В голове отчаянная смесь из турецкого, греческого, итальянского, немецкого и французского.

Париж, кошечка, огромен и, тем не менее, прост. В первый же день по приезде мне показалось, что я был в нем уже несколько лет – настолько он известен мне по французской литературе. Если помнишь, нет такого французского писателя (разумеется, из известных нам), который не описывал бы свой Париж.

Деятельность моя здесь заключается главным образом в том, что я брожу по городу пешком, езжу в метро и в автобусе. Хочется все увидеть, ничего не пропустить, все запечатлеть на всю жизнь. И ведь знаешь, что это невозможно, что видение это исчезнет (и очень скоро исчезнет), но не можешь этому поверить.

Итак, нежно и крепко любимая, до скорого свидания. Немедленно по получении письма телеграфируй о здоровье:

Nogarotel 80 Paris Petroff.

Это телеграфный адрес отеля, где я живу. На первом листе отпечатаны все адреса. Писем уже не пиши. Пока дойдет это письмо и ты соберешься написать, ответ будет уже поздно.

Если в ближайшие дни что-нибудь выяснится с деньгами и я останусь в Париже еще недели на две, я, конечно, напишу.

Крепко поцелуй и обними от моего имени нашего Петьку, скажи ему, что папа в ужасе от того, что никак не может привезти ему костюмчик.

Целую тебя 168 раз и еще несколько – в ушко с родинкой, ручку с родинкой и вообще целую все родинки. *Твой всегда и только твой Женя.*

---

ОЛМ. Р-2980, КП-29679

[Впервые опубликовано: Яворская А. «Вот я и в Париже – первом городе мира...» // Дерибасовская-Ришельевская. – Одесса, 2013. – № 53. – С.261-262 – А.Я.]

---

---



24 XI 1933

Париж

Милая, нежно любимая козанька!

Наконец-то я получил твое письмо. Мне его переслали из Вены. Оно пришло, оказывается, на другой день после моего отъезда оттуда. Я был очень счастлив узнать, что вы здоровы и бодры и что тебе понравилась посылка. Боюсь, что этим придется ограничиться за отсутствием денег и других возможностей.

Живем мы здесь тихо, спокойно и с большой пользой для ума – бываем в замечательных парижских музеях и галереях, а в остальное время наблюдаем уличную и кофейную парижскую жизнь. Хочется использовать эти возможности как можно основательнее и пробыть в Париже подольше. До 1-го декабря все выяснится. Если до этого времени получим деньги, останемся еще недели на две. Если же не получим, тогда 1-го или 2-го – домой.

Ах, как хочется поскорее вас увидеть и обнять тебя и Петьку! Я ужасно по вас соскучился. Думаю о вас все время.

Вчера был у умирающего Луначарского. Он здесь, в Париже, в санатории. Я был потрясен видом этого слабого телом и сильного духом человека. Этот визит – самое, пожалуй, сильное впечатление в моей жизни. Приеду – расскажу.

Здесь Кольцовы и Ефимов. Хотя и живем в одном отеле, но видимся не каждый день. Отельчик у нас маленький, чистенький и недорогой. Платим вдвоем с Илей 30 франков в сутки. В общем же Париж город очень дорогой. Это в особенности чувствуется после Греции, Италии и Австрии, где жизнь значительно дешевле.

Теперь, козичек, будем с тобой прощаться. Пойдем стричься и бриться. Целую тебя в один глазик, в другой глазик, третий глазик и четвертый глазик. <...>

Обними Петьку и объясни ему, что папа постоянно о нем вспоминает.  
Всегда только твой, горячо любящий  
хазбенд Женя

---

[Впервые опубликовано: Яворская Е. Письма из Парижа // Вечерняя Одесса. – 1992. – 14 окт. – С. 3. – А.Я.]

---



27 ноября 1933

Париж

Дорогая, любимая козочка!

Получил твою телеграмму и успокоился. У меня тоже все благополучно – жив, здоров и т.д.

Сделай ты, котинька, вот что: сейчас же по получении этого письма вышли телеграфом 150 рублей. Посылай так: ст. Негорелое (узнай, какой дороги) Евгению Петрову.

Очевидно, я буду в Негорелом числа 3-го. Надо, чтоб к тому времени деньги были уже там. До Негорелого (всем, как чеховский актер Фениксов-Дикообразов II-й) буду ехать в самом что ни на есть третьем классе. А там уже пересяду в самый международный. Сегодня или завтра куплю тебе платьице.

Теперь, кисик, я спешу и кончаю письмо.

Люблю тебя изо всех своих лошадиных сил, обнимаю, нежно целую. Пока условно. А скоро и по-настоящему.

Обними и поцелуй Петеньку.

Кланяйся знакомым и родственникам. *Всегда твой Женя*

---

ОЛМ. Р-2981, КП-29680

[Впервые опубликовано: Яворская А. «Вот я и в Париже – первом городе мира...» // Дерибасовская-Ришельевская. – Одесса, 2013. – № 53. – С.263. – А.Я.]

---

---

7 декабря 1933

Париж

Дорогая, любимая Валинька!

Несколько дней тебе не писал. Думал со дня на день выехать в Москву и перед отъездом послать тебе телеграмму. Однако сейчас выяснились новые обстоятельства. Мы пишем сценарий (для французов) и уже получили под него немного денег. Это дает нам возможность прожить в Париже еще две недели. Примерно к 20-му декабря сценарий будет готов, и если он понравится, мы получим за него 20.000 франков. Это довольно приличная сумма, которая дает возможность съездить на несколько дней в Лондон и еще кое-что купить для тебя и Пети (это будет стоить дорого, так как придется тут же, на месте, платить 100% пошлины). О тебе я не забываю. Скоро ты получишь довольно нарядное шифоновое платьице с чехлом, теплые перчатки и, правда паршивую и очень дешевую, но все же кофточку с шапочкой и шарфиком (красного цвета). Все это уже куплено и на днях к тебе поедет.



Теперь очень важный вопрос – деньги! Я боюсь, что тебе уже не хватает. Сегодня мы посылаем с Илей телеграмму в изд-во «Советская литература», чтобы тебе и Марусе выдали по 1500 р. Сговоришься с Марусей и Юрой и пусть Юра вас поведет. Я думаю, что этого хватит до нашего приезда. Если не хватит, устроим еще. Да! Позвони Валентину и попроси, чтобы он устроил нам новый аванс в оперетте – рублей по 750 на каждого (сообщи это Марусе). Он должен это сделать. Так, смотри, позвони ему и скажи, что я требую братского внимания. Теперь вот что: немедленно телеграфируй о здравии. (Мы живем все в том же отеле.) И немедленно же напиши большое письмо. Оно еще нас застанет.

Итак: 1) Если сценарий не понравится, мы приедем через две недели. 2) Если понравится, задержимся еще на неделю, но зато получим деньги. Как видишь, и то и другое хорошо!

Плохо только, что давно тебя не видел. Поверь мне, козочка, что люблю я тебя беспредельно. Ты одна моя, единственная, горячо, нежно и страстно любимая. Целую тебя миллионы раз. Целую твои ручки и ножки. Обними Петеньку. Скажи ему, что папа его обожает и, если сможет, привезет ему игрушки. *Всегда только твой Женя.*

---

ОЛМ. Р-2982, КП-29681

[Маруся – Мария Ильф, Юра – предположительно Юрий Олеша, Валя – Валентин Катаев.

Впервые опубликовано: Яворская А. «Вот я и в Париже – первом городе мира...» // Дерибасовская-Ришельевская. – Одесса, 2013. – № 53. – С.264-265. – А.Я.]

---

11 декабря 1933

Париж

Обожаемая, нежная козанька!

На днях отправил тебе подробное письмо обо всех наших делах. Сегодня ждем денег. Если их не дадут, не знаю даже, как продержимся два дня. А продержаться нам нужно, так как мы ждем денег из Америки. Дело в том, что мы послали нашему нью-йоркскому издателю телеграмму с просьбой выслать 200 долларов. Надежд мало (кризис!). Но кто его знает. Может быть, и пришлет. Через два дня это выяснится. Если ни этих денег, ни очередных денег за сценарий не будет, мы через дня три выедем в Москву. Если же будут и те и другие деньги, мы останемся за границей примерно до середины января. (Не ужасайся, детеночка! Это и в твоих интересах!) Если же, наконец, будут только американские деньги, мы выедем в Москву очень скоро, так как хватит денег только на покупку, а на жизнь у же не останется.



Думаю купить тебе хороший костюм на весну, франков за 300-400. Придется, правда, заплатить гигантскую пошлину (платить нужно здесь, в торгпредстве, обязательно валютой), но зато это будет настоящая капитальная покупка. Сделаю кое-что и для себя. Сейчас у меня почти ничего нету. Куплю Пете костюмчик (опять пошлина!). Куплю еще тебе замечательные духи и разные собачьи ошейники и цацки. Ну, козанька, не буду фантазировать (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!), а то ведь денег еще нету, и может случиться так, что ты получишь только одного меня, без новых подарков. Это тоже на худой конец не так-то уж плохо. Верно, Валюнчик? Я тебя нежненько целую в глаза и носы.

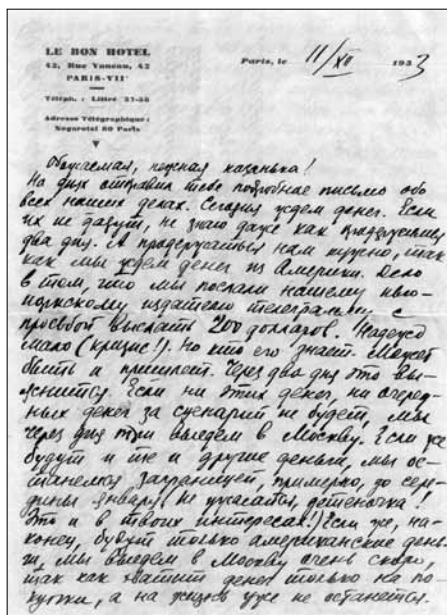
Я очень по тебе соскучился, моя любимая. Ты для меня одна, единственная женщина. Я тебя очень, очень люблю. Гораздо больше, чем ты меня. Верно?

Немедленно напиши мне по адресу отеля (на первой странице письма есть и почтовый, и телеграфный адреса). Если после моего последнего письма, то есть на днях, ты мне не телеграфировала, телеграфируй немедленно о здоровии.

Еще раз целую, прижимаю к груди, трешь мордой (бритой!) о твою нежную шейку. Поцелуй и крепко обними Петеньку. Кланяйся родственникам и друзьям. Не забывай тетю. Всегда только твой обожающий тебя муж Женя.

Еще раз напоминаю, что мы с Илей телеграфировали в издательство «Советская литература», чтобы тебе и Марусе выдали по 1500 р. Объединись с Марусей, позвони Юре или, скажем, Валентину, и попроси, чтобы они все это вам устроили. Попроси также Валю, чтобы он устроил аванс в оперетте (если, конечно, там дело на мази).

Кроме того, если мы останемся до середины января (но мало вероятно), Кольцов обещал выплатить вам по 1000 р. (он сейчас здесь, в Париже, но послезавтра едет в Москву). Тогда я напишу тебе особо и сообщу подробно, как тебе поступать.





Коза! Ради бога, сделай все возможное, чтобы установить колонку. Ты и представить себе не можешь, как хочется купаться! Ну вот, целую, целую, целую. *Женя*

*Приписка:*

Да! Коньки я тебе не куплю. Они здесь стоят зверские деньги и ничем не лучше наших, московских. Может быть, где-нибудь в других странах есть дешевые коньки. Но не здесь, в Париже. Согласись, что обидно тратить деньги на коньки, когда можно тебе же купить что-нибудь поинтереснее.

Поэтому катайся на московских! Катайся обязательно. Это полезно и освежает.

---

ОЛМ. Р-2983, КП-29682/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Яворская А. «Вот я и в Париже – первом городе мира...» // Дерибасовская-Ришельевская. – Одесса, 2013. – № 53. – С.2615-267. – А.Я.]

---

---

14 декабря 1933 г.

*Париж*

Моя любимая!

Не получаю от тебя писем. Скучаю. Постоянно о тебе думаю. Люблю. Вчера мне приснился Петенька. Снилось, что он здесь, в Париже, я его показываю знакомым («вот, мол, какой у меня сын – Петя») – и вынимаю его из кровати. А он почему-то маленький, годика на полтора, в рубашечке, сонный, но веселенький. И разговаривает как взрослый. А тебя видел на несколько дней раньше. Утром никак не мог вспомнить, какую ты мне приснилась. Но, во всяком случае, как-то очень хорошо.

Моя нежная, маленькая козанька! Не будь свинкой, напиши, наконец.  
<...>

Вчера мы читали кино-фирме краткое либретто (экспозицию) нашего сценария. Им очень понравилось. Это – смешная комедия (почти водевиль) из французской жизни. Через семь дней должен быть готов сценарий. Работаем, как звери. Если сценарий будет принят, мы получим (помимо того, что в процессе работы получаем на вполне приличную жизнь) – еще по 10 000 франков. Вероятно, дадут не сразу, а частями, но это не так уж страшно. И тогда съездим дней на десять в Лондон, снова (примерно на неделю) вернемся в Париж – для работы с режиссером, и к середине января будем уже в Москве. Повторяю, все зависит от успеха сценария. 21-го декабря он должен быть представлен и не позже 25-го будет ответ. Тогда,



конечно, напишу. В случае же неудачи немедленно выедем в Москву. Пиши мне подробно и много! По парижскому адресу. Люби меня, козанышка. Смотри! Я тебя очень люблю. Целую нежно, нежно все десять пальчиков, два ушка, два глазика, один носик, один ротик. И шейку, и ножки, и родинки, и животик. Обними Петеньку и расцелуй его хорошенько. <...> Твой, надеюсь, единственный, Женя.

Посылаешь ли деньги тете?

Аккуратно ли?

Вчера был день моего рождения. Помнишь, сколько мне лет? Или уже забыла? В связи с этим торжественным «фактом» я угощал обедом (хорошим) Эренбурга с женой (я с ними очень подружился) и Илю. Неожиданно получил подарки. Эренбург подарил мне ящик отличных манильских сигар-регалий, а его жена, Любовь Михайловна, – записную книжечку в красном сафьяновом переплете. Я так давно не получал подарков, что очень удивился.

А ты, козочка, получишь от меня подарки раньше времени, еще до дня рождения. И в день рождения – тоже. Скоро Петькин день. Не забудь!

---

[Впервые опубликовано: Яворская Е. Письма из Парижа // Вечерняя Одесса. – 1992. – 14 окт. – С.3. – А.Я.]

---

\*\*\*19 декабря 1933

Париж

Дорогой Валюнчик!

Уезжают Кольцовы. Посылаю с ними (вернее, через одну их приятельницу, которая едет с ними) мой старый чемодан и следующие вещи:

1. Шифоновое платье с черным шелковым чехлом.
2. Красную кофточку, шапочку и шарфик (очень паршивые, но страшно дешевые. Если не понравится, – можешь подарить кому-нибудь).
3. Теплые перчатки с раструбами.
4. Голубой поясок (тоже паршивый. Прости, козлик, но стоит он грош).
5. Стекланные бусы.
6. Толстые коралловые бусы (синие с белым, из Венеции).
7. Пудреница черная с буквой Р (Петрова!).
8. Маленький синенький портфельчик с принадлежностями для шитья.
9. Чудный автомобиль для Петеньки. С резиновыми шинами.

Есть еще для тебя всякая металлическая «ерунда» (пуговики, застёжки и т.д.), но это уже не хотели брать. Много. Не обращай внимания на то, что Иля послал Марусе лучшие вещи. У него было вдвое больше денег.



Это все чепуха! Если мы получим деньги, я накуплю тебе очаровательных вещей. Немедленно телеграфируй о получении вещей.

Целую, люблю, люблю. *Твой Женя*

---

ОЛМ. Р-2984, КП-29683/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С.122-123, с факсимильным воспроизведением. – А.Я.]

---

---

27 декабря 1933

Париж

Дорогая моя Валенька! Получил твое большое письмо и рад, что дома все хорошо и благополучно, что 1500 р. ты получила и что, следовательно, беспокоиться не о чем. От Кольцова ты и Маруся получите еще по 1000 р. После этого вам, надо полагать, хватит чуть ли не на весь январь. Напиши, как обстоит дело со всеми этими вопросами. Да! Твои соображения насчет тупелек будут мною приняты во внимание. И вообще на этот счет не беспокойся. Пока что наши денежные дела идут прилично. Произошло вот что: сценарий мы закончили, и я его читал. Он очень понравился, и как будто бы нет никаких возражений против его приема. Однако официальный ответ нам не дают и хотят отсрочить его до 2-го или 9-го января. В это время нам в виде компенсации за потерю времени платят суточные, которые дают нам возможность прилично прожить в ожидании официального ответа. Кроме того, нам срочно предложено писать сценарий по «12 стульям». Сегодня мы должны дать ответ и поставить наши условия. В этом случае сценарий заказан, т.е. сумма уплачивается нам полностью – независимо от того, понравился сценарий или не понравился. Таким образом, наша жизнь в Париже превратилась в сплошную работу. Первый сценарий (действительно, очень смешной!) мы написали в две недели. Спали при этом всего по 5-6 часов в сутки. Если возьмемся за «12 стульев», то, значит, на днях засядем за новую, минимум двухнедельную, каторгу. Зато сможем послать денег на Торгсин, сможем привезти разные дамские вещи, оплата огромную пошлину. Да! Кажется, в Варшаве хотят нам заплатить за «12 стульев» самым серьезным образом. Мы, вероятно, получим эти деньги по дороге домой, захав в Варшаву.

Видишь, нежная моя, ласковая и любимая, как мы здесь живем! В трудах живем!

Сейчас могу сказать без всякого преувеличения. Я безумно соскучился по тебе, Петьке, Москве, нашей стране, по друзьям и знакомым. Всех хо-





чется видеться, хочется пойти с тобой по снежку в театр или сесть в санки, выехать на ленинградское шоссе и поцеловать тебя в морозный носик. Ну, коза, целую тебя самым нежнейшим образом. *Всегда и только твой Женя.*

Обязательно подробно напиши, получила ли ты посылку, как понравился Петенькин автомобиль и тебе платье.

Следи, чтобы Петя не поломал автомобиль. Жалко.

Не забудь послать деньги тете.

Спасибо, что послала тете посылку. За этот подарок мне очень тебе благодарен. У моей жены чудный характер. Она у меня добрая.

Если пошлешь еще посылку – не пожалеешь. Я что-то тебе за это привезу.

---

ОЛМ. Р-2985, КП-29684/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано частично: Яворская Е. Письма из Парижа // Вечерняя Одесса. – 1992. – 14 октября. – С.3. Полностью: Яворская А. «Вот я и в Париже – первом городе мира...» // Дерибасовская-Ришельевская. – Одесса, 2013. – № 53. – С. 269-271. – А.Я.]

---

---

2 января 1934

Париж

С новым годом, дорогая Валинька!

В моем последнем письме я забыл тебя поздравить, а сейчас уже немного поздно. Вчера получил твое ласковое и нежное письмо. Всегда пиши такие хорошие и подробные письма. Я страшно рад, что подарки пришлось по вкусу и тебе и Петеньке. Надеюсь привезти нечто лучшее. В этом смысле всецело положись на меня – были бы деньги! С деньгами же так: пока что нам платят понемногу и не дают окончательного ответа. Однако нет никакого сомнения в том, что сценарий они берут. Всю сумму обещали дать до 15 января. Что касается второго сценария (по «12 стульям»), то сегодня все окончательно выяснится. Надо полагать, наши условия будут приняты, и мы засядем за новую работу. А работать так не хочется – ты и представить себе не можешь. Сидеть в нашем небольшом номере на Rue Vapeau и писать с утра до вечера – убийственно трудно. К тому же нас здорово высосала первая работа, которая продвигалась с огромным напряжением. Отказываться же от сценария было бы непростительной глупостью, так как ожидается довольно крупная сумма, которая даст возможность кое-что купить для тебя и Петьки, а для меня – продолжить путешествие. Мы, может быть, на короткий срок съездим в Испанию и Англию, а может быть, и в Америку (все это, конечно, вилами по воде писано, но мне кажет-



ся, что наиболее полного и всестороннего путешествия следует исчерпать все возможности. Не забывай, что мы накапливаем огромный материал и по приезде в Москву сейчас же засядем за книгу. Поездка даст также многое и для нового романа, и для пьесы). Однако, не буду забегать вперед. Все выяснится в ближайшие дни.

В Париже я сейчас еле сижу. Верь – не верь, но он мне надоел отчаянно. Я хочу в Москву, к моим любимым и самым дорогим на свете. Я тебя очень люблю, моя козочка, и, разумеется, счастье, которое ты пожелала для меня в 1934 году, может быть только с тобой и Петькой. Скоро я приеду, и мы с тобой, золотая моя девочка, будем молодоженами. А у Петьки будет сестричка Валичка. Или ты не хочешь? Ну ладно, пошутил. Будет так, как захочешь ты.

Напиши, получили ли ты деньги от Кольцова? Узнай у Вали, что с нашей опереткой. Дальнейшие деньги (напиши, скоро ли они тебе понадобятся) будешь получать у Сазонова (они по 3-му договору должны нам массу денег) Созвонись и узнай. Целую бесконечно ручки, ножки, губки и всю, всю. Обними Петю. *Женя*

Ты на конверте неправильно пишешь мое имя. Надо – Eugène.

Позвони от меня Олешам, Собакиным, Саше Козачинскому, Вольпину, Ардову и всем знакомым, и кланяйся им от меня.

Кланяйся Татьяне Петровне, Саше и Леонтию Исидоровичу. Я собираюсь купить для Саши счетную линейку.

Пошли тете 200 рублей за январь.

Узнай, есть ли в Торгсине колонки и почему? Обязательно сделай это и напиши мне.

Ну вот.

Еще раз прижимаю тебя к груди, нежно целую в ушко, которое с рондинкой.

Учи английский.

*Твой хасбенд*

---

ОЛМ. Р-2986, КП-29685/1-2, с конвертом

[Собакиным – Катаевым, от псевдонима В. Катаева «Старик Саббакин», Александр Козачинский – писатель, друг Е. Петрова, Михаил Вольпин – поэт, киносценарист, Виктор Ардов – сатирик, драматург, Татьяна Петровна и Леонтий Исидорович – родители В.Л. Грюнзайд-Катаевой, Саша – брат.

Впервые опубликовано частично: Яворская Е. Письма из Парижа // Вечерняя Одесса. – 1992. – 14 октября. – С.3, полностью: Яворская А. «Вот я и в Париже – первом городе мира...» // Дерибасовская-Ришельевская. – Одесса, 2013. – № 53 – С.271-273. – А.Я.]



ИЗ ЕВРОПЫ, ПО ДОРОГЕ В ШТАТЫ. 1935

ОЛМ (из архива Е.П. Петрова)

Телеграмма из Негорелого от 20.09.1935  
ПЕРЕЕЗЖАЯ ГРАНИЦУ НЕЖНО ЦЕЛУЮ ОБНИМАЮ  
МОИХ ЛЮБИМЫХ = ЖЕНЯ

ОЛМ. Д-1205, КП-29783/1

Открытка (оборванная, обломанная):

24 сентября 1935

Вена

Дорогая Валюшенька!

Пишу из Вены. Приехали сюда сегодня в час дня, а в восемь вечера уже уедем в Париж. Первым делом сделай вот что: пошли телеграмму слов в 20-ть о здоровии и прочем по адресу:

Pericles Stavros 39 rue Pascal Paris

Телеграмму эту я успею получить еще в [Париже,] где буду, вероятно, до 1-го [октября]. Телеграмму посылай немедленно, как только получишь это [письмо].

..... Я оставил денег на две  
..... для тебя. Вероятно, ты  
..... получишь. Там туфли  
х[орошие]

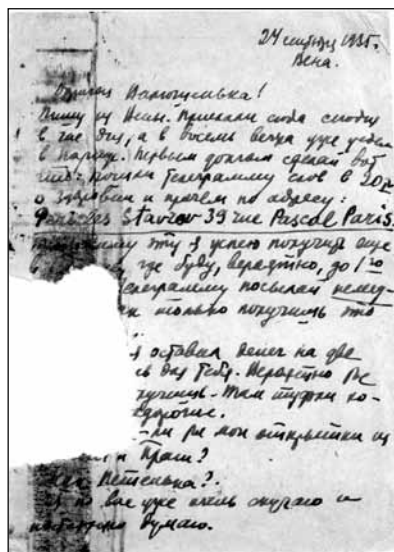
.....недорогие.

Получила ли ты мои открытки из  
[Варшавы] и Праги?

Я по вас уже очень скучаю и постоянно думаю.

Передай обязательно приветы Татьяне Петровне, Леонтию Исидоровичу, Саше, Роману Павловичу и всем друзьям. Позвони Вале и передай ему от меня привет.

Ну, козанышка, не скучай, пиши мне большие письма на Нью-Йорк (ген.





консульство). Подробный адрес узнает и напишет тебе Александр Львович [?] (кланяйся ему от меня и . . . . .). Обнимаю и нежно, . . . . . целую тебя и Петеньку. Твой . . . . .

ОЛМ. Р-2987, КП-29686

29 сентября 1935 г.

Париж

Дорогая, горячо любимая козанька!

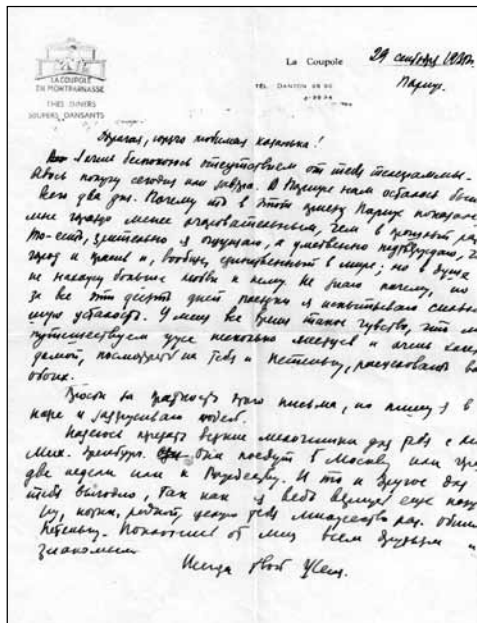
Я очень беспокоюсь отсутствием от тебя телеграммы. Авось получу сегодня или завтра. В Париже нам осталось быть всего два дня. Почему-то в этот приезд Париж показался мне гораздо менее очаровательным, чем в прошлый раз. То есть зрительно я ощущаю, а умственно подтверждаю, что город и красив, и вообще, единственный в мире; но в душе не нахожу больше любви к нему. Не знаю, почему, но за все эти десять дней поездки я испытываю сильнейшую усталость. У меня все время такое чувство, что мы путешествуем уже несколько месяцев, и очень хочется домой, посмотреть на тебя и Петеньку, расцеловать вас обоих.

Прости за краткость этого письма, но пишу я в кафе и задерживаю людей.

Надеюсь передать всякие мелочишки для тебя с Любовью Мих. Эренбург. Они поедут в Москву или через две недели, или к Рождеству. И то и другое для тебя выгодно, так как я ведь вернусь еще позже.

Ну, котик родной, целую тебя множество раз. Обними Петеньку. Поклонись от меня всем друзьям и знакомым. Всегда твой Женя

ОЛМ. Р-2988, КП-29687/1-2, с конвертом





## ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

МОСКВА

Кропоткинские ворота

Нащокинский пер. 5, кв. 7

Валентине Леонтьевне КАТАЕВОЙ

На пароходном бланке:

S.S. NORMANDIE

A Bord, le

<«Нормандия». 6 октября 1935 года >



И. Ильф на палубе парохода  
«Нормандия». 1935

Дорогая моя козанька!

Завтра днем приходим в Нью-Йорк. Пишу письмо заранее, чтобы бросить его из Нью-Йорка тотчас же по приезде.

Вчера в мою каюту постучался «бой» (мальчик прямо из кинофильма – в красной, усыпанной пуговицами курточке) и неожиданно принес твою радиограмму. Собственно, я ожидал ее сегодня или завтра как ответ на мое письмо из Саутгемптона; но, видно, ты, дорогое дитя, догадалась послать радио сама. А может быть, кто-нибудь посоветовал?

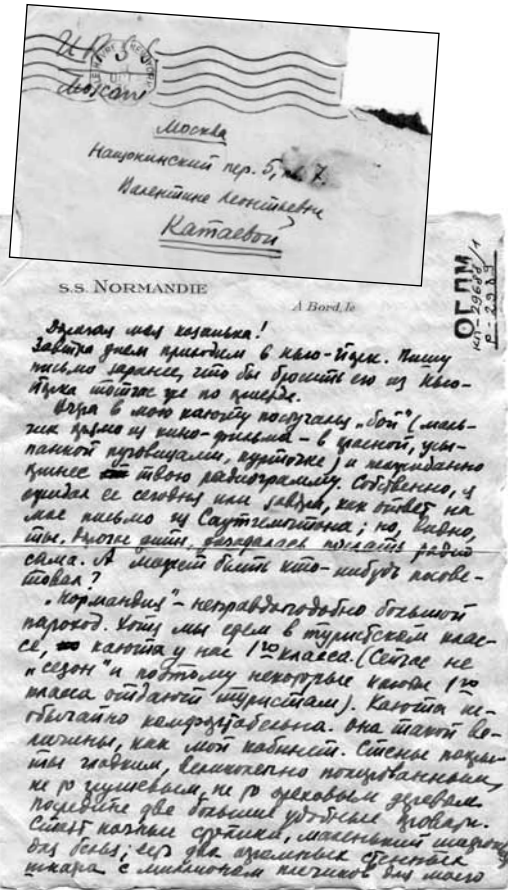
«Нормандия» – неправдоподобно большой пароход. Хотя мы едем в туристском классе, каюта у нас 1-го класса. (Сейчас не «сезон» и поэтому некоторые каюты 1-го класса отдают туристам.) Каюта необычайно комфортабельна. Она такой величины, как мой кабинет. Стены покрыты гладким, великолепно полированным не то грушевым, не то ореховым деревом.

Посредине две большие удобные кровати. Стоят ночные столики, маленький шкаф для белья; есть два огромных стальных шкафа с миллионом плечиков для моего единственного костюма. Кроме того, в стене есть дверь, за которой скрывается очень комфортабельный умывальник. Есть и весьма изящный письменный стол (он же туалетный). В обоих шкафах большие, во весь рост, зеркала. Над столиком тоже, над умывальником – тоже. Весь пол покрыт толстым ковром. При кабине есть прекрасная уборная и душ,



задернутые резиновой занавеской, с горячей и холодной водой. Общие помещения туристского класса (салоны, столовая, бары, курительные, гимнастический зал и прочее) очень удобны. Мешает только сильная вибрация от винтов. Пароход совершит еще только один рейс и пойдет до весны в ремонт (будут реконструировать корму, чтоб избавиться от вибрации). Вчера я осматривал весь пароход. Это большой европейский город. Салоны, холлы, зимние партеры, рестораны, бассейны и детские комнаты 1-го класса прямо-таки неприлично роскошны. В смысле художественном, однако, все это далеко не самого высшего вкуса. Мы, вероятно, напишем в «Правду» о пароходе, и ты прочтешь более подробное описание. На самом верху, в трубе, я видел помещение для собак. Там в клетке сидели всяческие милые собачки – жесткошерстные фоксы, овчарки и сеттера. Их укачало. Они смотрели на нас печальным взглядом.

Ну, котенок, пиши обо всем. Крепко поцелуй и обними Петеньку. Нежно, нежно обнимаю тебя, целую носик, глазки, ротик и т.д. Ты у меня единственная, любимая. Твой Женя



ОЛМ. Р-2989, КП-29688/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 425-426. – А.Я.]



8 октября 1935, Нью-Йорк

...Сию всего-навсего на 27 этаже Shelton Hotel и пишу тебе, глядя через окно на феерическую картину ночного Нью-Йорка. Из нашего номера виден весь центр города с самыми знаменитыми небоскребами, Гудзон с двумя мостами и Бруклин. Подо мной глубоко внизу с грохотом проезжают поезда надземной железной дороги (называется это здесь – «элевейтор»), а под ними двухэтажные автобусы, трамваи и автомобили. Еще ниже, под землей, есть еще одна шумная штука – несколько этажей собвея (метро), но, как ты, вероятно, догадываешься, их я не вижу. Виден только, когда проходишь по улице, пар, вырывающийся наверх из вентиляции метро.

Живем мы в весьма фешенебельном районе, рядом с Парк-авеню, Рейдио-Сити, Эмпайром и центральным вокзалом. Собственно, вокзал находится под землей, а потому никаких признаков железной дороги – ни паровозов, ни семафоров, ни стрелочников – не видно. Виден только малосенький сорокаэтажный домик, в котором помещается ж.-д. гостиница. Самый вокзал еще не видели. Пойдем посмотреть на днях.

Были сегодня в консульстве, где нас очень хорошо приняли, и у издателей (где тоже хорошо приняли). Завтра издатель устраивает для нас встречу с некоторыми американскими писателями и представителями прессы в клубе Гарвардского университета. Таким образом, мы начали деловую жизнь в первый же день по приезде.

Приехали вчера, в пять часов. «Нормандия» подошла к огромной пристани, состоящей из нескольких этажей таможенных зал, и все-таки пристань по сравнению с ней оказалась маленьким сооружением. Пока проверяли паспорта и делали мрачные попытки отвезти нас на «остров слез», прошло два часа, и мы въехали в город, когда было уже совсем темно, то есть вернее – светло, так как город изумительно освещен рекламами. Побродили немного по Бродвею, подивились на сумасшедшую беготню и кружение теснящих друг друга белых и красных электрических букв и солнц – и пошли спать. После пяти дней океана я весь этот вечер чувствовал, что тротуар плавно уходит из-под ног и Бродвей начинает медленно покачиваться. Сегодня, разумеется, всё прошло.

В первый раз за время путешествия я чувствую себя превосходно. Это, очевидно, потому что Европу я уже видел раньше и потому болезненно ощущал гниль парижского воздуха. Здесь же я впервые и потому испытываю радость закоренелого путешественника.

19 октября мы выедем на две недели в Буффало на Ниагару, в Чикаго, Детройт и Питсбург. Потом снова будем жить в Нью-Йорке недели две...

---

[Публикуется по: И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч в 5 т. Т. 4 – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 568-569]



*Без даты, на обороте фотографии*

Вид из нашей комнаты. С 27-го этажа.

Работа Ильфа.

Ильф неутомим. Он накупил множество приборов для своего превосходного аппарата и по целым дням щелкает затвором.

---

[Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С.124, с факсимильным воспроизведением. – А.Я.]

---

The New Colonial Hotel

15<sup>th</sup> and M Streets

Washington, D.C.

<13 октября 1935 г. Вашингтон>

Дорогая козанька!

Пишу из Вашингтона, куда мы приехали сегодня на автомобиле из Нью-Йорка. Вероятно, завтра поедем обратно в Нью-Йорк. Дорога была сказочная: четыреста километров по абсолютно гладкому, выложенному шоссе – среди тучи движущихся с нами и навстречу нам автомобилей.

Утомление мое покуда не проходит. Авось за пару дней в тихом Вашингтоне я немножко отдохну.

Меня очень беспокоит твое молчание. Мы условились, что со дня моего отъезда (19 сентября) ты все время будешь мне писать в адрес ген. консульства в Нью-Йорке. Я надеялся по приезде в Нью-Йорк найти по крайней мере десяток писем и столько же телеграмм. Но не нашел ничего... В чем дело, кузлик? Я тебе пишу, пишу, стараюсь. А ты хоть бы хны. Напомню еще раз. Все время пиши и телеграфируй почаще, до самого окончания моей поездки (если я не укажу тебе впоследствии другого адреса), так: Mr. Eugene Petrov. Consulate General of the U.S.S.R. 7 East 61 St. New York. Для телеграмм короче: New York Consulate General of the USSR.

Пиши же, детонька.

Как Петенька? Ходит ли он в детский сад? Помнит ли он меня? Я очень, очень люблю вас обоих. Вы у меня самые главные на свете. Нежно, крепко тебя целую, мою дорогую, любимую жену. Обними и расцелуй Петеньку. Друзьям и знакомым привет. *Твой Женя*

---

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С.430. – А.Я.]

---





В.Л. Катаева – 5 октября 1935 г. (получено 15 октября)

Дорогой мой Женечка, как ты поживаешь и как ты себя чувствуешь так далеко от нас? Все письма и открытки получила и была очень рада. Получил ли ты мою телеграмму на English языке и понял ли ее. Петенька здоров и собирается тебе написать письмо. Дома у нас все благополучно. Ольга ушла. Теперь Василиса. Петенька еще в детсад не ходит. Юрьев денег не платит, говорит, что у него нет. Сазонов обещал каждый месяц платить 1500 рублей. Я себе купила шубу, очень хорошую. Ну вот и все новости. Да еще в Москве все цены значительно снижены на все продукты. Очень меня волнует ваша поездка, все ли в порядке и как вы вернетесь назад??? Женечка, пиши почаще каждый день, а то письма доходят не скоро. Хочу послать тебе на «Нормандию» телеграмму, не знаю, дойдет ли. Если ты получил, то напиши.

Дорогой мой любимый Женечка, я очень по тебе скучаю, и мне кажется, что уже прошло целых 3 месяца, а вообще не прошло еще одного. Я уже сейчас думаю, как я буду тебя встречать.

Дорогой мой любимый Мужика, как ты? Не скучаешь ли по нас и не разлюбил ли? Целую бесконечное количество раз в нос и родинки, а также в другие части тела.

Всегда крепко тебя любящая жена и мать Валя.

Если будут деньги, купи мне шелковую клетчатую пижаму, потом ножницы разрезать птицу жареную, такие есть, я знаю, и еще 24 запонки для наволочек, перламутровые.

Целую, целую, целую.

Пиши скорей и побольше.

Очень скучаю, Валя

---

---

ОТВЕТ НА ЭТО ПИСЬМО:

17 октября 35 г.

Нью-Йорк

Дорогая моя Валюшечка!

Пишу тебе на пишущей машинке, которую мы с Ильфом на днях купили и которую мне хотелось бы испытать. Вчера, наконец, получил от тебя письмо от 5-го октября. Почему ты не написала ни одного письма до пятого – непонятно! И почему такое маленькое письмо? Пиши мне, дорогая кися, обо всем решительно: что сказал Петенька, как ты проводишь время, кто у нас бывает, что нового в городе, что поделявают знакомые, как ведет себя Юрсик [собака], прислали ли его аттестат, ка-

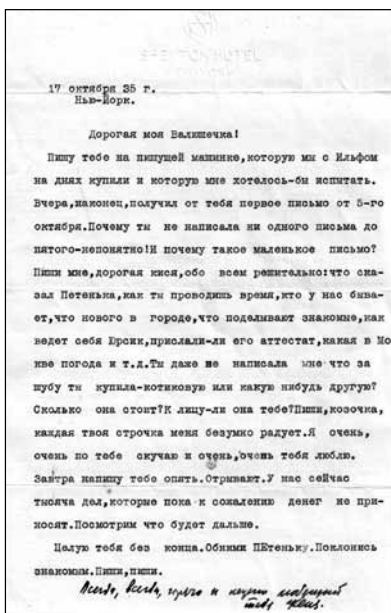


кая в Москве погода и т.д. Ты даже не написала мне, что за шубу ты купила – котиковую или какую-нибудь другую? Сколько она стоит? К лицу ли она тебе. Пиши, козочка, каждая твоя строчка меня безумно радует. Я очень, очень по тебе скучаю и очень, очень тебя люблю. Завтра напишу тебе опять. Отрывают. У нас сейчас тысяча дел, которые пока, к сожалению, денег не приносят. Посмотрим, что будет дальше.

Целую тебя без конца. Обними Петеньку. Поклонись знакомым. Пиши, пиши. *Всегда, всегда, горячо и нежно любящий тебя Женя*

ОЛМ. Р-2990, КП-29689

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С.432]



23 октября 1935 г.

Нью-Йорк

Дорогая козочка!

Что случилось? За целый месяц я получил от тебя только одну телеграмму на «Нормандии» и одно письмо в Нью-Йорке. За это время Ильф получил массу телеграмм и писем. Можешь себе представить, как я себя чувствую, когда Ильфу все время звонят из консульства и сообщают, что для него есть почта, а я остаюсь с носом? Хорошо было бы, коша, если бы ты об этом хорошо подумала! Я несколько раз писал тебе о том, чтобы ты посылала мне телеграммы как можно чаще (телеграфный адрес: Sovkonsul New York. Перед этим ставится мое имя), и ни одной телеграммы в адрес консульства я до сих пор не получил.

А между тем я очень по тебе скучаю, ежеминутно о тебе и Петеньке думаю и в каждом письме объясняюсь тебе в любви, словно я не старый муж с шестилетним стажем, а юный жених!



Смотри, дитеночек, чтоб не реже двух раз в неделю я имел от тебя по письму и по телеграмме. Корреспонденцию нам будут пересылать в пункты нашей поездки, которая начнется 2-го или 3-го ноября. Нам предстоит сделать в машине свыше 15000 километров. Мы побываем всюду: на Западе, Севере и Юге (сейчас мы на Востоке Америки). Вероятно, заедем в Мексику. По возвращении в Нью-Йорк (к январю) мы съездим на 10-12 дней в тропики (на Кубу и Ямайку), потом снова в Нью-Йорк и, наконец, домой – через Англию, где собираемся пробыть недели две. Вот, дорогая и любимая девочка, выработанный нами план. Думаю, что с грехом пополам, старательно экономя деньги, мы сможем его выполнить.

Жизнь в Нью-Йорке чрезвычайно утомительна. Мы заняты с утра до ночи различными визитами и поездками. Я очень утомлен. Нью-Йорк грохочет и безумно воняет отработанным бензином. Моросит реденький дождик. Душно. До сегодняшнего дня были блистательные солнечные погоды. Улицы маленьких городов, которые мы проезжали по дороге в Вашингтон, Южный Норволк и Гартфорд, были засыпаны желтыми и красными листьями. Дороги в Америке умопомрачительные. На них хочется танцевать.

Но вот, дорогое мое дитя, на этом я кончаю. Для такой непослушной жены, как ты, этого вполне достаточно.

Нежно тебя обнимаю, сержусь и люблю.

Крепко, крепко поцелуй Петеньку. Как он и что? Ты ничего не пишешь. Здоров ли он, весел ли, что он делает, какие у него игрушки? Что делают друзья и знакомые? Приехал ли Саша Козачинский? Позвони Вале и передай ему привет. Мы послали ему письмо, но ответа еще нет. Передай привет Роману Павловичу, Саше, Леонтию Исидоровичу, Татьяне Петровне. Не забудь посылать деньги теткам, платить за квартиру, телефон и проч.

Еще и еще раз целую. *Твой Женя*

*Приписка:*

На обороте конверта: адрес консульства, по которому надо писать письма.

ОЛМ. Р-2991, КП-29690/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Е.Яворская. «Дорогая, нежно любимая...» // Муза. – Одесса, 1992. – 31 января. – С. 4.; Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С. 122-123, с сокращениями, факсимильно воспроизведена первая страница. – А.Я.]



## ПИСЬМО В.П. КАТАЕВА от 10.11.1935

Обратный адрес: Москва от В.П. Катаева  
Горького 26, кв. 106

Дорогие Иля и Женья!

Ваше письмо от 18 октября получил дней 5 тому назад. Отвечаю только сейчас, т.к. был занят предоктябрьской работой. Поздравляю вас с праздником. По всей Москве горит цифра 18. Был карнавал 18-летних, что приводило меня в уныние по поводу безвозвратно канувшей молодости.

«Богатая невеста» до сих пор не репетируется. Причина – выгнали Юрьева, а новая дирекция неопытна и не может найти режиссера. Пьеса всем очень нравится, даже Литовскому и в ЦК. Я ее продал для печати в «Советск. Драматургию», где она будет напечатана в январской книжке в виде комедии (без аттракционов). Кроме того, продал в Ленинград за 4<sup>1/2</sup> тысячи в Театр комедии, где она должна идти в этом сезоне тоже в виде комедии. «Под куполом» до сих пор идет все время и скоро пойдет в Ленинграде. Все полученные деньги исправно выдаются вашим женам – пушкам заряженным. В Москве все по-старому. Лева [Славин?] на днях приезжает. Появился малахольный Юра [Олеша?]. Психует. Довженко выпустил «Аэроград», имеющий громадный успех у прессы и в сферах. У публики – вряд ли. Александров крутит-кончает, Ильинский крутит-кончает. Мачерет крутит-кончает. «Богатую невесту» послал (после долгих уламываний Литовского) в Париж Пире Ставрову 1 октября. Не понимаю, почему он до сих пор не переслал. Требуйте с него (2 экз.).

Теперь о моих делах:

Очень вас прошу – получите и поучайте в дальнейшем все, что мне причитается с Лайонса. Если вы с ним не хотите иметь дело – то через Маламута; или как найдете лучшим. Я боюсь, чтобы он не замотал денег. Пусть деньги будут у вас. Я потом ими распорядюсь.



В.П. Катаев. Конец 1920-х



В расчете Лайонса–Маламута сказано, что за седьмое и десятое октября мне следует столько-то. Что это значит 7 и 10? Даты спектаклей? А сколько всего было или есть или будет спектаклей? Очень прошу вас написать подробно. Надеюсь, что вы будете еще в Америке месяца 2–3, не меньше. Во всяком случае, если вы соберетесь уезжать, то немедленно телеграфируйте за мой счет (по удешевленному тарифу) и ждите инструкций телеграфных. Собирайте, собирайте деньги своему соавтору. Если наберете на автомобиль – покупайте и посылайте. Пусть это будет даже паршивенький форд 34 года, уже подержанный. Здесь говорят, что за 300 (долларов) можно свободно купить такой. Да 100 на пересылку. Итого 400–450. Во всяком случае, вам виднее. А если судьба улыбнется, покупайте хорошее что-нибудь. Деньги мои не растраťте, за то вас бог накажет. Это сиротские деньги. Привезите мне в подарок много писчей бумаги (это даже на худой случай за мой счет), по две рубахи с рыла (или одну очень хорошую с рыла) и т.п. Натурально, по галстуку по два! Ну, нежно вас целую. Пишите. Не ленитесь.

*Ваш друг, брат и сват  
Старик Саббакин*

Эстер очень вам кланяется и просит передать самые лучшие пожелания.

*ВК*

Дикие кланяются. ВК

---

ОЛМ. Р-3061, КП-29871/1-2

[Впервые опубликовано: Яворская А. Феномен Катаева // Одесса: Иллюстрированный ежемесячный журнал. – 1997. – № 2. – С. 25. – А. Я]

---

**2 ноября 1935 г.**

**Нью-Йорк**

**Что ты со мной делаешь, дорогая, бесконечно любимая моя козанька? Сегодня 2 ноября. Я уехал 19 сентября. И за все это время только одно письмо, которое я получил три недели тому назад. Я безумно тоскую. Если б ты знала, какое страдание ты мне причиняешь своим молчанием. Я теряюсь в догадках! Почему? Что случилось? Если какое-нибудь несчастье, ты бы протелеграфировала. В чем же дело? Примерно полторы недели тому назад я получил твою телеграмму «Беспокоюсь молчанием». Что за чепуха! Я послал тебе не менее десяти писем и открыток. А ты только одно письмо и две телеграммы. Ильф получает письма и телеграммы почти каждый день. Мне стыдно за тебя, Валюша, говорю**



это тебе совершенно откровенно. Было бы проще с твоей стороны написать мне совершенно спокойно, чтобы я не ждал от тебя писем, что моя судьба тебя несколько не интересует и прочее. Тогда, по крайней мере, я не мучился бы этой неизвестностью. Что могло произойти? Есть только два объяснения: 1) какая-нибудь беда, о которой ты не хочешь мне писать или 2) полное безразличие ко мне. Я требую полной откровенности. Если Петенька или ты заболели – немедленно телеграфируй. Тогда я все брошу и сейчас же приеду (поездка займет дней 10-15, в зависимости от того, в какой части Америки застанет меня телеграмма). Завтра я отправлю тебе телеграмму. Но я не могу поверить, чтобы ты не сообщила мне о каком-нибудь несчастии!!

А вернее всего – виной этому твоя ветреная головка. Хорошо, я допускаю, что ты завертелась в своей «новой шубе» и позабыла обо мне. Клянусь тебе, я несколько к тебе не придираюсь, но хочу знать только одно – точно и ясно: любишь ли ты меня по-прежнему, дорог ли я тебе? И сколько я об этом ни думаю, прихожу к единственному безрадостному выводу: ты уже не та. К сожалению, я остался таким же любящим и верным. Последняя неделя в Нью-Йорке – для меня сплошное мучение! Все мне отвратительно и безразлично. Я не живу, а существую, отбываю некую повинность. Я охотно немедленно приехал бы домой, бросил бы все к чертям, если б не чувствовал, что все равно не найду уже той Вали, которую так долго и нежно люблю. Поэтому не все ли равно – месяцем позже или месяцем раньше. Очень прошу тебя написать мне совершенно откровенно о твоём отношении ко мне. Я не боюсь никакой правды. Что бы ни произошло, ты найдешь во мне корректного, готового на всяческие услуги человека. Ты получишь от меня решительно все, что нужно для устройства твоей жизни. Об этом не беспокойся. Но мне нужна правда. Я нервно расстроен и подавлен. Ясность меня мгновенно излечит. Я спокойно закончу свое путешествие и приеду домой, по-прежнему любящий тебя, но ясно отдающий себе отчет в том, что волшебный сон семилетнего семейного счастья окончился, что начинаются так называемые суровые будни. Я человек не боязливый, Валюша. Я боюсь только одного – неизвестности. Это для меня пытка. И этой пытке ты меня подвергла. Факт остается фактом: ты в течение месяца не взяла пера в руки, чтоб написать мне письмо (твоя странная телеграмма не в счет. Ты не могла не получить моих писем. Маруся получила все письма Ильфа, а я отправлял свои одновременно с ним). Вот каков ход моих мыслей. Им нельзя отказать в логике. Жена, которая не пишет мужу целый месяц, либо заболела, либо уже не жена. Очевид-



но, ты не заболела, потому что полторы недели тому назад была от тебя телеграмма. Следовательно, ты жива и здорова. Остальное достаточно ясно, чтобы причинить мне нестерпимую душевную боль. И если ты меня хоть немного жалеешь, напиши всю правду. Еще раз даю честное слово: никакая правда не повлияет на мое отношение к тебе. Ты получишь от меня решительно все, что тебе нужно – квартиру, деньги и т.д. Я даже привезу тебе все, что обещал. Но только отгони от меня страшную мысль, которая меня преследует – мысль о том, что ты можешь мне солгать. Подумай, Валюша, и решишь – я всю жизнь буду любить и уважать тебя за честность, но я возненавижу тебя за ложь.

Прости за это письмо, но я пишу все, что думаю и чувствую. А я столько передумал и перечувствовал, что меня не только нужно простить, но и пожалеть. В третий и последний раз прошу – будь совершенно откровенна, если хочешь счастья нашему сыну. Немедленно телеграфируй: 1) В случае серьезной болезни Петеньки и твоей. Телеграфируй так: «Петя болен» (или «Я больна. Немедленно выезжай»). 2) В случае несерьезной болезни – «Петя болен» (или «Я больна»). Ничего серьезного. Продолжай путешествовать». И наконец: «Писем не жди». (Тогда я пойму, что мои опасения оправдались, сделаюсь спокойнее и буду продолжать путешествие. При этом буду чувствовать к тебе огромное уважение за смелость и откровенность.)

Итак, жду одной из этих трех телеграмм. Одновременно с телеграммой напиши, конечно, более подробное письмо (во 2-м и 3-м случае). В 1-м случае я немедленно выеду.

Писать больше не в состоянии. Быть может, все это чепуха и нервы. Но нет! Факты говорят за себя!..

Крепко, крепко обними Петеньку, скажи, что папа очень, очень его любит и вспоминает ежеминутно. *Крепко любящий тебя всегда и только твой Женя.*

Если сама не можешь написать адрес на конверте, попроси кого-нибудь.

Адрес для телеграмм:

Eugene Petrov

Consulate General of the U.S.S.R.

Для писем:

7 East 61 Street New York U.S.A.

Сейчас достал и перечел твое единственное письмо ко мне. Оно от 5 октября. Пришло оно в Нью-Йорк 14-го октября. Всего 9 дней. Сегодня – 2 ноября. Письма в Америку идут максимум 10-11 дней. Будем



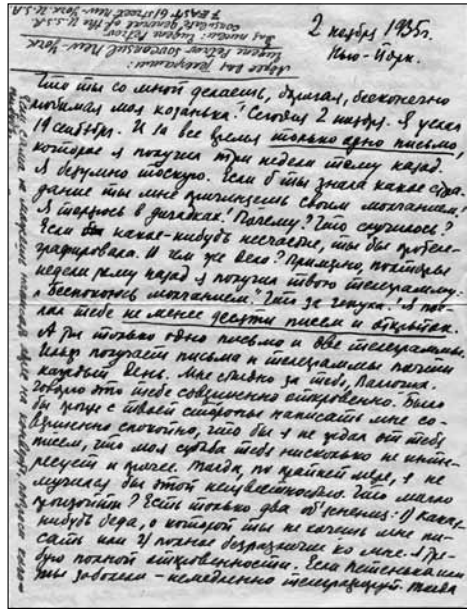
считать 12. Значит, ты не написала ни одного письма за 16 дней. И до письма – с 19 сентября по 5 октября – 16 дней. Больше чем уверен, что не найду от тебя писем ни завтра, ни послезавтра! Мне уже стыдно справляться в консульстве – нет ли писем.

Письмо это (единственное!) написано на одной страничке. Вторую тебе было лень заполнить. В письме ты пишешь, что получила все мои письма и открытки. Следовательно, откуда тебе «страшно беспокоиться молчанием». Ведь ты, вероятно, понимаешь, что переезд в Нью-Йорк продолжался около недели и за это время мы были оторваны от мира. В первый же вечер, что мы ступили на американскую землю, я написал тебе письмо. И потом, не имея от тебя ничего, продолжал писать примерно два раза в неделю.

Помни, Валя, что я очень сильно и серьезно тебя люблю, и мне очень хотелось бы, чтобы все мои опасения оказались чепухой. Но, умоляю тебя, не старайся меня успокоить, если в самом деле ты меня разлюбила. Ведь рано или поздно, а правда всегда узнается. Пусть лучше раньше, чем позже. Одно крохотное письмецо за 35 дней! Вспомни – раньше, когда мы расставались с тобой на 2–3 недели (помнишь, когда ты уезжала в Ленинград?), ты писала мне очень часто! Я не обманываюсь, Валюша. Дело серьезное.

Но если ты действительно любишь меня и помнишь, и хочешь скорей со мной увидеться, и в самом деле тоскуешь, – тогда объясни мне скорей – что произошло? Почему ты молчишь? Тогда с чистой душой успокой меня. Я буду на седьмом небе!

Да! Вспомнил еще одну ужасную вещь. В каждом письме я просил тебя телеграфировать мне не реже 2–3 раз в неделю. В каждом письме просил. А ты не телеграфировала (если не считать одной телеграммы в Нью-Йорк, и то с упреками). Телеграмма на «Нормандию» не в счет, потому что я просил на Нью-Йорк, а та была старая – от 5 октября!







Вот видишь, Валюша, если хорошо разобраться, без горячки, а по справедливости, – выходит, что нет дыма без огня, и мои муки не случайны.

Ну, ладно. Скорей разреши мои сомнения телеграммой. Прошу от тебя только одного – чистосердечия. Ни за что, ни в коем случае не лги – я умею читать между строк. Моя любовь к тебе так сильна и постоянна, что не боится правды. *Женя*

---

ОЛМ. Р-2992, КП-29691/1-2, с конвертом

---

---

6 ноября 1935 г. Нью-Йорк

...Вот наш точный план: 8 ноября, рано утром, мы выезжаем в большую поездку по Америке. Наш маршрут: Нью-Йорк, Буффало, Ниагарский водопад, дальше через территорию Канады в Детройт. Потом Чикаго, Канзас-Сити, Санта-Фе, потом либо через «Соленое озеро», либо южной дорогой – в Сан-Франциско. Это уже Калифорния. Дальше – Лос-Анжелос (с Голливудом), Сан-Диего, немного мексиканской территории, Техас, Миссисипи, Флорида, Вашингтон, Нью-Йорк. Путешествие колоссальное – примерно до пятнадцати тысяч километров. Возвращаемся в Нью-Йорк в начале января..

В январе мы на двенадцать-четырнадцать дней, вероятно, поедem в тропики (в Кубу и Ямайку) на банановом пароходе. Потом снова вернемся в Нью-Йорк и тогда уже поедem домой. Очевидно, дома мы будем в начале февраля. Поедем через Англию, где, надо полагать, задержимся на неделю. Вот и всё...

---

[Публикуется по: И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч в 5 т. Т. 4 – М.: ГИХЛ, 1961. – С.569-570]

---

---

На бланке отеля:  
Hotel Dearborn  
Dearborn, Mich.

12 ноября 1935 г.

Дирборн

Дорогая, горячо любимая Валюшенька!

Наш форд мышиного цвета, о котором я писал тебе в одном из писем, привез нас в царство самого Генри Форда – в Дирборн, где расположен его поразительный автомобильный завод. Это – рядом с Детройтом. Ночевали мы после Ниагары (откуда я послал тебе открытку) два раза в туристских



домах (это дома обыкновенных жителей городков, но дома очень благоустроенные) и въехали в Дирборн сегодня в 10 ч. утра. Сегодня же осматривали необыкновенно интересный фордовский музей, где выставлены образцы автомобилей, паровозов и машин за все время их существования, и специальный музейный городок, по которому посетителей возят в старинных каретах и куда целиком перенесена знаменитая лаборатория Эдисона с его первой электрической лампочкой, первым фонографом (прародителем граммофона), первым телефоном и т.д. Впечатление огромное. Гораздо больше, чем от Ниагары, хотя эти вещи и несравнимы. Сегодня же нас принял главный управляющий всеми фордовскими предприятиями в мире – мистер Соренсон, один из самых замечательных людей Америки. Тут необходимо заметить, что этот человек управляет заводами, которые несколько лет тому назад производили 10.000 (десять тысяч) автомобилей в день. Сейчас они производят 7.000 в день (тоже цифра приличная). Соренсон обещал устроить нам свидание с самим стариком Фордом. Старик сейчас 73 года, но он до сих пор не выпускает ни одного чертежа без своей подписи. Фигура, вообще говоря, легендарная. Завтра выяснится, сможет ли Форд нас принять. Может быть, в связи с этим событием, нам придется просидеть в Дирборне–Детройте несколько дней, что мы и сделаем с величайшим удовольствием. Причина для задержки, я думаю, более чем удовлетворительная.

Вообще, козочка, поездка дает нам все больше и больше материалов. Сегодня как будто начал наклеиваться сюжет для романа, и поэтому настроение у меня отличное. Я начал отходить после Нью-Йорка, который безумно меня утомил.

Все-таки думаю, что после завода мы выедем в Чикаго, где надеюсь получить твои письма и телеграммы, если бы ты, наконец, смилоствилась и начала писать. Смотри, кися, если я не найду в Чикаго твоих писем – не прощу! Нам будут пересылать письма из Нью-Йорка на Чикаго – до 15 декабря, до Лос-Анжелоса – до 1 декабря и до Нью-Орлеанса – до 15 декабря. Остальные письма будут ждать нашего возвращения в Нью-Йорке. Пиши по-прежнему на адрес консульства.

Дорогая моя, очень-очень любимая! Если б ты только знала, как мне тебя не хватает. И Петеньки. Я бы вас сейчас просто съел бы – так я проголодался по моей небольшой, но удачно подобранной семье! Смотри, кисик, помни меня и по возможности люби. Люби заочно, если наяву это сейчас невозможно. Я буду чувствовать это на расстоянии. Однако для того, чтобы я чувствовал, надо писать почаще. А ты этого не делаешь. Поэтому меня часто мучают сомнения. Я начинаю чувствовать черт знает что и один раз написал тебе глупое ревнивое письмо, за которое снова и снова прошу прощения.



До свидания, моя радость. Целую тебя со скоростью 1000 поцелуев в минуту и с энергией в 1000 лошадиных сил. Будь здорова, моя прелесть, береги Петеньку, получше его воспитывай, не распускай, помни, что главное для него – это дисциплина и порядок. Еще раз целую всю. *Всегда твой Женя*

Кланяйся Татьяне Петровне, Леонтию Исидоровичу, Саше и всем знакомым. Не забывай посылать деньги тете.

---

ОЛМ. Р-2994, КП-29693/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильфа. – М.: Текст, 2003. – С.447-449]

---

---

*Письмо В.Л. от 20 октября 1935 г.*

Здравствуй, мой дорогой и любимый Женечка, как ты поживаешь и как твои дела. Женечка, почему я так мало от тебя получаю писем, это очень нехорошо. Маруся получает, а я как собака только глазами моргаю. Письмо твое я получила 18/Х числа, так что телеграмма до твоего отъезда не дошла. Мне все время тебя очень не хватает, прямо даже не знаю, что это такое. Женечка, золотой, пиши почаще. Я написала тебе письмо злое-презлое, а потом его разорвала и пишу уже более-менее хорошее.

Петенька здоров и ужасный хулиган. На днях он «курил», прямо целое событие. Когда ты приедешь, он уже, наверное, будет бегать за девочками.

Знаешь, Юрьева уже в Мюзик-Холле нет, там теперь новый директор. Деньги мне Мюзик-Холл заплатил сполна. Женечка, уже прошел месяц, мне осталось ждать 5 месяцев, правда?

Ну, до свиданья, дорогой золотой мой МУжик, целую множество раз. Очень сожалею, что нельзя посылать мне от тебя телеграммы. Ну, может быть, ты работаешь и пришлешь мне телеграмму. Буду ждать.

Целую бесконечное множество раз, Валя.

**ПАПОЧКА ЦЕЛЮЮ**

**ТЕБЯ.**

**КАТАЕВ ПЕТЯ**

Р. S. Женечка, посылаю чек от сберкассы, который ты подпиши на 1500. Это деньги присланы из Ленинграда. Валентин продал там пьесу. А то я боюсь, у меня не хватит денег, здесь большие расходы, и потом я посылаю также пустые чеки, их просто на всякий случай подпиши. Нежно целую и обнимаю, любящая тебя Валя.



15 ноября 1935 г. Чикаго

...Десять минут назад наш «фордик» доставил нас в Чикаго, и мы водворились в отеле «Стивенс» – самой большой гостинице в мире.

Тут три тысячи номеров, и мы, надо сознаться, занимаем не лучший из них (вместе с гаражом шесть долларов в сутки. Печальный факт!). Живем, как водится,



Е. Петров, И.Ильф. 1935

на двадцать четвертом этаже с чудным видом на стенку соседнего небоскреба, до которого, если хорошо вытянуться, можно достать рукой. Сейчас восемь часов вечера. По-нью-йоркски – семь, так как мы движемся к западу и выигрываем по часу на каждую тысячу миль (тысяча шестьсот километров). В Москве сейчас приблизительно часа четыре ночи...

Здесь сильный ветер. Гостиница дорогой своей стороной (у нас дешевая) выходит на озеро Мичиган. Если ты взглянешь на карту, то увидишь, что озеро это величиною с Азовское море (если не больше). Итак – дует ветер. По широчайшей набережной, состоящей из нескольких широких бетонных шоссе, слепя огнями, несутся машины. Их очень много, чего нельзя сказать о прохожих, которых почти не видно. Это очень типично для американских городов (за исключением центральных улиц Нью-Йорка). Здесь также множество световых реклам. Набережная густо утыкана небоскребами, и тут же рядом, буквально в двух шагах, идут ужасные, мрачные, темные улицы. Обе стороны медали почти одновременно предстают глазам путешественника.

Сейчас идем обедать. Американская кухня мне безумно надоела. Всё здесь добросовестное, умеренное по цене, чистое, но на редкость безвкусное. Здесь не едят, а питаются. Как коровы, которым приготавливают особое пойло, которое благотворно влияет на удой...

---

[Публикуется по: И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч в 5 т. Т. 4 – М.: ГИХЛ, 1961. – С.570-571]

---



*Письмо В.Л. от 1 ноября 1935 г. (получено 13 ноября 1935 г.)*

Здравствуй, дорогой мой Женечка. Наконец я получила твое письмо, я страшно волновалась за твое здоровье. И даже не знала, что и думать. Получил ли ты мою телеграмму?

У нас дома все благополучно, Петенька здоров. Я тоже. Юрс паспорт получил, буду выставлять его 12 ноября на выставку. На днях наше семейство увеличится, в дом приезжает новый член семейства – щенок от Диких. Такой чудный, прямо прелесть. Я теперь дружу с Клавой Кирсановой, мы с ней повсюду ходим вдвоем. 8 числа Сема уезжает в Лондон на 3 месяца. Сема и Клава шлют тебе привет. Разве я тебе не писала, что шубу я купила котиковую и притом очень хорошую. Скорняк оценил в 10 тысяч, а я купила за 6,500, так что у меня скоро будут две чудесные шубы, и притом я страшно разорилась, потому что шитье 2-х шуб с подкладками стоит полторы тысячи. Туфли я не получила.

Занималась английским, тете деньги посылаю, за квартиру плачу, Василесе тоже, так что из квартиры к твоему приезду не выселят. Мама теперь живет у меня, она больна, у нее воспаление легкого, но уже поправляется.

Я по тебе страшно соскучилась и очень хочется на тебя посмотреть, какой ты стал, небось, очень важный гражданин. Женечка, я считаю, что ты мне очень мало пишешь, и я от письма до письма страшно волнуюсь. Я из Америки от тебя получила всего 3 письма из Нью-Йорка, Вашингтона и Нью-Йорка. И больше ничего. Письмо из Вашингтона шло 14 дней. Петька сидит и пишет письмо, причем страшно меня толкает. Напиши, как у вас дела и скоро ли вы приедете?

Ну, дорогой мой золотой, до свидания, страшно тоскую по тебе и бесконечно нежно люблю моего дорого Женечку. Целую массу раз, только твоя Валя.

---

---

*Открытка*

*18 ноября 1935 г.*

*г. Ханнибал*

Дорогая Валюша!

Пишу из города Ханнибала (штат Миссури). Здесь мы остановились на ночлег. Погода серая. Мелкий дождик. Тем не менее, городок производит очень приятное впечатление.

Это очень знаменитый городок. Здесь провел детство Марк Твен. Этот городок он описал в «Томе Сойере». Действующие лица тоже были взяты



из жителей Ханнибала. Некоторые из них еще живы. Стоит в городе маленький памятник Тому Союеру и Геку Финну – они идут ловить рыбу.

Сию минуту едем дальше. Уже 8 утра, и наша мышиная машина уже фыркает под окном. Едем в Оклахома-Сити, откуда напишу тебе письмо.

Ну, до свиданья, моя радость. Поцелуй Петеньку.

Да! Письмо твое получил. Спасибо! (За все время всего три.) Пожелай Татьяне Петровне поскорее выздороветь и приветствуй ее от меня. Привет всем.

Нежно целую, целую и обнимаю. Всегда твой Женя

ОЛМ. Р-2995, КП-29694

[Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С. 132, с сокращениями, с факсимильным воспроизведением. – А.Я.]

*Открытка:*

20 ноября 1935 г.

Оклахома-Сити

Дорогая Валинька. Только что после целого дня пути приехали в Оклахому. Таким вот образом – в пути – проходят теперь наши дни. В семь встает, моемся, завтракаем и в восемь уже выезжаем на нашей машине. Едем весь день и останавливаемся на ночлег только часов в 9 вечера. Потом немножко работаем (делаем записки или пишем кусочек фельетона, который вот уже долго не можем закончить\*) и ложимся спать. Ближайшая остановка на два дня – Санта Фе, потом день пробудем в Грэнд-Кеньон, день в Лас-Вегас, 5 дней в Сан-Франциско, неделю в Лос-Анжелосе и Холливуде



и т.д. К 10 января собираемся быть обратно в Нью-Йорке. Там некоторое время побудем и, возможно, съездим на две недели на Кубу и Ямайку. Как вы? Здоровы ли? Веселы ли? Вспоминаете ли бродячего мужа и папу? Я здоров и в полном порядке. Скучаю по вас страшно. Утомительные дни в автомобиле только о вас и думаю. Пиши, дорогое мое, любимое дитя. Сегодня, как видишь, пишу тебе уже вторую открытку.

Привет друзьям и знакомым. Крепко и нежно целую и обнимаю. *Всегда твой Женя*

*\*Дорога в Нью-Йорк (Правда, № 323, 24 нояб. 1935 г. - А.И.)*

---

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 454-455]

---

---

*Открытка*

*23 ноября 1935 г.*

*Санта-Фе*

Дорогая, любимая Валюша! Вчера вечером, после целого дня поездки по пустыне, приехали в Санта-Фе (штат Нью-Мексико). Здесь один из индейских центров страны. Городок совсем не похож на другие американские города. Выстроен он в мексиканском стиле и очень красив. Пробудем тут сегодня и завтра. Будем осматривать музей индейской культуры, поедем в индейскую деревню за 70 миль и т.д. Жду не дождусь, когда приедем в Сан-Франциско. Там я должен получить твои письма и телеграммы (если только ты их написала). В Сан-Франциско по плану должны приехать 30 ноября. Учти, козочка, что сейчас я все дальше и дальше от тебя удаляюсь. Поэтому каждая открытка с дороги будет приходиться к тебе все позже. После Нью-Йорка мы уже переводили часовую стрелку вперед два раза. Найди на карте Санта-Фе, и тебе все станет ясно.

Я очень, очень по вас скучаю, очень вас люблю и постоянно о вас думаю. Пиши, Валик, почаще. Крепко расцелуй Петеньку. *Всегда твой – блуждающий муж Женя*

---

ОЛМ. Р-2996, КП-29695

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С.456-457]

---

---



26 ноября 1935 г.

г. Галлоп (Нью-Мексико)

Дорогая, горячо любимая Валюшенька!

Пишу тебе по дороге в Грэнд-Кеньон, сейчас же после перевала в 12.000 футов (немного ниже Монблана), который мы только что благополучно миновали. Последние два дня были тяжеловаты – шел то снег, то дождь, дорога была трудная. Проезжали поразительно красивые места, каких нигде в мире не найдешь. Это – разрывы гор. Живут тут главным образом мексиканцы и индейцы. Приеду – расскажу массу интересных вещей. Очень по тебе скучаю. Трудно передать словами, как мне недостает тебя и Петеньки. Как вы у себя в Нащокинском? С нетерпением жду Сан-Франциско, где надеюсь получить почту. А туда еще 1200 миль. Не меньше четырех дней. Ну и заехали! Попадаем в такие места, где, безусловно, не ступала нога советского человека. Индейцы, с которыми мы говорили, не знают о существовании Европы и океанов. Смутно слышали про Нью-Йорк.

Желаю тебе, милый мой кисик, здоровья и благополучия. Обними и расцелуй Петеньку. Друзьям привет. *Нежно любящий тебя и преданный супруг Женя*

ОЛМ. Р-3033, КП-29724

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 459]



Фото И. Ильфа. США, 1935





Фото И. Ильфа.  
США, 1935



Открытка:

28/XI–35 г.

Грэнд-Кеньон (Аризона)

Дорогая Валечка! После дождей, снега и прочего – чудное солнце, синее небо, сосны, скалы, иней и вообще – неслыханные красоты. Сейчас – утро. Выезжаем в объезд Грэнд-Кеньона (это государственный заповедник) на Лас-Вегас и постройку самой большой в мире гидростанции Болдер Дам. Расстояние большое – 460 миль. Приедем туда, очевидно, только завтра к вечеру. В Сан-Франциско в лучшем случае будем 1 декабря вечером. Целую тебя и Петеньку нежно и долго. *Ваш муж и отец Женя*

Привет друзьям и знакомым. Пиши, пиши.

---

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 460]

---

*Письмо В.Л. от 20 ноября 1935 г. (получено 3 декабря 1935)*

Женечка, получил ли ты мою телеграмму на твое совершенно страшное и нетактичное письмо? Если бы ты знал, что оно принесло мне столько тоскливых и тяжелых дней, я думаю, что ты бы, прежде чем писать мне, подумал и решил, что незачем оскорблять свою жену, которая тебя очень любит и страшно тоскует. Я не могу сидеть на месте, мне, как это так пусто без тебя. Петенька в детском саду, а я дома, делать мне ничего не хочется. Я с большим трудом занимаюсь английским и даже не знаю, почему у меня какое-то странное состояние, чем это объяснить, я не знаю. Вообще жаловаться нельзя.

Я хожу с Клавой Кирсановой в театр и, когда она дома, то сижу у нее (Сема уехал, я тебе уже об этом писала).

И вот я получаю твое письмо и не могу до сих пор успокоиться. Женечка, ну подумай, разве можно писать такие письма, ответ на которое ты можешь получить через 2 или 3 недели, да еще оно ко мне будет идти 2 недели, значит, месяц, а потом я на свое письмо получу ответ через месяц. Дорогой мой любимый Женечка, я не знаю, как ты, но если я получу еще такое письмо, то будь покоен, уж тогда-то я заболею и мама напишет телеграмму. Я тебе в письме, которое послала 18 ноября, вложила квитанции, которые случайно были у меня в сумке, вот хорошо, что я их не порвала и не потеряла, но имей в виду, что это еще не все квитанции, потому что я не всегда брала квитанции. Но теперь я буду беречь их, как паспорт, так что к твоему приезду будут в целости и со-



хранности. Женечка, ты не смотри на мои каракули, у меня что-то болит рука, наверное, разошлась или подагра или ревматизм. У нас в Москве уже морозы. Петенька завтра наденет валенки, а то у него очень мерзнут ножки. Он сейчас занят делом, готовит для тебя сюрприз. Он хочет к твоему приезду научиться писать и читать. У него есть азбука, букварь, он знает много букв и страшно гордится тем, что ты приедешь, а он уже будет читать, и ты, конечно, страшно этому будешь рад. Он все время спрашивает о тебе и ждет-не дождетя твоего приезда. А я уже и не знаю, какой тебе приготовить сюрприз. Женечка, любимый мой мужик, приезжай поскорее. Да вот еще вспомнила: я была у Маруси, она мне вынула пачку писем, такую, что я ахнула, а ты мне послал каких-то пять писем и все, хоть бы телеграммку. Ну да ладно, приедешь, уж тогда я тебя поругаю. Будь здоров, путешествуй спокойно, твоя жена будет всегда только твоей что бы ни произошло.

Петенька тебя целует, скоро напишет тебе письмо. Дома все благополучно. 2 собаки, Петенька и я.

Нежно, нежно, любящая тебя Валя. Целую, целую, целую, пиши чаще.

Вложена полоска бумаги:

Женик, посылаю образец материала. Если будут деньги, купи 5 метров черного на платье.

---

3 декабря 1935 г.

Сан-Франциско

Дорогой мой, любимый кутик! Приехали в Сан-Франциско вчера вечером. Нашел в консульстве пересланные из Нью-Йорка твои письмо и телеграмму. Рад был страшно. Письмо было злое, а телеграмма добрая. Ну, и так как телеграмма пришла позже, то я успокоился. Еще раз прости меня, любимая коза, за то письмо. Правда, с тех пор я уже много раз просил прощения, и ты, судя по телеграмме, простила, но под свежим впечатлением твоего письма еще раз сожалею о моей вспыльчивости, вызванной тоской по тебе и, конечно, ревностью.

Итак, Валик, мы добрались до Тихого океана. Сейчас он виден из окна комнаты, в которой я пишу это письмо. Виден пароход. Виден знаменитый островок со знаменитой тюрьмой, в которой сидит знаменитый бандит Аль-Капоне.

В городе еще ничего не видел. Только что встал, принял ванну и отхожу после 25-дневной поездки на автомобиле. Все-таки, несмотря на по-



разительные дороги и удобства, 5000 миль (8000 километров), вещь довольно утомительная. Обратно нам предстоит сделать такой же длинный путь, но в другом направлении. Пробудем в Сан-Франциско четыре дня. Тут в нашу честь собираются устраивать прием, так что, может быть, задержимся еще на день. Потом (2 дня езды) – Лос-Анжелос с Холливудом. Там собираемся пробыть 6 дней. После этого через Юг страны – обратно в Нью-Йорк, где, очевидно, будем к 10-му января. Дальше (это выяснится только по приезду в Нью-Йорк) поедем на острова Кубу и Ямайку на банановом (он же пассажирский) пароходе. Займет это две недели. Надо полагать, в Европу выедем к 1-му февраля. Тут многое зависит от денег, коих у нас в обрез. Еле хватит вернуться. Автомобиль выкупить не сможем (увы! увы!). Но зато путешествие – замечательное, материалов множество. Книга должна выйти хорошая. Это самое главное.

Понравилась тебе шляпа? Я выбирал ее в Париже с Любовью Михайловной часа два. Кажется, тогда я купил еще маленькую ночную рубашечку и еще что-то. Напиши. Я очень рад, что туфли тебе хороши. Удивительно, что одна пара. Я дал денег на две. Может быть, еще одну пару пришлют позже. Образчик материала для платья я получил. Если будут деньги (что сомнительно), конечно, куплю в Европе, по дороге домой.

Ну, коша моя любимая, до свидания, скорого и нежного. Хочешь девочку? Напиши срочно. Если хочешь, я буду очень, очень рад.

Пиши подробнее. Ты все еще пишешь мало. Как Петик? Ходит ли в детский сад? Как дома? Как друзья, знакомые? Как, наконец, собаки? Напиши все, все. Специально сообщи Роману Павловичу, что еще вчера видел Сан-Францисский мост, что зрелище это потрясающее, что, может быть, на днях увижу строителя моста Моисеева и обо всем расскажу ему по приезду домой.

Крепко, крепко целую тебя, обнимаю и люблю. Поцелуй Петеньку.  
*Всегда твой Женя*

Только что принесли письмо из Нью-Йорка с твоей телеграммой. Спасибо.

---

P-2997, КП-29696/1-2

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 461-462]



Открытка:

6 декабря 35 г. Сан-Франциско

Дорогая девочка! Мы все еще в Сан-Франциско. Это покуда самый приятный из всех американских городов – он одновременно похож и на Неаполь, и на Одессу, и на Нью-Йорк. Письмо послал позавчера. Целую нежно обоих – дорогих жену и сына. Обнимаю и проч. Пиши побольше. Всегда твой Женя

---

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 464]

---

Письмо В.Л. от 22 ноября 1935 г. (получено 4 декабря 1935)

Здравствуй, дорогой мой Женечка, письмо, которое ты написал 7 ноября, а то, с чеком, я еще не получила. Выходит, что я получила 2 ноября, а потом уже которое ты писал 7 ноября. И между этими письмами я ничего не получила, но надеюсь, что письмо с чеком когда-нибудь до меня дойдет. Вот видишь, как странно приходят письма. Женечка, напиши, когда вы приблизительно приедете. Прямо я так мечтаю, чтобы поскорей наступил день, когда я пойду с Марусей на вокзал. Наверное, вы приедете в Ленинград, тогда тебя буду встречать в Ленинграде.

Дома у нас все благополучно. Василиса мне не подошла. Сейчас у меня другая. Какая она будет, не знаю, только мне ее очень рекомендовали хорошо, она прекрасно готовит, прямо помешана на собаках, страшно любит собак. Василиса даже не хотела подтереть за маленьким щенком, про которого я тебе уже писала. Щенок чудный, назвала я его «Куба», но мы зовем его «Кубкой», он уже знает кличку и место. Когда ты приедешь, то, смотри, он у нас кусается, злой-презлой. Женечка, я тебе послала ответ на твое письмо (2 ноября) 2 письма и 2 телеграммы, получил или нет? Теперь я, слава Богу, уже успокоилась, а то я просто была в панике.

Женечка, диван купить тебе не смогу, потому что плохой я не куплю, а хороший стоит страшно дорого – 3 или 4 тысячи, а у меня денег кот заплакал. Я разорилась на покупки. Я купила туалет у Валентина за 1000 руб. Но я тебе кое-что придумала, если все удастся, тогда я думаю, что тебе понравится.

Пиши мне чаще, а то у Маруси целая библиотека из Илиных писем, и она страшно задается. Женик мой золотой и любимый, множество раз мечтаю о твоём приезде.



Я занимаюсь английским очень аккуратно, более аккуратно, чем когда мы занимались с тобой. За Петеньку, оказывается, я должна деньги в сад, а вышло наоборот, так что я сразу заплатила 300 р., потом за страхкасу 100 р., а также Оле за отпуск, который она брала у меня, 200, и еще массу вещей, которые мы с тобой не считали. Мне очень не хотелось трогать эти 1500 тысячи, но делать нечего, придется их взять. А в общем чепуха, денег мне хватит. Авось не пропаду.

Женечка, насчет арматуры – достать невозможно. Ты купи в Америке. Знаешь, мне говорили, что там есть такие складные и вообще привези что-нибудь из мелочей для ванной комнаты.

Целую тебя 1 0000000000000000000000... раз. Любящая тебя твоя Валя

Очень волнуюсь вашим путешествием. Поезжайте осторожно, не гоните машину.

Петенька тебя целует и посылает письмо, которое он написал сам, т.е. списал. Целую, целую очень и очень скучаю по тебе.

Женечка, я послала ответ на твое письмо, которое ты написал 2 ноября, но теперь я уже успокоилась, все разъяснилось. Целую нежно, желаю хорошего и счастливого путешествия и возвращения.

Только что получила твое письмо с чеком, которое пришло позже этого.

---

---

### ОТВЕТ ПЕТРОВА НА ЭТИ ПИСЬМА:

10 декабря 1935 г. (получено 30 декабря 1935 г.)

Холливуд

Дорогая Валинька!

Сегодня прислали нам вдогонку из Сан-Франциско свежую почту. Получил сразу два твоих письма и одну телеграмму. Одно письмо от 20 ноября, другое от 22-го. Телеграмма от 2 декабря. Очень, очень благодарю тебя за то счастье, которое доставили мне твои письма. А телеграмма – чудная штука! Посылай их как можно чаще! Ведь самое главное – я скорее узнаю, что происходит дома.

В моем письме меня удивила фраза о том, что тебе пришлось платить в детский сад за те месяцы, что Петя был болен. Когда он был болен? И чем? Или, может быть, это касалось еще старой его болезни – весною. Напиши, пожалуйста, подробней.

Ты снова спрашиваешь, когда я приеду. Видно, ты не получила письма, где я подробно писал тебе о наших планах. Напишу еще раз.



К 10 января мы будем в Нью-Йорке. Там нам обещали устроить поездку на Кубу и Ямайку (посмотри на карте) на две недели. Не знаю, удастся ли эта поездка. Если удастся, мы выедем туда в середине января и вернемся в Нью-Йорк к 1-му февраля. Затем, как только сможем скоро, выедем в Европу. «Нормандия» сейчас ремонтируется, а другие пароходы делают рейс через Атлантику в 6-7 суток. Таким образом, в Лондоне мы будем примерно к 1-му февраля. Дальнейший маршрут пока еще точно не определен. Есть три варианта: 1) Лондон – Ленинград, пароходом, без остановок; 2) Лондон – Берген пароходом, и дальше, через Норвегию, Швецию и Финляндию – поездом до Ленинграда; 3) Лондон – Париж – Берлин – Варшава – Москва, разумеется, поездом. Вот – выбирай. Лично мне улыбается маршрут № 2. Увидим, хотя и мельком, скандинавские страны. Предварительно побудем в Лондоне одну-две недели (я давно об этом мечтал). Ильф склоняется к маршруту № 3. Там будет видно. Во всяком случае, все три варианта приведут нас в СССР в одно и то же время – к концу февраля. Мы путешествуем страшно экономно, отказываем себе буквально во всем, чтоб как можно больше увидеть, и, я надеюсь, нам хватит денег провести этот грандиозный план.

Если Куба и Ямайка не выгорят, приедем на две недели раньше. Разумеется, в случае приезда в Ленинград я сообщу вовремя, и ты приезжай туда встречать мужа-путешественника (почти что кругосветного).

Еще раз благодарю тебя и Петеньку за письма. Ему я собираюсь купить электрическую железную дорогу. Это очень дорогая штука, и, может быть, не хватит денег. Поздравляю с новым туалетным столом. Радуюсь твоему счастью. Я давно мечтал о такой штуке для тебя. Продай фисгармонию и купи себе еще что-нибудь (или что-нибудь для дома). До скорого свидания, моя любимая жена и друг. Пошла вторая часть пути. Целую тебя всю, нежно и крепко. Обними Петеньку. Приветствую Леонтия Исидоровича, Татьяну Петровну, Сашу и всех знакомых. *Весь твой Ж.*

---

ОЛМ. Р-2993, КП-29692

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 469-470]

---

---

10 декабря 1935 г. Холливуд – Лос-Анжелос

...Вот мы попали еще в одну неисследованную точку земного шара. Для вашего брата-киноактрис (ты всё еще хочешь сниматься?) это предел мечтаний. Для нашего же брата-писателя это обыкновенный, одноэтажный



американский город со всеми его «кафе-шопами», аптеками (в аптеках здесь едят и можно купить что угодно, вплоть до часов) и замечательными, широкими, как двуспальная кровать, и гладкими, как танцевальная площадка, дорогами. При всем этом огромное количество больших и малых пальм. Приехали вчера вечером. Улицы, ввиду приближения Рождества, украшены искусственными елками, надетыми на фонарные столбы. Елки эти усыпаны электрическими лампочками. Горит вся улица, от края до края. Это красиво. Сейчас утро, и я еще не выходил из гостиницы «Холливуд», что на Холливудской улице. Вижу через окно асфальт улицы, залитый солнцем, горят стекла автомобилей. Прошел очень длинный кирпично-красный вагон трамвая...

Фактически Сан-Франциско была крайняя точка нашего путешествия. Теперь медленно, но верно мы начали двигаться домой. Настала вторая часть путешествия. Сейчас кончу письмо и поеду в Лос-Анжелос на почту...

Хочу домой, в Москву. Там холодно, снег, жена, сын. Приходят симпатичные гости, звонят по телефону из редакции. Там я каждый день читал газеты, пил хороший чай, ел икру и семгу. А котлеты! Обыкновенные рубленые котлеты! С ума можно сойти! Или, например, щи со сметаной или бефстроганов.

Ну, размечтался!..

---

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С.467]

---

### ОТВЕТ НА ЭТО ПИСЬМО:

29 декабря 1935 г. (получено 10 января 1936 г.)

**Золотой мой Женик. Поздравляю тебя с Новым годом. Когда ты получишь это письмо, уже будет 1936 г. Когда ты, наконец, приедешь, уж очень хочется тебя поскорее увидеть. Когда ты приедешь, мы устроим большой бал. Мне звонил Р.П. и просто потребовал, чтобы был Бал в честь нашей с тобой встречи. Ура! Женечка, как-то ты там поживаешь? Я сегодня получила твое письмо из Халивуда. Я очень обрадовалась, что теперь уже ты повернул на Москву. Очень приятно получать письма задним числом, потому что знаешь, что ты уже дальше, чем твое письмо, которое я уже получила. Ну, коша дорогая, воображаю, чего только ты не видел, прямо завидно. Женик, напиши, как с Халивудом, будете или нет что-нибудь писать?**

Конечно, очень жаль, что нельзя привезти машину, ну да неважно, у нас теперь выпускают очень хорошие машины, так что когда мы раз-





богатеем, купим. Коша моя дорогая золотая, скучаешь ли ты по мне или нет? М.б., у тебя есть какая-нибудь Американка? Смотри, узнаю – разлюблю. Пиши чаще, а то не буду писать. Получил ли ты мои телеграммы с поздравлениями? У нас всё благополучно. Был у меня вчера Роман Павлович, мы с ним долго и много о тебе говорили.

Женечка, как ты думаешь, приедешь ли к середине февраля или в марте? Неужели так долго придется ждать марта.

Все наши друзья и знакомые посылают тебе привет. Женик, напиши, как и когда тебя встречать? Кошечка моя дорогая, я очень по тебе истосковалась и вообще мечтаю, чтобы ты был дома, а уж я тебе нажарю таких котлет, каких в Америке нет. У нас теперь продается замечательная икра и лососина такая, что пальчики оближешь.

Ну, дорогой мой МУжик, нежно обнимаю и целую множество раз, крепко любящая тебя Валя и сын Женя.

P.S. Саша, мама и папа шлют тебе горячие приветы.

Целую, обнимаю, любящая всегда только твоя Жена

---

14 декабря 1935 г. Холливуд

...В Холливуде мы задержались на десять дней. Очень знаменитый и весьма советски настроенный кинорежиссер Майльстон заказал нам сценарий по сюжету, который мы ему рассказали и который ему понравился. Работа предстоит очень тяжелая. Чтобы не увеличивать сроков поездки и приехать домой как обещали, в середине февраля, мы должны будем работать, как звери... По окончании работы мы поедем дальше по намеченному маршруту, а Майльстон пришлет нам в Нью-Йорк ответ: принят сценарий или не принят. . . Однако мы не обольщаем себя надеждами. Комедия будет из американской жизни, довольно сатирическая, и голливудские зубры могут испугаться. Здесь зверская цензура (церковная и политическая). Живут, несмотря на крупные заработки, уныло. Режиссеры и актеры жалуются, что хозяева не дают им свободно вздохнуть. Безумно боятся, что в любую минуту могут оказаться на улице. Кино в упадке. На одну хорошую картину приходится несколько сотен неслыханной дряни и пошлятины. В кино просто невозможно ходить. Некоторые хорошие режиссеры устраивают нам частные просмотры и показывают хорошие фильмы за несколько лет...

---

[Публикуется по: И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч в 5 т. Т. 4 – М.: ГИХЛ, 1961. – С.572]



20 декабря 1935 г. Холливуд

...Работаем по целым дням, как звери. Хотим кончить раньше десятидневного срока. Холливуд опротивел окончательно и бесповоротно. На первый взгляд непонятно: как это может опротиветь чистенький город с одним из самых устойчивых на земном шаре климатов. Мне это было неясно. А теперь я понял. Здесь всё какое-то неживое, похожее на декорацию. Сильное, резкое солнце. Поэтому – резкие тени. На солнце жарко, в тени – холодно. Обилие больших пальм, как всегда придающих городам декоративность. Полное отсутствие архитектуры – одноэтажные и двухэтажные дома, главным образом, белые. Огромное количество автомобилей, газолиновых колонок, световых реклам. Сбивающая с ног вонь от бензинового перегара. Последние дни у меня ежедневно головные боли. Театра, как и во всех почти американских городах, нету. А смотреть кинофильмы невыносимо. Обычно это бывает неслыханная, невиданная дрянь. Все хорошие фильмы за последние несколько лет мы уже успели посмотреть в несколько дней. Жду, не дождусь отъезда.

26 декабря мы должны выехать в Сан-Диего, встретиться там с нашими попутчиками и ехать обратно в Нью-Йорк с остановками в Сан-Антонио (один день), Нью-Орлеан (два дня), Миссисипи (один день), Алабаме (один день) и Вашингтоне. Там в начале января открывается сессия конгресса, на которую мы хотим попасть.

Я безумно тороплюсь. Надо работать. Есть всего минуты на отдых и письма...

---

[Публикуется по: И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч в 5 т. Т. 4 – М.: ГИХЛ, 1961. – С.572-573]

---

### ОТВЕТ В.Л. НА ПИСЬМА ПЕТРОВА от 14 и 20 декабря 1935 г.:

7 января 1936 г. (получено 18 января 1936 г.)

Дорогой мой Женик, получила вчера твое письмо за 14 декабря, так что, как видишь, письмо шло 22 дня. 5 числа в «Правде» был ваш фельетон, очень хороший. Петенька требовал, чтобы я ему прочла, я прочла первый фельетон\*, где написано про *mr. Бутреброт*, ему страшно это понравилось. Петенька понемногу начинает сам учиться. Мне доктор не советовал его учить, потому что он очень впечатлительный мальчик, так что пусть сам учится, без посторонней помощи. Он очень по тебе скучает, гораздо больше, чем тот раз. Видно, он стал больше, и чувство его как-то стало более определенное и сознательное. Он прямо ждет не дождется, когда ты приедешь и мы пойдем тебя встречать. Про меня уж и говорить не стоит. Женечка, как же вы сможете приехать в конце



февраля, если вы собираетесь на острова, ведь это вас задержит, как ты сам писал, на 2 недели. Следовательно, вы приедете в март. Тогда я пропаду, так как денег у меня кот наплакал и март, даже два дня марта, я не проживу. Так, мой дорогой, спешу, спешу, а то я уже заждаюсь, уж очень что-то долго все тянется. Хочется, чтоб ты был дома вместе с нами. Знаешь, такая есть поговорка: «Все вместе, и сердце на месте». Уже и конверты кончаются, да и бумаги стало мало... Женик, а ты бы письма писал не через 4 дня, а через день, а то письмо получу, а потом жду целых 20 дней, знаешь, за это время чего только не передумаешь.

Женик, напиши, куда посылать письма, ведь 10 января вы из Нью-Йорка уезжаете. Да и это письмо пойдет за вами вдогонку. Наверно, я скоро получу от тебя письмо, где ты напишешь, куда писать. Но все-таки на всякий случай, а вдруг получишь это письмо на острова.

Петруха наш вырос и все больше и больше похож на тебя, мой дорогой, так что я смотрю на него, и он мне, своими разными штучками, напоминает тебя, Женичка. Ну, как ты меня любишь – крепко или нет, а может быть, уже не так хорошо помнишь или вдруг вовсе забыл, да так по старой привычке катаешь нежные письма???? Смотри, ведь я очень самолюбивая, ведь всё узнаю, как только на тебя погляжу, так чтоб ты приехал и совесть у тебя была чиста!!!!!!!!

Только что принесли письмо и открытку за 20 и 22 декабря. Так что я вполне счастлива, но меня волнует уже другое – почему у тебя болит голова? Уж не болен ли ты и не хочешь мне написать. Женичка, умоляю тебя, пошли мне телеграмму, как твое здоровье, а то мне разные глупости лезут в голову. Котик мой дорогой, как я по тебе соскучилась. Вот уже скоро приезжает Сема Кирсанов из Парижа, а он уехал намного позже, чем ты, а тебя еще нет. Вот у нас с тобой будет встреча, ух!!!

Женичка, дорогой мой, любимый очень, очень. Так мне тебя не хватает страшно, некому пожаловаться, не с кем, знаешь, так по-своему, поговорить, и даже не на кого покричать, только один Петух. Ну, дорогой мой золотой, всего хорошего, будь здоров целую нежно, нежно.

Все наши посылают тебе привет.

Напиши, как здоровье. А то буду все время волноваться.

*\* Дорога в Нью-Йорк. – Правда, № 323, 5 янв. 1935.*

---

23 декабря 1935 г.

Холливуд

Дорогая, обожаемая моя Валенька!

Как это ни странно, но ничего нового сообщить тебе не могу. Разве только описать довольно унылый номер гостиницы, где мы живем. Хол-



ливуд безумно надоел. Сегодня точно выяснится, когда мы отсюда уедем. Может быть, завтра. А по всей вероятности 26-го утром.

Писать кончили позавчера вечером. По-моему, получилось хорошо. Ильфу тоже нравится. Посмотрим, как отнесется к нашей работе Майльстон. Сегодня он с ней познакомится.

Да! Вот это уже более интересно: вчера мы ездили в Пасадену. Это городок в 15 милях от Холливуда. Прогуливались там и забрели на небольшой стадион, где шла игра в бейз-болл. Совершенно неожиданно встретили там Уптона Синклера, с которым нас и познакомили. Мы вообще хотели с ним повидаться, но нам сказали, что сейчас в Пасадене его нет и что он путешествует по Америке. Оказалось, он вернулся два дня тому назад. Так что все вышло необыкновенно удачно.

Это чрезвычайно интересный человек. Ему уже под шестьдесят. Но он очень оживленный старик. Наговорил нам множество комплиментов и заявил, что помнит «Золотого тельца» чуть ли не наизусть. Мы заехали в его скромный домик, и он надавал нам множество книг со своими автографами. Потом мы довольно долго беседовали с ним о разных разностях. Потом, в Пасадене же, пообедали у доктора Кавеноки [Кауна], председателя американско-русского института. Этот доктор, тоже старик, прославился главным образом тем, что был застрахован от болезни, заболел хронической болезнью сердца и теперь каждый месяц получает от страхового общества по 600 долларов. Редкий случай!

Ну, моя любимая, кончаю это письмо тысячью поцелуев и нежностей. Думаю о тебе и Петьке непрерывно. 21-го января его рождение. Может случиться, что это письмо будет идти месяц. На всякий случай поздравляю его и тебя. Для нас с тобой это очень важная дата: сыну – шесть лет. Совсем большой мальчик. Но и мы, козочка, еще не старики. Ты, во всяком случае, совсем еще молоденькая. Поэтому надо подумать о девочке. Я уже писал тебе об этом. И просил ответить. Но куда ответа не получил. Хочешь девочку? Или мальчика? Напиши поскорее.

Еще раз тебя целую и ласкаю. Передай привет Леонтию Исидоровичу, Татьяне Петровне, Саше, Саше Козачинскому, Роману Павловичу. Позвони Вале и кланяйся. Вообще – всем. *Всегда твой Женя*

---

ОЛМ. Р-3034, КП-29751/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 477-478]



26 декабря 1935 г.

Сан-Диего

Дорогой козлик!

Мы опять в пути. Выехали из Лос-Анжелоса вчера днем. Вечером приехали в Сан-Диего. Здесь переночевали. Сейчас едем осматривать город и часа через три двинемся в обратный путь – на Нью-Йорк, через юг страны. Таким образом, сегодня я начну приближаться к тебе изо дня в день.

Работу сдали позавчера Майльстону. Она ему понравилась. Мы получили 650 долларов. Следовательно, автомобиль уже наша собственность, и мы обязательно привезем его в Москву (разумеется, если получим лицензию). Машина очень хорошая. Она сделала уже больше 6000 миль (10.000 километров) и показала себя с самой лучшей стороны. Бензину берет мало и очень легка в управлении. Приедем в Москву, и ты сможешь учиться управлять машиной.

Если Майльстону удастся реализовать наш сценарий до нашего отъезда из Америки, мы получим минимум 2.500 долларов. Тогда купим еще один автомобиль. А пока будет один на двоих. Однако рассчитывать на такую быструю удачу преждевременно. Хорошо уже и то, что мы получили.

Я был очень рад вырваться из Холливуда и Лос-Анжелоса, которые мне страшно надоели. Сан-Диего еще фактически не видел, потому что приехал вечером. Сейчас посмотрим.

Плохо с письмами от тебя. Я не получал их недели полторы. А теперь до Нью-Орлеана буду томиться. Надеюсь, что у вас всё благополучно. Я очень люблю тебя и Петеньку, скучаю по вас и обнимаю.

Теперь ждать уже не очень долго. Целую тебя крепко, нежно. Будь здорова, моя любимая.

Обними Петьку.

Привет всем друзьям и знакомым. *Всегда твой Женя*

---

ОЛМ. Р-2998, КП-29697/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С. 479]

---

---

*Открытка:*

29/XII

*Хуарец, Мексика*

Дорогая Валюша!

Сегодня послал тебе письмо из Эль-Пасо. Эта открытка – из Мексики. Сегодня бой быков. Как видишь – сразу все мексиканские удовольствия.



Целую тебя нежно и крепко. Обними Петьку, кланяйся всем друзьям и знакомым. Следи за моим путешествием по карте (к моему возвращению будешь знать географию).

Целую, обнимаю, люблю. *Женя*

---

ОЛМ. Р-3032, КП-29723

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С.481]

---

---

*29 декабря 1935 г. Эль Пасо, Техас*

...Вчера вечером приехали в Эль Пасо, штат Техас, на самой границе с Мексикой. Пообедали и пошли гулять по городу, отличающемуся от нормальных американских городов несколько большим оживлением. Неожиданно выяснилась весьма привлекательная штука. Оказывается, здесь есть мостик, проложенный через речку. Речка – это граница. А за речкой – мексиканский город Хуарец в самой что ни на есть Мексике, и ходить через мостик можно без всякой визы. Мы, конечно, отправились в этот Хуарец. И действительно, сразу же за мостом началась совсем другая страна: грязно, живописно, на улицах полно праздного народа. Стоят такие мексиканские парни с бачками, в широкополых шляпах, с лимонными лицами, торгуют семечками, орешками, чистят желающим ботинки и проч. За самым мостом множество баров и кабаре. Это сохранилось со времен «сухого закона» в Америке, когда американцы ходили через мост выпить. Теперь алкогольное значение этого великого города исчезло. Из достопримечательностей, рекомендуемых населением, есть рынок, церковь и тюрьма. Сейчас позавтракаем и пойдем смотреть.

Сегодня в Хуареце состоится бой быков. Надеемся туда попасть. Будут выступать две тореадорши, которые убьют четырех быков.

Видишь, какой чудный сюрприз в пустыне!

...Завтра утром едем в Сан-Антонио, затем в Нью-Орлеан. Дальше немного изменим маршрут – поедем во Флориду, до Миами и даже дальше – в Ки Вест (посмотри на карте). Оттуда, если получим визу, переедем на пароме с автомобилем в Гавану (остров Куба), покатаемся там два дня – и домой – в Нью-Йорк. Будем там 17–20 января. Зато пароходное путешествие на Кубу и Ямайку отпадает, и мы сразу же выедем в Европу...

---

[Публикуется по: И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч в 5 т. Т. 4 – М.: ГИХЛ, 1961. – С.573-574]

---

---

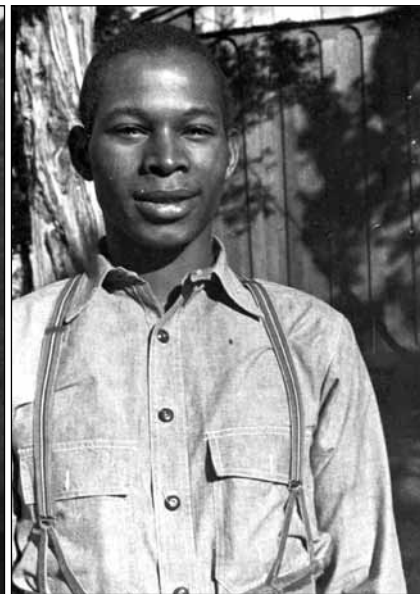


Фото И. Ильфа. США, 1935



31 декабря 1935 г.

Сан-Антонио.

Техас

Дорогая, горячо любимая Валюшенька!

Сейчас 7 часов вечера. В Сан-Антонио приехали только что. Я побрился, и, пока Иля бреется, у меня есть небольшое время на письмо.

Как раз сейчас в Москве встречают новый год. Желаю тебе счастья. Расти большая, большая, до 99 лет. Если хочется, можно и больше – лет до 120. После того паршивого письма, за которое я уже много раз просил прощения, даю честное слово никогда тебя не обижать. Я сделаю все, чтобы ты и Петенька всегда были счастливы и веселы. Интересно знать, где ты находишься в эту минуту? С кем ты встречаешь этот новый год уже второй раз без меня? Напиши подробно.

Сейчас пойдем обедать, а потом смотреть, как американцы встречают новый год – куда-нибудь в ресторанчик. Город я еще не успел рассмотреть. Как будто ничего себе. На улице стреляют. Не пугайся – это где-то пускают фейерверк.

Сегодня запросто отмахали 350 миль (больше пятисот километров). И так каждый день после Холливуда (с перерывом в Эль-Пасо).

Завтра утром погуляем по городу и в полдень двинемся дальше. Жду не дождусь Нью-Орлеана, где надеюсь получить твои письма и телеграммы. Я ничего от тебя не получал уже около двух недель и страшно волнуюсь. В Нью-Орлеане будем, очевидно, послезавтра вечером. Пробудем там два дня. Потом дальше – через негритянские штаты.

У меня новость. Наш план изменился. Мы во Флориду и Кубу сейчас не поедem. А поедem на Кубу и Ямайку на пароходе по возвращении в Нью-Йорк. Только что получили телеграмму, что поездка эта устроена. Поедем, вероятно, числа 17, 18-го и назад, в Нью-Йорк, вернемся в 1-му февраля. А там на ближайшем быстроходном корабле – в Европу. В общем, в Москву приедem, как и предполагали, в конце февраля. А может быть, и в середине (будет зависеть от денег).

Если у тебя слабо с деньгами (мне кажется, что должно хватить), позвони Ароше Эрлиху. Там нам следует за фельетон. Кое-что получишь. А если мало, позвони Вале – пусть где-нибудь достанет.

Ну, дорогая девочка, до свидания. Целую тебя очень очень крепко, нежно. Обними Петеньку. Скажи – папа обнимает.

Передай привет Леонтию Исидоровичу. Татьяне Петровне, Саше и всем друзьям и знакомым. Роману Павловичу, Боре Левину, Мише Раухвергер-





ру, Саше Козачинскому (если приехал), Кригерам и Александру Львовичу.  
*Всегда неизменно твой Женя.*

---

ОЛМ. Р-2999, КП-29698/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильфа. – М.: Текст, 2003. – С.485-486]

---

---

*Письмо В.Л. от 18 декабря 1935 г. (получено 7 января 1936)*

Мой дорогой мУжик, где ты можешь быть? По моим расчетам ты находишься в Калифорнии. Там тепло, а у нас очень хорошая зима, тепло, идет снег, которого ты в Калифорнии не увидишь. А может, там есть, я же в этом, как ты знаешь, не очень сильна. У нас дома все благополучно, деньги тетям я посылаю регулярно, а также оплата квартиры и т.д. Собаки смешные, маленький, которого я прозвала Куба, очень злой, боюсь, что Юрсу не сдобровать, уже сейчас он его таскает за уши, но Юрсик все покорно переносит...

Дорогой мой Женечка, скоро Новый год, как то ты будешь его встречать опять без меня, а я страшно горюю, что тебя нет со мной, чтобы мы могли вместе встречать 1936 г. Помнишь, как мы однажды встречали Новый год, поехали в театр, а потом на лихаче в санках поехали домой. Я страшно трусила, помнишь?

Знакомые все шлют горячие приветы. Валюн по-прежнему домосед. Эстер заметно прибавляет в весе, очень при этом огорчена, что не сможет встречать Новый год в бальном платье. Вот видишь, Женечка, что всё по-старому и перемен никаких нет, как жили, так и живем.

Сын наш стал большим мальчиком, и очень умный. Женик, я не помню, писала ли я о том, что в один прекрасный день Петушка застали на кухне, где он... (ну как ты думаешь – что?) курил.

Я тогда стала ему читать лекцию о вреде табака, но самое смешное, что обыкновенно он или плачет, когда я его ругаю, или страшно обижается, а тут он стоял гордый и даже смелый, с таким достоинством, просто он вдруг почувствовал, что он стал в связи с курением совсем взрослый мужчина. Ну вот, какой у тебя взрослый сын. А я, конечно, по словам Петеньки, еще совсем маленькая, да еще я похудела, так что к твоему приезду буду совсем за маленькую девочку, о которой ты мечтаешь. Ну дорогой мой, очень-очень любимый, как ты выглядишь – поправился или нет. Почему ты не пришлешь мне еще карточку с нормальным носиком. Твоя карточка висит на моем туалетном столе, и каждый



раз, когда я ложусь спать, я немножко начинаю мечтать о том дне, когда ты приедешь и когда мы с тобой устроим брачную ночь, думаешь ли об этом? Или вовсе даже и не думаешь? Ну золотой любимый, до свидания, целую множество раз. Всегда любящая тебя твоя жена Валя.

Мама, папа и Саша посылают тебе сердечный привет. Целую нежно, страстно.

---

*Письмо В.Л. от 24 декабря 1935 г. (получено 7 января 1936 г.)*

Дорогой мой Женечка, что-то я опять не получаю писем, меня это очень волнует. Как твое здоровье? Ты знаешь, как-то в Москве всё празднично, все ждут Нового года, готовятся, хлопочут, бегают, покупают всё, что нужно и не нужно, а меня этот Новый год как-то совсем не волнует, я даже не знаю, буду его встречать или нет. Меня Валя и Эстер зовут встречать с ними в Метрополь, но мне что-то не хочется, там будет скучно, еще, может быть, буду встречать с Ардовыми в Театральном клубе. Кстати, Виктор вернулся к Нине, и они зажили по-старому. Еще к нам собирается присоединиться Клава Кирсанова. Но это все мне неизвестно, что-то и негде и не хочется встречать Новый год, а дома будет очень скучно сидеть. Женик, как-то ты будешь встречать Новый год опять без меня или тебя это не огорчает, ты мне за последнее время пишешь только открытки, и я даже не в курсе твоей жизни, что-то смутное можно понять, как в тумане, из всех открыток. Смотри, пиши больше и подробное письмо. За все время от тебя я получила, правда, одно письмо в 8 страниц, да и то сумасшедшее, а ты пиши большие письма, но нормальные. Ведь мне очень интересно знать всё, что ты делаешь. Ну вот могла бы написать много, но воздержусь, а то и так письма посылаю большие-пребольшие.

Дорогой мой золотой, любимый, нежно, страстно, горячо и бесконечно.

Петенька посылает тебе поцелуи и привет. Все время мечтает поехать тебя встречать в Ленинград, только волнуется, как он будет в вагоне спать, предлагает мне взять его кроватку с собой. Он теперь совсем взрослый мальчик. На днях он причесывался перед зеркалом и сделал новую прическу, потом обращается ко мне и спрашивает: «Как тебе нравится такая «ситуация»?»

И вообще приезжай скорей, а то иссыхаю

Нежно любящие жена и дети

ВАЛЯ ПЕТЯ



5 января 1936 г.

Пенсакола, Флорида

<...> Расстояние между нами всё уменьшается. Сегодня выехали из Нью-Орлеана и сделали свыше двухсот миль. Это немного. Но нас застал дождь, а ехать ночью по мокрой дороге не рекомендуется. Заночевали в городе Пенсакола. Это небольшой порт на берегу Мексиканского залива. К твоему сведению, Мексиканский залив – это тот самый, откуда выходит Гольфштрем. В течение сегодняшнего дня побывали в четырех штатах: сперва Луизиана, потом Миссисипи, потом Алабама и, наконец, Флорида. Почти весь день ехали по берегу залива. Шел дождик. По заливу бежали барашки. Масса замечательных сооружений по борьбе с водой: мостов, дамб, набережных. За всё это пришлось платить. Один раз за проезд через мост взяли полтинник, второй раз – один доллар тридцать пять центов. Вдохнули и заплатили. Расходов много, несмотря на то, что машина очень экономична и берет минимум бензина и масла и что мы живем бодрой монашеской жизнью, не позволяя себе никаких роскошей и излишеств. По вечерам, сидя на кроватях, тупо считаем доллары и центы и поражаемся, что этих самых долларов и центов становится всё меньше и меньше.

– Нет, – говорим мы каждый вечер, – надо сократить расходы.

Вспоминаем советы каких-то докторов, которые рекомендовали лечиться голодом и не есть по нескольку дней. Сожалеем, что доктора не изобрели способа не платить за гостиницу и бензин. А в следующий вечер опять считаем центы и доллары.

Нет, нет, пора домой! Мое любопытство истощилось, нервы притупились. Я до такой степени набит впечатлениями, что боюсь чихнуть – как бы что-нибудь не выскочило. А вокруг масса интересного. Всюду негры, негры и негры. Для них особые уборные, кинематографы, церкви и отделения в трамваях. Живут паршиво, чего нельзя сказать о богатых белых. Нам уже всё известно. Мы уже знаем об Америке столько, что большего путешественник узнать не может. Домой! Домой! Сейчас не знаем, что делать – предстоит райское и к тому же бесплатное путешествие в тропики. Двенадцать дней мы сможем отдыхать от непрерывной двухмесячной езды и работать. Мы можем увидеть Ямайку – один из самых красивых уголков на земле. И вот колеблемся – ехать или не ехать. Ведь знаем, что все нас будут ругать последними дураками и сами мы себя будем ругать, если не поедим; но вот не можем решить. Ум хочет в тропики, а душа – в Москву, в Нащокинский, кривой и грязный переулочек! В Нью-Йорке решим, как быть. А пока с такой стремительностью мчимся в этот небезызвестный город, что даже оставляем в стороне Миами – один из самых краси... уголочко... Черт с ним!.. <...>



На листе изображение  
и название отеля:

Cairo Hotel

Q at 16<sup>th</sup> Street, N.W.

Washington, D.C.

10 января 1936 г.

Вашингтон

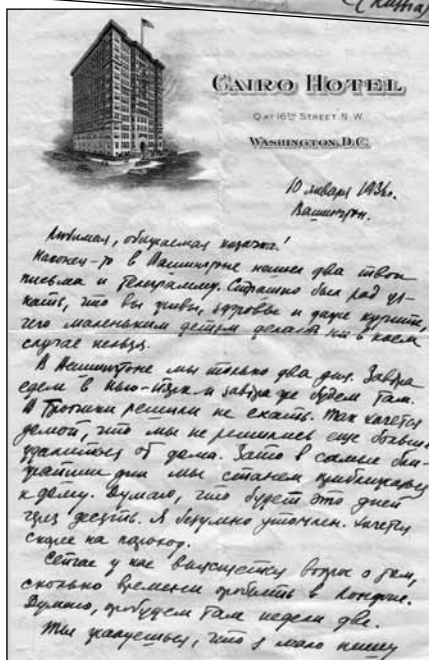
Любимая, обожаемая козочка!

Наконец-то в Вашингтоне на-  
шел два твои письма и телеграмму.  
Страшно был рад узнать, что вы  
живы, здоровы и даже курите, чего  
маленьким детям делать ни в коем  
случае нельзя.

В Вашингтоне мы только два дня.  
Завтра едем в Нью-Йорк и завтра  
же будем там. В тропики решили не  
ехать. Так хочется домой, что мы не  
решились еще больше удалиться от  
дома. Зато в самые ближайшие дни  
мы станем приближаться к дому. Ду-  
маю, что будет это дней через десять.  
Я безумно утомлен. Хочется скорее  
на пароход.

Сейчас у нас выясняется вопрос  
о том, сколько времени пробыть в  
Лондоне. Думаю, пробудем там не-  
дели две.

Ты жалуешься, что я мало пишу  
тебе. Это неверно, козлик. Я пишу,  
как зверь – и именно письма. И доволь-  
но большие. Вот Иля, действи-  
тельно, хитрый. Он печатает на машинке открытки по два раза в день.  
Вернее, по одному разу. Строк это занимает немного, на все уходит 1 ми-  
нута, и – дело сделано. Я же пишу тебе больше писем, и для моего густого  
почерка они очень велики. Они (ты права) – туманны; но это естествен-  
но. Я утомлен, полон впечатлений, каждый день делаю записи и просто  
не в состоянии писать письма литературного характера. Приеду – все  
тебе расскажу, да и потом ты, если захочешь, прочтешь то, что мы на-  
пишем по приезду.





Моя любимая. Ты спрашиваешь, думаю ли я о тебе, о том, как мы, наконец, встретимся. Я в каждом письме пишу тебе об этом, но, верно, письма наши скрещиваются.

Ну, котик, до скорого, скорого свидания.

Безумно спешу на свидание к сенатору Боре.

Целую, целую, обнимаю обоих, нежно, нежно.

Скоро буду дома. *Всегда твой Женя.*

---

ОЛМ. Р-3000, КП-29699/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С.490-491]

---

---

12 января 1936 г. Нью-Йорк

...Ура! Ура! Вчера возвратились в Нью-Йорк. От Вашингтона до Нью-Йорка ехали поездом. Так как задержались в столице на два дня, и наши попутчики уехали вперед на машине. Всего сделали в машине ровно десять тысяч миль или шестнадцать тысяч километров, а сама автомобильная поездка заняла ровно два месяца – выехали из Нью-Йорка 9 ноября, а вернулись в Вашингтон 9 января. К счастью, не было ни одного маломальски серьезного «эксидента», хотя несколько довольно печальных аварий мы видели по дороге. Оба мы зверски устали. В особенности Ильф. От поездки в тропическое путешествие решили совсем отказаться. Хотя оно и заманчиво, но тоска по дому перевесила. Хочется скорее сесть на пароход и плыть в Европу. Завтра утром пойдём в Интурист и договоримся о точном дне отъезда...

В Англии хотим пробыть недели две. Потом – прямо домой. Европейский маршрут еще не решен, но, по всей вероятности, поедём на Ленинград...

В Вашингтон попали очень удачно – видели президента, были представлены министру иностранных дел, присутствовали в конгрессе во время голосования сенсационного вопроса о премиях для ветеранов войны, видели старика Моргана во время допроса его сенатской комиссией и имели беседу с сенатором Бора – одним из возможных кандидатов в президенты. Как видишь, последние дни путешествия оказались не менее удачными, чем предыдущие...

---

[Публикуется по: И. Ильф, Е. Петров. Собр. соч в 5 т. Т. 4 – М.: ГИХЛ, 1961. – С.575-576]



14 января 1936 г.

Нью-Йорк

Дорогая, любимая Валюшенька!

Уже могу сообщить тебе более точные сведения – выедем мы из Нью-Йорка 22-го января пароходом «Маджестик», английской линии. Каюта у нас опять будет 1-го класса. Так что все в порядке.

Рейс продлится гораздо дольше, чем рейс «Нормандии». В Лондоне будем 29-го января. Сейчас ты мне уже не пиши на Нью-Йорк, а пиши в Лондоне – полпредство, для меня. Узнай точный адрес полпредства. Думаю, в этом тебе поможет Муля Гуревич.

Вчера отправил тебе письмо. Завтра напишу большое. Сейчас – до свидания, моя радость. Уже очень недолго осталось ждать – к 15 февраля будем в Москве.

Обними и расцелуй Петеньку. Привет друзьям и знакомым.

Крепко, крепко целую, обнимаю, люблю. *Всегда твой Женя*

---

[Впервые опубликовано: Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И.Ильф. – М.: Текст, 2003. – С.494-495]

---

*Письмо В.Л. от 3 января 1936 г. (получено 18 января 1936 г)*

**С Новым годом, мой золотой, как ты себя чувствуешь в 1936 году? Мы с Петенькой очень хорошо. Маруся получила телеграмму от вас и сообщила мне. Почему это телеграмма на ее имя, а не на мое? Разве ты не знаешь Марусю, я очень обижена. Нужно было послать телеграмму на мое имя. Тем более поздравительную. Маруся в этом случае очень нетактичный человек. Когда я ей звоню и говорю, что я получила от тебя сразу 2 письма, она говорит, что получила 10, а если я говорю, что 4, она говорит – 12, и сколько бы я ни получала, она всегда говорит, что больше и лучше, а тут еще она получила телеграмму, так что ты можешь быть вполне спокоен, что торжество было полное. А мы с Петенькой собаки, и тыто нас меньше любишь, чем Иля Марусю, и вообще Иля лучше относится к Марусе, чем ты ко мне. Это всё я получаю, когда прихожу к Марусе. И чем это объяснить, я даже не знаю. Вообще всё это очень грустно, когда еще иногда приходится соглашаться. Она получает почти каждый день письма, открытки, а если я получаю, то довольно-таки суховатые письма, а про открытки я уж не говорю, что всё это значит, пиши чаще.**

Если ты поедешь через Ленинград, поеду одна тебя встречать, пусть мадам встречает в Москве.



Мне скучно. Новый год тоже было скучно. Я себя очень плохо чувствовала, как раз на новый год пришли «праздники». Так что настроение поганое. В Москве не то зима, не то осень, ничего не понимаю. Туфли до сих пор не получила. Приехал Саша Козачинский. Наверное, ты его застанешь, если приедешь в феврале. Но если не приедешь в феврале, денег у меня на март не хватит, придется «умирать с голоду». Так что приезжай скорей.

Женечка, у нас в доме ужес что творится – 2 собаки, я, Петенька, прислугу я меняю как перчатки. Очень весело, но надеюсь, к твоему приезду все урегулируется. Петя стал страшно понятливый. Я как-то при нем рассказала анекдот, на другой день он пришел и его мне рассказал, так что я думала, что лопну.

Ну, золотко мое, прости за злое письмо, если оно злое, но мне же нужно кому-нибудь всё рассказать и пожаловаться. Ты же у меня единственный. Ну, котик мой любимый, всего хорошего, люби меня нежно, а уж я тебя так люблю всем сердцем и душой, любящая всегда тебя твоя жена Валя.

Люблю, люблю, нежно нежно целую целую целую

---

*Письмо В.Л. от 4 января 1936 г. (получено 18 января 1936 г)*

Дорогой мой Женик, что слышно у вас там в Америке. Петенька спит, а я сижу и катаю тебе письмо. У нас елка, мы с Петруней долго и довольно медленно сидели и клеили игрушки: флаги, цепи и разные мелочи. Когда я встречала Новый год (а я встречала в Кружке, а потом в «Метрополе», приехала к Катаевым, и мы вместе сидели и веселились), то в Кружке была елка с разными игрушками, а потом ввели живого ослас с игрушками. В «Метрополе» тоже была елка, но хуже, одни только разноцветные лампочки и снег, и вообще было мне скучно.

Женик, как ты выглядишь – поправился или похудел, почему не пришлешь хорошую карточку. Мне это гораздо сложнее, а у тебя под боком Ильф с аппаратом. Почему ничего не пишешь про Халивуд? Последнее письмо я получила за 10 декабря, неужели так долго идут письма, почти целый месяц, это не может быть, просто тебе лень писать. Я-то тебе пишу много, вот ты и спокоен. А по моим расчетам, теперь письма должны приходиться раньше или скорей, так как вы уже, так я думаю, приближаетесь к дому, и интересно, получишь ли ты это письмо, если вы поедете на острова, тогда да, а если не поедете, то мое письмо



попадет ко мне обратно. Ну, дорогой, горячо и крепко любимый Женик, мУжик, кошик, как ездится хорошо очень, небось, и забыл, как пешком ходят. А у нас такая лососина, которая никому там, ни одной халивудской звезде не снилась. Женик, есть там водка или нет, и что вы там пьете и едите, очень интересно. Когда приедешь, я тебе тоже устрою разные вкусные вещи. Женик, не забудь для хозяйства привезти такие ножницы, которыми разрезают птицу жареную на куски. Потом для Петеньки, я уже писала, но на всякий случай напомню:

Пальто песочного цвета из такого сукна или шерсть, я не знаю, ну в общем, как драп, из т.н. верблюжий пух, потом американские полботинки на толстой подошве № 27 или 28, потом шерстяные носки до колен, шарф шерстяной яркий и высокие шерстяные перчатки, а также лайковые коричневые на 7 лет, еще хорошие, высокие, теплые резиновые боты на 27 или 28 номер ботинок, а также несколько костюмчиков для дома и 2 пуховых костюма, как голубой, такого типа.

Мне очень важное – спортивные кофточка из джерси (апашки), потом пуховые галстуки разных цветов, а также кофточка – голубую, салатную, розовую, желтую и белую, а к ним хорошие шерстяные штаны, знаешь, как носят на пляже, цвет ярко-синий. Женик, это всё я пишу так, если у тебя будут деньги, если нет, то не нужно, так что пусть тебя это не пугает. Для меня не важно, но Петеньке обязательно, хоть лопни, а всё ему привези, да еще Пете не забудь плащ от дождя какой-нибудь красивый, а также и мне, тоже красивый. Ну, Женик, приезжай скорей, а то просто умираю от тоски, так хочется тебя увидеть, расцеловать крепко-крепко, мой дорогой, а тебе хочется к нам или не очень? Напиши подробно, как и каким образом. Любящая тебя Валя. Целую нежно.

Я тебе писала в письме, что Маруся послала Иле образцы пуха для вязания. Купи мне обязательно такой же и разного цвета. Целую много раз, крепко бесконечно любящая тебя Валя.

Привет Иле. Люблю целую всегда твоя В.К.

---

---

22 января 1936 г. На пароходе «Маджестик»

(Король Англии Георг V скончался 20 января 1936 г. Ильф и Петров выехали 22-го.)

#### SPECIAL NOTICE

Two Minutes Silence will be observed from 1.30 to 1.32 tomorrow (Tuesday) during the burial of His Late Majesty King George V.





The commencement and ending of Silence will be indicated by the ringing of electric gongs.

ОЛМ. Р-3021, КП-29717

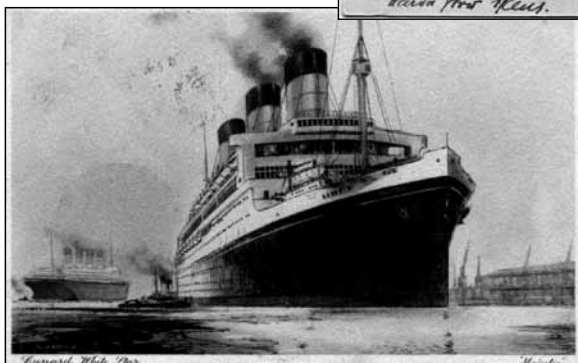
[На обороте рабочие записи Е. Петрова – номера телефонов Левина и журнала «Крокодил» - А.А.]

27 января – 36 г.

Дорогая Валенька!

Думаю, что эта открытка придет в лучшем случае за день до моего приезда домой. Пишу главным образом, чтоб ты увидела изображение парохода, на котором мы едем. Завтра будем в Париже. Пробудем там два дня, а потом – прямо домой. Встречать приходи на Белорусско-Балтийский вокзал (там, где провожала). Из Парижа пришлю телеграмму. Целую, люблю, тоскую и безумно хочу домой. Обнимаю Петеньку. *Всегда твой Женя*

ОЛМ. Р-3001, КП-29670





Телеграмма из Парижа от 30.01.1936  
PRIEDU TRETIEGO PEREVEDI NEGORELOE STO = JENIA

Д-1206, КП-29783/2

**ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ – ИЛЬФУ В КОРЕИЗ. 9 мая 1936 г., Москва**  
На конверте: Возд. почтой  
Заказное

КРЫМ  
КОРЕИЗ  
Дом отдыха НКВД им. Дзержинского  
4-й корпус  
**Илье Арнольдовичу**  
ИЛЬФУ

Москва ул. Фурманова  
дом 3/5 кв. 7  
Петрову

Отправлено: МОСКВА 9 5 36

Получено: 12 5 36 (КОРЕИЗ КРЫМ \* QOREIZ)

**9 мая 1936 г.**

**Москва**

**Дорогой Иля!**

Спасибо за письмо. Я очень рад, что Вы поправляетесь. Надо надеяться, что к концу лета исчезнет и одышка. Показывались ли Вы крымским докторам? Делали ли новый снимок? Пожалуйста, напишите. Я с удовольствием съездил бы к Вам на недельку, если б это оказалось технически возможным. Уж очень хочется покупаться и отдохнуть на лоне природы, о котором Вы отзываетесь с такой похвалой. Правда, смущает присутствие кузена Кости Фина [Финна], но ведь здесь есть сам Костя, так что разница будет не так велика. Напишите, не представится ли возможность пожить недельку «по благу» в Кореизе.

По поводу интересующих Вас вопросов отвечаю:

1. Квартиры нам дали 3-х комнатные. Хорошие. Вам – в 4-м, мне – в 5-м этаже. Продолжаю бороться за 4-х комнатные. Стараюсь также понизить этаж Вашей квартиры. Нам с Вами, оказывается, нужно внести еще по 11<sup>1/2</sup> тысяч, т.к. стоимость 3-х комнатной квартиры – 18<sup>1/2</sup> тысяч. Пока я внес за Вас и за себя по 5 тысяч.



И выжидаю, так как есть надежда, что сумму довездного пая уменьшат вдвое. Вообще-то нам выгоднее, чтоб ее не уменьшали. Тогда некоторые негодяи, получающие 4-х комн. квартиры, не смогут заплатить, и квартиры достанутся нам. Вообще, не волнуйтесь, не страдайте и пр. Все это подлое, безнадежное дело. И я не вижу абсолютно никаких возможностей борьбы. Кроме того, если сделать переделки, квартиры получатся 4-х комнатные и очень неплохие. Так что черт с ним! С деньгами всё благополучно. Хватит на всё. Да! Лифты уже строятся, и вселять будут только тогда, когда станут работать лифты. Поэтому стоит ли забираться ниже 4-го этажа и лишать себя вида? Напишите.

2. «Однажды летом» шла в 9 кинотеатрах до сегодняшнего дня, то есть около 2-х недель. С сегодняшнего дня из крупных театров остается только в Востоккино. Думаю, что в мелких продержится еще некоторое время. У публики был хороший успех. Рекламы абсолютно не было. Очевидно, Шумяцкий применяет к нам санкции. Всего сделано 100 копий. Так что на 2–3 года мы можем быть спокойны. «Цирк» начали бешено рекламировать. Очевидно, скоро пойдет. Думаю, что на гонорар с этой картины можно будет прожить лет 20–30, если только не отменят авторские, что при нашем счастье можно считать неизбежным.
3. В «Правде» ни разу не был. И не пойду. Фельетон лежит, хотя мне неоднократно говорили, что он пойдет. Это очень хорошо, так как мне ничего не хотелось бы писать в «Правду» до Вашего возвращения. Вот вернетесь – тогда будем писать и выяснять все обстоятельства. Из «Правды» сняли Попова и назначили его редактором «Труда». Снова создан секретариат с Августом и Ровинским. Мне кажется, нам надо бросить газетную работу, быстро написать книгу об Америке (месяца в два) и начать роман. Американская книга должна пойти очень быстро, благодаря обилию впечатлений и материалов.
4. С фотографиями дело пока дальше не пошло. Фотоиздат альбом принял. А в «Огонек» я продолжаю сдавать очередные очерки. После «Американцев» сдал «На родине Марка Твена», «Пустыню». Сейчас пишу «Индейцы». Дальше будет «Голливуд», «Реклама», «Негры» и «Нью-Йорк».
5. Договорился с Мулей Гуревичем о том, что мы дадим ему для «За рубежом» книгу об Америке (пока условно). Он предлагает по 2000 р. за лист – вдвое больше толстого журнала. Как Вы смотри-



те на это дело?

6. Писательские шеренги продолжают редеть. Вчера в «Вечерке» нагло и глупо обрушились на Борю Левина за «Голубые конверты». Статья называется «Пустые конверты». Обрушились с опозданием на десять лет.
7. Собакину куплен и выслан форт 36-го года, синий. Наша «антилопа» в порядке. Миша не пьет. Я прибавил ему жалование до 580 р. в месяц. Так надо было.
8. Маламут прислал письмо. «Спивак» продан в «Эсквайр» за 100 долларов. Из них 10% – Фаррару за комиссию и нам по 30%. Итого, у нас есть 60 долларов. Напишу Маламуту, чтобы он передал деньги Трону. А старика попросим купить нам запасных частей. Как Вы на это смотрите?

Ну, хватит с Вас.

Пишите, выздоравливайте.

Крепко жму руку. Ваш Женя.

*Приписка:*

Оказывается, дешевое издание «Зол. теленка» вышло уже два месяца назад. Сейчас, вместо Беспалова – Виктор Кин, приехавший из Парижа. Он и Леля Кин Вам кланяются.

«12 ст.» и «Зол. тел.» в одном томе уже вышли, но тираж еще не получен.

Из архива А.И. Ильф

---

---

**ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ – ИЛЬФУ В КОРЕИЗ, 16 МАЯ 1936 г. МОСКВА**

Дорогой Иля!

Получил Ваше второе письмо. Спасибо за хлопоты, но из поездки моей в Крым ничего не выйдет. Не будет ни времени, ни денег. Несмотря на полное отсутствие расточительства, деньги в нашей семье исчезают самым сказочным и в то же время драматическим образом.

О статейке в кино-газете узнал из Вашего письма. Черт с ними. Я даже читать не буду. Приходил Крупнов, осмотрел наши склады заграничных изданий, значительно покачал головой и ушел. А потом в «Лит. газете» появилась заметка об «Антологии мировой прозы» с нашим участием. Сам я не видел, но мне говорил Зозуля. Вообще я стал пикейным жилетом. Читаю только Радека и телеграммы. Настроение почему-то паршивое. Не может рассеять его даже международный шахматный турнир, который по-



сещаю с аккуратностью маньяка. Турнир очень интересный и по составу, и по возможностям.

Сдал 6-й опус в «Огонек» – «Индейцы»; одновременно с этим Вы, вероятно, получите 3-й – «Американцы».

Меня мучит мысль о «двух пятилетках». По всей вероятности, придется работать одновременно и над рассказом для «Пятилетки», и над книгой. Книга будет написана очень быстро. В этом я не сомневаюсь. Как Вы думаете?

Боря Левин печален. Он действительно вступил в полосу невезения. Бедный Зощенко вчера приехал в Москву. Сегодня будет у меня обедать. Он утешает себя всякими философскими рассуждениями о том, что надо радоваться Солнышку и приблизиться к природе. Он нервно возбужден, очень похудел и стал наполовину сед. Мне очень его жалко. Приезжали Подольские, и я устроил для них обед с участием Бабеля, Собакина и Членова. Все Вам очень кланяются и истово пили Ваше здоровье, о чем обязательно просили Вам передать. Потом Собакин устроил ответный ужин, и там опять пили Ваше здоровье. Если Вы не выздоровеете в течение ближайшего месяца, количество алкоголиков в стране возрастет на несколько человек.

Вот пока все новости. На квартирном фронте легкая перестройка. Я немножко продвинулся на правом фланге и стал обходить две 4-х комнатные квартиры, отбросив вяло сопротивляющегося Бобунова. Но Ляшкевич сосредоточивает силы и готовит контрудар в центре.

Валичка Вам кланяется. Выздоровливайте и бойтесь жары. *Ваш Женя.*

Из архива А.И. Ильф

---

---

ПЕТРОВ – М.Н. ИЛЬФ, 23 июня 1937 г.

Дорогая Маруся!

Послезавтра я уезжаю. Боюсь, что до отъезда уже не увидимся. Поэтому спешу с делами.

- 1) «Правда» уже переслала бумагу к нотариусу, так что в случае необходимости Вы сможете получать у нее (нотариусихи) деньги.
- 2) Я поручил Л.А. Конторовичу вести в мое отсутствие различные издательские дела и заключать договоры, которые без его помощи я никак не сообразил бы заключать. Один такой договор заключен с изд-вом «Искусство» на издание наших рассказов и фелбетонов для чтения с эстрады. Деньги Вы сможете получить уже сейчас (т.е. че-



рез недельку!). Напишите доверенность на имя Л.А. Конторовича на получение денег по договору с изд-вом «Искусство», а когда он передаст Вам деньги, выдайте ему 10% с полученной Вами суммы (это его гонорар).

- 3) Договор с «Сов. Писателем» на полное Собр. соч. я подписал. Реализован он будет после моего возвращения.

Ну, желаю Вам бодрости и счастья. Поцелуйте Сашеньку.

*Ваш ЕПетров*

23/VI – 37 г.

Из архива А.И. Ильф

---

---

В.Л. – ПЕТРОВУ В ХАБАРОВСК:

Хабаровск

Улица Карла Маркса. Дом Советов

Корреспондентский пункт «Правды»

Евгению Петровичу Петрову

*4 июля <1937>. Москва, Клязьма*

Здравствуй, дорогой мой любимый Женечка. Как твое здоровье и как ты доехал и куда держишь путь. Телеграммы с дороги я уже получила и была очень, очень рада. Мы 27 июля переехали на дачу очень быстро и благополучно. На даче очень хорошо, я очень жалею, что мы сразу все не переехали на дачу, до твоего отъезда. Я купила Петеньке педальную машину и сказала, что это от папы. Петенька просто места не находил из-за этой машины, он целый день на ней катается, а когда я ему запрещаю кататься, то он в ней сидит. Он ее вытирает, накачивает шины и вообще в диком восторге. Юрсик ухаживает за Ганкой, но она высокого роста, так что у него ничего не получается, несмотря на то, что Ганка даже ложится, чтобы Юрсу было удобно. К сожалению, ни, ни...

Все твои поручения я потихоньку исполняю. Тетям деньги я послала 1 июля. Деду жалованье заплатила за 2 месяца и т.д.

Прислуги пока у меня еще нет, но я обхожусь ничем. Обещали через несколько дней, вот сижу и жду. Новостей пока никаких. Телеграммы 2 с дороги я получила, очень очень довольна. Уже я начала считать дни твоего отъезда. Ты мне напиши, когда я смогу к тебе приехать. Мне очень хочется скорей скорей тебя повидать, а то я скучаю. Адрес твой очень трудно разобрать, напиши яснее. Петенька пишет тебе письмо, пыхтит и старается.



Ты, когда будешь писать письма, напиши ему печатными буквами, чтобы он все понял, он будет очень рад и горд.

Я забыла положить тебе шерстяные носки, если нужно, напиши, куда тебе выслать и что еще тебе нужно, я всё вышлю.

Ну, дорогой мой путник, целую множество раз, люблю очень, очень и скучаю. Пиши чаще и про всё подробно.

До свиданья, целую множество раз. Привет от наших.

Целую, целую, целую, целую, крепко, крепко, крепко  
Любящая жена Валя.

---

27 июля <1937 г.>. Клязьма:

СПЕШНОЕ

Хабаровск

Улица Карла Маркса. Дом Советов.

Корреспондентский пункт «Правды»

Евгению Петровичу Петрову

Мой хороший любимый Женечка, я получила твое письмо (написанное на машинке), ты в нем жалуешься на то, что я не посылаю тебе телеграммы, а я посылаю их очень часто, но письмо то, за 5-е, шло 14 дней, так что ты, вероятно, уже 6 или 7 получил мои телеграммы. Мы сидим за столом и пишем письмо. Петенька пишет тебе сам, без моей помощи. Он очень хорошо занимается по-немецки, знает 2 стиха, читает и пишет, а взял всего каких-нибудь 6 уроков, и вообще он очень хороший мальчик. У нас дома всё хорошо. Говорила я с мастером насчет ванной, он хочет за установку всех приборов (очень сложная установка, надо рубить пол и вообще очень сложно) хочет за работу 1500 руб. Я прямо не знаю, что делать. Потом Миша <шофер Хаскин> идет в отпуск, и он говорит, что он с тобой сговаривался, что за отпуск ему будут платить по старой ставке так, что это выйдет очень много денег. И я не знаю, что мне делать с ванной, напиши срочно. Хотела с тобой поговорить по телефону, но теперь разговора с Хабаровском нет. Женечка, вот уже прошел месяц, как ты уехал, а я все скучаю и тоскую, никак не могу привыкнуть, что ты уехал на такой большой срок.

Напиши, кусают ли тебя клопы или уже прекратили, если кусают, то скажи уборщице, чтобы вымазала скипидаром, и все твои муки кончатся. Я прямо в ужасе, как ты, бедный, можешь спать. Ну ничего, придется домой, я тебя буду держать в холе и неге. Ну, Женечка, до свида-



ния, будь здоров, смотри за собой и помни, что у тебя есть сын и жена. А то я здесь очень беспокоюсь. Мне так грустно, что ты с нами не живешь на даче. Все дамочки с мужьями, а я как собака. Ужасно грустно. Вот и всё. Ну уж когда приедешь, вот тогда мы с тобой заживем, так что все лопаться будут. Целую тебя нежно, нежно и крепко, очень крепко. До свидания, не скучай, развлекайся, но помни меня, любящая страшно тебя твоя жена Валя.

С.Р. Миша Хаскин шлет тебе горячий привет, и все наши тоже.

Целую множество раз. *Валя*

---

---

Е. ПЕТРОВ – М.Н. ИЛЬФ

17 августа 1937 г.

Хабаровск

Дорогая Маруся!

Простите, что пишу Вам на машинке. У меня просто нет чернил в номере. Все время собирался Вам писать, но я веду такую бродячую жизнь, столько езжу и столько работаю, что до сих пор не смог этого сделать. Я постоянно Вас вспоминаю и казнюсь своей неусидчивостью. Письма – мое слабое место.

Только что заключил с Краевым издательством договор на переиздание «Одноэтажной Америки». На днях они вышлют Вам половину гонорара – около трех тысяч. Я дал им Ваш адрес и, кажется, поступил правильно, сообщив, чтобы деньги перевели на имя М.Н. Файнзильберг. Я думаю, что лишние деньги Вам не повредят.

Валичка писала мне насчет какого-то документа, который я якобы забыл Вам передать. Я все время ломаю голову, но никак не могу вспомнить. Может быть, Вы имеете в виду бумажку «Правды» к нотариусу? Но ведь она была послана непосредственно месткомом «Правды» нотариусом. Неужели я забыл Вам об этом сказать. А так больше ничего не могу вспомнить. Через пять минут еду на вокзал. Направляюсь я во Владивосток. Оттуда через два дня сажусь на пароход и отплываю на Колыму. Вернусь я оттуда в сентябре, буду некоторое время во Владивостоке. Потом, вероятно, опять Хабаровск.

Поцелуйте Сашеньку. Передайте привет Наде, Нюме и вообще всем общим друзьям и знакомым.

Целую Вашу руку. Искренне любящий Вас **ЖЕНЯ**

Из архива А.И. Ильф





В.Л. – ПЕТРОВУ В ЯЛТУ:

ЯЛТА

Дом Литфонда

Улица Кирова 9

Евгению Петровичу Петрову-Катаеву

Москва. 3 мая 1938 г.

Дорогой мой любимый Женечка, как ты поживаешь, как твое здоровье и вообще, как ты себя чувствуешь? У нас всё в порядке. Петенька здоров и я тоже.

Были мы с Петей в детском театре, смотрели «Бабу Ягу». Пете очень понравилось в тех местах, где не было Бабы Яги, а когда она появлялась, то он прижимался ко мне и говорил: «Мама, пойдем домой, очень страшно». Но как только Баба Яга уходила, об домой не могло быть и речи, и когда, наконец, Бабу Ягу сожгли, то Петенька вздохнул полной грудью и решил без страха смотреть всё, всё, что бы там ни было. Следующий наш выезд был в Клуб Писателей. Там был первомайский детский маскарад. Мы с мамой сидели всю ночь ишили Пете костюм клоуна, вышел очень хорошо. Я одела Пете костюм, и мы пошли... Приходим на бал и смотрим, что только двое ребят в костюмах, да еще эти двое – девочки. Петька как увидел, что только 2 девчонки в костюмах, он раз, раз и снял костюм. Увы! Все наши старания, бессонная ночь пошли насмарку. Бал не удался, было скучно и неинтересно. Так как подарки давали с самого начала, то дети приходили, становились в очередь, получали подарки (ужасные!!!) и уходили домой, и всё.

Боря <Левин>, свинья, заварил кашу с дачей, да уехал. С дачей до сих пор не выяснено. Когда ее откроют, неизвестно. Обещают, что скоро, но скоро длится уже очень долго. Сегодня пойду опять узнавать, вдрут открыли!?!

Вчера звонил мне Ароша <Эрлих>, всё рассказал, но я не знаю, приеду или нет. Приезжать на 2 недели нет смысла, а я хочу все-таки до 10 мая выяснить с дачей. Если ничего не будет нового, то перееду на Клязьму, тогда, может быть, приеду к тебе.

У нас стоит очень плохая погода, дождь, холодно, но Ароша сказал, что в Ялте не лучше. Женечка, я по тебе очень соскучилась и жду не дождусь 1 июня, когда поеду тебя встречать. Ну вот, мой дорогой, золотой. Все мои дела, как видишь, не очень удачные, и бал не удался, и дача не открывается, прямо хоть кричи. «Сизам отворись», но он не хочет открыться.



Ну, мой Женик, до свидания, пиши почаще и побольше, целую нежно, страстно и много, много раз. Петенька пишет тебе сам письмо. Любящая тебя всегда твоя жена Валя.

P.S. Привет знакомым.

---

---

Е. ПЕТРОВ – В.Л. по случаю рождения второго сына  
[Илья родился 2 Feb. 1939- А.И.]

3/II – 1939 утро

Родная моя и нежно любимая Валюшенька!

Ночью я позвонил дежурному доктору, и мне сообщили, что ты родила мальчика 10 фунтов весом. Я был в полном восторге и даже не вспомнил о том, что по всем приметам и картам выходила девочка. Ты, смотри, и не думай там распускать нюни. Второй мальчик – это шикарно. Я позвонил Собакину, и он сразу же с завистью воскликнул:

– Как! Толще Пашки!

А я с гордостью подтвердил, что Пашкин рекорд побит.

Следующего мальчика мы родим не менее, чем двенадцати фунтов!

Кузя, дорогая моя, все ли ты еще в сомнительной палате? Я собираюсь поговорить на эту тему с Агриппиной Иосифовной.

Кузик, напиши, какой младенец. Черненький? Или светленький? Действительно такой толстый?

Надеюсь, завтра или послезавтра мне его покажут.

Я хочу, чтобы его звали Ильюшей. Как ты смотришь? Мне очень нравится. Напиши.

Напиши подробно, как прошли роды. Мне покуда известно, что они были быстрыми и вполне благополучными. Но были ли они легки? Нет ли разрывов и т.д.

Петя потребовал, чтобы ночью его разбудили. Мы так и сделали и сообщили ему новость. Ночью, – ты знаешь, – он бывает лирически настроен. И он, представь себе, немного ревновал, сказал, что «теперь мама будет меньше меня любить». А потом перестал об этом и думать. Встал он утром в полном восторге, сел писать тебе письмо. Его охватила жажда деятельности. Он сказал, чтобы ему отдали твой долг (56 р., ишь ты!), – и он на эти деньги хочет купить новые голубые распашонки.

Приписки на полях:

P.S. Интересно, что поделявает мой младший сын?



Ну, целую тебя крепко, благодарю. Скорее поправиться. Ждем с нетерпением. Женя

Да! Скажи спасибо! Мы открыли все ящики!

---

ОЛМ. Р-3006, КП-29705/1

[Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С. 134-136, с сокращениями, факсимильно воспроизведена первая страница. – А.Я.]

---

ПИСЬМО В.Л. в Ялту от 5 мая 1939 г. (без штампа):

ЯЛТА

Дом Литфонда

Улица Кирова 9

Евгений Петрович Петров-Катаев

Москва, 5 мая <1939>

Дорогой мой любимый Женечка, вот уже и май, а у нас в Москве глубокая осень: льет дождь, холодно и очень противно. Ильюшенька не гуляет и капризничает. Ильюша уже подросток, мордочка стала осмысленная, он знает своих, улыбается и агукает вовсю, но если подходит кто-нибудь чужой, он хмурится, делается сердитый. Весит он 6 кг (15 фунтов). Когда я его кормлю утром, Петенька приходит, и я даю Пете на руки, и он относит его в кроватку, страшно горд доверием.

Петя последнее время приносит отлич. и по поведению, и по Ариф., и по Русскому яз. Вообще хороший мальчик.

Теперь насчет дачи: что будет, я прямо не знаю до сих пор, нет матерьяла для ремонта, и она стоит, как ты видел. Так что я думаю, нам придется жить в Москве. Клязьма отпадает, потому что Маруся делает там ремонт и на днях едет туда уже на лето. У нас в парадном у Кирсанова Вовы дифтерит, а у Казиных скарлатина, что делать, я не знаю?.. Я очень по тебе скучаю и жду не дождусь, когда ты приедешь.

Теперь самое неприятное насчет денег.

Про какие добавочные деньги ты пишешь, я не знаю. Ты мне оставил: на жизнь, на машину, на портниху, жалование прислуге, и Розе Ароновне, потом маме и всё. Конечно, портниха стала дороже, машина тоже. Потом мы забыли прачку, Англичанку и, наконец, самое главное, Марию Степановну, которой придется заплатить сравнительно много. Так что ты не сердись, но я ничего не могу сделать, очень большие расходы, да еще я купила простыни и себе платье «для кормления, спереди застежка».



Сижу я дома, никуда не хожу, нет настроения, да и нет времени. Я сейчас без работницы, так как Шура уехала, а новой еще нет, когда будет, не знаю. Так что, видишь, дела так себе, да еще эта погода – дождь, дождь, и конца ему нет. Скорей бы был июнь и ты приехал, тогда на душе будет спокойно и весело. Единственное утешение, это то что Юрсик ходит чистый и стриженный.

Ну вот, мой дорогой мУжик, как у нас обстоят дела. Напиши, как ты проживаешь. Я послала с Уткиным тебе трусики, которые забыла положить, и пижаму, понравилась ли она и хороша ли по размеру, я достала тебе теннисные туфли и пошлю с Виртой, он скоро едет в Ялту.

До свидания, мой хороший и любимый Женичка, пиши почаще, а то я пропаду от волнения – я не получала от тебя целую неделю известий и очень волновалась, а потом получила все сразу. В Тибилиси (*так!*) телеграмму я послала срочную, почему ты ее не получил, я не знаю.

Ну, всего хорошего, поправляйся, загорай. Пиши роман большой и интересный. Да еще не играй в теннис на сильном солнце, играй вечером, когда спадет жара. Целую много, много раз, любящая тебя и нежно целующая Валя.

P.S. Привет от родных и знакомых.

Целую, Валя

---

---

### Е. ПЕТРОВ – СЫНУ ПЕТЕ

28/IX – 1941 г.

Москва

Дорогой Петенька!

Спасибо за письмо. Наконец-то ты вспомнил папу. Но почему оно такое коротенькое? Если ты хочешь получать от меня большие письма, ты и сам должен писать мне больше. Получил ли ты книги и тетрадки? Напиши.

Учись хорошо, помогай мамочке. Ты должен заменять ей меня во время войны. Помни, что теперь ты единственный мужчина в доме.

Жду большого письма.

Крепко целую и обнимаю. *Папа*

---

ОЛМ. Р-3017, КП-296713

[Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С.137, с факсимильным воспроизведением. – А.Я.]

---

---



Телеграмма-молния Е. Петрова из Москвы от 15.10.1941

**КАЗАНЬ ГОСТИНИЦА ТАТАРСТАН  
ВАЛЕНТИНЕ ЛЕОНТЬЕВНЕ КАТАЕВОЙ**

**ВСТРЕЧАЙ ВОСКРЕСЕНЬЕ ГУСЕВА ДЕНЬГАМИ ПОСЫЛКОЙ ТЕЛЕ-  
ГРАФЬ ПОЛУЧЕНИЕ = ЖЕНЯ**

ОЛМ. Д-1219, КП-29783/15

**ПИСЬМА Е. ПЕТРОВА – В.Л. в Ташкент**

Ташкент

Улица Урицкого, 70  
Валентине Леонтьевне  
Катаевой

6 января 1942 г.

Москва

Козочка, дорогая!

Мое письмо ждало оказии (мне обещали отправить его на самолете), когда я получил, наконец, твое письмо от 22 декабря.

Ты не можешь себе представить, в каком отчаянии я нахожусь! Бес- сильная ярость душит меня!

Но что я могу сделать, кисик? Я, разумеется, немедленно запросил Куй- бышев и жду ответа.

Но говорю тебе еще раз – тебе лучше оставаться в Ташкенте. Помни – война еще не кончилась. Она может кончиться через год, но может прод- литься и два и три года.

Я хочу, чтобы вы были в безопасности. Неужели я так глуп, что не по- думал обо всем, отправляя вас в Ташкент. Вы уехали с 10 000 рублей, с большим запасом продуктов. Сейчас вам дали, наконец, комнату и кар- точки. Я знаю, что вам плохо, трудно. Но привыкни к мысли, что ты стала теперь самостоятельной и должна научиться бороться сама за жизнь детей и свою. Пойми, что я все время на фронте.

Не могу же я стать дезертиром, вроде Кирсанова, или Иванова, или Гу- сева, по той причине что они поехали со своими семьями, а я не поехал!!

Мое сердце разрывается на куски, когда я думаю о тебе, Петеньке или бедном больном Ильющеньке. С тех пор, как я получил твою первую теле- грамму, моя и без того трудная жизнь превратилась в ад. Что мне делать? Что мне делать? Как помочь вам?



Единственно, что я могу делать, – это посылать деньги. Но я не имею твоего адреса. Я хочу перевести тебе сберкнижку, чтобы ты получала по 1000 р. в месяц. Сообщи точный адрес по телеграфу.

Плюнь на Ивановых и Гусевых. Будь горда. Не разговаривай с ними. Не завидуй их хорошим комнатам и умению быть жуликами. Переноси страдания стойко. Мне кажется, что в Ташкенте с комнатой, карточками и деньгами можно жить. Ты могла бы и в Чистополе жить, если бы хорошо хлопотала и хозяйничала. Лучше жить плохо, чем иметь мужа негодяя. Если ты этого не понимаешь, тогда мне остается одно – повеситься.

Я обожаю тебя и детей. Ты для меня всё. Сейчас ты упрекаешь меня, но чем я виноват? Прости, девочка! Обнимаю, целую, люблю. *Женя*

*Приписки на полях:*

Если тебе что нужно в Ташкенте, точно укажи, что. Я буду хлопотать, чтобы повлиять на местные власти.

Пойди на почту, купи открыток и посылай через день открытку. Телеграммы (молний сейчас не принимают) посылай 2 раза в неделю. Люби меня, девочка. Помни обо мне.

---

ОЛМ, Р-3018, КП-296714/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С.138-142, с сокращениями, факсимильным воспроизведением. – А.Я.]

---

#### В Ленинское отд. Госбанка

Прошу перевести все наличие моего текущего счета № 161006 на имя моей жены Валентины Леонтьевны Катаевой на Горбанк города Ташкента.

Нынешний адрес жены: Ташкент, улица Урицкого 70.

*ЕКатаев (Петров)*

31/П – 1942 г.

---

ОЛМ, Р-3031, КП-29722

[Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С.153, факсимильное воспроизведение. – А.Я.]

---

23 марта 1942 г., Москва

Дорогая, крепко любимая Валюшенька!

Вот опять представляется случай написать тебе большое, подробное письмо. Едет Берестинский. Я посылаю с ним для тебя посылочку (если только он еще согласится ее взять!). Там ты найдешь два твоих платя и 4 пары туфель (их сохранила от разорения Софья Павловна), две шляпы (они



не влезают в ящичек, и не знаю, согласится ли их взять Берестинский отделено). Кроме того, посылаю то, что с великими трудами скопил для вас – 1½ кило русского масла (я его перетопил) и 1 кило меду; коробку шоколадных конфет, которую я получил по сахарным карточкам, и 2 лимона. Боюсь, что лимоны испортятся, но мне очень хочется, чтобы вы попили чайку с лимончиком и вспомнили меня. Не подумай, дорогая, что Москва завалена подобными продуктами. Все это чистейшее чудо. Так к этому и отнесись. Вообще стремление «ташкентцев» и других беженцев в Москву, как в земной рай, чистейшее идиотство, и вызвано оно полным непониманием положения. Постараюсь тебе его разъяснить. Москва была и остается прифронтовым городом, и те идиоты, которые сюда все-таки проникают, горько потом сетуют на свое усердие. Сейчас здесь тихо, но скоро несомненно снова начнутся немецкие бомбежки. В этом нет ничего удивительного и страшного, так как идет война. Страшно и удивительно, так это люди у нас (вроде всяческих Кирсановых) столь поспешно переходят от полной паники к полной успокоенности. Они жестоко за это поплатятся, когда возобновятся бомбежки. В Москве плоховато с продовольствием. Есть только то, что дают по карточкам. На базаре ничего не достать, а то, что можно достать, стоит астрономически дорого. Я имею хорошую столовую, а завтракаю и ужинаю в гостинице (когда бываю в Москве). Когда же бываю на фронте, я там тоже недурно питаюсь. Так что за меня, козочка, не волнуйся. Но вот, если бы жили в Москве, вам, не говоря уже о бомбежках, пришлось бы совсем туго в продовольственном отношении.

Да! Посылаю еще твой утюжок, может быть, он тебе пригодится. Соломённая шляпа тебе, наверно, пригодится во время ташкентской жары.

Теперь очень важный денежный вопрос, в котором, судя по некоторым твоим письмам и телеграммам, ты не отдаешь себе никакого отчета.

За тринадцать лет, что мы женаты, не было ни одного случая, когда у меня не хватило денег для семьи. Ты привыкла к этому. Ты привыкла тратить больше денег, чем я даю, в надежде, что я так или иначе достану денег. Так оно всегда и получалось. Я доставал деньги, и все было хорошо. Сейчас в любой момент может произойти то, о чем я с ужасом думаю, – что на твое требование денег я принужден буду ответить – «денег нет». Поэтому ты должна укладываться в назначенную сумму.

Что получилось? К моменту отъезда из Куйбышева у тебя было 10.000 рублей. В январе или феврале я прислал тебе еще 8000 р. Итого – 18.000 р. Их хватило тебе всего на 3½ месяца. В самом начале марта я получил от тебя телеграмму с требованием денег. Хорошо, что я, между двумя поездками на фронт, окончил сценарий и его приняли. А если бы я не нашел физических



сил его написать или если бы его не приняли, – что было бы тогда? Не думай, что это везение будет происходить вечно. Идет война, а на войне всё бывает.

Теперь слушай. В марте ты получила 4500 и 1000 р. Кроме того, ты должна получить из Алма-Ата еще 2000 р. и, минимум, 4000 р. Всего, следовательно, 11.500 р. Кроме того, в начале апреля и потом, в начале каждого месяца, ты будешь в течение 15-ти месяцев получать по 1000 р. Проживать ты должна не больше 3000 р. Значит, я должен досылать тебе каждый месяц по 2000 р. Итак, тебе уже должно хватить на шесть месяцев. Делай как хочешь – положи деньги в сберкассу, держи их у себя, – но в течение шести месяцев не напоминай мне о деньгах. Поверь мне, я пошлю тебе всё, что у меня будет, и тогда сообщу, что деньги посланы дополнительно для увеличения твоего бюджета. Те же деньги, которые я уже послал, береги и расходуй их экономно. Не пиши мне, что на них трудно прожить. Я сам это знаю. Не воровать же мне! Помни, что нынче налоги составляют примерно половину моего заработка. Идет война, и мы должны строить нашу жизнь именно с расчетом на войну. Если даже придется есть один хлеб, мы будем есть один хлеб. Потому что война, и надо во что бы то ни стало побить немцев. По сравнению с этой задачей всё должно отойти на задний план. Помни это и старайся сейчас, в момент величайшего испытания для государства и нации, быть нетребовательной и полезной обществу. Не чуждайся людей, не волнуйся из-за того, что какие-то блатмейстеры что-то где-то получают, а ты не получаешь. Не волнуйся, что какие-то люди едут в Ташкент, а твой муж остается на фронте. Я никогда так в жизни не работал, как сейчас, и я горжусь этим. И ты, и дети должны гордиться этим, вместо того чтобы ставить мне на вид, что я не умею устраиваться и не могу приехать в Ташкент. Война – величайшее испытание, которое послано народу (и тебе, и мне в том числе). Постарайся забыть, что было когда-то мирное время. И чем скорее ты о нем забудешь, тем скорее настанет новое, счастливое мирное время. Я привезу вас тогда в Москву, мы отремонтируем нашу квартиру и чудесно заживем там.

Ты даже не можешь себе представить, как я люблю тебя и детей, как я скучаю по вас, как мне хочется съездить к вам в Ташкент. Я вчера сделал попытку поговорить об этом. Но на меня посмотрели с удивлением. Никогда в жизни мне не было так стыдно, как вчера. И я не подниму больше этого вопроса, пока не увижу, что это возможно. Ведь не забывай, что я делаю три очень важных дела – пишу корреспонденции для Америки, пишу для нашей прессы («Известия» и «Правда») и редактирую «Огонек», который выходит сейчас еженедельно. Я уже не говорю о сценарии, или о том, что должен в течение ближайшего месяца подготовить к печати большую книгу фронтовых корреспонденций Разве я могу все это бросить и уехать?





Да ведь меня никто не освободит от этих работ даже на неделю! А ведь для того, чтобы только проехать в Ташкент и обратно, нужен месяц.

Петенька прислал мне чудесное письмо. Эта игра в трех мушкетеров, где Ильяша исполняет роль Портоса, а Паша Фин – Арамиса, произвела сенсацию среди отцов. Вот бы и ты в письмах писала побольше бытовых подробностей. Я Петеньке обязательно отвечу.

Да! Насчет выигрышей по облигациям. Софья Павловна записала их номера, и я послал тебе телеграмму. Ты обязательно проверь в сберкассе. В последних тиражах (они, видно, тогда не успели дойти до Ташкента) выиграли две наши облигации. Вместе с их стоимостью ты получишь 900 р. Видишь, какое приятное и неожиданное дополнение к твоему бюджету!

Теперь о себе. Я здоров. Работаю. Периодически езжу на фронт, но ты за меня не беспокойся, так как я не подвергаюсь никакой опасности. Много пишу. Если всё будет хорошо, через месяц сдам в печать книгу своих корреспонденций. Я сейчас привожу их в порядок, выправляю. Надо будет добавить еще текста листа 3-4.

Почему ты до сих пор не прислала мне машинку? Я ужасно расстроился, когда узнал, что ты ее увезла. Сейчас мне приходится занимать машинку то у одного, то у другого. Скоро мне перестанут давать. Пришли ее обязательно с первой же верной оказией! Пришлось начало сценария (оно внутри машинки) сочинять заново.

О Саше я ничего не знаю. В квартире мне сказали, что он давно уехал. Куда – они не знают. Постараюсь навести справки в Наркомате.

Неужели Татьяна Петровна не знает адреса Маргариты в Астрахани? Ведь Саша переписывался с ней, когда она жила в Чистополе! Ну, козочка, обнимаю тебя, дорогая, целую нежно и крепко. Целую наших маленьких д'Артаньяна и Портоса. Твой всегда любящий и неизменно преданный тебе муж Женя.

*Приписка на полях:*

Поздравляю еще раз с годовщиной нашей свадьбы. Хорошо, что я люблю тебя так же, как и тогда.

---

ОЛМ. Р-3019, КП-296715/1-2, с конвертом

[Впервые опубликовано: Е. Яворская. «Дорогая, нежно любимая...» // Муза. – Одесса, 1992. – 31 января. – С. 4-5, с сокращениями. [Берестинский Михаил Исаакович – прозаик; о сценарии – Петров писал сценарий фильма «Воздушный извозчик»; сборник - книга «Москва за нами» вышла в 1942 г., после гибели Петрова; Паша Фин – сын драматурга Константина Финна; Саша – брат, Татьяна Петровна – мать В.Л. Петровой. Впервые опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса: ОКФА, 1998. – С.143-152, с факсимильным воспроизведением. – А.Я.]

## **ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВА В ФОНДАХ ОЛМ**

В ноябре 1991 года Евгений Петрович Катаев, внук Евгения Петрова, передал в дар сотрудникам Одесского литературного музея, по счастливой случайности оказавшимся в то время в командировке в Москве, значительную часть материалов семейного архива. (Счастливой случайностью, благодаря которой сотрудники оказались в командировке, а архив Е. Петрова – в музее, мы обязаны помощи руководителей фирмы «Ласми» – Анатолия Лашковского и Якова Михайличенко.) Наибольшую ценность представляли рукописи, документы и фотографии Евгения Петрова.

По материалам архива была подготовлена одна из первых книг, выпущенных музеем – «Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину» (1998) – о братьях Катаевых. Во второй части книги были опубликованы тринадцать писем письма Е. Петрова к жене.

Письма Е. Петрова и письма к нему, хранящиеся в фондах Одесского литературного музея, публиковались на страницах периодики и в научных изданиях<sup>1</sup>. Тем не менее, в полном объеме письма Евгения Петрова из рукописного фонда ОЛМ до сих пор не были опубликованы. Большая часть их вошла в подготовленную Александрой Ильичной Ильф статью «Евгений Петров. Письма» (см. публикацию в настоящем сборнике, с. 198-281). Тринадцать писем, не включенных А.И. Ильф, публикуются ниже.

Данные статьи составляют полный свод писем Евгения Петрова родным. Они включают и те, рукописи которых сохранились, и известные лишь по публикации в 4 томе Собрания сочинений И.Ильфа и Е. Петрова в 5 томах (М.: ГИХЛ, 1961).

В фондах Одесского литературного музея хранятся сорок шесть писем и записок Евгения Петрова жене Валентине Грюнзайд-Катаевой (часть с конвертами, часть – без них), одно письмо сыну Пете на отдельном листе, два письма тете Елизавете Ивановне Бачей, восемь пустых конвертов (либо без штемпелей, либо штемпеля не соответствуют дате имеющихся писем) и семнадцать телеграмм.

Письма публикуются с сохранением орфографии оригинала.



**Елизавете Ивановне Бачей**

**1928**

14 июня 1928 г. Риччионе. Р-2973, КП-29672

22 июня 1928 г. Комо. Р-2972, КП-29671

**Валентине Леонтьевне Грюнзайд-Катаевой**

**1930**

[21 января 1930 г.] Записка в роддом. Р-3006,, КП-29705/2

21 апреля 1930 г. [Сызрань] Р-2974, КП-29673

**1933**

25 июня 1933 г. Сочи. Р-2975, КП-29674

2 июля 1933 г. Сочи. Р-2976, КП-29675

[24 октября 1933 г.] Афины. Р-2978, КП-29677

30 октября 1933 г. Неаполь. Р-2977, КП-29676

31 октября 1933 г. Неаполь, Везувий. Р-2979, КП-29678

19 ноября 1933 г. Париж. Р-2980, КП-29679

27 ноября 1933 г. Париж. Р-2981, КП-29680

7 декабря 1933 г. Париж. Р-2982, КП-29681/1-2, с конвертом

11 декабря 1933 г. Париж. Р-2983, КП-29682/1-2, с конвертом

19 декабря 1933 г. Париж. Р-2984, КП-29683/1-2, с конвертом

27 декабря 1933 г. Париж. Р-2985, КП-29684/1-2, с конвертом

**1934**

2 января 1934 г. Париж. Р-2986, КП-29685/1-2, с конвертом

**1935**

24 сентября 1935 Вена. Р-2987, КП-29686

29 сентября 1935 г. Париж. Р-2988, КП-29687/1-2, с конвертом

6 октября 1935 г. «Нормандия». Р-2989, КП-29688/1-2, с конвертом

17 октября 1935 г. Нью-Йорк. Р-2990, КП-29689

23 октября 1935 г. Нью-Йорк. Р-2991, КП-29690/1-2, с конвертом

2 ноября 1935 г. Нью-Йорк. Р-2992, КП-29691/1-2, с конвертом

12 ноября 1935 г. Дирборн. Р-2994, КП-29693/1-2, с конвертом

18 ноября 1935 г. Ханнибал. Р-2995, КП-29694

23 ноября 1935 г. Санта-Фе. Р-2996, КП-29695

26 ноября 1935 г. Галлоп (Нью-Мексико). Р-3033, КП-29724

3 декабря 1935 г. Сан-Франциско. Р-2997, КП-29696/1-2, с конвертом

10 декабря 1935 г. Холливуд. Р-2993, КП-29692

23 декабря 1935 г. Холливуд. Р-3034, КП-29751/1-2, с конвертом

26 декабря 1935 г. Сан-Диего. Р-2998, КП-29697/1-2, с конвертом



29 декабря 1935 г. Хуарец. Мексика. Р-3032, КП-29723  
31 декабря 1935 г. Сан-Антонио. Техас. Р-2999, КП-29698/1-2, с конвертом

**1936**

10 января 1936г. Вашингтон. Р-3000, КП-29699/1-2, с конвертом  
27 января 1936 [«Мажестик»]. Р-3001, КП-29670

**1937**

7 июля 1937 г. Хабаровск (с припиской для сына Пети). Р-3002, КП-29701  
8 августа 1937 г. Хабаровск (с припиской для сына Пети). Р-3003, КП-29702  
17 августа 1937 г. Хабаровск. Р-3004, КП-29703  
19 сентября 1937 г. Хабаровск. Р-3005, КП-29704

**1938 (?)**

Записка в больницу, вложены записки от сына и матери. Р-3008–Р3010, КП-29706/3

**1939**

3 января 1939 г. Записка в роддом. Р-3006, КП-29705/1  
7 октября 1939 г. Львов. Р-3011, КП-29707  
20 октября 1939 г. Львов. Р-3012, КП-29708/1-2, с конвертом  
23 октября 1939 г. Львов. Р-3013, КП-29709/1-2, с конвертом

**1940**

10 февраля 1940 г. Действующая армия. Р-3014, КП-29710/1-2, с конвертом  
16 февраля 1940 г. Действующая армия. Р-3015, КП-29711/1-2, с конвертом

**1941**

4 июля 1941г. Москва. Р-3016, КП-29712  
28 сентября 1941 г. сыну Пете, Москва. Р-3017, КП-29713

**1942**

6 января 1942 г. Москва. Р-3018, КП-29714  
23 марта 1942 г. Москва. Р-3019, КП-29715/1-2, с конвертом

**Отдельные конверты**

Без штемпелей. Р-3030, КП- 29721/3  
Из Франции, 1933. Р-3025, КП- 29720/1  
Из Франции, 1933. Р-3026, КП- 29720/2  
из Франции, 1934. Р-3027, КП- 29720/3  
Из США. Машинопись, чернила. Р-3023, КП- 29719/1  
Из США, 1935. Р-3024, КП- 29719/2



В Москву [до 1936]. Р-3028, КП- 29721/1  
Из Москвы в Ялту, 1937. Р-3029, КП- 29721/2

**На отдельном листе**

3 мая 1940. Адреса Н.И. и Е.И. Бачей, начало письма к Ивану Алексеевичу. Р 3022, КП-29718

**Телеграммы В.Л. Грюнзайд-Катаевой**

20 сентября 1935 г. Из Негорелого в Москву. Д-1205, КП 29783/1;  
30 января 1935 г. из Парижа в Москву Д-1206, КП-29783/2;  
19 мая 1940 г. из Ялты жене и сыну Д-1207, КП-29783/3;  
из Ленинграда в Клязьму Д-1208, КП-29783 /4;  
из Ленинграда в Москву Д-1209, КП-29783 /5;  
1937 из Нагаево в Москву, сообщение о приезде в Магадан Д-1210, КП-29783 /6;  
1937 из Владивостока в Москву Д-1211, КП-29783 /7;  
1937 из Нагаево в Москву Д-1212, КП-29783 /8;  
1937 из Владивостока в Москву о выезде в Хабаровск Д-1213, КП-29783 /9;  
1937 из Хабаровска в Москву о выезде в Москву Д-1214, КП-29783 /10;  
1937 из Владивостока в Москву, сообщение о приезде Д-1215, КП-29783 /11;  
1937 о выезде на пароходе Дальстроя Д-1216, КП-29783 /12;  
1937 из Хабаровска в Москву Д-1217, КП-29783 /13;  
1937 из Хабаровска в Москву Д-1218, КП-29783 /14;  
1941-42 из Москвы в Ташкент Д-1219, КП-29783 /15;  
1941-42 из Москвы в Ташкент Д-1220, КП-29783 /16;  
[март 1942]Телеграфная лента. Поздравление с годовщиной свадьбы НВ-20168

**1933**

**2-VII-1933**

**Сочи**

Милая, любимая Валянька!

Только что получил твою телеграмму и сейчас же послал ответную. Одновременно посылаю это письмо, которое, – я уверен, – придет раньше телеграммы. Его везет Ротов, который уезжает сегодня. Он не досидел своего срока в санатории. Объясняет это необходимостью работать и желанием хорошо покушать (здесь кормят далеко не на убой).

Ну, вот. А я думаю сидеть до 14/ VII. Как ни кормят, но диету я получаю, чувствую себя все лучше, желудок работает отлично, и я уже успел прибавить в весе 1 кг. 400 гр. Этого пока недостаточно, но есть надежда добавить еще.



Веду я довольно скромную, однообразную жизнь. Волей-бол мне пока запрещен, чтобы я не волновался и не худел. Главным образом купаюсь, жарюсь на солнышке, а в остальное время просто сплю в кровати.

Вот о моей жизни в санатории. Признаться, здорово надоела эта музыка. Потом я очень скучаю по тебе и Петеньке.

Ты пишешь мне очень мало и слишком кратко. А последнее письмо меня взволновало. История с отправкой Оли в Москву мне совсем не нравится. Оля должна жить на Клязьме и ездить в Москву, чтобы [неразб.] Вообще, представь себе всю эту суету. Я требую, чтобы ты взяла карандаш, лист бумаги и записала себе расписание дня, которого бы и придерживалась. Иначе ты никогда не поправишься. Оля должна вставать летом ровно в 6 ч. и сейчас же уезжать в город, где продукты еще с вечера заготовлены Татьяной Петровной. Надо, чтобы Оля сейчас же возвращалась назад. В 10 она уже будет на Клязьме. Ложится пусть в 10 вечера. Что касается городской квартиры, то на некоторое время днем ее можно оставлять. Это несомненно. Что же касается ночи, то нужно привинтить цепочку. Прораб обещал это сделать. Он говорил мне, что цепочка уже куплена.

Итак, козинька, слушайся меня, веди регулярную жизнь. По утрам кушай побольше (об этом всегда нужно подумать заранее), Олю держи на Клязьме, а главное, ешь и отдыхай как можно больше. За квартиру отвечаю я. Если обкрадут, я никого не буду винить. Меня [неразб.] интересует твое здоровье. Чтoб к моему приезду ты была толстенькая, кругленькая и загорелая. Петенька – тоже. Интересно, поправляется ли он после операции, как это обещал Натансон? Не забудь отдать шить рубашки. Прошу вторично.

Ну, козлик, нежно, нежно тебя целую, обнимаю и ласкаю. Твой хазбенд. Петеньку поцелуй и скажи ему, что папа скоро приедет

---

*Ротов – Константин Павлович Ротов (1902-1959) художник-график, карикатурист, иллюстратор романа «Золотой теленок».*

*Татьяна Петровна – мать В.Л. Катаевой.*

Рукопись, 1 лист.

Р-2976, КП-29675

Публикуется впервые

### **Открытка**

**[24 октября 1933 Афины]**

Дорогая, любимая Валинька!

Как видишь, пишу из Афин. Только что были в Акрополе, один из видов которого ты увидишь на этой открытке. Пишу прямо на [неразб.]



в киоске среди шума и гама афинской улицы. Думаю о тебе ежеминутно и [неразб.] Поцелуй Петьку. Привет всем. Всегда твой Женя.

Открытка адресована: Москва, Кропоткинские ворота, Нащокинский пер., 5, кв. 7.

Рукопись.

Р-2978, КП-29677

Публикуется впервые



Москва  
Москва  
Кропоткинские ворота  
Нащокинский пр. 5, кв. 7  
Валентине Кошуровой  
Катасвай

1937

7 июля 1937 г. Хабаровск

Моя обожаемая Валинька!

Первым делом прости меня, что пишу тебе так официально – на машинке. Просто в этой омерзительной гостинице, где я живу (лучшая в городе!) – нельзя допроситься чернил. Вообще здесь ничего нельзя допроситься. Ботинки здесь нельзя почистить, так как в гостинице нет щеток, штепсельной лампы у них нет, и приходится довольствоваться маленькой клозетной лампочкой под потолком, к тому же еще заляпанной известкой. В номер я въехал сейчас же после ремонта.

Пахнет краской, но тем не менее в первую же ночь меня атаковала большая могущественная армия клопов. На другой день после долгих препирательств их «шпарили». Однако следующую ночь я тоже не спал – клопы собрали уцелевшие батальоны и произвели на меня бурную контратаку. Сегодня опять ругался. Обещали их доконать, но ничего не сделали. Пришел только что, часов в одиннадцать вечера (у вас на Клязьме сейчас



четыре часа дня) и снова ругался. Кровать щедро намазали керосином. Кончу письмо и лягу. Ах, если бы можно было совсем не ложиться.

Ты не подумай, козочка, что я нытик. Вообще-то своей поездкой я очень доволен, и даже за эти три дня видел много интересного. На днях поеду в Комсомольск. Потом вернусь в Хабаровск. Потом поеду в большое путешествие, план которого еще не наметил.

Как я ни скучаю по тебе и Петьке, но все-таки хорошо, что ты не поехала. Тебе было бы трудно. Вот посмотрим, как будет во Владивостоке. Может быть, в августе или сентябре поедешь туда.

Кисик! Я до сих пор не получил от тебя ни одной телеграммы, если не считать самой первой. Ты должна посылать мне не меньше двух телеграмм в неделю и такое же количество писем. А то я не найду сил бороться с клопами. Уж пожалуйста, поддержи меня. Пиши подробно, как вы живете, учится ли Петя, хорошо ли на Клязьме и так далее. Письма посылай мне по адресу: Хабаровск, улица Карла Маркса, Дом Советов, Корреспондентский пункт «Правды», Евгению Петрову. Конечно, всяких там пригласительных писем не посылай, а только важные.

Ну, дорогая моя кузя, до-свидания. Целую тебя крепко и нежно. Обними Петеньку и кланяйся всем друзьям и знакомым, в первую очередь Саше и Татьяне Петровне.

Твой любящий супруг Женя.

ДОРОГОЙ СЫН ПЕТЯ!

Я ЖИВУ В ГОРОДЕ ХАБАРОВСКЕ. ТУТ ЕСТЬ БОЛЬШАЯ РЕКА. НАЗЫВАЕТСЯ АМУР. ПО НЕЙ ХОДЯТ ПАРОХОДЫ. Я В НЕЙ УЖЕ КУПАЛСЯ. ХОДИШЬ ЛИ ТЫ КУПАТЬСЯ НА КЛЯЗЬМУ? КАК ТЫ ЖИВЕШЬ? ТЫ ДОЛЖЕН ХОРОШО УЧИТЬСЯ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ. КАК ТЫ ПИШЕШЬ, Я БУДУ ВИДЕТЬ ПО ПИСЬМАМ, А КАК ЧИТАЕШЬ, МНЕ РАССКАЖЕТ МАМА. ТАК ЧТО Я ВСЕ БУДУ ЗНАТЬ, КРЕПКО ТЕБЯ ЦЕЛЮ. ТВОЙ ПАПА.

Послала ли деньги теткам?

---

Рукопись-машинопись, 1 лист, подпись карандашом  
Р-3002, КП-29701

Частично опубликовано: Яворская А. Евгению Петрову – 100 лет // Фонтан: Одесский юмористический журнал. – 2002, № 12. – С.17. Полностью: Яворская А. Оптимист собачий // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный альманах. – Одесса, 2003. – № 12. – С. 210-211





Фотографии Е. Петрова. Дальний Восток, 1937



**8 августа 1937**

**Хабаровск**

Моя милая любимая девочка! Позавчера я вернулся из большой поездки в Комсомольск и по Комсомольскому району. Было очень интересно. Я поднимался вверх по очень малоисследованной реке Горюн, был в нанайских стойбищах (нанайцы по своему национальному характеру очень напоминают индейцев, о которых ты читала в нашей книге), видел удивительно интересных людей. Рассказать обо всем в письме невозможно. Надеюсь, ты прочтешь о моих впечатлениях в «Правде», так как я собираюсь писать. Вернее, уже пишу. Со времени поездки на границу (ты читала фельетон о Винокурке), я ничего в «Правду» не посылал, так как все время разъезжал. Эти два дня в Хабаровске все время пишу. Ты не представляешь себе, как я обрадовался, получив сразу три твоих телеграммы и письмо. А вчера принесли еще одну телеграмму и письмо. Я очень, очень по тебе скучаю и ужасно тебя люблю. Почему ты не выслала фотографий, о которых я просил? Свою фотографию я позабыл вложить в конверт. Вкладываю в это письмо.

Как будет дальше? Я предполагал через пару дней выехать в огромное путешествие на Камчатку, Чукотку и Колыму. Однако, сейчас появились новые обстоятельства, и мне, вероятно, придется остаться на август в центре края. Не знаю, удастся ли осуществить такое путешествие в сентябре. Сомнительно. Покуда надеюсь между десятым и двадцатым августа вылететь в Николаевск и на Сахалин. Это менее грандиозно, чем первый план, но тоже чего-нибудь да стоит.

Самочувствие у меня хорошее. Это бывает всегда, когда я работаю и работой увлечен. Только тебя не хватает. И Петеньки. Ну, любимая моя Валинька, до-свидания. Надеюсь, что ты приедешь в конце сентября. А может быть, и я приеду с докладом в конце сентября в Москву, так или иначе, а без тебя я больше не могу и не хочу жить на свете.

Приветствуй от меня всех родственников, друзей и знакомых. Никакого телеграфного письма я от Вали не получил. Сообщи ему это. Хорошенько обними и расцелуй Петеньку.

Обожающий тебя блудный муж

Женя

**ДОРОГОЙ ПЕТЕНЬКА!**

**СПАСИБО ЗА ТО, ЧТО ТЫ МЕНЯ НЕ ЗАБЫВАЕШЬ И ПИШЕШЬ МНЕ ПИСЬМА. Я ОЧЕНЬ РАД, ЧТО ТЫ ХОРОШО УЧИШЬСЯ ПО-НЕМЕЦКИ И ВООБЩЕ ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК. КАК ПОЖИВАЕТ ТВОЙ ПЕДАЛЬНЫЙ АВТОМОБИЛЬ?**

**ЛЮБЯЩИЙ ТЕБЯ ПАПА.**



фельетон о Винокурке – Петров Е. «Штурм высоты// Правда. – М., 1937. – № 195 (7167). – С. 6.

письмо от Вали – В.П. Катаева

Рукопись-машинопись, 1 лист, подпись карандашом.

Р-3003, КП-29702

Частично опубликовано: Яворская А. Оптимист собачий // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный альманах. – Одесса, 2003. – № 12. – С. 211-212

**17 августа 1937 г.**

**Хабаровск**

Моя дорогая любимая Валюшенька!

Вчера получил от тебя новое письмо. Бедный Миша Хасин. Я его искренне жалею. Воспаление нервных узлов – болезнь серьезная, но вовсе не безнадежная. Надо надеяться, что одесский лиман ему поможет и он вернется в Москву совсем здоровым. За квартиру я платил через сберкассу Гослитиздата, ту самую, где ты получаешь деньги. В сберкнижке ты даже найдешь расходную сумму, которую я перевел домоуправлению. Что-то около семисот рублей, точно не помню. Обратись к девушке, которая работает в сберкассе. Она сообщит тебе номер счета и во всяком случае даст доказательство того, что деньги переведены. Теперь относительно Маруси. Никак не возьму в толк, какую бумажку я должен был ей оставить. Хоть убей, не помню. Сейчас я ей напишу об этом. Ну, вот, как будто бы о делах все. Теперь о себе. Сегодня вечером выезжаю во Владивосток, а 20-го или 21-го сажусь на пароход «Ежов» и отплываю на Колыму. Рейс длится пять суток. Доеду до Нагаево. Там несколько километров до нового города Магадана. По Колымскому краю буду ездить в автомобиле. Там пробуду на золотых приисках и в туземных стойбищах, ороческих, эвенских и якутских, несколько дней. Может быть, вернусь назад «Ежовым». Тогда буду во Владивостоке числа пятого сентября. По всей же вероятности, останусь до следующего парохода и тогда смогу возвратиться в первых числах сентября. Когда ты получишь это письмо, я буду уже на Колыме. Может быть, дам тебе оттуда телеграмму, чтобы ты выезжала во Владивосток. А вернее всего, ты приедешь в октябре. Может также случиться, что тебе не будет смысла выезжать сюда (путь этот ужасно утомителен), так как не исключена возможность, что я вернусь в Москву раньше срока.

Сейчас я должен укладываться и ехать на вокзал. Спасибо тебе за письма и телеграммы. Я очень тебя люблю и ежеминутно чувствую тебя



рядом. Обними Петеньку. Уже нет времени писать ему. Боюсь опоздать на поезд. Еще раз крепко целую моих любимых и дорогих. Пиши побольше. В телеграмме укажу тебе новый адрес.

Всегда твой Женя.

P.S. Посылаешь ли ты деньги теткам?

*Маруся – Мария Николаевна Ильф  
Тетки – Елизавета и Наталья Бачей*

Рукопись-машинопись, 1 лист, подпись и постскриптум карандашом  
Р-3004, КП-29703

Частично опубликовано: Яворская А. Оптимист собачий // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный альманах. – Одесса, 2003. – № 12. – С. 212



*Вырезка из магаданской газеты. 1937 г.*

**19 сентября 1937**

**Хабаровск**

Моя дорогая обожаемая Валюшенька!

Я так по тебе соскучился, так утомился в поездках, что не выдержал и попросил тебя приехать. Пригласил и тотчас пожалел. Это было слишком эгоистично с моей стороны – тащить тебя в тяжелое десятидневное путешествие, чтобы здесь, во Владивостоке, по целым дням оставлять тебя одну в паршивой скучной гостинице. Ведь мне постоянно приходится разъезжать – предстоят поездки в армию и во флот, куда женщинам вход не полагается. Что бы ты здесь делала? Тут даже театра сейчас нет.



*Книга с автографом Е. Петрова и вклеенной фотографией –  
Е. Петров на Дальнем Востоке. 1937*

В сущности, здесь есть одна более-менее приличная улица. Все остальное – грязно и запущенно. На улицах много пьяных. Знакомых нет. Пойти буквально некуда. Я представил себе – ты приезжаешь, мы проводим вместе один-два дня, и я исчезаю сразу на неделю. Ведь это просто бесчеловечно! Была и еще одна причина. Я хотел здесь серьезно поработать, рисовал в воображении чудесную картину – мы живем вместе, и я работаю. Но вечером того дня, когда я послал тебе телеграмму, я сел писать статью. И должен тебе сказать, никогда не испытывал таких мучений. В доме напротив играли сразу два граммофона, рядом из ресторана доносился отчаянный вой оркестра, а на улице, под окном моего номера отчаянно орали пьяные. В течение четырех часов я никак не мог собраться с мыслями, хотя материал статьи был мне хорошо понятен. Наконец я начал писать. И только написал две строчки – потух свет. Загорелся он только в час ночи, и я сел продолжать. Хозяева двух страшных гильотин, которых во Владивостоке называют на американский манер «виктролами», легли спать; но зато оркестр завыл с особенной силой. Что же касается пьяных, то в эти тихие ночные часы они орали песни с особенным усердием. Короче говоря, этот бедлам прекратился только часа в три-четыре ночи. Кончил я писать в семь утра, а просидел за письменным столом двенадцать часов. И я решил уехать из Владивостока, как только я освобожусь от дел, то есть к первому октября. А тут от тебя пришла телеграмма, что ты сможешь приехать только к первому, и твоя поездка окончательно потеряла смысл. Надеюсь, ты со мной согласишься и простишь меня за



беспокойство, которое я тебе причинил. К первому думаю быть уже в Хабаровске и оттуда просить Мехлиса, чтобы он разрешил мне вернуться в Москву раньше указанного срока. Я столько уже видел здесь, провел такую полезную работу, что дальнейшее пребывание на Востоке едва ли даст мне что-либо новое. Буду надеяться, что он мне не откажет и вместо шести месяцев мы проведем в разлуке только четыре.

Письмо это я пишу после большого перерыва. И вот почему. Когда я был на Колыме, писать письма было бессмысленно, так как они могли пойти на «материк» (так колымчане называют большую землю) только с ближайшим пароходом. А я уезжал именно с этим ближайшим пароходом. Вот и считай – три недели без писем. Из Владивостока не писал, потому что думал, что ты приедешь и мои письма тебя уже не застанут. А теперь вот начал писать снова. Мне звонили из Хабаровска, что там для меня есть два письма. Наверное, твои. Их уже выслали сюда, и я, наверное, получу их сегодня-завтра.

Как ты живешь там одна, моя нежная Кузя? Тебе все-таки легче, чем мне. У тебя Петенька, знакомые. Как веселишься? Где бываешь? Сделали, наконец, круглый стол и книжный шкаф? Если невозможно переоборудовать ванну, ты сделай вот что: пусть просто установят смесители и те деревянные части к уборной, которые давно уже лежат без дела. Вот и все. Не пришли ли из Америки книги – американское издание «Одноэтажной Америки»? Книга должна была выйти в августе. Ну, прощай, любимая и единственная. Обними Петьку, приветствуй всех родственников и знакомых. Скоро приеду. Это факт.

Обнимаю и целую тебя нежно и крепко. Считаю минуты, когда увижу, наконец, моих двух добрых гениев – большую девочку и маленького мальчика. Готовься меня встречать, Валик.

Сейчас буду есть настоящий китайский обед с червями и прочими гадами.

Посылаешь ли деньги теткам?

Всегда твой Женя.

---

*Мехлис – Лев Захарович Мехлис (1889-1953), заведующий отделом печати ЦК, главный редактор «Правды»*

Частично опубликовано: Яворская А. Оптимист собачий // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный альманах. – Одесса, 2003. – № 12. – С. 212-213

Рукопись-машинопись, 1 лист с конвертом, приписки чернилами  
Р-3005, КП-29704

Все письма адресованы: Москва, Лаврушенский пер., 17/19, кв 27  
Катаевой Валентине Леонтьевне



1938 (?)

Рукопись. Записка Е.П.Петрова жене в больницу без даты, 1 лист, записка сына Пети и домработницы – 1 лист и матери В.Л.Катаевой – 1 лист

Любимая моя кузинька!

Посылаю тебе мандаринки, яблоки (громадные), икру, твои любимые конфетки, шоколадку <неразб.> и парфюмерию. Гребешок очень смешной. Он, наверно, тебе понравится.

Очень, очень тебя целую, сочувствую. Напиши подробнее: в котором часу тебя оперировали? Очень было больно? Скучаешь ли?

Сегодня выходной день, и разговоры по телефону не допускаются.

Петенька тебе кланяется. Он сегодня одевался целый час (пользуясь смятением). Ну, козочка, скорей выздоравливай.

Напиши ответ на обороте.

Крепко, крепко целую.

Женя

---

Р-3008, КП-29706/1

Дорогая моя Валюшенька. Мы с Женей ехали, и Женя сам тебе все купил, кушай на здоровье, мой фрукты, кушай, чтобы животик не болел. Петенька веселенький, я буду все время, пока ты придешь, с ним. Будь здорова, все будет хорошо и весело

Твоя мама

---

Р-3009, КП-29706/2

будь здорова целую сын Петя

дорогая Валечка посылаю тебе мандарин очень холодный

---

Р-3010, КП-29706/3

1939

7 октября 1939 г.

Львов

Моя дорогая обожаемая Валюшенька!

Наконец получил в первый раз возможность написать тебе письмецо. Мне дали ровно две минуты. Сейчас пойдет самолет. Я жив, здоров, работаю. Посылал тебе телеграммы. Получила ли ты их? В конце каждой корреспонденции посылал тебе приветы. Передавали ли их тебе? Я страшно волнуюсь – здоровы ли мои дорогие, любимые жены и дети? Пробуй



писать мне письма и телеграммы по адресу: Львов, гостиница «Жорж» № 4. Может быть дойдет. Здесь очень интересно, и я много работаю. Возможно, придется остаться здесь до конца месяца (здесь будут выборы). Но это все мои предположения, потому что от своего ТАССОВСКОГО начальства я ни разу не получил ни одной строчки. Позвони в ТАСС Хавинсону (узнай где-нибудь телефон, я его не помню) и спроси, почему я от них ничего не получаю. Скажи, что у меня до сих пор нет автомобиля и безумно трудно работать, скажи, что я послал уже двенадцать корреспонденций, но не знаю, печатаются ли они, потому что газет у меня нет.

Передавай привет всем родственникам и знакомым. Пошли теткам деньги. Напоминаю адреса:

250 р. Полтава, Тупой пр., 11 Елизавете Ивановне Бачей и 50 р. – п.о. Игрень, поселок им. К. Маркса, Торговая, 13 Наталии Ивановне Бачей.

Безумно скучаю по тебе и детям. Страшно хочется получить от тебя хоть строчку.

Целую тысячу раз, нежно обнимаю тебя, Петеньку и Ильюшеньку. Тут так быстро идет время, что, кажется, прошло уже два года. Казалось, должно было быть наоборот. Это от огромного количества событий.

Еще раз целую. Твой и ваш муж и отец Женя

---

Рукопись, 1 лист с конвертом, на отдельном листке записан номер телефона и фамилия директора ТАСС.

P-3011, КП-29707

**20 октября 1939 г.**

**Львов**

Моя любимая обожаемая Валюшечка!

Есть оказия, и я тороплюсь написать тебе. Гусев дал мне твое письмо. Я был счастлив узнать, что вы все, мои дорогие, здоровы и благополучны. Ильюшкины два зуба привели меня в восторг. Моя тоска по тебе и детям дошла до пределов возможности. Ты даже и вообразить себе не можешь, как я стремлюсь в Москву. Сегодня ровно месяц, как я уехал, а у меня такое состояние, как будто я не был дома по крайней мере два года. Это, наверное, потому, что я страшно сильно переутомлен. Никогда я так не работал, как сейчас. Помимо своей корреспондентской работы, я выпускаю тут перед выборами «Крокодил». Первый номер сделал буквально из ничего в один день. Теперь создан уже коллектив очень сильных местных художников. Вышли уже два номера. Завтра выходит третий. К 26-му (день Народного Собрания) выйдет четвертый и тогда – конец.





Баста. Еду домой, захочет этого ТАСС или не захочет. Работаю, в общем, днем и ночью. Сейчас пишу большую корреспонденцию, которую завтра пошлю по телеграфу в Москву.

Вопросов тебе не задаю, хотя и безумно хочется знать, как ты проводишь время, как дети и Москва. Ведь все рано ответить ты мне не сможешь. Разве только снова будет оказия.

Жду не дождусь момента, когда окажусь дома, надену туфли, заведу радио, буду принимать участие в купании Ильюшеньки, целовать твои ласковые глазки и читать книжки (я за целый месяц не прочел ни одной приличной строчки. Даже газеты – и те почти не вижу. Совсем одичал.)

Ну, ненаглядная моя жена, торопят. Человек уезжает на аэродром.

Целую тебя множество раз, обнимаю и люблю.

Поцелуй и обними детей.

Привет друзьям и знакомым.

Твой Женья

---

Рукопись, 2 листа с конвертом.

Р-3012, КП-29701

**23 октября 1939г.**

**Львов**

Милая, нежно любимая Валюшенька!

Завтра утром в Москву едет Виктор Борисович Шкловский, и я спешу поскорее написать тебе.

Сегодня наконец-то получил телеграмму от Хавинсона, в которой мне разрешается вернуться в Москву к 1-му ноября (вернее, к 1-му я смогу выехать). Со старой советской территории дам телеграмму, чтобы меня встретили с машиной.

Ну, вот, любимая Валюшенька, мои утомительнейшие приключения подходят к концу. Работаю так много, как никогда в жизни не работал. Вчера передал по телеграфу и радио сразу три больших телеграммы для ТАСС. Выпустил уже три номера «Крокодила», 26 октября, в день Народного Собрания выпустил 4-й, последний номер. Потом напишу еще несколько корреспонденций – и тогда домой, к Валюшеньке, Петеньке и Ильюшеньке. Кисик мой дорогой, я тебя очень люблю, ты у меня хорошая, и мне так хочется, чтобы ты меня пожалела, что хоть вой. А чтобы пожалела потому, что я устал, устал и устал.

Сюда приезжает все больше и больше московской публики. Вчера явился взмыленный и бодрый, как молодой, но уже подкованный му-



станг, Сема Кирсанов. Ходит слух, что приехала Рина Зеленая, но я еще не видел. Скоро явится кто-нибудь вроде Менделевича и станет совсем «кружок», и надо будет бежать. А так как я все равно еду, опасность такого рода мне не угрожает.

Как вы живете, любимые жены и дети? То единственное письмо, которое я от тебя получил, такое коротенькое, что читал я его не больше минуты. Ну, ладно, не буду вздыхать. До скорой чудесной встречи. Чем старше мы становимся, козочка, тем больше ценим прочность и постоянство. А я так просто обожаю тебя как невесту. Видишь, какая ты! Смотри, не зазнайся.

Целую тебя нежно и крепко.

Поцелуй детей.

Передавай привет родным и знакомым. В частности, Тамаре Петровне, Собакиным, Саше, Розе Ароновне. Занимается ли Петя музыкой и английским. Имей в виду, что таких вещей запускать нельзя.

Твой вернувший-превернувший  
любящий-прелюбующий тебя

Женя

---

*Шкловский Виктор Борисович (1893-1984) – писатель, литературовед, критик*

*Кирсанов Семен Исаакович (1906-1972) – поэт*

*Рина Зеленая (Екатерина Васильевна Зеленая) (1901-1991) – актриса эстрады, театра и кино*

*Собакины – семья Катаевых, от псевдонима В.П. Катаева «Старик Саббакин»*

*Саша – брат В.Л. Катаевой*

Рукопись, 2 листа.

Р-3013, КП-29709/1

Все письма адресованы: Москва, Лаврушенский пер., 17/19, кв 27

Катаевой Валентине Леонтьевне

## 1940

**10 февраля 1940 г.**

**Действ. армия**

Дорогая, нежно любимая Валюшенька!

Отправил тебе письмо и телеграмму. Получила ли ты их? Я все время думаю о вас, моих дорогих женах и детях. И чем больше думаю, тем больше люблю.

Сейчас ночь. Только что кончил писать фельетон.

Работаю как зверь. Давненько не занимался прямой газетной работой, когда нужно дать каждый день несколько статей и заметок, когда тут же



в типографии набирают твою статью, ты тут же ее корректируешь и тут же она печатается в походной типографии.

Живу я, как писал тебе в первом письме, хорошо. У нас с Исбахом и Долматовским (кстати, позвони жене Долматовского по телефону Т1-48-53 и передай ей привет от мужа) милая финская комнатка, оклеенная зеленоватыми провинциальными обоями. Питаюсь отменно в специально прикрепленной к нашей редакции столовой Военторга. Одним словом, вообрази, что я уехал на полтора месяца в Ялту и перестань волноваться, потому что, – я чувствую это, – ты волнуешься.

Как у вас дела? Напиши подробно (ты пишешь всегда очень коротко) про Петеньку и Ильюшеньку. Все, что они делают. Вышел ли наш младенец из манежа и прошелся ли он уже в первый раз по комнате на своих толстеньких ножках?

Напиши о московских друзьях и знакомых. Сообщи последние московские новости.

Ну, что еще рассказать о себе? Представь себе, что прямо-таки нечего рассказывать – такой «мирной» и спокойной жизнью я живу. Мои товарищи по работе – отличные люди. С ними споро и приятно. А обстановка войны делает людей особенно дружелюбными и предупредительными. Остается пожелать, чтобы люди были бы такими же хорошими и в мирное время. Твоя роскошная колбаса покуда еще не пригодилась. Здесь в Военторге ее сколько угодно, как и вообще всяких продуктов.

Ну, до свидания, душа моя. Уже скоро утро, и ужасно хочется спать. Сейчас лягу, укурюсь поверх казенного одеяла своим желтым, закрою печку, потому что дрова уже догорают (пока я писал, они очень уютно потрескивали), и засну с мыслью о тебе и детях.

Да, если хочешь представить себе Финляндию, так вот – она безумно похожа на Переделкино, только в этом «Переделкине» половина домов <неразб.> Ели. Снег. Тишина. Целую тебя нежно и крепко. Перецелуй детей. Всегда твой Женя.

На всякий случай еще раз сообщаю тебе свой адрес:

Действующая Красная Армия

Полевая почтовая станция № 1

Редакция «Боевая Красноармейская»

Евгению Петрову

Дай адрес желающим. Пущай пишут.

Присылать мне покуда ничего не надо. Если понадобится – напишу без всякого стеснения.

Пользуясь случаем, целую еще несколько раз.

Женя



Исбах Александр Абрамович (1904-1977) – писатель, литературовед, журналист  
Долматовский Евгений Аронович (1915-1994) – поэт

Рукопись, 2 листа с конвертом  
Р-3014, КП-29710/1

**16 февраля 1940 г.**

**Действ. армия**

Милая моя, любимая кузинька!

Что же это такое! Я пишу тебе, пишу, а взамен не получаю ни одной почтово-телеграфной строчки. Тут ужасно работает почта, так что я отправляю тебе письма и телеграммы с оказией через Ленинград. Так вернее. Сейчас я очень беспокоюсь – здоровы ли вы, не случилось ли чего? Я допускаю, что твои письма задержались (здесь это бывает); но нужно делать так – посылать мне телеграммы через день (помимо писем), хотя бы самые коротенькие. Смотри, Валюнчик, сделай это обязательно.

У меня тут дел по горло.

Никогда в жизни так не работал, как сейчас. Пишу, как черт. Сегодня посылаю две корреспонденции в «Правду», хотя их могут и не напечатать. Ну ничего, пусть лежат.

Очень, очень по тебе скучаю. Как это бывает во время всех моих путешествий, скучать по тебе и детям я начинаю, как только сажусь в поезд.

В смысле моих бытовых условий у меня все по-прежнему. Живу хорошо и ни разу не слышал ни одного выстрела, так что можешь спать совершенно спокойно.

Сейчас большая спешка, уезжают в Ленинград, и я должен отдать письмо. Одновременно дам и телеграмму. Я всегда вместе с письмом посылаю телеграмму. Ты делай то же самое. Слышишь?

Поцелуй и обними детей.

Привет всем друзьям и родным.

Целую и обнимаю, мою дорогую жену.

Всегда твой Женя

Напоминаю мой адрес

Действующая Красная Армия

Полевая почтовая станция № 1

Редакция «Боевая Красноармейская»

Евгению Петрову

Скажи, чтобы Петенька написал мне большое письмо



---

Рукопись, 1 лист с конвертом  
Р-3015, КП-29711/1

Все письма адресованы: Москва, Лаврушенский пер., 17/19, кв 27  
Катаевой Валентине Леонтьевне

1941

**Открытка**

**4 июля 1941**

Дорогая, любимая Валюшенька!

Получил твою телеграмму и письмо. На телеграмму дал ответ, что Татьяна Петровна выехала в Чистополь. Но она выехала до твоей телеграммы, так что взяла, очевидно, не все, что ты просила.

У нас несчастье. Сегодня ночью умерла наша няня. Позавчера у нее начались ужасные боли в желудке. Отвезли ее в больницу. Оказалось – заворот кишок. Оперировали, но положение было безнадежное.

Эта болезнь почти неизлечима. У меня сейчас ночует Софья Петровна. Я очень много работаю. За меня не волнуйся и не давай молний. Это дорого стоит. Давай два раза в неделю простые телеграммы о здоровье детей. Что с Ильюшенькой? В своем письме ты ничего толком не написала. Пиши подробные письма или лучше открытки. Напиши поподробнее о себе. У меня, если не считать смерти няни, все идет как обычно. Денег я зарабатываю теперь мало. Стараюсь понемногу расплачиваться с долгами. Ну, любимая моя жена, будь мужественна. Целую тебя, люблю, обнимаю детей. Женя.

Напиши, как доехала Татьяна Петровна и как вы думаете устраиваться. Саша с семьей как будто уехал.

---

Р-3016, КП-29712

Адресовано Катаевой Валентине Леонтьевне, пристань Берсут Татарской АССР, Кзыллюдзского р-на, Дом отдыха Литфонда.

ДОРОГОЙ ПЕТЕНЬКА!

**СПАСИБО ЗА ТО, ЧТО ТЫ МЕНЯ НЕ ЗАБЫВАЕШЬ И ПИШЕШЬ МНЕ ПИСЬМА. Я ОЧЕНЬ РАД, ЧТО ТЫ ХОРОШО УЧИШЬСЯ ПО-НЕМЕЦКИ И ВООБЩЕ ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК, КАК ПОЖИВАЕТ ТВОЙ ПЕДАЛЬНЫЙ АВТОМОБИЛЬ?**

ЛЮБЯЩИЙ ТЕБЯ ПАПА.



## Примечания

- <sup>1</sup> Яворская Е.Л. «Дорогая, крепко любимая...» // Муза. – Одесса, 1992. – №1, 31 янв. – С. 4-5, с илл.  
Яворская Е. Письма из Парижа: Е. Петров – В.Л. Катаевой // Вечерняя Одесса. – 1992. – 14 окт. – С. 3, с илл.  
Яворская А. Из записных книжек Евгения Петрова // Всемирные одесские новости. – 1992. – № 3 (6). – С. 5.  
Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. – Одесса, 1998. – С. 110-153.  
Яворская Е.Л. Архив Е. Петрова в Одесском литературном музее // Архів. Документ. Історія. Сучасність: Матеріали Першої Міжнародної конференції: Збірка наукових статей та матеріалів / Праці державного архіву Одеської області.– Том IV. – Одеса, 2001. – С. 329-332.  
Из записной книжки Евгений Петрова // Петров Е. Мой друг Ильф / Составление и комментарии А.И. Ильф. – Москва: Текст. – 2001. – С. 226-240.  
Яворская А. «Все может стать условным». Записные книжки. Петров без Ильфа // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный альманах. – Одесса, 2000. – № 3. – С. 155-167. То же: Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. Избранное (2000-2004). – Одесса, 2004. – С. 410-418.  
Яворская А. «Оптимист собачий» // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный альманах. – Одесса, 2003. – № 12. – С. 209-213.  
Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Составление, вступ. статья А.И. Ильф. – Москва: Текст, 2003. – С. 425-426, 432, 434, 447-449, 452, 456-457, 459, 461-462, 469-470, 477-478, 479, 481, 485-486, 490-491.  
Яворская А. «Легкий вязаный шарфик и шапочка...» // Цитата.– Москва, 2007. – № 3-4 (9-10). – С. 40-43.  
Яворская А. «Всегда только твой Женя...» Письма Е. Петрова жене // Радуга: Журнал художественной литературы и общественной мысли. – Киев, 2007. – № 4. – С. 157-165  
Яворская А.Л. Письма А. Козачинского // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. – Вып. 5. – Одесса, 2009. – С. 240-260.  
Яворская А. «Вот я и в Париже – первом городе мира» // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный альманах. – Одесса, 2013. – № 53. – С. 260-274.

## БАБЕЛЬ ВО ФРАНЦИИ И НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Общеизвестно, что Исаака Бабеля многое роднило с Францией: мы знаем, что он написал первые рассказы на французском, что любил и переводил Мопассана, что первая жена жила во Франции, где и родилась его первая дочь Наталья, что он трижды приезжал во Францию. И, конечно, что он в совершенстве знал французский язык.

Статья рассматривает личное отношение Бабеля к Франции, его пребывание в этой стране и, наконец, то, как сложилась судьба книг Бабеля во Франции, и что он значит для французов сегодня.

У Бабеля были глубоко сокровенные и личные отношения с французским языком и французской литературой. В своих воспоминаниях Лев Никулин пишет, что сам Исаак Эммануилович однажды сказал ему в Париже: «Мы должны благодарить Бога, что нашим учителем был француз Вадон. Он научил нас болтать по-французски, а то мы были бы тут глухонемыми!»

В своей автобиографии Бабель написал:

«Школа моя называлась Одесское коммерческое имени императора Николая I училище. Школа эта не забывается для меня еще и потому, что учителем французского языка был там m-r Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил: пейзажи и всякие авторские размышления выходили у меня бесцветно, только диалог удавался мне».

Бабель переводил с французского, в 1926 – 1927 в издательстве «Земля и фабрика» вышло трехтомное собрание сочинений Мопассана под его редакцией. В это собрание вошли и его переводы – рассказы «Идиллия», «Признание» и «Болезнь Андре».

Когда я переводила Бабеля, я внимательно прочла его переводы (заодно перечитала все рассказы Мопассана, и убедилась, что у них с Бабелем действительно есть что-то общее – и в стиле, и в ощущении жизни). Одна забавная деталь: слово «cocotte» (женщина лёгкого поведения) Бабель переводит – «шансонетка». Поэтому, когда в тексте об Одессе я встретила слово «шансонетка», я его со своей стороны перевела «cocotte».



Бабель не просто учился у Мопассана и испытывал на себе его влияние, но впитывал его стиль и сам дух его произведений.

Об этом – знаменитый рассказ «Гюи де Мопассан», в котором, рассказывая о переводе Мопассана, он излагает очень важные принципы своего творчества.

Хочу сказать несколько слов о цикле рассказов «На поле чести». Этот цикл о Первой мировой войне был опубликован в Одессе в 1920 в журнале «Лав» (за несколько месяцев до публикации первых рассказов «Конармии») и являлся вольной обработкой некоторых сюжетов из книги капитана французской армии Гастона Видаля «Персонажи и анекдоты Великой войны».

Я сравнила оригинал с текстом Бабеля. Некоторые фразы – прямые переводы с французского, приводятся цитаты по-французски, но, вместе с тем, целые абзацы переписаны по иному, «по-бабелевски».

Вот пример: у Видаля «il a râli en entendant le miaulement des 77» – у Бабеля «Недалеко от нас промяукала кошечка в 12 сантиметров». Я бы сказала, что здесь подтверждается знаменитое его замечание: «Тайна заключается в повороте, едва ощутимом. Рычаг должен лежать в руке и обогреться. Повернуть его надо один раз, а не два».

Сопоставим цитаты Мопассана, Флобера и Бабеля.

«Какова бы ни была вещь, о которой вы заговорили, имеется только одно существительное, чтобы назвать ее, только один глагол, чтобы обозначить ее действие, только одно прилагательное, чтобы ее определить. И нужно искать до тех пор, пока не будут найдены это существительное, этот глагол и это прилагательное...». «Поменьше существительных, глаголов и прилагательных..., но побольше непохожих друг на друга фраз, различно построенных, умело размеренных, исполненных звучности и искусного ритма...» Ги де Мопассан.

«Ясность и сила языка совсем не в том, что к фразе уже нельзя ничего прибавить, а в том, что из нее уже нельзя больше ничего выбросить». «Я стараюсь изгнать из рукописи причастия и деепричастия и оставляю только самые необходимые». «Я проверяю фразу за фразой, и не однажды, а по нескольку раз. Прежде всего, я выбрасываю из фразы все лишние слова. Нужен острый глаз, потому что язык ловко прячет свой мусор, повторения, синонимы, просто бессмыслицы и все время как будто старается нас перехитрить»

(так пересказывает высказывание И.Бабеля К. Паустовский в повести «Время больших ожиданий»).





«Фраза удалась, если во всем отвечает нуждам дыхания. Мне становится ясно, что она хороша, когда ее можно прочесть вслух. Плохо написанные фразы не выдерживают этого испытания: давят на грудь, нарушают сердцебиение и вступают в противоречие с тем, что необходимо для поддержания жизни».

Густав Флобер

«Он отчаянно боролся с идеей и со словом, овладевал ими, сочетал их, преодолевая сопротивление, навсегда объединял их собственной властью, нечеловеческим изнурительным напряжением сжимал мысль, мало-помалу подчиняя ее, как пойманного зверя, твердой и точной форме».

Ги де Мопассан о Флобере.

«Я беру пустяк: анекдот, базарный рассказ – и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться. Она играет. Она круглая, как морской голыш. Она держится сцеплением отдельных частиц. И сила этого сцепления такова, что ее не разобьет даже молния».

(пересказ фразы И. Бабеля К. Паустовским в повести «Время больших ожиданий»).

Это – о литературной и, если можно так сказать, языковой связи Бабеля с Францией. Но были и реальные встречи с ней. Бабель был во Франции трижды, и провёл там довольно много времени.

Он с юности мечтал о поездке в Европу и, кажется, собирался туда в 1914-м году, но это не удалось из-за войны, а затем революции.

Сестра и мать эмигрировали в Брюссель (в 1924-м и 1926-м году соответственно), его жена Евгения поселилась в Париже в 1925-м, и тёща тоже переехала во Францию после смерти мужа. Связь особенно окрепла после того, как в 1929 г. родилась в Париже дочь Наталья.

Началась долгая и подробная переписка, которая длилась до самого конца – последнее письмо написано 10-го мая 1939-го года, арестовали Бабеля 15-го мая. Часть этой переписки была опубликована на французском языке в 1967-м. Интересно наблюдать не только за тем, что Бабель пишет и рассказывает, но и за тем, о чем он не говорит и не может рассказать...

Впервые Бабель поехал в Европу в июле 1927 г. Побывал в Берлине (на обратном пути познакомился с Элиасом Канетти, произвёл на того сильное впечатление, о Бабеле Канетти живо рассказывает в своих воспоминаниях), в Брюсселе, в Марселе и, естественно, в Париже. Эта поездка длилась 15 месяцев.



«В первый свой приезд в Париж, – пишет Лев Никулин, – Бабель как бы растворился в этом городе. Его вскоре перестали интересовать Монпарнас, кафе "Куполь", "Дом". Он зачастил к нам, на авеню Ваграм, вернее на улицу Брей, где в дешевом отеле "Тильзит" жил всякий народец – русские, иностранцы без определенных занятий».

Амшей Нюрнберг:

«Бабель не любил ничего, напоминающего туристский стиль. Ультрадинамические осмотры и изучение музеев под руководством гида раздражали его. Не любил ничего показного, парадного. Все это, говорил он, для богатых американцев... Его тянуло в старые, покрытые пылью и копотью переулочки, где ютились ночные кафе, дансинги, обжорки, пахнущие жареным картофелем и мидиями, обжорки, где кормится веселая и гордая нищета.

«У Бабеля был свой Париж, как была и своя Одесса. Он любил блуждать по этому удивительному городу и жадно наблюдать его неповторимую жизнь. Он хорошо чувствовал живописные переливы голубовато-серого в облике этого города, великолепно разбирался в грустной романтике его уличных песенок, которые мог слушать часами. Был знаком с жизнью нищих, проституток, студентов, художников. ... Он хорошо знал французский язык, парижский жаргон, галльский юмор. Мы часто прибегали к его лингвистической помощи.

«Наступили серые, туманные, дождливые дни, и мы с Бабелем решили использовать их для хождения по музеям. Начали с Лувра. Местом свидания назначили "зал Джоконды" в одиннадцать часов утра. В условленный час писатель Зозуля и я уже стояли у Джоконды. Прождали час, но Бабеля не было. Потеряв надежду дождаться его, мы отправились в кафе. На другой день пришло письмо от Бабеля. Оно пропало, но содержание его сохранилось у меня в памяти. "Дорогой друг, простите мою неаккуратность. Меня вдруг обуяла нестерпимая жажда парламентаризма, и я, идя к Джоконде, попал в палату депутатов. Не жалею об этом. Что за говоруны французы! Встретимся – расскажу. Привет супруге. Ваш И. Бабель".

«В другой раз местом свидания в Лувре назначили "зал Венеры Милосской", но Бабель опять нас обманул. Встретившись, мы набросились на него с упреками. Бабель галантно извинился и рассказал, что по пути в Лувр в витрине автомобильного магазина он увидел новые машины последних марок. Машины поразили его, и он не мог от них оторваться. "По красоте, – сказал он, – по цвету и по пластичности они не уступают



вашим Джоконде и Венере Милосской. Какая красота! – повторял он. – Потом я набрел на витрину бриллиантов. В витрине лежали словно куски солнца! В этих витринах больше современности, чем в музеях". Так и не удалось нам с Бабелем попасть в Лувр.

«Возвращаясь поздно ночью из кафе, мы, "чтобы на Монпарнасе пахло Одессой", как говорил Бабель, распевали незабываемые одесские песенки. Видавшие виды, ко всему привыкшие парижские полицейские не обращали на нас внимания.

«Бабель любил подолгу простаивать перед газетными киосками, у витрин магазинов и лавчонок, внимательно читать объявления на уличных щитах. Он посещал судебные камеры, биржу, аукционные залы и места рабочих собраний, стремясь все подметить, запомнить и, если можно, записать».

«Куда бы он ни попадал, – пишет Эренбург, – он сразу чувствовал себя дома, входил в чужую жизнь. Он пробыв недолго в Марселе; но, когда он рассказывал о марсельской жизни, это не было впечатлениями туриста, – говорил о гангстерах, о муниципальных выборах, о забастовке в порту, о какой-то стареющей женщине, кажется, прачке, которая, получив неожиданно большое наследство, отравилась газом».

Вторая поездка Бабеля в Европу и во Францию далась намного сложнее. В 1931 году времена были уже другие: НЭП закончился, шла коллективизация, Сталин укреплял свою власть, Маяковский покончил с собой, а вскоре создадут Союз писателей и исчезнут все другие литературные объединения.

Бабель уже четыре года почти не публиковал ничего нового. В конце концов, с большим трудом и, вероятно, благодаря Горькому, он получил осенью 1932-го разрешение уехать на полтора месяца – а остался на шесть.

Бабель впервые увидел дочь Наталью, съездил в Бретань, в Италию и к Горькому в Сорренто. В Париже он общался с эмигрантами – с Алексеем Ремизовым, Юрием Анненковым (который написал его портрет и очерк о нем в «Дневнике моих встреч»), с Борисом Сувариним (что было довольно храбро), с Ильей Эренбургом, встретился с Анри Мальро.

Задумывался ли Бабель когда-нибудь об эмиграции? Наверно, да, как и все, кому тогда удалось побывать за границей. Но, кажется, никогда серьезно не собирался остаться. Да и у него теперь была любовь в Москве, и ему там было интереснее. А любопытство – его главная черта...

Эренбург пишет в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь»:



«Однако даже в любимой им Франции он тосковал о родине. Он писал в октябре 1927 года из Марселя: «Духовная жизнь в России благородней. Я отравлен Россией, скучаю по ней, только о России и думаю».

В другом письме И.Л. Лифшицу, старому своему другу, он писал из Парижа: «Жить здесь в смысле индивидуальной свободы превосходно, но мы – из России, тоскуем по ветру больших мыслей и больших страстей».

Третья поездка была короче, хотя он тоже пробыл дольше, чем было положено – с июня до августа 1935-го года.

Об этой поездке рассказывал Эренбург:

«В 1935 году в Париже собрался Конгресс писателей в защиту культуры. Приехала советская делегация; среди нее не оказалось Бабеля. Французские писатели, инициаторы конгресса, обратились в наше посольство с просьбой включить автора «Конармии» и Пастернака в состав советской делегации. Бабель приехал с опозданием – кажется, на второй или на третий день. Он должен был сразу выступить. Усмехаясь, он успокоил меня: «Что-нибудь скажу». Вот как я описал в «Известиях» выступление Исаака Эммануиловича: «Бабель не читал своей речи, он говорил по-французски, весело и мастерски, в течение пятнадцати минут он веселил аудиторию несколькими ненаписанными рассказами».

К сожалению, не существует записи его речи.

Во время этой поездки Бабель написал очерки, которые были опубликованы в 1937-м в журнале «Пионер»: «Город-светоч», «Школа во Франции», «Города и деревни», «Правосудие и парламент», «Народный фронт», «Власть денег» и «Красный пояс».

В них сразу бросается в глаза неподражаемый стиль Бабеля, хотя чувствуется, что он был вынужден вставлять фразы на казённом «советском» языке.

Например, очерк «Город-светоч» – описаны первые впечатления о Париже и ощущение французского духа – после свободных и живописных размышлений завершается фразой: «Беда в том, что власть капиталистов, политическое устройство капиталистического государства искажают прекрасное лицо этой страны, поражают её жизненные центры».

Это была последняя поездка Бабеля во Францию.

Теперь о том, как Бабеля оценили и оценивают во Франции.

Он был у нас известен с самого начала – перевод «Конармии» вышел уже в 1928 г.

Его сразу заметили, в Бабеле признали великого писателя и одного из самых интересных русско-советских авторов. Переводы его рассказов



публиковались в журналах. Для Запада Бабель был советским писателем, который писал свободным, не казенным языком. Он читал современных французских авторов и дружил с ними.

Бабеля настолько высоко ценили, что, когда он не смог приехать в 1935 на конгресс в защиту культуры, Анри Мальро и Андре Жид пошли в советское посольство и потребовали, чтобы ему разрешили приехать, и советские власти сдались.

После его реабилитации и публикации сборника рассказов с предисловием И. Эренбурга в 1957 г. в СССР, книги Бабея снова издали в «Галлимаре» в 1960 и 1970-х годах.

Вот список переводов:

в 1959 г. – первый перевод «Конармии» (перевод Мориса Парижанина)

в 1967 г. – перевод «Одесских рассказов» (Мая Минусчин и Адель Блок)

в 1970 г. – семейная переписка (Мая Минусчин)

в 1972 г. – «Мой первый гонорар» – сборник из двадцати четырех рассказов (Адель Блок)

в 1972 г. – новый перевод «Конармии» (Жак Катто), издательство «Л'аж дом»

в 1983 г. – «Конармия» (старый перевод М. Парижанина, отредактированный Робелем), издательство «Галлимар»

в 1985 г. – пьесы и сценарии в переводе Лили Дени (их уже нигде нельзя найти).

В 1991 г. значительным событием стала публикация «Дневника 1920 года» (перевод Владимира Береловича).

После этого издательство «Акт Сюд» в 1996 г. опубликовало новые переводы Ирины Маркович и Сесил Торуан, «Одесские рассказы», семнадцать рассказов из цикла «Петербургского дневника» (под названием «Хроника 1918-го г.») и, наконец, новый перевод «Конармии».

Можно сказать, что у нас было четыре потока переводов: в 1920-х, в 1960-70-х, в 1990-х годах.

В 2012 в издательстве «Шум времени» (издатель очень любит Мандельштама) вышел новый перевод Бабея.

Главное, что отличает предыдущие издания – то, что они были выполнены множеством разных переводчиков, да и опубликованы разными издателями; некоторые издания уже распроданы и их невозможно купить (пьесы и сценарии). Добавим, что в отборе текстов царил полный бес-



порядок – что неудивительно, ибо Бабель сам разбросал свои рассказы повсюду. Однако он собирался их объединить в сборниках (об этом свидетельствуют его письма и воспоминания о нём), но не успел, к тому же часть его неопубликованных текстов исчезла при его аресте.

При этом некоторые рассказы были переведены на французский язык два или даже («Конармия») три раза.

В нашем издании 2012 года собраны все сохранившиеся тексты Бабеля, кроме переписки. Порядок, который мы избрали – не хронологический, а в основном тематический, так же как в русском издании в 4-х томах, подготовленном Игорем Сухих (но с некоторыми отличиями).

Вначале идёт «История моей голубятни», десять рассказов о детстве и юности.

Затем все тексты (двадцать три) о жизни в Петрограде с 1916-го до 1918-го года, которые были в основном опубликованы в «Новой жизни» Горького и не переиздавались в России до 1993 года. Эти тексты объединены под названием «Петербургский дневник», придуманным самим Бабелем.

Потом идёт одесский цикл: «Одесские рассказы», очерки об Одессе, пьеса «Закат», сценарии фильмов «Беня Крик» и «Блуждающие звезды».

Во второй части – «Конармия» и всё, что связано с этой темой, включая «Дневник 1920-го года» и статьи.

В третью часть входят все другие рассказы – самые ранние и самые последние, то, что осталось от сборника, который он написал о коллективизации (то есть два рассказа), очерки, статьи, речи, портреты, сценарии и пьеса «Мария».

Кроме предисловия, биографии писателя и хронологии публикаций, в книгу включены заметки переводчицы, вступительная статья и комментарий. Они очень важны: в них подробно объяснено, что такое Одесса и одесский мир в начале века. Разъясняются исторические события, которые помогают разобраться в польско-советской войне; там же объясняется, какие у Бабеля отношения с кино, с Францией, с советскими властями. Мы приводим много подробностей о том, как Бабель писал и работал, опираясь на воспоминания, особенно Константина Паустовского.

Таким образом, французский читатель, даже не знающий ничего о Бабеле и его эпохе, может составить себе достаточно полное представление о жизни писателя, о нём, как о человеке и, самое важное, о его творчестве и о масштабе его таланта.



После выхода книги о ней говорили везде, в самых лучших, самых известных и престижных газетах и журналах, были передачи по радио. Мне самой пришлось публично читать разные рассказы, и я каждый раз убеждалась в том, как сильно проза Бабеля действует на слушателей. Авторы откликов отмечали «чрезвычайно изобретательный и сложный, на грани допустимого, язык и стиль Бабеля, который не перепутаешь ни с каким другим», а в рецензии, опубликованной в «Ле Монд», было сказано, что с этой книгой чувствуешь себя как рядом с добрым другом.

«Великолепная работа. Эта книга, 1300 страниц, тщательнейшим образом подготовленных, в наше время, когда только и слышишь об электронных книгах – хотя я ничего против них не имею, поверьте – наделена волшебным обаянием. Одна знакомая сказала мне: этой книге радуешься, как близкому другу. Благодаря ее красоте. Или ироничным и кротким глазам Исаака Бабеля на обложке: он смотрит куда-то вдаль, спокойно, немного загадочно».

И, может быть, самый убедительный результат: в течение двух месяцев было продано 5000 экземпляров.

Читатели, которые уже знали Бабеля, открыли его заново, а те, которые не читали до этого, были поражены и пришли в восторг. И, конечно, это для издателя и для меня, переводчицы, самая драгоценная награда.

Скажу также несколько слов о другом издании. В моём скромном издательстве мне удастся опубликовать любимые тексты – эссе Варлама Шаламова о книгах и чтении, «Софью Петровну» Лидии Чуковской, «Реквием» Анны Ахматовой, «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка и многих других авторов, в том числе Александра Чаянова, Михаила Осоргина, Алексея Ремизова, Зинаиды Гиппиус, Евгения Замятина, Василия Гроссмана, Льва Лунца и Эткинда. Теперь я отдельно издала «Петербургский дневник» в собственном переводе. Это была давняя мечта, и я надеюсь, что эта книга откроет путь к Бабелю тем, кто не решается сразу приступить к чтению полного собрания сочинений, и что вызовет у многих желание прочесть всё, что он написал.

Для меня переводить Бабеля было не только огромным удовольствием, но и большой честью. Я рада, что мне посчастливилось переводить такого мастера и общаться столько месяцев с таким человеком.

Бабель всегда теперь будет со мной, и из всех авторов, которых я перевела, я думаю, что только Шаламов и Ахматова оставили во мне такой глубокий след.

**Е.И. Ергеева**

**«НАПРАСНО СТАТЬ ЗЕМНОЙ ХОТЕЛА, –  
МНЕ НАДО ПОДВИГ СВОЙ НЕСТИ»**

*Мать Мария в воспоминаниях К.В. Мочульского*

*Памяти Анны Николаевны  
и Николая Алексеевича Полторацких*

**А**нна Николаевна Полторацкая (1951-2013), работая над архивом своего отца, Николая Алексеевича Полторацкого, публиковала в музейных сборниках «Дом Князя Гагарина» статьи, касающиеся жизни русской общины во Франции накануне Второй Мировой войны. В 2013 году А.Н. Полторацкая начала работать над переводом воспоминаний Константина Мочульского о Матери Марии<sup>1</sup>, но черновики переводов не сохранились.

Константин Васильевич Мочульский, литературовед, критик, философ, родился 9 февраля 1882 года в семье профессора Императорского Новороссийского университета Василия Николаевича Мочульского и Нины Константиновны Попович, дочери богатого домовладельца в Одессе. Получил хорошее домашнее образование, часто бывал за границей, обнаружил выдающиеся способности к языкам. Родители стремились дать сыну религиозное образование. По линии матери предки Константина Васильевича были греки, и, как вспоминает М.Л. Кантор: «...он был человек средиземноморской цивилизации»<sup>2</sup>.

В 1914 году К.В. Мочульский окончил романо-германское отделение Санкт-Петербургского университета, позднее преподавал там же в качестве приват-доцента кафедры германской филологии до 1917 г. Позднее был назначен профессором в Саратовский университет, но, не доехав туда, приехал в Одессу, где был приглашен преподавать на филологический факультет университета. В этот же период он становится заведующим литературным отделом газеты «Одесский листок». В книге «Поезд на третьем пути» Дон Аминадо пишет: «В «Одесских новостях» начинали свою литературную карьеру Корней Чуковский, К. В. Мочульский, Петр Пильский, В. Е. Жаботинский...»<sup>3</sup>. В 1920 г.





эмигрирует из Одессы, переезжает в Болгарию, в Софию, где преподает два года в Софийском университете. С 1922 г. обосновался в Париже, активно публиковался в эмигрантской прессе («Дни», «Последние новости», «Современные записки»), позднее читал лекционные курсы в Парижском богословском институте (1937–1947). В эмиграции встречается с Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, Матерью Марией (Скобцовой), что способствует неустанному духовному поиску.

Со студенческого периода и до первых лет эмиграции интересы К.В. Мочульского сосредоточены главным образом на литературе. Он занимался древнегреческим с первокурсником Осипом Мандельштамом, увлекался испанской литературой, изучал арабский язык, в эмиграции переводил «Дон Кихота». В Париже до 1930-х гг. он был постоянным посетителем литературного кружка на Монпарнасе, участником «Воскресений», «Зеленой лампы» у Мережковского. «Литературная эстетика давала ему вкус и полноту жизни»<sup>4</sup>, – отмечает его близкий друг Ф.Т. Пьянов.

Наряду с этим Мочульский удачно выступает как литературный критик. Обращается к созданию «духовных биографий» русских писателей, так, в 1934 году появляется книга «Духовный путь Гоголя», в 1947 году выходит книга о Достоевском. Последняя посвящена «светлой памяти моего друга Юры Скобцова». [Ю. Скобцов – сын Матери Марии. – Е.Е.] В «духовных биографиях» объединяется дар Мочульского как литературного критика и талант писателя, открывается новая возможность – диалог с читателем. Круг выбранных авторов не случаен: Гоголь, Достоевский, Соловьев – столпы духовной жизни эмиграции.

В 1935 году в Париже было основано объединение «Православное дело», в котором сотрудничество К.В. Мочульского и Матери Марии (Мать Мария – до пострига Елизавета Скобцова, в первом браке – Кузьмина-Караваева), знакомых еще по учебе в Петербургском университете, обретает наиболее полную форму. Инициатором выступает Мать Мария, в создании участвуют Н.А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, Г.П. Федотов, Ф.Т. Пьянов. В первые годы деятельности объединения Мочульский много занимается миссионерской деятельностью и христианской проповедью в округах Парижа, читая лекции, призывая слушателей к Церкви. По воспоминаниям Ф. Т. Пьянова: «не всегда его попытки были успешны, иногда к его призывам и особенно к проповеди человека в пиджаке относились отрицательно»<sup>5</sup>. Это повергало его в отчаяние, однако после разговоров с Матерью Марией он снова воодушевлялся, становился



*Мать Мария (Е. Кузьмина-Караваева).  
Франция, 1930-е гг.*

более решительным в своих выступлениях. Она всегда умела найти слова утешения для кабинетного ученого, призывала различать в каждом образ Христа – замутненный и искаженный, который может быть исправлен и преображен из мутной глубины божественным словом. Общение с Мочульским придавало мыслям Матери Марии большую стройность и утонченность. Встречи эти способствовали взаимному обогащению.

После войны объединение, закрытое немцами в 1943 (в год ареста Матери Марии и ее сына Юрия), возобновило свою деятельность.

К. В. Мочульский был избран председателем и принял на себя всю ответственность за практическую и идейную работу объединения. Из-за туберкулеза он вынужден был покинуть Париж, но, даже находясь на расстоянии, он оставался лидером и вдохновителем объединения «Православное дело».

Ниже приводятся воспоминания К.В. Мочульского о Матери Марии, ранее не публиковавшиеся на русском языке. Воспоминания были напечатаны в сборнике «La Troisième heure» («Третий час»), изданном в Париже в 1947 году.

**К. Мочульский**

## **МАТЬ МАРИЯ СКОБЦОВА**

*Воспоминания Константина Мочульского*

1932

Воскресение, 27 ноября. Бульвар Монпарнас, 10. Общественное собрание религиозно-философского общества, посвященное «Причинам мирового атеизма...». Н.А. Бердяев, Отец Сергей Булгаков и многочисленные профессора выступают. Мадам В.А. Зайцева представляет меня Матери Марии Скобцовой. Она высокая, с прямыми плечами, изящная; круглое лицо с ру-



мяными щеками обрамлено черным платком, как того требует религиозный дух. Карие глаза за очками выражают веселость и насмешливость. Она рассказывает мне о своем общежитии, располагающемся по адресу Villa de Saxe, 9, о своих планах, о проектах. У нее есть намерение открыть больничную палату и столовую для безработных и создать миссионерские курсы. Она приглашает меня в дом. Она истинно русская – очень энергичная и смелая.

\*\*\*

Villa de Saxe, 9; Тупик; тротуар покрыт крупными булыжниками, освещен одиноким уличным фонарем; на углу видна ограда женского монастыря, чуть дальше тянется обширный участок земли. Ворота открываются автоматически; небольшой двор и двухэтажный пансионат. В столовой я встречаю Мать Марию, ее мать Софию Борисовну и сына Юрия (паренька 13-ти лет, очень подвижного, с живыми глазами), а также нескольких молодых жителей пансиона. Мебель причудливая, купленная на аукционах; разные стулья, «роскошное» кресло-качалка, приобретенное за 7 франков. Мать Мария показывает мне свои владения: четырнадцать комнат на втором этаже, небольшая часовенка, которую она построила сама, иконостас, обрамленный по бокам красными и белыми цветами, а снизу голубыми. Иконы Рейтлингер<sup>6</sup>, выполненные в свободной манере. «Чаша, – говорит Мать Мария, – была мне дана одной пожилой верующей нищенкой, которую также звали Мария. Вы точно ее знаете, она просила милостыню у ворот русской церкви. И на эти крошечные подаяния она купила чашу». Мы пьем чай. Атмосфера в пансионе оживленная. Все шутят и смеются; царит простота и чистосердечность. София Борисовна показывает нам фотографии своей семьи.

Конец декабря. Мать Мария ведет меня в свою келью. Она живет в небольшой комнатухе за котельной. Металлическая узкая кровать; в перекрытиях пола – дыра, прикрытая старым башмаком. В этой дыре живет крыса. Мать Мария говорит мне: «Заходите в мою серую обитель». Она рассказывает мне о своем путешествии в Прибалтику. Она посетила большое количество монастырей и твердо убеждена, что монашеской жизни больше не существует. Есть личная набожность и не более. «Я хочу создать новую форму монашества, новый тип общины, полумонастырь-полубратство. Мы, выброшенные эмиграцией, другие, мы висим между небом и землей. Но в то же время наша церковь никогда не была такой свободной. Свобода настолько велика, что голова идет кругом. Наша задача – показать, что свободная церковь способна творить чудеса. И если мы принесем в Россию этот новый дух – свободный, творящий, смелый, наша цель будет достигнута. В противном случае мы бесславно погибнем».



\*\*\*

1933

21 января, Villa de Saxe, 9. Конгресс Лиги православной культуры. Суббота, вечерня. Воскресение, службу ведет Отец Сергей Булгаков. Львиная голова, резкая жестикуляция, сиплый голос, вибрирующие эмоции. Пока он стоит перед алтарем, он выглядит так, будто окутан пламенем. Мать Мария говорит мне: «Отец Сергей – мой духовный наставник; я всем ему обязана. Через сто лет он будет высокочтимым, как отец Церкви». Конференция, обсуждения. Ужин, состоящий из каши и чая. Месье Евлогий благодарит меня за мое выступление и говорит мне: «Вот Мать Мария, которая надела платок, но даже под ним она светится».

В газете «Последние новости» [русская газета, издаваемая в Париже – *К.В. Мочульский*] я прочел статью Матери Мари, которая называлась «Церковь». Вечерня. Короткая проповедь ведется отцом Леоном Жиле. Я хотел его послушать. В небольшой часовне, практически пустой, отец Леон читает на французском «Страсти» от святого Марка. Спускается ночь, кто-то стоит в углу на коленях, кто-то плачет. Мать Мария положила голову на руки и долгое время оставалась неподвижной.

\*\*\*

Поздно ночью мы идем вместе с Матерью Марией по направлению к Дому Инвалидов, мы пересекаем площадь и спускаемся по направлению к Сене. Лунный свет. Весна. Теплый ветерок. Мать Мария говорит мне: «Когда я была маленькой, я убежала из дома и гуляла ночами вдоль морских берегов. В Анапе, где я провела свое детство, были высокие отвесные скалы, густые травы; над морем находились утесы и безграничный простор. Вам знакомы наши черноморские края? Как же я люблю их! Норд-ост ерошит волосы и свистит в ушах. Здорово! Сегодня ветер – это то, что я все еще люблю больше всего. Вы помните стихотворение Блока: “Ветер принес издалёка песни весенней намок...”»

Потом был Санкт-Петербург, мрачные зимние дни, лицей, ностальгия. Я писала стихи и мечтала о смерти. Когда я была молода, мне все время хотелось умереть. После кончины отца я пережила бурный период “борьбы против Бога”. А затем снова – стихотворения, сборники, такие как “Скифские черепки”, поэмы, сборники ноктюрнов, Башня Вячеслава Иванова, “Цех поэтов” у Гумилева в Царском Селе, моя дружба с Блоком. Это была эпоха символизма. Потом я вышла замуж».

\*\*\*

Мы разговариваем с Матерью Марией о программе миссионерских курсов. Конференции, обучающие кружки, собрания и обсуждения, борьба



против атеизма, индифферентности, оккультизма, сект. Мы расположились в комнатке Матери Марии. Она воодушевлена идеей создания курсов. «Но, знаете ли вы, – обращается она ко мне, – что миссионерская деятельность таит в себе большое искушение. Есть Церковь и есть Евангелие, но, чтобы подвести Ивана Ивановича или Марию Ивановну к Богу, необходима я. Не придаю ли я себе исключительную значимость таким образом?».

У Матери Марии есть намерение арендовать дом на 48 комнат. «Необходимо, чтобы у нас была солидная база, и тогда мы сможем основать типографию, основать журнал, курсы, столовую. Чем больше я думаю, тем больше я прихожу к выводу, что выбрала достойный путь, что все остальные пути не для меня. Достойный путь, но Господи! До чего же трудный!».

\*\*\*

Сентябрь. Мать Мария все умеет делать: занимается столярной работой и плотницким ремеслом, рисует, шьет, вышивает; она вяжет крючком, пишет иконы, моет полы, печатает на машинке, готовит обед. Она умеет набивать матрасы, доить коров, полоть огород. Ей нравится физический труд и обучение тех, кто ничего не умеет делать руками. Еще одна черта: она игнорирует законы природы, не ощущая холода, она может проводить целые ночи без сна, она отвергает усталость и болезни, любит опасность, ей неведом страх, и она ненавидит комфорт: духовный или материальный. «Особенно духовный комфорт, – говорит она, – и все его так называемые “духовные пути”. Это не более чем ложное благочестие».

Мать Мария говорит: «В марте месяце будет два года с тех пор, как я приняла постриг. Я подвожу итоги. Говоря в общих чертах, все становится простым, очень простым, абсолютно простым. А слова – все менее и менее высокопарными. В самом деле, здесь нет больше места высокопарности. Я хочу сказать что-то, что может показаться смирением, хотя оно ни в какой степени не является смирением. Во время нашего конгресса было множество вопросов, касающихся вопросов «духовной жизни» и «общения со сверхъестественным миром» в состоянии видения или молитвы. В самом деле, люди говорили с абсолютной искренностью, и я им верила. А сама себе я говорила: «Я ни капли не обладаю духовной жизнью в том понимании, в каком она описывается. Если вскрыть мою голову, то там найдутся только отчеты, расчеты и долги. Это не смирение. Это констатация факта и все».

\*\*\*

8 ноября. – Торжественное открытие курсов теологии (миссионерских курсов). 56 студентов. Вводный курс, читаемый отцом Сергием Булгаковым. Курсы будут вестись Ф., И., С...В...М.



\*\*\*

23 декабря. Ф.Т. Пьянов собрал православный конгресс русских мастеровых в мастерской провинции Кнютанж. Наша команда: Мать Мария, Ф.Т. Пьянов, В.Н. Ильин, Отец Виктор Юрьев и я. Мы отправляемся в путь утром и идем в течение шести часов. Мать Мария вяжет перчатки из шерсти зеленого цвета, и мы разговариваем о церковном приходе в Кнютанже, о тяжелой жизни русских в Кнютанже, о пьянстве и о нищете. Она уже побывала в Кнютанже. Она их всех знает и любит, она называет жителей Кнютанжа «своей паствой». Сильный напор порвал трубы Центрального отопления. Мы замечаем через окно поля, покрытые инеем, серое небо и желтое зимнее солнце. Отец Виктор работал в течение пяти лет на сталелитейном заводе в Кнютанже; его приход четыре раза собирал пожертвования, чтобы помочь ему стать священником.

Кнютанж. Вечерня в небольшой церкви, расписанной наивными художниками. Отец Симеон – седеющий мужчина, с острым птичьим взглядом и резкой жестикующей поет «Тебя, Бога, хвалим». Мы возвращаемся в Русский Дом. Большой зал, стены которого украшены портретами членов



Мать Мария (Е. Кузьмина-Караваева). Франция, 1930-е гг.

русской императорской династии. Непринужденная беседа между Матерью Марией, Ильиным и мною. Мы говорим о чувстве жизни и о религиозной природе человека. Мы слушаем друг друга с напряженным вниманием. Русские лица – простые, строгие и грустные. После речи Матери Марии раздается звучный женский голос: «Спасибо, Мать Мария, мы знаем, что вы нас любите, и мы вас любим». На следующий день Мать Мария рассказывает мне, что навестила своих старых друзей. Она посетила столовую и нашла там трех закоренелых алкоголиков. «Я люблю этих несчастных, – говорит она, – я плакала с ними. Они меня спросили хриплым голосом: ”Мать Мария, когда мы прекратим пить?” После я посетила госпиталь для больных туберкулезом: людей, дни которых сочтены. Я отдала им все свои чувства, чтобы их укутать, успокоить, – материнские чувства. То, что я сделала для них, так незначительно. Я их



видела, я говорила с ними, я их забыла. Но я понимаю, почему мы не получили полноценных результатов. Каждый из них требовал нашу жизнь полностью – ни больше ни меньше. Как же это тяжело – отдать всю свою жизнь одному немощному или пьянице! Но я знаю также, что это значит: в определенный момент быть наполненным пылающей любовью, броситься мысленно под ноги этого человеческого существа, чтобы поддержать. В мгновение это проходит. Вы не потеряете свою жизнь, но пожнете двойной урожай. Константин Васильевич, с того момента, как вы приняли мой бедный Кнютанж в ваше сердце, вы не только тот, с которым я думаю сообща, но и тот, с которым я чувствую сообща».

\*\*\*

1934

Мать Мария принимает бесплатно одну морфинистку, которая на следующий день украла 25 франков у Гаяны [дочь Матери Марии – *К.В. Мочульский*]. За обедом Мать Мария бросила эти деньги под диван и сказала: «Вы видите, как это неосмотрительно – обвинять других, не изучив дело досконально. Деньги упали за диван». Несчастливая расплакалась.

\*\*\*

Мать Мария настаивает, что эмиграция мертва, что наши конференции – не более чем оживление мертвого. Только церковь жива в эмиграции, это очень тонкая вена, по которой все еще циркулирует кровь. Только внутри церкви мы сможем что-то сделать. Это наше историческое призвание.

\*\*\*

Слова Матери Марии: «Я все больше и больше убеждаюсь, что я призвана жить не во дворце, а в общине. Моя роль – исключительно инструментальная». «С тех пор, как я приняла постриг, я размышляю, прислушиваясь к своей “духовной жизни”, но с тех пор, как я стала религиозной, я поняла: “Бог сделал из меня инструмент, чтобы другие души расцветали с моей помощью”».

\*\*\*

Мать Мария арендовала дом на улице Лурмель, 20.000 франков в год. Денег нет, риск огромен, но она ничего не боится. «Вы думаете, что я бестрашна. Нет, на самом деле я просто знаю: то, что необходимо, будет. Бесплезно брать наследие с улицы Сакс. В данный момент я кормлю 25 голодающих, там я кормила сто человек. Я чувствую в данный момент, что Бог берет меня за шиворот, чтобы подтолкнуть сделать то, что нужно. Это касается основания этого дома. С точки зрения здравого смысла, это глупость. Но я знаю, что все будет. Будет церковь и бесплатные обеды,



большой пансион, конференц-зал. С точки зрения стороннего наблюдателя я могу показаться авантюристкой. Неважно, я не буду об этом думать, я повинуюсь».

Новый дом, улица Лурмель, 77. Мать Мария и Юра оборудуют церковь в гараже. Иконы, иконостас, вышивки. В мыслях матери Марии множество проектов: дом отдыха, институт православной культуры, религиозное братство. Просторные комнаты, большой зал для собраний. Мать Мария сияет; она говорит мне: «Вы помните, что я сказала вам: все будет. И все есть».

\*\*\*

14 ноября, воскресенье. Первый престольный праздник, отмечаемый на улице Лурмель. Церковь освящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Мы ведем разговор с Матерью Марией и Пьяновым по поводу проведения христианской общественной работы.

\*\*\*

1935

27 сентября. Служба на улице Лурмель. Служба ведется Отцом Сергием Булгаковым. Торжественное собрание. Месье Евлогий, Отец Сергей, Н.А. Бердяев, Мать Мария, Пьянов и я. Мы рассматриваем и утверждаем статут «Православного дела». Мать Мария выбрана президентом. Месье Евлогий говорит: «Помогайте вашим младшим братьям. Пусть Господь вас хранит. Покров Божией Матери да пребудет над вами».

\*\*\*

1936

В июле 1936 года мать Мария получила из России весть о смерти своей дочери Гаяны. Я помню ее большие серые глаза, ее пепельные волосы, ее очаровательную улыбку. Я никогда прежде не видел Мать Марию такой болезненно-истощенной, она таяла на глазах. «Было очень трудно. Темная ночь. Душевное одиночество ощущается в полной мере. Во время бессонных ночей я ее видела, я с ней говорила. Все было темным вокруг меня, и только вдалеке виднелся маленький лучик света. Теперь я знаю, что такое смерть». Я собираюсь выйти, но она молча кладет голову мне на плечо.

\*\*\*

Сентябрь. Мать Мария работает без отдыха, она постоянно в движении. Она посещает дома для душевнобольных, госпитали. Курсы, образовательные кружки, лекции – все это есть в приходе. Бесплатные обеды. Дом отдыха в Нойзи-ле-Гранд





\*\*\*

Мать одного таксиста пришла к Матери Марии. У нее нет дома. Улица Лурмель, свободных кроватей нет. Мать Мария размещает ее у себя. Она проводит ночи напролет, разговаривая и успокаивая ее. «Я чувствую себя в высшей степени хорошо в этот момент, – говорит Мать Мария, – у меня нет ощущения самой себя, только сплошная легкость. Это здорово – отдавать себя полностью. Нет людей счастливых, есть только несчастные, как мне всех их жаль. Наша часовня превращается понемногу в кладбищенскую церковь. Выгляньте в окно на гроб, который мы несем».

\*\*\*

Запись в моих беседах с Матерью Марией: «Я не являюсь личностью, но мое предназначение огромно. Огромная сила была мне дана, и она же меня уничтожает. Есть люди, которые одарены трагичным осознанием реальности, но чья судьба не является таковой. У меня нет никакого осознания реальности, но я знаю, что моя судьба трагична».

\*\*\*

Мать Мария закрывается в своей комнате и печатает с утра до вечера статью «Мистика человеческой общности». Она говорит мне: «Это тема всей моей жизни: почему мы описываем так тонко и так детально этапы духовного восхождения к Богу? И почему существуют многочисленные пути единения с Богом, но ничего до сих пор не было сказано об общности и единении между людьми? Тем не менее, путь к Богу проходит через любовь человека к человеку, другого пути нет. Человек создан по образу и подобию Божьему, это храм духа Святого, нетленная икона божества. Человеческая общность – великая тайна. На Страшном суде меня не будут спрашивать, достаточно ли я совершала аскетических практик и сколько я совершила челобитий и коленопреклонений. Меня спросят: накормила ли я голодных, одела ли голых, навестила ли больных или заключенных. Да, меня спросят именно об этом. От имени всех нищих, голодных и заключенных Спаситель скажет «Я». «Я был голоден, я хотел пить, я был болен, я был заключенным». Представьте, что он поставит знак равенства между каждым обездоленным и Собой. Я всегда это знала. Но отныне – это просветление. Это очень сильное чувство».

\*\*\*

Мать Мария читает свои стихотворения, которые недавно были опубликованы в сборнике. Она пишет без отдыха, потом оставляет поэзию на месяцы. Она не хвалит свои стихотворения, но у нее есть сильные строки, в



некоторых из которых слышны всхлипы, затрагивающие сердце. Конфликт Иова с Богом: «Почему, почему ты не жалеешь меня?».

\*\*\*

Мать Мария написала статью, этапную для ее духовного пути, о синодальном христианстве – художественно, аскетично и по-евангельски. Она охвачена воинствующим духом, ей нравится борьба. Она восстает против «духовного комфорта», «блаженного христианства», «ритуальной набожности». «Лучше бы и вовсе быть дураком и нищим духом, чем пить чай, приготовленный на святой воде».

Мать Мария по-прежнему находится в деятельном состоянии духа. Она говорит, что покинет обитель вместе с другими верующими и пройдет с ними через Францию. «Отныне мне понятно: или христианство – это пламя, или его вовсе нет. Я бы хотела скитаться по миру, повторяя: «Покайтесь, ибо Царствие Божие близко. «Я бы хотела выдержать все преследования и позоры. Бывает, я чувствую огромную тяжесть. Мне было бы легче сдаться, если б я знала, что моя правда относительна». Пока Мать Мария подавлена, она совершает генеральную уборку дома, моет полы, перекрашивает стены, клеит обои, набивает матрасы.

\*\*\*



Гаяна Кузьмина-Караваева.  
Франция, 1930-е гг.

12 июля. Панихида по Гаяне. Мать Мария воскрешает в памяти прошлое. «На каждом этапе моей жизни эта тоска пронзает меня, это разная тоска, но она неизменно вызывает одну и ту же боль. Когда мы прибыли из Сербии во Францию, мы были в сильной нищете. Нас было пять человек, и мы жили – моя семья и я – на 15 франков в день. Я изготавливала кукол и трафареты. Я работала по 10–12 часов в день и потеряла зрение. Я зарабатывала деньги. Когда умерла моя маленькая Настюша, решение было принято. Я начала готовиться к религиозной жизни. Обстоятельства были невыносимы, но Бог протянул мне руку и вытянул меня из тупика».

Комнатка, занимаемая Матерью Марией, находится под лестницей, между прихожей и кухней. В этой комнате большой



стол, на котором разложены книги, рукописи, письма, счета и множество незначительных предметов, среди которых корзинка с разноцветными шерстяными клубками, чайничек с остывшим чаем. В углу комнаты темная икона. На стене, над кроватью, большой портрет Гаяны. Лучи освещают книги, шкафы, старое кресло. В комнате нет отопления. Дверь всегда открыта. Иногда Мать Мария все-таки может запереть дверь на ключ, сесть в кресло, говоря: «Я очень устала. У меня нет сил... Я приняла сегодня более 40 человек, и каждый приходил со своей болью, со своим горем. Я не могла, тем не менее, их прогнать». Но запертая на ключ дверь ничего не значит. Мы постучали в эту дверь. Мать Мария открыла со словами: «Вы входите, именно это и помогает мне жить».

\*\*\*

Мать Мария считает музыку неприятным шумом, у нее совершенно индивидуальный слух. Но я помню, как однажды на Пасху Юра убедил ее спеть после трапезы. Она начала исполнять свою любимую песню «Славное море, священный Байкал...» таким тихим гармоничным голосом, что я удивился. Юра был восхищен: «Я так люблю, когда мама весела, но это бывает редко».

\*\*\*

1938

Мать Мария читает мне свою статью о тоталитарных государствах и демократии. В кружке Фондаминского она объявляет, что «предчувствует предшествующую катастрофу; это конец культуры. Мы живем в эсхатологическое время... Его христианство освещено светом конца человечества и Страшного Суда. Наша цель – ускорить конец». Федотов отвечает, защищая христианство, которое выстраивает культуру и улучшает жизнь общины. Мать Мария восклицает: «Разве вы не видите, что конец близок, что он «стоит у ворот?».

\*\*\*

Мать Мария сетует: «Я испытываю невероятную усталость. Мои руки снова опускаются в бессилии. Мое душевное состояние сумрачно. Я ничего не делаю, я остаюсь неподвижной. Если бы пришли и попросили моего участия, я бы на все согласилась. Единственный раз, когда я проявлю собственную инициативу – это для посещения домов умалишенных. Спускается ночь. Мы живем в лепрозории».

Мать Мария проводит пять дней, посещая дома умалишенных, возвращается взволнованной. Она выступает гарантом для многих пациентов, «считаемых сумасшедшими» (среди которых находится В. [личность не установлена – Е.Е.]). Она путешествует без чемоданов, без смены одежды, практически без денег.



\*\*\*

1940

28 апреля 1940. Пасхальное утро в церкви на улице Лурмель. Мать Мария изготовила для Отца Дмитрия пасхальные одежды из тонкого белого шелка. Без орнамента, только вышитая красными нитями монограмма на ризе: «Иисус Христос – Альфа и Омега». Город был погружен во мрак. Пасхальная процессия с хоругвями и иконами передвигается по темному двору, останавливаясь перед дверьми одного из домов. Отец Дмитрий постучал три раза. Двери открылись. Из тьмы – ослепляющий свет. Зажжена большая восковая свеча. Алтарь, помещенный на подставку между двумя окнами. Вокруг алтаря – цветы, ветви яблони, розовые лепестки, белая сирень, лилии и нарциссы. Юра одет в праздничный стихарь, держит в руке свечу и розы.

Отец Дмитрий выглядит парящим. Его белые одежды напоминают крылья. Он «радуется в Боге». Он произносит звучно и триумфально: «Христос воскрес!». Толпа расступилась, трепещущее пламя свечей и радостный возглас «Воистину воскрес!» раздается в зале. И вот Отец Дмитрий уже перед алтарем читает короткую молитву, затем оборачивается к толпе. Он словно летит на крыльях, держа пламя в руках. Он кажется мне ангелом,



сдвинувшим камень гробницы. Мать Мария стоит возле алтаря и держит в руках зажженную свечу, освещающую ее губы, в счастливых глазах застыли слезы. После утренней службы – праздничное веселье. Мы обнимаем и поздравляем друг друга. Толпа рассеивается. Те, кто остались, идут в сторону церкви, чтобы помогать на службе. Все объединяются. Отец Дмитрий произносит торжественным голосом: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». За тонкой перегородкой этого неприметного гаража, превратившегося в церковь, ночь ужасной войны 1940-го года. А в церкви, в сиянии свечей, произносятся вечные слова: «Свет сияет во тьме, и тьма не победила свет».

Юрий Скобцов. Франция, 1930-е гг.



\*\*\*

10 мая. Немцы вторглись в Бельгию и в Нидерланды. Трагичные дни. В кружке Фондаминского мать Мария вдохновенно говорит о проклятии времен, о безумии истории. Но время и история могут быть побеждены прорывом в вечность, героическим религиозным действием. Время – это горизонталь, религиозные устремления – вертикаль. Их пересечение дает крест. Крест – освобождение, «легкое бремя».

\*\*\*

21 мая. Поль Рейно сообщает по радио о поражении армии Андре Кораба и о захвате Арраса и Амьена немцами. Мать Мария спокойна. Она говорит: «Я не боюсь страданий, я люблю смерть». – «А что будет после смерти?» – «Я не знаю... будет нечто просторное, ничем не ограниченное. И нам откроется маленький секрет: что ад уже был, и он остался позади... «Если немцы захватят Париж, я останусь рядом со своими подопечными. Куда я их дену? И потом, я постараюсь сделать так, чтобы направить свой путь к востоку, я буду двигаться, правда, не знаю, к какой цели. Я вас уверяю, для меня лучше погибнуть в России, чем голодать в Париже. Я люблю Россию. Патриотизм – абсурдное слово. Это что-то совершенно иное. Илюша (Фондаминский) настаивает, чтоб я покинула Париж. Но зачем уезжать? Что мне здесь угрожает? В худшем случае немцы заберут меня в концентрационный лагерь. Человеческие существа живут даже в концлагере».

\*\*\*

Мать Мария рассказывает об увиденном сне: «Площадь Согласия, Галльский петух, раненный и окровавленный, борется за жизнь, в этот момент начинается шествие. Во главе тигр, потом – медведь, затем другие обезличенные существа на раздвоенных копытах. Они тащат за собой повозку. Я не вижу тех, кто во главе повозки, и я просыпаюсь...»

При первой возможности я поеду в Россию, на Волгу или в Сибирь. Мне нужно провести хотя бы один день в Москве, чтобы попасть на кладбище на могилу Гаяны. И потом я поезжу немного по Сибири. Я буду проповедницей среди простого русского населения».

\*\*\*

Конец августа. Мать Мария кормит голодающих, ходит на рынки и тащит на своих плечах тяжелые корзины с овощами. Рукава платья загрязнены и разорваны, она обута в мужские стоптанные ботинки.

\*\*\*

Столовая на улице Лурмель была признана муниципальным заведением. Мать Мария организовала небольшой рынок, где можно купить продукты по



сниженным ценам. На собрании «Православного дела» обсуждаются цены на продукты питания, на картофель и капусту. «Это не то, что называется идеологическим моментом; зимой будет голод. Нужно спасти тех, кому грозит гибель».

\*\*\*

20 сентября. Немецкий налет на Англию. Мать Мария настаивает, чтобы пророчество было записано: «Настанут времена солнцестояния. Англия спасена. Германия проиграла войну».

\*\*\*

Июнь. Германия объявляет войну России. Сотни русских задержаны в Париже. Среди них – Пьянов и Фондаминский, Кривошеин, Гальперин. Улица Лурмель организует помощь заключенным в лагере в Компьене. Это истинная фабрика помощи. Мать Мария говорит: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит. Настанет день, когда мы услышим по радио, что советская авиация разрушила Берлин. Затем настанет «русский период» в истории. Россия будет простираться от Северно-Ледовитого океана до Индийского. Откроются все возможности. Великое будущее ждет Россию, но какой океан крови».

\*\*\*

В то время как евреи получают орден желтой звезды, Мать Мария говорит мне: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. Разве вы не видите, что это против христианства, что это ангажированная борьба. Если бы мы все были истинными христианами, мы бы все носили желтую звезду. Наступили времена признания веры. Многие будут введены в искушение, но Христос говорит: “Не бойся, малое стадо”». Она зачитывает мне свое стихотворение, посвященное Звезде Давида.

«Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос, если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звёзды. Теперь наступило время исповедничества»:

Два треугольника, звезда,  
Щит праотца, царя Давида, –  
Избрание, а не обида,  
Великий путь, а не беда.

\*\*\*

1942

Июль. Массовые аресты евреев. Пансионат на улице Лурмель переполнен. Мы живем в пристройках, под навесами, мы спим на полу в гостиной. Одна



*Слева направо стоят С.Б. Пиленко (мать Е. Кузьминой-Караваевой), Ю. Скобцов, мать Мария, о. Дмитрий Клепинин – участники парижского подполья. Франция, 1940 г.*

из семей расположилась в комнате отца Дмитрия, другая заняла комнату Юры. Евреи и не евреи. Мать Мария говорит: «У нас острая нехватка помещений. Это из ряда вон, что немцы еще не закрыли обитель».

\*\*\*

1943

9 февраля. Гестапо провело обыск на улице Лурмель. Юра задержан. Немцы объявляют, что он не будет отпущен на свободу, пока Мать Мария не явится к ним.

\*\*\*

10 февраля. Отец Дмитрий задержан. Мать Мария сообщает о намерении отправиться завтра в гестапо. Она дает последние указания по поводу обители. Она говорит: «Я сильная. Я выдержу... И война скоро закончится. Только бы они отпустили Юру на свободу».

\*\*\*

22 февраля. Немцы практически два дня провели в обители. Они вошли в церковь, прошли к алтарю. Ф.Т. Пьянов, Ю.П. Казачкин, А. Висковский



задержаны. Агент гестапо, Бальт, немец гневно восклицает на русском, обращаясь к Софье Борисовне: «Вы не увидите больше вашу дочь».

\*\*\*

1-е марта. Все наши задержанные друзья находятся в форт де Роменвиль. Письмо Матери Марии: «Мы вместе, все четверо. Я нахожусь в большом зале вместе с 34 людьми. Мы гуляем два раза в день, мы отдыхаем, у нас много свободного времени. Вы более несчастны, чем мы. Я надеюсь, это ненадолго».

27 апреля Д.С.Е. [личность не установлена – Е.Е.] посетил форт де Роменвиль. Он не говорил с Матерью Марией, но мельком увидел, как она отправилась «в неизвестном направлении». Он двигался по тротуару в узком переулке и видел автобус, в котором находились заключенные. Он узнал вскоре лицо Матери Марии – светлое улыбающееся лицо, с легким румянцем.

\*\*\*

Среда, 5-е мая. Письмо Юры, сына Матери Марии: «Мои дорогие друзья! Христос воскрес! 27 мая мама была отправлена в Германию, она провела ночь в нашем лагере в Компьене, и я смог ее увидеть. Она выглядела очень смелой и очень доброй. Без сомнений, мы тоже будем отправлены в Германию. Все дни мы служим обедню».

\*\*\*

28 января. София Борисовна получила открытку от Матери Марии, датированную концом декабря. Она в городе Равенсбруке, который находится в регионе Маклембург. Она говорит, что хорошо себя чувствует, что много думает о предстоящей работе. Ich bin stark und kraeftig<sup>7</sup>. Но в конце письма фраза: «Я совсем постарела».

\*\*\*

Выдержка из журнала «Христианское свидетельство», пятница, 4 мая, 1945.

### **БРАТСТВО**

«Двое французских коммунистов, политически заключенных с северного региона, отправленные в лагерь в Равенсбруке, рассказывают: “Вместе с нами находилась одна верующая, русская, мать Мария. Это была необыкновенная женщина. Однажды было решено, как обычно, поместить больных женщин в газовую камеру. Заключенные отчаялись, они не хотели умирать. Мать Мария попыталась им объяснить, что они ошибаются, что скоро все изменится в лагере. Но это их не убедило. Тогда она отважилась и сказала: “Я





клянусь, что не верю в газовую камеру, я готова оказаться на месте одной из вас». Так мать Мария добровольно отправилась на муки, чтобы поддержать одну из своих спутниц».

\*\*\*

Несмотря на все наши попытки, мы не смогли установить подлинность этого описания. Другой заключенный из Равенсбрука рассказывал, что Мать Мария продолжала в лагере свою миссионерскую деятельность, успокаивая и духовно ободряя заключенных. Весной 1945 года от истощения она заболела и была настолько слаба, что больше не могла встать с кровати. В марте месяце вместе с другими заключенными она была отправлена в другой лагерь, откуда она не вернулась до настоящего времени.

*Перевод и публикация Е. Ергеевой*

### Примечания

- <sup>1</sup> Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, во втором браке Скобцова, поэтесса (1891–1945), погибла в Равенсбрюке.
- <sup>2</sup> Кантор М. Константин Васильевич Мочульский. Машинопись, архив, опубликованный как предисловие к книге о Блоке. – Париж: YMCA-Press, 1948.
- <sup>3</sup> Дон Аминадо. Антология сатиры и юмора России XX века. – М.: ЭКСМО, 2004. – Т. 33. – С. 383.
- <sup>4</sup> Воспоминания Ф.Т. Пьянова. Доклад, произнесенный к годовщине смерти К.В. Мочульского на вечере памяти, организованном объединением «Православное дело» (6.05.1949). Архив не опубликован. Цит. по: Викторова Т. К.В. Мочульский. Жизненный и творческий путь // Вестник Русского христианского движения. – Париж – Нью-Йорк – Москва, 2008. – №193. – С. 188.
- <sup>5</sup> Там же.
- <sup>6</sup> Юлия Николаевна Рейтлингер (1898–1988) – выдающийся художник-иконописец XX ст. Ученица Мориса Денни и Сергия Булгакова, долго жившая в Европе. В православном мире известна под именем инокини Иоанны.
- <sup>6</sup> Я сильная и крепкая – *нем.*

**Т.Г. Рыбникова**

## **ПИСЬМА С ФРОНТА**

*По материалам выставки «Письма с фронта»  
(к 70-летию освобождения Одессы от фашистской оккупации)*

**П**исатели, воевавшие и сказавшие о Войне свое слово правды, считали, что Великая книга о войне еще не написана и будет написана не скоро. Те, кто воевал, кто жил в то трагическое время, не могли сказать обо всем, что происходило, да и видели только часть правды – ее скрывали не только от потомков, но и от современников. Вопрос о том, что было с нашей страной в 1939–1945 годах, и каким образом эта великая война должна войти в историю, по-прежнему волнует исследователей, писателей и читателей – наших современников.

Где искать ответ на этот вопрос? Мы помним время, когда нам, тогда молодым, казалось, что «про войну» все известно. На кино- и телеэкранах, на сценах театров было очень много фильмов и спектаклей о героях войны. В книжных магазинах и библиотеках книги о войне занимали ведущее место. В школах регулярно происходили встречи с ветеранами. В газетах и журналах постоянно присутствовала патриотическая тема. И мы не часто замечали, что наши воевавшие родственники о войне говорят неохотно, да мы и не особенно их расспрашивали. Ведь герои фильмов и газетных статей давали исчерпывающие ответы на еще не возникшие у нас вопросы. Сегодня вопросы к нашей исторической памяти приобрели небывалую актуальность. А в поисках ответов мы можем обратиться к документам, свидетельствам современников, письмам.

Выставка «Письма с фронта», созданная в Одесском литературном музее к 70-летию освобождения города от фашистской оккупации, представляет материалы из фондов музея и из личных архивов жителей Одессы. Это письма знаменитых и неизвестных людей разного социального статуса, тех, кто вернулся с войны, и тех, кто остался там навсегда.

Евгений Петров (один из самых ярких писателей-одесситов, в соавторстве с Ильей Ильфом написавший легендарные романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»), во время войны стал фронтовым корреспондентом, Израиль Перлов был политработником, а Михаил Сухоруков – рядовым бойцом.



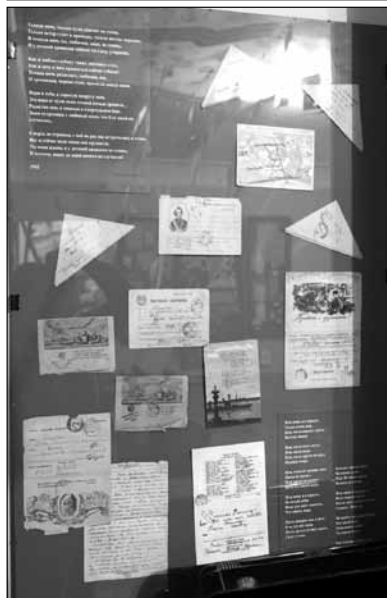
Евгений Петров в годы войны был редактором журнала «Огонек», его статьи публиковались в газетах «Правда» и «Известия», он был корреспондентом «Советинформбюро» и писал для американских изданий. Петров погиб 2 июля 1942 года при аварии самолета, на котором он возвращался из осажденного Севастополя. На выставке представлены письма жене Валентине и сыну Пете 1941–1942 годов. Письма ранее были опубликованы<sup>1</sup> (текст писем 1941–42 гг. см. на с. 276–281, 301 настоящего издания).

Наиболее полная коллекция писем с фронта в фондах ОЛМ – одессита Израйля Перлова. Письма 1941–1945 годов адресованы жене Суламифи Перловой (Вулих) и дочери Лерочке в Ташкент, где они были в эвакуации. Валерия Перлова передала в музей 55 писем отца.

В письмах упоминаются одесские знакомые, в том числе известные одесситы: писатель Григорий Плоткин, завуч юридической школы Юхвид<sup>2</sup>. Их фронтовые дороги пересеклись осенью 1941 года. Где произошла эта встреча – можно только предполагать, упоминать какие-либо названия населенных пунктов было запрещено, и военная цензура строго следила за соблюдением секретности.

Представленные на выставке конверты и письма-конверты помечены штампом «Просмотрено Военной Цензурой». Исключение составляют письма Е. Петрова, которые были отправлены с оказией.

Могут ли такие, тщательно проверенные и «вычищенные» цензурой письма, помочь нам в поисках правды о войне?



Фрагменты выставки  
«Письма с фронта»



Внимательный и вдумчивый посетитель выставки ответит на этот вопрос утвердительно.

Хотя все письма носят личный характер, авторы, без сомнения, всегда помнили, что их первым читателем будет Военная Цензура.

Письма И. Перлова представляют бесценный материал для филологического анализа текста. Каждое слово, адресованное любимой жене и маленькой дочери, написано так, чтобы никто – ни цензор, ни следователь, ни случайный недоброжелательный читатель – не мог интерпретировать написанное нежелательным образом.

Язык писем изобилует газетными оборотами и официальной лексикой, которой К. Чуковский в книге «Живой как жизнь» дал название «канцелярит». Употребление канцелярита в личной переписке выполняет двоякую функцию: во-первых, предотвращает всякие претензии со стороны цензуры и, во-вторых, напоминает тому, кто будет писать ответ, о необходимой осторожности.

Предостерегает, дает понять, что нельзя свободно высказывать даже самые личные чувства, и сержант Михаил Сухоруков. Интересно его письмо жене, Надежде Сухоруковой, в Одессу, недавно освобожденную от оккупантов<sup>3</sup>.

Письмо написано на листе, вырванном из тетради большого формата (такие тетради называли «амбарными книгами»). Обратная сторона письма – часть таблицы, в которой содержатся сведения о родственниках бойцов:

- *Ф.И.О. жены, отца или матери;*
- *Был ли в плену, в окружении, проживал на оккупированной территории;*
- *Место рождения, домашний адрес.*

Возможно, этот документ связан с Приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии от 16 августа 1941 года. В соответствии с ним подлежали аресту семьи командиров и политработников, «во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу», а семьи, сдавшихся в плен красноармейцев, лишались государственного пособия и помощи<sup>4</sup>.

Если цензура обнаруживала в почтовых посланиях негатив: разочарование в советской власти, угрозы, критические высказывания, то авторы таких писем попадали под



*Фото. Сотрудники Первой Одесской МТС. Справа М. Сухоруков. Одесса (1939-1941 гг.)*



криминальную статью, им грозил тюремный срок от 10 до 15 лет<sup>5</sup>.

Не совсем понятно, каким образом лист из такого журнала оказался у Михаила Сухорукова. С уверенностью можно утверждать, что Сухоруков не был писарем, который заполнял этот журнал: почерк, которым написано письмо и почерк, которым заполнен журнал, совершенно разные.

Мы можем только догадываться о том, какие чувства испытал Михаил Сухоруков при взгляде на ту графу журнала, где указано, что дочь, жена, мать или отец солдата «проживали на оккупированной территории». Его семья – жена Надежда и дети Толя и Люся – два с половиной года жили в оккупированной Одессе. Значит, были вписаны в другой том этого страшного списка.

Его письмо жене, Надежде Сухоруковой, – отчаянный крик-предостережение: будь осторожна и береги детей, вы в опасности.

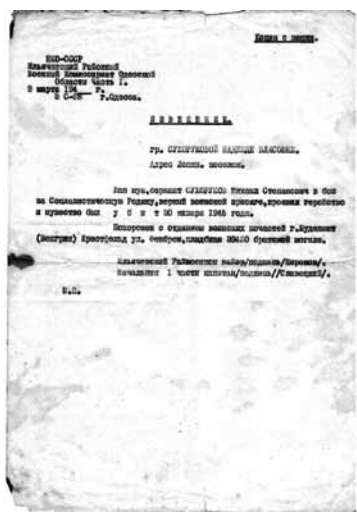
Чем дальше вчитываешься в поблекшие строчки фронтовых писем, тем яснее понимаешь, какой разной была жизнь в военные годы для офицеров и рядовых бойцов, и, конечно же, для их семей – и тех, кто сумел эвакуироваться, и тех, кто был брошен на произвол судьбы перед лицом наступающего врага.

Фронтовой корреспондент Евгений Петров из Москвы в Ташкент жене, Валентине Катаевой, и сыну Пете, посылает деньги и продукты.

Политработник Израиль Перлов хвалит жену «за то, что Лерочка получает молоко и масло», но ругает «за то, что спасовала перед трудностью и не достала рыбьего жиру. И потом, что значит, что она «пока получает молоко и масло»? Разве предвидится, что



Документ. Лист из журнала учета бойцов Советской Армии и их родственников (1942–1944 гг.)



Документ. Копия похоронного извещения о гибели М. Сухорукова 30.01.1945 г.



потом этой возможности не будет? Когда вы наконец уговорите своего директора школы? Неужели нельзя призвать его к порядку? Все справки и ходатайство, которые можно было по этому поводу послать, я выслал»<sup>6</sup>.

Дети Михаила Сухорукова получают молоко благодаря тому, что их мама сумела в оккупированной румынами Одессе купить корову. Нелегкий труд ложится и на плечи детей (Толику осенью 1941-го года исполнилось 7 лет, а Люсе – 5 лет), и на плечи их мамы. В данном случае выражение «ложится на плечи» не метафора: Надежда Сухорукова каждый день два тяжелых бидона с молоком несет покупателям через весь город – пешком<sup>7</sup>.

На выставке «Письма с фронта» особое место занимает «Последнее письмо матери». Это фрагмент романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба».

Военный корреспондент В. Гроссман шел в самое пекло войны, видел фронт и тыл, видел тех, кто шел в схватку с врагом, и тех, кто с автоматами и пулеметами стоял за их спинами, готовый стрелять в своих, если они дрогнут и отступят. Он видел легионы цензоров, политработников, сотрудников СМЕРША. Он видел катастрофическое отступление начала войны, чудовищные преступления нацистов и перелом в сознании народа, сделавший войну – Отечественной.

Василий Гроссман и Илья Эренбург в 1943 году начали работу над «Черной книгой» об убийстве нацистами евреев во Второй мировой войне.

В марте 1944 года Василий Гроссман был прикомандирован к штабу

3-го Украинского фронта. 10 апреля войска этого фронта освободили Одессу. Записные книжки писателя свидетельствуют о том, что в эти апрельские дни он узнал о деяниях фашистских оккупантов в гетто под Одессой – Доманевке и Березовке. О судьбе еврейского населения его родного Бердичева Василий Гроссман узнал несколько ранее – зимой 1944 года он увидел поле крови на окраине городка, недалеко от деревни Романовка, где в сентябре 1941 года были расстреляны все евреи Бердичева. Екатерина Савельевна Гроссман, мать писателя, была расстреляна вместе со всеми.

Главный труд своей жизни, эпопею «Жизнь и судьба», в которой с фило-



Фрагменты выставки  
«Письма с фронта»



софской глубиной, зоркостью историка и великим талантом писателя показаны трагедия и подвиг народа в войне, писатель посвятил своей матери – Екатерине Савельевне Гроссман.

Великая книга В. Гроссмана, к сожалению, редко переиздается, но «Последнее письмо матери» широко распространено в Интернете. Большинство пользователей, которые его размещают в сети, считают текст подлинным письмом, документом, а не литературным произведением. Это свидетельство великой художественной силы этого текста, который вызывает к нашей памяти, нашей совести, нашему разуму.

«Вот и пришло время нашей ответственности. Отдаем ли мы себе отчет в размерах и тяжести этой ответственности? Понимаем ли мы, что нам, никому иному, пришло время вступить в сражение с силами забвения, с медленным и неумолимым течением реки времени. Надо сохранить в памяти великое время»<sup>8</sup>.

Эти слова В. Гроссмана обращены к писателям, собратьям по перу. Мы думаем, что этот призыв относится и к музейным работникам, и ко всем людям, у которых сохранились свидетельства о трагическом и великом времени.

Выставка «Письма с фронта» – обращение к одесситам, обращение, которое было услышано. Неравнодушные люди передают в дар музею письма, дневники, документы, воспоминания тех, кто воевал, тех, кто пережил войну и оккупацию.

Только правда о нашей истории может быть противоядием и лекарством. Только правда ведет к пониманию и миру.

### Примечания

<sup>1</sup> Письмо Е. Петрова – В. Катаевой. 6.01.1942 г. ОЛМ, Р-3018. Первая публикация в кн.: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину / Сост. А. Яворская. – Одесса: ОКФА, 1998. – С. 138-142.

Письмо Е. Петрова – В. Катаевой. 23.03.1942 г. ОЛМ, Р-3019. Первая публикация с большими сокращениями: Е. Яворская. «Дорогая, нежно любимая...» / Газета «Муза». – Одесса, 1992, 31 января – С. 4-5. Первая полная публикация в кн.: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину / Сост. А. Яворская. – Одесса: ОКФА, 1998. – С. 143-153.

Письмо Е. Петрова сыну Пете. – Москва, 28.09.1941 г. ОЛМ, Р-3017. Первая публикация в кн.: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину / Сост. А. Яворская. – Одесса: ОКФА, 1998. – С. 137.

<sup>2</sup> Письмо И. Перлова – С. Вулих. <1941г., осень>.

<sup>3</sup> Письмо М. Сухорукова – Н. Сухоруковой. Оттиск штемпеля Полевой почты свидетельствует, что письмо написано не позднее 23 июля 1944 года. Обратный адрес:



П.П.С. 15387; Оттиски почтовых штемпелей: «Полевая почта 23744», «Одесса 31744»; Оттиск штемпеля «Просмотрено Военной Цензурой 08718».

<sup>4</sup> Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года. – <http://www.world-war.ru/prikaz-stavki-270-ot-16-avgusta-1941-goda/>

<sup>5</sup> См.: В. Огородник. Галузевий державний архів СБУ оприлюднив колекцію архівних матеріалів «Прості люди Другої світової: думки, настрої, переживання» – <http://tyzhden.ua/News/109430>

<sup>6</sup> Письмо И. Перлова – С. Вулих. 24.03.1942 г.

<sup>7</sup> Из устных воспоминаний Н. Сухоруковой. Надежда Власовна Сухорукова (Панчошенко) (1912, Цезаровка, Одесской обл. – 2002, Одесса).

<sup>8</sup> Гроссман В. Труд писателя // Литературная газета. – 1945. – 23 июня.

## Израиль Перлов. Письма Суламифи Вулих

<1941 г., осень>

Мифонька и дочка родные! Мы расстались с вами знойным летом, а теперь уже заправская осень, и никто из нас не знает, в какое время года и какого года мы с вами встретимся. Все это было бы не так тяжело, если бы наладилась наконец переписка с вами. А у меня все хуже и хуже складываются дела с нею (с перепиской-то).

Опять проклятый адрес. Он снова изменился и пока находится в таком аморфном (т.е. рыхлом, неопределенном) состоянии, что ничего о нем сказать не могу. Письма, которые вы посылали на старый адрес – т.е. на № 73 или 997 мне перешлют, если вы их посылали – но больше на тот адрес писать не следует. Надеюсь скоро сообщить новый адрес.

На этот раз изменение адреса не повлекло за собой изменение характера моей деятельности.

Профессией, которую я приобрел на «заре туманной юности» в институте и которой я не занимался до преклонных лет, я овладел почти в совершенстве. Подвизаюсь в этой области с большим успехом, и что более всего неожиданно, с большим интересом. Я почти уверен, что ни в какой другой роли в армии мне не удалось бы уничтожить столько нечисти и вместе с тем сохранить столько человеческих жизней, чем в той роли, которую сейчас выполняю.

Я никогда не думал, что тут такое большое поле для творчества – да, да – творчества.

Мне приходилось за последний месяц решать массу каверзных случаев, требующих большой гибкости ума и абсолютно кристаллической совести.

Как во всяком деле, и тут бывают большие неприятности, волнения, связанные главным образом с тем, что много окружающих людей не стоят на «высоте положения», но все это не так страшно. Словом, я распространяюсь об этом потому и для того, чтобы сообщить, что я чувствую себя неплохо.





Самое страшное – это то, что я не знаю ничего о вас. Я мог бы вам послать денежный аттестат рублей на 700–800 в месяц, но боюсь это сделать потому что не знаю, доходит ли до вас моя корреспонденция, сохранил ли силу тот адрес, по которому пишу, который вы сообщили первой телеграммой, адресованной еще в Одессу. Эти опасения побудили меня выслать вам 800 рублей. Если они пропадут, то это менее важно, чем аттестат на все время. Если в ближайшее время не получу от вас письма или по другой причине не pošлю аттестата, то во второй половине октября pošлю примерно такую же сумму.

Я недавно встретил очень много знакомых одесситов. Во-первых, видел Додика Гроссмана. Он получил письмо от Мани Гроссман из Сталинграда. Она пишет, что намерена двигаться дальше за индустриальным институтом. Я потерял ориентировку, т.е. не знаю, где институт, мне казалось, что он в Ростове, а не Сталинграде. Но, независимо от этого, мне казалось бы разумным, чтобы и ты продвинулась в направлении института. Это мне кажется целесообразным по многим причинам, среди которых и то соображение, что тебе, может быть, удалось бы продолжать аспирантский курс, работать над диссертацией. Думаю, что война, для тебя по крайней мере, не исключает эту возможность.

При решении этого вопроса прошу учесть, что, давая тебе такой совет, мною руководят не только эти соображения.

Говоря о встрече с Додиком, не могу пременить и такой факт, как то, что Сеня (муж Мани) находится где-то далеко за пределами досягаемости военных действий и движется в направлении своей семьи. Этот жук опять с успехом ползает по поверхности жизни, бури и невзгоды которой задевают его каким-то только краем.

Помимо Додика встретил небезызвестного тебе одесского поэта Плоткина. Большое удовлетворение я получил от встречи с завучем юридической школы Юхвидом. Видел еще много неизвестных или мало известных тебе одесситов. Встреча с знакомыми людьми доставляет тут много радости. Понимаю, что эти вещи не вызывают у тебя большого интереса, и потому исчерпываю эту тему.

С Одессой у меня связи нет, знаю о ней то же, что и ты, и вместе с тобою горжусь, что «Мы из Одессы», доблестью наших замечательных земляков и впрямь замечательного города. Также тяжело, как и ты, переживаю участь наших стариков. Мне вдвойне больно потому, что ты, Мифонька, в какой-то мере и меня винишь за эту их участь. Мне остается только сказать, что я не раз предавал себя суду своей собственной совести, и каждый раз она – моя совесть – в моем представлении, не покрывалась ни единым пятнышком.

Что касается твоей «второй родины» – Киева, то рану, нанесенную каждому из нас его падением, следует лечить мыслью и надеждой, что это последний «успех» виновников всех наших бедствий и что г. Гитлер (не господин, а гадина)



имеет все основания модернизировать изречение древнего Пирра: «Еще одна такая победа, и я погибну». Перейду снова от общих вопросов к частным. Я, вероятно, на конверте выведу свой обратный адрес. Писать по этому адресу не следует, так как я здесь недолго пробуду. Но этим адресом ты можешь воспользоваться в крайнем случае: если почему-либо ты долго не будешь иметь от меня писем, то ты сможешь справиться здесь о моем пребывании. Думаю, что прибегнуть к этой крайней мере тебе не придется, но на всякий случай я ее указываю.

Мифонька! Очень прошу тебя за меня не волноваться. Я уверен, что со мною ничего не случится, мы обязательно увидимся и вместе будем торжествовать победу. Береги себя и нашу дочурку. Прояви необходимую в таких случаях стойкость и твердость, собранность и трезвость в решении всех возникающих перед тобою вопросов.

Еще одна деталь. Если ты собираешься куда-либо ехать дальше, то, на всякий случай, оставь заявление заведующему местной почтой с просьбой всю корреспонденцию на твое имя направлять в указанный пункт до восстановления. При этом укажи, что ты жена военнослужащего-командира. Так мне посоветовал Додик, он ведь старый почтовик, и теперь работает на почте.

Ну вот, видишь, иссякла бумага. Истекает и время, ассигнованное на письмо. Кончаю тривиально: (т.е. по-обычному).

Крепко целую вас

Саша.

<24. 03.1942 г.>

Мифонька! Вчера написал тебе обширное письмо, в котором плаксиво жаловался на то, что у тебя, очевидно, нет потребности писать мне. Сегодня получил от тебя два письма, в которых жалуешься на меня и обвиняешь в том, что не пишу. Но ты сама себя разоблачаешь. Пишешь, что ждешь моих писем и потому не пишешь мне. А я вот никогда не прекращаю писать, когда нет от тебя писем.

В отличие от тебя я ругаться не хочу, я очень рад твоим письмам и благодарен за них.

Благодарю и за то, что Лерочка получает молоко и масло, но ругаю за то, что спасовала перед трудностью и не достала рыбьего жира. И потом, что значит, что она «пока получает молоко и масло»? Разве предвидится, что потом этой возможности не будет? Когда вы, наконец, уговорите своего директора школы? Неужели нельзя призвать его к порядку? Все справки и ходатайство, которые можно было по этому поводу послать, я выслал.

Согласен с тобой, что нельзя ни в коем случае принуждать Лерочку писать. Я готов отказаться от удовольствия получать ее каракули, если для этого требуется какое-либо внешнее воздействие принудительного харак-



тера. Значит, она все-таки на фотографии узнала своего папку? Очень рад этому обстоятельству. А вы все-таки непростительно затягиваете фотографирование. Правда, у меня есть ваша фотография, на которой вы сняты вместе, но очень хотелось бы иметь новую фотографию.

Ты волновалась за Вилю, а он, как видишь, еще и деньги вам посылает. Твоя просьба «не отрывать ничего от своих нужд» лишена всякого смысла. Во-первых, потому, что у меня все возможности исчерпаны, о чем я тебе уже докладывал. А во-вторых, никаких таких особых нужд у меня нет.

Все, что я тебе посылал, я посылал с истинным наслаждением. Получила ли ты 400 рублей, которые я посылал после 800-т?

Не желая пропустить ни единого случая обвинения в пассивности при розыске вас, я приступаю к этому вопросу, к которому ты без конца возвращаешься.

Во-первых, об Иде и ее адресе я узнал до твоего письма и немедленно ответил ей, после ответа написал еще несколько раз, но, очевидно, мои письма не доходят к ней, ответа от нее не получаю. Как видишь, хотя я философ, но поступил правильно. Что касается запроса о тебе, который я, якобы, должен был сделать у жены Кот (капитана, кстати, теперь уже майора), то он о местопребывании своей семьи узнал позже, чем я, следовательно, никаких запросов я делать не мог. Вас я разыскал бы, если бы даже вы ничего не делали для этого. Как тебе известно, документально, я получил сообщение из Наркомата обороны о вашем адресе.

Можешь меня сколько угодно поносить философом, но я упрямо твержу: сделал все, чтобы вас обрести, и я, к великому счастью, вас обрел, что, конечно, самое важное.

Кстати, о моем философском звании: оно мне изрядно надоело, так как и здесь мою фамилию предали забвению и называют только философом. Изредка только зовут «Перлушей» или «Перловушкой».

Сегодня вместе с твоими письмами получил письмо от Эммы и открытку от Люси. Надо сейчас сесть за ответ им. Тем более, что Эмма просит рекомендацию для перевода ее в члены партии.

Ты пишешь, что много есть бытовых мелочей, о которых скучно писать. Нет такой мелочи, касающейся вашего быта, которая была бы для меня скучной.

Как разрешились Володины дела? Почему ничего не пишешь о других родственниках? Почему не пишет папа и мама? Скажи им, что, если они не напишут, я перестану привет им передавать.

Всего доброго, Мифонька и Лерочка мои. Крепко целую вас

Саша



<31. 07. 1944 г. >

Здравствуй, Мифонька! В прошлом письме я обещал написать о «впечатлениях». После «всеночного бдения» за одной работой, я, проспав пару часов, под угрозой быть съеденным мухами (такого огромного количества одновременно я никогда не видел), встал, на славу позавтракал и сел за это письмо.

Описание «впечатлений» начну с такого высоко-поэтического вопроса, как грибы, брусника, малина, черника и другие многочисленные произведения леса, которые я потребляю в невероятном количестве, на которое способен житель «городских коробок», лишенных природы, и для которых лес – это понятие, содержание которого известно только из литературных источников.

Я так объедаюсь фруктой и ягодой, что совершенно не способен пользоваться такой неизменной прозой, как борщ и прочее, которой потчует наша столовая. Но, чтобы сохранить калорийное равновесие, я произведения леса умножаю на молочные изделия, главным образом на сметану и молоко. Думаю, что такой мой рацион питания тебя вполне устраивает.

Мне бы Лерочку сюда! Походил бы я с ней по грибы и малину, полазил по вишневым деревьям, и думаю, что такие прогулки ей пришлись бы по вкусу.

Но, увы! Лесные шорохи частенько дополняются несвойственными лесу звуками, и я счастлив, что ни Лерочке, ни тебе их не доводилось слушать. При этих условиях даже в стремлениях надо предпочесть Ташкентскую прозаичную и проблематичную кукурузу поэтической малине.

Судя по опыту, письмо это придет к вам через 18-20 дней, и я был бы очень рад, если бы пришло оно как раз 18 августа.

В связи с приближением этой даты у меня рождается столько и таких мыслей и чувств, что изложение предполагает поэтическое дарование, об отсутствии которого я безутешно скорблю всю войну.

Но попробую изъясниться доступными мне способами и средствами.

Раньше всего я благодарю судьбу, что ты мать моей дочери, и тебя за то, что подарила мне такую дочь.

Яша уверяет меня, что любить мать пламенно и нежно, когда дочери 8 лет – это огромное и редкое счастье. Видимо, потому что судьба меня вообще не балует, она подарила мне это единственное и, я согласен с Яшей, огромное счастье.

Три года я не участвую ни в физическом, ни в духовном росте нашей дочки. И хотя отсутствие этого моего участия достаточно обоснованно, я тешу себя надеждой, что мое влияние в этом процессе незримо присутствует. Я думаю так, потому что много передумал о себе с тобою, и мне теперь кажется, что, несмотря на годы и расстояния, отделяющие нас, мы так близки, что можно с уверенностью утверждать, что эта близость духовная почти уникальна.

В дни именин единственной дочери полагается высказать пожелания и поздравления. Попытаюсь сделать это и я. Пожелаю вам, как и себе, несмотря



на огонь, который три года бушует вокруг нас, снова собраться вместе все равно где, все равно как, но не все равно когда: это должно быть не раньше или позже, а раньше, а раньше, чем позже.

Я мечтаю о том, чтобы тогда, когда я приобрету вас снова как свое повседневное окружение, сохранить в своем сердце свое восхищение вами и никогда не остывающую любовь, которая все эти долгие 38 месяцев была моим маяком, моей точкой опоры в этой бурной и огненной жизни, в которой, право, не так легко устоять.

Я горячо и искренно поздравляю вас и крепко прижимаю вас к моему заполненному вами сердцу.

Вернусь к вопросу о «впечатлениях», ибо, когда я возбудил этот вопрос, я имел в виду, конечно, не только «клубничную поэзию», несмотря на все мое преклонение перед нею. Но, дело в том, что, когда хочу приступить к вопросу по существу, я неизменно испытываю, как «некто третий», неизменно и грубо, но необходимо участвует в нашей переписке, сковывает мою руку.

Ты всегда относилась с уважением к моим лингвистическим способностям. Сейчас я лингвистически обогатился еще одним славянским языком. Помогло совершенное знание украинского, о чем я, кстати говоря, даже не подозревал, хотя я много лет с различных кафедр выступал на украинском языке.

Сколько рек осталось позади. Я шел назад с Днестра до Терека. С берегов последнего я начал свое движение вперед. И вот уже ни сзади, ни спереди нет больше родных рек, и я думаю, что мне суждено пройти все реки до Шпрее, на которой стоит Берлин, чтобы через Шпрее вернуться на Черное море.

Раньше, когда я думал о родных Черноморских берегах, они были от меня на западе, теперь я оглядываюсь на восток, и в восточном направлении далеко мелькает Родина. Я человек не батального склада ума и натуры, но не могу без волнения думать об этой метаморфозе.

Я, к сожалению, знаю больше, чем мне положено знать, и я не даю чувству господствовать над собой: я меньше всего предаюсь «телячьему восторгу». Но при всем этом мне кажется, что самая ясная мысль не может притупить острое чувство, испытываемое под влиянием факта, что в составе вооруженных сил Родины ешь хлеб не с родных полей.

Прости за чудовищный язык, за иероглифы вместо мыслей. Виноват не я, а все тот же «некто третий».

Если ты захочешь предать это письмо обычной семейной гласности, то я не выставлю никаких возражений. Но мне очень хочется, родная, чтобы ты это письмо (все равно до коллективного зачтения его или после) прочла сама одна-одинешенька.

Еще раз крепко целую, поздравляю и приветствую всех.

Саша.

**Л. Мельниченко**

## **ДНЕВНИКИ ЕКАТЕРИНЫ ГАЖИЙ**

*«Если горе всех – мое горе,  
то мое личное тяжелее всех...»*

**Д**ля эпиграфа я взяла слова из дневника Екатерины Гажий, шестидесятилетней одесситки, оставившей для истории свои дневниковые записи, сделанные с 1940 по 1948 годы. Дневник для нее – это и подушка, куда она могла выплакать свою боль и место, где можно выговориться. Кроме того, дневник – это еще и своеобразная форма общения с близкими людьми, с которыми она не имела возможность общаться. Прежде всего, это ее двадцатичетырехлетний сын Борис, призванный в армию в 1940 году и с которым потерялась связь с первых дней войны. Это ее большая семья, разбросанная по всей стране и даже за ее пределами, о которых она также не имела никаких известий в годы войны.

Большая часть дневника посвящена единственному сыну: воспоминаниям о нем, страшным предположениям о том, где он и что с ним могло произойти на фронте. Почти каждая запись, в которой она пишет о сыне, заканчивается пожеланием ему здоровья. Даже если только что она предполагала и тяжелое ранение, и даже смерть. Из дневников видно, что сын для нее «единственный свет в окошке», все мысли, вся жизнь ее принадлежит только ему.

Кто же такая Екатерина Гажий? Из дневников видно, что она учительница, в годы оккупации давала частные уроки, за счет чего и выжила. В Одессе осталась с мужем Владимиром, банковским работником. О своей прошлой жизни писала мало: «Колюшка – добрый муж, жили 6 лет... и глупая смерть. Потом Петя... любовь, война 14-го года и смерть... Потом Володя и сын – Борис...». Вот собственно и все, что можно узнать о ее жизни до рождения сына.

Помимо описаний ежедневной борьбы за выживание, на страницах дневника упоминаются события, свидетелями которых была она, ее муж или соседи. Здесь же мы встречаем тексты переписанных стихотворений, письма, которые она получала от родных, и даже статьи из газет. И еще в них много размышлений о войне.



1 января 1943 года она записала новогоднее пожелание: «Одно желание мира, покоя всему человечеству. Дай Господи ума всем, которые не понимают, что кроме ужаса и варварства ничего эта бойня не даст... Искоренение человечества... Ложь бесконечная... Желание первенства и власти... А люди ведь мошки во вселенной... Зачем им так много нужно?! Я не могу понять. Я – простой обыватель и далеки для меня все эти идеологические основания. Мира всем несчастным, страдающим бойцам, пленным и всему человечеству – вот все, чего хочу. Увидеть моего мальчика, моего доброго сына – услышать «дорогая мамочка»... дать ему здоровье, отдых и покой...».

Дневники Екатерины Гажий принес в музей известный коллекционер Анатолий Дроздовский. Он в свою очередь приобрел их в букинистическом магазине в середине 1990-х годов. Кто принес в магазин дневники – родственники или человек, случайно нашедший их – неизвестно. Поэтому всю информацию об авторе дневников мы можем узнать только из самого текста. Также неизвестно, сколько на самом деле было дневников. В тетрадах, а сохранилось их 9, находилось несколько разрозненных листов и писем с конвертами. Благодаря этому мы знаем точный адрес автора дневников – Кировский переулок (ныне Вознесенский), дом 11, кв. 5. Судя по записям, окна квартиры выходили на Старосенную площадь.

Первая тетрадь датируется 1940 годом и названа – «Год скорби». Первая запись сделана 28 января 1940 года: «Борис уехал в армию». Именно это событие в жизни Екатерины Гажий – расставание с единственным сыном – объясняет название тетради. Следующая часть дневника называется «Реестр» моих переживаний». Записи сделаны в амбарной книге с названием «Реестр», что и дало название второй тетради. Тетрадь включает записи, сделанные в течение трех лет: 1940, 1941 и 1942. Третья тетрадь начата 17 января 1942 года и называется «Жизнь в плену». Событиям 1942 года посвящена четвертая тетрадь и часть пятой. Также в пятой тетради есть записи 1943 и 1944 годов. Шестая тетрадь описывает события 1944 года до момента освобождения Одессы. Седьмая – включает 1944, 1945, 1946 и 1947 годы. Восьмая тетрадь посвящена 1947 году. Последняя – девятая тетрадь, называется «Годы гнусной в моральном отношении жизни» включает 1947 и 1948 годы.

Кроме тетрадей Екатерина Гажий использовала альбомы разного формата. Писались дневники чернилами разного цвета, иногда карандашом. Почти в каждой тетради есть утраты – отсутствуют отдельные страницы,



причем заметно, что они изымались в более позднее время. Вероятно, автору дневников пришлось удалить некоторые записи из-за того, что в них была информация, не предназначенная случайному читателю, и могла ей серьезно навредить. Все эти моменты зафиксированы мной в публикуемом тексте дневников.

Интересно, что стилистически текст написан скорее современным языком, нежели тем одесским языком, которым общались в Одессе до войны и в первое послевоенное десятилетие. Однако время от времени необычность построения фраз и написания слов все же встречается. Я намеренно не меняла их на современное звучание, с тем, чтобы сохранить своеобразие одесского языка того времени.

В отличие от предыдущих публикаций «военных дневников одесситов» в наших сборниках № 4, 2007 года и № 6, 2011 года соответственно «Дневник Адриана Оржеховского» и «Дневник Дарьи Васильевны Мартыновой», настоящая публикация включает не все дневники Екатерины Гажий. Прежде всего, это связано с большим объемом текста, что не вписывается в формат нашего сборника. Кроме того, публикация готовилась к знаменательной дате – 70-летию освобождения Одессы в годы Второй мировой войны – 10 апреля 2014 года. Именно поэтому мной были отобраны тетради с названием «Жизнь в плену».

Предваряя публикацию дневников, я могла бы подробно раскрыть их содержание, остановиться на отдельных фрагментах описания жизни оккупированного города и привести цитаты – свидетельства очевидца. Но я не буду этого делать, так как по опыту знаю: чем полнее раскрываешь содержание публикации, тем больше вероятность того, что саму публикацию читать не будут. И это понятно. Потому что тяжело, очень тяжело быть свидетелем чужого горя. Но быть свидетелем намного легче, чем быть участником трагических событий. А знать правду о прошлом своей семьи, родного города и страны просто необходимо. Хотя бы для того, чтобы не повторять ошибок. Особенно, если от них зависит жизнь миллионов людей.

В начале 1942 года Екатерина Гажий сделала такую запись: «Посмотри вокруг: сколько дикого, страшного, подумай, сколько переживают люди, посмотри на несчастных пленных, на гонимых евреев, вдумайся во все и твоя жизнь не покажется тебе такой ужасной... Я считаю, что возможность спать в своей постели, есть хотя бы мамалыгу каждый день, быть

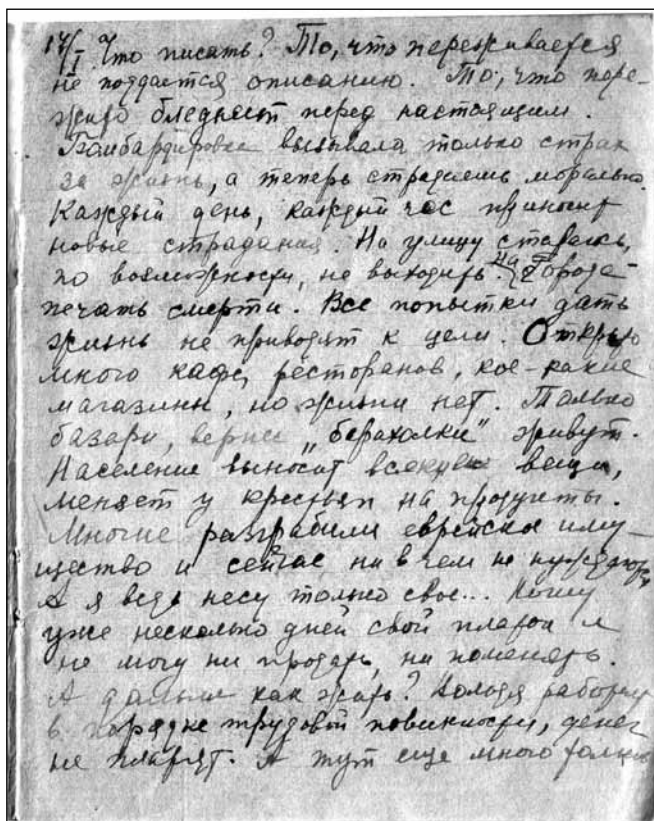




чистым, тепло одетым – это уже хорошо и если бы не переживания за чужое горе я бы не считала себя несчастной».

Более века назад, французский писатель, лауреат Нобелевской премии Анатоль Франс написал: «Я не думаю, что только избранные люди имеют право рассказывать о себе. Наоборот, полагаю, что очень интересно, когда это делают простые смертные».

В дневниках «простой смертной» одесситки Екатерины Гажий запечатлены трагические истории жизни ее семьи, нашего города и его жителей. Истории, которые, несомненно, не должны повториться. Никогда!



**Екатерина Гажий****«ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ»**  
Дневники 1941-1944 гг.

1941 г.

29/06

Война.

Нет ни сил, ни слов! Война! Вот уже неделя как она началась. Деньи ночь, и каждую минуту мысли о Борисе. Неужели погиб?! А если ранен? Ужас охватывает. Каждую ночь вижу его во сне, и все рисуются ужасные картины. По сообщениям газет 4000 танков ведут упорный бой. И там Борис.

Море крови изувеченных несчастных людей. В первые дни окунулась в работу, рыли окопы, строили бомбоубежища. А сейчас уже нет. Отупела как-то. Горе, пустота и никакого просвета... Не могу писать, словами нельзя выразить всех переживаний.

1/07

Опять Борис снился. Проснулась от его зова: «Мама, мама...» звал он и я проснулась. На дворе была ночь, грохотали орудия, летали самолеты. А у меня все звучало в ушах и сейчас слышу «Мама, мама...». Такой тяжелый, жалобный голос. А если, в самом деле где-нибудь беспомощный, раненый зовет меня... Я не могу ни говорить, ни писать... Борик, родной мой мальчик, вернись к нам, иначе я не знаю, что будет со мной... На днях написала ему по старому адресу во Львов... Конечно, это абсурд, но может быть случайно попадет письмо, может быть успокою его... «Стал теперь танкистом смелым...». Эх, Борик, зачем, кому надо эта война. Сколько горя кругом.

8/07

Утром не знаешь, как проживешь день, а вечером, как пройдет ночь. Война ужасная, упорная... Кругом ожесточенные бои. Часто попадаешь под зенитную стрельбу, преследующую вражеских бомбардировщиков или разведчиков. Кое-где в окрестностях были брошены бомбы. Я почти все время ночую у Настеньки. Вова тоже на фронте. Из Львова бежали Рустаковичи. Вова Р. говорит, что его товарищ видел Бориса 23/06, его отправляли куда-то из Львова с танком, очевидно в бой. ...Где же ты мой родной милый мальчик, моя вся радость, моя жизнь. Все отдаю, что могу, чтоб только ты вернулся под родной кров... Но «если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой». Столько раненых в наших лазаретах, но его здесь нет. Я везде искала... А, может быть и нас скоро не будет и ты, вернувшись не найдешь своих родных... Многие уезжают из города, боясь бомбардировки. А я никуда не уеду. Я здесь



должна дожидаться Бориса. Настенька и Оля тоже собираются выехать. Борик, Борик, как больно мне, какая рана, как все дико вокруг. Горы трупов, море крови, варварство. И тяжелая неизвестность. А Володя успокаивает ласково... Но я ведь разве ребенок, разве я не понимаю, что 99% плохого и этот один процент тоже сомнительный. Опять где-то недалеко стреляют... Опять небо облачков, и враг скрывается за тучами. Когда же конец этой дикой войне?! Или это только начало? Борик, дорогой мой... «Увы, утешится жена, и друга лучший друг забудет. И только слезы бедных матерей... Им не забыть своих детей, погибших на кровавой ниве, как не поднять плакучей иве своих поникнувших ветвей».

25/07

Живем на Большом Фонтане у Олиференко. Из города пришлось уйти, тк. кк. началась жестокая бомбардировка. Ночь с 22/07 на 23/07 была ужасной. Большие разрушения, много жертв среди мирного населения. Здесь тоже нет покоя. Вражеские бомбардировщики ежедневно пролетают над нами, зенитки бьют по ним, правда безрезультатно... Володя должен каждый день ездить отсюда на работу и пока дождешься вечером – души нет. Но пока страдает город. У нас еще не было брошено ни одной бомбы... От Бориса все нет никаких вестей. Горя много и писать о нем даже не могу.

9/08

Не писала ничего, тк. кк. нельзя выразить словами всего, что переживается. Но вчера такая радость... Письмо от Бориса. Из Львова ушел. Хочу навсегда запечатлеть эти добрые, родные строки...

Ст. Гребенка 16-07-41 г.

«Дорогая мамочка!

Сейчас только, сидя в сквере возле ст. Гребенка случайно разговорился с гражданкой N и услышал сразу же в разговоре какие-то родные нотки. Через две минуты разговора выяснилось, что она из Одессы и едет сейчас в Киев, а потом обратно в Одессу. Узнав, что мы с нею земляки, она тоже очень обрадовалась и очень любезно предложила мне зайти к вам и рассказать обо мне, передав эту писульку. Не знаю, получила ли ты мои прошлые письма и открытки (правда их было немного) и потому коротенько расскажу, что со мной произошло за эти три военных недели. 22-го в 4 ч. утра немец бомбил наши города, а в 4ч. 45 м. мы уже в составе нашего танкового батальона приняли первый бой. Для меня это было первым, так сказать, боевым крещением из которого я вышел неплохо. За 22-е, 3, 4, 5 я 7 раз ходил в атаку и вышел из этой переделки живым и невредимым. Кое-кто из наших погиб и был ранен, но на меня еще, очевидно, пули пока не приготовили. В 3-ей атаке (она собственно была разведкой) у меня загорелась и сгорела машина. Все трое мы спаслись, расстреляв все снаряды и патроны и выскочив, присоединились к сво-



им. Получив вторую машину, мы снова действовали, потом и она вышла из строя, и мы поехали сдавать ее в ремонт во Львов. Но отремонтировать не удалось, тк. кк. из Львова все начали эвакуировать и мы, подравшись чуть под Тернополем, получили приказ доставить машину на завод в Дарницю (под Киевом). Доставляли ее и по жел. д. и от Казатина до Киева своим ходом. Там была еще одна Гребенка, из которой я писал. Машину позавчера доставили и теперь едем в Прилуки переформировываться и получить новые машины с завода. До Прилук осталось немного и завтра, вероятно, будем. Вот и вся моя история. Думаю, дорогие мамка и папа, что Вам доставит большую радость поговорить с человеком, который лично видел меня, потому и пользуюсь ее любезностью и передаю это письмо. Очень был обрадован тем, что одесситка сообщила мне, что немцам не удалось бомбить Одессу. Значит все вы живы и невредимы. Это для меня большая радость. Ну вот и все. Остальное, эта моя новая знакомая вам обо мне расскажет. Целую вас крепко, крепко. Ваш Борик».

Родной, милый мой мальчик. Сколько радости! Значит жив, из Львова ушел. Почему-то мне кажется, что и здесь не изменила ему его находчивость. «Доставляли и по ж.д. и своим ходом...». Эти слова говорят о том, что и тут была обыкновенная его изворотливость. Ну и дальше. Письмо от 16/07, а за это время сколько перемен могло быть. Непременно нужно найти эту одесситку и порасспросить обо всем. Думаю, что из ее разговоров кое-что узнаю.

11/08

Несмотря на ежедневную бомбардировку поехала в город, зашла к Серг. Ант., тк. кк. он передал письмо Борика, но, ни его, ни одесситки не нашла. Зашла к Настеньке. Хотела забрать ее с собой на дачу, но она не согласилась. Когда уезжала из города, налетели самолеты и бомбили порт. Настроение жуткое.

15/08

Все тоже. В газетах говорят о разгроме врага, а враг двигается все дальше и дальше. На советские земли. Угроза пришла вплотную к нашему городу. Фронт близко. Кругом роят окопы, строят баррикады. В принудительном порядке и старого, и малого забирают на эти работы. А вражеские самолеты зачастую снижаются и расстреливают мирных жителей, работающих на этих окопах или даже мирно стоящих в очередях за куском хлеба... Стоишь в очереди и слышишь над собой тяжелый лет бомбардировщиков. Взглянешь вверх, а они целой эскадрильей летят над тобой. Начинается стрельба из зениток. Бежим в ближайшиe щели или просто под какую-нибудь стену... Пролетели. Опять бомбят город. Жутко и страшно. Володя остался в банке спасти ценности сейфа.

18/08

Газетные сводки очень скудные и неправдоподобные. Ограничиваются сообщением эпизодов с фронта. Это говорит о наших плохих делах. Но никто



ничего не знает. Много переживаю из-за Володи, который должен работать под бомбами. Вокруг банка все разрушено. И пока дождусь его вечером – души нет. А самолеты врага каждый вечер к восьми часам и утром на рассвете прилетают в гости. В городе много пожаров от зажигательных бомб и разрушений от фугасных. Народ спешно эвакуируется. У нас на Фонтане разместили много войск. Напротив и рядом стоят ополченцы. Разведчики уже высмотрели и это и начали бомбить Фонтан. Есть жертвы. На одной даче убито 37 человек. Жизнь тяжелая.

22/08

Много всяких слухов распространяется среди населения. Газеты говорят о леденящих дух зверствах фашистов в тех местах, где они зашли. Но я думаю, что наши газеты преувеличивают или просто лгут. Бомбардировки продолжаются. На Золотом берегу начали строить пристань. Говорят для эвакуации в последний момент. Из Севастополя пришли крейсера и стоят напротив 16-й станции. Враг сегодня днем сбросил в море много бомб, но не попал в эти крейсера. Мы все это наблюдаем. А ночи жуткие. Бесперывно летят самолеты. Мы не спим и с террасы хорошо видно, как их освещают десятки сильных прожекторов, как снаряды зениток рвутся около них, а они все-таки сбрасывают свой багаж и улетают невредимыми. В темноте видим страшное зарево – это горит город. И мыслей столько. А Борис?! Где он! Жив ли? Разве можно в таком ужасе остаться невредимым? О переживаниях даже написать нельзя. Никакими словами этого не выразить.

28/08

Волнуюсь, что Володя, спасая ценности банка тоже попадет под бомбу. «Бои в одесском направлении» – вот и все в газете. Иван Ник. Олиференко, призванный в армию, только и приносит кое-какие сведения. Он возит на своей машине раненых с нашего фронта и такие ужасы рассказывает, что не поддается описанию. Наша армия в сравнении с врагом плохо вооружена, плохо обучена... Нет ни винтовок, ни снарядов. А враг косит ее без всякого труда. Нет ни медицинского персонала, ни перевязочных средств. Рану перевязывают грязными сорочками и портянками. Такие ужасы рассказывает, что ждешь конца этой бойне. Пусть будет, что будет, но только бы скорей. У всего народа такое настроение. Воевать не хочет. И только винтовки комиссаров заставляют идти в бой. А газеты еще говорят о победе и о том, что наш город останется советским. Сомнительно.

11/09

Все тоже. Море горя, море крови... Конца все нет. Уже большие месяцы мы живем в осажденном городе. Налеты германских самолетов все продолжают. В городе не бываю. Переживаю много из-за Володи. О Борисе все мысли. А тут еще всякие мелочные дразги с детьми Олиференко. Люся и Жорик – от-



вратительные шпионы. А Дарья Арт. – жуткий тип. Но это все уходит куда-то в сравнении с окружающим горем. Что с Настенькой? Она в городе в каком-то подвале. В какую-то ночь и ее засылет?! А газеты все говорят о зверствах фашистов. Но я не верю. Разве могут культурные люди так издеваться над женщинами и детьми? Это все вымысел.

15/09

Враг все на том же месте. Бои под Татаркой, в Дальнике и на Сухом лимане вот уже больше месяца. Канопада ясно слышна. На расстоянии квартала от нас стоит дальнобойная тяжелая батарея. От грохота орудий у нас дом дрожит как коробка, дребезжат стекла. Снаряды летят над нашим домом. Зенитками уже пробита наша крыша во многих местах. Часто бежим в погреб. Выкопали щель. Описать всего невозможно. Да и эти шпионы Олиференко постоянно следят.

23/09

Сил уже не хватает. Приказ о мобилизации от 16 до 60 лет. Волнуюсь из-за Володи. Бои все вокруг нас. Снаряды рвутся вокруг. Вражеские дальнобойные орудия грохочут над нами день и ночь. Эту ночь наш погреб дрожал от разрывов, каждую минуту ждали, что снаряд попадет в дом. Утром увидели, что снаряды падали у наших ворот, рядом, напротив. Кругом воронки, сломанные и обожженные деревья, разрушенные заборы. Но пока мы живы. И Володя, как каждый день, ушел на работу в город эвакуировать банковский сейф.

5/10

Все больше бомб вокруг. Самолеты нацупали батарею и бомбят ее. Мы уже без стекол. Упавшей вблизи бомбой вырвало ставни, сорвало у нас крышу и дом без единого стекла. Мы пока живы. Неужели выживем? Когда же конец? Ясно, что Одесса должна быть сдана. Зачем же еще эта бойня? Все уже вывезли. Многие эвакуируются из города. Нам тоже дали талоны на выезд. Но я не хочу. Где будет искать нас Борис? Хочу дожидаться его здесь в Одессе. Наша квартира пока цела. А рядом несколько домов разрушено. Будь, что будет.

12/10

Переехали в город 8 октября. Самолеты летают, сотни снарядов ложатся и разрушают город. Мы еще живем. Наш дом пострадал частично, но у нас еще все цело, кроме нескольких стекол. Настроение тяжелое. Чувствуется конец. Все верхушки уехали, грузились под бомбами. Вряд ли удалось им все благополучно. Чувствуется безвластие. Слухи о том, что город будет сдан без боя. Что-то будет?

20/10

Наш родной город сдан 16 октября. Встречали румын и немцев как-будто дружелюбно. Но частые визиты румын терроризовали население. Под пред-



логом отыскивания евреев заходили во всякие квартиры. Нас тоже не пощадили. Но я отделялась от них, давая им сахару и конфет. Настроение жуткое.

1/11

Начались приказы новой власти. Вышедши вчера в первый раз в город я ужаснулась, при виде ужасных разрушений. И мне так стало тяжело, так жалко моего любимого родного города. До сих пор я не выходила. Не могла, тк.кк. по всему городу висели на виселицах повешенные. Все это так придавило меня, и мне тяжелее стало.

10/11

Вот уже несколько дней, как поселили мне двух румынских офицеров и двух денициков. Офицеры держат себя очень высокомерно. Каждый день приносят откуда-то массу всяких вещей и все складывают в мешки и портфели. С денициками живу дружно. Хорошие ребята. Сегодня варили на кухне себе, достав кусочек мяса, какой-то соус. Я лежала больна. Один из денициков Нестор положил на тарелку единственный кусочек мяса, бывший в соусе и картофеля, принес мне и Володе, пожал нам руки и, не умея ничего сказать по-русски, только произнес: «мамо и тато». Я поняла, что он хотел сказать: что мы ему, как мать и отец, что он вспомнил своих родных... И я долго плакала от этих двух слов. Мысли о Борисе тяжелые, неизвестность мучает. А кругом эти гонения на евреев, разгром их квартир... А я не верила. Много могла бы написать...

20/11

Уже румыны ушли от меня, уехали в Бухарест. И после всех забот и ухода за этими офицерами, я не услышала даже простого «спасибо». Только деницики дружески распростились. Правда, при всей бдительности кое-что исчезло из квартиры, но при всем, что я вижу, мне ничего не жалко. И я все больше чувствую, что мы пленные и разговаривать не имеем права.

1/12

Открылось несколько церквей. Гонения на евреев продолжаются. Много их угнали из города и уничтожили. Говорят, сожгли живьем, загнавши в бараки и поливши бензином. Не хочу верить. Сама не видела. О переживаниях не пишу.

5/12

Нет моей Неллички. Чудная девочка! Очевидно, пропала вместе со всей семьей. Зачем же такой ребенок должен ответить за дела других?! Я не могу ни говорить, ни думать. И не понимаю ничего, что происходит вокруг. Говорят, выгнали в Дальник на минированное поле и там все погибли. Не хочу верить. Никуда не хожу, больше лежу. Володя ходит на «какую-то работу» в порядке трудовой повинности. Меня тоже зарегистрировали, тк.кк. регистрировали все население от 16 до 60 лет для посылки на работы. Так как мое здоровье очень плохое, то мне выдали справку во врачебной комиссии о нетрудоспособности. Морально убита.



10/12

Начали прибывать в Одессу пленные. Я несколько дней ходила на заводы, где их разместили, и ничего не добилась. Высовывались сквозь разбитые окна черные, как в перчатках руки, раздавались стоны, люди несли, кто, что мог, давали им есть, на дворе мороз и ужас кругом. На душе тоже ужас. И мысли о Борисе, тяжелые, безотрадные...

27/12

Что переживается – ни в сказке сказать, ни пером описать. В церквах моления, службы, в театре спектакли, а кругом ужас, голод, кошмар...

## 1942 год

/Дата неразборчиво – Л.М./

Начался новый год. Начался в горе, в несчастье. Победители встречали его в ресторанах, пили, ели, евреи замерзали в бараках, пленные умирали от голода и холода... Что писать?

8/01

Нет сил. Пришла Чижевская и говорит, что в сквере работают пленные и все им несут кушать. Я тоже наварила мамалыги, взяла чесноку и пошла отдать. Но было уже 3 часа, и они уходили. Я пошла их догонять. Некоторые шли в строю. Некоторых без чувств несли на руках, вернее волочили по земле. Протягивались черные, худые руки. Население бросало куски хлеба, я тоже отдала мамалыгу. А немцы не разрешали, били их нагайками и прикладами. Люди плакали, а немцы смеялись.

10/01

Приказ о затемнении, о приведении в порядок бомбоубежищ. Что все это значит? Много слухов, но я ничему не верю. В газетах сообщения скудные. Вот уже скоро три месяца, как занят город, а жизни нет. Володя работает, но денег не получает. Живем впроголодь. Много из вещей за бесценок поменяли на базаре. Как жить дальше? Но когда помотришь на тот ужас, который окружает, все, в сравнении с ним кажется ничтожным... Новый приказ о реквизиции вещей и расквартировании войск... Думаю, что не могут же забрать последнего пальто или одеяла. А там все равно. Люди все потеряли, жизнь потеряли, мучаются... Я так изнервничалась, все окружающее убило у меня все желания, всю энергию. Не могу ни работать, ни думать, счастлива когда усну... Но часто мучают кошмары какие-то. И Борик, Борик... Где ты? Все последние события еще больше заставляют думать о твоём положении... Иногда представляю себе, что вдруг откроется дверь и ты входишь страшный, бледный, худой, но живой, не калека. Как бы я заботилась о тебе, опять, как в детстве, дала бы тебе здоровья. Неужели ты узнал, что Шура





выехала и будешь стремиться к ней. Ведь вряд ли ты ее найдешь и сам пропадешь. А здесь ведь даже пары брюк она тебе не оставила. Во что одену тебя? Тетки сказали, когда я им сказала, что Шура забрала все твои вещи и во что оденешься, если приедешь, сказали, что оденут тебя... Посмотрим. Какую ерунду пишу. Вернулся бы только. Где-нибудь достану, куплю, выпрошу для тебя и без теток обойдусь. А вообще что еще ждет нас?! Может быть лучше, чтоб пока не возвращался, а то могут мобилизовать. Говорят, есть уже приказ. В общем, каждый час приносит что-нибудь новое.

15/01

Больна совсем. Мысли, все черные мысли. Только Инна зайдет и рассеет их немного. Уроков нет. Как дальше жить?

17/01

Что писать? То, что переживается, не поддается описанию. То, что пережито, бледнеет перед настоящим. Бомбардировка вызывала только страх за жизнь, а теперь страдаешь морально. Каждый день, каждый час приносит новые страдания. На улице стараюсь, по возможности, не выходить. На городе – печать смерти. Все попытки дать жизнь не приводят к цели. Открыто много кафе, ресторанов, кое-какие магазины, но жизни нет. Только базары, вернее, «барахолки» живут. Население выносит всякие вещи, меняет у крестьян на продукты. Многие разграбили еврейское имущество и сейчас ни в чем не нуждаются. А я ведь несу только свое... Ношу уже несколько дней свой платок и не могу ни продать, ни поменять.

А дальше как жить? Володя работает в порядке трудовой повинности, денег не платят. А тут еще много толков вызвал приказ о реквизиции имущества. По приказу реквизируют могут все, «кроме предметов роскоши и искусства». Жуть берет. Неужели заберут последнее пальто? Говорят – все берут, даже дамские трико... Что же это такое? Когда говоришь об этом, находят оправдание для этого в том, большевики тоже грабили... Но разве это оправдание. «Ведь большевики были разбойники, бандиты, люди без всяких моральных и религиозных устоев?!» – так говорят. А ведь вы пришли нас освободить от них, пришли ввести в новую культурную жизнь на основах христианской морали. Как же увязать все это? Строятся храмы, кое-где раздается звон колоколов, архиерей и священники усердно молятся, люди с верой идут в храмы, хотят там найти успокоение... А ежедневные приказы терроризируют население... Но все это тоже пустяки в сравнении с тем, во что обратился человек. Никаких запросов, никаких перспектив... День в неблагодарной работе, вечером в 6-7 часов уже в постели, так как нет света: встаешь при «коптылках» и ложишься также. Уроков у меня нет. Это в первый год за мою больше чем сорокалетнюю практику... Учеба отошла на второй план. У молодежи флирт с завоевателями, у людей нашего круга – за-



бота о насущном куске хлеба. А у меня еще и у многих других горе за близких, родных, уже погибших в этой варварской войне или медленно умирающих в различных застенках. Бессонные ночи, кошмарные сны совсем извели меня... То вижу замерзающих в бараках детей на глазах родителей, то несчастных пленных, подгоняемых на работу прикладами и нагайками, а с работы уносимых умирающими, окровавленными... «A la guerre, comme a la guerre»\*, говорят французы. Но всего не напишешь.

19/01

Все евреи по приказу ушли из города в отведенную для них зону на окраине города. Оттуда, говорят, будут эвакуировать дальше. А пока много их замерзло в нетопленных не застекленных помещениях. У нас в сквере тоже лежит труп какой-то замерзшей еврейки. А на дворе мороз до 20 градусов...

20/01

Мне сказали, что в соседний дом пришел пленный, бывший на военной службе во Львове. Пошла, как всегда делаю, узнать не знает ли чего о Борисе. Пришел он пешком из Полтавской области, но служил в других частях и о Борисе ничего не знает. Вид у этого пленного жуткий. Маленький, сгорбленный, худой, скорее напоминал старика, чем двадцатилетнего парня. Если бы не подобрали его на Барзуле, замерз бы... Питался макухой, а больше голодал... Сейчас – живой труп... Много рассказал о пережитом кошмаре... Но все же уже дома, у родных. И сколько уже пришло домой пленных... А Бориса нет. Где он? Хоть бы узнать что-нибудь о нем. Эта неизвестность хуже самой ужасной действительности.

21/01

На дворе мороз. Пленные в нашем сквере катают у немцев бочки с бензином... Грязные, еле одетые, голодные... Население, чем может, кормит, если немцы разрешают. Но ведь это капля в море... А мимо идут сытые богомолки в храмы... Когда же конец этой дикой войне? Кому и зачем она нужна? Нет сил смотреть на человеческие страдания. Кругом люди гибнут, как мухи... Куда девался «человек», как высшее существо... Нет его. Есть скот, хуже скота, гонимый, избиваемый, безответный... А Борис ведь с норовом. Не будет он выносить всего этого... И жутко думать.

Во сне видела Бориса. Будто пришел домой из плена и на нем 14 ран. Доктор мазал ему эти раны йодом, а потом он надел какую-то куртку, короткие брюки, а на голову я ему дала какой-то белый платок и сказала, что Шура забрала все вещи... И еще что-то снилось, мама моя снилась... Я не суеверна, рада, что увидела Бориса, но сон какой-то тяжелый... И так дорог и жалок он мне был, что проснулась с сильным сердцебиением. Казалось, кровать прыгает подо... Опять

\* «A la guerre, comme a la guerre» (франц.) – «На войне, как на войне».



тоска, опять мучения и молча все это нужно переносить. Володя и слушать не хочет о моих переживаниях. Страдаю и молчу. Никак не могу направить мысли на что-нибудь другое. Когда же, дорогой мой мальчик, я хоть что-нибудь мной узнаю о тебе? Когда же конец этой ужасной войны?!

23/01

Была Инна, мой любимый, молодой друг. Только с ней могу говорить и много говорю обо всем, что меня мучает. Хорошая, родная, чуткая душа. Часто она ко мне заходит и мы долго беседуем. Хочу начать с ней заниматься немецким языком и обязательно буду учить играть. После ее визитов чувствую себя бодрее и надежды на хорошее опять пробуждаются в сердце. Борис вернется и опять в доме начнется жизнь. А может быть он получил письмо и поедет искать Шуру. Но ведь это абсурд.

Во-первых, уже прошло 7 месяцев от начала войны и, чтобы добраться до Урала, нужно было все 7 месяцев быть в походе. А разве это возможно?! Если так, то погиб. Но я не хочу и думать об этом. А если в плену? Неужели терпит все эти мучения, которые мне здесь приходится видеть каждый день? Нет, он не из таких. Когда же я что-нибудь узнаю?!

24/01

Опять после тяжелой ночи день наступил со всем его ужасом. Давно я не выходила из дому, но пришлось добывать денег, и вышла на базар. Первое, что увидела – это несчастные пленные катали в сквере бочки с бензином. Некоторые, обессилев, лежали прямо на снегу, вернее замерзали, тк.кк. мороз градусов 20. Дальше шла еврейка с двумя детьми малыми, одного несла на руках, другой плакал и тянулся за юбку. Одеты плохо, ноги замотаны тряпками...

Так она на меня посмотрела. Взгляд тот же, что у пленных, как будто говорил: «помогите, спасите...» А дальше четыре еврея несли на носилках мертвого еврея. За ними шли два румынских солдата. Один с глупой миной объяснял на своем языке что-то... Чтобы яснее было он снял винтовку с плеча, прицелился, показал, что убил еврея и несут его закапывать... Вчера, говорят, двое пленных убежало... Их моментально переодели, накормили и ушли они, куда глаза глядят...

Говорят, что в нашем сквере уже зарыто несколько евреев, убитых на работе немцами... Все пережитое летом, все те дни со всем ужасом, баррикадами, бомбардировкой, пальбой из батарей, с отблеском пожара на темных улицах – все это бледнеет перед настоящим.

25/01

Наварила супу и мамалыги и понесла пленным на завод, где они стоят. Тяжело мне туда ходить, слышать и видеть все это горе, а тут еще на обратном пути зрелище: двое пленных везут тачку, а на тачке лежат еще двое, прикрытых шинелью, мертвых, ноги болтаются... Сзади двое румын –



стража. Очевидно хоронить, вернее, закапывать... И так каждый раз наткнешься на что-нибудь. Опять закроюсь дома и никуда не пойду.

26/01

Сижу дома. Наварю чего-нибудь поесть, и потом ничего не делаю. Мыслей много. Вспоминается многое, что давно прошло... Все умерло... Нет жизни. Где Борик? Где мои сестры – Оля, Каллиона. У Оли, наверно, мобилизовали и Вику и мужа, у Каллиочки тоже и Ваню и мужа... А где Ирина? Умер ли папа или живет старик? Неужели мы разошлись навсегда и судьба никогда не соберет нас?! А может быть эта жестокая война уже и унесла кое-кого!?

Где Вова Настенькин? Бедная она, тоже мучается. Одна она здесь осталась из своих, да и ее не приходится видеть. Пешком идти далеко, а трамвай – дорого, да и денег нет. Сижу, топлю железную печку, кот Васька около меня и думаю, все думаю... Володя предсказывает, что попаду в сумасшедший дом от своих мыслей... Но, кажется, еще пока «в здравом уме и твердой памяти», но со слабой волей.

26/01 (5 часов вечера)

Только что ушли румынские солдаты. Топот их ног по лестнице и дикий стук в двери, точно сломать хотят, всегда терроризируют меня. Сегодня набралась мужества, открыла дверь через цепь и не впустила. Потребовала удостоверение на обыск, они не дали, я захлопнула двери и не впустила. Они продолжали ломиться в двери (их было человек 6), но я и это выдержала и они ушли. А обыкновенно входят в квартиру, забирают, что им понравится, и уходят, как победители с «трофеями». Пока они ходят по квартире, у меня сердце так бьется, что чуть не выскочит. Я их просто боюсь, так как почти всегда одна, особенно после того, как один солдат вынул из патронташа пулю, зарядил оружие и хотел выстрелить в меня за то, что я стала протестовать. Вообще, кругом ужас.

Вчера была Настенька, погоревали вместе, порассказали друг другу много тяжелого и разошлись. Она тоже, бедная, живет впроголодь и еле ноги волочит. А работать нужно. Когда же, наконец, дадут нам какие-нибудь деньги?! Уже нет сил. И только, когда увидишь общее горе то миришься со всем.

27/01

Вчера Володя пошел по воду, которую приходится тащить с водопровода, и чуть в тюрьму не попал. Еле ушел. Румынские солдаты проверяли паспорта и тех, у кого не было печати полиции, задерживали и отправляли в тюрьму. Но еще полгорода не имеет печати, и мы в том числе. Где же распорядительность? Опять страх. Побывать в тюрьме, которой не знал в течение всей прожитой жизни и за что? «Нуй штамп» и никаких разговоров, за шиворот, толчок в спину, еще «айда» и ступай. Что за жизнь! После этого Володя пошел в полицию и с большими трудностями поставил печати на паспорта.



Теперь мы уже легальные жители пока и можем свободнее ходить по улицам. Завтра выйду на базар, может быть, что-нибудь продам, добуду хоть немного денег и чего-нибудь поесть.

28/01

Вчера целый день ходила по базару, пока продала какие-то свои вещи и купила немного муки и подсолнечного масла. Было очень скользко, так как мутивший всех мороз, доходивший до 20° и продолжавшийся больше месяца вчера резко сменился теплом, пошел дождь, и я еле ходила на своих больных ногах. В городе все тоже, с фронта нет вестей, да и газет мы не покупаем, тк. кк. дорого – 25 пфенингов. Сегодня начала заниматься с Инной по-немецки. Хочу заставить себя встряхнуться и начать работать. Трудно мне теперь это сделать. Но попробую. Сейчас половина четвертого. Волнуюсь. Володя опоздал уже на целый час с работы. И мне всегда страшно и жутко, когда его нет вовремя. Чтобы избавиться от посещения незваных гостей – румынских солдат, повесила на дверях записку «буду дома в три часа», с расчетом, что в ½ 3-го часа приходит Володя, и тогда я не одна. А уже скоро 4 ч., а его нет. Не понимаю, что это значит и все больше волнуюсь. Борик смотрит на меня (фотография висит всегда напротив) и еще грустнее становится. Где ты, мой милый, дорогой, мальчик, дитя мое родное? Что с тобой? Хоть бы весточку откуда-нибудь. Увижу ли я тебя когда-нибудь или не доживу до этого счастливого момента. Хочу верить, что ты жив, что будешь дома, что вражеская пуля не тронет тебя. Скорее бы конец этой войне! Как тяжело все это горе! А Володи все нет...

03/02

Лежу больна. С утра позанималась с Инной и сейчас лежу. Вчера начала заниматься еще с одной девочкой. Плата мизерная, да и когда я ее получу. А пока сидим даже без хлеба. Дают 3 дня по 300 грамм пшена, 2 дня по 200 гр. хлеба и, конечно, жизнь впроголодь. Сейчас нечем заплатить за квартиру. При всей моей изворотливости ничего выдумать не могу. Не знаю, что делать. А Володя привык, что я всегда «выкручиваю» эту тяжелую жизнь и сердится, что нет выхода. Эх, если бы Борик был сейчас! Сегодня Мирчик помог Володе привезти с водопровода воду. Пришел Володя и задумался: «Нет у нас сына, да и вообще не на кого нам рассчитывать. Впереди тяжелая старость, работа, которая ничего не дает... Что же будет?! Болит голова и опять ложусь. Мыслей много, но они не вяжутся. Борик, вернись к нам... Жду и надеюсь.

05/02

Опять идти за справкой о нетрудоспособности, тк. кк. уже рассылают повестки на трудовую повинность. Это уже 3-я справка. Ни минуты покоя... Что это за жизнь? Хочется многое сказать... Борик снился мне эту ночь. Где ты, мой родной мальчик. Когда же я, наконец, что-нибудь узнаю. Неужели за столько времени, ведь уже почти 7 месяцев, как ни весточки...



Столько людей пришло из плена и с фронта, а тебя все нет... Некоторые принесли письма для родных, а ты не мог никак передать. Или нет тебя уже, погиб и как погиб... Боже мой, как тяжело... Плачу... Сохрани тебя Господь. Нет ни слов, ни сил... Что-то еще с нами будет? Что принесет весна... С фронта нерадостные вести... Скорее бы конец этой дикой войне!

08/02

Сегодня мне сказали рабочие водопровода, что на Пересыпи, где они работают на устройстве дамбы, которая была разрушена большевиками, что у них висит объявление: «За первое опоздание – публичные розги, за второе – Ревтрибунал». Туда на работу посланы и жители города, отбывающие трудовую повинность, т.е. люди от 16 до 60 лет. Что можно сказать?! Как пережить?!

11/02

Опять румыны посетили нас, т.е. наш дом и мою квартиру. Все ищут «жидан». Сколько можно?! Опять переволновалась и больна. А работать надо. Есть 3 урока. Володя ни копейки не получает. Нужно хоть как-нибудь существовать. Железнодорожники говорили, что в эти сильные морозы евреев посадили в поезд и заморозили в запломбированных вагонах. Что можно сказать?!

13/02

После больше чем полторамесячных сильных морозов наступила оттепель. На улице течет и у меня в квартире потоп. Крыша вся в дырах от осколков снарядов. Никому до этого дела нет. Пусть хоть все валится. На базаре видела такую сценку: женщина купила у крестьянки курицу за 5 марок. Немец-военный это увидел и дал и одной и другой по физиономии так, что синяки стали под глазами. Дело в том, что нужно установить твердые цены на базарах. Но разве это метод?!

14/02

Приближается весна и растут глупые, ни на чем не основанные слухи. Каждый день что-нибудь новое, но я ничему не верю. Одного хочу – конца этой войне и возвращения Бориса. Сегодня зашла Тамара, Шурина подруга по институту, много говорили и она, между прочим, говорит: «Что? Шура будет ждать Бориса? Если только подвернется парень – выйдет замуж, если, не помрет где-нибудь». А Борис, наверно, не так рассуждает.

15/02

Вот уже несколько дней занимаюсь с Новеллой по-немецки и занимаюсь с удовольствием, как будто она приносит с собой «частицу Бориса», как родственника Шуры. Новелла тоже хорошо ко мне относится и делает большие успехи.

16/02

В городе много слухов. Немцы готовятся к весне, т.е. к войне. Говорят, Одесса опять может очутиться в районе военных действий. Жутко! А где-



то мой бедный Борик?! Страдает ли, мучается ли в плену или давно погиб... А я все жду... Иногда, нам когда-то покажутся знакомые дорогие шаги на лестнице и я вся замру... Нет... ошиблась. А часто думаю, как он придет, как встречу, обласкаю, окружу прежними заботами, дам ему здоровую жизнь...

Часто с Инной говорим о нем и вместе ждем с моей дорогой девочкой. Я все болею. Нервы напряжены все время. Все время чувствую свое положение пленной, рабы и всегда жду чего-то скверного: то обыска, то реквизиции, то бесконечные облавы, трудовая повинность, а то и просто воровство, пуля подстерегает тебя на каждом перекрестке. А ведь я педагог, старуха, за спиной 45 лет работы, разбитая, больная, но все же еще нужна моим детям – ученикам и, прежде всего, должна жить и поберечь себя для моего родного мальчика. А вдруг ранен, калека?! Кому же, как ни матери позаботиться о нем?! Когда же конец этим мученьям, этим бесконечным мыслям, бессонным ночам, голоду, холоду и многому, многому тяжелому, что приходится видеть и переживать?! Неужели не доживу? Хочу дожить, Хочу увидеть Бориса. Хочу ему помочь, облегчить его переживания... Слезы катятся ручьем, не могу писать.

18/02

Сегодня одна женщина рассказывала: попала она в полицию или префектуру. Посчитали за еврейку, несмотря на чистый украинский тип и разговор и посадили. Продержали двое суток, но за это время многое ей пришлось увидеть. Рассказала, как ночью к ним вошли румыны, поискали со спичкой, кто помоложе и увели, а кто сопротивлялся того перетягивали, как она выразилась «бычачьим хвостом»... Ее выпустили, тк.кк. о ней хлопотали. Что же это такое?!

20/02

Иду сегодня на базар через наш сквер. На дороге стоит пленный, перед ним постлана какая-то тряпка и на эту тряпку он собирает милостыню для пленных: кто хлеб, кто сало, кто картошку. Подошла и я. Оказался белорус и хорошо говорит по-русски. Я попробовала с ним поговорить, но он сказал, что разговаривать им запрещают, и попросил отойти. В это время подошел немецкий конвойный солдат и я с ним немного поговорила. Сказала ему, чтоб они не били пленных, что они такие же люди, как и все, что они несчастные, что у меня тоже сын... «Lebf or poch?!»<sup>\*</sup> только сказал немец... И у меня сердце сжалось от этих трех слов... «Жив ли он еще?..» – сказал немец. Я больше не могла говорить и отошла. И сейчас все время меня преследует эта его фраза. И до безумия тяжело думать, что Бориса моего родного, дорогого сына нет уже в живых...

25/02

Сильно поссорилась с Володей. Денег нет, почти голодаем и он не может с этим смириться. А я могу. Я вижу все ужасы настоящей жизни, все, что вокруг делается и не ропщу, и не сержусь.

\* «Lebf or poch?!» (немецкий) – «Жив ли он еще».



«Посмотри вокруг, сколько дикого, страшного, подумай, сколько переживают люди, посмотри на несчастных пленных, на гонимых евреев, вдумайся во все и твоя жизнь не покажется тебе такой ужасной... Я считаю, что возможность спать в своей постели, есть хотя бы мамалыгу каждый день, быть чистым, тепло одетым – это уже хорошо и если бы не переживания за чужое горе я бы не считала себя несчастной».

На все это Володя грубо ответил: «Никаких переживаний я не признаю. Сейчас у меня только переживания желудка» – крикнул он. Я возмутилась и пошло... Он так кричал, что и я не выдержала и тоже наговорила ему дерзостей. Какой он жесткий, черствый человек!

После ссоры Володя сказал, что не будет носить воду с водопровода, чтоб я обходилась, как хочу. Пришлось идти самой... Галоши и обувь рваная, дорога скользкая, ноги промокли насквозь... Но все это пустяки. По дороге работали пленные, таскали носилки с мусором... Я остановилась с ведрами отдохнуть. А они так смотрели грустно на меня... Их глаза просили кушать, но у меня ничего с собой не было... И опять тяжело стало... А тут же рядом двое каких-то парней с двумя девочками громко хохотали, о чем-то весело разговаривая... И все это тут же напротив пленных голодных... Как они могли смеяться... Один этот контраст бы мог действовать на этих несчастных. Мы хотя и мучаемся, но ведь на воле, ходим, спим, как хотим. А над ними все время стража, немец с нагайкой, или румын с винтовкой... И тяжелый голод и холод...

28/02

Говорят, что где-то в городе убили румынского офицера и солдата и должны убить за них жителей – 200 за офицера и 100 за солдата. Многих уже забрали в этом районе. Что же это такое?!

05/03

Весна идет, а на душе глубокая осень, хуже еще... Мрачно, как в могиле... Каждый день приносит тяжелые вести... На каждом шагу сталкиваешься со всеми ужасами плена. Вчера в сквере убили молодого парня лет 20... Говорят из-за паспорта. Теперь торгуют паспортами, продают русские паспорта евреям и из-за этого уже было много жертв. В эту ночь в центре города вырезали целую семью... И это уже не первый случай. Смерть и издевательство подстерегают тебя на каждом шагу. Я совершенно не выхожу. Изредка только на базар продать что-нибудь и купить. В городе строят баррикады, пулеметные гнезда. Что все это значит? Все чего-то ждут... Боюсь весны, когда обещают разгореться военные действия... За себя страшно постольку, поскольку я нужна буду еще Борису... Ах, если бы я знала, что с ним, легче было бы умирать... Хоть бы мир скорее. Нельзя ни о чем, ни говорить, ни слушать и живем в совершенном неведении. В газетах краткие сводки, у «шептунов» скверные сказки... А хочется правды и конца этой бойне...





06/03

Веру Любомировну приняли за еврейку и вызвали в полицию. Несмотря на наличие всех документов о происхождении, о том, что она и крещенная, и православная, долго ей пришлось убеждать румына, у которого внушительно тут же на столе в префектуре лежала нагайка. В конце концов, дело разъяснилось. И В.Л. получила паспорт.

/Отсутствуют две страницы – Л.М./

/.../ Это значит упасть где-нибудь и так кончить жизнь. Да что же это такое?! Есть же столько молодых женщин, столько безработных мужчин, зачем же таких старух тащить... Или это плен, рабство?!.. А у румын их женщины совсем не работают, они только знают семью и хозяйство, как румыны сами говорят...

Ничего не понимаю... От чего же и от кого нас освободили?! Нельзя «свободно» жить – каждую минуту жди гостей (обысков, реквизиций) нельзя «свободно» мыслить – ни к чему не приведет, нельзя «свободно» говорить – военно-полевой суд, нельзя «свободно» работать, потому-что тебя оторвут от твоей любимой работы, от специальности и заставят камни таскать... Горе, большое горе, неслыханное горе пришло со всех сторон... Пришла ученица... Долой все мысли... Нужно встряхнуться, закрыть на все глаза и зарабатывать голодный кусок хлеба или даже «мамалыги».

08/03

Иногда изредка за работой забываешься. А когда нет работы (сегодня воскресенье) или ночью все мысли, черные мысли и глубокое тяжелое горе... Горе личное, горе общее... Опять морозы, опять эти несчастные пленные полураздетые голодные должны работать на морозе... Каждый день их гонят мимо наших окон. Говорят, есть приказы Гитлера и Антонеску не бить пленных... Я думаю, что если бы эти вожди знали обо всем, обо всех издевательствах, о полнейшем безвластии, или вернее самоуправстве каждого солдата, то этого бы не было. А Борик, бедный Борик... Неужели и тебя также мучают... Не может быть. Я тебя знаю. И скорее ты погубишь от пули какого-нибудь начальства, чем безропотно будешь переносить все эти мучения... Хочу знать, где ты, что с тобой. Твои глаза, разумные глаза смотрят на меня со стены... Иногда мне кажется, что ты не можешь погибнуть, не должен погибнуть. А иногда рисуются такие ужасные картины твоей гибели... Не могу даже писать об этом... Скорее бы конец этим мучениям, конец войне...

09/03

Сегодня на базаре пришлось увидеть такую картину: в кузнице заковали 5 человек в кандалы. Собралось много народу, так как это делалось на улице около кузницы. Говорят, что за убийство человека. Точно не знаю за что.



11/03

Приятель моего соседа шофер, работая с машиной на дамбе, провалился сквозь тонкий слой льда и вывалился нагруженный камень. За это получил, как сказал сосед, «20 шомполов» и набили по морде».

13/03

Поссорилась с Володей. Я так измучена, так устала, еле ноги волочу и сегодня у меня вырвалось «не могу больше»... и на это был ответ Володи: «Что значит «не могу». Весь мир горит, мучается, а ты /окончание предложения отсутствует – Л.М./.

/Отсутствуют четыре страницы – Л.М./

/.../для войск. Опять заботы. Где найти квартиру хотя бы 2 комнаты. А теперь все построено на взяточничестве. Без денег ничего не сделаешь. А денег нет. Как выйти из положения? Что делать? И днем, и ночью все мысли и мысли без конца. И болезнь гнетет. Совсем не могу ходить. Болит спина, живот, еле двигаюсь, а ходить надо. Володя даже хлеба не может купить. Некому обо мне подумать. Ах, если бы я могла хоть полежать несколько дней, может быть легче бы стало. А нельзя. Заботы о еде, ученики, не имею права болеть. Когда умру – тогда только и будет отдых. Вот как приходится кончать жизнь. Зачем я ропису?! А бедные бойцы, а пленные... Нет, не нужно говорить, что плохо.

Только бы здоровье, и я все сносила бы терпеливо. Господи, как хочу быть здоровой... Неужели уже не справлюсь?! А лечиться, как всегда, некогда, да и думать нельзя. Володя привык, что я «отбуду» все занятия и моментально в постель с грелкой, как будто так и должно быть. Когда-то хоть Борис и сварит больной маме и поможет... А теперь некому. Одна, совсем одна... Ни горя разделить, ни помощи никакой. Тяжело!

01/04

Ночью выпал снег и все покрыл белой пеленой. Когда же конец зиме? Эти холода еще более действуют на душевное состояние. Мысли, мысли без конца. Больна все еще. Работать тяжело. Много думаю о Борике. Будь здоров, мой родной мальчик.

/Отсутствует 10 страниц – Л.М./

/.../ Никакого ухода, никакого питания, голодают, руки и ноги отгнивают и никому дела нет. Шура им понесет сегодня жир и еду. Жутко. Многого можно сказать...

15/05

Сколько тяжело пришлось и приходится переживать из-за своего мужа. Опять и опять и без конца тяжелые сцены. Грубость, ругательства, ни капли уважения, уже не говорю о признательности за то, что всю жизнь мучаюсь, работаю, как вол, пока не падаю. Сейчас уже третий день в перерыв между уроками, базаром, варкой обедов и т.п. стираю. И не знаю, когда за-



кончу... А он только кричит. Жалеет кусок хлеба... А я так не могу, поделюсь всегда. Сегодня и «дурой» уже в сотый раз обозвал, и сказал «барыня большая» с иронией и «по мамушке» послал...

Так грубо, отвратительно. Да еще и Бориса бандитом обозвал... А может быть он мучается где-нибудь, ранен, или даже нет его уже, а он, как и раньше, ни слова ласкового о нем... А если случайно скажет, то это только рисовка. Мне все это больно, я столько переживаю, а ему нет дела до моей души... Больна ли я – нет участия. Так и живу сама с собой и молчу. Слов нет, чтоб помочь этому горю, а потому молчу и тяну эту несчастную жизнь.

17/05

Настенька переезжала на новую квартиру и я ей помогала. Редко я ее теперь вижу. Трамвая нет и денег нет, а ходить тяжело... Пришла домой усталая, измученная, опять Володя устроил скандал из-за того, что я смела ей помочь, что запоздала домой. Кричал, шумел, швырял, стучал кулаком об стол, ругался... Ну и жизнь! И денег – ни пфенинга. Как жить? Думы о насущном хлебе такие тяжелые. А жить нужно, кушать нужно хоть как-нибудь и мне все это приходится «выкручивать». А Володя все на меня взвалил, да еще говорит, что я «обязана» работать до потери сознания. Ну и муж! Но жизнь кончается и нужно тянуть и терпеть.

18/05

Наконец пришла весна. Деревья и трава зазеленели, тепло, мошки и букашки появились, как каждую весну. Наши сквер тоже оживает. Но не резвятся в нем детишки, не гуляют парочки... Полсквера оцеплено колючей проволокой, за которой тысячи бочек с бензином, над которыми работают грязные, изможденные пленные, протягивают руки каждому проходящему, прося кусочек хлеба. А вокруг ходят немецкие часовые в касках... Часто пролетают немецкие самолеты... Тут же продают бублики, тк. кк. многие проходящие покупают их и дают пленным. В остальной части сквера еще зияют щели бомбоубежища, которые мы рыли прошлой весной\*. Но крыши и балки растащили на топливо, а в ямах устроили свалки мусора, и кое-где торчат ноги плохо засыпанных замерзших еврейских трупов.

Скоро все начнет разлагаться и никому нет до этого дела. Какой ужас наделала эта война! И когда же конец? Живем, как в лесу, в полном неведении, где и что делается. Главное внимание обращено на открытие церквей, и вместе с тем всяких кафе и закусовых, из которых жены вытаскивают своих пьяных мужей... Много можно сказать...

20/05

Была сегодня в городе. Улицы пустынные, кругом разрушения... Все говорит о том, что пережито и что переживается еще во многих местах на

\* Здесь неточность. Траншеи-щели в городе начали рыть летом 1941 года.



фронте. Больно за родину, больно за родной город... По улицам все встречаешь румынских и немецких военных... Когда же конец и действительно «освобожденная Россия» заживет своей жизнью?!

21/05

Опять с новой силой воскресли все ужасы войны. Радио и газеты много говорят о прорыве немцами Керченского фронта, об окружении большевиков, о гибели десятков тысяч людей... Опять и опять смерть... Где и когда найдет или нашла она Бориса... «Если смерти то мгновенной, если раны небольшой...». Но только не калека – без рук или слепой, сумасшедший... Какие ужасные картины рисует воображение... Нет слов, чтобы выразить, что переживается... Но я все еще надеюсь, что Борик вернется... И жду конца этой войны и боюсь его...

23/05

Сижу в столовой. Кругом цветы, масса цветов: сирень, тюльпаны, ирисы... Запах наполняет комнату... Сегодня целый день занималась, и каждый ученик принес цветы, целые «снопы» цветов, каждый хотел как будто облегчить мое тяжелое состояние... Пятилетняя Эльзочка сказала: «Мама нарвала для вас в нашем саду, завтра троица и вам будет приятно...». Ольга тоже добавила, что это и она для меня рвала... Шура говорит: «пусть эти цветы будут вам залогом того, что Борик вернется...». Котик молча дал мне букет... Валя весело и радостно пожелала веселых праздников... Я плачу... Напротив со стены смотрит портрет Бориса и как будто улыбается... «Смеется над смертью» – мелькает у меня в голове... В углу горит лампадка...

За здоровье Борика... Господи, спаси и сохрани его среди всего этого ужаса войны. Как мне тяжело... Нет слов. Завтра праздник Троицын день... А Володи нет с работы... Вероятно в очереди за жалованьем... Уже несколько дней без хлеба сидим... Стучит... Пришел Володя... Жалованье не принес... Но мне все равно: на фронте хуже... А Борису тоже может быть хуже... Нужно терпеть... Хлеба пайкового не дали... даже несчастных 200 грамм... и не дали, принес «шабашку» румынского чиновника (так Володя теперь называется) – щепки в пакете – разбил в конторе какой-то ящик и принес, тк. кк. дома ни куска щепки...

27/05

Все тоже. На праздники была у Настеньки. Вместе погоревали. Она в новой квартире. Убирали комнату. Принесла ей цветов, чтобы освежить эту тяжелую жизнь. А сейчас опять работа, чтобы влачить жалкое существование. Но все же хочу дождаться Бориса. Неужели не вернется? Ужас...

Сегодня он грустно смотрит на меня с портрета... Тяжело ему бедному, если жив... Когда же конец войне, конец ненависти. Кругом и во всем – потем-

\* «Если смерти то мгновенной, если раны небольшой...» – Михаил Исаковский, «Прощание», 1935 г.



ки... Ничего не знаем. Много слухов, но о них не пишу. Сейчас придет Эльзочка, буду заниматься.

03/06 – 11 ч. утра

Утром была одна ученица. Сейчас вернулась с базара, совсем больна, не могу разогнуть спины, легла на полчаса и мысли, мысли, тяжелые мысли. Над головой свистят снаряды, где-то стреляют из тяжелых орудий... Куда и почему?! Ничего не знаем. За всякие разговоры по подобным вопросам – расстрел. Молчим и изредка шепчем друг другу кое-что. Вчера Шура Ч. сказала, что красные самолеты бомбили Николаев... Приехал оттуда немец, который был свидетелем этому... Правда ли? До Одессы недалеко, но мы ничего не знаем. По газетам бои под Херсоном окончились полным разгромом советских войск. Где же Борик? Где ищет свой конец, или уже нашел?! Большое сильное горе и нет для него слов...

05/06

Ночью опять снился Борик. Пел какую-то арию, которая начиналась словами: «Ужасный день...», будто готовился к какому-то выступлению. Так ясно я его видела... Перешиваю ему старый, черный, рваный пиджак на всякий случай; если вернется ведь одеться не во что. Шура забрала все его вещи, ботинки... Зачем? Но только бы вернулся. А там будет видно... Жду тебя, дорогой мой; чувствуешь ли ты, как страдает твоя «мамка», «мамочка»... Назовешь ли ты меня еще этим дорогим словом?! Но тебе сейчас не до меня. «В дыму, в огне, в пороховом тумане», под самолетами, перед огненной стеной... Вернешься ли?!

06/06

Рядом с нами был Весовой завод. Слышу шум на улице, гул моторов, румынские резкие голоса. Подхожу к балкону. Вижу: машины въехали в завод и грузят машины, оставшиеся на заводе. Почему же «трофейная комиссия» забирает все, где только можно и вывозят в Румынию? Ведь говорят, что мы теперь тоже Румыния, что Одесса «была, есть и будет румынской»... Как же можно у «своих» забирать? Не понимаю. Правда на днях прочла в газете, где Антонеску в интервью сказал: «Румыния не имеет собственного мнения в Европейском конфликте, а имеет только жертвы»... Что все это значит? Как понять? Бои под Харьковом и Керчью, где были сосредоточены лучшие красные армии, кончились полной победой немцев. Погибло много солдат... Где же Борик? Много можно обо всем сказать, но молчу...

10/06

К моменту: с некоторого времени стали по улицам пропадать маленькие дети. Распространился слух, что есть какая-то шайка бандитов, которые крадут детей, убивают и делают колбасу и мыло. Сегодня приходят ученики и все сообщают: этих бандитов поймали, их 50 человек и сегодня всех пове-



сят на Соборной площади. Уж вечер. Никого не вешали. Все, конечно, ерунда. Но как характерно это для времени. Не могу распространяться...

12/06

Не слухи, а факт, характеризующий настроение населения. «Толкучку» или «барахолку» перенесли на конец города, на Конный базарчик. Вчера очевидцы рассказали: во время разгара торговли, когда народ массаами толпился на этой толкучке, вдруг пронесся слух: «Красные» высадили десант, сейчас будут пускать газы. В то же время какие-то озорники в масках появились на толкучке. Началась паника. Все бежали, куда глаза глядят, бросив и вещи, и всякий скарб. Даже военные румыны стали улепетывать, едва переводя дух!

Оказалось, что банда воров устроила переполох, воспользовалась этим и хорошо ограбила несчастных людей, вынесших свои вещи. Как определить настроение массы, которая так доверчиво отнеслась к слуху о высадке красного десанта?!

14/06

Воскресенье. День отдыха... С утра пошла на базар, потом занималась с учениками, тк. кк. нужно подгонять к экзаменам, сварила кое-чего поесть. Сейчас лежу и мысли, вечные мысли роятся в голове. Я жду... Жду тебя, мой родной мальчик... Каждый день в свободные минуты берусь за иголку, перешиваю этот старенький, рваный детский пиджак, первый твой пиджак и многое пережитое проходит передо мной. Я жду... и это успокаивает и облегчает меня... У меня нет слов... Напротив вижу через открытый балкон в окне мальчика Юру... Он был еще мальчиком, когда Борис был здесь. Сейчас уже работает на заводе... Мать его сегодня говорит мне: «Как я любила игру вашего сына, а теперь как-то грустно у нас в переулке...» И опять с новой силой всплывает все прошлое, все радости, все горе... И нет слов. Скорей бы конец этой неизвестности! Через несколько дней годовщина начала войны – 22 июня. Середина лета, а конца войне не видно. Неужели опять затянется на зиму?! И если ты жив, Борис, то как тяжело тебе, как измучился, устал, как часто вспоминаешь родной кров, родной город, который ты так любил... А если погиб, то как, где, мучился ли в последние минуты где-нибудь в поле, не подобранный санитарями или сразу кончил свою буйную жизнь... Нет, не может быть. Ты жив, ты должен быть жив. Если кто-то выходит живым из этого ада войны, то ты не погибнешь... Я хочу верить и жду...

15/06

Лето вступило в свои права. Жара нестерпимая. Народ на улицах. Но как его мало после... после гибели евреев. Много пустых квартир в городе... Имущество евреев частью разграбили, частью сейчас учитывают для губернаторства... Как мы счастливы, что нет у нас ни одной чужой нитки... Голодно, но относительно спокойно. А жизнь страшна. Что впереди? Жутко...



Мечтаю все о лучшем... Борис вернется и успокоится здесь и нас успокоит, свою дорогую мамочку. Опять плачу... Боже мой, когда же, наконец, все узнаю?

16/06

Ужасный сон! Кошмар какой-то. Снится, будто у меня родился ребенок, хороший, пухлый такой. Я его завертываю бережно в какое-то красное одеяльце, а он все выползает и превращается в скелет... Ясно вижу кости черепа, челюсти... Тут же дядя говорит: «ты ему пеленку подстели, он поправиться». Я спешу подстелить пеленку и действительно ребенок опять покрывается телом, пухнет, но губы опять начинают чернеть... Он берет какое-то маленькое страусовое перо и говорит мне: «мамочка это тебе на вечную память до самой твоей смерти...». Я кричу... Володя будит. Что за сон?! Я не верю снам, но мне очень, очень тяжело...

17/06

«Пленных гонят»... – каждый день слышу эту фразу утром и вечером... «Гонят»... точно скот... И действительно. Один раз я попробовала наблюдать их лица. Большинство их ничего не выражает; медленно передвигая ноги движется масса людей. Некоторые поднимают головы и тогда видишь мольбу, горе, тяжесть какую-то... Кто-нибудь из жителей бросит кусок хлеба или монету... Они жадно ловят, а немцы бьют... Я всегда слышу топот их ног, но стараюсь не смотреть... Слишком тяжело. И все один вопрос: когда же конец, когда все эти люди вернутся в свои семьи, узнают заботы и ласку близких, матерей, жен, детей... Какой ужас! Не умереть, не погибнуть на фронте, а медленно умирать в плену...

18/06

Хотела забыться... Видела Никитина и вместо покоя сейчас еще не могу успокоиться. Так долго просто рыдала, как никогда и слезы еще катятся, я не могу даже подумать, что Бориса нет уже, что не вернется он... Володя ушел и я отдалась вполне своему горю. Нет силы. Ни думать, ни писать не могу... Сны кошмарные... Горе бесконечное и никто не поймет. Борик, сыночек родной, что с тобой – храни тебя Бог... Услышь мои мольбы, Боже, жалься... Я не могу...

22/06

Год, как началась война... Что говорить? Никакими словами нельзя сказать все, что пережилось и переживается в связи с общими и личными событиями. Вчера газеты сообщают, что в Севастополе уже все форты взяты, что происходят уличные бои, что пещеры, в которых укрывались красноармейцы засыпаются взрывами бомб, сбрасываемых с самолетов... В Волховском направлении атаки большевиков продолжают... Кругом ужас, горы трупов, море крови... Большевики дерутся стойко и упорно... Даже немцы об этом говорят: «Здесь не Западная Европа, а русский стойкий, упорный народ...». Но сколько жизней! Зачем? За что эта борьба? Говорят «уничтожить жидовскую



опасность»... Почему же никто не в состоянии с нею бороться другими мерами?! Губить русских людей, немцев, румын и других из-за евреев... Да если они такие «гады» в самом деле, как можно из-за кучки губить миллионы... Или действительно все остальные нации слабее «еврея» и только уничтожением его могут избавиться от «еврейской опасности»?! Прочла книжку Урбану «Еврейская опасность». Много цитат из талмуда, но они меня ни в чем не убедили, разве только в том, что никому из наций не сравниться с их сплоченностью, с их уверенностью, что им, как народу древней крови принадлежит господство... А Гитлер тоже говорит, что «немцы народы высшей крови» и им принадлежит господство... Я ничего не понимаю. Зачем это господство, кому оно надо?! Человек – это мошка во вселенной и что ему надо... Работать бы и жить – вот запросы большинства, т.е. почти всех... Неужели вселенной не хватает для всех «иошек», что нужно было погубить половину их... И когда конец? И чем кончится?! Нет покоя и не на что надеяться... А жизнь горькая, тяжелая во всех отношениях... Нервы напряжены до крайности... А что с моим бедным Бориком? Если горе всех – мое горе, то мое личное тяжелее всех... Хочу надеяться и нет веры... Хочу дожидаться, а ум говорит другое. И нельзя так жить.

24/06

Жар и холод пробегает по телу, когда читаешь газетные сообщения. Ищешь правды, но в ужасах не сомневаешься. Ходишь, как манекен, работаешь, как манекен, вечно угрюмая, печальная со своими мыслями. «Блажен, кто верует...». А я хочу и не могу так, как многие... Нет у меня человека, которому я могла бы сказать все, никто не поймет... Чужой посочувствует, посоветует «крепиться», как сегодня Липинская... Не выношу этих жалких слов... А воображение рисует все ужасные картины. Разве я виновата, что не могу отрешиться от них? Неужели уже до смерти придется окаменеть и навсегда уже улыбки, радость, ушли от меня, ушли от моего дорогого мальчика, или и он ушел с ними, со своей жизнерадостностью, весельем мой разумный, талантливый сын?! А жизнь идет, во дворе лето, солнце ярко светит, вечера лунные, ночи звездные... И никому все это не приносит удовольствия, да и никому нет дела до природы... У меня по контрасту она вызывает только еще больше мыслей, еще больше горя. И вообще вся жизнь сейчас – пытка... Начинается она с пробуждением, когда услышишь, что ведут пленных на работу, видишь их усталые, голодные, изможденные лица, часто уже ничего не выражающие и кончаются вечером, когда спешишь пораньше часов в 8 завалиться в постель, чтобы избавиться от тяжелого голода...

26/06 (6 ½ часов утра)

Только что ушел Володя на работу (работают с 7 до 4 ½ ч., а если нужно, то и больше), взял с собой кусочек мамалыги и ушел на целый день. Жизнь кошмарная...

Я встала, сварила мамалыгу и опять легла, тк. кк. нет сил и совсем больна...





Прошли пленные... Кто-то дал немцу кусочек хлеба и он отдал одному из пленных. Каждый день я вижу в последнем ряду пленного, который страшно напоминает Бориса. Высокий, стройный брюнет, очень худой, но еще бодро ходит... Вот уже дня три он ходит в белой чистой рубашке, на ногах сапоги (тоже редкость)... Сегодня он попросился у немца и забежал на углу в закусочную, очевидно взял что-то поесть... Я видела его лицо... Худое, интеллигентное... Немец этот очевидно был добрый и разрешил выйти из строя, хотя и сам пошел за ним, чтоб этот пленный не удрал. А может быть у него и было это в мыслях? Как много можно сказать!

27/06

По приказу 13/ХІІ должна среди других старух явиться в отдел труда для отправки на работу в порядке трудовой повинности. Я, больная, без слабительного и грелки не ложусь, без клизмы не встаю, с больной спиной, совершенно седая старуха и на полевые или каменные работы... Имею справку о болезни, но это, говорят, не помогает. Неужели не стыдно будет послать меня и подобных мне, на работы?! Ведь это такое насилие... Что делать с учениками?

Да и что будет с Володей? Я ему хоть мамалыгу или бурду какую-нибудь сварю, хотя чего-нибудь поесть, когда измученный, еле приволочивший ноги, придет с работы... Он еле добирается домой и просто падает от голода... Ведь тоже старик, за 60 лет. А квартира? Воровство жуткое. Подо мной обокрали соседку, напротив были воры, воры кругом... Вернешься, если выдержит, и останешься без последнего пальто. Все эти мысли гнетут, ночи бессонные, и нет выхода. Мы – рабы у «освободителей». Я понимаю, что рабочие руки нужны, но ведь есть еще достаточно молодых, здоровых, а не таких развалин, как я /.../

/Отсутствуют две страницы – Л.М./

03/07

/.../ Шура получила от своего жениха-немца из-под Севастополя сразу 4 письма и просила меня помочь ей разобраться в готическом шрифте. Среди этих писем есть такая фраза: «продолжают ли румыны свои прежние действия, ведут ли они себя так же, как и раньше. Но подожди до конца войны и тогда все изменится!..» Что это значит?!

04/07

Сегодня выхожу на звонок. Неожиданно вижу двух румынских военных. Я оцепенела и очевидно столько ужаса было написано на моем лице, что один сравнительно мягко спросил: «естя квартал ля офицер». «Нет никакой квартиры», – ответила я и поспешила захлопнуть двери. Они против ожидания не поморщились в двери и ушли. Но сколько я пережила!

09/07

Сегодня город был встревожен залпами зениток. Знакомый звук! Давно не было слышно. Я выглянула с балкона, увидела дымки в воздухе и две точки



высоко в небе. Очевидно, стреляли по советским самолетам. К вечеру выяснилось, что это действительно были советские самолеты, но сдавшиеся в плен; они сигнализировали и приземлились на аэродроме, расположение которого прекрасно знали. Что все это значит?

10/07

Страшно расстроена, плакала и плачу: «пригнали» пленных моряков опять. «Гнали» румыны. Все эти пленные были закованы в кандалы, а рот закрыт железными щипцами. Все говорят, что морякам нет пощады и их всех уничтожат. Война XX века, а варварство средних веков! Где же культура? Ведь пленные же! Разве по своей воле они шли на фронт... Ведь недавно было сообщение в газете, что те пленные, которые вернулись к своим т.е. красным по приказу Сталина были расстреляны т.к. кк. был приказ: победить или умереть. Какой ужас вокруг! Где же ты, мой Борик, мой дорогой сын?! Думаю, что не в плену. А если воюешь, то разве можно уже больше года воевать?! Но все же хочу верить и жду тебя. Хоть бы скорее конец этим ужасам, этой войне?!

/Отсутствуют две страницы – Л.М./

13/07 (5 час вечера)

/.../ Только что очень переволновалась. Все искала я нитей, чтобы как-нибудь связаться с родными в Болгарии. Сегодня приходит Ира Васильевна и говорит, что один из ее знакомых жил с ними в их городе и сейчас вернулся и может мне кое-что рассказать о моих родных. Кажется, папа умер...

Это страшно меня взволновало. Умер старик далеко от своих детей, которых он особенно как-то любил... Заботился о них до глубокой старости. Слезы катятся и не могу их удержать...

Вечная память тебе, дорогой отец, отдавший каждую минуту своей жизни своей семье. Спи спокойно!

/Отсутствуют две страницы – Л.М./

/.../ наконец, понял всю тяжесть моих переживаний. Много забот и работы, и это меня немного успокаивает. В отдел труда на трудовинность просто не пошла. Говорят, что там такая бесполоковщина, что ничего не разберешь. Когда приилют повестку – буду объясняться.

25/07

Все тоже. На фронте развивается успешно немецкое наступление. Гибнут танки, самолеты, уничтожаются целые дивизии. Крым занят весь немцами, взят ими же Донецкий бассейн, Ростов, Новочеркасск и подходят к Царицыну. Бои в Северном Кавказе. События развертываются с головокружительной быстротой. Хоть бы скорее конец этой войне.

30/07

Каждый день газеты приносят известия о победах немцев. Танки русских гибнут сотнями... Где мой Борик? Когда, где и как погиб? Почему-то перестаю



верить, что он жив. Настроение ужасное. Сны кошмарные. Видела эту ночь его и Вову с платочками на головах, обнявшись. Оба высокие, здоровые, но головы обвязаны платками... Неужели не вернется... А если вернется, то, конечно, стариком. Зубы, вообще, у него были плохие. Все писала, чтобы их, но так и не успел... Волосы уже серебрились... Но только бы вернулся... Сколько забот я отдала бы опять тебе, Борик! Как когда-то маленькому, как всегда я опять бы дала тебе здоровья и жизнь. Хоть бы скорее кончилась эта неизвестность!

1/08

Жалкие рабы! Разве это жизнь в таком положении! Разве может быть жизнь в рабстве... в рабстве некультурных правителей... Это хуже, чем все несчастья жизни... До того дошло, что население боится румын, которые часто бьют по физиономии, ходят с нагайками... Я лично чувствую какую-то жуть, когда приходится с ними сталкиваться, хотя ни в чем не провинилась и должна была бы себя отлично чувствовать в «освобожденной стране». Володя еле ночи волочит. Вечное недоедание, хлеб видим редко и то по кусочку, мамалыга кончается... И мне жалко его, что не могу кормить. А и сама работаю с утра до ночи. Но ведь на фронте хуже... Что переживает Борик?! И нужно мириться и терпеть.

03/08 (утро, 7 часов)

Володя ушел на работу. Только что провели пленных тоже на работу. Я, по обыкновению, когда слышу их шаги, смотрю с балконной двери... Все такие же грязные, босые, оборванные и голодные... Но тот, что похож на Бориса, высокий, черный, худой с интеллигентным лицом сегодня шел с белой повязкой на фуражке. Это отличие бригадира. Очевидно его выделили среди пленных. Бригадирам все же легче в плену. Может быть и Борику тоже не так тяжело. Может быть работает где-нибудь в мастерских, как инженер-механик. Ведь он мастер на все руки и с его способностями не должен пропадать. «Кто хочет, тот добьется, кто ищет – тот всегда найдет...».\*

18/08

Отвратительно! Противно! Опять мой муженек выказал свое «нутро». Грубый, хамская натура. Кричал на весь переулочек, говорил грубости, сжимал кулаки, еще бы немножко, может быть побил... За что?! Пришла Настенька с работы. Я предложила ей с нами пообедать. Был постный суп и мамалыга, но супа бы хватило... Так он фыркнул, крикнул при Настеньке, что обедать не будет... Настенька поняла, что он пожалел тарелку супу, отказалась и ушла. Я тоже ничего не ела за целый день и так голодная ложусь спать. Мыслей много. Работала как вол. Нет времени взглянуть на небо...

\* «Кто хочет, тот добьется, кто ищет – тот всегда найдет...» – строчка песни «Веселый ветер» из к/ф «Дети капитана Гранта», 1936 г. Музыка Исаака Дунаевского, стихи Василия Лебедева-Кумача.



Уроки целые дни... И неужели я не имею права дать своей сестре тарелку супу, а только должна кормить его... И это не только теперь... Еще в первый год женитьбы он устроил мне скандал за то, что я пожарила два яйца своей матери, а ведь тогда было нам не так плохо... Родной Колюшка оставил после смерти мне хоть и небольшое, но состояние, да и я работаю всю свою жизнь... А потом всегда неприятности из-за того, что Бориса кормлю, что лишний кусок ему дам, что ужин ему оставляю, если запоздает. Возьмет, бывало, и спрячет и Борис голодный ложится спать... Сколько пришлось перетерпеть из-за этого отвратительного характера...

А сколько пришлось перенести от его матери, которая доходило до того, что швыряла в меня мисками, тарелками. Я, бывало, молчу, молчу, но если допечет, то так скажу, что не поздоровится. Сегодня же он орал, а я молчала... Только сказала: «Неужели я не имею права, работая в 5 раз больше тебя дать сестре тарелку супу?». «Не имеешь права, раз я не хочу. Кто я такой здесь? Ты должна делать так, как я хочу»... и дальше в этом роде. «Ненормальный или дурак» – подумала я. Решила, что «подлец» и только все это скрывается, пока какой-нибудь факт не выкажет настоящую его природу. Все хорошо только, пока я работаю и кормлю его. Как только подумаю о другом – скандал. А если бы он знал, сколько я пленный мамалыги наварила, наверно убил бы меня. Всегда все нужно скрывать. И обо всем молчать. Как тяжело, обидно! Он уже храпит. Вообще всегда быстро засыпает и хорошо спит. А меня измучили думы обо всем, бессонные ночи. И горе бесконечное, жизнь без просвета. Одна надежда – Борис вернется, вернется другой, пожалеет мою старость, приласкает мою седую голову, а я за это отдам ему остаток своей жизни. Я плачу, Борик... Мне очень тяжело.

23/08

Скоро у учеников экзамены. Работы много. Устаю. Ем плохо, сплю плохо, работаю с 7 ч. утра до 9 ч. вечера. Нет сил. Только надежда, что Борис вернется, поддержит меня.

24/08

Вчера целый день пробыла на даче у Шуриной подруги. Зашли за мной и заставили меня ехать с ними. Собралось там много молодежи, а мне было грустно, по обыкновению. Я ушла и целый день одна пролежала в саду. Возвращались домой целой компанией. Около церкви собралась громадная толпа... Оказалось – свадьба... Полюбопытствовали и все наши. Вошли в церковь. Люстры, ковры, хор, наряды... У входа много извозчиков... Богатое венчание со всеми церемониями... А я смотрела и сердце сжималось от боли, не могла удержаться от слез и тихонько плакала... Там где-то ужас, кровь, бойня, ад, а здесь – наряды, оживление, шик... Зачем?! Как можно в такое время устраивать такие зрелища, тем более, что у невесты отец тоже где-то воюет... или погиб... Правда, жених – темная личность наших переулков... Недавно



сидел в тюрьме по обвинению в сообщничестве с разбойниками и налетчиками... Но за «марки или марчи» теперь все можно сделать... Вышел из тюрьмы и на весь район на шумел своей женитьбой... Хор пел: «гряди, гряди, голубица...», а он живет у этой «голубицы» уже с полгода. На голове у нее померанцевый веноч, сзади спускается «фата» и волочится по земле... Как все пошло, тяжело, противно... А главное тяжело... Попам заплатили 200 марок... А сколько несчастных пленных умирает от голода... Мыслей много, но голова тяжелая и не могу всего выразить...

25/08

Занимаюсь сегодня с Нюсей. Вдруг в соседней комнате странный шорох... Заглянули. Это голубь влетел через балкон в комнату и ходит по комнате... Нюся закричала: «голубь – это вестник...» и начала его ласкать... Он, очевидно, был ручной... Мы его покормили, а он все не улетал... Потом посмотрел своими добрыми глазками, сел на балкон и еще собиравши крошки в ящичке, вспорхнул и улетел... Мне так стало приятно и хорошо, как будто в самом деле он принес мне весточку о том, что Борик жив, что горевать не надо... И я опять надеюсь и жду...

30/08

Опять Володя так обидел меня, обидел в самом дорогом святом для меня. Вопрос шел о том, что продать, чтобы хоть немного вздохнуть легче. «Продала бы твои брюки от визитки, да думаю, Борис вернется и у него ничего нет, Шура все забрала, придется твои отдать»... – сказала я совершенно спокойно. «Что?! Мои брюки «ему»?!» – сразу крикнул он. «Я тебе этого не разрешу; брюки мои и ты не имеешь ими права распоряжаться»... «Как тебе не стыдно, может быть вернется больной, раненый, помочь нужно»... На это он стал меня передразнивать, кривляться, передразнивать мое горе... Мне стало и больно и противно и ненависть закипела в груди. «Как тебе не стыдно»... – только повторила я и больше ничего не сказала... Но этого я никогда не прощу и не забуду... Какой грубый, жестокий человек... А я думала, что он уже изменил свое отношение к моему дорогому Борису... Никогда, никогда не прощу и не забуду... Как мне тяжело.

01/09

Дует осенний ветер, пасмурно. А войне не видно конца... И на душе пасмурно, тяжело, нет слов, чтобы все высказать. Со своим «муженьком» не разговариваю, не могу забыть... Все гнетет кругом, нет сил и нужно тянуть... Может быть я еще нужна буду Борису... Господи, спаси и сохрани моего родного, доброго сыночка... Одна надежда заставляет жить...

02/09

Опять услышала глупые рассказы, что я будто бы еврейка. А сейчас достаточно сплетен, чтобы тебя схватили, избili, посадили в тюрьму и убили... Несмотря на то, что у меня все документы и /.../



/Отсутствуют две страницы – Л.М./

*/.../ Настроение в городе подавленное. Все только и говорят о налете. В общем, было тяжело, стало еще тяжелее. Не знаешь, когда тебя убьют... А я так хочу дождаться Бориса... Все мысли о нем... Маликова получила сведения от одного пленного, что ее сын Коля, окончивший вместе с Борисом институт, жив, сейчас в Ираке, работает в штабе. Где же ты мой дорогой Борик? Когда и от тебя придет какая-нибудь весточка?*

18/09

*Настроение в городе тревожное. Каждый вечер сигналы воздушной тревоги. Сплю плохо, день работаю и очень устаю. Сплю сейчас в комнате Бориса, куда мы переселились, так как зимой будет здесь теплее. И так дорога мне эта комната! Сейчас лежу нездорова, смотрю на эти обои, которые Борис сам выбрал и сам клеил... Чем больше всматриваюсь, тем больше они напоминают мне своим меняющимся зеленовато-голубым цветом цвет морской воды... Мне кажется сейчас, что Борик специально подобрал такие обои... Он так любил море... Он с детства привык к нему и каждое лето, все свободное время проводил у моря: купался, ловил рыбу, катался на парусных «финиках», любил на море свою Шуру... Море – была его жизнь... «Будущим летом буду уже купаться в Черном море»... – писал он из армии, а будущим летом – война, и вот уже второе лето прошло, а Бориса нет, и когда конец этой неизвестности... Доживу ли и увижу ли тебя, мой родной мальчик.*

19/09

*Все Борик и Борик в мыслях. «Дорогая мамочка»... – писал он в последнем письме. В первый раз он так начинал письмо. Что он хотел сказать этими ласковыми словами?! Он знал, конечно, что война серьезная и что все может случиться, что он, может быть, больше не увидит своей мамочки и хотел этими словами сказать мне «последнее прости»... Нет, не может быть... Не хочу и думать о плохом конце. Жду и верю, что Борик снова будет здесь, будет купаться в Черном море, будет любить свою мамочку, которая ни на минуту о нем не забывает. Я плачу, Борик, вспоминаешь ли ты хоть иногда о своей бедной маме?!*

25/09

*Жизни нет даже относительной. Нет слов, чтобы все сказать. Достаточно, если скажу, что почти ежедневно слышу от своего мужа самую ужасную ругань... «Дура, иди к черту» и т.п. Я молчу и терплю. Что делать?! Нужно тянуть и ждать Бориса. Обидно за несправедливость. Работаю, как ни одна женщина не работает; из-за его неприсобленности еще больше приходится работать – все сама. И в расходи его никогда не вводила и не ввожу; противно говорить обо всем. Раньше, когда уйдет, горько поплачу и молчу. Теперь уже не плачу – привыкла. За что?! Обидно. Борик, вернись к своей мамочке, приласкай и пойми... Неужели не дождусь?*



29/09

Целый день пробыла на «толкучке» и ничего не удалось продать. Устала, измучилась, кушать нечего, хлеба нет... Неделю работаю, возжусь с учениками, стирала, а в воскресенье «торгую» своими вещами. И это мне тяжелее всякой работы. Что делать дальше? Хоть бы война скорее окончилась, но зима на носу, а конца не видно... Уже перестала реагировать на ежедневные сигналы тревоги. Как-то отупела. На днях у нас в доме погиб человек – задавило поездом. Очень расстроили меня все эти погребальные церемонии. Но все мысли были там, около моего Борика, единственной моей надежды и радости. Сейчас уже успокоилась.

10/10

Много переживается. Многие возвращаются домой с фронта... В наш дом уже пришло несколько человек: пришел инженер Дашков, а семья эвакуировалась, пошел регистрироваться, а румыны забрали в плен, несмотря на наличие всех бумаг от немцев... Вчера пришел еще один, а семья эвакуировалась тоже. Пришел домой и нет ни дома, т.е. ни семьи, ни квартиры... «Никогда не плакал за все время на фронте» – сказал он, вытирая слезы. Сколько горя! А Борика нет и не придет он... Получили ответ на запрос в Румынию, нет ли его и Вовы Св. среди пленных. Ответ отрицательный. Но я думаю, что если бы они и были там, то вряд ли среди всего этого хаоса можно было бы их отыскать. Если здесь нет порядка, то как же среди этих миллионов пленных можно их найти?! Нужно ждать конца войны... Зима на носу и война, очевидно, затягивается на зиму...

Несчастные пленные – оборванные, босые, голодные... Как то им пережить эту зиму?! Сердце надрывается, а помочь нечем... Для армии румынской обязаны сдать пока шерстяные носки и перчатки... А где их взять, когда у нас отроду никто их не носил. Все же собрала кое-какой шерсти и отдала вязать. Но по приказу «сдать до 15/X». А вряд ли будут готовы. Да и мало кто беспокоится вообще о точном выполнении бесконечных приказов. Но я привыкла быть аккуратной и меня это беспокоит.

15/10

Завтра годовщина сдачи Одессы. Настроение тревожное. Думал ли кто-нибудь год тому назад, что война так затянется. Еще недавно немцы говорили, что до зимы все будет кончено. Но не так-то легко сломить Красную армию и русского солдата. Сейчас командование верховное перешло к Шапошникову. Что это даст? Много мыслей, но ничего определенного. Живем каждым днем, ничего не знаем, не жизнь, а жалкое существование и забота о насущном куске хлеба. Но ведь война сейчас и перед ужасами войны бледнеют собственные переживания.



16/10

Ночь прошла спокойно. Сегодня везде румынские и немецкие флаги... Но Борика нет и вестей нет уже больше года. Где ты мой бедный мальчик, жив ли, здоров ли, ранен ли, не калека ли?! И все-таки живешь, живешь для того, чтобы без конца мучиться: то уверенность, что Борик жив, то встают все ужасы войны, миллионы убитых и не веришь в возможность хорошего конца. Один этот Сталинград столько жизней забрал... Многого вспоминается в эту годовщину... Где моя бедная Нелличка погибла и много моих детей, которых я так любила...

Не хочу думать... Сказать всего не могу. Да и в сравнении со всем – слова слишком слабы.

20/10

Опять и опять снился Борик. Среди ночи я так плакала, что разбудила Володю. Снилось квартира моей старой, давно умершей учительницы Марьи Алекс. Я у нее на террасе, принесла Борiku рыбий жир и много лент... Из комнаты доносятся звуки пианино... Я узнаю Борину музыку... Зову его... Он выходит в двери, я хочу ему что-то сказать, но он не хочет меня слушать... и уходит... Я просыпаюсь, вспоминаю, что какая-то баба говорила, что если во сне увидишь уходящим, то это значит, что он погиб... И я, совершенно не придающая снам значения, начинаю плакать, просыпаюсь и долго, до утра уже не могла уснуть. Как тяжело.

24/10

Сдали по приказу теплые перчатки и носки для румынских солдат. Елеле выкрутила возможность для этого. Еле достала шерсти, нашла женицину, что связала и еще заплатила 15 марок. А ведь это полпуда мамылыги! И в то же время наши русские пленные полураздетые, босые идут на работы. Сердце надрывается... Как они переживут надвигающуюся зиму?! Сколько погибнет! Неужели Борик и ты среди этих несчастных?!

Нет, я знаю, что тебя не может быть среди них. Будь здоров, мой родной мальчик! Сохрани тебя Бог!

08/11

Все тоже. Все тоже горе кругом. Все мысли там на фронте. Много слухов. Изредка навещают самолеты большевиков или англичан. Обыкновенно сегодня праздновали «Октябрьскую», а теперь празднуют именины короля Михаила. Позавчера ночью летали опять самолеты, но бомб не бросали. Очевидно, напомнили нашему населению, что война, тяжелая война продолжается. Как много мыслей! По ночам не сплю. Думаю много и мечтаю о встрече с Бориком. Зима на носу, а конца войне не видно. Мне все кажется, что она должна закончиться как-то неожиданно... Не может же продолжаться эта бесконечная бойня. Сталинград все держится, но сколько там гибнет людей! Ужас охватывает. Зачем? Кому это надо?!





10/11

Сегодня выпал первый снег. Неужели уже зима? Страшно! Страшно за всех несчастных бойцов, за всех пленных. Иногда думаю, что если бы моя смерть спасла мир, закончила бы эту бойню, я бы отдала свою жизнь. Так страшно это бессмысленное варварство. Все думаю и думаю ночи бессонные... Измучилась, устала, а целый день вожусь с учениками, чтобы заработать еще какие-нибудь гроши... Но ведь я в своей квартире, в своей постели, мне тепло около импровизированного «камина» (в столовой поставила «казанок»). А на фронте?! А в плену?! Мы тоже в плену, но страдаем больше морально, чем физически... А там несчастные... Не могу, не могу... Я плачу сейчас обо всех этих бойцах, сыновьях, мужьях, которых послали Сталин и Гитлер на эту бойню... Всего два человека, а сколько горя! Зачем?!

12/11

Борик, родной мой мальчик, опять снился мне... Где ты? Что с тобой? «Мамочка дорогая...» – в последнем письме с фронта... Эти слова всегда преследуют меня... Тяжело ему было бедному и только обычная скрытность и рисовка помогли ему написать спокойное письмо. Не может быть, чтобы он не отдавал себе отчета в самом начале в серьезности положения. Сколько он переживал! Где ты, родной мой сыночек? Увижу ли еще тебя?! Даже если ты жив, доживу ли я? Сколько тяжелого! Сколько горя!

17/11

Целую неделю день и ночь шли дожди. Все потолки у нас протекают, в кухне совсем обвалился, и настроение было все время отвратительное. Просто мерзкое какое-то. Даже тяжелым это назвать нельзя. Мысли по ночам все не дают спать. С открытием второго фронта в Африке видно, что война затянется. А Сталинград все-таки не сдали. Говорят даже больше. Но нужно молчать. Сегодня выглянуло, наконец, солнышко, на стеклах – мороз. Все же лучше, чем слякоть. А бедные пленные босые, раздетые, голодные... А несчастные бойцы... Не радует их ни солнышко, ни это лазурное без одной тучки небо... Для них с этого неба только горе... того и гляди в ясную погоду покажутся неприятельские самолеты, несущие всему гибель и смерть... А Борик, бедный Борик!

18/11 (5 часов вечера)

Жду ученицу. Вероятно, не придет, так как уже опоздала на полчаса. Только недавно ушла Софа. Сегодня, придя на урок, принесла мне халву. Она изредка балует меня сладостями. Сейчас пью чай с халвой и мысли все о Борисе. Хочется разрыдаться, громко плакать... Но Володя дома и я тихонько плачу... Борик так любил халву, да еще такую хорошую, тахинную... Бывало хоть четверть фунта куплю ему, если денег нет... Неужели я уже никогда



не смогу побаловать его, позаботиться о нем, поговорить, многое, многое рассказать... Плачу, Борик... Мне так тяжело. Нет слов, чтобы все высказать... Родной мой мальчик, как мне тяжело... Но я хочу ждать и надеяться... Иначе не для чего жить...

21/11 (по старому стилю 8/11, утром)

День рождения Борика. Сегодня ему 26 лет. ... Жив ли или... нет не хочу и думать. Вчера и сегодня настроение особенно тяжелое... Только 26 лет... А сколько бедному пришлось пережить и, может быть, еще переживать... Занималась Шура Читулenco. Вспомнила, как много лет назад, еще маленькой девочкой в этот день она заставила своего отца найти Борика оловянных солдатиков, чтобы подарить. Папа пришел домой поздно и они еле-еле где-то с черного хода нашли, и Шура подарила Борика. Это было в 1921 году. Мне стало еще тяжелее, а сейчас плачу и все думаю и думаю... Борик, милый, будь жив, здоров и вернись домой.

21/11 (8/11 ст. ст., вечером)

Недавно ушла Шура Ч. Она принесла Борика большой букет хризантем. Нет слов, чтобы все высказать. Шура расплакалась вместе со мной... А Володя ушел в переднюю и когда я вышла, то увидела у него в руках платок, а на глазах слезы... Не могу писать... Будь здоров, мой родной мальчик!

23/11

Володя сегодня дежурный до 8 час. вечера в учреждении и я не дождусь его никак... Волнуюсь, так как налеты и грабежи и в квартирах, и на улицах с каждым днем увеличиваются, несмотря на то, что за грабеж грозит смертная публичная казнь. На днях за грабеж и убийство портного приговорен к казни 18-ти летний парень, сын обеспеченных родителей, имеющих магазин, живший в прекрасных условиях... Вообще народ страшно испортился...

Кругом торгаши, взяточники, подлецы, воры, разбойники... Где же честность, порядочность? Где хороший, спокойный труд? Куда все подевалось? А церквей все больше и больше с каждым днем... Что сказать?!

Все еще Володи нет... Хоть бы скорее пришел... Мне так страшно что-то одной, и мысли, мысли без конца... Борик, хочу увидеть тебя, отдать тебе остаток моей жизни... Вернись, родной, к своей мамочке... Молюсь каждый день о твоём здоровье, нет сил уже и думать, и ждать.

01/12

Много слухов. Но я ничего не знаю и ничему не верю. Откуда эти слухи? Ведь в газетах ничего нет. Говорят, что прорвали фронт у Сталинграда. Но, по-моему, никто ничего не знает, т.е. те, кто знает, нам не говорят. А «шептунам» не верю, и уже кое-кого расстреляли за распространение слухов. Когда же конец войне – вот единственное желание.



03/12

От Ирины письмо! Принесла какая-то девушка. Как она нашла возможность передать? Рада, что она и ее муж живы и здоровы. Неужели мы никогда уже не увидимся?! Одно меня беспокоит. Эта девушка заставила расписаться на какой-то бумаге в получении письма, и я расписалась, не посмотрев на радостях, что подписываю и теперь волнуюсь, что я подписала. Но ерунда. Ничего не может быть. Володя говорит, что я всегда панически настроена и сердится, что я волнуюсь. Нужно успокоиться.

07/12

День моих именин. Тяжелый день! Я всегда праздновала с Бориком этот день вместе: я – именины, он – день рождения. Сколько молодежи, студентов, детей – моих учеников. И сегодня тоже пришли меня поздравить мои дети и взрослые ученики... Пришла Настенька, Вера Любомирова, Роза Ивановна, Инна, Шура... Пели, пробовали танцевать... Были цветы, пироги, конфеты – но Борика не было с нами... И каждое поздравление вызывало у меня слезы и мысли все были там далеко, на фронте... И разговоры все о войне, о сегодняшней тревоге, о гостях-самолетах. Я ничего не могла даже говорить... Сейчас все ушли... Настенька осталась ночевать, Володя спит, а мне не спится... Где мой бедный мальчик? Конечно не помнит, т.е. не до именин ему. Передо мной его поздравление еще в 36 году...

«Кто весел, тот смеется,  
Кто хочет, тот добьется,  
Кто ищет, тот всегда найдет...»

- пишет Борик маме в день именин... Добейся и ты, мой родной... Хочу тебя видеть дома... Только бы вернулся, а здоровье я дам... Мысли не вязнутся, в голове все путается, не могу писать...

10/12

По утрам мороз, а дни прекрасные, солнечные, небо голубое без единого облачка. На воздух почти никогда не выхожу... Вижу небо только из окон квартиры... Целые дни работаю с учениками, а по вечерам теперь пилую с Володей дрова... Тяжело, устаю... И опять мысли, тяжелые мысли... А вчера позвали на именины к одной моей ученице, праздновали ее 10-летний юбилей. Не хотелось, но нужно было пойти. Собралось много народу, все молодежь – всем было весело, танцевали, играли, пели. Много вспомнилось, но стало еще тяжелее... Как можно веселиться, когда на фронте такой ужас?! И я, посидевши с полчаса, ушла... Был там один молодой человек, лет 25, который всем своим поведением живо напомнил мне Бориса... И я с удовольствием с ним говорила... Говорили о моем Борике, о моем хорошем мальчике... «Ничего, вернется, я знаю многих, которые вернулись из самого страшного огня...», очевидно, чтобы успокоить меня, говорил он... Но я знаю, что если Борик вернется, то только, когда война



окончится... А когда конец? Сведений никаких... Очевидно на фронте в связи с зимним временем затишье... И опять весной разгорятся военные действия... Сегодня в газете: «за распространение ложных слухов – смертная казнь»... Что это значит? Правда, говорят много, но я ничему не верю, тк. кк. понимаю, что никто ничего не знает, и каждый говорит так, как ему выгодно, как ему нужно, как ему нравится... Днем опять была тревога, но самолетов не было. Постепенно ко всему привыкаешь. Я никуда и не бегу с 3-го этажа во время тревоги. А многие еще бегут во двор, вниз... Но ведь я видела действия бомб и знаю, что нигде от нее спасенья нет. Если попадет в дом фугасная, то ни двор, ни подъезд не спасет. Володя тоже никуда не идет, если дома, а ночью завернется покрепче в одеяло и продолжает спать. Но я спать не могу. Если проснусь, так до утра уже мысли не оставляют меня.

Прошлой ночью снилось, что от Борика телеграмма, что он жив, здоров, что сейчас находится в Софии – болгарском городе. И мне так было хорошо во сне... С Володей по прежнему о Борике – ни звука. И все переживаю сама...

12/12

Плохо себя чувствую. Все время мучает желудок. Совсем не могу есть теперешней пищи: мамалыги, коржей из «ячки» или в лучшем случае размола. Даже нет ни чая, ни сахара. Сейчас еще есть немного меду, что подарила Инна... Но я все приберегаю... А может быть неожиданно Борик придет, и я угощу моего родного малыша. Он так любил сладкое. Но нет, он вернется только после конца войны... Я Бориса хорошо знаю и нет его в плену... А с фронта скоро не придет...

15/12 (5 часов вечера)

Жду ученицу. Совсем больна. Целый день занималась, а утром мой «мужек» устроил такой скандал, что довел меня до истерики. Этого ведь со мной никогда не бывает, но в его упреках сказалась опять вся его хамская, низкая природа, и я не выдержала. Да еще и Борiku припомнил все его поведение... Даже сейчас бедному несчастному моему мальчику он не забывает его ошпобок.. А может быть и нет его уже... Не могу, не хочу передавать всей отвратительной ругани, насмешек, передразниваний, унижительного поведения... Но когда он ушел, даже соседи спрашивать, что произошло... Мне было стыдно за своего мужа. И я столько пережила, что сейчас еле сижу и не знаю, как дам еще этот урок. Хоть бы не пришла! Лечь, заснуть, забыться... Если бы не надежда увидеть Борика – жить не стоит. Так все тяжело, больно, беспросветная, грубая жизнь... И дома, и вокруг... А я так не могу...

16/12

С мужем не разговариваю. Не могу даже по имени его назвать... На душе так тяжело... Одна со своим горем, со своими мыслями. Никто и не поймет, да я и не говорю никому. День в работе, ночь – в тяжелом сне. Все кошмары какие-



то. Эту ночь видела во сне, что поранила себе палец и никак не могла остановить кровь... А на полу забудки такие голубые и кровь льется на них... Как тяжело! Нет слов, чтобы все сказать... Да и к чему? Переживать и молчать.

18/12

Все тоже. Тоска, горе, работа, не с кем слова сказать. Все больше что-то неладное с сердцем после того, как поссорилась с мужем. По-прежнему не разговариваю.

20/12

Скоро Рождество и «чиновникам» выдают паек за «усердную» работу на восстановление жизни в городе. Пришлось разговаривать, но все так противно. Сегодня попалась мне в руки газета «Молва» (мы газету видим редко, тк. кк. дорого стоит). Странный тон газеты немного удивил меня. Много статей, по-моему, агитационных, в пользу властей.

Очевидно, задалась целью обрабатывать общественное мнение в пользу румын. Но газета среди других очень приличная и культурная, и очень жаль, что я не могу ее ежедневно видеть. В отношении фронта – потемки.

22/12

Опять очень переволновалась и обрадовалась чужому счастью. Маликова получила известие, что и второй сын Петр живет где-то в Полтавской губ., женился даже, а о первом – Коле узнала раньше, что он в Иране. Когда же я получу какую-нибудь весточку... Маликова сказала: «одессит выкрутиться»... И опять надежда зародилась...

27/12

Третий день Рождества. Я лежу уже 4-й день в постели, совсем разболелась и от душевных переживаний, и желудок мучает. Володя хозяйничает и, к удивлению, не ругается и не бурчит. Он 4 дня свободен, празднует. С новой властью воскресли все старые традиции. Сейчас вечер. Пишу при свете электрической лампочки. Володя спит.

На дворе чудная ночь, звездное небо, кругом все бело от выпавшего снега и сразу наступившего похолодания. Мысли все эти дни там далеко на фронте, около моего бедного Борика, около всех несчастных бойцов. Я так страдаю в эти дни. Вспоминается детство Борика, елка, дети, кутья, которую он так любил... И хочется рыдать, хочется кричать, сказать этим безумцам... зачем отняли сына, зачем эта война, эти ужасные страдания миллионов людей, всего человечества...

И я тихонько плачу, чтоб Володя не услышал... А завтра уже за работу. Хоть бы оправиться немного.

Работать приходится много и с учениками, и работать над собой. Ведь я даю сейчас немецкий язык. И приходится много самой учиться тк. кк. в



совершенстве я его не знаю, а пришлось переключиться на немецкий язык, чтобы зарабатывать голодный кусок хлеба.

Правда на праздники дали нам паек и «наградные», так что ели немного лучше, т.к. Володя был сыт, а мне все равно. Я и есть не могу, и есть не хочу. Но нужно есть, быть здоровой, дождаться моего родного малыша и быть ему еще полезней. Но до конца войны, я знаю, его нечего ждать. А когда же она кончится?! Нет сил...

30/12

Немного оправилась и уже занимаюсь. Но чувствую, что работать мне уже так, как я работала всю жизнь, не под силу. Да еще стала очень плохо видеть, что очень мешает в работе. Ноты различаю большие послушу, а иногда приходится и ошибаться.

Все это меня удручает, и не знаю, как будет дальше. Володя нервничает: опять сокращение и его, как старика румыны могут выбросить за борт. Пенсии не дают и что тогда делать? Все это житейское иногда заставляет забывать на минуты обо всем, что вокруг делается, но это только моментами, а потом опять все, что переживается всем человечеством снова с большой силой хлынет на тебя и опять горе, тяжесть бесконечная...

## 1943 год

01/01

Ушел еще один год – год тяжелых переживаний. Кошмарные воспоминания теснятся в голове, весь пережитой ужас... Бедная Нелличка и вся их семья... И все эти несчастные... Как много хочется сказать... Невольно сравниваешь отношения... Как-то недавно была приглашена на день рождения (у немцев нет именин) одной из своих учениц – Олечки Кюнер. Было там много гостей, все нарядные, веселые. Я тоже пришла в своем скромном платье. Очевидно, я была «не в тон» гостям. И меня посадили в самый дальний угол с детьми, как помню, в детстве мы говорили «за свинский стол». Ни внимания, ни ухода за старой учительницей...

И невольно сравниваешь с именинами других моих детей: Неллички, Сачечки, Розочки... Как меня там ждали, как не знали где посадить и как угостить... Сколько уважения и у малых и у старых к учительнице! Я не могу без слез вспомнить обо всем... И зачем так с ними расправились?! Но я хотела написать о Новом годе, а пишу совсем о другом... Что-то он принесет нам... Одно желание мира, покоя всему человечеству. Дай Господи ума всем, которые не понимают, что кроме ужаса и варварства ничего эта бойня не даст... Искоренение человечества... Ложь бесконечная... Желание первенства и власти... А люди ведь мошки во вселенной... Зачем им так много нужно?! Я не могу понять. Я – простой обыватель и далеки для меня все эти идеологиче-



ские основания. Мира всем несчастным, страдающим бойцам, пленным и всему человечеству – вот все, чего хочу. Увидеть моего мальчика, моего доброго сына – услышать «дорогая мамочка»... дать ему здоровье, отдых и покой...

02/01

Пришел Володя. Был на волосок от сокращения, но пока остался на работе. Надолго – ли? Вообще живешь сегодняшним днем... Каждый час всего можешь ожидать. Не будешь безработным умирать с голоду, так может бомба разнести или еще что-нибудь... Никакой уверенности /.../

/Отсутствуют две страницы – Л.М./

16/01

/.../ Вчера без 10 минут 8 ч. веч. сильные залпы зениток разбудили население. Я уже спала и проснулась от привычного звука... Жутко стало. На днях было предупреждение по радио о возможном налете самолетов и о том, как себя вести. Очевидно в связи с последними событиями: по газетам Сталин отдал на 99 лет Баку и Мурманск англичанам за помощь, которую они должны оказать. Ждешь конца войны, а она все более усложняется. На дворе вот уже неделя установилась сильная морозная погода 12-15°. Несчастные люди на фронте! Да и мы живем каждым часом, не знаем, когда разнесет бомба. Сейчас на дворе снег, метель и, возможно, самолеты не полетят, можно спокойнее работать.

А как только погода получше, так и жди гостей. Господи, спаси и сохрани! Вразуми этих людей, которые принесли столько горя и ужаса. Борик, родной, будь здоров, может быть и мы как-нибудь выживем, и доживем до конца этой ужасной бойни.

02/02

Морозы и война. Вот уже несколько недель, как на всем протяжении русского (восточного) фронта идут жестокие бои. По газетным сообщениям характер боев напоминает зимнее наступление в прошлом году. Очевидно опять большевики, пользуясь зимним периодом, стараются добиться решающего поворота в ходе войны и здешние газеты не отрицают некоторого успеха со стороны Советов. А по слухам уже многие города, бывшие в руках немцев, перешли в руки большевиков. В осажденном Сталинграде стойко защищаются немцы, несмотря на превосходящие силы противника. Население Одессы с напряжением следит за ходом военных действий, причем каждый расценивает так, как ему желательно. У меня лично мнение, что немцы все поставят на карту, чтобы победить большевиков, вплоть до заключения мира с англичанами, чтобы вместе наступать, если будут видеть, что трудно самим справиться. Все зависит от того, какое положение займет Турция. Сейчас и немцы, и англичане ездят к ней «на поклон». Чья возьмет? В общем, трудно предугадать, что будет. Газетные сообщения часто лгут, и каждый толкует на свой лад. Говорят, в этом году должен быть конец войне. Хоть бы скорее. Скоро весна.



*И ждешь, и страшно, событий. Опять налеты, бомбы, возможно десант... И кровь, кровь без конца... Где же ты, мой родной Борик?!*

03/02

*В газетах сообщение Главной Ставки Гитлера: «Борьба за Сталинград закончилась. До последнего вздоха армия генерала Паулюса осталась верной присяге своим боевым знаменам и была подавлена превосходящими силами противника. Ее судьбу разделила одна зенитная дивизия германской авиации, 2 румынские дивизии и одна хорватская часть, оставшиеся верными своим братьям по оружию и выполнившим свой долг до конца. Дважды требуемая врагом сдача была гордо отклонена. Знамя со свастики до последнего момента развевалось над Сталинградом...»*

*Пал Сталинград, отступают на Кавказе... Значит открыт путь к кавказской нефти, а это ведь так нужно большевикам. Скоро весна и события примут решающий характер. А пока еще морозы, холод. Правда, эта зима мягче гораздо, чем прошлая. Но все же зима... Подождем, если доживем, увидим...*

10/02

*Лежу сегодня в постели. Еще вчера занималась до вечера, а потом легла, измерила температуру 39,2°. На ночь приняла аспирин и сейчас немного легче. После обеда нужно заниматься, потому что денег нет, и не будет возможности хоть как-нибудь перебиваться. Володя сердится, когда я больна, и не понимает, что с такой температурой не только работать, но и ходить нельзя. Нужно мучиться. И всю жизнь так. Никогда я не имела права заболеть и хоть пару дней полежать... Разве есть еще у кого-нибудь такое положение? Вот пописала немного и устала. До обеда отлежусь, а там опять за работу, за уроки. Хоть бы немного полегче стало. А ведь грипп дает сейчас такие осложнения! Ну, посмотрим.*

*Сейчас в окне засветило солнышко после долгого перерыва. Светит ли оно еще Борису?! Борик, милый, некому обо мне позаботиться, некому пожалеть твою измученную, больную, усталую старушку-мамочку... Много вспоминается. Будь здоров!*

25/02

*Немного лучше себя чувствую. Грипп дал осложнение на легкие и кишечник и страшно меня измучил. Но с температурой, в полубморочном состоянии я все-таки заставляла себя заниматься. А как только закончу – грелка, в постель... Сегодня пришла Шура Читуленко. Увидев мое состояние, пошла за лекарством, принесла грелку... Хорошая девушка! Но что это я пишу о себе? Разве может мое состояние сравниться с переживаниями всех несчастных на фронте... Раненые, замерзающие на снегу, без всякой помощи... А может быть и мой Борик также... В полубессознательном состоянии вспомнит о мамочке, о Шуре... Нет, не могу, не хочу думать об этом. Сейчас большевики*





после падения Сталинграда наступают, берут город за городом... В городе волнуется, а я спокойна... Хочется многое сказать. Живу надеждой, что Борик вернется, что отдохнет от всего пережитого у своей мамочки... Сколько забот, ласки дала бы я ему... Только Шуры нет... А может быть вернется с Шурой?! Скорее бы конец войне... этой ужасной войне.

03/03

Много говорят и много пишут, но столько лжи, что ничего не знаешь. Как будто немцы опять наступают, но особенной удачи пока не видно. У немцев знакомых настроение неважное. Советское радио говорит о своих успехах. Взятые обратно Курск, Харьков, Ржев, Демьянск... Газеты агитируют в пользу румын, превозносят немцев. Хотят создать благоприятное впечатление... Много интересных статей, но мало конкретных фактов... Много о евреях... Много лжи... Часто противно читать... Ждешь конца и не можешь предугадать, чем все это кончится...

06/03

В Смоленске организовано национальное русское правительство, как сообщила газета «Одесса». Более солидные газеты умолчали об этом. Очевидно что-то не совсем так. Организуется русская добровольческая армия против большевиков. Лозунг «За единую Россию». Я что-то мало в это верю. Если немцы победят, покажут они всем эту «единую Россию». Ведь и сейчас мы для них «russische schweine», а потом тем более. Говорят о каких-то неприятностях с румынами, на железной дороге сейчас немецкий контроль. Много в городе итальянцев, говорят, что это прислали две «штрафные» дивизии с Кавказа, где они отступили. В общем, такая каша, что ничего не разберешь. Весна идет, и ждешь решающих событий.

08/03

Опять после многих солнечных теплых дней – мороз. На окнах узоры... И настроение опять тяжелее. Хоть бы тепло пришло для всех несчастных бойцов... Сегодня в Румынии, а следовательно и у нас – первый день поста. На масленицу дали нам пайки: мамалыгу, горох, ячную крупу, соль, спички и т.п. Но зато дали выпить: бутылку водки, рому и обещают вино. Я думала продать водку и ром, но пока припрятала: когда придет Борик, если задержу, – разопьем вместе. Шура Ч. принесла курочку, чтобы сварить вкусный суп и немного муки. Софа Ив. – халву, Роза Ив. – хлеб. И нет моего дорогого Борика, чтобы угостить его этим обедом.

15/03

Снился опять Борик. Так жутко что-то: в каком-то белом халате, точно саван, и лицо вымазал мелом, как клоун. От этого странного вида я проснулась среди ночи и не могла уснуть. Опять всякие картины рисовались воображению. Говорят, что большевики до сих пор воевали только мобили-



зованными бойцами и только сейчас воюют регулярными войсками. Неужели только сейчас и Борик послан в бой, чтобы погибнуть?! Нет не хочу и думать... Может быть он где-нибудь работает инженером... Может быть в Пензе, в Горьком, в Москве... Неужели погибнет? А может быть с Шурой... Какая тяжелая неизвестность... Нет слов, чтобы все сказать.

18/03

До сих пор только немцы имели право иметь радиоприемники. По приказу сейчас и немцы должны были сдать свои аппараты. Что это значит? До сих пор все-таки кое-что можно было знать, а сейчас и этой возможности лишены, тк. кк. газеты проходят строгую цензуру и совершенно пусты. Мы их, правда, никогда не покупаем и пользуемся «соседскими» газетами. Но сейчас они не представляют никакого интереса. Что же делается, все-таки, на фронте? По газетам немцы опять у Донца и двигаются к Сталинграду. Но о Северном фронте почти ничего нет... Предоставляют догадываться и разносить самые нелепые слухи. Приходится жить в полнейшем неведении и ждать конца этой бойне.

25/03

Пробуждается весна... Солнышко ярко светит и немного греет. Птички пищат, букашки появились, ожили мухи... Все, как и раньше, как и много лет назад... Но на душе такое горе, какого никогда не было. Нет моего Борика, моего дорогого «сынишки», и ни слуху, ни духу. Неужели, если бы был жив, то при всей своей ловкости не дал бы маме знать о себе?! Всегда и везде меня преследует его последнее письмо... «Немцы пули для меня не приготовили...» «дорогая мамочка»... И весь шуточный тон письма... Хотел мамочку успокоить, а сам, конечно, думал: «может быть это последнее письмо, может быть я не увижу больше свою «мамку», которая всю жизнь, все заботы отдала мне...». Многое ему вспомнилось... И последние проводы его в армию после отпуска на вокзале, когда я так рыдала вдали от него, забившись на край перрона, чтобы никто не видел, а все эти чужие пьяные люди окружали его... И все это вылилось в слове «мамочка». Борик, родной, я так плачу сейчас, не могу писать, приходится снять очки...

30/03

Все тоже горе, все те же сны тяжелые. Работаю с раннего утра до позднего вечера с учениками и все равно толку нет... Нет обуви, чулок, ем скверно, сию всегда без хлеба... Но все это пустяки... Ведь на фронте хуже и там мой сын... Что еще можно сказать?!

05/04

Все тоже. Потемки... Уже и слухов никаких нет. Ничего не знаем. А ведь война продолжается. Иногда в газетах мельком проскользнут заметки о номерах самолетов, о разрушениях, о жертвах. Сколько памятников культуры



и науки, приобретенных человечеством за много веков, сметены этой варварской войной. Говорят, культура идет к нам с запада... А по-моему не к культуре мы идем, а возвращаемся к такому варварству, какого еще никогда не было. Какое напряжение нужно, чтобы прийти хоть к мало-мальски человеческой жизни, чтобы избавиться от всех этих ужасов... Да нам, старикам, уже и не жить. А молодежь жаль... Миллионы, десятки миллионов погибли, а оставшиеся – люди без представления о чести, о долге, о патриотизме. Им все равно: немец ли, румын у власти. А я хочу Россию, хочу увидеть своих русских людей, какого уклона и кто бы они ни были. Тогда я и Бориса своего увижу, если... Нет, никогда не буду думать о плохом конце. Он придет мой мальчик, придет с русскими людьми, как честный сын своей родины, своего долга. Проклятая война! Прокляты те преступники, которые во имя сомнительных и ложных идей бросают на эту бойню эти миллионы человеческих жизней. А сколько глупого связано с этой «освободительной» войной! Сейчас появился на горизонте какой-то русский Власов, взятый в плен немцами. Организует русскую добровольческую армию против большевиков. Если правда, что пишут в газетах, то по-моему большой подлец, спасающий свою шкуру, а возможно просто подставное вымышленное лицо. В Одессе сейчас мобилизуют всех молодых немцев. И им это очень по не вкусу. Ну что ж, пользовались преимуществами, имели *Ausgosis*, награбили себе обстановку и вещи из еврейских квартир, а теперь пожалуйте повоевать немножко. Нет, так жить нельзя. Если бы можно было закрыть на все глаза... А я не могу и мучаюсь, мучаюсь...

28/04

Сижу на окне, на солнышке, и все думаю, думаю... Никого нет... Я одна, спазмы сжимают горло, вот уже плачу... Светишь ли ты, солнышко, еще и моему дорогому Борику?! Мне, Борик, так тяжело... Никто не понимает... Сегодня 3-й день Пасхи. Внизу все время играет патефон... Вот звуки «Риориты»... Как тяжело, как много вспоминается...

Испекла Борику, как в детстве, пасочку и поставила на его столик... Кругом чисто, празднично... Много поработала и в этом забывалась иногда. Сегодня уже с утра занималась... На 1-й день все мои милые дети пришли, поздравили с пасками, с яичками. Но не было моей бедной Нелли и других моих чудных детей... Есть у меня мальчик Юрочка. Когда-то и мой Борик был таким же... Как много я всегда хотела ему дать, а теперь не могу, ничего не знаю... Может быть калека, ранен, и некому позаботиться о нем, может быть где-нибудь медленно умирает в плену... Но нет его там, он бы уже дал весточку о себе... Но хочу надеяться; если умру раньше, то хотя бы с надеждой, что может быть, вернется... «Штурмовать в далеком море...» – продолжает патефон. Все прежние знакомые мелодии... «Вспоминаю о любимой...» – и мне все это больно, точно я Борик, точно я вспоминаю о «любимой», мне больно его



горе... Опять и опять... «В далекий край товарищ уезжает...». Вот мелодии из фильма «Цирк»... Я все слушаю и каждый звук разбитого, хриплого патефона так близок мне... Все эти мелодии любил и играл мой Борик. Опять танго, опять фокстрот, кто-то выбивает «чететку»... А я все сижу и слушаю, и плачу... Все мне точно близкое, родное... Ведь теперь нигде не услышишь этих мелодий... Запрещены наравне с Рубинштейном и Мендельсоном. И только для этих простых людей «законы не писаны». Сидишь и чувствуешь, что поют и едят, как на Пасху, а веселятся «по-октябрьски». Да иначе и не может быть... Молодежь, выросшая в советское время, другого и не знает. Правда всех школьников, студентов водили в церкви, заставили говеть, но все это им непонятно... Валя говорит мне: «Я сегодня «исповедовалась», ела хлеб и вино, а вчера нас поп спрашивал, не крадем ли мы, не лжем ли, а я сказала, что у мамы конфеты из банки краду, и все смеялись». Я ее поправила, что вчера она исповедовалась, а сегодня причащалась. Вот как молодежь понимает. Где же религия настоящая? Религия ведь в совести самого человека. А совести теперь нигде нет, все изолгались, начиная от «религиозных комсомольцев» и... Где-то стрельба, трещат пулеметные очереди... Как будто звуки самолетов... Я все сижу на окне... Патефон все напевает... Пришел Володя, водили их куда-то «принимать парад»... Устал, измучился, еле ноги доволок, водили «организованно» – все, как в доброе, старое время. Поет Орлова своим звонким голоском и опять думы, думы без конца... А на страстной неделе все ставили драму «Царь Иудейский»...

Настенька была. Говорит, что жалкие артисты в таких глубоких ролях, как Пилат, апостолы Петр и Павел и другие действующие лица... Публики мало и видно, что до нее вся глубина, весь смысл не доходит... Сказываются советские годы. Им это непонятно. Опять «три свинки и волк», вспомнился Ося... Он любил прыгать под этот фокстрот. Где-то все вы бедные, молодые, здоровые, полные жизни и надежд... Как жалко мне вас всех... И всех бедных жалко, кто погиб, кто ранен, кто мучается в плену.

Когда же конец, когда, наконец, кончится эта бойня?! Сегодня звали на парад всех служащих, вернее приказали, составили списки не явившихся. Говорили, объявят какие-то важные акты, придет король Михаил... Думали, что будет говорить что-нибудь о мире, но никого и ничего не было... Опять вальс, кажется «Лунная ночь в Париже» называл его Борик... Мне он очень нравился и я просила Борика его играть... Сижу, пишу, измучилась, нужно оставить... Володя кончает обедать. Нужно спрятать тетрадь. Он не любит «сентиментальностей»... Самолеты все летают, но зениток пока не слышно. Завтра за уроки опять целый день.

01/05

1-ое мая. Володя утром пошутил «нужно идти на демонстрацию» и вспомнил былое. Я не хотела просыпаться – снился всю ночь Борик. Будто пришел домой, как будто в отпуск. Он в брюках, но без рубашки. Я вижу его полное тело,



но такое белое, какого у него никогда не было (летом всегда загорал у моря и зиму не успевал побелеть)... Я удивляюсь его полноте, а он говорит: «а ноги у меня такие худые...». Потом надел какой-то белый халат, как в детстве на ночь, и мы вместе собирались идти в школу... Еще много и долго Борик был со мной. Володя разбудил и прервал сон... Я все не открывала глаз, еще и еще хотела видеть его... А сейчас жду ученицу и продолжаю с этой бумагой все думать о моем родном мальчике. Где ты, Борик, что с тобой? Как тяжело!

17/05

Сажу у окна. Вижу, что зацвела акация и опять тяжело. Отцветает сирень, цветет акация, весна... А на душе так тяжело, еще тяжелее, чем всегда. Борик, родной, ты так любил наш город, любил его природу, море, красоту... Увидишь ли ты его еще?! Увидит ли тебя твоя «мамка» и будет ли еще радоваться и смеяться вместе с тобой?! Какая тяжелая неизвестность!

Что писать? Что еще можно сказать?! Нет моего сына, нет моего родного мальчика – вот и все... Я плачу...

25/05

Характерно. У одной из моих учениц из румынской школы украли жакет от костюма в раздевалке школы. Это уже не первое воровство в румынской школе. Так как костюм стоил 1300 марок и недавно куплен, отец с матерью пошли в школу объясниться. Вот что я узнала от матери. Входят в школу, просят румынского солдата вызвать директрису. Солдат объясняет (по-румынски) что у нее гости, и она не может выйти к ним. Родители настойчиво требуют. Слышен голос из комнаты, где гости «Александра» (так звали солдата). Этот бежит в комнату, опять выбегает и настойчиво просит уйти, тк. кк. если он не «выпроводит», то его «директора» побьет. Родители, чтобы не побили солдата, вынуждены уйти. Через некоторое время все же возвращаются. Тогда, наконец, выходит «директора» и без всяких объяснений начинает свистеть «фьють, фьють, фьють», «гайда» и выгоняет их из школы без всяких объяснений. Потом посылает Александра за солдатами, чтобы выгнать родителей. А это значит быть избитыми. Родители вынуждены уйти, ничего не добившись. Все это произошло в румынской школе, рассаднике культуры. Что сказать?!

29/05

Уже целый месяц ежедневно дожди. В комнатах тоже дождь, тк. кк. крышу до сих пор не починили. Настроение и без того скверное усугубляется от непрерывного вытирания полов, шкафов, несмотря на мобилизацию всей посуды, подставленной под протекающие потолки, а кое-где уже и потолков нет. Обещали починить в районном жилищном управлении, возили с полгода и отказали. Дело ясно: денег у нас нет, дать «на лапу» не можем, а сейчас без этого ни где и ничего не делается. Такая система. Теперь хлопочем в главном управлении, но пока результат тот же.



31/05

Заканчивается учебный год. Как всегда, мои ученики закончили очень хорошо. Даже лентяйку Валу, имевшую в предыдущей четверти все двойки, тоже вытянула, и даже без переэкзаменовок она перешла в 4-й класс. С завтрашнего дня у всех школьников начинается «трудновинность». Будут убирать улицы, скверы, кладбища, а старших пошлют на поле. Все это не радует. Ведь дети же! Необходим отдых... Что сказать?!

01/06

Сажу у окна. Опять собирается дождь. Акация отцветает, но ее запах все еще силен. Настроение тяжелое. Кругом неизвестность. Ничего не знаем. Говорят, на фронте тихо. Когда же конец?!

01/06 (8 часов утра)

Опять Борик снился. Будто лежит у меня на кровати, я его ласкаю, говорю с ним, как наяву. Глажу лицо, волосы... Он давно не брился, я чувствую жесткий подбородок... А он говорит: «Опять на фронт надо идти. Иди и ты, мамочка, со мной. Если что случится, кто за мной присмотрит, поухаживает»... Мне тяжело во сне, я плачу и просыпаюсь. И сейчас так тяжело под впечатлением этого сна...

Я не суеверна, но все же тяжело... Говорят старухи: если ласкаешь во сне – плохо. Я не верю, но все же тяжело. Но нужно взять себя в руки. Через полчаса – ученик. Опять за работу до вечера, а толку все мало: денег нет, все не хватает, Володя злится, а мне все равно...

02/06

Опять сон: я где-то в поле. Бродят цыплята... Вдруг, откуда ни возьмись, громадный орел, распустив свои широкие крылья спускается прямо на них... Мне страшно, и я просыпаюсь... Какие странные сны. Работа ли это нервно настроенного воображения, исходят ли эти сны от непрерывных мыслей, или виной внешние обстоятельства. Но, ни одной спокойной ночи, никакого спокойного сна. А днем работа без отдыха... Устала, измучилась. Одно утешение, что я да Володя – старики и не тащат нас на трудновинность. А сегодня весь двор (помоложе) получили повестки. Правда, многие откупятся, но это стоит марок 600-700, и только наши шоферы в состоянии это сделать, а у нас во дворе их четверо. Дела у них неплохи: «что везет, то и грызет», как они сами говорят, и для них такие пустяки. Ну, а бедняки должны идти, иначе в концлагерь. Школы тоже выезжают куда-то на работы, а студенты через месяц на уборочную... Вот такая жизнь.

10/06

Понемногу занимаюсь. Уроков после окончания учебного года меньше и живет еще тяжелее. Несколько раз была на «толкучке», но продать ничего



нельзя и не знаю, что будем делать. Но хочу со всем мириться, потому что знаю, что где-то несравненно тяжелее. Мысли все те же. Жду конца войны и моего Борика. Этим только и живу.

15/06

Часто стали беспокоить сигналы воздушной тревоги. Правильнее сказать, что мы уже так к ним привыкли, что они и не беспокоят: каждый продолжает заниматься своим делом и никуда не бежит и не прячется. О фронте ничего не знаем. Говорят затишье, какие-то переговоры о мире, но, по-моему, это все ерунда. Ни Сталин, ни Гитлер на уступки не пойдут. Еще говорят, что немец стал применять газы... Тоже не верю, так как у Советов и американцев в ответ есть, пожалуй, газы почище... А в общем ничего не знаем. Германию бомбят сильно, в Средиземном море заняты важные острова англичанами. Это из газет... А дальше каждый строит свои предположения, какие кому выгодно. Но пока уже скоро середина лета, а активных решительных действий на фронте нет. Никто не может даже предположить, что будет.

22/06

Ночь не спала. Вчера вечером явились 2 солдата – патруль, и заявили, что у нас на балконе позавчера вечером (20/06) был свет в 10 час. Они записали адрес и фамилию и ушли... Но это значит – военно-полевой суд и штраф в 100 марок. Но это абсурд. Никакого света у нас не было. 20/06, в воскресенье, я целый день проходила безрезультатно на «толкучке», и в 5 час. вечера уже была в постели, а Володя, по обыкновению, в 8. Так что света быть не могло, да и вообще мы всегда очень аккуратны со светомаскировкой. Пришлось написать прошение в полицию и опротестовать это несправедливое обвинение. На углу в «бодее» этим румынам дали вина и откупились. Говорят, что надо было дать несколько марок этим солдатам, но мы никогда не давали и принципиально давать не будем. Может быть и так дело уладится. А пока волнуюсь.

22/06 (вечером)

Годовщина войны. Уже 2 года... Тяжелых, мучительных 2 года. По отчету Сталина, говорят, погибло 4 ½ миллиона человека. Ужас. Страшно... И еще не конец... Где же ты Борик? Неужели среди этих миллионов?! Нет, не хочу и думать. Хочу ждать и верить, что ты еще вернешься к своей мамочке...

24/06

Как будто вопрос с полицией улажен, благодаря какому-то важному румыну, который был в управлении и случайно узнал об этом случае. Поговорил по телефону с полицией и как будто вопрос разрешился благоприятно. Может быть, хоть эта беда минует нас. Никогда не знали ни полиции, ни судов и пришлось столкнуться... Но и это ничего. Хоть бы чего хуже не было.



25/06

Пришлось побеседовать с одной женщиной, вернувшейся с работ по «трудновинности». Вижу, сидит она во дворе под своей дверью. Вокруг собрались жильцы. Вид у нее измученный, усталый, сама оборванная.. Квартира ее на замке и опечатана румынами... Так они делают, если одинокая идет на работу и сейчас не может войти, пока не предъявит справку что отработала, и власти сами должны открыть ей квартиру. А на дворе был уже вечер. Значит, ночевать под собственной дверью.

28/06

С утра не прекращается артиллерийская стрельба. Снаряды летят через город. Вспоминается бомбардировка города перед вступлением румын. На улице народ шепчется, не понимая в чем дело. Я тоже не знаю, но спокойно сижу в комнате – ко всему пришлось привыкнуть. Будь что будет. Но желания и мысли одни – о моем несчастном Борике. Как он бедный измучился за 2 года войны, если жив... Когда же конец?! Говорят какая-то конференция в Ватикане, на фронте затишье, говорят – уже начали применять газы... Но точных сведений нет, а я ничему не верю и не знаю, где правда. Все ждут мира и конца этой бойне. Но это маловероятно, тк. кк. никто не пойдет на уступки. И трудно предугадать, чем кончится это варварство двадцатого века. Стрельба продолжается залп за залпом... Куда эти снаряды?

01/07

Снился опять Борик... Как будто большая площадь, много народу, шумят, кричат, рукоплещут... И идет Борис, как будто вернулся героем и его так встречают. Но он бледный, измученный, голова опущена... Я хочу крикнуть, просыпаюсь и опять мысли, мысли без конца и среди темноты ночи рисуются все ужасные картины...

12/07

Вот уже несколько дней, как началось наступление и ужасные бои в районе Орла, Курска, Белгорода. Кто начал наступление, не поймешь из газет. Но факт, что идет бойня такая, какой еще не было. Гибнут тысячами танки, самолеты... А люди... Ужас охватывает... А мысли все одни.

14/07

Война опять в разгаре... Газеты и радио говорят об успехах немцев. Но, пока ни об одном занятом ими городе не упоминается. Среди строк хочешь найти правду и ничего не знаешь. Общий голос: газеты врут, и чтобы больше врали, прикрепим всех работников газет к губернаторскому магазину на получение пайков. Но я ничему не верю и ничего не понимаю, так как и в газетах есть часто противоречия. На душе еще хуже... Если Борик жив, то выживет ли и в эту бойню?!





16/07

Много работаю. Но это меня теперь ни с какой стороны не удовлетворяет. С Володей часто неприятности, он грубый, злой... Сегодня поссорились из-за крыши, которая после починки по-прежнему течет. А, в общем, все это мелочи, как-нибудь пережить бы это ужасное время, дожидаться Борика и хоть немного порадоваться и отдохнуть на склоне жизни. Но хочу еще пожить, чтобы увидеть и отдать последние заботы моему дорогому мальчику.

23/07

Много говорят, но я ничему не верю. Что-то делается в Италии. Англоамериканцы кажется, действуют успешно. Когда же конец? Горя много.

29/07

С Володей опять поссорилась. Пошли слухи в наших переулках, что мой муженек за молодой бабой волочитя. Я, конечно, далека от того, чтоб это меня трогало, но просто не хочу, чтоб трепали мое имя в нашей «провинции» и сказала об этом Володе. Он взбеленился, стал ругаться площадной бранью, по обыкновению, а я никак не могу привыкнуть к его грубости... Сказала ему пару теплых, веских слов и на этом прекратила. Сейчас не разговариваем. Но думаю, что большие «провожаться» не будет. По крайней мере, здесь его никто с этой «проституткой», которой румыны предлагают «мержала гостиница» не увидят. Да и могу ли я над этим задумываться, когда вокруг такой пожар, ужас... Совсем другие мысли тревожат меня.

02/08 (7 часов утра)

Не могу отделаться от ужасного сна. Видела опять Бориса. Будто в какой-то ночной длинной сорочке, сбоку прореха, видны трусы и голое тело. На ногах рваные носки и сандалии... Лица не помню... Но вид такой ужасный... Не верю снам, но не могу отделаться от тяжелого впечатления. Господи, спаси и сохрани... Говорят мысли передаются на расстоянии. Может быть ранен и вспомнил о маме... Как тяжело! Когда же конец этим мучениям, этой ужасной войне?!

08/08

Володя продолжает свои похождения, и я с ним не разговариваю. Уже привыкла. Весь разговор сводится к тому, что я должна дать денег. Дай на кожу 30 марок, на дрова 70 марок, на табак, хлеб, да на все... Как он привык не задумываться где достать денег. А все я выкручиваю. Работаю много, уроки по целым дням и просто падаю, а ему все равно. Тяжело. Но не это меня по-прежнему волнует. А мысли все о моем родном Борике. Позавчера был день его именин. Много передумала, много настрадалась. И все одна... Некому сказать. Скорее бы войне конец, чтоб я узнала наконец... А может быть не доживу... Тревога часто, самолеты советские все летят над городом, но пока не бомбят. Может быть высматривают...



10/08

Прочла в газете стихотворение. И хочется верить, что и Борис вернется, не все ведь погибли...

«Не верь жена, что я убит  
В лесу чужом зимою,  
Что под черемухой зарыт  
Товарищей семьею.

Что надо мной теперь цветет  
Красавица лесная.  
Не верь, жена, печаль пройдет,  
Как дымка исчеза.

И я с товарищами шел,  
Дыханье смерти чуя,  
В снегу глубоко вместо сел,  
Как будто зверь ночуя.

Тяжело ждать и надеяться. А все же жду.

Не верь, жена, я не убит  
Хотя в огонь бросался,  
Семья товарищей лежит  
А я в живых остался.

К тебе приду, меня ты жди,  
И не грусти напрасно  
Ведь все, что будет впереди,  
Чудесно и прекрасно.

Не верь, жена... Весна идет  
Она дает мне силу,  
Она цветами уберет  
Моих друзей могилу...».

20/08

Все тоже. С Володей не разговариваю. Он продолжает быть грубым, а я молчу. Настроение отвратительное. Работы много.

25/08

Больна. Заболела желудком еле хожу, и работать надо. Володе до моего состояния никакого дела нет, все кричит. Обидно. Только работай и больше ничего. Я молчу и тяну. Хочу чего-нибудь припасти на зиму, и из моих заработков ничего не выводит. А вдруг Борис придет и поддержать надо. А Борис придет, когда война кончится. Я его знаю. Это достойный, честный сын своей матери и своего долга. Но, все же тяжело.

01/09

Пошли опять скверные слухи. Говорят потихоньку, что Одесса переходит от румын к немцам. А это значит – голод. Теперь хоть за деньги все можно достать, а у немцев голод, даже нет прожиточного минимума. Опять волнения. Денег нет и запастись чего-нибудь нельзя. А люди тащат картошку, муку... Где достать денег? Может быть, конец будет войне и придется поддерживать Бориса. Не сплю ночей и все думаю, думаю... А Володя все не разговаривает и кричит...

08/09

Италия капитулировала. Ждем серьезных перемен. Много толков и предположений. Может быть, это ускорит конец войны?!

15/09

Большевики успешно наступают. Весь Донбасс уже в руках Советов. Подходят к Киеву, на юге к Перекопу. Немцы отступают, как говорят «из стра-



тегических соображений для сокращения и выравнивания фронта». Нужно верить. А что на самом деле?!

17/09

Все тоже. Много толков. Газетам не верю, а слухи не слушаю. Но, все же немцы отступают, оставляя советам город за городом. В городе у нас волнуются. Покупают муку, жиры, крупы, так что все вздороджало невероятно. Я сижу спокойно, тк. кк. денег нет. Купила на ученические деньги немного муки и постного масла и теперь ее ем, тк. кк. получать больше не с кого. Хоть бы скорее... Говорят об ужасах и зверствах Советов, но я этому не верю. Большого зверства, как мы видели два года назад – быть не может. На душе так неспокойно и тяжело...

19/09

До сих пор не могу оправиться от пережитого... Только что вернулась – вышла погулять немного. И на моих глазах автомобиль сбил собаку... Она еще в агонии билась несколько минут... Я видела ее глаза и не могу забыть... А люди, а наши бойцы на фронте... Так много нарисовало воображение. А Борис... Неужели и он... Нет не хочу и думать. Он должен жить...

20/09

Какой ужас... Опять жертва войны... Без рук и без глаз... Просит милостыню. «Снаряд разорвался, без рук и без глаз остался», говорит он, а сам здоровый молодой. Так страшно чего-то. Нет, лучше смерть, чем такая жизнь... Не могу забыть, не могу отделаться от бесконечных мыслей.

22/09

Была на панихиде по одному из наших жильцов. Я так рыдала, не могла удержать себя... А хор пел «Со святыми упокой», «вечная память»... Мысли были далеко на фронте... И сейчас плачу... Борис милый, родной мой мальчик, где ты?! Неужели?! Нет не хочу и думать... Ты жив, приедешь, приласкаешь еще свою старушку-мамочку и мама отдаст тебе заботы последних дней своей жизни... Как тяжело, родной, если бы ты мог понять, если бы ты знал...

24/09

Хорошие осенние дни... Небо ясное, голубое... Каждый вечер сижу у окна в «Бориной комнате», смотрю на звездочки, на луну, и Борик где-то, может быть смотрит на них и эти звездочки точно связывают меня с ним... Хочется им так много сказать, хочется утешить моего дорогого сыночка... Подожди, милый, кончится война и ты опять приедешь под родной кров, опять мамочка позаботится о тебе, даст тебе сил, здоровья...

Как хочется проникнуть в эту неизвестность. И страшно чего-то... Когда же конец?!



28/09

В городе беспокойно. Живем каждым днем, не зная, что будет завтра, ночью, даже через час. Паникеры распускают тревожные слухи. Большевики наступают. Все пространство до Днепра занято ими. Немцы отступают. Для некоторых это отступление непонятно. Но кроются ли за этим какие-нибудь стратегические соображения. А пока все ждут бомбежки, эвакуации города. Говорят, немцы выгоняют всех, а оставшихся расстреливают на месте. Некоторые рассчитывают на то, что в Одессе «двоевластие»: гражданская власть у румын, а военная – у немцев. Но я думаю в случае чего – немцы не поцеремонятся, и ни с кем не посчитаются.

Правда, говорят, немцы хотели забрать город, но румыны не отдают, а немцам пока не интересно ссориться с румынами. В Италии сравнительное затишье, очевидно итальянцы воевать не хотят. По газетам – все хорошо.

05/10

В городе паника. Немцы «эвакуируют» все население, т.е. уничтожают: кто не может идти или не хочет просто расстреливают на месте, а остальные погибают в пути. Города взрывают, сжигают, в общем, сказывается вся «культура». Кто собирается уходить готовит «котомки» на плечи. А меня пусть убьют на месте. Идти я не могу – больна и стара, все равно погибну в дороге. Только бы сразу убили, чтоб не мучиться.

08/10

Паника растет не из-за того, что идут Советы, а боятся ухода немцев, т.е. «эвакуации». На наших станциях уже стоят эшелоны с «эвакуированными». Ужас не поддается описанию... Голодные, раздетые, дети плачут... Нет слов, чтобы описать. А немцы не подпускают, чтобы что-нибудь передать несчастным. Вера Л. видела женщину на улице в шикарном пальто и... босую, кормившую грудью ребенка. И много подобных картин... Ну и «немецкий сапог». Настроение в городе тяжелое. Одна надежда на румын, которые здесь пока хозяева.

11/10

Все тоже. Много жутких слухов. Сишила мешки, не знаю для чего. Разве, если будем гореть, кое-что можно будет выбросить за окно. Паника все та же. И население как будто привыкает к мысли, что нужно будет уйти. А я не могу и не уйду. Убьют ли, сгорю, задохнусь в дыму, разорвет ли бомба, но не уйду... Зачем?! Борис придет и не найдет все равно. Лучше здесь смерть. Где же ваша вера, где Бог, где добро и милосердие к мирному населению?! Как много можно сказать. Но пока молчу. Скажу в последние минуты.

14/10

Немцы все отступают. Большевики уже в Крыму на юге, перешли на восточный берег Днепра, заняты города и крепости у польской границы... Немного зага-



дочно. В газете речь Геббельса в очень минорном тоне... Как будто извиняется и хочет мира... А Гитлер все свое – до победного конца. Чем все это кончится. Газеты врут, читаешь только между строк. Но, все же так не может продолжаться. Напряжение достигло кругом высших размеров... А сколько крови... Ужас... Где же ты мой мальчик? Неужели погиб?! И плачу и что-то радостное, хорошее за моего честного сына пробуждается в душе... Будь здоров, родной.

18/10

Настроение тревожное. Фронт приближается. Народ в панике. Состояние смертников. Боятся расправы немцев. Полная неизвестность. Отовсюду «эвакуированные», т.е. выгнанные из оставленных немцами городов. Стариков убивают на месте, кто помоложе – увозят или на работу или на голодную смерть. Некоторые плачут, другие думают, как бы спрятаться, третьи смеются сквозь слезы, но, спокойных нет. Страшен уход немцев. А они все прибывают. Сейчас их полон город. Отремонтировали школы и везут раненых... Откуда? Не знаем. Но ясно, что близко, тк. кк. везут машинами... Что-то будет?!

26/10

Все тревожнее и тревожнее в городе. Говорят об эвакуации. В городе полно немцев, чехословаков и других военных. Многие прибывают, многих отправляют, раненых тоже грузят в поезда... Что все это значит?! Масса машин откуда-то прибывает запыленных, в грязи, изрешеченных пулями... Во дворе осенние ветры... Чувствуется приближение зимы... Куда же нас выгонят. Конечно, на смерть. Нет, лучше умереть здесь и никуда не идти... А в общем никто не может сказать, что будет и как придется поступать. Бои сейчас в Кривом Роге. А это не за горами.

28/10

Записывают на эвакуацию специалистов и важных чиновников пока. А так как мы маленькие люди, то нас, конечно, не пишат. А если бы и писали, то мы ни в коем случае не желаем уходить. Правда за это, пожалуй, попадешь под подозрение, или даже в «Сигуранцу», но все равно я идти не хочу и не могу. Настроение в городе нервное. Масса разнообразных и нелепых слухов. Но Советы наступают и уже недалеко. Скоро, очевидно, будут здесь, если осень не задержит наступления. Результатов конференции в Москве никто не знает. Говорят, Россия требует территорию до границ 1941 года. Но вряд ли немец на это согласится. А пока все ждут ужасов, и никто ничего не знает. Говорят, что немец сметает все города с лица земли, что даже от Киева не осталось и следа. Чего же нам ждать?! Но я спокойна.

01/11

Прospала еще одну ночь, и, слава Богу. Живем каждым часом. Город похож на военный лагерь: тысячи немецких машин, масса немцев прибывает,



куда-то уезжают, многие школы отпущены и заняты ранеными. Привозят их машинами с фронта, очевидно фронт недалеко, так как привозят свежераненых. Много «эвакуированных» из городов, оставленных немцами. Куда же нас выгонят? Ведь населения сейчас до 500.000. И кому она нужна, эта «большевистская зараза», как говорят румыны. Есть тут и румыны и чехословаки, прекрасно говорящие по-русски и поющие советские песни... По улицам масса пьяных немцев, чего раньше никогда не было. Вчера вечером у нас напротив в 1 этаже повывивали стекла... Жутко... Появилось с ними много собак – овчарок немецких, очевидно приготовленных на русских людей. Ведь, когда выгоняют из городов, спрятавшихся отыскивают собаки, и таких на месте расстреливают или сжигают. Кругом видишь под европейской оболочкой дикарей, варваров древних веков. Много можно сказать. Довольно, если скажу, что «эвакуироваться» никто не хочет, даже румыны. Есть, конечно, немногие, которые уже бегут... Румыны стараются утащить последние богатства города: машины на заводах, лаборатории в больницах и школах, медицинские аппараты, всякие кабинеты, театры с роскошными декорациями (советскими) и т.п. Даже мебель, пианино... Вот такая жизнь!..

03/11

Вчера закрылось несколько газет, в том числе «Одесса», редактор которой Пыслару тоже «смотал свои удочки». А в этой газетке часто среди бесконечной лжи, проскользнет интересная заметка. Так и говорили «Пыслару напыслярил». И вчера между прочим «напыслярил» на прощанье, что «в Германии все иностранные рабочие пропитаны марксистско-ленинским духом, что не влияет на моральное состояние немецких рабочих»... Что это значит?! Очевидно нужно читать наоборот... Предлагается населению привезти все колодцы и цистерны с питьевой водой в порядок... Очевидно, румыны вывезут водопроводные машины... А ремонты идут, город восстанавливается больше, чем когда-либо. Очевидно чтобы не было паники... Но население все знает и все понимает, даже школьники... Посещаемость школ слабая: родители боятся пускать детей, особенно старших классов, чтоб их не увезли, как рабочую силу... Гнет чувствуется на каждом шагу... Что-то будет?!

05/11

Осень вступает в свои права. Сыро, холодно, топлива нет. Но все это не беда, пока нас не выгоняют. Все равно не уйду. Или дождусь Бориса или умру в своей квартире. Так думаю и хочу, но не знаю, что заставят делать обстоятельства... Если бы пуля и конец – не беда, а если пытки, заживо сожгут... Но пока еще ночь спала относительно спокойно. Днем занимаюсь, и думать некогда.

10/11

Все тоже. Настроение паническое у многих. Но у меня почему-то спокойно на душе. Какое-то чутье подсказывает, что мимо Одессы пройдет это горе. Но, все



же, принимаю «свои меры». Говорят, что теперь «эвакуируют» немцы только мужское население от 14 до 65 лет. Боюсь, чтоб Володи не коснулось это, хотя он уже старик и еле ноги волочит. Но все это слухи и правду трудно найти.

12/11

Настроение в городе спокойное. Говорят, немцы отбили большевиков. Но это меня не радует, тк. кк. думаю, что это явление случайное и опять оттяжка в отношении Бориса. Фронт под Херсоном (сообщено по радио). Думаю, что не совсем точно, тк. кк. радио и газеты всегда запаздывают со своими сообщениями. Целые ночи думаю, как избавиться от всяких «неприятностей» (слабо сказано) и, пожалуй, выдумую. Но пока это секрет и для тебя, дневник. Когда же ты, Борик, наконец, вернешься?! Чем дольше, тем меньше надежды и это горе бесконечное. Среди всех забот, волнений, работы, всегда и везде мысли о моем дорогом мальчике не покидают меня. Через несколько дней 21/11 день его рождения – ему 27 лет. Где ты родной мой, жив ли, здоров ли, а может быть ранен и некому позаботиться о тебе... Как тяжело, Борис, милый... Я плачу, не могу сдержаться... Хоть бы выжить, чтобы встретиться еще и отдать тебе все заботы последних лет, а может быть месяцев, дней своей жизни. Будь здоров, родной!

17/11

Немцы разгулялись в городе. Кругом масса пьяных. Чуть стемнеет – не выйти за ворота – могут пристрелить. Ломятся в квартиры, высаживают двери, бьют стекла. Жутко... Привозят из «эвакуированных» местностей массу вещей и продают здесь на толкучке. Вчера ученица рассказала, что у них поместился немец, узлы у него были тяжелые, много вещей и обуви, говорит, что приехал из отпуска и это вещи его сестры?! Я спросила, какого номера были дамские ботинки: «Были разные и 37-й и 38-й и 39-й номер. Очевидно у сестры разные ноги или растут не по дням, а по часам... В соседнем дворе сгрузили целые машины всяких вещей и тоже распродают вещи несчастных «эвакуированных» русских людей, которых «освободили» от «жидов», а на самом деле освободили от всего... Что можно сказать?! Не выскажешь всего, что закипает внутри...

18/11

Пришла Настенька, предлагает эвакуироваться в Болгарию. Есть возможность. Но я никуда не уеду. Умирать, так здесь в родном городе, на родной земле. Она рассердилась, что я не соглашаюсь. Она записалась на эвакуацию, но посмотрим еще, что из этого выйдет. А я жду Бориса.

21/11

Сегодня Борису 27 лет. Где ты, мой родной?! Увижу ли тебя? Жив ли, здоров ли?! Как хочется проникнуть в неизвестность! Хочется так много сказать... Будь здоров, мой мальчик! Вернись под родной кров! Я совсем больна, вожусь с желудком, с зубами... Но все же испекла Борису вертуту с кабаком...



Пришла Настенька, Надя... Шура Ч. Тоже вспомнила и поплакала вместе со мной. Как тяжело! Вспоминаются былые годы...

22/11

Житомир взят обратно немцами... Из Крыма есть эвакуированные... Когда же наступит уже решительный перелом и конец этой страшной войне?! Вероятно, не дождемся.

26/11

По газетам немцы начали контрнаступление. Будто бы большевики отогнаны и от Киева, и от Херсона, будто бы «одна гвардейская немецкая дивизия» разбила или отогнала «36 советских дивизий, один самоходный танковый полк и еще что-то...». Может ли это быть? Но в городе у нас, как-будто, чуть поспокойнее. Правда, полон город немцев, закрыты все школы и лицеи, заняты под казармы и лазареты и часть к нам тоже стучатся, но пока удалось от них «отбиться»... Не знаю, как дальше...

27/11

Все болею. Вырвала несколько зубов, теперь нужно ставить. Правда, это мне почти ничего не будет стоить, так как делает отец моих учеников, но нет совершенно времени, чтобы возиться с этим. Набрала еще уроков и все равно уже целую неделю живем впроголодь, так как Володя не получил 20-го денег, а я получу только после первого... Заботы без конца... Но со всем можно примириться, если бы только немцы не выгнали... Будем надеяться... Пока переписали даже детей от 14-ти лет на трудработы. А эти работы теперь исключительно земляные... Как все это переносить?! Горя много.

29/11

После долгого перерыва сегодня был налет английских самолетов на город. Раздались тревожные сигналы воздушной тревоги, выстрелы зениток, смешавшихся со звуками разрывающихся бомб. Я была в это время в сквере и видела, как дымки зениток не достигали самолетов и как они, поднявшись высоко, обратившись в точку, улетали в противоположную сторону. На улицах поднялась паника... Все бежали... Немцы сошли с машин и тоже попрятались в подьезды. На их лицах был такой же страх, как и у обывателей. Говорят в порту много раненых и убитых. Бомбы были брошены в порт, и в стоявшие там суда. Что это значит? Может быть, начало конца?! Хоть бы скорей.

03/12

Работаю так, что к вечеру совершенно без сил. Все нужно сделать самой в то время, как целые дни уроки. Даже в уборную сходить некогда. А тут еще зубы нужно лечить и времени совершенно нет. По вечерам часто нет света. Вся домашняя работа на воскресенье. Но все бы это ничего, если бы здоровье. Болею в последнее время очень желудком. Лечиться некогда, как всегда. Да еще





перспективы – немцы выгонят, а ведь я идти совсем не могу. Да и не хочу. Что еще можно сказать.

09/12

Приехал Вова Р. Это было такой неожиданностью, что описать невозможно. Вчера лежу после тяжелого дня, было часов 5 вечера. Вдруг звонок. Обычно мы не открываем тк. кк. боимся немцев, но вчера Володя открыл... Входит и говорит «Рустам пришел». Действительно за ним вошел Вова. Я не могу прийти в себя от неожиданности... Но потом глубоко разочаровалась... Все его поступки такие подлые, некрасивые и оправдания им быть не может... Но все же Борика товарищ... и мне страшно тяжело. Говорить ни о чем не хочу.

13/12

Не могла отказать себе в удовольствии увидеть Евг. Петров. Несмотря на то, что трамваев нет и живет она на другом конце города, я все же пошла. Много говорили. Много она пережила. Говорит о Вове, как о скверном и грубом сыне. Спросила про Нину. Говорить сначала не хотела, сказав, что это целая трагедия, в потом сказала, что будто бы она сошлась с немцем, и Вова с ней разошелся и сюда привез другую жену. Не думаю, чтоб это была правда, тк. кк. Нина еврейка. Девочка здесь. Прекрасная Наточка, лицом вылитый портрет Нины, шустрая, бойкая... Все ласкалась ко мне. Вова занят открытием «бодег», и Евг. Петр. не может с ними жить, тк. кк. Вова говорит, что она мешает. Не думала я, что время исправит его. А Нину верно просто бросил, оставил где-нибудь в чужом месте... Семья ее эвакуировалась дальше, а Нина осталась с Вовой и дочкой... И вот ее нет. Думаю, что действительно драма, но не такая, как говорит Евг. П. Жалко Нину. Много воспоминаний... Борик, родной, когда же и ты вернешься?! Как хочется тебя видеть, поговорить, позаботиться о тебе. Хочу верить, что ты жив. А война все тянется. Будто бы немцы наступают... Но точных сведений нет... Большевики у Херсона и в Крыму... Близок локоть – да не укусишь...

19/12

Воскресенье. Целый день прошел как-то незаметно. С утра были уроки, потом вырвала еще 2 зуба, потом искала колеса, чтобы сделать тачку для «эвакуации», т.е. на случай, когда немцы выгонят... И сейчас только 5 ч. вечера, а я ложусь спать.

27/12

Прошли праздники. Сейчас жду ученицу... Какие тяжелые праздники! Борика нет и только горе на каждом шагу. Ем ли, сплю ли – все мысли одни и те же. Где мой мальчик, что с ним, не калека ли, и нет мамы возле него. А может быть умер от холода и голода в немецком «плену»? Ведь сотни тысяч они заморили голодом... Я сама видела этих несчастных... Мысли все, тяжелые



мысли... А тут еще эти немцы совершенно «распоясались» – врываются в квартиры, ломают двери, ложатся на твою постель, грозят оружием... У нас пока их нет... Я дверей не открываю им, а сломать пока им не удалось...

Праздниками выбили филенки у Нади П., разбили стекла у Минаевых, выломали ворота у Инны во дворе... Это сплошь и рядом... Пьянство в армии повальное. Как может быть такая армия?! Неужели нет начальства, которое сдержало бы все это?! Когда я говорю об этом Володе, он не хочет слушать... Один ответ: «ты забываешь, что мы рабы, терпи и молчи»... Звук тяжелых сапог на лестнице и я уже знаю, что немцы идут... Потом звонки, страшные удары в дверь... Я затаю дыхание и жду, что будет... Сама дрожу, как в лихорадке... Наконец уйдут. На некоторое время затишь, потом опять. А на улице в 5 час. вечера уже гражданской публики нет... Стрельба пьяных и никто не рискует выйти... Изредка слышишь шаги бегущего запоздавшего прохожего... А женщине совсем не покажись... Затащат в машину, изнасилуют, а то и убьют... Правда, сами немцы сваливают все это на «добровольческую армию», куда пошел всякий сброд... Вот тебе и «культура западно-европейская». Все стонут, все ждут конца... Фронт уже недалеко... Говорят, большевики в Херсоне. Но тогда нас немцы выгонят и все равно пропадешь... Если не уйдешь – убьют, ищут оставшихся с ищейками... Если бы не надежда увидеть Бориса – все равно. Никуда бы не ушла, да и так не уйду, т.к. хочу остаться, если хватит силы воли встретить смерть лицом к лицу. Пока на всякий случай собираю тачку, которой вряд ли удастся воспользоваться. Да и все равно ограбят по дороге... Жалко своего угла, нот, книг Бориса и своей библиотеки... Ведь это все приобретено тяжелым, упорным трудом и на старости лет остаться нищей, без крова, без угла... А сколько уже таких. Многие погибли, многих «прикончили» немцы... Что же это такое?! Варварство, бандитизм, расправа с безоружным населением, детьми, стариками... Что можно сказать?! А многое можно... Но что слова. Если бы дело... А дело будет потом...

## 1944 год

01/01

Пришел новый год. Сколько горя еще принесет он! А немцы встретили с большим треском: стрельба из орудий, пулеметов, винтовок, в воздухе «иллюминация» из трассирующих пуль. Мне нечему было радоваться, и я с Володей рано улеглись спать. Часов в 10 позвонили, звали встречать Новый год... Но мы, конечно не пошли. В 12 ч. разбудил грохот выстрелов... Я подошла к окну и наблюдала всю эту «иллюминацию»... Жутко стало. Чему немцы радуются? Разве уж все так хорошо?!



02/01

Была у Настеньки, хотя совсем больна. Ходить приходится пешком, тк. кк. трамваев нет уже давно... Настенька собирается уезжать в Болгарию, записалась на эвакуацию. На мой вопрос «а если Вова вернется» она ответила: «не пропадет...». «А если калека?!» – продолжила я. «Пойдет в инвалидный дом», – спокойно сказала она... Я была поражена и большие не нашлась что сказать. Я не могу этого понять. Ведь это эгоизм, а как мать может быть эгоисткой?! Я так не могу. Или умру здесь, или уйду только тогда, если уже вытолкают в шею... Борик, родной, где ты встретил новый год? Сегодня достала твои стихи и ноты, написанные тобой в 37 году, села за пианино, за которое никогда не сажусь, и знакомые, далекие звуки многое напомнили... Сначала я тихонько запела родные слова, а потом разрыдалась, вспомнила последние проводы Бориса на вокзале и вот сейчас невольно слезы катятся из глаз... Все припоминается... Плохое ушло и осталось только в памяти хорошее и потому так тяжело...

08/01

Тачка.

Посвящается на ... !?/

Рассказ из действительной жизни. Со всех сторон только и слышишь: «выгонят немцы». А это значит, в лучшем случае остаться нищей и умереть где-нибудь от холода и голода, если еще в дороге немцы не пристрелят (как они поступают со всеми стариками и детьми). Думаю вообще не уходить, но если выгонят, то хоть на первое время нужно взять с собой кой-чего съестного и какую-нибудь одежду. А далеко ведь не понесешь. Надумала я обзавестись «транспортом», т.е. какой-нибудь тележкой, типа тачки. Достала колеса, притащила оглобли, которые с трудом нашла в каком-то дворе на базаре, нашла мастера... А сегодня иду на урок, вижу в кузнице стоит небольшая тачка, написано «продается». Покатила ее немножко – показала легкой сговорилась с кузнецом и купила (деньги были припасены на обувь)... И поехала с тачкой домой... Люди смотрят, улыбаются... Сейчас же почувствовала, что конь я плохой... Притащила домой, втащила в ворота, а в парадную не входят колеса... Измучилась, испачкалась... Какой-то румын пожалел меня и помог втащить в парадную. А дальше... Думаю – украдут. И ни денег, ни тачки. На душе скверно. Еле-еле втащила из парадной и повезла обратно... А тут еще сосед говорит, что колеса – дрянь. Хорошо, что кузнец оказался честным человеком и вернул деньги... Измучилась, все болит... Завтра Алик будет мастерить друую небольшую тачку...

10/01

Тачка готова. Но не знаю, вряд ли придется ею воспользоваться – все-таки тяжело. Но пусть лучше не я уеду на этой тачке, а «другой». Пожелание невольно согревает в душе... Но молчу...



12/01

Уже несколько дней налетают самолеты и бомбят порт. Сегодня бомбы попали в город. Недалеко от места работы Володи тоже разорвалась... У них только повывлетали стекла и ранено двое человек... Много переживается... Неужели начало конца?! Сигналы тревоги по несколько раз в день... Налетают пачками, по 7, по 10... В порту много убитых и раненых... Но пока немцы, которые «при своей потере в 2 самолета сбивают десятки советских» (как сообщают газеты), у нас ни одного не подбили, несмотря на свою «ловкость». Чем это объяснить?! А пока все-таки жутко, хотя постепенно привыкаешь.

14/01

Вчера и сегодня тихо. Самолеты были, но не бомбили. Говорят пароход, который грузился в порт и в который метили, позавчера ушел вечером... Все говорят, что Советы бросали листовки, в которых говорят, что город бомбить не будут, а только объекты... Но если и так, то опасности для жителей много, тк. кк. объекты рассеяны по всему городу, и в нашем районе тоже их немало... Пока все работают нормально, и я тоже занимаюсь очень много, хотя все время болею желудком...

15/01

Говорят, что заняты Советами Львов, Черновцы, Сарны, Винница, Жмеринка... Еще кое-что говорят... Германию бомбят англичане так, что целые города снесены... И все еще немцы говорят о победе, о готовящемся наступлении... Но ведь война началась там, куда сейчас пришли Советы. Откатиться немцам от Сталинграда до Львова – это не так просто... Да и почему немцы не бомбят ни Москвы, ни Ленинграда?! Это ведь тоже нужно чем-то объяснить... Думаю, что немцам пора бы начать переговоры... Говорят о смене власти... Но газеты упорно молчат и только питаемся слухами и сквозь строк кое-что читаем... А если заняты Жмеринка, Винница, то нас некуда выгонять, разве только в поле, чтобы прикончить и пограбить наши квартиры... Ну и жизнь! А работать надо... Борик, будь здоров... Уже не могу дождаться тебя.

15/01

Похороны советского летчика.

Вчера весь город всколыхнула весть о том, что в Лузановке упал в море подбитый самолет и сегодня должны хоронить советского летчика. Вчера приходит ученик и говорит, что идет спор между румынами и немцами, как хоронить: немцы настаивают, что не следует хоронить с почестями, а румыны возражают. Пришел Володя и говорит, что летчика хоронят со всякими почестями, как орденоснца. Сегодня весь город говорит об этих похоронах. Кроме высших чинов города, как военных, так и гражданских, за гробом шли воинские части и тысячи жителей. Хоронили торжественно. А сегодня вот что в газете: «Чувство чести искони присуще румынскому солдату. На



поле битвы он уважает врага, который не в силах больше держать оружие в руках. Когда советский солдат пал при исполнении своего долга, румынский солдат ему закрыл глаза по христианскому обычаю. Так, на днях, самолет, управляемый советским капитаном летчиком. Кондратьевым Андреем Кузьмичем 40-го бомбардировочного авиационного полка был сбит воздушной артиллерией в то время, как сбрасывал бомбы на гражданское население большого города, находящегося на берегу Черного моря. Бомбами было убито много детей, стариков и женщин, осталось без крова зимой русское население. Несмотря на это румынские военные власти похоронили капитана Кондратьева по-христиански с почестями, подобающими офицеру. После богослужения, совершенного собором священников, траурный кортеж, состоящий из румынских офицеров и двух взводов солдат почетного караула, прошел по главным улицам города, сопровождаемый многочисленными жителями. Погибшему советскому офицеру были отданы все почести. Законы войны предписывают солдатам честь и человечность». Что это значит?!

Мое примечание. Летчик не бомбил гражданское население, а бомбил порт и бомбы, упавшие в городе тоже метили в объект.

17/01

Так тяжело на душе, что ни говорить, ни писать не могу... Снилось, что приехал Борик с Шурой... Я так ясно его видела, таким, каким он был в последний приезд... Сидели вместе за столом, я их кормила, чем только могла. Борис много рассказывал о своей жизни... Я видела его улыбку, слышала его голос... Мне было так хорошо... Но проснулась и стало невыносимо тяжело... Тяжелая действительность заменила прекрасный сон... Правда, сейчас не бомбят, но все в каком-то ожидании, что вот-вот немецкий приказ и нас выгонят на улицу с котомкой за плечами, которую тоже в дороге придется бросить... Все только об этом и говорят.

Кажется, один мой муженек, чтобы не волновать себя, сердится, когда я начинаю что-нибудь говорить о настоящем положении или расспрашивать о фронте... Читает Зоценко, Аверченко и на все закрывает глаза... Может быть кто-нибудь сказал бы «счастливый человек», а я была бы только несчастная в таком положении. Для меня неизвестность хуже тяжелой действительности и в борьбе с тяжестью переживаний – моя жизнь. Газет мы не покупаем – дорого, но где только достану – глотаю каждую строчку и стараюсь читать между строк. Вчера прочла приказ Очаковского военного коменданта и почувствовала какое-то удовлетворение. На память вырезаю из газеты.

18/01

Сегодня с утра ученики стали приносить мне новости: в каждом доме в эту ночь были арестованы все коммунисты и комсомольцы, зарегистрированные в полиции. Эта неожиданность принесла много горя населению. Кругом слезы, волнения. Ведь коммунист – коммунисту рознь. А комсомольцы – это



бывшие дети, которые за эти годы обратились почти во взрослых людей. Говорят – будут высылать. Но не думаю, чтобы это делалось без разбора. Что-то еще будет?! А может быть это начало пресловутой «эвакуации»?!

20/01

Как я и ожидала, особая комиссия при полевом суде разобралась и продолжает разбираться во всех коммунистических делах. Большинство отпускают, но некоторых все же задерживают, преимущественно специалистов. Берут также освобожденных военнопленных. Во всяком случае, многие волнуются.

Многих из арестованных после проверки выпускали, но сколько было пережито! Некоторых отправили в тюрьму. Говорят, что все это в связи с возрастающей партизаничиной и каким-то десантом, высадившимся за городом. В общем, события приближаются. Немного жутко, но все же нужно набраться силы воли и переносить все, пока Борис вернется. Будь здоров, мой родной мальчик!

25/01

Каждый день навеивают советские самолеты. По ним стреляют из тяжелых зениток, но они делают свое дело. Сегодня ученица рассказала, как немец, живущий в их доме, 17-летний мальчик плакал горькими слезами перед отправлением на фронт. А вчера тоже немец подложил голову под шедший поезд. Как тяжела всем эта война! Много шума, разговоров о стойкости, о бойне до последнего солдата, а на самом деле, прежде всего, каждый хочет жить и чтоб не остаться калекой, обрубком – лучше кончает сам свою жизнь. На днях румына убил паровоз. Сам ли он бросился под поезд или случайность – никто не знает. Это то, что мы знаем. А сколько не знаем?! Когда же конец?

28/01

Почти каждую ночь снится Борик. В эту ночь меня мучил ужасный сон: я искала его в морге среди разложившихся трупов... От ужаса стала кричать и проснулась... Опять заснула и опять Борик снится... «Сшей мне, мама, к Пасхе красную рубашку» – просит он... «Красную, зачем красную» – спрашиваю я и опять просыпаюсь... Жутко...

06/02 (воскресенье)

Целый день ходила под выстрелами зениток. Советские самолеты сбросили несколько бомб на Пересыпи и в порту... Есть жертвы. Живется жутко... Не знаешь, когда тебя бомба или осколок убьет... Хорошо, если убьет, а если искалечит. Все же не хочу умирать. Хочу дождаться конца этой бессмысленной бойне, конца этим ужасам, дождаться Борика... А пока люди и без фронта мрут, как мухи. Какая-то эпидемия, называют «испанкой». Зимы в этом году не было, все время гниль какая-то, мокро, сыро, грязь в сквере по колено. На днях убрали из какого-то сквера бензинную базу. Не знаю, почему. Говорят фронт под Херсоном и потому перевели в Тульчин...



13/02 (воскресенье)

Самолеты советские опять сегодня целый день летают. Но небо облачное, они летают за тучами и их не видно. Зенитки начали было безрезультативно палить, но замолчали, а самолеты, очевидно, разведывательные. Говорят, фронт в Алешихах. По газетам взято Николаевское укрепление... Уже близко. Что-то с нами будет?! Выгонят или не выгонят на голодную смерть немцы. Смена губернатора, очевидно, не в нашу пользу. Предыдущего обвиняют в русофильстве. Вообще много перемен среди верхушек власти. Но население ничего не понимает и только строит свои предположения.

14/02

Да, вчера заказала себе туфли: одни на веревке, другие кожаные. В этом месяце хорошо подработала и на туфли хватит. Немного, правда, придется сократить в еде. Но мы ведь ко всему привыкли. Плохо только, что я все болею, а то ничего не страшно. Эту ночь кроме желудка, мучили ноги. Такие судороги, что чуть не кричала. Сейчас утро – лучше. На небе тучи – опять налетят. Но и к этому постепенно привыкаешь.

16/02

В городе паника. Все говорят о так называемой «эвакуации» и даже назначают число «25 февраля». Не знаю, откуда идут эти слухи. Но нет дыму без огня. Не 25-го, так рано или поздно должно это случиться. Уходить нищей на голодную смерть не могу и не хочу. Остаться – значит погибнуть здесь. Рассказывают пригнанные сюда из других городов, что казаки, вооруженные с ног до головы финками, гранатами, револьверами с собаками-ищейками, как звери врываются в дома и никого не щадят, будь то старик, ребенок... Убивают на месте. Это бы не страшно, а если не добьют... Раньше выгоняют всех мужчин, потом детей, а потом все остальное население. Разве можно было когда-либо подумать о подобном варварстве в XX веке?! Как много хочется сказать! Тяжело все-таки жить смертником. Володя нервничает, тк. кк. на работе потребовали паспорта. Господи, спаси и сохрани от всяких бед! Говорят, «материна молитва и в огне спасает». Молюсь много о тебе, мой Борик, и хочу верить, что ты не погибнешь в этой бойне. Хочу дожидаться. А если вернешься, и нас не будет?!

17/02 (утро, 8 часов)

Жду ученицу. Сегодня первый зимний день. Вчера весь день и ночь дул холодный северо-восточный ветер и пошел снег. И сейчас идет большими хлопьями. Все покрыто уже довольно толстым белым покровом. На окнах узоры. Это в первый раз за всю зиму. Как теперь на фронте?! Бедные бойцы! Да и нас что ждет – никто не знает. Во всяком случае никто не говорит о хорошем. Ничто не страшно так, ни бомбы, ни снаряды, а только ожидающаяся «эвакуация». Пишу в кавычках, тк. кк. это не эвакуация, а просто выгонят, как скот. Вряд ли многие выживут. Но я все еще хочу верить, что скоро все кончится.



22/02

Зима в полном разгаре. Лежит глубокий снег, морозы. Пожалуй, еще затянется. К лучшему ли или к худшему?! Конечно, думаю о фронте. Ускорит ли это конец? Говорят фронт от нас 200 километров, но все только говорят, а газеты молчат.

25/02

Несколько дней продержались небольшие морозы, а сейчас уже все тает. Грязь кругом, через сквер не пройдешь. И в эту-то ужасную распутицу к нам прибывают в Одессу «эвакуированные» из ближайших мест. Вид их ужасный: оборванные, грязные, голодные, нищие люди. Нет слов, чтобы описать весь ужас. Как много хочется сказать!

03/03

Опять «эвакуированные». Шла толпа женщин. Мужчин и детей вывозят или выгоняют отдельно. Кругом столько ужаса, что не поддается описанию. Голодные, нищие люди, замерзающие в теплушках дети... Кругом паника. Все мои ученики тоже волнуются, что их оторвут от родителей и отправят куда-то. А куда?! Никто не знает. На душе тяжело, мыслей много, а не находишь выхода.

07/03

Все одно и то же. Говорят о мире с Финляндией, т.е. о выходе Финляндии из войны, но вряд ли это изменит положение. Будет то же, что с Италией. Немцы оккупируют и будут продолжать войну. И конца не видно. А уже скоро 3 года... Как тяжело переживать и свое и чужое горе... А может быть где-то мой Борик еще больше страдает, чем я... Жив ли, здоров ли, что делает и думает?! Живу надеждой, что при всяких условиях еще до конца жизни своей увижу моего дорогого мальчишка, приласкаю, отдам ему все заботы остатка своей жизни. Милый, родной, как много хочется сказать. Иногда рисую себе картинку твоего возвращения, вечером в постели начинаю мечтать об этом и с этими мыслями засыпаю... А ночью часто ты приснишься... И опять просыпаюсь с тяжелым чувством сознания действительности. Днем некогда задумываться: работы по горло – дня не хватает, а здоровье очень плохое. Эту ночь Володя грел воду на грелке тк. кк. страшно мучила печень, но все же, по обыкновению, пришлось встать в 5 часов и до 8-ми убрать, приготовить обед и в 8 шесть заниматься. Сейчас не пришла ученица и записываю этих несколько слов.

10/03 (7 часов утра)

Всю ночь и сейчас преследует этот кошмар. Вчера вышла к сапожнику и увидела несчастных, выгнанных из Кривого Рога. Исключительно мужчины всех возрастов, начиная с детей лет 13-14. Оборванные, полу босые, худые, несчастные... Много людей останавливалось, многие несли им хлеб. Я тоже купила хлеб, хотела дать сама, но немецкий патруль не подпускал даже близко





подойти, а сам давал этим голодным людям, которые почему-то стояли на улице. Их было человек 500. Особенно запечатлелся у меня взгляд одного человека, худого, высокого с бородкой, как у Володи. Сколькo горя и еще чего-то... Охрана из русских добровольцев. Куда же гонят этих людей, оторванных от семьи, нищих. Нет, лучше здесь умереть, хотя у меня есть полная возможность сейчас выехать в Болгарию. Уже один эшелон в 17 вагонов ушел, скоро уходит другой. Настенька хочет оформиться и собирается уехать от этих зверств немцев. Но я не могу. А если Борис вернется? Может быть, удастся оstarься в живых. А если нет – будь, что будет.

10/03

Нужно спасать Володю, иначе немцы угонят. Долго думала и решила, что если у меня будет на руках путевка в Болгарию, Володю могут не тронуть. Сегодня пошла в консульство, но записалась на третий эшелон, который будет месяца через полтора-два, потому не страшно. Получу путевку и, авось, это поможет спастись от этого террора. А там будет видно, что делать. А что скажет Борис, если вернется? Страшно мучаюсь всякими мыслями. Но вряд ли удастся уехать, да и Володя категорически отказывается. «Буду погибать здесь», говорит он, и я все сделала, не говоря ему, тк. кк. будут большие неприятности.

12/03

Ночи не сплю напролет. Мучают всякие мысли. Никуда я не хочу ехать, а с другой стороны нужно спасать Володю. Угонят немцы – пропадет, если не пристрелят еще по дороге. Что делать?! Как быть дальше? Бросать все, что наживалось таким трудом и ехать в чужую страну, где не знаешь, как заработаешь голодный кусок хлеба. Да и в Болгарии неспокойно. С минуты на минуту, могут и там разыгаться военные действия и немцы будут проделывать тоже, что и здесь. «Из огня да в полымя», говорит Володя. «Ты поступай, как хочешь, а я погибну здесь». Что делать? Одна, я, конечно, никуда не поеду, да и вообще ехать не хочу. Говорят, после войны границы будут открыты и можно будет вернуться обратно, увидеться и позаботиться о моем дорогом сыночке. А если нет? Страшно. Нет, решительно, никуда не еду. Погибну здесь.

15/03

Город румыны сдали немцам. Кругом паника. На многих лицах ужас... Все уже знают, что такое «немецкий сапог», что такое расправа русских изменников-казаков. Жутко и мне. Неужели погибнем, и я не увижу моего родного мальчика, не помогу ему?!

19/03

Паника все сильнее. Немцы местные все выезжают. Ольга и Эльза уже прекратили заниматься, тоже едут. В городе паника, на базарах ничего купить нельзя, цены выросли в 10 раз, например картофель, вместо 15 марок пуд, теперь 150 марок, сахар вместо 30 – 70 марок, яйца вместо 10 – 80 марок, лук вме-



сто 2-х – 20 марок 1 кг, масло коровье вместо 50 – 320 марок 1 кг, сало 200 марок 1 килограмм... Конечно с моими деньгами я ничего купить не могу, но народ все же покупает и по этой баснословной цене... Но все это бледнеет перед перспективой быть выгнанными... Прежде всего угоняют мужчин, всех без исключения, а потом и женщин и детей... Потом грабят опустевшие квартиры жгут, ломают, уничтожают... Не щадят ни женщин, ни стариков, ни детей... Хуже нашествия Аттилы или Чингисхана... Видела сегодня Настеньку. Она на днях должна выехать в Болгарию, но я не еду. Получить бы только путевку, чтобы Володю не угнали немцы... Это значит, что где-нибудь и даже скоро погибнет в каком-нибудь запломбированном вагоне товарном, или в проволочном заgone под открытым небом... Мы уже здесь вволю насмотрелись на этих несчастных. Наши население всячески старается облегчить положение этих заключенных, ни в чем неповинных мирных жителей. Говорят еще о трениях между румынами и немцами, будто бы румыны не отдадут город и всю область... Но мне кажется, что этим народ хочет себя успокоить только...

21/03

Володя за несколько дней так изменился, что узнать нельзя, похудел, осунулся, меня успокаивает, а сам чувствует, что могут выгнать. Хотел как-нибудь уйти с работы – нельзя: немецкий приказ всем оставаться на местах. Я не могу ни есть, ни спать, думы без конца. Володя ходит на работу с мешочком сухарей и куском сала на всякий случай, если выгонят, хоть на первые дни, чтоб было что-нибудь поесть. Женщины многие плачут... А фронт все ближе... Говорят большевики уже в Бессарабии... Заняты Сороки, Бельцы, поврежден Бендерский мост, в Тирасполе образовалась пробка от уезжающих румын и немцев. Болгарам заявили, что «вагонов нет, транспорта нет и выехать невозможно». Многие едут на Овидиополь, а оттуда через лиман паромом переправляются в Аккерман. Мои соседи тоже уезжают – один дезертир Красной армии с семьей и немцы. Конечно, ему есть чего бояться, а нам бы только выжить, пережить этот террор. Такие ужасы рассказывают, что не хочется верить. Общий стон стоит: варвары, изверги, каких нельзя было себе представить. Выживем или не выживем?!!

22/03

Все тоже. Ученики разбегаются, никакие занятия не идут в голову. Сегодня вышла в город... Кругом все мертво, магазины почти все закрыты, базар пустой... Настроение жуткое... У нас в сквере вижу скопление народа... Узнаю, что немцы продают «трофейные вещи», т.е. награбленные у несчастного выгнанного населения других городов. Сказали мне, что на 3-ей станции «трофейка», разгружают целые вагоны этих вещей и продают по дешевой цене. Конечно, наши спекулянты да и население ластится на это... А мне только жутко. Тяжело даже подумать, что на этих вещах людские слезы и кровь... Ни за что не куплю ни одной тряпки... Как-нибудь одеться, лишь бы пережить. А народ



забывает, что и ему грозит то же, что он также будет выгнан и ограблен, возможно, в недалеком будущем. Володя измучен, по ночам стонет, ходит с мешочком сухарей на службу, на которой и работы нет. Хоть бы скорее сократили! Как будет – так будет. Немного продуктов купила, мамалыга есть еще прошлогодняя – с голоду не умрем, только бы быть дома. Скорей бы, скорей все кончилось. На дворе слякоть, идет дождь, в комнате холодно. Жду Володю. Ученица не пришла. Каждый раз волнуюсь, пока дождусь Володю.

25/03

Уехала еще пара моих учеников. Пока занималась, отдавала им все силы – отношения были хорошие. Но когда я им стала не нужна – они, т.е. родители их – немцы, показали свое настоящее лицо. Они распродавали все вещи, кстати сказать, награбленные у евреев, но я знала, что ванна их собственная, сделана была по заказу и решила купить. Попросили 50 марок. Я одолжила и заплатила, но когда я пришла забирать ее, то меня буквально вытолкали в шею, да еще потребовали вернуть 2 кило фасоли, тк. кк. фасоль я купила по 2,50, а сегодня она 50 марок килограмм и они продашевили. Я фасоль, конечно, не вернула, тем более что уже часть сварила, и всякие отношения порвались. Но сегодня, они как ни в чем не бывало, простились со мной и я, глупая, даже расчувствовалась. Здесь сказано, конечно, не чувство, а просто нервы, которые развинтились до последней степени. И все это мелочи в сравнении с надвигающимся. Если гражданских немцев и румын эвакуируют – значит, положение в Одессе такое же, как в других городах, из которых отступили немцы, т.е. живем до поры, до времени. Живем каждым днем: день прошел, и слава Богу. Володя не хочет даже говорить об этом. И я одна со своими тяжелыми думами.

25/03

Много слухов. С работы уйти нельзя под страхом смерти. А на работе выдали удостоверения немецкие с обозначением года рождения. Все знают для чего это: выгоняют мужчин от 14 до 65 лет. Уже было в городе несколько облав, хватали прямо на улице и угоняли. Что можно сказать... Многие говорят о том, что в Дальнике и в Татарке сделаны загоны, ограждения колючей проволокой для «эвакуированного» населения. Раньше я бы ни за что не поверила, но теперь, видя вокруг всю «культуру», которую нам принесли наши «освободители», все верят даже такому слуху, который казался бы нелепым. Володя все ходит с мешочком сухарей на всякий случай. Как можно так жить?! Все население в панике. Казаков полон город. Все знают, что, когда немцы выгоняют, то посылают на расправу казаков, которые жестоко расправляются, грабят, убивают. Уже никто не верит, что в Одессе будет благополучно. Все чего-то ждут, жизнь парализовалась, на работу ходят, но работа не делается, да и делать нечего. Приказано открыть школы и лицеи, но никто в них не идет, так как считают ловушкой: легче выгнать из лицей, чем искать по домам. Никто немцам не доверяет... А Советы все идут вперед. Хоть бы скорее!



27/03

Немцы расщедрились: пока, правда, только нормы есть пайков, а когда их дадут неизвестно. Полагается, на работающего, на неделю 3 ½ кг хлеба, 3 кг картофеля, 300 грамм круп и 127 грамм жиру. Какая точность! Ну, уж хоть бы это дали, а то только разговоры. А на базаре ничего купить нельзя, цены еще больше выросли, напр. кило капусты – 50 марок, кило картоф. – 15 марок, а жалованья румыны давали 180 марок в месяц, а немцы, говорят, еще снизят. Некоторым учреждением и заводам перед уходом румыны дали хорошие пайки, а наша дирекция, как всегда, ни о чем не позаботилась и абсолютно ничего не дала. Живем теми небольшими запасами, что было дома. Но надолго ли их хватит?! Но будь, что будет, только бы немцы не выгнали. А разговоров много.

29/03

Сегодня неожиданно сильный мороз, окна затянулись узорами, тяжело было заниматься, хотя и уроков сейчас мало: кое-кто уехал, кое-кто просто бросил, тк. кк. настроение не для учебы. В связи с этим и у меня настроение еще тяжелее: что будем делать без гроша денег?! А Володя все ходит с мешочком коржей «на всякий случай». Что можно еще сказать?!

30/03

Сегодня еще одна соседка-немка уехала. Подъехала немецкая машина с военными и забрала ее. На машине были еще люди, очевидно, тоже бегущие, но они бегут от большевиков, немцев им бояться нечего. Все это опять наводит на размышления, что будет с Володей, что будет с нами. Говорят, уже Николаев занят, теперь очередь за нами. Как и во что это выльется, никто не знает, но предположения самые ужасные, судя по поведению немцев в других городах. Казаков в городе масса. Пригнали, очевидно, для расправы и грабежей. Хоть бы скорей все кончилось. Жизнь в неизвестности – нет сил.

03/04 (2 часа утра)

На дворе зима. За ночь навалило много снега и сейчас метель при сильном ветре продолжается. Сажу в кухне тк. кк. во всей квартире холод. Ученики все разбежались, никому сейчас не до занятий. Да и у меня такое состояние, что все из рук валится. Володя ушел, а я пошла на базар. Но, как и везде, все было мертво. Была одна баба с углем, просила 400 марок за ведро и 2-3 с зеленью: 100 м. кило капусты или бурака, а за лук просили в обмен продукты. И вообще никто за деньги ничего не хочет давать, только в обмен. Пошла дальше; на вокзале тишина, только немцы продавали соль, но за спекулянтами ничего нельзя было купить. Народу очень мало, даже жутко ходить. Говорят: фронт в Сычавке – 35 километров от города. Немцам уходить некуда – все пути перерезаны. Один велосипедист немец спрашивал дорогу на Тирасполь, другой шел пешком в Татарку, собираясь улететь самолетом. А на Среднефонт. улице бесконечная вереница подвод немецких, бежавших из Николаева. Говорят, ехали



14 дней. Все солдаты грязные, оборванные, озябшие, есть совсем мальчишки. Все голодные – им дали по кусочку хлеба и они тут же на улице жевали его. Вид у них был такой жалкий, ведь тоже люди, что больно становилось и за них и за всех несчастных. Во всем видна агония города. Волнуюсь за Володю. Хоть бы вернулся домой и больше из дому не выпушу. Сейчас облава: ловят мужчин по городу и на базарах. Хотя я вчера «кое-что» проделала, чтобы Володю не взяли и кроме того нагрнула его всякими справками о болезни. Борик, где ты родной, вспоминаешь ли свою мамочку и свой родной многострадальный город, который ты так любил?! Когда вернешься и вернешься ли?! Если бы не мысли о тебе, легче было бы все переносить и умирать... Но, может быть, выживем, может быть эта метель не по времени сослужит хорошую службу. А для русского бойца погода не страшна. Во всяком случае, вопрос дней.

05/04

Откуда-то стреляют. Над головой свист снарядов, который смешивается со взрывами: взрывают немцы объекты. Скоро и мы взлетим, когда вокруг начнут взрывать заводы. Пережили ужасную ночь: в 2 часа вломилась пьяные немцы, бушевали по всей лестнице и, наконец, сломали дверь на втором этаже и вошли в квартиру, заставили хозяйку еще топить им печку, но хозяйка, молодая женщина, затопила и с ребенком убежала на другую парадную к соседям. Мы дверей не открыли, кое-как оделись и уже не спали всю ночь. Володя все ходит на «работу», бросить нельзя: грозят забрать удостоверение, а тогда немцы заберут. Облавы каждый день, много мужчин уже забрали. С заводов тоже позабирали. Стрельба продолжается. А люди грабят заводы, фабрики. Как они могут расхищать свое, родное! Мародеры! У меня не было нитки чужой и не хочу ничего, только бы живыми остаться да свое сберечь. Говорят, фронт под Одессой 25 килом. Хоть бы Володя скорее вернулся. Сегодня пока немцы не ломились. Господи, дай покоя, хотя относительно. Когда же конец?! Купила сегодня кое-каких лекарств, даже для Борика «пивные дрожжи»: если будет слабый, или повторится старый фурункулез – подлечу родного. Только вернись, мой мальчик, а я все, что смогу для тебя сделаю. Володи нет, но я спокойнее: подделала ему паспорт: прибавила 10 лет. Забирают до 65, а ему сейчас 72 года.

06/04

3 дня шел снег при сильном ветре. Сегодня все тает, значит дороги развезло: ни немцам удирать, ни нашим приходить. А я думала, что «генерализима» пришла на подмогу. Ведь русскому человеку не страшна русская зима. Все волнуются, соседи мои собирались и не успели удрать, забрались на свою дачу, увезли все, конечно позакрывали, попрятали... А мы, как многие: как будет – так будет, самим бы остаться живыми. Выгонять нас, как будто, тоже некуда. Говорят уже и в Тирасполь, и в Раздельную закрыт путь. Словом мы в осажденном городе, в котором еще масса немцев. Будет ли бой в



городе или сдадутся?! Многие немцы прячутся, говорят, по квартирам и за городом, на кладбище. Разложение в немецкой армии полное, воевать никто не хочет, и они свободно об этом говорят. Но, все же конца не видно и нам, как и многим приходится переживать все ужасы войны.

(Вечером)

Большое зарево пожара озаряет небо. Взорваны и подожжены Январский, Канатный, 2 маслобойных и кондитерская фабрики. Разрушают наш прекрасный, родной город... Сейчас взрывают вокзал и вагоны. От взрывов каждый раз трясется дом – вот-вот рухнет. Володя ходит из угла в угол по комнате, поминутно, то открывает, то закрывает оконные рамы, чтобы уберечь стекла. Ходит молча, изредка по адресу немцев отпуская пару теплых слов. Я выглянула с балкона, кругом дым, огонь, жуть... Никакими словами не описать горя и ненависти... Обидно, что не успели наши... Но ничего... Володя сказал: я старый, но если смогу сам пойду помогать все восстанавливать. И каждый русский так говорит... Как больно все это видеть. «Культура запада»... Разрушать город, ловить мужчин, как собак, врываться к жителям в квартиры, грабить, насиловать женщин... Мне пока удается никого не впустить... Не знаю, как будет дальше, если скоро все не кончится... Уже 7 час. вечера, а сильные взрывы все еще потрясают воздух, «трудовой день» у немцев еще продолжается... Подобных извергов не видел мир. Жестокий, отвратительный народ. Ну и заплатят же они за все. «Непобедимая германская армия» воет с беззащитным, безоружным населением!!!

07/04 (утром)

Взрывы продолжались ночь и сейчас тоже. На дворе дождь, но откуда-то из-за разрушенного дома поднимается столб дыма. Слышна ружейная стрельба. Вероятно, стреляют в мародеров, которые продолжают растаскивать свое же добро. Ведь им же придется работать опять и создавать, зачем же растаскивать до конца погоревшие заводы... Стреляют зенитки... Летит самолет советский; очевидно пришел разведать, что здесь делается. Я сижу у окна в кухне и записываю этих несколько строк. На улицу совершенно не выхожу. Вчера удалось поменять кабак на горох, спички и табак, вернуть табачную пыль. Как-нибудь только бы выжить, дожидаться Борика, быть здоровой и работать по-прежнему.

08/04 (утром)

Всю ночь продолжалась «ударная работа» «освободителей-победителей». «Стахановцы-немцы» взрывали всю ночь. Яркое зарево пожаров освещало небо. Откуда-то издалека доносилась канонада. Ужасная ночь. Хочется бежать, кричать, убить... Все родное, дорогое, близкое разрушается руками «культурных» варваров... Больна уже не только душой, но физически: болит сердце, спина... Пойду сейчас на улицу, тк. кк. сидеть дома нет сил...



(4 часа дня)

Взрывают спиртовой завод. Я зашла утром к своим ученикам – детям заведующего спиртзаводом. Они мне сказали, что меры приняты, чтобы от взрыва не пострадал бы весь наш район: громадные баки налиты водой и вообще постараются, что возможно сделать. Пришлось открыть все окна... Взрывы продолжаются. Мародеры тащат водку, ликеры, немцы стреляют, уже есть несколько убитых... Вот несут убитую старуху, которая тоже полезла за спиртом. Канонада утихла. Неужели отогнали?! Говорят бои за Лузановкой, Беляевка взята красными, продвигаются к Выгоде. По газете: «бои севернее Одессы»... Что нас ждет?! Я сижу опять дома, Володи нет, состояния душевного не могу описать...

09/04

Ужасная ночь прошла. Взорван спиртзавод. Всю ночь продолжались громадной силы взрывы, рвались котлы, взрывался спирт. Зарево пожара далеко освещало небо. Жители соседних домов тащили свои вещи подальше. И вдруг в нашем дворе крик: «пожар в доме». Я выглядываю в окно: двор полон дымом. Паника. Оказывается – в трубе загорелась сажа. Всю ночь была дальнотбойная. Снаряды с рокотом неслись над городом. Дом содрогался так, что вырывало рамы, разбивались стекла. Три раза налетали самолеты. Били зенитки. Всю ночь стоял гул от взрывов и от зарева пожаров было светло, как днем. Пишу о фактах, тк. кк. состояние – нет слов описать.

09/04 (5 часов вечера)

Взрывы целый день потрясают дом, рвут окна, двери, вылетают стекла. Приказ: «в виду нападения гражданских граждан на лиц союзного командования с сегодняшнего дня с 3-х часов дня ходить по городу воспрещается. Окна и двери закрыть, но не на замок»... Что все это значит?! Дом заходил, как при сильнейшем землетрясении... Неужели рухнет. Куда идти... Не могу писать... Опять ночь приближается...

10/04 (5 часов утра)

Всю ночь грохотали орудия, слышна была канонада. Взрывы громадной силы потрясали весь дом. Кругом горели заводы, говорят, взорвали водопровод. Никто не спал. Всю ночь разговоры, все ждут расправы немцев, видно, что городу пришел конец. Сейчас лежу в кухне на ящике, тк. кк. уже ни ходить, ни соображать что-либо не могу... Говорят русские в Кремидовке...

(6 часов вечера)

Боже, неужели свершается. Русские в городе. Да, русские солдаты, офицеры... И население осталось... Нас не выгнали, не убили, не разграбили. Пришли наши родные, дорогие действительные освободители. Лежу утром в кухне, слышу, как казаки на улицах стреляют... Страшно... Вдруг вбегает Володя, который вышел поразведать, что делается (было часов 6 утра), лицо у него



дергается, сам плачет: «Русские солдаты в городе, я сам видел»... Вскрикиваю, не верю. «А может быть провокация: от этих извергов всего можно ожидать...». Схожу вниз. На улицах народ кучками стоит у ворот, но все боятся выказать свою радость. Все говорят: «Может быть, немцы провоцируют». Но вот к нашему дому подъезжает машина с русскими красноармейцами и офицерами. Сомнения нет. Народ их обнимает, целует, зовет в квартиры, поит, кормит... Я разговариваю с шофером-красноармейцем лет 17. Появились партизаны. Говорят, когда бой был на Пересыпи, они зашли немцам в тыл и этим помогли армии. Немцы бежали с позором, а наши за ними гнались по пятам. Целый день в городе царит оживление. Все поздравляют друг друга. В церквах молебны по случаю избавления от «иноплеменных», колокольный звон... Неужели мы выжили? Неужели все ужасы кончились?! Но ведь война не кончилась. И если мы уже пережили, то многим еще придется переживать все эти ужасы. Неужели конец? Русские победоносно наступают. В соседние дома пришли родные – красноармейцы. Где же ты Борик? Хоть бы весточку о тебе. Буду ждать и надеяться. За эту ночь много в городе убитых бомбами и снарядами. В соседнем доме убило мужчину и оторвало руку у женщины. В детскую консультацию попал снаряд... Но пока пережили... А дальше будет видно.

11/04

По приказу все мужчины от 19-ти до 50-ти лет должны явиться сегодня же к 10 часам утра на сборные пункты. Володя пошел посмотреть и говорит, что там народу много... Многие идут с воодушевлением, с сознанием, что нужно помогать армии. Правда, остающимся тяжело. У одной женщины из нашего дома ушли муж и сын... Я понимаю горе матери, но так нужно. Пришли Настенька и Надя, многое порассказали о последних зверствах немцев. В одном доме в городе заперли в подвале 200 человек мужчин, которых ловили в последнее время на улицах, и сожгли вместе с домом. В другом доме уходя, бросили гранату и ранили жильцов, и много подобного. «Культура» проявлялась до конца... Володя был в городе. Приказ: «завтра всем явиться на места своей работы». Что все это значит? Неужели сразу хотят поставить жизнь на мирные рельсы?! Ну, а пленные немцы хорошо поработают над восстановлением разрушенного города. Говорят, Сталинград уже почти восстановлен их руками: работали немцы, а надсмотрщиками были румыны, которые их также ненавидят, как вся Европа. Слов нет, чтобы описать все, что переживается. Видеть родных, дорогих, с огрубевшими лицами наших бойцов, а не лоценных с маникюром немецких «воинов». Вдали слышна канонада... Вообще нас окружили не дальние, как километров на 40, так что бои, очевидно, недалеко. Говорят немцев окружили где-то километрах в 20... Но, все это только говорят. Хочется видеть русскую газету и узнать действительное положение вещей.





14/04

Город оживает большевистскими темпами. Приказы открыть все торговые помещения. На консервном заводе сохранился после взрывов один цех и уже приступает к работе. На спиртовом остались машинное и ректификационные отделения, на электростанции – 3 турбины, но все шахты в городе взорваны (тонкость немцев в отношении разрушений не имела границ). Вокзал, порт и многие здания представляют груды развалин. Взорваны железнодорожные мосты, но дамба и водопровод остались целы, не успели. В окрестностях, в деревнях вырезано население, еще бы день-два и нас постигла бы та же участь... Стреляют орудия... Что это значит. Летят 2 самолета... Стреляют зенитки. Значит вражеские... Жутко... Могут еще и бомбить, и зажигать... Ну, поживем и увидим.

15/04

У нас во дворе стоят красноармейцы и командир молодой парень. Вчера под звуки баяна вечером долго танцевали. Я смотрела из окна... Многое вспомнилось. И я долго плакала... Борик со своим джазом, танцы, которые он так любил... Где ты, родной? Вернешься ли? Как хочу тебя видеть, позаботиться о тебе, дать тебе отдых и покой. Ведь уже 4 года, как ты ушел в армию... И я знаю, как хочется тебе домашней обстановки, родного угла... Тяжело!

16/04

Вчера появилась первая газета «Черноморська комуна». Сегодня я достала у соседей и с жадностью прочла четыре напечатанные страницы. (До сих пор со времени вступления в Одессу Красной армии сообщения печатались на пишущей машинке и расклеивались по городу). Кое-что переписываю, тк. кк. газету придется отдать. (Газета на украинском языке).

«Наказ верховного головнокомандуючого генералу армії Малиновському. Війська 3-го Українського фронту сьогодні 10 квітня, в результаті умілого обхідного маневру піхоти та кінно-механізованих з'єднань, у сполученні з фронтальною атакою, заволоділи важливим господарсько-політичним центром країни і першокласним портом на Чорному морі – Одесою – міцним опорним пунктом оборони німців, прикриваючим шлях до центральних районів Румунії. У боях за оволодіння Одесою відзначились війська генерал-повковника Цветасва, генерал-лейтенанта Шлемина, генерал-повковника Чуйкова, генерал-лейтенанта Глазунова, генерал-лейтенанта Морозова, ген.-майора Горохова, ген.-майора Рубанюка, ген.-майора Куприянова, генер.-майора Мокевчука, кавалерійські з'єднання кубанських козаків ген.-лейт. Плієва, танкісти ген.-майора танкових військ Жданова, артилеристи ген.-полк. арт. Неделіна, ген.-лейт. арт. Вознюка, ген.-майора арт. Левіна, ген.-майора арт. Косенко, льотчики ген.-полк. авіації Судец, ген.-майор авіації Толстікова, ген.-майора авіації Шевченко та зв'язківці ген.-лейт. військ зв'язку Леонова. В ознаменування



одержаної перемоги, з'єднання і частини що найбільш відзначились в боях за визволення Одеси представити до присвоєння найменування «одеських» і до нагородження орденами. Сьогодні 10 квітня о 20 годині столиця нашої Батьківщини салютує нашим доблесним військам, які звільнили Одесу, двадцятьма чотирма артилерійськими залпами з трьохсот двадцяти чотирьох гармат.

Кораблям Чорноморського флоту в цей же час салютувати дванадцятьма артилерійськими залпами із ста двадцяти гармат на честь військ, які звільнили від німецьких загарбників важливіший порт на Чорному морі – Одесу. За відмінні бойові дії оголошую подяку всім керованими Вами військами, що брали участь у боях за визволення Одеси. Вічна слава героям, що пали за свободу і незалежність нашої Батьківщини. Смерть німецьким загарбникам.

Верховний Головнокомандуючий Маршал Радянського Союзу.

Й. Сталін

10 квітня 1944 року».

Дальше ідуть повідомлення об успішних операціях в Криму і в Одеськой області. Знято много сел и город Овидиополь. Потом приветствия, военные эпизоды этой страшной последней ночи, когда Одесса была залита морем огня, когда непрерывный грохот от орудий, взрываемых мостов и зданий стояли в горячем, наполненном дымом городе.

«Привіт тобі, звільнена Одесо, перлина Чорномор'я! Перемога, остаточна перемога над ворогом близька. Небагато мине днів напруженої творчої роботи, коли наша рідна Одеса, поранена ворогами витре сьози своїх мук і знову стане сяючою перлиною радянського Чорномор'я».

«Радісним громом сердець вітає країна цю перемогу. Одеса, наша славна приморська красуня Одеса, знову в рідній радянській сім'ї. Веселе, талановите, дотепне місто, гарячий український Марсель, місто – друг, місто – душа – справжня перлина в барвінковому вінку міст матері України».

«В грозові часи боротьби ми ще більше полюбили нашу вродливу і веселу сестру»...

«Мине небагато часу, Одеса стане ще красивішою, бо в грудях одеситів б'ється, як і раніше те ж щире серце радянських патріотів... Одесити любили і люблять свою красуню Одесу... Палкий вам привіт, товариші одесити...».

Дальше большая стаття как постепенно занималась Одесса войсками Красной армии. «Пишайся, воіне 3-го Українського фронту. Ти врятував Одесу від загибелі! Вона залишилися, вона вижила...». Німці передали сьогодні по радіо, що вони «повністю зруйнували Одесу». Брежуть. Хотіли зруйнувати. З шкури лізли, щоб спопелити нашу Одесу, але не встигли.

В останній час рвонули тікати, кинулись боягузливі підпалювачі в різні сторони рятуючи свої підлі шкури. Бо удар наших військ по навалності своїй був як натиск урагану. Про поспішність втечі німців з району Одеси яскравіше за все говорить те, що вони не встигли угнати з міста населення.



Десятки міст бачили ми в перші дні і години після визволення їх, але таке багатолюддя на вулицях зустріли вперше».

«Дорогі, рідні одесити! Бажаю лишатись такими ж експансивними, жвавими, беззавітно відданими своєму місту і своїй батьківщині. Тільки нові воєники блищать в їх очах, коли згадують вони про німців і румунів».

Дальше в газеті життя города: ремонт водопровода, жилищного фонду, кінотеатри. Как будто и не было этих 2-х с половиной лет чужеземного владычества. Жизнь быстро воскресает. Все одеситы с жаром принимают за работу. Сотнями, тысячами идут в военкомат.

Здрастуй!

Здрастуй, Чорне море, золота Одеса  
Здрастуйте, каштани! Вже не будь ярму,  
В небі переливні сонячній плеса,  
Ми навек прогнали з рідних вулиць тьму.  
Здрастуй, наше місто! Садам, далиною  
Все навколо квітне після років мли.  
Здрастуй, здрастуй, здрастуй!  
Ми прийшли весною  
І тобі на крилах щастя принесли.  
Ще не змили хвилі кров із Ланжерона,  
Що заграва грають в бронзових очах  
Пушкіна. А навколо все у співгах тоне,  
І вітри цілують пурпуровий стяг.  
Гей, стежки південні!  
Дівчина смуглява дивиться на мене,  
А в її очах грають морем зорі.  
Слава сонцю! Слава.  
Слава Україні тут і в небесах.

Слава тим, хто в бурю не схилив знамена.  
Хто шляхи криваві з битвами пройшов  
Утіка на Захід гадь і тлін шалена  
Й слід її проклятий лиш могили й кров.  
Хоче гад злетіти, але крил немає, -  
Ми їх одрубали!.. В серці туга й гнів.  
Накладем з катів ми трупів Гімалаї,  
Та за кров дитячу й сльози матерів.  
Друзі! За Одесу, вороги в на леза,  
На ліхтар - їд всіх.  
Вогняним мечем  
Ми з катюг катюзі, правда зорі, mesi  
Скоро у Берліні серце проштрихнем!  
І шкурнем собакам...  
Море наше, море! Скільки  
ти нам снилось і оці доми,  
Де нам усміхалось щастя незоре,  
Де колись зростали і любили ми.

21/04

В городе все-таки неспокойно. Доносится канонада с фронта, отсюда из города бьют дальноточные орудия, стреляют зенитки, продолжаются взрывы: минеры и саперы взрывают заложенные и не взорванные немцами мины. Прибывает много раненых. Мимо меня сегодня проехало несколько подвод с ранеными с фронта. Тяжелое зрелище: на деревенских подводах лежат по двое раненых, прикрытых одеялами, в глазах страдание. Невольно сравниваешь с доставкой немецких раненых на больших удобных машинах. И все же при всех удобствах немцы продолжают отступать. Задумываешься и не понимаешь: в чем дело?!

Страшно! Работа в городе кипит. К 1-му маю должны пойти трамваи, исправлены повреждения на железной дороге, пущены уцелевшие цеха заводов. Я тоже много работаю по общественной линии: выбрали в тройку. Отказы-

\* Стихотворение Владимира Сосюры.



ваться не приходится, хотя работать тяжело. Собираем пожертвования для организации лазаретов, кормим раненых, готовим подарки красноармейцам. И наши жители как всегда горячо отзываются на каждый призыв. Наш дом вышел на первое место и признан ударным... Но я очень устала и совсем больна. Да и от Бориса все еще никаких вестей. Многие из знакомых получили, многие одесситы сами пришли, а у меня ничего. Думаю много, думаю и жду, жду.

25/04

Уроков нет. Жизнь тяжелая, но все это ничего, только бы было спокойно. А фронт на меже километрах в 40 и никакого сдвига. Говорят, отстали обозы, снаряжение, а железные дороги испорчены. Правда ли?! Канонада ясно слышна, орудия бьют. Газеты говорят: «без существенных перемен». Все это наводит на тяжелые размышления. Но хочется верить, что не будет возврата уже всему пережитому.

29/04

Работы много и я, как могу, на сколько хватает сил, помогаю строить новую жизнь. Эх, если бы мне молодость, сколько бы можно было сделать. Да и то вышла в ударницы, красноармейцы говорят: «эту бабушку нужно в печать». Но мне это не нужно, хочу помочь нашим освободителям, нашим дорогим бойцам. От Бориса все еще ничего нет. Сейчас опять буду писать нескольким адресам. А пока нужно организовать по распоряжению пожарной команды пожарную охрану в доме. Опять работа, а у меня очень болит голова.

30/04

Завтра 1-е мая. Демонстрации, кажется, не будет. Школы отпустили, а работа не прекращается. Володя тоже работает на старом месте в Госбанке с раннего утра до вечера. Тоже старику тяжело да еще при таком питании. Но все ничего, только бы все было спокойно. А население боится налета и особенно 1-го мая. Каждый потихоньку об этом говорит. За работой некогда отдаться своим мыслям, своему горю. Неужели не получу хотя бы весточки?! Не могу даже думать об этом...

01/05

Борис жив! Еще не могу прийти в себя от всего пережитого. Вчера прибегают «тетя Маня», говорит, что приехал товарищ Бориса Леня Гольдман и все рассказал о Борисе. Я сейчас же пошла к ним, видела этого товарища, многое узнала. Много им пришлось пережить, но он видел его в последний раз в октябре 1943 года в Свердловске. Он вместе с Шурой и ее родными. Они просили зайти к этим «тетям» и все рассказать, если будет в Одессе. Я счастлива, хочется всем кричать об этом. Но, почему же этот Леня не знал моего адреса? Почему только о «тетях» позаботились? Неужели тети ближе, чем мама?!



02/05

Вчера, первым московским поездом, пришедшим в Одессу, приехал отец Шуры. Борис в Дзержинске живет со всей семьей. У него сын. Я – бабушка. Как хотелось бы их видеть. Приехал Сергей Ант. прямо из Дзержинска, где жил с Борисом. Почему же маме ни строчки не мог написать после того, как три года никаких вестей, неужели он не понимает, что маленькая записка и сколько радости принесли бы она. Сергей Ант. совсем болен. Мы были с Володей у него. Много он рассказывал. Но заключения я выводила свои.

Борис по-прежнему возится с оркестром. Почему не на заводе, когда другие товарищи устроились на заводах? Я, конечно, никому не говорила об этом. Говорю, что работает на танковом заводе. Но, слава Богу, жив, но здоров ли – вопрос. По словам Серг. Ант. ходит с котелком за едой в часть. Как хочется увидиться, увидеть маленького внука, но я чувствую, что и внук не мой. Он весь в той семье. Ну и пусть растет там, где Борис думает, лучше его вырастят. Тетя Маня сказала мне: «Ищите квартиру для Шуры и Сережи, комнаты в три»...

Значит, ко мне не думают приезжать. Но это их дело. Может быть к лучшему?! Их склад жизни и мой – 2 различные полюса. А на расстоянии все будет хорошо. Все-таки написала Борису, хотя самолюбие говорило, что не надо. Но я мама – всегда мама. И чувство матери сильнее всякого самолюбия.

05/05

Много работаю. Всякие нагрузки приходится выполнять. Правда все делаю с удовольствием, но тяжело и возраст, и постоянные болезни... Собираем оборудование на лазарет, подарки бойцам, провела заем... Сама с женицинами ходила в Аркадию в лазарет к бойцам... Сколько горя! Когда же конец войне? Фронт близко, навеивают вражеские самолеты, дни и ночи взрывы, стрельба... Покоя нет. И мне кажется, что ехать в Одессу сейчас преждевременно.

08/05

Начинают понемногу приходиться ученики. Но мне заниматься тяжело. Мысли далеко, сосредоточиться не могу. Жизнь беспокойная. Эту ночь всю ночь гудели самолеты, где-то были взрывы – бомбы ли или просто взрывают мины – не разберешь. Раненых прибывает много, откуда не знаем. Говорить им запрещено. Вот такая жизнь.

09/05

Жуть и ужас! Раскапывают ямы, в которых находят много народу, убитых немцами перед уходом. Из соседнего дома погибло двое, один из них Юра – восемнадцатилетний парень, которого я всегда видела в окне напротив, и он мне напоминал Бориса. Пошел прятаться от немцев и попал в



ловушку. Мать уже целый месяц разыскивала его и нашла вчера среди трупов, разрытых за тюрьмой. Многие ходили смотреть на похороны этих несчастных. Был митинг. Тяжелые речи, разложившиеся сотни трупов мужчин, женщин и детей – все вызывало содрогание ужаса и слезы горя у присутствующих. А я думала, что в Одессе обошлось относительно благополучно. И вот теперь только раскрываются все зверства. Раскапывают ямы на Мельницах, на Стрельбищном поле, на Чубаевке. От ужаса кровь стынет в жилах. Нет слов, чтобы описать состояние. А горе матерей, жен!! Одно слово: зверская война.

13/05

Наконец-то! Письма от Борика и Шуры. Нет слов, чтобы сказать, что переживаю. И по-прежнему вписываю письма.

«г. Дзержинск, Горьк. обл. 11/04- 44 г.

Дорогие папа и мама!

Так стремительно было вчерашнее сообщение, что еще не верится, что родная Одесса снова с нами. Но, родные мои, сколько радости принесло это сообщение, столько же и волнений. Как перенесли Вы эти годы?! Неужели Ваш ответ принесет мне горе и печаль? Знаю, что и Вы волнуетесь обо мне и потому вчера, услышав по радио радостную весть, я сегодня же пишу Вам, дорогие мои. Не испытывая Вашего терпения сразу же, вкратце пока, общаю о себе. Был на фронте с первых же дней, вернее часов войны. Теперь в тыловой части учу молодых бойцов. Одновременно занимаюсь тем же, чем и когда-то во Львове. Сейчас у меня большой джаз. Обслуживаем бойцов, офицеров, (пусть для Вас не звучит странно это слово) госпитали, рабочих военных заводов и проч. Шурик с мамой выехала из Одессы через Урал в Свердловск. В последние дни перед сдачей выехал и Сергей Ант. Он в Свердловске болел (паралич правой стороны), но потом его отпустило, лишь в ноге осталось немного – прихрамывает. В конце 42-го года Шуру вызвал из Свердловска к себе. Командование части само помогло ей уйти с работы. Позже, через год сюда приехали и Е.А. и С.А., но сейчас С.А. 31-го марта по распоряжению ЦК ВКП(б) уехал в распоряжение ЦК КП(б)У в Киев. От него мы еще не получили ни строчки. Он, очевидно, в дороге. Пока он доехал, то и Одессу освободили. Очевидно, он сразу к Вам и поедет из Киева, тк. кк. это его горячее желание.

Ну и одно из самых, пожалуй, для нас интересных событий то, что 17 февраля 44 г. у нас родился сынишка. Назвали Николаем, говорят, это хорошее предзнаменование. Большой, здоровенький, чтоб не сгласить, растет и поправляется. Можете себе представить, сколько хлопот с ним имеет моя «вторая мама». Ведь Шурик работает на Дзержинском промкомбинате нач. химического цеха. Вот вкратце и все, что у нас. О знакомых ничего не знаю, буквально ни о ком. С неделю назад только получил письмо от Оськи



Гоппа. Он служит в г. Энгельсе. Все остальные растерялись. Как хотелось бы узнать что-либо о Володьке Свистунове, о тете Настеньке, Оле, всех наших родных по обоим линиям и многочисленным знакомых. А в первую голову, мои дорогие, хочется узнать поскорее о Вас. Пишите нам подробно. Надеюсь в ответе получить хоть что-нибудь разъясняющее. Можете себе представить, сколько я потратил бумаги и чернил на разыскивание Вас, но все безрезультатно. Так и буду волноваться, пока не получу от Вас ответа, а потому знаю, что Вы с ним не задержитесь и опишите мне все подробнейшим образом. Я Вам отвечу тем же. Жду с нетерпением. Не откладывайте ни минутки. Привет Вам от Шурика, «мамы Жени» и всех наших. Если бы малыш смыслил что-нибудь... но в двухмесячном возрасте он еще не может послать привет своим бабушке и дедушке.

Целую Вас крепко, крепко. Пишите. Привет всем родным и знакомым. Не знаю, кто из них может принять мой привет, и потому не перечисляю.

Ваш Борис».

А вот и от Шуры.

«11-04-44 г. Дзержинск.

Здравствуйтесь дорогие мамочка и папочка.

Вот опять наш любимый город советский и мы можем быть опять все вместе, а пока переписываться. Сколько радости и слез! Что с Вами? Живы ли? Как, что? Все нам поскорее отвечайте, ждем с нетерпением. Милые, родные, о нашей жизни пишу пока мало, потом напишу подробно, а то не знаю, получите ли Вы это письмо.

Дорогие, мы сейчас с Борисом живем в Дзержинске, вместе с нами жили мама и папа. Папа сейчас уехал в Киев, он – инвалид II группы. Из Одессы мы эвакуировались на Урал, жили в Свердловске. Борис разыскал меня через эвакупункты городов и я приехала к нему. Сколько было радости! Разыскивали наших сестер, но все безрезультатно. Дорогие, что Вы знаете о моих родственниках, пишите нам. Мы живем неплохо. Можете нас, дорогие бабушка и дедушка, поздравить: у нас появился сыночек, замечательный малыш. Борис служит в Красной Армии, был на фронте, сейчас руководит художественной самодеятельностью полка. На днях получила письмо от Оськи Гоппа, он в Красной Армии в г. Энгельсе.

Пока кончаю. Привет всем. Что знаете о Нине Ц., Инне Пасечн., Рустакович и др. Привет от мамы, Бориса, Колика.

Целуем крепко, крепко. Ваша Шура».

Как хорошо, как радостно на душе от обоих писем. Теперь Шура – мама и понимает, что такое малыш. Скорее бы конец войне, чтобы быть вместе, растить маленького Колюшку, сделать из него такого же способного, разумного человека, как его папа и мама. Сегодня же отвечаю.



15/05

Ответила Борику и Шуре. Но вчера одно из писем принесло мне много горя. У Каллионы в Москве умер Ванюшка, сошел с ума и умер. Подробностей нет. Бедная Каллиона. Я долго плакала, понимая горе матери. У Настеньки тоже горе: от Вовы до сих пор нет писем. И это мне тоже тяжело. Есть письма от Бузи Т., от Жени Чиж., от Раи К. и от многих других. Стараюсь всем отвечать, но много работаю и не успеваю даже вовремя ответить.

18/05

Опять написала Борису и Шурику. Хочется так с ними поговорить, увидеть маленького внучка. Серг. Ант. уже добился пропуска для них. Но когда же они придут. Да и хорошо ли это теперь?! Фронт близко – 35-40 км. Часто навещают чужие самолеты, ждем больших, решительных событий на нашем фронте и жизнь беспокойная. С приездом нужно было бы, по-моему, еще повременить. Но боюсь об этом им написать, не подумали бы, что я не хочу их приезда, чтоб не извратили по старому обыкновению моих слов. Будь, как будет.

24/05

Горя много. Все время разрывают братские могилы, где закопаны убитые немцами мирные жители. Тяжелые картины! Юрина мать, кажется, никогда не утомится в своем горе. Да еще разговоры о фронте. Мы ничего не знаем. Идет, очевидно, подготовка к решительному наступлению. Укрепляются немцы и наши на Днестре. А ведь это от нас километров 40. Но хочу верить, что победа за нами и скоро кончится эта ужасная война.

25/05

Цветет сирень, распускается акация и вместе с весной хочется верить, что придет наконец другая, лучшая жизнь. Над всеми нашими окнами ласточки свили гнездышки и щебечут целый день. Так хорошо становится на душе, но сейчас же по контрасту вспоминается эта жестокая война, раненые, убитые, горе матерей и жен и снова тяжело...

02/06

Писем от Бориса все нет. Неужели ограничился одним письмом и думает достаточно. А я уже ему послала 4. Писала бы еще и еще, но хочу дожидаться ответа. А у Шуриных теток уже было несколько писем. Самое печальное, что погиб Миша С-рез. Молодой, здоровый, преданный родине погиб на боевом посту. Большое горе матери. Жена утешится, а мать никогда. От Вовы Св. тоже нет вестей. Боюсь, что тоже что-нибудь случилось. Погиб Иван Калманин. Сколько горя! И я не могу быть спокойной. За всех больно, всех жалко. Много переживаю. А Володя сердится на меня за это. Но я иначе не могу...





05/06

Говорят «с фронтом плохо». Но я не хочу верить, думаю, что это обывательские разговоры. Нельзя же пройти «церемониальным маршем» до самой Германии. Но верю в нашу победу и готова на все, что еще, возможно, придется переживать. Плохо что очень болею. Эту неделю все время валяюсь в постели, страшно болит кишечник. Если бы можно было поесть, как следует, посидеть на диете... А у меня даже сахарина нет, о молоке приходится только мечтать. Володя еле ходит от скверного питания... Что делать?!

15/06

Занята так, что нет даже несколько минут, чтобы отдохнуть, записать несколько строк. Но сегодня от Бори письмо и я, хоть и лежа, но перечитываю его в десятый раз и доставляю себе удовольствие записать его.

«Дзержинск. 29.05.44 г.

Дорогие мамка и папка!

Мои предположения полностью оправдались. Письма Ваши задержались на почте. Вчера получил, мама, твое третье письмо, а сегодня – второе. Первые же строки его меня очень взволновали. Чувствую, что ты здорово, и боюсь, хронически больна. Почему так вскользь пишешь о своем здоровье. Напиши подробнее, как и что, есть ли какая-нибудь возможность лечиться, а если да, то почему не используешь ее. Как ты себя чувствуешь, папка. Как бы хотелось после всех этих ужасов создать Вам, мои дорогие, тихую и спокойную жизнь в достатке и благополучии, но пока – сегодня, завтра... сами понимаете. Крепитесь мои милые, и верьте, главное всегда верьте, что еще найдем хорошо и счастливо.

В отношении квартиры, конечно, берегите по силе возможности. Посылаю справку, какую могу. Удовлетворит ли она Вас – ответьте.

Напишите, что еще нужно бы сделать, чтобы квартира осталась за нами, тк. кк. все собираются в ближайшем будущем в Одессу, и потому оставление квартиры за нами, коренными жителями Одессы, вполне законно.

Мамка! Я очень был рад таким подробным твоим письмам, так же, как и все мы. Будто бы на пару минут перенеслись в Одессу. Очень прошу тебя написать и описать, как выглядит город и все наши такие родные места. Как центр, окраины, наш район? Ведь это так для нас интересно. Как восстанавливается жизнь сейчас? Есть ли частная торговля? Вот в Харькове сразу же после освобождения была введена, конечно, временно. Многие ли из наших чудных домов разрушены безвозвратно?

Неужели «накрылся» Вовка Свистунов. Просто не хочу верить. Я ведь его здорово люблю, просто, как родного брата. Как часто мы с Шуриком вспоминали за это время именно о нем. Но, конечно, и здесь нужно жить надеждами.



Судьба и война могут забросить человека в такие места, откуда он и строки написать не может. Успокой все-таки т. Настеньку. Напиши, что о нем Вы знали самое последнее.

История с В. Руст. очень мало понятна. Если можешь, напиши подробнее. А где и как погибла Нина Бр. Не напишешь ли при каких обстоятельствах уехали Нина и Оля Деем. Кстати, за кого же думает выходить замуж Инна, если Вы сами пишете, что у нас остались в домах одни старики. Уже не брак ли по расчету. Но думаю – нет.

Много горя и в связи с гибелью Миши С-рез. Мне кажется, что это уже установленный факт. Но, во всяком случае, пусть т. Таня поддерживает в себе хоть какой-нибудь проблеск надежды. Ведь она же мать такого хорошего сына и это надо же понимать и, я думаю, что ты понимаешь отлично.

Что касается нашей жизни, то о ней Вы, мои дорогие, из разговоров с Серг. Ант. Все уже, наверное, узнали. Пока все без перемен. Сынишка растет; кстати, по росту ему дают не три, а шесть месяцев. Полнота средняя. Ну в папу и маму, конечно. Пожалуй, еще перерастет. Шурик с мамой и Коленкой собираются немедленно по получению пропуска в Одессу. Обязательно жду Вашего мнения на этот счет, причем прошу, чтобы оно было вполне объективным, т.е., чтобы Вы, отвечая, не думали бы о моем счастье сейчас, а смотрели бы глубже и шире на это дело. Конечно, если бы Одесса была поближе, то я бы приехал на пару дней, но и так оставляю пока этот вопрос (о себе) открытым. Опять же сугубо объективное, т.е. не думайте о радости однодневной встречи со мной, а «вообще и даже глубже».

Дорогой папка! Представь себе, не вру. Лишь вчера я получил мамино письмо (3-е) и подумал и говорил о том, как бы мне приятно было получить письмишко, писанное именно тобой, таким знакомым мне по толстым конторским книгам почерком. И вот сегодня получаю. Да еще с этой, такой близкой сейчас и родной подписью, коей был подписан ни один баланс. Рад чертовски и хоть знаю, что до писем ты не большой любитель, но скажу, что был бы безмерно рад прочитать еще пару твоих строк. Как работалось, как работается? Как здоровье – обязательно напиши. Приходится ли работать дома? Где и как питаешься? Как вообще построен твой распорядок дня. Что ты называешь «быть умницами и ждать терпеливо»? Почему ждать? Если можешь – ответь. У меня все так, как рассказывал Серг. Ант. Но, если ранее моя теперешняя работа была увлечением, то сейчас это только выполнение служебного долга. Не теряю надежды вернуться к своим прежним занятиям, хотя и работал не долго. Но работаю, конечно, и на этой работе честно и добросовестно. В этом мы с тобой, мой дорогой папочка, сходимся характерами вполне. Вот и все. Жду письма от Вас, мои родные, и чем оно будет подробнее, тем больше буду рад: ведь оно сейчас интереснее самой интересной книги. Привет от меня и Шурика мамы и Колиньки всем и, конечно, тете



Настеньке, хотя я и знаю, как ей тяжело будет принять этот привет, Бузе, если будешь писать; Инне Пас. Желаю успеха. Привет всем родственникам Шурика и первую голову Серг. Ант. Опишите подробно, как его состояние сейчас. Я им напишу. Бодритесь, милые, пишите. Целую Вас крепко, крепко, Ваш Борис.

Напишите мне точно Ваши года рождения, я здесь хочу кое-что выяснить. Напишите мне на отдельной бумажке точное состояние здоровья Серг. Ант. И если это будет не очень волнующее, то я покажу Шуре и маме. Думаю, что ему неважно. Почему-то последнее письмо от него писал не он, а чужая рука. Еще раз целую – Борис».

Сколько хорошего, родного в этом письме. Но... Я знаю Бориса. Но и за ласковые слова спасибо тебе, мой дорогой, родной. Это все, чего я от тебя хочу.

20/06

Все мысли и разговоры устремлены на второй фронт. Наши союзники на севере Франции после высадки небывалого десанта продвигаются вперед. И много надежд все возлагают на это. На нашем фронте еще нет наступления, но зато в Финляндии наши дела тоже успешны. Все ждут конца войны. Но немец еще силен и сильно защищается. Много наших людей гибнет и это тяжело. От Вовы Св. все нет вестей, от т. Оли тоже. И это тяжело переживать. Когда же конец и покой?

23/06

Взят Выборг нашими войсками. В городе подъем. Москва салюует нашей непобедимой Красной Армии. И я радуюсь, но тяжесть войны по-прежнему мучает и нет сил больше тянуть. Жизнь тяжелая. Питаемся скверно, уроков много, но хочу кое-чего припаси на зиму. По целым дням ничего не ем, тк. кк. нет топлива и сварить не на чем. Володя ест в банке, но тоже еле ноги волочит. Общественная работа отнимает все свободное время и отдыхать некогда. Произвели меня военные, которые здесь живут у нас в доме в «коменданта дома» или называют «товарищ начальник». Несмотря на всякие разговоры жильцов, лажу со всеми и поэтому наш дом по порядку и общественной работе идет одним из первых. Сейчас дали мне помещение для организации нескольких групп самозащиты, и хотя мне тяжело, но придется поработать. Хочу сделать наше население дома вполне советским, но в некоторых случаях это не так легко. Всегда прививала все навыки собственным примером и сейчас применяю тот же метод. И, пожалуй, довольно удачно. Даже старая жилица «тетя Феня» поддается. Ну, посмотрим.

24/06

Открытка от Шуры:

«Дорогие! Вчера получила от Вас открыточку. Не знаем, почему Вы от нас не получаете письма. Мы Вам послали несколько подробных писем. Очень



плохо работает почта. Так мы еще не получили Вашего первого письма и вообще из Одессы получаем мало писем. Живем мы по-старому. Борик на пару дней уехал в командировку. Погоды у нас плохие, холодно. Сегодня с Коликом гуляли и замерзли. Он у нас большой в пальто. Скоро его сфотографируем и вышлем. Дорогие! Хочется скоро уже Вас всех видеть, но не знаю, как будет. Вызова еще нет, много думаем по этому вопросу. Как у Вас с квартирой? Как здоровье? Получили ли что-нибудь от Вовы С-ва? Мы на днях получили письмо от Оскара, его адрес Вам Борис написал. Что у Вас вообще слышно, как с топливом, светом, а самое главное с питанием. Мы кушаем неплохо, хлеб – норма, а картофель, молоко – с рынка. Все. Привет, Целую Шура».

Видела Шуру подругу Галу Попович, которая мне многое рассказала о жизни Шуры в Свердловске. Они там встретились и много времени проводили вместе. Говорит, что когда Шура поправилась, очень похорошела и пользовалась большим успехом. Все это говорит на то, что она здорова, а я все боялась, как бы эта эвакуация не отразилась на ее здоровье. Хочется всех видеть и маленького Колюшку. Хотелось бы самой его воспитать, но уже не успею: подошла старость и времени до смерти осталось немного. Не знаю, как посмотрит на дело воспитания Борис. Думаю, что многое позаимствует у мамы. Скорее бы конец войне, а там будет видно.

25/06

Опять горе. Была Настенька. От Вовы все нет вестей. Из Москвы получила сообщение, что сведений о нем в центральном бюро потерь нет. Но Вова до сих пор нашел бы возможность написать о себе, даже из засекреченных мест, и это заставляет делать печальные выводы. И еще... Получено письмо соседями Оли по городской квартире, что Оля умерла в Тифлисе от голода.

По другим сведениям покончила жизнь самоубийством, когда осталась одна. Нику забрали в армию, были сведения, что он уже лейтенант, орденоносец. От Ник. Алекс. никаких сведений нет и его родные тоже очень волнуются. От Каллионы, вернее от Кали, получили ужасное письмо о сумасшествии Вани. Он был буйный, дома всех бил, Каллиона не раз ходила с синяками, называл маму «ведьмой, которая сосет его кровь» и т.п. Все это так тяжело. Бедная Каллиона! Умер он в психиатрической больнице. Я виню во многом Ник. Ив. Это вообще дегенерат, алкоголик и возможно, сифилитик, что и сказало пока на Ване. Как могла Каллиона с этим грубым человеком прожить жизнь?! Правда наша патриархальная семья со старыми традициями тоже имела свое влияние. Но все же... Сейчас в деревне, в сыром подвале, а ведь здоровье у Каллионы скверное. Ведь он же инженер. Что все это значит? Пишет и он. Хочет в Одессу, на юг. Но я его видеть у себя не хочу. Каллиону, Калю, но не его... Нужно написать и им. Послала письмо Шуру.



01/07

Погибла Оля. Убита, очевидно, с целью грабежа. Сбросили с 8-го этажа. Ужас охватывает при мысли об ужасной смерти. Кругом горе и в нашей семье его так много... Вовы нет, Ваня умер, Оля погибла... Не могу ни спать, ни думать ни о чем... Ужасная смерть Оли все время перед глазами... И что еще ждет... Нет сил.

10/07

Все время очень болею. Неужели уже не поправлюсь. Работать совсем не могу. Все время лежу. Даже письма не могу написать...

18/07

Приехала Шура с Колюшкой и мамой. Много было радости. Колька прекрасный мальчуган, весь в Бориса. Но скоро радость сменилась горем и это преследует меня день и ночь. Шура живет у своих. Трудно уладить вопрос с квартирой, но это еще полбеды. Но опять пришлось столкнуться с ложью и грубостью этой семьи. Пораспродали все вещи, а теперь говорят, что оставили. Я сама видела, как Шура наковала Борины костюмы, боюки полосатые, куртку, а она говорит, что потом обратно принесла... Еще может быть румыны покрали, когда их сейчас по приходе вселили в комнату Бориса. Это были ворюги, которые все таскали, но я ведь сама видела, как она упаковывала в чемодан и думаю, что, по обыкновению, ложь. Так тяжело. И Колюшку хочу видеть и ходить в эту грубую семью не хочу. У ребенка расстроен желудок, а они его голеньким на террасе держат, кормят молоком и бисквитами. Я заставила закутать потеплее животик и ребенок успокоился. Шура нервничает, шлепает его, крошку такую. Обидно, что он будет породы Сич-рез, а не нашей, будет расти в этой грубой, лживой семье. А как хотелось бы, как мечтала я жить дружно с Шурой и Бориком. И папа даже часто говорил об этом. Но, видно, придется так и кончить жизнь, не узнав ласки своей родной семьи. Не будет знать Колюшка своей бабы Катю... Я плачу, мне тяжело.

19/07

Немного поправляюсь, как будто. С головой опять окунуть в работу и забуду все. После доклада о проделанной работе после освобождения меня премировали одну на весь громадный район отрезом на платье. Продам, куплю немного топлива. Но это все меня не радует. Шура была вчера. Говорит, что где-то в багаже есть для папы ботинки. Думаю, что и это ложь. Скажет, что багаж пропал и ботинок нет. Да я и не хочу и не возьму, несмотря на то, что Володя почти босой. Завтра Шура забирает у меня свои вещи, мебель. Опять волнуясь – увидят, что уезжает, начнутся распробы, а дальше уплотнение и покоя уже совсем не будет. Внизу соседку силой уплотнили, взломали двери и заняли две комнаты. А жильца, который там прожил 12 лет выбросили на лестницу со всеми вещами. Я и Володя перетащили вещи к



себе и решили поселить Лизу у себя. Я ее знала еще ребенком. Но она сейчас на оборочной и не знаю, как посмотрит на свое переселение.

02/08

Все времени нет даже 5-ти минут. Записать все, что происходит. На Западной фронте наши все продвигаются. Скоро, пожалуй, доберутся до Германии. Ну, а у нас никакого движения. Говорят, нет приказа о наступлении. Зато бомбят нас почти каждую ночь. Много жертв среди мирного населения. С Шурой вижусь часто. Она уже на работе. Колюшка поправился. От Бориса письмо и справка на квартиру. Думаю, теперь не уплотняют. Работаю с утра до вечера, а толку нет. Премирование (материю) продала чтобы купить уголь, а купить негде. Володя еле ходит от плохого питания. Думаю припасти хоть кое-что к зиме и поэтому все не проедаю, как советует Борис. Возможно зимой будет еще хуже, да и может быть Борик вернется, придется подкармливать. Шуре не только отдала ее вещи, но и многое из своих: посуду, белье, одеяло, подушку Колюшке и многое другое. Когда бываю у них многое мне не нравится: Шура без толку кричит и шлепает Колика, мама перекармливает сухарями и потому желудок никак не поправляется и многое еще. Кое-что советую, но не вмешиваюсь, не желая нарываться на грубости. Шура просила узнать насчет багажа. Пойду в субботу тк. кк. среди недели не могу урвать ни минутки.

03/08

Была у Шуры. Борис прислал ей фотографию, где они сняты всей семьей. Колик прелестный и мне очень хотелось бы иметь эту фотографию, но я даже не попросила у Шуры, чтобы показать Володе. Борик, по-моему, очень похудел. Пишет, что лечит зубы. Наконец-то надумал. А я ведь об этом говорила ему еще несколько лет назад. А теперь пишет, что нужно рвать 9 зубов. Придется, бедному, помучиться.

06/08

Ночь была ужасной. Час с четвертью немец бомбил город. Утром сейчас же пошла к Шуре, тк. кк. говорили, что их улица разбита. Но, к счастью, все у них благополучно. Но зато в городе много разрушений и пожаров. Горит «Дворец моряка», Театр оперетты, на бульваре упало много бомб и на других центральных улицах. Налетали волнами, судя по шуму, целые эскадрильи... Позапрошлую ночь бомбы падали в районе тюрьмы и в окрестностях города. Неужели так будет продолжаться?! Почему наши зенитчики пропускают чужие самолеты в город... Неужели и там есть изменники и вредители?! Зрелище ночью было страшное. Немец спустил осветительные лампы и осветил весь город, хотя и полная луна освещала не хуже. Трассирующие пути, непрерывная стрельба зениток, зенитных пулеметов, шлепанье осколков создавало ужас. Не знаешь, когда тебя убьет, или покалечит



бомба. Мы стояли внизу под лестницей... Но разве это спасает?! Борик, если бы ты знал! А Колюшка чудесный тоже не мог спать от взрывов, но когда я пришла, уже успокоился и своими чудными черненькими глазками ласково тянулся ко мне. Узнаю в нем маленького Борика и так хочется ласкать и ласкать его без конца...

20/08

Много работаю. Некогда даже что-либо написать. А новое каждый день. Наши победоносно двигаются вперед. Освобождена Бессарабия. Занята часть Румынии. Известия потрясают все существо. От радости нет слов. Если бы не болезнь, все было бы хорошо. А здоровье все хуже. Ни Шуры, ни Колюшки давно не вижу. Грустно. Писем об Бориса нет.

01/09

Новости каждый день. Румыния, как и следовало ожидать, с нами против немца. Заняты Констанца, Плоешты, Бухарест. Скоро, говорят, конец войне. На Западе англичане заняли Париж. Много можно писать, но нет ни времени, ни сил. Тяжело, что болею.

Борик изредка пишет. Шура тоже заходит совсем редко. А я ходить не могу: все болею. Пришел Шурин багаж все в порядке. Но ботинок, что Борис прислал отцу, конечно, отец не получил. Шура сказала как-то «пусть Вл. Тр. придет за ботинками». Но Володя, когда услышал это, страшно возмутился: «Никогда я не унижусь перед этой семьей. Я еще не нищий, хожу босой почти, но ни за что не пойду. Раз Борис прислал, она должна была принести. И ты не смей говорить даже о них...». И на этом вопрос с ботинками закончился. А я ведь ей столько поотдавала, не только ее, но и своих вещей. Но я не жалею. Просит – пусть берет. А Володя возмущается.

10/09

Болгария тоже против немца идет с нами, да иначе и не могло быть. Болгары-«братушки» наши, с нами они родные, а немец им чужой. События за событиями, приказы о победах следуют один за другим. На душе становится так легко и от радно, но все же наши люди гибнут, и это тяжело.

10/10

Позавчера уехала Шура к Борикю. Выдумала какую-то командировку. Бросила Колюшку – малыша и уехала. Я бы не могла. И как всегда, опять много горя принесла мне ее поездка. Я приготовила Борису кое-что, чтоб полакомить его, намучилась, истерзалась, пока достала денег. А она не зашла даже сказать, когда едет, а в банке, получая деньги, увидела Володю и сказала неправильно час отхода. Я и опоздала на поезд, несмотря на всю свою аккуратность. Посылка осталась. Я места себе не находила. Ведь столько еще в связи с этим налжет Борису! Но я все же пошлю. Достану разрешение и пошлю.



14/10

Наконец-то выслала посылку. Целую неделю утром и вечером ходила к Серг. Ант., пока он не удосужился достать разрешение. Жаль, что только на 4 кило... Сейчас совсем больна. Хорошо, что уроков мало: все мои ученики прекрасно сдали экзамены и в школы и в консерваторию и я пока могла бы отдохнуть, если бы не болезни всякие.

18/10

Победа за победой! Нужно работать, помогать в тылу, а я болею. Лежу все, даже температура доходила до 39°. Неужели уже никогда не поправлюсь?! Хотела навестить Колюшку и не могу идти. Оставила ему печений, хотела Серг. Ант. угостить в благодарность и нет сил идти. Обидно!

19/10

Убит Кика! Бедный мальчик! Третий, Борик, брат твой гибнет на фронте. Тяжело. Нет слов.

24/10

Опять уроки начинаются. А работать мне очень тяжело. Папа тоже еле ноги волочит. Борик совсем не пишет – занят женой. Так уж видно и до конца жизни. Нет матери места у него в душе. Красивые слова в письмах – и на том спасибо. А в остальном будет, как «с ботинками». Но я не могу жить только для себя, не могу не думать о нем, о создании ему спокойной жизни. Володя сердится, говорит, что Борис – отрезанный ломоть, а я все еще жду хоть ласковых слов, если нет, отношений. Борик, Борик! Ты ведь всегда был, есть и будешь всем для меня в жизни. Да теперь еще Колюшка, но он в той семье и я для него чужая... Но все это пустяки... Кругом победы, которые влекут за собой все ужасы войны... Кругом смерть, калеки – тяжело все это.

01/11

На фронте затишье, вероятно, в связи с наступлением осени. Это значит, что к весне опять разгорится война. Правда, наши уже прошли Болгарию, Румынию, Югославию, Чехословакию, сейчас в Венгрии грозят Будапешту. Победы без конца, а конца войне не видно. Наши союзники не торопятся. И нам от этого тяжело. Наши уже в восточной Пруссии и немец там сильно укрепился и нашим тяжело. Опять сколько русской крови!

03/11

Опять сколько русской крови! Неужели Шура не приехала еще? Знаю, что командировка у нее была до 26/Х. Почему же не пришла? Ждет, что я приду. А я после работы еле добираюсь до постели и не то, чтобы еще идти куда-нибудь. Жизнь становится все тяжелее, день короткий и нельзя заработать даже не то, чтобы как-нибудь существовать. Да и здоровье плохое. Страшно на себя в зеркало смотреть и стараюсь не смотреть. А Борис даже не написал. Получил ли он посылку, когда получил? Все это наводит на грустные мысли.





10/11

Прошли праздники. Никуда не ходила, никого не видела. Настроение тяжелое. От Бориса писем нет. Была телеграмма – поздравление с праздниками.

13/11

Наконец, пришла Шура с Колюшкой. Провела целый день. Пришлось не идти на уроки, а я этого не люблю. О Борисе говорит мало и неохотно, и по обыкновению, много лжет.

16/11

Приехала Тамара Ч-кая к своей матери. Опять неприятности. Узнала, что метит на Лизину комнату. А эта низкая душа Ч-кая все старается высмотреть и влезть в мою квартиру. Мне жалко бедную Лизу. Она недавно ездила в командировку. По дороге ее обокрали, приехала босая, без платьев, голодная, из квартиры выбросили и если теперь опять что-нибудь. Да и какое право имеют чужие люди, отвратительные люди влезать в мою квартиру, калечить наш покой?! А теперь тот силен, кто, как Тамара, ляжет под всякого мужчину, и кроме того имеет деньги и марку жены военного инженера. А этот Давид все три года войны грелся в академии и фронта не нюхал. Как обидно!

22/11

Издых сегодня наш Васька. Мне так больно и тяжело сейчас. Бедный кот! Много ему пришлось пережить, голодал вместе с нами, а Володя еще бил его за то, что он не хотел кушать мамалыгу или картошку. Двое суток не был дома, а вчера утром несчастный, голодный еле пришел. Я его отогрела, купила ему рыбки, но ничто не помогло. На ночь сегодня оставила под печкой в спальне, а он ночью забрался ко мне на кровать прямо к лицу, чего никогда не было. Володя взял и вынес его в кухню. А утром сегодня я опять взяла в комнату, но он уже ничего не ел, началась агония... Лежал, подергивался, хрипел и все отмахивался лапкой... Я не могла смотреть, но пришлось идти на уроки. И вот пришла... Он вытянул лапки, глаза еще блестели, но был мертвый. Я не могу, я плачу... Я чувствую, что мы сами виноваты, что мы голодом погубили несчастное животное... Вынесла на развалку... А мальчишки говорят, что еще ко всему простили за то, что он гонялся за голубями... Бедный Васька! Нет, Борик, твоего кота... А я так хотела, чтобы он тебя дождался. И обиднее всего, что именно вчера это был день рождения Бориса.

Ему было 28 лет и вот эта смерть омрачила все... Опять в голову пришли несчастные люди, что миллионами гибнут сейчас... И мне очень тяжело...

25/11

Все болею. Борис не пишет. Работать приходится много, а сил нет. Много переживается из-за общих условий. Тяжелая старость.



08/12

Вчера скромно отпраздновала день своих именин и рождения Бориса. Мы всегда этот день праздновали вместе. Шура принесла цветы, Лиза – вино, я испекла пирог и дружно просидели в теплой семье. Шура после обеда даже чмокнула меня в щеку. Папа пошел провожать Шуру с Колюшкой и Настеньку, а я очень волновалась, пока вернулся тк. кк. у нас начались убийства и грабежи на улицах. С наступлением темноты все сидят по домам. Но все обошлось благополучно. Только я все хуже и хуже себя чувствую. Да еще Борис даже в именины не вспомнил свою маму. А может быть почта виновата?!

23/12

2 недели отмучилась с острым воспалением почек. Были такие боли, точно роды. И Володю измутила. А условий для выздоровления никаких: ни тепла, ни диеты, ни врачей. Правда, последние нужны меньше всего. Всю жизнь я к ним не обращалась, всегда сама ставила и диагноз и назначала лечение всей своей семье. И сейчас тоже самое. Уже как будто немного легче. Но нужно работать, а сил нет. Что будем делать – не знаю. Володя коченеет в нетопленном банке, приходит домой совсем больной, а я тоже ничего не могу делать. И помочь некому. Вот и старость тяжелая! Думала, что уже не поднимусь. От Бориса нет писем. Опять волнуясь. Но я пишу часто, и письма не возвращаются, значит все благополучно. Почему же не пишет. Последнее письмо было от 11/XI, а сейчас уже 23/XII. Неужели ему трудно написать хотя бы открытку?!

25/12

Встала после болезни вчера и опять лежу. Но кое-кто пришел заниматься, и я в полубоморочном состоянии все-таки отработывала этот несчастный кусок хлеба. Вот такая жизнь. А с фронтом как будто неважно и войны конца не видно. И это убивает еще и морально. А тут грабежи, налеты, убийства. В городе никакой охраны. Еще днем кое-где стоят «милиционеры» в юбках или как их мальчишки называют «свистульки», а ночью и они прячутся. В 7 часов все ворота и квартиры на запор и жизнь умирает.

**Т.І. Заярна**

## **«НАЙБІЛЬША МУЖНІСТЬ – ТЕРПІННЯ...»**

*Щоденники Б.А. Нечерди 1988-1989 років*

11 липня 2014 року Борис Нечерда святкував би 75-річний ювілей. Поет, письменник, журналіст. Талант, який з роками набув сили і мав би стати провідною зіркою постмодернізму українського письменства. «Ясність, після якої нарешті нам, завжди запізнілим сучасникам, стає зрозуміло, якого великого поета втрачено. Чи все-таки знайдено?» – писав Ю. Андрухович про Нечерду.

Борис Нечерда народився на Вінничині, все свідоме життя, з 17 років і до останніх днів, прожив в Одесі. Проте зберіг українську автентичність, був людиною, котра жадає бути і є сама собою. Творчий доробок поета характеризується спробою осмислення неповторності та цінності внутрішнього світу людини.

У попередніх випусках нашої збірки було опубліковано матеріали з архіву Б. Нечерди, що раніш не друкувалися – «Останні вірші “Останньої книги”»<sup>1</sup> та роман «Священий мрець»<sup>2</sup>. Продовжуємо публікацію матеріалів із фондів музею.

Нечерда протягом майже всього життя вів щоденники. Зошити робив сам, акуратно переплітав: це було заповітне. Волею долі в музеї опинилися три книжки-щоденники. Їх передала нам сестра поета Ніла Грабовська.

Перший зошит: червень – грудень 1988, січень – серпень 1989.

Другий: серпень – грудень 1989, січень – грудень 1990, січень – грудень 1991, січень – грудень 1992, січень – листопад 1993, травень – грудень 1994, січень 1995.

Третій: з лютого по грудень 1995 та сторінка, де записи 6 січня, 26 січня, 2 лютого 1997 року. Записи то повсякденні, то з пропуском тижнів.

Це більше ніж біографічні побутові записи. На сторінках щоденників багато роздумів, картань, письменник не жаліє себе – «мій песимізм живиться моїм особистим безсиллям». Людина з письменницьким хистом передчуває будучність, талановита стає пророком.

З щоденника 1995 року, 27 січня: «...я читаю російську пресу, акуратно обсервую московське радіо й TV, я доскіпливо аналізую «Свободу» російською мовою й дедалі більше переконуюся в тому, що від певного часу (власне, чи не від пори нашої незалежності) триває цілеспрямована,



винахідлива і, треба визнати, доволі-таки талановито змодьована пропаганда проти України та українства; при цьому ні-ні та й прослизне відверто ворожа думка про підступних хаклів, конфлікт із якими не лише вірогідний, а й по своєму невідворотний.

Ясно, московські мудрії при цьому не забувають пролляти крокодилову сльозу; мовляв, їм важко й увявити, як же це слов'янин буде вбивати майже такого ж самого слов'янина.

Але вони – вбиватимуть! Тобто накажуть солдатській масі вбивати, а самі вмують руки – на всяк випадок. Синдром Пілата».

Він писав не для нас – він пише про себе, говорить з собою і виявляє глибини свого мислення. Коли читаєш ці рядки, то переживаєш, розумієш і бачиш, що то і про тебе він говорить, твоїми словами, тільки знайшов їх не ти.

Деякі творчі доробки письменника відомі лише із щоденника – невідомий роман «Терористи» (записи 19 вересня, 15 червня та інш.), може потім цей задум ввійшов у романи «Квадро» та «Священний мрець». А на сторінках щоденника за 10 лютого йдеться про вірші, котрі потім увійдуть в «Останню книгу», яка вийде через 10 років у 1988 р.

Текст публікується із збереженням особливостей орфографії оригіналу.





**Борис Нечерда**

## **ЩОДЕННИК. 1988-89**

(фрагменти)

*Червень, 15. 1988*

Яка страшена [нерозб.], що я застопорив роботу над терористами! І тим самим уникнув (у власних очах) безчестя... Адже всілякі аюзії, дуля в кишені – то мужність жебраків.

Роман повторю, але жорстко. Українська наша проза – курва, вона заслуговує, щоб їй вивертали матку навиворіт.

Лють бере, як подумаю: які ж бо ми перелякані! За щонайпоодинокими винятками, українська проза по-хуторянські солодка, сентиментальна і – вторинна. Тут я трохи (гм?) згоден з Коротичем. Кріпацька література, і я в ній – раб, такий самий несамостійний раб, яким і Гончар є, з його (навіть) «Собором». ...У нас розплодилось занадто много літературних генералів. Блиск цяцьок і пози (замість позиції), зовнішня глибокодумність і веломовність, і респект. Але той генералітет уподібнився африканству: що не чисельніша та неспроможніша голосрака армія, тим пишніші мундиро-регалії на генералах...

До болю гнітить мою хохлацьку душу нехохлацьке запитання: як могло статися таке, що в такого народу, як мій, не знайшлося такого «шухлядного» письменника і, мать нас так, поета, що рівні були б і Булгакову з Платоновим, і Дудінцеву, і Гроссману і навіть Рибаківу (попри все), не кажучи про Твардовського? Як?

Невже перекинчики, типу Черниченка, праві – і українській нації бракує інтелекту? Ні, не варто впадати в емоції. Діло потрібне. Робота. Навіть із точним знаттям, що все – для шухляди. На потім. Чи на ніколи. Мушу, зобов'язаний так жити, так писати. Тільки б вийшов друком Сезон! Мені б сім`ю нагодувати, та боргів здихатися, та сміх і годі, зо дві сорочки придбати. Рве мене, мозолить і солить нутро задум європейської дійсно, української справді, лютої прози. То має бути роман (не виключено, що з дідом Рембезом\* – у ряду інших доль-калічей, доль-незтинців) з принадливою новою концепцією.

\* Рембез Іван Миколайович, професор медицини.



Фабула вже наочна, вже існує, вже жива. І мова жорстка; плоттю українська, на додаток м'якенька, мовби рукавичка боксерська, але в ній таке кувадло, що як увалить – кінь копитом.

Я купаюся, тішусь у таких щойно складених фразах, перечитую чернетку і щоразу ніби вперше в житті, відкриваю і дивуюся з багатства і всеможності рідної мови. Ой, не рабська вона, не солодке лише лемдзяло, а інструмент загрозливий і добросердий!

Пишу уривками. То, власне, ще не самий роман, навіть не побіжні начерки – лише орієнтація на власній прозовій місцевості. Пристрілька. А з поезією повний занепад. На жаль.

*Червень, 30. 1988.*

Знову невідворотною умовою існування письменника настане мовчання, а дуля в кишені – як звичайний прояв мужності. З міркувань меркантильних: мій роман, у його нинішньому вигляді світу не побачить. Я знову запізнився! Хоча цього разу «відлига» тривала цілих три роки. Жаль, що роман стане шухлядним. А шкода ще більше, що в ньому багато що лише названо! Так собі. «Аптека. Улиця. Фонарь».

Питається: що я робитиму далі? А – писатиму! Найперше: підточую «Вибране» (колись та вийде). Доб'ю «Терористів». Або навпаки – розпочну роман абсолютно для мене новий. Відповідний теперішньому моему рівню думання та поцінування життя.

Як то кажуть, ще не змерла. І ще. Треба серйозно зайнятися здоров'ям. Тільки здоровий дядько здатний буде подужати грядуще безвремєньє.

*Липень, 4.1988*

Півстоліття за плечами – а без хати. Сам винен! Лінівий і неповороткий у ситуаціях побутових. За течією все. От і несе ріка.

Подумав: найбільша мужність – терпіння. Тобто коли терпиш і зносиш свою підстаркувату мудроту, користі від якої не більше за юначий оптимізм, котрий як правило не справджується через надмірний запас років життя попереду.

Обмеженість, чернецтво бажань і комфорту зокрема – то запорука ймовірного вдосконалення. Письменництву потрібен пайок, розумне дозування. В правильності цього міркування я переконуюсь на власній шкурі.

*Липень, 5, 1988*

Цікаві часи випадає мені пережити. Їх у запальності зовуть іноді судьбоносними. Від них не одмахнутись, а тим часом...



Розум одне говорить (не піддавайся гіпнозу говорильні, не дай себе ошукати), а душа – інше: наш верх! урря! «все дозволено, що не заборонено законом». Натомість мовчить дещо третє... От наприклад. «Чому мовчать поети?! – прийшов (як приходять інші) і запитав Євгеній Дементьєв, між іншим, теж майбутній поет (можливо). – Часом, чи не захлинулися вони свободою?»

(Це як – зозуля вдавилась колоском?.. Втім, я застеріг себе: в цих нотатках по змозі обходитися без метафор та інших «красивостей», – тільки суть, самий реєстр).

«Свободи не знесли, заважка ноша?» – не вгавав Д-в.

Лишу на його совісті премудре визначення (але яка завидна впевненість, га) – свобода. Для порядного чоловіка – мало оголосити собі «Віднині я людина вільна!» На підверстку потрібна значна політична культура. А на сьогодні, вважаю, загальна політична культура низька, тобто її рівно стільки, щоб вистачило на те, аби ще блаженька суспільна демократизація стала приреченою на повернення до тиранії.

Принагідно можна було б нагадати філософські постулати про тиранію, про її приреченість[нерозб.], але ті втішливі казки мене не обходять.

Проте в одному Д-в має таки рацію: поети мовчать. От критики, публіцисти, «чисті» прозаїки, до певної міри драматурги – ті на гвалт кричать, сорочки розпанахують ( на собі й один на одному): обвинувачують один одного в усіх смертних гріхах, зводять рахунки, всяк на свій копил обстоюють власну значущість (або «зачинство» в перестройці, відданість їй), змішують супротивників з гімном; що їхня істина – істинна, останньо-інстанційна.

Гвалт, пташиний базар.

Я далекій від гадки, буцім у тому всьому немає ладу, організованості, навпаки – я навіть вгадую організаторську руку, і підозрюю, кому все це вигідно. Все це – це й означає «це»: переварити інтелігенцію, не дати їй консолідуватися. А відтак не дати добачити простий житейський трюк: підміна суті фразою. Бо така думка діалектика: за революціонером іде функціонер, апаратник нової масті.

Чорт з ним! Гвалт – то й гвалт. Своя користь у цьому теж є. Крім очевидного, нерозумного застовпленням кожним із многих крикунів індивідуального Клондайка. А на цьому фоні поети – що ж? Мовчать. Заціпило.»

6 липня, 1988.

«Учора не подужав дописати – ніч видалася душною. Лазня!

Отже поети відмовчуються. Всі. Кращі. Справжні. Мною любимі. Не вірю, а певен, що все це – від більшої совісності, більшої діткливості. Та



й інструмент їхній – ювелірно тонший, ламкіший, легше піддається розлагодженню.

А тут ще й ця маревна свобода... Коли нема потреби являти майстерність якнайвищої проби, ховаючи «крамольний» у лапках підтекст та ще в глибший підтекст!

Поети – бо справіку так ото заезопилось...

І ще одна присутня думка. Свобода – категорія не лише філософська, «прайдова», а й зіндивідуалізована (майже до фізіології) психологічна.

І ще. На теперішньому етапі над категорією переосмислення написаного верховенствує категорія зречення.

Покаяння втричі легше зречення. Але ж існує продовження! По собі суджу (річ ясна, без аналогій з іншими поетами). Ловлюся на бажанні кожну мою книжку переписати заново. І то б не склало особливих труднощів, а приневолення – поготів. Адже пам'ятаю, зором бачу, доторком пальців по типографських рядках – угадую здоровий задум речей, первісний, чистий (може, й рівний маненькому відкриттю). І куди це все ділося, на які пси перевелось? Сам винен, сам: дозволив насильство.

І чи не всі до єдиного твору були – в більшій чи меншій мірі – обстругані, спотворені, нівельовані.

Нечерди, якого знаю, в тих книжках немає. Все. Хрест! І досить.

*Серпень, 31, 1988*

Нічна вода у ставку чорна. Це в неї від Лети? Від осінніх узавтра-позавтра відльотів? Чи це в неї від моєї юності, що нічим не справдилась? А не знаю. Чорна. Як полірований граніт при місці врочистих поховань.

Мені треба сюди, в Ярешки, бо інакше затнусь! І то не – гаючись, і при першій же змозі. Одеса мене вбиває.

*Вересень, 1, 1988.*

Починається одеське життя.

Починається тим, що Ніна Григорівна\* позивається до суду (так вона сповістила, виллявши відро помиїв на мене, тещі) Аліменти!

Звідки в мене гроші? Мав би – дав би! Пишу, пишу, пишу. Платні – найменшої. Самі перспективи і грубі (в наявності) борги.

Суд? Нехай. Хоче виписати мене з моєї ж квартири? Хай. Але дай же мені спокій!

Не дасть. Сука, а не людина.

\* Нечерда Ніна Григорівна, перша дружина поета.





*Вересень, 5, 1988*

Зателефонувала Оріся\*: гроші коли? Робота в газеті – коли? Має голос, інтонацію – своєї матері.

Прикро мені: я ж так прагнув добрих з нею стосунків. Не судилося, видать! І хрест на всьому.

Письменникові не варто мати дітей, якщо він ще змолоду не стає на путь кон'юктури та благополуччя. Діти (а тим паче – покинуті) не прощають батькової неспроможності подолати нестатки.

*Вересень, 14, 1988*

Зранку бунт на кораблі продовжується. Власне, в стихійності вже простежується надемоційні вимоги: я ж бо вже ледар, що не дбає про поліпшення стану справ, а сплески мого трудового ентузіазму – спорадичні і ... вдавані, для бізиру.

Оцінка не нова. Крім: висновки, що до них дійшла моя дружина, дотично підживлювались усім довколишнім. Людьми ( подругами, що не мають фінансових утруднень), чутками про збагачення одеських торгашів, повсюдною дорожнечєю та глухою девальвацією карбованця.

Люха зранку стук-грюк, косметичний марафет і гей з пані Шупто-В'язовською в монастир. Там питна вода джерельна, там монахи. Так ото...

Не стану ж їй доводити, що працюю, що відпрацьовую подумки цілу книгу нову, що й сам перебуваю в кризовому стані духу ( побутовому), бо це нічому не зарадить, бо це (говорильня з приводу) нічого не змінить.

Зараз замовив Київ (Набоку). Хоч як не лежить душа (перегорів), а за сьогодні поклав собі зробити рецензію для газети. Сім'я хоче їсти. (А теща торжествує), в неї свято, Перша-друга-стонадцята Пречиста! Бо видить, що у нас з дружиною щось негаразд. Бо Люшка\*\* «в розтройстві», а теща, відтак з повним правом і підставою може поспівчувати безталанню доні.

Щойно розмовляв з Набокою. Безперечно одне: він сам (або в спілці з певними людьми) робить чи зробив усе можливе, аби міліцейське міністерство затримало рецензію й, отже, видавництво мало підстави не вносити мене до плану, не укладати зі мною договір, – не дати мені жить.

Де ж вихід, Господи?

\* Нечерда Оріся Борисівна, донька Б.А. Нечерди.

\*\* Данилова Ольга Євгенівна, друга дружина Б.А. Нечерди.



*Вересень, 15, 1988*

Ще одна душепастирська розмова. Цього разу з Гоцуленком: ті ж самі покиви на міністерство. Але «моїм хлопцям, і Павловському, роман сподобавсь».

Ну й?..

*Вересень, 17 (субота), 1988*

Читав Гоголя та Біблію.

*Вересень, 18, 1988*

Гоголь і Біблія. Знову.

Усе більше здогадуюся, чому наприкінці життя, за крок до прірви ( й божевілья в тому числі), за три кроки назад від товариства Микола Васильович поринув у релігію.

Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй (Еккл. 7.14)

*Вересень, 19, 1988.*

(Ніч)

Гадаю, що головна в «Терористах» помилка полягає в тому, що я надмірну увагу зосереджую на сальвадорському побуті, на дрібничках, деталях (одяг, страви, рослинність – усілякі там чапарро, погодні особливості, архітектура жител, будматеріал тощо); тоді як саме це і не повинне вирячуватися, привертати читацької уваги «з олівцем в руках» (аби підловити самовпевненого автора). Адже, як не крути, головне – характери, їхні зіткнення. Події – теж другорядне.

Дивно, як міг я з таким запізненням дійти до цієї рятівної істини...

Чим більше обмірковую доробку тер-стів, тим більше додається певності. Що того (варіантів), то цього («буде»).

*Вересень, 22, 1988*

Який встид, що не здужую працювати. Ні поеми, ні просто віршів, ані бодай – передрук рукопису для «Дніпра»...

*Жовтень, 13*

Лопнула ще одна мильна бульбашка: з СПУ люб'язно розтлумачили нашому відповідальному секретарю В. Рутковському (для передачі мені), що Нечерда не може розраховувати на одержання стипендії СП, оскільки він, Нечерда, у списку претендентів значиться сьомим, а Москва виділила (?) тих стипендій – 4.

Ясно.



«Дивує» інше. Президія СПУ затвердила мене претендентом на знущально-жебрацьку подачку ще навесні. Потому бамагу передала у Літфонд – «для виконання» якого не сталось – чомусь. Да-а-а...

Нині кажуть: Нечерда одержуватиме стипендію з липня 89.

Тобто – тоді, коли матиму договір з видавництвом і, таким чином, не матиму морального права та підстав отримувати стипендію.

Ось що мені, в зв'язку з цим, спало на думку.

Є певні сили, припустимо, що й організація, котрі поклали будь-що потримати мене на голодному пайку ще один рік, і подивитися, що з цього вийде і до чого вдалися.

На користь такого припущення: неприпустимо тривале не читання рукопису (майже 9 місяців) доблесними міліціантами, невнесення (і це попри звідюсюдних запевнень, що видавці знають і переконані в авторських спроможностях Нечерди) до плану на 90-й (хоча б!) рік; «хімія» зі стипендією; нарешті – перенесення строку виходу «Вибраного» з 89 на ...91-й.

Убити талант можна не лише тюрмою, кулею, а й приниженням, штучними нестатками, голодом і... розпадом сім'ї.

Розпаду не буде, тут їхній розрахунок невірний, голод, це буде, кредитори поїдом їстимуть, це буде, Н.Г. по судах затягає за аліментну річну заборгованість, і цього не минути.

Але не минути й іншого: я працюватиму й далі, вперто, точно, плідно і талановито, чорт забирай! Світ усіяких мерзотників – проти мене? Херня! – я проти усього світу: непереливки буде – йому, а не мені. Бо в мене тил надійний, Ольга, її любов, віра її, та й Валерка – за Урал мені править.

Отже віднині гірших і гірчих звісток очікувати вже не варт, їм нема відки взятися. Всі відра гівна на мене вилято. Втрусь і – до роботи.

Але ж і мобілізує воно все це, чорт!

*Жовтень, 17, 1988*

Такі дні стоять погодні, таке невблаганно прекрасне життя... Байдуже, що надголодь і що – голова їй паморочиться від гострого повітря, падолисту чи височенного неба, ходимо з Люшкою і мовчимо про наші негаразди. Щоправда, коли-небудь зверне вона на своє. Здаймо, мовляв, та здаймо, найдімо покупців! Ідеться про фамільне срібло та чи то тещино, чи то Люшиного (так і не збагну) золотого браслета з трьома діамантами.

Усе ще не здаюся, бо то останнє діло – спродуватися.

Теща перебуває в ейфорії жертвності, цвіте від можливості виказати готовність на самопожертву, і не нехтує найменшою нагодою, аби кольну-



ти, що саме «чорний день» і настав, що (коли зять – безпорадько) саме час рятувати доньку.

Що ж, вона має рацію, теща. Я не можу (і не міг, не зміг) принести щастя і достаток жодній із жінок, що вона свого часу ризикували покластися на мене. Не виняток і Люх. Мабуть, і їй не дам сповна хліба і до хліба.

Гидко, моторно з цього. Добре хоч осінь такою гарною видалась, справді – золота.

*Жовтень, 18, 1988*

Люша складає конспекта дитячої повісті. Задум – її. Щось на зразок Тома Сойера, в сучасному селі.

Розробляє епізоди, намислює пригоди, потроху вимальовується фабула. Я ж умисне – спостерігач, з боку, не сковую ініціативу. (До того ж – хай приловчується, звикає фантазувати).

Для початку непогано, а місцями навіть вправно. Головний недолік: через брак знання «технології», а надто газетярську скутість, Оля вибудовує сюжет поки що наївно. Проте до слушного часу вголос схвалюю те, що вона намислює. Все ж отака ідилія триватиме недовго. Узавтра-позавтра вкажу на ложні послання, штучності у фабулі тощо.

Втім одне вже сказав (досить обережно): чи не варто нам з тобою, Люх, відмовитися від сопливого в українській літературі мотиву, а саме: городяни, що з діда-прадіда селюки, з тих чи інших причин вертають у село? Розчахнула очиська, образилася (а чого ж ти, мовляв, досі не остеріг – я ж, мовляв, он уже скільки накатала в цьому традиційному руслі?!), потому схаменулась. Це в неї файно виходить – схаменутись, а водночас видати це за попуст моєму капризу чи просто послугу. Ну і?... – спитала. ...Відказую: розроби лінію нічного дельтапланериста з моторчиком. Щоночі над селом гур-гур, гур-гур... Такий собі Кирило-дурило, дід під 70, набуває льотної практики, при місячному світлі, без лихого ока гаїшників. Ну й таке інше, кажу, дофантазовуй, Люх! ... Для чого? – питає. Н-ну, кажу, Кирило – не дурило, Кирило на старості літ ухопився за примарну можливість зробитися «хазяїном», власною фермою марить, або ще чимось.

... А дельтоплан з моторчиком?! – не вгаває Люшка. Щоб, кажу, у Ставище на ярмарок поперед усіх (конкурентів) устигнути з полуницями чи ще з чимось. Сміється Люх – сподобалося!

... А ідейка – так собі дещиця. Проте нехай вправляється Люшка, це для неї – мовби гантельна гімнастика. Бачу: вона вже й так п'яніє від свободи – уявляти що лише заманеться. Вона, гадаю, почувується щасливою. Але, також гадаю, боїться того щастя розкутості.



Прийде час, ми з нею (спільно, на чистовик) віддрукуємо конспект і до Нового, дасть бог, року я стулю пристойну повістину для «Веселки». Скоріш за все цей «первый блин» присвою. Наступний, коли Люша упродовж складання конспекту розроблятиме не лише сюжет, але й характери тощо, коли писатиме розділ-другий (чи як там складеться) сама, титульним автором буде вона.

Отакі на сей день гаразди у нас, заробітчан. Змушені вдаватися до індустріального методу. То ж і фабрика по виготовленню... сімейний підряд... (ще як?!) у дії. Став до ладу наш трест. Люха, між іншим, уже не проти, щоб ми (чи – я, сам) робив за когось. Аби-но заробити хоч таким чином на прожиток.

Іноді жахаюся: а чи не розбещую Люшку, чи не розтління це, часом? А таки що схоже воно на розтління неповнолітніх.

Відмиємось? Може й ні. Але то все – до лампочки. Адже в такій країні, де бруд главенствує, де він незнищений, – наш з Ольгою «бруд» вибачний. Він просто дитячі забавки.

*Жовтень, 27*

... спало на думку: мій час – настане, не може не настати, проте це настання – віддалене, це так само безперечно, як безперечна моя генетична закодованість на ускладнення та невдачі.

Рідко кого з моїх сучасників супроводжує в житті такий ескорт злигоднів. Але схоже вони, хоч як це неприродно, живлять мої задуми. Як би там не було, написати ще встигну – багато. Маю про що. Знаю – як.

*Листопад, 10*

Третій день сніг. Іще ранній-преранній, бо кучми багатьох дерев навпроти, з балкона, ще густі, ще барвні: від жовтої до червоної гами. Вітер, однак, з півночі; з-посеред ясного загалом ранку, коли будинки справоруч вияскравлені з сірого в біле (а надто в біле – коли на тлі хмаровиння), таж поступово суне чорна по-літньому хмара й по кількох хвилинах усе довкола тьмяніє, робиться як при затемненні сонця, й ушкварює проріджений сніговий заряд. А перекотиться снігова хмара через голову будинка, на той бік – на південь, і знову правлять бал контрасти. Зелень, жовтінь, червінь, трохи – припозиченого сонця, і – сніг на вітях, що дивом не розтає, як то б годилося для числа й Одеси.

Маю кілька хвилин на нотатку про сніг, кілька, бо щойно перемовився телефоном з Ольгою, мушу незабаром зустрічати її по дорозі додому.

В редакційному кабінеті знову загострення, напад кашлю, горлова давлючка та інші прелесті.



Незмога мені більш.

Уночі читатиму Біблію.

Думка: справа не в обставинах, що складаються з явним ухилом на спротив – на гальмо, на заморожене вповільнення всіякого руху (навіть порухів душі), а справа, навпаки, полягає в тому, що тих обставин (кількісно) ще замало. Як складових одиниць. Для їх комбінації. Для знаходження не просто виходу з становища, а виходу – достойного, без оганьблення у власних очах.

...Колись давно, на початку семидесятих років, мене затримала міліція й зняла відбитки пальців. Була ніч, я був п'яний, вертався додому, когось, певно, шукали абощо, з кимось мене сплутали, турнули до машини, всіяко підсовували ломика, аби я помацав, я відмовився, ні, бити в машині (а потім і в кутузці) не били, проте пальчики взяли.

Так я «заграв на піаніні».

Для чого, кому це було потрібно? А-а, дурна пригода, випадок! (Чи передбачливий крок?.. Чий? Міліції – з «подачі» контори?)

Не суть важливо.

Так от. В дактилоскопічній картотеці країни до пори до часу зберігаються мої пальчата. Покаж до запитання (ясно – чийого, якого). То що – маю не дихати, маю не торкати нічого руками?! Животіти обачненько, передбачненько, як отой премудрий пескарь?

Це – щодо роздумувань про обставини, що складаються не так, як хотілося б

Штрих до роздумувань.

Самого (давнього) «піаніно» недостатньо для банку.

*Листопад, 12*

«...для банку звинувачень», – так мав би докінчити фразу. Або й ще крутіше – в конкретизні.

Бог з ним, гранням на «піаніні».

*Листопад, 15*

... сидів у нас Ш. Кректав, ляв себе за нездарність, я ж тим часом правив, переписував рядки його рукопису.

Роботи з книжкою Д.Ш. багато. Проте вона марносуша в принципі: переважає на більшість віршотворів і в задумі їх, а тим паче у виконанні, – непрофесійні, безживні, тупі до сказу! Тоді чому питається, узяв я на себе таку марудну роботу? А – жалько! В данному разі тут не чулисть, не чуйність, що походить на милосердя (як, наприклад, жаліють калічку), тут



інше щось... Принизливіше для тієї особи, котра – жаліє. Бо: такі «поези» (Шуптового рівня) друкуються на розхват, і будуть друкуватися, допоки віку, бо вони влаштовують катастрофічно низький, рабський рівень української літератури, тоді як самоистезатель Нечерда з його рівнем, із його думками – завчасний, узагалі передчасний, бо: маєтся в наличии обойма талановитих безперечно, але – ситих, «грайників» у геройство та ризик. Я їх не засуджую, однак і не заздрю їм: їхній ситості, їхньому хлібу й до хліба, бо: по-своєму вони нещасніші за мене попри їхню поважність і частодрок... Просто так складалися літературні долі.

Мій хрест: розмінюватися на дрібниці в ім'я чергового приробітку, сподіватися на примарне «краще» й лишити по смерті такий-сякий архів невидрукованого, котрим іще бозна-як зуміє розпорядитись Ольга Євгенівна Данилова (Нечерда).

Втім, і в такому христоношенії свої переваги є.

#### *Листопад, 17*

Запросив Олега Томашевського. Школа, відбув армію (де йому поні-вечило ліву руку, тим-то музикою займатися вже годі), нині працює в рекламному відділі філармонії, значачись, однак, робітником сцени. Поет. І то неабиякий! Я найшов його, готуючи для «ЗК» фейлетона про графоманів з пошти тої-таки «ЗК», і от він – мій гість.

Поет від бога, точніш – од Йосифа Бродського, трохи – раннього Сосяри та пізнішого Кушнера. На мою думку, втім, це доволі інтелігентне, без очевидного крадійства, наслідування триватиме не вельми довго. Бо – талант явний.

Що ж, треба допомогти. Вкотре – посприяти друкуванню в газетах, а може, й – виходу книжки. Підпирати здібних людей – моя давня традиція, що на тепер набула статусу суворого закону.

#### *Листопад, 20*

Люшка каже: на нас звалюється стільки дерьма зразу, що це вже не лякає, а лише викликає сміх!

Правда – напівістеричний, люба моя...

Я чомусь певен, що до кінця мого високого року на краще нічого не йти-ме, навпаки – долучаться нові відра помиїв. Помийний душ, ясна річ, освіжити не спроможен, але ж і куняти не дасть. Ото ж – лови мишей, Борю!

Миші, проте, «не ловляться», бо не лише писати, навіть думати скрутно від ідіотизму нашого побуту.



Завтра вдамся до чергової спроби під будь-які проценти позичити на рік-півтора хоча б тисячу крб. – 800-бо аліментний борг. Останній, молю бога, борг Н.Г.

Витанцьовується кілька сюжетів – додаткових (як лінії) до роману, або ж окремо – самостійних. Записую їх контурно, на випадкових папірцях, безсистемно. Гм... а от це вже нікуди не годиться! До чого ж я упослідився, господи: порушую одну з чільних заповідей – працювати чітко й акуратно.

А втім чого це я брешу самому собі?! Я ж мислю, конструюю в суті, – неохоче, без ніякого там «творчого піднесення»...

Натхнення – бо творчої особистості – не патякання про «божественне» в людині, а грубий результат свободи від почуття порожнього шлунка, свободи від передчуття чергового стресу та свободи від несвободи вибору.

Не надто вишукана фраза, проте вичерпна, як діагноз про смерть. (Чи діагностувати можна лише хворобу?).

Досить!

Мої скиглення вже й самим мною сприймаються не всерйоз. Вони стають пошлим комізмом, як, наприклад, бійка кремовими тортами в посередньому кінематографі.

*Листопад, 21*

Зараз ранок. Уночі молотив мокрий сніг, гілля пригнічене, яскраве листя беріз, що їх виглядаю з вікна щодень, уже, мабуть, не втримається по всьому. Який жаль, що й це – кінечне.

Рушаю на полювання за грішми.

Грішми не розжився. Зате з «Молоді» лист – шановний т. Нечерда й таке інше. Доволі офіційна бамага від Набоки, жорстенька: «чимало суттєвих зауважень та побажань, як у рецензента, так і в редакції».

Не дуже важко здогадатись, якої пісеньки на два голоси заспівають мені МВД і Набока!

Ну що ж, доведеться у вказаний строк (10-15 грудня) поїхати на цю «творчу розмову». А на які шиші?

*Січень, 19, 1989*

Тепер, по всьому, можу признатися собі: вірменський землетрус, трагедія цього нещасного народу вибила з колії, боюся – надовго...

На цьому тлі будь-які, будь-чий особисті негаразди втрачають смисл.

Увесь час мало писав. Писав погано. Писав не те. Мужність мислі не береться незвідки, тільки тому що вона (мужність) на цей час потрібна, навпаки – вона є логічним результатом попереднього життя. Всього.





Тим-то – ще нахлебчуся. Сам з собою.

А щодо запису до мого кондуїта, то за сорок з гаком деньочків нічого вартого на окреме згадування не сталося. Мов би і не жив.

*Лютий, 10*

Учора відніс до «Маяка» рукопис 2 арк. Цілком нові речі, редакторам не відомі, за винятком тих кількоро, що друкувались у журналах та в «Іскрі» оце.

За неповних десять днів якось пружно, запоем (як «Ладу» колись) закінчив Гадюку й Притулок, що не давались, а на додачу написав (загалом – понад 350 рядків) таких речей, що на їхню появу ще місяць тому і сподіватись не міг.

По-перше, «Трактат» дуже горесна, дуже особиста річ (цикл? поема? бозна-що).

По-друге (в ряду іншого): Біломорканал, Реконструкція хліборіза, Салант.

В них уже міститься дещо від мого задуму про книжку віршів Європи. А одна штука й самого вразила

Поки означився вищерб  
під пересварку газет,  
сонце підбилося вище  
лету відкритих гусей.  
Сонце підбилося вище,  
а на землі, як і перш:  
– вкрали картину да Вінчі...  
– поміж собою дівиці  
крутять любов, і не без...  
Лиш-но зі співом *allegro*  
картку-відстрочку та німб  
видали з «Атоменерго»  
матері вмерлій і мені.

Так от, рукопис вдався такий, що скільки б і що б із нього не вилучали, лишиться корінь. Бо корінь – чи не в кожному вірші. Адже я й над т.з. «старими» речами попрацював дай боже! Підсилив, загострив, вищирив (від – щирості, а не вищуру зубовного).

Одніс. Перемовився з видавцями. Директор мені й каже: будь у мене резерв паперу, я б тебе за місяць і видав; найди, каже, десь у кооператорів чи деінде 150 кг паперу, ми готові купити, – й видамо.



Ну Дмитро, ну Буханенко, ну комерсант!

Я й помислив собі: а чому і не спробувати? Тільки де шукати папір, як шукати «кінці», я ж – ані бум-бум!

*Березень, 5*

Треба пристати до котрогось берега. Вибір – штука все-таки переважно емоційна. Розум, світогляд, узагалі інтелект, – на жаль, підпорядковуються чуттям, навіть коли вони, чуття, суперечать інстинктові самозбереження.

Все воно так, не перечу, проте ж будь-яка ідея – не жінчина, щоб її любити.

Втім, щось подібне (твердження, мабуть, із іншого приводу) читав нещодавно десь.

А назагал усе це не завадить мені: приставати.

Шкода, що знову почуваюся зле, ті чи ті болячки доймають. А втім, то метеодні позначаються таким кандибобором на здоров'ї.

Писати не годен, та й не надто силкуюся.

Дзвонив Петро: буцім 9-го їдуть у Молдавію з приводу паперу. Як так – то й так. Мене це вже не дуже обходить. Буде – не буде папір, вийде – не вийде цього року збірка, – хрен з ним.

Є речі важливіші за добробут і навіть самозбереження (хай простить мені Люша й обидві дочки).

Шанс відродити себе у власних очах і здобутися на самоповагу. Більше ніколи судьба не надасть.

Кофе скінчився, чаєм утішусь і – спати, ніч-бо глупа.

Чого б ото нервувався? Ах, да! Жалкую: не зміг належно викінчити віршик про вагон-одчепленець. Відчепленець, одне слово, вагон.

Сміхота: приїхав з Москви Олег Томашевський, бачився там з Вознесенським, а бравий Андрій Андрійович у подив – як, хіба Нечерда – в Одесі?

В Одесі, братику! Куди йому до Києва... У провінціях: зогніє.

### Примітки

<sup>1</sup> Заярна Т. І. Останні вірші «Останньої книги» // Дом князя Гагарина. – Вып. 4. – Одесса, 2007. – С. 396-412.

<sup>2</sup> Заярна Т. І. «Хто хоче жити, не сміє займатися мистецтвом...» // Дом князя Гагарина – Вып. 5. – Одесса, 2009. – С. 298-427.

## **ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА ПО МУЗЕЮ**

*Опыт общения с дошкольными группами  
в пространстве музея*

**Д**ети – особая, пожалуй, самая сложная, самая требовательная, но вместе с тем и самая интересная категория музейных посетителей. Обычно, сочетая два этих слова: дети и музей, мы представляем себе группы школьников от первоклассников и старше. Но что, если существенно снизить возрастную рамку? Что, если музею доведется принять посетителей дошкольного возраста? Каким образом заинтересовать? Как преподнести материал?

Именно такие вопросы и поставила перед Одесским литературным музеем группа из двадцати пяти ребятишек от трех до пяти лет. О целесообразности и даже о необходимости столь ранних визитов в музей говорить, наверное, излишне. У детей-дошкольников чрезвычайно цепкая память и любознательный ум, им интересно и необходимо непрерывно познавать нечто новое. Чаще всего именно в детстве закладывается основной вектор развития человека, и музей может стать одним из элементов воспитания целостной гармоничной личности.

Итак, хоть мы и ответили на вопрос – зачем, но по-прежнему остается вопрос – как именно организовать подобные визиты.

### ***Играйте***

Для детей игра – это самый простой и убедительный способ познания мира. наших юных посетителей на пороге музея встретила перчаточная кукла «Волчок» – серенький волчок из колыбельных песен. К нему дети отнеслись с большим доверием, чем к незнакомому экскурсоводу. Время от времени, по ходу повествования то одна, то другая рука тянулись навстречу, желая погладить сказочного экскурсовода по макушке. «Волчок» нужен не только и не столько для того, чтобы было веселее. Ребенок населяет свой мир образами. «Волчок» – персонаж, который обитает в некоем универсальном, общем для всех детей пространстве. Сложно представить себе детство, в котором не было Бабы Яги, Жар-Птицы, Царевны-Лягушки и Волчонка из колыбельных песенок. Его и детством-то не назовешь. В нашей экскурсии Волчок стал связующим звеном между миром



детей и миром взрослого, который тоже ведь когда-то был ребенком. О том, что ход был выбран верно, свидетельствует сцена: после окончания экскурсии трехлетний экскурсант подошел ко мне и, начав было говорить, запнулся, попросил надеть на руку недавно снятого волчонка. Он продолжил свою речь лишь тогда, когда я выполнила просьбу. «Смотри, у меня все руки в чернилах», – сказал он, обращаясь к игрушке.

Это не единственный игровой элемент, который сопутствовал нашей экскурсии. Так, в одном из залов вместе с волчонком дети нашли книгу с пустыми страницами, из которой убежали все стихотворения. По просьбе волчонка наши маленькие экскурсанты искали их в залах музея на протяжении всей экскурсии, а найдя, просили сопровождающих группу взрослых зачитать найденное стихотворение вслух.

Вместе с маленькими посетителями мы рассматривали иллюстрированное издание «Царевны-Лягушки», угадывали название сказки, называли персонажей, пересказывали сюжет. А на странице, где герой узнает путь, следуя за волшебным клубком, нарисованная нить клубка продолжилась вполне настоящей, которая вела наших маленьких посетителей далее, в следующий зал музейной экспозиции. Дети заглядывали в окна изображенных на стене старинных одесских особняков и тут же находили шкатулку с дореволюционными фотографиями жителей этих самых особняков.

Но, если играя, вы сами чувствуете себя неорганично, неестественно, учтите, то же почувствуют и дети. Смущаетесь, прыгая на одной ножке, – лучше не прыгать. Невозможно описать то чувство стыда и неловкости, которое испытывает ребенок, глядя на кривляющегося рядом взрослого

### ***Не навязывайтесь***

Позвольте детям просто быть. Это вы уже привыкли к залам и интерьерам музея, а для ребенка, пришедшего сюда впервые, все здесь в новинку, все удивительно. Не торопите его. Делайте паузы, позволяющие детям оглядеться. В игре, которую вы предложили, у вас есть мощный союзник – окружающее детей совершенно особое пространство музея, то, с чем не столкнешься в повседневной жизни: огромные залы, которые отзываются на каждый звук, на каждое движение ребенка, большие окна, барельефы на стенах, старинная мебель. Есть предметы, сами по себе наполненные внутренним содержанием. «Вещи имеют память. Это как бы слова и записки, которые прошлое передает будущему, – пишет Ю.М. Лотман, – вещи властно диктуют жесты, стиль поведения и в конечном итоге психологическую установку своим обладателям».



В наши дни культура быта значительно оскудела, и полновесные по своему содержанию предметы встретить непросто. Дайте детям возможность побыть один на один с такими предметами хотя бы в музее, они вполне способны самостоятельно понять, ощутить их.

Хорошо было бы по окончании экскурсии предложить детям игру в дом, пусть каждый ребенок попробует хотя бы несколько минут побыть в музее так, как будто бы это не музей, а дом, и он не гость в нем, а хозяин, кто-то, обитающий тут постоянно. Кто именно: домовый, маленький мальчик, живущий здесь с мамой и папой, неизвестный зверек – пусть каждый ребенок придумает сам. Не просите детей рассказать, что именно они представляли, во что играли. Впоследствии, уже покинув музей, они смогут вернуться к своим впечатлениям, «допережить» и домыслить их. А ведь согласитесь, это и есть основная цель нашего мероприятия.

Нельзя считать экскурсию успешной только потому, что дети, проведя в музее тридцать-сорок минут, не успели соскучиться и ничего при этом не поломали. Это, конечно, неплохо, но для чего тогда нужен музей? Они могли бы замечательно провести время на улице, в театре, дома – где угодно. Наша же задача сделать так, чтобы экскурсия каким-либо образом зацепилась в памяти, в сознании ребенка. В Китае есть игрушка: маленькие разноцветные шарики, которые, оказавшись в воде, расцветают причудливыми узорами. Дети подолгу разглядывают их, надевая увиденное все новым и новым смыслом. Было бы хорошо, если бы во время визита в музей вы попытались создать для каждого ребенка нечто подобное этой китайской игрушке.

### ***Чем проще, тем лучше***

Ваша речь должна быть простой и внятной. Я ни в коем случае не призываю обеднять язык, на котором вы говорите с детьми. Есть простой способ не запутать экскурсантов в витиеватых оборотах собственной мысли: произнеся каждое слово, четко представлять себе предмет, который это слово обозначает. Произнося «яблоко», попытайтесь максимально конкретно воспроизвести образ этого самого яблока внутри себя. Это сложно, но необходимо, если вместо яблока вы видели некую сумбурную мешанину, без смысловых границ и полей, так же сумбурно вы будете поняты слушающим, вне зависимости от того, ребенок это или взрослый человек. Безусловно, можно даже в экскурсии для дошкольных групп использовать абстрактные термины наряду с конкретными, но при этом желательно понимать, что именно для вас самих они означают.



### **Музейный экспонат. Руками не трогать?**

Большую часть информации об окружающем мире дети получают посредством прикосновений. Учеными доказано, что уровень интеллектуального развития находится в прямой зависимости от степени сформированности движений пальцев рук. Зная об этой особенности, педагоги разрабатывают огромное количество игр, направленных на развитие мелкой моторики, а вместе с тем, и на развитие мышления.

Знали о ней и в народе, отсюда всем известная еще с детства сказка про сороку-ворону, потешка про козу-дерезу и многие другие. Часто можно увидеть, как, пытаясь оформить сложную для него мысль, ребенок помогает себе ручками, как бы «вылепляя» нужную фразу из воздуха. Вещь, увиденную глазами, можно и не увидеть, но то, что побывало в руках, уж наверняка задержит на себе ваше внимание.

Конечно, мы не можем позволить маленьким экскурсантам трогать ручками предметы из экспозиции, основная цель музея все-таки сохранять вверенные ему экспонаты. Но почему бы не прикоснуться к холодной мраморной лестнице музейного вестибюля? А «Справочник ветеринарного врача за 1870 год» вряд ли что-либо расскажет о литературном процессе конца девятнадцатого века, и посему вряд ли окажется когда-нибудь под стеклом в экспозиции Литературного музея. Но нам, взрослым, трудно даже представить себе, сколько информации несет в себе эта книга для ребенка просто как предмет, как вещь сама по себе. Тут и то, как пахнут страницы, почему пожелтели, и то, как они обветшали, и множество других нюансов, которые взрослому зачастую даже в голову не придут.

Вы можете сколько угодно рассуждать о бережном отношении к книге, но если вы просто дали ребенку поддержать в руках очень-очень старую книгу, она сама расскажет ему об этом гораздо лучше вас. Возможно, такой визит в музей оставит по себе не только воспоминания о старинных предметах, собранных в музее, но и научит ребенка более вдумчиво и сосредоточенно относиться к вещи рядом с собой.

### **Игра должна быть совместной**

Позволяйте детям менять ее по своему желанию и усмотрению. Хорошо продумать основной костяк экскурсии и вариативные элементы, которые могут заменять друг друга. То, что имеет четкие границы, хронометраж, заранее заданные рамки, от которых нельзя отступить – уже не игра. Будьте готовы к тому, что все пойдет совершенно не так, как было задумано изначально. Главное, чтобы всем участникам игры она была интересна.



## **Игра должна быть по правилам**

Желательно озвучить их сразу, ведь дети, скорее всего, оказались здесь впервые. Вполне естественно, что многие из них не знают, что здесь можно делать, а чего нельзя, и это – ваша задача сообщить об этом заранее. Прежде чем заговорить непосредственно о музейной экспозиции, вы можете объяснить детям основные законы пространства, в котором они очутились, принципы, на которых построена музейная жизнь. Рассказать, почему та или иная вещь оказывается в музее, для чего в каждом зале есть смотритель и в чем заключается его работа. Таким образом, вы не просто навязываете детям непонятные для них правила, но сразу объясняете их необходимость. Впрочем, учитывая возрастные особенности посетителей, нужно быть готовым к тому, что простого озвучивания довольно нехитрых музейных правил (не шуметь, не шалить, не портить предметы), может оказаться недостаточно для их соблюдения. Постарайтесь сделать так, чтобы они тоже стали частью игры.

Так, мы обратили внимание детей на то, что здание, в котором расположен Литературный музей, было построено полтора века назад, что в стенах этого здания происходили когда-то настоящие балы, и предложили детям представить себя посетителями такого бала. Мы старались не задерживаться подолгу в одном и том же зале, помня о возрастных особенностях наших маленьких посетителей, переключать их внимание с одного предмета на другой, чтобы никто из них не успел соскучиться.

Давным-давно уже доказано, что обучение – процесс взаимообогащающий. Он возможен лишь при условии, что не только учитель учит своих учеников, но и ученики – учителя.

Казалось бы, что нового можно найти в ставшей уже привычной музейной экспозиции? Однако же визит наших маленьких экскурсантов не только взбудоражил и переполошил музей, не только открыл перед нами новые направления музейной работы, он научил нас, взрослых, совсем иному отношению к окружающему нас миру вещей, позволил наделить новым неожиданным смыслом привычные предметы.

## **Литература**

1. Головина М.Ф. и др. Детский сад, живущий жизнью детей, или Опыты переходов за границы известного. – Санкт-Петербург: Образовательные проекты, 2013.
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – М.: Искусство, 1994.



## КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

**Бинеш Софи** – переводчик, издатель. Лауреат премии «Руссофония» за перевод «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка (2010) и премии «Даура Батайон» за перевод «Собрания сочинений» И. Бабея (2012).

**Водяная Виктория Викторовна** – научный сотрудник ОЛМ. Сотрудник музея с 2008 г.

**Голубовский Евгений Михайлович** (р. 1936) – журналист, краевед, библиофил. Печатается с 1960 г. Автор книг и статей по литературной и художественной жизни Одессы XX в. Автор книги о современном искусстве Одессы «Смутная алчба», 2010. Составитель библиофильской серии книг одесских поэтов начала XX в.

**Закипная Галина Владимировна** – ведущий специалист ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. и украинской литературе XIX в. Сотрудник музея с 1978 г.

**Заярная Татьяна Ивановна** – заведующая отделом научно-просветительской и культурно-массовой работы ОЛМ, автор статей о литературной жизни Одессы и украинской литературе второй половины XX в. Сотрудник музея с 1978 г. Одна из создателей экспозиции филиалов ОЛМ – музея Х. Ботева в селе Задунавка (2008), музея С. Олейника в с. Левадовка (2008)

**Ергеева Екатерина Игоревна** – старший научный сотрудник ОЛМ, автор статей по философии и теории культуры, истории Одессы середины XIX в. Сотрудник музея с 2009 г.

**Ильф Александра Ильинична** (1935-2013) – дочь Ильи Ильфа, переводчик, редактор, составитель собрания сочинений И. Ильфа и Е. Петрова (издательство «Текст», 2000-2010)

**Кислова Мария Александровна** – старший научный сотрудник ОЛМ, автор статей о литературной жизни Одессы. Сотрудник музея с 2008 г.

**Козаченко Оксана Николаевна** – младший научный сотрудник ОЛМ, автор статей о литературной жизни Одессы и украинской литературе XIX в. Сотрудник музея с 2009 г.

**Кущенко Ольга Константиновна** – старший научный сотрудник ОЛМ, автор публикаций об одесском периоде жизни и творчества А.С. Пушкина. Сотрудник музея с 1978 г.





**Левченко Валерий Валерьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета.

**Левченко Галина Сергеевна** – старший преподаватель кафедры истории Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

**Липтуга Татьяна Ивановна** – директор ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы 1920-1970-х гг. Сотрудник музея с 1978 г.

**Мельниченко Лилия Алексеевна** – заведующая мемориальным музеем К.Г. Паустовского, автор публикаций о литературной жизни Одессы 1940-1980-х гг. Сотрудник музея с 1984 г. Создатель экспозиции филиала ОЛМ – музея С. Олейника в с. Левадовка (2008).

**Одесский Михаил Павлович** (р. 1961) – доктор филологических наук, профессор РГГУ. В 2012–2014 гг. приглашенный профессор в Трирском университете (Германия). Автор книг и монографий о советской литературе и культуре, исторической поэтике, теории и истории драмы. Подготовил к печати полные варианты романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» (1997, 2000 – совместно с Д.М. Фельдманом).

**Пиль Майя Ивановна** – учитель-методист русского языка и литературы

**Рымарь Наталья Николаевна** – ведущий специалист ОЛМ, автор статей о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. и истории польской диаспоры. Сотрудник музея с 1986 г.

**Семькина Галина Георгиевна** – заведующая научно-экспозиционным отделом ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. Сотрудник музея с 1978 г.

**Хоменко Екатерина Сергеевна** – младший научный сотрудник ОЛМ, автор статей о литературной жизни Одессы и украинской литературе XIX-XX в. Сотрудник музея с 2014 г.

**Яворская Алена Леонидовна** – заместитель директора ОЛМ по научной работе, автор книг и статей об одесской литературной школе 1920-х гг. и украинской литературе 1920-х гг. Сотрудник музея с 1984 г.



## ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ и при участии музея

*Одесский государственный литературный музей: Путеводитель.* – Одесса: Маяк, 1986. – 144 с.: ил. – Тираж 50000 экз.

*Атлас Доротея.* Старая Одесса, ее друзья и недруги / Сост. Л.В. Майборода, Г.В. Закипная; коммент. Г.Г. Семькиной. – М.: Ласми, 1992. – 208 с.: ил. – Тираж 30 000 экз.

*Книжковй обкладинки художника Михайла Жука:* Кат. вист. / Упоряд. О. Лагутенко, С. Лущик. – Одесса: ОДЛМ, 1995. – 56 с.: ил. – Тираж 100 прим.

*Дом князя Гагарина:* Сб. ст. и публ. – Вып. 1. – Одесса: Афина, 1997. – 240 с.: ил. – Тираж не указан.

*Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину* / Сост. А. Яворская, Л. Алескерова. – Одесса: ОКФА, 1998. – 160 с.: ил. – Тираж 1000.

*Крандиевская-Толстая Наталия. Свет уединенный* / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Друк, 1999. – 96 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с *Всемирным клубом одесситов.*

*Одесса – Константину Паустовскому:* Библиогр. указатель. – Вып. 1 (1993-1999 гг.) / Сост. С.К. Кузнецова. – Одесса, 1999. – 45 с. – Тираж не указан.

*Одесса – А. Пушкину: 200-летию А.С. Пушкина посвящается:* Сб. ст. / Сост. Р.И. Бродавко. – Одесса: Принт Мастер, 1999. – 160 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

*Инбер Вера. Цветы на асфальте* / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Друк, 2000. – 92 с.: ил. – Тираж 150 экз. – Совм. с *Всемирным клубом одесситов.*

*Фиолетов Анатолий. О лошадях простого звания* / Сост. Е. Голубовский. – Одесса: Друк, 2000. – 96 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с *Всемирным клубом одесситов.*

*Дом князя Гагарина:* Сб. ст. и публ. – Вып. 2. – Одесса: Друк, 2001. – 336 с.: ил. – Тираж 700 экз.

*Где обрывается Россия...* / Сост. А. Таубеншлак, А. Яворская. – Одесса: Optimum, 2002. – 492 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с *обществом «Мемориал».*

*Рассказы о музее:* Сб. очерков. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2002. – 200 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

*Ильф Илья. Путешествие в Одессу* / Сост. А.И. Ильф; коммент. А.И. Ильф, А.Л. Яворской, Р. Александрова. – Одесса: Optimum, 2002. – 206 с.: ил. – Тираж 300 экз.

*Путешествие в Одессу:* Ильф А.И. Илья Ильф в Одессе. 1897-1922; Ильф Илья. Рассказы и фельетоны / Сост. А.И. Ильф. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2004. – 368 с.: ил. – Тираж 2000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Бабаджан Вениамин. Из творческого наследия:* В 2 т. / Сост. С.З. Лущик, А.Л. Яворская. – Одесса: Optimum, 2004. – 584 с.: ил. – Тираж 300 экз.

*Фоогд-Стоянова Т. Вспоминая Владимира Алексеевича Пяста* / Пяст В. Девятнадцать писем / Сост. А. Полторацкая, Е. Мальцева. – Одесса: Друк, 2004. – 120 с.: ил. – Тираж 300 экз.

*Дом князя Гагарина:* Сб. ст. и публ. – Вып. 3. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2004. – Ч. 1. – 264 с.: ил.; Ч. 2. – 368 с.: ил. – Тираж 1000 экз.



Каракина Е., Самойлова Т., Ищенко А. Прогулка по Одессе: Путеводитель. – Киев: Балтия-Друк, 2004. – 144 с.: ил.

Славетний друкар Одеси: Каталог українських видань одеського видавця Є.І. Фесенка / Уклад. Г. Закіпна, Т. Максим'юк. – Одеса: КП «Одеська міська друкарня», 2005. – 48 с.: ил. – Тираж 500 прим.

Паустовский К. Поручик Лермонтов: Пьеса: К 190-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Одесса: Полис, 2004. – 72 с. – Тираж 100 экз.

Каракина Е., Мисюк А., Розенбойм А. Путеводитель по еврейской Одессе. – Одесса: Мигдаль, 2006. – 88 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Каракина Е. По следам Юго-Запада. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2006. – 236 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Одесская старина: Очерки одесских краеведов XIX века / Сост. Т. Щурова, А. Яворская. – Одесса: Optimum, 2006. – 232 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Вигель Ф. Записки / Сост. А. Полторацкая. – Одесса: Optimum, 2006. – 176 с.: ил. – Тираж 500 экз.

«Свою Україну любіть»: Каталог Шевченкініани / Упоряд.: Г. Закіпна, Л. Майборода. – К.: Мистецтво, 2004. – 52 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Яворская А. Забытые и знаменитые. – Одесса: Optimum, 2006. – 236 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Музейщики смеются: К тридцатилетию Одесского литературного музея / Сост. Л. Алескерова, Т. Липтуга. – Одесса: Зодиак, 2007. – 224 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Кирсанов до Кирсанова / Сост. А. Яворская, Е. Голубовский. – Одесса: Зодиак, 2007. – 176 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с Всемирным клубом одесситов.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 4. – Одесса: Морьяк, 2007. – 416 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Яворская А. Осколки. – Одесса: Optimum, 2008. – 182 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Фазини: 1893-1944 / Сост. А. Ильф; Авт. ст.: А. Ильф, И. Кричевский, А. Яворская. – Москва: РепроЦЕНТР М, 2008. – 280 с.: ил. – Тираж 350 экз.

Семейный альбом одесского издателя Е.И. Фесенко / Сост. Г.В. Закипная, Л.В. Майборода. – Одесса: Городская типография, 2008. – 316 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Каракина Е. Гуляем по Одессе. – Одесса: Optimum, 2009. – 318 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 5. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2009. – 416 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках письмах / Авт. проекта В.Ю. Крук; сост. и авт. комм.: А.И. Божко, Г.В. Закипная, Л.А. Мельниченко, Г.Г. Семькина. – Одесса; М.: Локид Премиум; Локид Пресс, 2009. – 598 стр.: илл. – Тираж не указан.

Гехт С. Избранное: Стихотворения, проза, воспоминания / Сост. А.Л. Яворская – Одесса: Optimum, 2010. – 432 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Мисюк А. Куда бы вас послал классик. – Одесса: Мигдаль, 2010. – 295 с. – Тираж 600 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 6. – Одесса: Сімекс-Принт, 2011. – Ч. 1. – 424 с.: ил.; Ч. 2. – 392 с.: ил. – Тираж 500 экз.



Шишова З. Сильнее любви и смерти: Стихи, воспоминания, письма / Сост. Д. Лосев, вступ. статья, коммент.: А.Л. Яворская. – Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2011. – 304 с.: ил. – Тираж 800 экз.

Возвращение авангарда: Материалы международной научной конференции (1–4 июня 2004, Одесса) / Сост. А.Е. Парнис, А.Л. Яворская – Одесса: Изд. центр Delux, – 2012. – 416 с.: ил. – Тираж 300 экз. – Совм. с фондом Харджиева-Чаги, Амстердам.

Рассказы о музее. – Часть II: Сб. очерков: К 35-летию Одесского литературного музея – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2012. – 288 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Паустовский К. Время больших ожиданий: Рассказы, дневники, письма. Серия «Одесская библиотека» / Сост., вступ. статья: А.Л. Яворская – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2012. – 486с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Под звездой Паустовского: Международная научно- практическая конференция, посвященная 70-й годовщине публикации повести К.Г. Паустовского «Черное море» (6-11 ноября 2006, Одесса). Первая международная конференция студентов «Паустовские чтения 2007», посвященная 115 годовщине со дня рождения К.Г. Паустовского (5-7 октября 2007, Одесса). – Одесса, 2012. – 192 с. – Тираж – 500 экз.

Кузнецова С. Константин Паустовский: Преображённые отражения. К 120-летию со дня рождения К.Г. Паустовского. – Одесса: Печатный дом, 2012. – 328 с. – Тираж 100 экз.

Одесса – Константину Паустовскому: Библиогр. указатель – Вып. 2 (1999-2012 гг.) / Сост. С.К. Кузнецова. – Одесса, 2012. – 128 с. – Тираж не указан.

Дорошевич В. Одесса, одесситы и одеситки: Фельетоны. Воспоминания о В.М. Дорошевиче. Серия «Одесская библиотека» / Сост. Е.М. Голубовский, Г.В. Закипная, вступ. статья: Г.В. Закипная. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2013. – 352 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Кесельман С. Стеклообразные сны: Стихи / Сост., авт. ст., комм.: С. З. Лущик, О.М. Барковская, Е.М. Голубовский, А.Л. Яворская. – Одесса: ВМВ, 2013. – 236 с., илл. – Тираж 150 номер. экз. Совм. с Всемирным клубом одесситов.

Каракина Е. Гуляем по Одессе: Путеводитель. Издание 2-е, испр. и дополн. – Одесса: Optimum, 2014. – 268 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Паустовський К. Тарас Шевченко: Біогр. повість / Перекл. з рос. В.Г. Піддубняка, літ. ред. С.К. Кузнецова. – Одеса: ТЕС, 2014. – 96 с.: іл. – Тираж 350 прим.

Паустовський К. Тарас Шевченко: Біогр. повість. Вид. 2-е / Перекл. з рос. В.Г. Піддубняка, літ. ред. С.К. Кузнецова. – Одеса: ВМВ, 2014. – 96 с.: іл. Тираж 1000 прим.

Липа І. Юрасів сад: Из авторської серії «Казки про волю»: Присв. 25 річниці Незалежності України, 110-літньому ювілею одеської Просвіти / Ред.: Г. Закипна, В. Закипний, Г. Фоменко. – Тирасполь, 2015. – 16 стор.: іл.

Липа І. Юрасів сад: [Зб. казок]: Присв. 25 річниці Незалежності України / Ред. кол.: Г. Закипна та інш. – Одеса, 2015. – 16 стор.: іл.

Паустовский К.Г. Драгоценная пыль: Повести и рассказы / на русском, украинском и английском языках / вступ. ст. В. Дружинского, А. Яворской. – К.: Конформ Стайл, 2016. – 176 с.: илл. – Тираж 2000 экз.



Гехт С. Пароход идет в Яффу и обратно: Рассказы и повесть / Сост. и подготовка текста А. Яворской. – Москва: Книжники, 2016. – 400 с. – Тираж 500 экз.

Сам себе экскурсовод: Путеводитель по улицам Одессы / Сост. Б.А. Эйдельман. – Одесса: Optimum, 2016. – 235 с.: илл. – Тираж 1000 экз.

Одеса у слов'янських літературах: Студії / colloquia orientalia bialosjcensia/literatura/historia XXI. – Białystok-Odessa: wydawnictwo PRYWAT, 2016. – 1022 с. Тираж не указан.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 7. – Одесса: Бондаренко М.О., 2016. – 440 с.: ил. – Тираж 500 экз.

## Каталоги и буклеты

Сандро Фазини – к 110-летию со дня рождения: Кат. вист. / Одес. лит. музей, Гос. архив Одес. обл. / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2003. – 8 с.: ил. – Тираж 50 экз.

Василь Ковальчук (1945-2005). Живопис, графіка: Кат. вист. / До 30-річчя Одес. літ. музею / Упоряд.: Н. Кореновська, Л. Хивренко. – Одесса; Київ: Софія-А, 2007. – 56 с.: ілюстр. – Тираж 500 прим.

Художник и муза: живопись, графика, скульптура: Кат. вист. 6-25 марта [2008] / Сост. Н. Кореновская, Л. Хивренко. – Одесса, 2008. – 30 с.: илл. Тираж не указан.

Портрет семьи в интерьере: Долгая жизнь вещей в семье Ильфов: [Буклет выставки / Одес. лит. музей] / Сост. А.И. Ильф. Текст: А. Ильф, Е. Каракина. – [Одесса, 2010]. – 20 с.: ил. – [Тираж 100 экз.]

Эсфирь Серпионова: Арт-проект Слово: [Буклет выставки] / Одес. лит. музей, мемор. музей А.С. Пушкина] / Текст В. Мон. – Одесса, 2010. – 22 с.: ил. – Тираж не указан.

Всеволодность краси (до 130-річчя з дня народження художника і письменника М.І. Жука): Кат. вист. 3 грудня 2013-15 січня 2014. / Одеськ. літ. муз. / Упор. О. Яворська, К. Ергієва. – Одесса, 2013. – 24 с.: іл. – [100 прим.]

Одесский государственный литературный музей: [Буклет]. – Одесса: Облполиграф, 1986. – 10 с.: ил.

Музей К.Г. Паустовского: [Буклет]. – Одесса: Printфотосинтетика, 2000. – 6 с.: ил. На русск., англ.

Меморіальний музей С.І. Олійника: [Буклет] / [Упор. В. Ларькова]. – 6 стор.: ілл.

Музею Степана Олійника 20 років: [Буклет] / [Упор. В. Ларькова]. – Балта: ТОВ «Балтська друкарня» [2008]. – 6 стор.: ілл.

Одесский литературный музей: [Буклет]. – [2011]. – 8 с.: илл. На русск., англ.

Одесский литературный музей: Сад скульптур. [2012]. – 6 с., 14 открыток.

Тут Пушкин жил... : [Буклет мемор. музея А.С. Пушкина]. – [2014]. – 16 с.: ил. На русск., англ.



## Календари

*«Приятно ли жить в Одессе»:* Календарь на 2003-2004 год / Сост. Н. Рымарь. – Одесса, 2003. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Литературная Одесса:* Календарь на 2004-2005 год / Сост. Г. Закипная, Н. Рымарь. – Одесса, 2004. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Сад скульптур:* Календарь на 2005-2006 год / Сост. О. Губарь, Т. Липтуга. – Одесса, 2005. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Города-побратимы:* Календарь на 2006-2007 год / Сост. Л. Мельниченко. – Одесса, 2006. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Ланжероновская: История одной улицы:* Календарь на 2007-2008 год / Сост. Л. Майборода. – Одесса, 2007. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Ланжероновская: История одной улицы:* [Буклет] / Сост. Л. Майборода. – Одесса, 2007. – 16 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Улица Гоголя. История одной улицы:* Календарь на 2008-2009 год / Сост. Л. Хивренко. – Одесса, 2008. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Улица Гоголя: История одной улицы:* [Буклет] / Сост. Л. Хивренко, Н. Кореновская. – Одесса, 2008. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Херсонская: История одной улицы:* Календарь на 2009-2010 год / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2009. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*История улицы Херсонской: Приложение к Одесскому календарю 2009-2010* [Буклет] / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2009. – 36 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Маразлиевская: История одной улицы:* Календарь на 2010-2011 год / Сост. Т. Заярная. – Одесса, 2010. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*История улицы Маразлиевской: Приложение к Одесскому календарю 2010-2011:* [Буклет] / Сост. Т. Заярная. – Одесса, 2010. – 64 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Календарь на 2012. Бабель: «Как это делалось в Одессе».* – Совм. с GST.

*Ришельевская: История одной улицы:* Календарь на 2011-2012 год / Сост. Т. Рыбникова. – Одесса, 2011. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*История улицы Ришельевской: Приложение к Одесскому календарю 2011-2012:* [Буклет] / Сост. Т. Рыбникова. – Одесса, 2011. – 26 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

*Пушкинская: История одной улицы:* Календарь на 2012-2013 год / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2011. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».



*История улицы Пушкинской: Приложение к Одесскому календарю 2012-2013: [Буклет] / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2011. – 44 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

*Новосельского: История одной улицы: Календарь на 2013-2014 год / Сост. Е. Ергеева. – Одесса, 2012. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

*История улицы Новосельского: Приложение к Одесскому календарю 2013-2014: [Буклет] / Сост. Е. Ергеева. – Одесса, 2012. – 36 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

*Дерибасовская: История одной улицы: Календарь на 2014-2015 год / Сост. Е. Каракина. – Одесса, 2013. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

*История улицы Дерибасовской: Приложение к Одесскому календарю 2014-2015: [Буклет] / Сост. Е. Каракина. – Одесса, 2013. – 52 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

*Преображенская: История одной улицы: Календарь на 2015-2016 год / Сост. А. Яворская, М. Кислова. – Одесса, 2015. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

*История улицы Преображенской: Приложение к Одесскому календарю 2015-2016: [Буклет] / Сост. А. Яворская, М. Кислова. – Одесса, 2015. – 52 стр.: илл. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

*Екатерининская: История одной улицы: Календарь на 2016-2017 год / Сост. Н. Михайлова. – Одесса, 2016. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

*История улицы Екатерининской: Приложение к Одесскому календарю 2016-2017: [Буклет] / Сост. Н. Михайлова. – Одесса, 2016. – 52 стр.: илл. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

### **Одеський літературний музей:**

*вул. Ланжеронівська, 2, Одеса, 65026, Україна;*

*тел.: +38 (048) 722-00-02, 722-33-70;*

*тел./факс: +38 (048) 731-46-85, (048) 725-01-73*

*e-mail: [litmuseum.org@gmail.com](mailto:litmuseum.org@gmail.com)*

*[litmus.od@gmail.com](mailto:litmus.od@gmail.com)*

*<http://www/museum-literature.odessa.ua>*



## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

### А

А. – див. Андрієвський О.О.  
Абельсон И.О. 46  
Абольник Л.С. 45  
Август – см. Потоцкий А.  
Авербах Л.Л. 117  
Аверинцев С.С. 176  
Аверченко А.Т. 46, 75, 405  
Агрипина Иосифовна 274  
Айвазовский И.К. 10, 68, 71, 72,  
Айзман Д.Я. 46,75  
Акимов 67  
Александр 389  
Александр III, император 65  
Александр Львович 220, 257  
Александров Г.В. 228  
Александров Р. – см. Розенбойм А.Ю.  
Алексеев М.П. 12, 180, 182, 184, 187, 191,  
195, 196  
Алексеев-Попов В.С. 185,188  
Алескерова Л.Х. 458, 459  
Аммиан, Марцеллин 33  
Амфитеатров А.В. 46  
Андибер – див. Андрієвський О.О.  
Андріївська В. 15, 28, .  
Андрієвський О.О. (псевдоніми – Андибер,  
Андрієвський А., А., А. Т-ый 10, 15-29  
Андрухович Ю.І. 435  
Анненков Ю.П. 307  
Антипина З. С. 176  
Антонеску, Йон Виктор 361  
Ардов В.Е. 148, 160, 218, 258  
Ардова Н. 258  
Аренберг А.А. 46  
Арюпіна Л.В. 105  
Арриан, Флавий 33  
Асеев Н.Н. 106, 109, 117  
А. Т-ый – див. Андрієвський О.О.

Атлас Д. Г. 458  
Атила 410  
Ахматова А.А. 167, 311  
Ашешов Н. 10, 44, 46, 51, 52, 64, 82

### Б

Бабаджан В.С. 458  
Бабель Е.Б. 305  
Бабель И. Э. 6, 12, 127, 303, 269, 303-311,  
456, 462  
Бабель Н.И. 303, 305, 307  
Бабайцева З. А – см. Бориневич-Бабайце-  
ва З.А.  
Багрицкий Э.Г. 181  
Балабан Я.С. (Х.С.) 45, 46  
Бальмонт К.Д. 167  
Бандуренко Е.Ф. 185  
Баратынский Е.А. 193  
Барвінський В.Г. 18-21  
Барвінок Василь – див. Барвінський В.Г.  
Барковская О.М.(Барковська О.М.) 105,  
460  
Барладяну-Бирладник В. 93  
Баталья, Гвидо (Баталія Гвідо) 20, 22  
Бах, Иоганн Себастьян 117  
Бачей Т.И. 200  
Бачей Е.И. 200, 201, 282, 283, 285, 292, 296  
Бачей Н.И. 285, 292, 296  
Белоусов В.В. 179  
Бельский М.Р. 82  
Белый Андрей 167  
Белый В.А. 118  
Бердяев Н.А. 12, 313, 314, 320  
Берелович В. 309  
Берестинский М.И. 278, 281  
Берлин Б.М. 118  
Бернштейн С.С. 46





- Бернштейн Ф.Б. 46  
Бершадский В.А. 185  
Бетховен, Людвиг Ван 112, 114, 116  
Бинеш Софи 6, 12, 303, 456  
Биск А.А. 10, 79  
Бичер-Стоу, Гарриет 147  
Благой Д.Д. 180, 187, 190  
Блок А.А. 173, 184, 316, 329  
Блок, Адель 309  
Бобов 113  
Бобунов 269  
Богач Г.Ф. 180, 187, 191, 194-197  
Богуславский А.О. 168  
Божко А.И. 459  
Божко В. 178, 179  
Болдирева О. 16  
Бора, Уильям 261  
Борин А. 8  
Бориневич-Бабайцева З.А. 6, 12, 180, 182, 185, 186, 188-191, 195-197  
Боровой С.Я. 12, 180, 187, 188, 191  
Бородин А.П. 118  
Брамс, Иоганнес 113, 116  
Броверман I. 16  
Бродавко Р.И. 458  
Бродский Й. О. 447  
Броловский И.Р. 46  
Брыгин Н.А. 8  
Брюсов В.Я. 149, 167, 184  
Бузя Т. 423  
Булгаков М.А. 437  
Булгаков С.Н. (отец Сергей) 313, 314, 316, 320, 329  
Бунин И.А. 10, 12, 46, 78  
Бухарин Н.И. 143, 153  
Бурачек М.Г. 95, 98  
Бурбонский Хайме, принц 68  
Бузаненко Д. 450  
Бутич I.Л. 15
- В**
- Вагнер, Рихард 112, 114  
Вадон А.А. 303  
Вайскопф М.Я. 153, 160  
Валерка 443  
Валя – см. Катаев В.П.  
Валя 364, 388, 390  
Ваня 356, 423, 428  
Варнеке Б.В. 168, 178, 181, 182  
Василевский И.Ф. «Буква» 46  
Василевский И. «Не-Буква» 46  
Васьковский Е.В. 45, 46  
Василиса 225, 245  
Вейнберг П.И. 68  
Величко В. 98  
Венгеров С.А. 184, 196  
Вера Любомировна (Вера Л.) 361, 396  
Вербкин Д. 8  
Верди, Джузеппе 118  
Верещагин В.В. 68, 71, 72  
Вигель Ф.Ф. 459  
Видаль, Гастон 304  
Викторова Т. 329  
Вирга Н.Е. 276  
Висковский А.В. 327  
Витале 42  
Витлин П. 46  
Витте С. Ю. 68  
Витте София 75  
Власов А.А. 387  
Вова 356, 371, 403, 423, 428  
Вова Р.(Рустам.) 346, 401, 425  
Вова Св. – см. Свистунов В.  
Водяная В.В. 6, 14, 451, 456  
Вознесенский А.А. 450  
Вознесенский А.С. (Вознесенский Ал.) 46, 51  
Вознюк В.И. 417  
Володя – см. Гажий В.Т.  
Волочай М. 179



Вольпин М. Д. 218  
Волянська М. 92  
Вороний М. К. 84, 85, 92, 126, 127  
Воронцов М.С., граф 36, 41  
Вугман Я.Р. 46  
Вулих С. – см. Перлова С.

## Г

Гажий А. («Шура») 352, 353, 355, 358,  
365, 373, 384, 385, 405, 420, 421-423,  
425-433  
Гажий Б.В. 342, 343, 346- 350, 352, 354, 357-  
367, 369-381, 384-396, 398-410, 413- 415,  
417, 420-424, 426- 433  
Гажий В.Т. («Володя») 342, 347-353, 355-  
360, 362, 363, 367- 369, 372, 373, 378-383,  
388-391, 393, 394, 400-402, 404, 407-415,  
420, 424, 429, 430, 433  
Гажий Е. 13, 342, 343, 344, 345  
Гажий Н.Б. («Колюшка») 422, 423, 426,  
427-433  
Галяс А. В. 179  
Гамба, шевалье 35, 36  
Гагарин, князь 5, 42  
Гажий Е. 6, 342  
Гайдамака А.В. 8  
Гальперин 326  
Гаяна – см. Кузьмина-Караваева Г.Д.  
Геббельс, Йозеф 397  
Геккер Н.Л. 46  
Гельфандбейн Г.И. 127  
Георг V 264  
Геродот 33  
герцог Лоран – см. Абольник Л.  
Герцо-Виноградский П.Т. 45  
Гершензон М.О. 184  
Гехт С.Г. 459, 461  
Гиппиус З.Н. 311  
Гитлер, Адольф 337, 361, 368, 377, 384, 391,  
397  
Гладков Ф.Ф. 147  
Глазунов В.М. 417  
Глинка М.И. 112, 117  
Говоров А.С. 191-193, 196  
Гоголь М.В. 442  
Гольдендах О.Г. 46  
Гольденгорн Л.К. 45.  
Гольдберг И.Б. 133  
Гольдман Л.И. (Прокуроров) 46  
Гольдман Л. 420  
Гольдштейн Л.Г. 46  
Гольшев А.А. 8  
Головина М.Ф. 455  
Голубовский Е.М. 6, 11, 106, 456, 458, 459,  
460  
Гончар О.Т. 437  
Гончаров И.А. 73  
Гопп И. (Оська) 422  
Гордин Як. 45  
Горжалчинский А.Г. 20  
Горелик И.А. 46  
Городецкий С.М. 167  
Горохов С.Ф. 417  
Горький М. 307  
Гоцуленко В.М. 442  
Григ, Эдвард 115  
Гриневецкий С.Р. 2, 7, 10, 93  
Гриншпунг А.И. 186  
Гришин-Алмазов А.Н. 178  
Гроссман В.С. 311, 334-336, 437  
Гроссман Д. (Додик) 337, 338  
Гроссман Е.С. 334, 335  
Гроссман Л.П. 10, 46, 79, 187-189, 191, 196,  
197  
Гроссман М. (Маня) 337  
Гроссман С. (Сеня) 337  
Грот Н.Я. 45  
Грушевський М.С. 15  
Грюнзайд А.Л. («Саша») 218, 219, 227, 235,  
247, 249, 252, 256, 258, 281, 298, 301



- Грюнзайд Т.П. («мама») 218, 219, 227, 235, 247, 249, 252, 256, 258, 281, 286, 298, 301  
 Грюнзайд Л.И. («папа») 218, 219, 227, 235, 247, 249, 252, 256, 258  
 Грюнзайд-Катаева В.Л. (Валенька, Валюша, кисик, козанышка, дитеночек) 199, 202-212, 214-221, 224-227, 229, 231-233, 237-240, 242-246, 251, 253, 254, 256-258, 260, 262-265, 269-279, 282, 283, 285-288, 290-292, 294-298, 300-302, 331, 333, 335  
 Губарь О.И. 462, 462  
 Гумилев Н.С. 316  
 Гусак М.М. 46  
 Гусев М.М. (псевдоним «Слово-Глагол») 46  
 Гусев В.М. 277, 278, 296  
 Гуревич С.Д. (Муля). 262, 267

## Д

- Д-в. – див. Дементьев Е.  
 Давиденко 113, 115  
 Давыдов Д.В. 193  
 Давыдов Ю.Н. 176  
 Давыдов Я.П. 45  
 Давыдова М.С. 8  
 Данилова О.Е. (Люша, Люх, Ольга) 441, 443-445, 447, 450  
 Даргомыжский А.С. 112  
 Дашков 375  
 Дебюсси, Клод 113, 119  
 Деем Н. 425  
 Деем О. 425  
 Дементьев Е. 438  
 Демидов В.П. 45  
 Демосфен 33  
 Демьян Бедный – см. Е.А.Придворов  
 Дени, Лили 309  
 Дени, Морис 329  
 Денисов О.Н. 133

- Дерибас А.М. 5, 181, 182  
 Дерибас (де Рибас) О.М., адмирал 34  
 Дефо, Даниель 176  
 Джорджевич, Джордже 20  
 Дикий А.Д. 229, 237  
 Дион Хризостом 33  
 Добролюбов М. О. 22  
 Довженко А.П. 228  
 Долгорукий И.М., князь 30, 43  
 Долматовский Е.А. 299, 300  
 Дон Аминадо – см. Шполянский А.П.  
 Дорошевич В.М. 460  
 Дорошенко Д.І. 16  
 Достоевская А.Г. 68  
 Драгоманов М.П. 16  
 Драгомиров М.И. 68, 74  
 Дроздовский А.А. 13, 343  
 Дружинский В. 460  
 Дудинцев В.Д. 437  
 Дузь И.М. 188  
 Дукина Н.М. 141  
 Дунаевский И.О. 371  
 Дундер, Вацлав 21, 22  
 Дункан, Айседора 166, 167  
 Дюран, Еміль 23, 24, 29

## Е

- Е. Лунев – см. Хлебников В.В.  
 Евлогий, митрополит 316, 320  
 Ермолов А.С. 69  
 Ергеева Е.И. (Ергієва К.І.) 6, 12, 13, 312, 329, 456, 462  
 Есенин С.А. 6, 11, 161-179  
 Ефимов Б.Е. 210

## Є

- Єгунова-Щербина С. 15, 28.  
 Єфремов С.А. 143



## Ж

Жаботинский В.Е. 10, 46, 51, 81, 82, 312  
Жак Онкль – см. Соскин Я.Г.  
Жданов В.И. 417

Женя – см. Петров Е.  
Жид, Андре 309  
Жиле, Леон (отец Леон) 316  
Жорик – см. Олифренко Г.И.  
Жук В. 99  
Жук Г. 99  
Жук И.Г. 99, 100, 105  
Жук М.И. («Михайло», «Михась») 6, 10, 93,  
94-102, 105, 458, 461  
Жук П.Н. 105  
Жуйкова Р.Г. 196  
Жуковская М.М. 45

## З

Зайцева В.А. 314  
Зак С.С. 46  
Закіпний В.О. 460  
Закіпная Г.В. (Закіпна Г.В.) 2, 6, 10, 83,  
122, 458-460, 462  
Замятин Е.И. 143, 311  
Занд, Карл Людвиг 194  
Занчевский П. 185  
Засадкевич Н.А. 57  
Заярна Т.И. (Заярная Т.И.) 6, 14, 435, 450,  
456, 462  
Захарин 64  
Збандуто П.И. 186  
Звездич П.И. 46  
Зеленая Рина (Зеленая Е.В.) 298  
Зеленой П.А. 73  
Зелигер О.Д. 185  
Земечек М. 185  
Зильберштейн И.С. 184  
Злыгостева А.И. 45  
Зозуля Е.Д. 268

Зощенко М.М. 207, 269, 405  
Зуев 104  
Зубкова З.Г. 125, 126, 128

## И

И. Г-к (псевдоним) – корреспондент газеты  
«Одесские новости» 64  
Иванов В.В. 277, 278  
Иванов В.И. 316  
Иванова Евг. 82  
Издебский В.А. 78  
Измайлов Н.В. 180  
Ильин В.Н. 318  
Ильинский И.В. 228  
Ильф А. И. 6, 12, 159, 198, 199, 222, 224,  
226, 235, 239, 240, 242, 244, 245, 247, 248,  
252-254, 257, 261, 262, 268-270, 272, 282,  
302, 456, 458, 459, 461  
Ильф И.А. («Илья») 11, 12, 142-153, 157,  
159, 160-198, 199, 208, 210, 212, 213, 215,  
224-226, 228-230, 233, 235, 236, 239, 240,  
242, 244, 245, 247-249, 252-254, 256, 257,  
259-262, 264, 266, 268, 270, 302, 330, 458  
Ильф-Тарасенко М.Н. («Маруся») 199, 208,  
212, 213, 215, 216, 230, 235, 243, 245, 262-  
264, 269, 272, 275, 291, 292  
Инбер В.М. 458  
Инбер Н.О. 46  
Инбер О.А. 45, 46  
Инна, сестра Е. Гажий 353, 355, 357, 359,  
379, 380, 402, 425  
инокия Иоанна – см. Рейтлингер Ю.Н.  
Иоанн Кронштадтский 68  
Ипсиланти, Александр 194, 195  
Исаковский М.В. 364  
Исбах А.А. 299, 300  
Ищенко А. 459

## І

Ізбаш-Гоцкан Т.О. 178



Льницький О.Р. 128,141  
 Ісаєв Г.В. (Исаев Г.) 11, 122, 128, 140, 141

## Й

Йогансен М.Г. 131

## К

Кавеноки (Каун) 252  
 Казачкин Ю.П. 327  
 Казины, семья 275  
 Каллиона, сестра Е. Гажий 356, 423, 428  
 Калманин И. 424  
 Каманін І. 16  
 Каменский В.В. 167, 176  
 Камышников Л.М. 46  
 Кандинский В.В. 106  
 Каневський А. – див. Андрієвський О.О.  
 Канетти, Элиас 305  
 Канівець Ол. – див. Андрієвський О.О.  
 Кантакузины, князья 195  
 Кантор М.Л. 312, 329  
 Каракина Е.А. 459, 461, 463  
 Карл XII, король Швеции 33  
 Кармен Л. О. 46  
 Катаева А. (Муся) 201  
 Катаев В.П. («Валентин», «Валя», «Валю», «старик Саббакин») 201, 202, 212, 213, 218, 219, 228-229, 235, 245, 252, 257, 258, 269, 274, 290, 291, 298  
 Катаев Е.П. 282  
 Катаев И.Е. («Илюша») 199, 274, 275, 277, 281, 296-297, 301  
 Катаев П.В. («Пашка») 274  
 Катаев П.Е. («Петя», «Петушок») 199, 203, 207-218, 220, 222, 224-227, 230, 231, 234, 235, 237-240, 242-247, 250-254, 256-258, 262-265, 270, 271, 273-277, 281, 282, 284, 286-288, 290, 292, 294-301, 331, 333, 335

Катаева Э.Д. 257, 258  
 Катто, Жак 309  
 Качалов В.И. 172, 173  
 Качковский Кароль 37, 38, 39, 43  
 Кауфман А.Е. 45  
 Кашуба-Вольвач О. 93, 98  
 Квітка (Квітка-Оснoв'яненко) Г.Ф. 17  
 Кель 36  
 Кесельман С.И. 460  
 Кин В.П. 268  
 Кин Лея 268  
 Кинка С. 179  
 Кирпичников А.И. 45  
 Кирсанов В. (Вова) 275  
 Кирсанов С.И. («Сема») 107, 109-111, 120, 121, 237, 251, 277, 278, 298, 459  
 Кирсанова К. («Клава») 237, 258  
 Киселев П.Д., граф 189  
 Кислова М.А. 6, 10, 44, 456, 463  
 Клавоне С.С. 189  
 Клепинин Д.А. (отец Дмитрий) 324, 326,  
 Клименко О. 141  
 Ключев Н.А. 164, 177  
 Коберман Е.И. 46  
 Ковалев Ф. 67  
 Коваль М.В. 115  
 Ковальчук В.Т. 462  
 Козаченко О.М. (Козаченко О.Н.) 6, 9, 15, 456  
 Козачинский А.В. («Саша») 32, 218, 227, 252, 257, 263, 302  
 Козирод І.І. 93  
 Козьмин Б.П. 82  
 Кольцов М.Е. 210, 213, 215, 216, 218  
 Колюшка – см. Гажий Н.Б.  
 Коля – см. Маликов Н.  
 Комар Г. 98  
 Комаров Б.М. 10, 83, 86, 87, 92  
 Комаров М.Ф. 10, 28, 29, 83  
 Комарова Л.М. («Люба») 84  
 Комарова М.М. («Маргарита», «Рита») 10, 83-88



Комарова М.Ю. 86  
Комаровы, семья 10  
Кондратович, Людвик Владислав Франтишек -29  
Кондратьев А.К. 405  
Коненков С.Т. 167  
Конторович Л.А. 269, 270  
Кораб, Андре 325  
Кореновская Н.Г. (Кореновська Н.Г.) 461, 462  
Коротич В.О. 437  
Косенко П.И. 417  
Костанди К.К. 106  
Костомаров М.И. 27  
Котлерман З.А. 46  
Котляревский Н.А. 184  
Коханська І. 176  
Коцарев О. 141  
Коцюбинська І.М. 98  
Кошечкин С. П. 179  
Крандиевская-Толстая Н.В. 458  
Крашевский Юзеф Игнаци 6, 30, 31- 43  
Кривошеин И.А. 326  
Кринский М.М. 46  
Кричевский И.Г 459  
Крук В. Ю. 459  
Крупнов 268  
Кручных А.Е. 11, 106, 107, 109, 111, 120, 121, 167  
Крюков М. 100  
Крюкова М. (баба Марина) 100, 101  
Кузьмина-Караваева Г.Д. 319, 320, 322, 323, 325  
Кузнецова С.К. 458, 460  
Кузьмина-Караваева Е.Ю. (мать Мария, Скобцова) 6, 12, 312, 313-329  
Куперник Л.Н. 45  
Куприн А.И. 46, 64  
Куприянов Д.А. 417  
Куропаткин А.Н. 68  
Кусиков А.Б. 167  
Кустяев Є. 29

Куценко О.К. 6, 12, 198, 456  
Кушнер О.С. 447

## Л

Лавріненко Ю.А. 128,141  
Лагутенко О.А. 458  
Лазаревський М.М. 26  
Лазаревський О.М. 15  
Лазарович С. Б. («Тон») 46  
Лайонс, Юджин 228, 229  
Ланжерон А.Ф., граф 42  
Ларин Ю. (Лурье М.А.) 153, 155- 160  
Ларина А.М. 153  
Ларькова В.Ф. 461  
Лашковский А.М. 282  
Лебедев-Кумач В.И. 371  
Левентон В.Я. 46  
Левин Б.М. 256, 268, 273  
Левін М.М. 417  
Левченко В.В. 6, 11, 161, 177, 456  
Левченко Г.С. 6, 11, 161, 456  
Лейкин А. 8  
Ленин В.И. 166, 174  
Леонов О.И. 417  
Леонтий Исидорович – см. Грюнзайд Л.И.  
Леонтьев Н.С. 68  
Лепкий Б.С. 98  
Лернер Н.О. 12, 180, 182-184, 196  
Лермонтов М.Ю. 459  
Лерочка – см. Перлова В.И.  
Леся Українка 10, 83, 84, 98  
Ли Хун-Чанг (Ли Хунчжан) 68  
Линский М. С. 46  
Линцерн И.К. 46  
Липа І.Л. 460  
Липинская 368  
Липтуга Т.И. 2, 6, 14, 457, 459, 462  
Лисенко М.М. 98  
Лист, Ференц 116  
Литовский 228  
Лифшиц И.Л. 308



- ЛоЛо (псевдоним) корреспондент газеты  
 «Одесские новости» 80  
 Лоран Н.Е. 46
- Лосев Д. 460  
 Лотман Ю.М. 452, 455  
 Лохвицкая Н.А. 51  
 Лувель, Луи 194  
 Луначарский А.В. 166, 210  
 Лунев Е. – см. Хлебников В.  
 Лунц Л.Н. 311  
 Лурье Я. С. 149, 160  
 Лущик С. З. 10, 93, 98, 105, 458, 460  
 Любомирова В. 379  
 Люся – см. Олифренко Л.И.  
 Люся – см. Сухорукова Л.М.  
 Люша – див. Данилова О.Е.  
 Ляхов В.П. 67  
 Ляшкевич 269  
 Ляшко Н.Н. 147
- М**
- М.М. Л-й – див. Лазаревский М.М.  
 Мазепа И.С. 33  
 Майборода Л.В. 458, 459, 462  
 Майльстон (правильно Майлстоун, Луис)  
 252, 253  
 Маковский К.Е. 68  
 Максим'юк Т.І. 93, 105, 459  
 Маламут, Чарльз 228, 229, 268  
 Маликова 374, 381  
 Маликов Н. (Коля) 381  
 Маликов П. (Петя) 342, 381  
 Малинова Г.Л. 197  
 Малиновський Р.Я. 417  
 Маловичко О.К. (Маловичко А.К.) 129,  
 130, 141  
 Маловичко О.О. (Маловичко А.А.) 128,  
 129, 130, 141  
 Маловічко І.К. (Маловичко) 6, 11, 122-  
 134
- Мальро, Анри 307, 309  
 Мальцева Е.Б. 458  
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 45  
 Мандельштам О.Э. 309  
 Мандес, Катулл 61  
 Марат, Жан-Поль 194  
 Мариенгоф А.Б. 167  
 Мария 315  
 Мария Степановна 275  
 Марк Твен 237  
 Маркевич М.Л. 44  
 Маркович, Ирина 309  
 Маркс, Карл 153  
 Маргынова Д.В. 13, 344  
 Масанов И.Ф. 82  
 Масанов Ю.И. 82  
 Мать Мария (Скобцова) – см. Кузьмина-  
 Караваева Е.Ю  
 Матюшенко А.Н. 68  
 Мачерет А.В. 228  
 Маяковский В.В. 107, 160, 166, 167, 307  
 Мейербер, Джакомо 114  
 Мейлах Б.С. 180, 187  
 Мельниченко Л.А. 6, 13, 342, 456, 459,  
 462  
 Менделевич 298  
 Мендельсон, Людвиг 388  
 Мережковский Д.С. 313  
 Мехлис Л.З. 294  
 Милютин Д.А., граф 68, 74  
 Минаевы, семья 402  
 Минусчин, Мая 309  
 Мисюк А.А. 459  
 Миша – см. Хаскин М.  
 Михаил (Михай І), король 376, 388  
 Михайлів Ю. С. 94, 95, 97, 98  
 Михайличенко Я. 282  
 Михайлова Н.Е. 463  
 Міцкевич, Адам 24, 193  
 Мкртч-Хримян (Мкртчич Хримян) І,  
 паτριарх 68  
 Модзалевский Б.Л. 182, 184, 195, 196



Можаровский С.В. 45  
Мокевчук М.М. 417  
Мопассан Гюи де 304, 305  
Морган, Джон Пирпонт (младший) 261  
Морозов П.О. 184  
Мортук В. 29  
Мосолов А.В. 113  
Моцарт, Вольфганг Амадей 112, 114  
Мочульский Н.В. 312  
Мочульский К.В. 6, 12, 13, 312-314, 316, 319, 329  
Мунштейн А.Г. 46  
Маяковский В.В. 123, 146, 152  
Музичко О.С. 16  
Мусоргский М.П. 112, 115  
Муся – см. Катаева А.  
Мюссе Альфред де 61  
Мясковский Н.Я. 118

## Н

Н.Г. – див. Нечерда Н.Г.  
Набока 441, 448  
Надя – см. Рогинская Н.К.  
Наполеон Луи 68  
Направник Э.Ф. 68  
Настенька 347, 348, 350, 356, 363, 364, 367, 379, 399, 400, 403, 410, 416, 422, 423, 425, 428, 433  
Настюша – см. Скобцова А.Д.  
Натансон Я.Г. 45  
Недзведский А.В. 12, 180, 185-188  
Неделін М.І. 417  
Незнамов П.В. 109, 118  
Некрасов Н.А. 173  
Нелличка (Нелли) 351, 376, 382, 387  
Нечерда Б.А. 6, 13, 14, 435, 437, 441- 443, 447, 448  
Нечерда Н.Г. 440, 443, 448  
Нечерда О.Б. («Орися») 441  
Нечуй-Левицький І.С. 98  
Никитин 367  
Николай – см. Гажий Н.Б  
Николай I, император 71, 72  
Никулин Л.В. 303, 306  
Нилус П.А. 46  
Нина – см. Ардова Н.  
Нина Бр. 425  
Нина Ц. 423  
Ніна Григорівна – див. Нечерда Н.Н.  
Новакович, Стоян 20  
Новополин, корреспондент газеты «Одесские новости» 46  
Нюренберг А.М. 306

## О

Оболенский Л.Е. 45  
Обрист, Иоганн Георг 19  
Овсяннико-Куликовский Д.Н. 46, 51  
Огороднік В. 336  
Одесский М.П. 6, 11, 142, 159, 457  
Ожешко, Элиза 147  
Осман О.Э. 197  
Оксман Ю.Г. 12, 181, 182, 184, 187, 190, 195, 196  
О.Л. Д'Ор 46, 75  
Олеша Ю.К. («Юра») 107, 109-112, 114, 121, 212, 213, 218, 228  
Олифренко Г.И («Жорик») 349  
Олифренко И.Н. 347, 349  
Олифренко Л.И («Люся») 349  
Олійник С.І. 461  
Ольга, Оля, домработница Е. Петрова 225, 246, 286  
Ольшевец М.О. 169, 178, 179  
Ольга – див. Данилова О.С.  
Оранский В.А. 118  
Оржеховский А.В. 13, 344  
Орися – див. Нечерда О.Б.  
Орлова Л.П. 388  
Оршер О.Л. 45, 82  
Осипов И. – см. Абельсон И.О.  
Оскар 427





- Осоргин М.А. 311  
 Островская Н.К. 187, 188, 194, 196, 197  
 Островский Л. 46  
 отец Виктор Юрьев – см. Юрьев В.  
 отец Дмитрий – см. Клепинин Д.А.  
 отец Леон Жиле – см. Жиле, Леон  
 отец Сергей Булгаков – см. Булгаков С.Н.  
 отец Симеон 318
- П**
- Павловский 442  
 Панкеев К.М. 104  
 Парижанин, Морис 309  
 Парнис А.Е. 460  
 Пасечи И. 423, 426  
 Пастернак Б.Л. 107  
 Пастернак Л.О. 68  
 Паустовский К.Г. 192, 196, 304, 305, 310,  
 458, 460, 461  
 Пашко О.В. 171, 176, 178, 179  
 Первухин М.К. 46  
 Перлова В.И. («Лерочка») 13, 331, 333,  
 338, 340  
 Перлов И. («Саша») 6, 13, 330-333, 335,  
 336, 338, 339, 341  
 Перлова С. (Вулик С., «Мифочка») 6,  
 13, 331, 333, 335-339  
 Пестель П.И. 193  
 Петр, король сербский 68  
 Петров Е.П. (Катаев Е.П., «Женя», «хас-  
 бенд») 6, 12, 142-150, 152, 153, 157,  
 160, 199-204, 206-212, 214-220, 222-228,  
 231, 233, 235-240, 242-254, 256-259, 261-  
 266, 268-278, 281, 282, 286-288, 290-292,  
 294-301, 330, 331, 333, 335  
 Петровский О. 141  
 Петя – см. Маликов П.  
 Пилат (Пілат) 388, 436  
 Пиль М.И. 6, 11, 161, 456  
 Пильняк Б.А. 143, 311, 456  
 Пиленко С. Б. 315, 328  
 Пильский П.М. 46, 78, 312  
 Пирр, царь Эпира и Македонии 337  
 Пипін О.М. 27  
 Піддубняк В.Г. 460  
 Платон 113  
 Платонов А.П. 144, 159, 437  
 Плієв І.О. 417  
 Плоткин Г.Д. 331, 337  
 Подольские, семья 269  
 Половинкин Л.А. 113  
 Поторацкая А.Н. 12, 312, 458, 459  
 Полторацкий Н.А. 12, 312  
 Полторацкий О.І. 124, 129  
 Поляновский М.Л. 81, 82  
 Помпоний, Мела 33  
 Попандопуло А. С. 45  
 Попандопуло Е. 44  
 Попов Г.Н. 113  
 Попов 267  
 Попович Г. 427  
 Попович Н.К. 312  
 Потапенко И.Н. 46  
 Потоцкая С.С., графиня 189  
 Потоцкий А. 267  
 Потоцкий, Северин, граф 31, 32  
 Прив З.Н. 46  
 Е.А.Придворов 173  
 Пришвин М.М. 144, 159  
 Прокушев Ю.Л. 176  
 Пропп В.Я. 153, 159  
 Прудон, Пьер Жозеф 153  
 Птоломей 33, 34  
 Пьянов Ф.Т. 313, 320, 326, 327, 329  
 Пуччини, Джакомо 113, 114  
 Пушкин А.С. (Пушкін О.С) 12, 31, 173,  
 180-197, 419, 458, 461  
 Пшездецкий, Александр, граф 30, 43  
 Пыпин А.Н. 20  
 Пяст В.А. 458



**Р**

Радек, Карл 268  
Раевский Н.Н. 193  
Райкин Я.М. 46  
Райх З.Н. 175  
Рамбез I.M. 437  
Раухвергер М.Р. 256  
Рахумовский И. 68  
Рейно, Поль 325  
Рейтлингер Ю.Н. (инокиня Иоанна) 315, 329  
Рекрут Я. 197  
Релли 34  
Ремизов А.М. 307, 311  
Рендо, Теофраст 46  
Репин И.Е. 68, 95, 150,  
Римский-Корсаков Н.А. 68, 112, 115  
Ришелье де, герцог (Дюк) 36  
Ришмидинов – див. Барвінський В.Г.  
Рибаков А.Н. 437  
Робель, Леон 309  
Ровинский 267  
Рогачевский В.А. 46  
Рогинская Н.К. 272  
Родден Д. 162  
Рождественский З.П. 69  
Розанов Н.И. 176  
Розенбойм А.Ю. (псевдоним Ростислав Александров) 458, 459  
Розенштейн Н.И. 46  
Роман Павлович 219, 227, 244, 249, 252, 256  
Рославец Н.А. 114, 117  
Россини, Джоакино 114  
Ротов К.П. 208, 285, 286  
Рубанюк I.A. 417  
Рубинштейн А.Г. 10, 68, 70, 71, 388  
Русова С.Ф. 23  
Рустаковичи, семья 346, 423  
Рутківський В.Г 442  
Рыбалка И.К. 177

Рыбникова Т.Г. 6, 13, 330, 462  
Рымарь Н.Н. 6, 30, 456, 462  
Рысс П. 46  
Рядченко И.И. 188

**С**

Саббакин (Собакин) – см. Катаев В.П.  
Сабодан (митрополит Володимир) 18  
Савченко В.А. 178  
Сазонов 218  
Самойлов Н. 51  
Самойлова Т. 459  
Самокатов Н.В. 45  
Саша – см. Грюнзайд А.Л.  
Сашенька – см. Ильф А.И.  
Светлов М.А. 109, 117  
Свистунов В. 375, 422, 424-426  
Свифт, Джонатан 176  
Сельвинский И.Л. 109, 116  
Семенко Михайль (Семенко М.В.) 122, 123, 124, 125, 126  
Семькина Г.Г. 2, 457, 459  
Сенкевич Генрих 68  
Серпионова (Варшавская) Э.Н. 461  
Сербский Г.П. 12, 182, 184, 185, 187, 196, 197  
Сергей Ант. 348, 421- 423, 425, 426, 431  
Сережа 200, 202  
Сидикман Л.С. 46  
Сидикман Я.Д. 46  
Сизеневский 37  
Сикар, Карл (Шарль) 35, 194  
Сикар, Лаура 194  
Синклер, Уптон (правильно Синклер, Эптон Билл) 252  
Сидоренко К.Д. (дядя Костя) 89  
Сидоренко М.Д. (дядя Миша) 6, 10, 83, 84, 85-89, 90, 92  
Смирнов В.А. 197  
Скобцов Ю.Д. 313-315, 320, 322, 327, 328



Скобцова А.Д. (Настюша) 322  
 Скобцова Е.Ю. см. Кузьмина-Караваева Е.Ю.  
 Скорородов М.В. 176, 177  
 Скрыбин А.Н. 115  
 Славин Л.И. («Лева») 228

Слапак Я.Г. 46  
 Случевский В. 68  
 Смоленский Л.А. 89  
 Собаньская, Каролина 192, 193, 197  
 Собаньский, Феликс 193  
 Совинский, Леонард (Совінський, Леонард) 20, 22  
 Соколовский И.Л. («Седой») 46  
 Соколовский Л. 46  
 Соколовский Э.Л. 45  
 Соловьев-Андреевич Е.А. 46  
 Соскин Я. Г. (псевдонимы «Жан Онкль», «дядя Яша») 78  
 Соснов Я.Г. 46  
 Софья Борисовна – см. Пиленкой С.Б.  
 Софья Павловна 202, 278, 279, 301  
 Сосюра В.В. 419, 447  
 Ставров П.С. («Пира») 228  
 Сталин И.В.(Сталін Й.) 143, 144, 151, 160, 307, 370, 377, 383, 391, 418  
 Стамеров Д.В. 45  
 Станиславский К.К. 172  
 Станко В.Н. 178  
 старик Саббакин – см. Катаев В.П.  
 Старинкевич Л.И. 127  
 Старков А.П. 44, 45  
 Стахівська Ю. 141  
 Стесель А.М., барон 68, 69  
 Столяров Д.В. 45  
 Столяров Н.А. 160  
 Страбон 33, 34  
 Стурдза А.С. 33, 43  
 Стус В.С. 128  
 Субботин С.И. 177  
 Суварин, Борис 207

Судец В.О. 417  
 Сухих И. 309  
 Сухоруков А. (Толя) 333, 334  
 Сухоруков М. 330, 332-336  
 Сухорукова Л. (Люся) 333, 334  
 Сухорукова (Панчошенко) Н. В. 332-336  
 Сырокомля, Владислав – см. Кондратович, Людвик Владислав Франтишек

## Т

Тамара 358  
 Тамара Ч-кая 432  
 Танфильев Г.И. 92  
 Татьяна Петровна – см. Грюнзайд Т.П.  
 Таубеншлаг А.А. 458  
 Твардовский О.Т. 437  
 Тераун, Сесил 309  
 Толстиков П.Ф. 417  
 Толстая Т.В. 109, 117  
 Толстый Л.М. 24  
 Толстой А.Н. 82  
 Толя – см. Сухоруков А.  
 Томашевский О. 447, 450  
 Трецек Л.О. 46  
 Трон С.А. 268  
 Трубецкой Б.А. 180, 187  
 Трусов Ю.С. 185, 188  
 Тульчинский М.Г. 44.  
 Тункина И.В. 178  
 Тургенев І.С. 23, 24  
 Тхорук Р. 128  
 Тэффи – см. Лохвицкая Н.А.

## У

Уваров А.Г. 185  
 Урбану 368  
 Урусов С.Д., князь 69  
 Успенский Ф.Н. 45  
 Устинов Г.Ф. 170



Уткин И.П. 276  
Уточкин С. И. 46, 82

## Ф

Фазини Сандро (Файнзильберг А.А.)  
459, 461  
Файнзильберг М.Н. – см. Ильф-Тарасенко  
М.Н.  
Федотов Г.П. 313, 323  
Федоров А.М. 10, 46, 80  
Фельдман Д.М. 159, 160  
Фердинандов Б.А. 167  
Фесенко Е.И.(Фесенко Е.И.) 29, 459  
Филипчук В.С. 14  
Финн (Фин) К.Я. 266, 281  
Финн П.К. (Паша) 281, 281  
Фиолетов Анатолий – см. Шор Н.Б.  
Флит Б.Д. (псевдонимы «Незнакомец»,  
«Маллори») 46, 75,78  
Флобер, Гюстав 304, 305  
Фингерит Е.М. 177  
Фоменко Г. 460  
Фомина В.З. 45  
Фондаминский И.И. 323, 324, 326  
Фоогд-Стойнова Т.Ф. 458  
Форд, Генри 234  
Франко I.Я. 98  
Франс, Анатолий 344  
Француз, Карл-Еміль 24, 25  
Фрейденаберг М.Ф. 45  
Фризман Л. 197  
Фролов Э.Д. 178  
Фруг С.Г. 46

## Х

Хавинсон Я.С. 296, 297  
Хализев В. 176  
Хаскин М. (вариант – Хасин М.) 268, 271,  
272, 291

Хейфец И.М. 44, 45, 51  
Хивренко А. 8  
Хивренко Л.С. (Хівренко Л.С.) 461, 462  
Хлебников В.В. 106, 107, 109, 117  
Хлевнюк О.В. 144, 160  
Хмарський В.М. 15  
Хмельницкий И.А. 46  
Хоменко К.С. (Хоменко Е.С.) 6, 11, 122,  
457

## Ц

Цветасев В.Д. 417  
Цвиллинг М.Б. 46  
Цедербаум В.Н. 46  
Цензор Д.М. 51  
Ценовский («Диссонанс») 46  
Церер У.-М. 145, 160  
Цырлин С.М. 46  
Цявловская Т.Г. 180, 187, 191, 193, 194,  
196, 197  
Цявловский М.А. 182, 193

## Ч

Чайковский П.И. 10, 68, 73  
Чаянов А.В. 311  
Чемберджи Н.К. 115, 117, 119  
Чемберлен, Артур Невилл 119  
Черепанов М.С. 177  
Черепенников А. 44, 45  
Черкасов С. 197  
Черкес А.Л. 46  
Черниченко Ю.Д. 437  
Чижевская 352  
Чингисхан 410  
Читуленко А. 365, 378, 384, 400  
Членов 269  
Чуйков В.И. 416  
Чуковский Корней (Чуковский К.И.) 10,  
44, 46, 51, 81, 82, 312



Чухнин Г.Н. 68  
 Чюмина О.Н. 46

### Ш

Шаламов В.Т. 311  
 Шалата О.М. 176  
 Шапошников Б.М. 375  
 Швермен 100  
 Швермен С. 100  
 Шевельов С.С. 105  
 Шебалин В.Я. 118  
 Шевченко В.И. 417  
 Шевченко Т.Г. 6, 9, 10, 15-29, 95, 460  
 Шеремет М.И. 127  
 Шерр, Иоганн 19  
 Шершеневич В.Г. 167  
 Шестериков С. П. 182  
 Шиф И.И. 46  
 Шихматов 179  
 Шишова З.К. 460  
 Шкловский В.В. 297  
 Шкурупий Гео 125  
 Шлемин Г.Т. 417  
 Шнейдер И.М. 46  
 Шопен, Фредерик 113  
 Шор Н.Б. (Фиолетов Анатолий) 458  
 Шостакович Д.Д. 119  
 Шполянский А.Г.(«Ама») 46  
 Шполянский А.П. 312, 329  
 Штейн Н.Х. 133  
 Штерн С.Ф.(«Федорович») 46  
 Штрайх С.Я. 46  
 Шуберт, Франц 112, 114, 116  
 Шувалов П.А., граф 68, 74  
 Шуман, Роберт 112, 114, 116  
 Шумяцкий Б.З. 267  
 Шупто-В'язовська О. Г. (Шупта-В'язовська)  
 441  
 Шура 362, 364, 369, 379  
 Шура – см. Гажий А.

Шура Ч. – см. Читуленико А.  
 Шурик 423  
 Шустов Н. 46

### Щ

Щеглов Ю.К. 150, 160  
 Щурова Т.В. 82, 459

### Э

Эйдельман Б.А. 461  
 Эльзочка (Эльза) 364, 409  
 Эренбург И.Г. 215, 307-309, 334  
 Эренбург Л.М.(«Любовь Михайловна»)  
 215, 220, 244  
 Эренгаль, Алоиз фон 68  
 Эрлих А.И. 256, 273  
 Эрманс А.З. 44, 45, 51  
 Эстер – см. Катаева Э.Д.  
 Эткинд Е.Г. 311  
 Эфрос Н.Е. 46

### Ю

Юрьев 228, 235  
 Юрьев В. (отец Виктор) 318  
 Юсов Н.Г. 176, 177  
 Юхвид 331, 337  
 Юшкин Ю.Б. 176, 177  
 Юшкевич С.С. 78

### Я

Яновская Л.М. 144, 145, 147, 151, 156, 159,  
 160  
 Яворская А.Л. (Яворська О.Л., Явор-  
 ская Е.) 2, 6, 10, 12, 93, 98, 204-212,  
 214-218, 224, 226, 227, 229, 238, 275,  
 281, 282, 288, 291, 292, 294, 302, 335,  
 457-463,  
 Ясь О.В. 15



**A**

Altalena 46

**C**

Chevtchenko 23

**D**

Dunder Vacslav 18, 19, 21

Durand Emile 18, 19, 22

**E**

Eugène [Petrov] 218

**F**

Frantzoz, Karl-Emil 18, 19, 24

**H**

Hoffmann Richard 206

**J**

Jenia 266

**G**

Georg V King 264

**K**

Kraszewski Józef Ignacy 30

**Z**

Zehrer U-M. 160

**P**

Petrov Egene 208

Petrov Eugen 231

**S**

Scewczenko T.G. 19

Schewtschenko Taras 24

Sevcenko Taras 20

Szewczenko Taras 20

Stavrov Pericles 219

*Документально-наукове видання*

**ДІМ КНЯЗЯ ГАГАРІНА**

Збірник наукових статей і публікацій

*Випуск 8*

*Українською, російською мовами*

Відповідальний редактор

*Т. І. Ліптуга*

Упорядники

*О. Л. Яворська, Г. Г. Семикіна, Г. В. Закіпна*

Технічний редактор

*Н. С. Луцик*

---

Формат 60×84/16. Ум. друк. арк. 27,9.  
Наклад 300 прим. Зам. №

*Віддруковано з готового оригінал-макета*